

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

ТРУДЫ

214

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ

1887

Подъ редакціей графини Уваровой

Томъ II

МОСКВА

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа, Воздвиженка, Крестовоздвиж пер., д. Лиснера
1891

DK30

p. A7

v. 7, pl. 2

1887

Печатается на основании постановления Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Председатель Графиня Уварова.

Ф. А. А. А.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стран.</i>
<i>Киртичниковъ, А. И.</i> Новая византийская повѣсть въ древне-русской литературѣ.....	1
<i>Кочубинскій, А. А.</i> О русскомъ племени въ Дунайскомъ Залѣсѣ.....	9
<i>Веселовскій, Н. И.</i> Надгробный памятникъ Тимура въ Самаркандѣ.....	67
<i>Толстой, И. И., графъ.</i> Случай примѣненія византийской сфрагистики къ вопросу по русской нумизма- тикѣ; съ табл.....	73
<i>Маркевичъ, А. И.</i> Ярославскіе князья въ Московскомъ государствѣ.....	82
<i>Лихачевъ, А. О.</i> О нѣкоторыхъ археологическихъ находкахъ въ Казанской губерніи.....	109
„ Слѣды бронзового вѣка въ Казанской губерніи; съ табл.....	125
„ Драгоценный кладъ, найденный въ Казанской губ. въ 1882 г.; съ табл.....	169
<i>Отъ редакци.</i> Интересный древній рубль изъ коллекціи В. И. Заусайлова въ Казани.....	198
<i>Висноватовъ, П. А.</i> Тирсельскія раскопки.....	199
<i>Селивановъ, А. В.</i> Древности Старой Рязани; съ табл.....	208
<i>Барсовъ, Е. В.</i> Княжій городокъ на р. Шексѣ.....	218
<i>Соболевскій, А.</i> Кто былъ первый русскій библиографъ.....	218
<i>Прозоровскій, Д.</i> Всякокачн.....	220
<i>Износковъ, И. А.</i> О хорографическихъ мерянскихъ и черемисскихъ названіяхъ.....	228
„ Отвѣтъ на запросъ Рамзевича „Название рѣкъ въ Вологодской и Астраханской губ.“...	226
<i>Семеновъ, Т.</i> Къ вопросу о родствѣ и связи Меря съ Черемисами.....	228
<i>Графиня Уварова.</i> Областные музеи; съ табл.....	259
Прибавленіе къ статьѣ. Списокъ предметовъ древле-хранилища въ г. Архангельскѣ.....	285
„ Краткая опись древле-хранилища Св. Владимірскаго Братства.....	292
„ Списокъ вещей, рукописей и документовъ Орловской Архивной Коммиссіи...	298
„ Каталогъ Рязанскаго Музея.....	300
„ Списокъ предметовъ Симферопольскаго Музея при Таврической Архивной Коммиссіи.....	318
„ Туркестанскій Музей въ Ташкентѣ.....	321
„ Уфимскій Губернскій Музей.....	323
„ Самарскій Публичный Музей.....	—
„ Списокъ лицъ, имѣющихъ частныя коллекціи.....	324
<i>Лихачевъ, И. О.</i> Замѣчанія, вызванныя докладомъ гр. Уваровой.....	329
„ Объ устройствѣ провинціальныхъ музеевъ и основаніи Общества охраны національныхъ памятниковъ.....	337

Новая византийская повѣсть въ древне-русской литературѣ.

А. И. Юрпичникова.

Одесскому университету отъ известнаго слависта Григоровича, между прочими рукописями, достался одинъ небольшой сборникъ, писанный, повидимому, въ XVI или въ самомъ началѣ XVII в. (№ 38). Въ немъ среди разныхъ статей, преимущественно апокрифическихъ, собранныхъ, судя по языку, „отъ многихъ книгъ“, есть одна повѣсть, которой я не встрѣчалъ, сколько помнится, ни въ печати, ни въ рукописи. Вотъ ея полное заглавіе: „Слово ветхаго Алекса, како уби Сіона царя аморейска и Ога царя васаньскаго и дванадцать царей ханаскихъ“. Повѣсть рассказываетъ слѣдующее: Въ анатолійской землѣ на рѣкѣ Скамандрѣ былъ древній и великій городъ Традь (читай: Троядь). Въ немъ было 46 воротъ и изъ него выходило 70 знаменъ (стаговъ) войска. Могущественный царь этого города, по имени Аморь, въ одну ночь увидаль страшный сонъ: будто изъ утробы жены его вышелъ огонь, отъ котораго сгорѣлъ весь городъ. Когда черезъ нѣкоторое время послѣ того царица родила дѣвочку, — царь, предполагая, что отъ нея угрожаетъ городу гибель, заперъ ребенка въ башню (въ столпъ, сказано въ подлинникѣ) и приставилъ къ ней трехъ *нѣмыхъ* женщинъ на служеніе (чтобы она не могла слышать человѣческой рѣчи). Тѣмъ не менѣе дѣвочка, возросши, заговорила на какомъ-то языкѣ, котораго не понималъ никто изъ окружающихъ. Чтобы узнать, что это за языкъ, царь собралъ по одному человѣку отъ каждаго народа. Оказалось, что царевна говоритъ на языкѣ смѣшанномъ отъ всякаго нарѣчія по одному слову. Рѣчи ея записали, собрали ихъ вмѣстѣ и оказалось, что царевна молится за отца своего, который „*мудъ*“ есть и не вѣсть что творить“, и предсказываетъ отцу бѣду отъ брата своего, который имѣетъ скоро родиться. Родился этотъ братъ, и царь приказалъ бросить его „въ пустіе горы“, надѣясь, что младенецъ погибнетъ. Но его выкормила *мечка* „*иже бѣ*“ изгубила щенце свое отъ ловца“. Когда царевичу было 3 года, его нашли охотники царскіе и принесли къ царю. Царь призналъ его за сына и назвалъ его Александромъ „*эллински обрѣтень*“. Сестра же его называлась *Магдуна* „*рекше сиреяньски прѣмудра*“. Далѣе рассказывается исторія этой Магдуны. Она была мудрѣе всѣхъ женщинъ на свѣтѣ и къ тому же художница: она нарисовала портретъ своего будущаго мужа на конѣ и отказывала многочисленнымъ женихамъ своимъ, которые не подходили, такъ сказать, къ ея идеалу. Разъ она увидала изъ палаты всадника на взморьѣ и прямо указала на него отцу, какъ на своего суженаго. Царь позвалъ незнакомца; тотъ оказался сарацинскимъ храбрымъ султаномъ, который путешествовалъ, отыскивая себѣ невѣсту „всѣхъ

лѣпшу и мудрѣйшу“, образъ которой уже являлся ему во снѣ. Увидавъ Магдуну, онъ сейчасъ же узналъ ее, женился на ней и увезъ ее въ свою землю.

Затѣмъ повѣсть снова обращается къ исторіи брата царевны. Возросши въ домѣ отца своего, Александръ сдѣлался славнымъ воиномъ и царемъ надъ всѣми эллинами; въ то же время онъ отличался и необыкновенной красотой. Собрать волхвовъ своихъ, онъ велитъ имъ отыскать ему достойную жену; тѣ, *обошедши волшебствомъ* всю землю, остановились на *Гилудѣ*, жепѣ царя Сіона въ Миреѣ (изъ Амореи, подѣ вліяніемъ Мореи? ¹⁾). Александръ велитъ имъ устроить такъ, чтобъ онъ увидалъ ее во снѣ. Благодаря искусству своихъ волшебниковъ, Александръ видѣлся съ своей возлюбленной въ сонныхъ видѣніяхъ цѣлые два года и сговорился съ нею, какъ ее похитить. Онъ переодѣлся купцомъ и, взявъ много имѣнія, пріѣхалъ на кораблѣ въ *Палеополь* къ Сіону. Скоро царь Сіонъ и пріѣзжій купецъ подружились, но послѣдній былъ еще дружнѣе съ женою царя. Сіонъ заставлялъ у Александра Гилуду, но не узнавалъ ее и считалъ женою купца; о необыкновенномъ сходствѣ купчихи съ царицей, онъ говорилъ своей женѣ, и та притворно сердилась на него. Черезъ 6 мѣсяцевъ царица убѣжала съ купцомъ, и царь остался въ печали и поруганіи великомъ. Когда Александръ привезъ Гилуду въ Трою городъ потрясся, и Аморгъ вспомнилъ объ предсказаніи, предшествовавшемъ рожденію сына. Царь Сіонъ посылаетъ къ брату своему Огу, а тотъ посылаетъ къ шурьямъ своимъ въ Ханаанъ и въ Халдею и въ Месопотамію (въ оригиналѣ: въ мѣсто потаміе). Собрались цари месопотамскіе и халдейскіе, осадили Трою, воевали ее семнадцать лѣтъ и не могли взять ее „отъ множества полѣма“ (*πόλεμος* — война?). У царя Ога былъ слуга, именемъ Пальмида (Паламедъ, изобрѣтатель игры въ кости и шашки?), необыкновенно искусный игрокъ въ тавлеи; онъ сдѣлалъ мѣднаго коня, который „маеатаскіи хождаше“ (*αὐτομάτως*, черезъ посредство ошибочнаго чтенія *αὐτομάθως*?); въ этого коня залѣзъ царь Сіонъ и съ нимъ 30 „храберъ добрихъ“ ²⁾, а другихъ 300 воиновъ Пальмида скрылъ за городомъ. Когда на другой день войско осаждающихъ удалилось отъ Трои, оставивъ коня „на околицѣ“, по приказанію Александра (объ Аморгѣ уже не упоминается) послѣдняго ввели въ городъ; царь Сіонъ вышелъ изъ коня, и городъ былъ взятъ и обращенъ въ развалины. Царь Александръ вмѣстѣ съ Гилудой убѣжалъ къ зятю своему султану сарацинскому. Но и Сіона царя постигъ гнѣвъ божій: когда онъ съ войнами возвратился домой, оказалось, что жены ихъ бѣжали съ рабами. Александръ же вмѣстѣ съ султаномъ и сарацинами сперва побилъ царей ханаанскихъ, халдейскихъ и месопотамскихъ, потомъ пошелъ на Ога царя и взялъ его городъ *Васанъ* (сарацины овладѣли съ тѣхъ поръ всѣми этими землями и навсегда удержали ихъ за собой) ³⁾ и наконецъ, соединившись съ возмущившимися рабами аморейскими, поразилъ въ ожесточенной битвѣ и Сіона царя.

Но побѣда его не обрадовала: когда увидѣлъ онъ, сколько зла онъ сдѣлалъ изъ-за одной женщины, — онъ разорилъ 230 городовъ кромѣ Іерусалима и убилъ 12 царей

¹⁾ Имя это извѣстно съ XIII вѣка.

²⁾ Новое подтвержденіе взглядовъ г. Халавскаго (см. Великорусскія быliny Кіевскаго цикла. Варш., 1885, стр. 15, слѣд.) на значеніе слова *храбрь*.

³⁾ Въ такъ наз. А. Н. Поповымъ первой редакціи хронографіи читаемъ: «Сія убо вся благочестивая царствія: Греческое, *Васанское* и Арнабазское . . . безбожніи Турціи поплѣниша. Обз. Хрон. II, 64.

„свѣнь (т.-е. кромѣ) перскаго“, онъ отсѣкъ голову проклятой Гилудѣ, а самъ лишилъ себя жизни, бросившись въ море. „Богу нашему слава во вѣки, аминь“.

Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ повѣстью поздней формации, когда разнужданная фантазія книжниковъ, уже не сдерживаемая уваженіемъ къ почтеннымъ древностью именамъ и стремленіемъ къ тому, что встарину считалось знаніемъ, только старалась заинтересовать читателей и плела, плела безъ зазрѣнія совѣсти, не умѣя однакоже выйти изъ волшебнаго круга избитыхъ мотивовъ. Тогда заботятся только о томъ, чтобы наскázatъ какъ можно побольше, поразить и притупить умъ читателя; тогда возникаютъ жалкія произведенія, которыя изслѣдователь не можетъ назвать ни сокращеніемъ, ни распространеніемъ начальной темы, ни оригинальнымъ поэтическимъ созданіемъ. Это печальное явленіе извѣстно во всѣхъ литературахъ не только средне-вѣковыхъ, но и новыхъ. Къ счастью, оно захватываетъ обыкновенно не всю литературу, но извѣстный родъ или видъ ея, успѣвшій, какъ говорится, пріѣсться публикѣ. Въ данномъ случаѣ оно захватило историческую повѣсть, служившую, какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и у насъ, главнымъ видомъ свѣтскаго, образовательнаго чтенія. Тогда историческая повѣсть потеряла и всякую претензію на историчность и всякое эстетическое достоинство; она стала очень коротка по объему, но переполнена событіями. Трудно повѣрить, что вся масса происшествій, мной сейчасъ пересказанная, умѣщается въ копіи на 2½ почтовыхъ листочкахъ.

Съ перваго взгляда ясно, что герой повѣсти „вѣтхій Алексъ“ сложенъ изъ 2-хъ фигуръ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, кромѣ имени Александра — Париса, виновника разрушенія Трои, и Александра Македонскаго; послѣдній взятъ въ той сравнительно рѣдкой версіи, въ которой его всемірныя побѣды представляются безсмысленнымъ кровопролитіемъ и цареубійствомъ.

При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи повѣсти, въ ней не трудно отличить другія составныя части. Первый ея эпизодъ есть извѣстная тема Эдипа или, вѣрнѣе, Кира, т.-е. исторія осужденнаго на гибель, вслѣдствіе страшнаго предсказанія младенца, который однакоже не гибнетъ, а исполняетъ предначертанное. Начало ея, какъ извѣстно, еще въ древней Греціи приурочивалось въ Парису — Александру.

Для начала исторіи Магдуны я не могу припомнить ни источника, ни даже литературной параллели. Мнѣ она представляется самостоятельнымъ и своеобразнымъ вымысломъ книжника, пытавшагося разрѣшить любопытный вопросъ о прирожденномъ языкѣ¹⁾.

Также болѣе или менѣе самостоятельными надо признать эпизоды о бракѣ Магдуны съ сарацинскимъ султаномъ и о началѣ любви между Александромъ и Гилудой. То, что есть въ нихъ общаго: знакомство съ суженымъ и суженою во снѣ или по предвѣдѣнію раньше знакомства личнаго — представляетъ очень любопытную эпическую формулу, соединяющую безграничныя и доселѣ совѣмъ не освѣщенныя дебри византийской демонологіи и спиритизма съ эпическимъ приемомъ всѣхъ временъ и народовъ. То, что помимо этого заключается въ первомъ эпизодѣ, нѣсколько напоминаетъ по

¹⁾ Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» по поводу этого эпизода повѣсти замѣтилъ (см. № 226, 1887 г.), что «разсказъ о воспитаніи царской дочери съ пленокъ въ башнѣ съ цѣлью лишить ее возможности усвоить чело-вѣческую рѣчь» напомнилъ ему слышанное лѣтъ 20 назадъ отъ одного безграмотнаго крестьянина Тверской губ.

обстановкѣ известную византийскую поему о Дигенисѣ¹⁾ или скорѣй то время, когда она пользовалась популярностью, когда постоянныя войны съ сарацинами сблизили съ ними византийцевъ. Второй эпизодъ начинается приѣмомъ исканія достойной жены для царя — приѣмомъ, который пользуется особой популярностью въ позднихъ сравнительно національныхъ поэмахъ и былинахъ, но который встрѣчается и въ книжной литературѣ, какъ напр. въ известномъ сказаніи о Соломонѣ; въ данномъ случаѣ онъ съ одной стороны соединенъ съ очень распространеннымъ эпическимъ приѣмомъ передѣванія купцомъ, а съ другой — съ такимъ необузданнымъ спиритизмомъ, что сходное явленіе можно указать развѣ въ фантастическихъ романахъ новаго времени.

Затѣмъ слѣдуетъ, какъ бы въ конспектѣ, исторія разрушенія Трои, при чемъ Гилуда²⁾ замѣняетъ Елену, Сіонъ — Менелая, Огъ — Агамемнона и Палмида — Одиссея. Имя Палмида взято изъ того же троянскаго цикла, а имена Сіона и Ога — изъ Библии³⁾, гдѣ Сигонъ, царь Аморрейскій, жившій въ Есевонѣ, и Огъ, царь Васанскій, встрѣчаются большею частію вмѣстѣ или по близости; новыми и отчасти священными именами книжникъ думалъ придать интересъ старой всѣмъ известной исторіи.

Рабы, завладѣвшіе домами и женами побѣдителей, есть довольно любопытное осложненіе и обобщеніе Эгиста при посредствѣ известнаго сказанія о рабахъ скиѣскихъ, сообщеннаго у Геродота въ началѣ IV книги.

Исторія побѣдъ Александра, довольно нелѣпо приуроченная къ мщенію за Трою, не пересказана, но только указана.

Вдвойнѣ трагическое окончаніе всей исторіи довольно неудачно измыслено книжникомъ подъ двумя вліяніями: общей мысли, которой проникнуты всѣ версіи Александрій, — о тщетно человѣческой славы, и заключенія, удобно выводимаго изъ исторіи троянской — о женщинѣ, какъ источникѣ бѣдствій и войнъ.

Въ № 21 Мелюзины (*Mélusine, Revue de mythologie, littérature populaire traditions et usages, dirigée par H. Gaidor et E. Rolland*) за 1887 годъ помѣщена въ переводѣ известнаго Luzel'я бретонская сказка объ Александрѣ Великомъ, въ которой, какъ справедливо замѣтилъ издатель, кромѣ имени, не осталось ровно ничего отъ историческаго Александра. Исторія героя предшествуетъ исторія грубаго баронскаго сына Фанма, который, пробывъ годъ въ подземной тюрьмѣ папы, приобрѣлъ даръ пророчества и предсказалъ французскому королю, что у него родится сынъ Александръ Великій съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ. Александръ еще ребенкомъ колотитъ своихъ старшихъ братьевъ, Карла и Генриха, и производитъ беспорядки при дворѣ отца. Насильно приставши къ братьямъ, которые, спасаясь отъ него, поѣхали путешествовать, онъ убиваетъ великана, и послѣ ряда сказочныхъ подвиговъ, женится на дочери австрійскаго императора. Последняя часть сказки говоритъ о томъ, какъ онъ освободилъ жену

¹⁾ Какъ это указалъ мнѣ при чтеніи реферата П. И. Савваитовъ.

²⁾ Имя Гилуды несомнѣнно стоитъ въ близкой связи съ *Γυλοῦ*, *Γιλλῶ* или *Γελλῶ*, названіемъ женскаго демоническаго существа, враждебнаго рожденію людей, которымъ въ послѣднее время интересовались акад. А. Н. Веселовскій (Равысканія VI—X стр. 429), М. И. Соколовъ (Матеріалы и замѣтки стр. 26 и слѣд. и Апокрифическій матеріалъ для объясненія амулетовъ Ж. М. Н. Пр. 1889 г. июнь стр. 343 и слѣд.) и В. Г. Васильевскій Ж. М. Н. Пр. 1889 г. июнь замѣтка о Гилло стр. 369).

³⁾ Пс. 135, 19—20; Числь XXI, 33.—34 Второзак. II, 30 и III, 2 и т. д.

свою изъ подземнаго царства и, несмотря на измѣну братьевъ, явился оттуда самъ на свѣтъ Божій, какъ разъ во-время, чтобы помѣшать женѣ своей выйти замужъ за другого.

Эта сказка, разумѣется, не имѣетъ никакой литературной связи съ нашей повѣстью; я указываю на нее только для того, чтобы показать, какъ къ имени Александра, по весьма понятнымъ причинамъ, приурочивались и даже до сихъ поръ приурочиваются сюжеты, совершенно ему чуждые, и какъ въ позднихъ преданіяхъ его сильные походы обращаются въ бессмысленное кровопролитіе, виновникъ котораго можетъ принять или грубокомическую или отрицательно трагическую окраску. Еще замѣчу одинъ второстепенный пунктъ не историко-литературнаго, но, такъ сказать, „родового“ соприкосновенія между этой сказкой и нашей повѣстью: въ обѣихъ ихъ подвиги Александра имѣютъ мотивомъ или приобрѣтеніе или возвращеніе себѣ жены; очевидно, наша повѣсть приближается къ сказочной формѣ развитія преданія, въ которой, какъ и въ позднемъ романѣ, женитьба является постояннымъ центромъ или развязкой.

Не имѣя въ настоящее время подъ руками ни Дунгера (Sage vom Trojanischen Kriege), ни Холевюса, я не берусь указать другихъ попытокъ сліянія исторіи троянской войны съ Александріею.

Я попытаюсь только отвѣтить на кардинальный вопросъ: гдѣ возникла эта повѣсть. Множество слѣдовъ южно-славянскаго говора и письма, рѣзко отличающихъ ее даже отъ другихъ статей того же сборника, доказываютъ, что русскій книжникъ не можетъ претендовать на авторство. Остается выборъ между византіяцами и болгаринѣмъ или сербинѣмъ. Слова: *полѣма* и *маватаски* и постройка многихъ фразъ указываютъ на греческій оригиналъ, а произвольный переводъ имени Александръ словомъ — обрѣтень, найденышъ — на славянина, который даже не зналъ по-гречески. Какъ помирить это противорѣчіе?

По моему мнѣнію, повѣсть сочинена въ Византіи въ то время, когда еще были слышны отзвуки византійскаго эпоса. Какія измѣненія претерпѣла она въ самой Византіи, явилась ли сперва въ политическихъ стихахъ или прямо составлена прозой, — этого по одной редакціи перевода опредѣлить нельзя. Но представляется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что первоначальная редакція была значительно полнѣе; переводъ на слав. языкъ сдѣланъ съ византійской прозы очень небрежно и неумѣло; нѣкоторыя фразы можно, можетъ быть, понять, только возстановивъ греческій оригиналъ.

Въ оригиналѣ рукописи Григоровича мы имѣемъ не самый переводъ, а плохой, малограмотный списокъ съ него, сдѣланный по мнѣнію проф. Кочубинскаго, которому я показывалъ свою копію, въ Македоніи.

Малограмотность не могла помѣшать писцу сокращать свой оригиналъ, вольничать и не помѣшала ему въ параллель съ переводомъ Магдуны дать свой переводъ имени Александра.

Македонскій списокъ зашелъ къ намъ на Русь; повѣсть заинтересовала заглавіемъ, понравилась своимъ многосложнымъ содержаніемъ и была добросовѣстно списана со множествомъ сербизмовъ и болгаризмовъ.

Слово „ветхаго Алекса“ — памятникъ не только по объему, но и по значенію не крупный; это не историко-литературный аристократъ, а одинъ изъ толпы, изъ черни. Но этою чернью пренебрегать не слѣдуетъ: она столько же, если не болѣе, ясно свидѣтельствуетъ о настроеніи общества и о направленіи его идеаловъ.

Археологія въ собственномъ смыслѣ, какъ изученіе вещественныхъ остатковъ древнихъ, въ этомъ отношеніи всегда подавала благой примѣръ исторіи литературы и другимъ родственнымъ наукамъ; для нея иная ничтожная съ виду бронзовая подвѣска столько же важна, какъ римская золотая медаль.

Была ли эта повѣсть *распространена* на Руси въ другихъ спискахъ, имѣла ли она вліяніе на другія литературныя явленія — мы, надо надѣяться, узнаемъ это впоследствии, когда содержаніе нашей до-петровской письменности будетъ изслѣдовано внимательнѣе; а пока считаю не лишнимъ предложить текстъ въ томъ видѣ, въ какомъ я нашелъ его въ рукописи Григоровича.

Оло вѣтго алекса. како оукн сѣона црѣ аморенска и ѡга црѣ
кхсанскаго и вѣ црѣ ханаскѣ.

Бѣ гра вѣккъ зѣло въ анадолисон земли на мѣ скамандре имаше
мѣ вѣ исхожаше и з нею коника о стѣгокъ и тои гра называѣтсе
тра. вѣше въ неи црѣ вѣлай и страшень зѣло и мѣ ему вѣ аморь
црѣ. въ единѣ ношѣ виде црѣ сънь страшнь и оубоимѣ ѡ него. вѣ ге
рѣи црѣца главною ѡгѣнною и запалы гра тра и згоре ѡнѣ и въ то
вѣрѣ мѣ имеше црѣца дете въ оутровѣкѣ ега рѣи его вѣ. жѣнскы по. ега
вѣ ѡтроче з мѣ и вѣставы црѣ ѡтроче въ стѣльпѣ и три жены неми
да слѣжитъ еи и запрѣкти вѣклѣм ѣако да не чѣе гла нѣ речи чѣвчѣе.
да тако вѣзрастеть да не видитъ камо се хѣщеть швратыти. и тѣ
вѣ въ стѣльпѣ ет лѣк не чѣеши гла нѣ речи чѣвчѣи. ега вѣше въ исхо
слѣнца ѡбразѣ и прозврѣ глѣдаючи глаше ѡ вѣсѣ езыкѣ по речи единон.
црѣ аморь чѣужашѣ и вѣси воларе понежѣ неразѣмѣхѣ что глѣть. црѣ
аморь чѣужашѣ и свѣра ѡ вѣсѣ езыкѣ поединомѣ чѣкѣ. привѣи по стѣльпѣ
идеже вѣ ѡтроковица и тѣ рѣ и послѣшѣте да что чѣете и разѣмеете
тако напѣшете. тако и записашѣ еже кто разумѣ ега ѡна прѣста
глѣти. снесоша вѣсы писаніе прѣ црѣмѣ. и сѣставише писаніе вѣси. и
оверѣтоше ге мѣтсе бѣ за ѡца своего глѣть. ги не постаки емѣ грѣха
лѣдѣ во и не вѣ что творитъ. вѣжѣ хѣтение кто мѣжетъ разѣрити.
нѣ еже и сънь виде что сѣтворитъ вратъ мѣ еже и въ оутровѣкѣ црѣцы
и хѣщеть родитисѣ. ега родисѣ вѣ ѡтроче мѣжъко покѣле црѣ и шд
несоше его въ пѣстѣе горы и поврѣгоше его и швретѣ ѡтроче мѣчка

иже ке изгубила цѣнце свое ѿ лѡвца и колѣдѡвѡе млѣкомь и вх-
схрани ѿтроче за гѣ лѣвѣ дондеже звѣрь лѡвци оубише и ѿтроче ѣмше
и привѣдоше къ црѣ и позна црѣ яко тѣ ѣ снѣ егѡ. а еже бы дѣца
вх слѣпе (стѣлѣ?) и зведоше ю и нарекоше ѣме еи магьдѡнѣ рекши
сирѣмѣнки прѣмѣдра. а синоу сы нарече александръ елинскы обретенъ.
дѣщи егѡ вѣкь вхсего свѣкта и мѣдрен кхсѣ и сѣса мѣжа на коны.
прихожѡхѡ ѿ инѣ црѣ просехо ю жени севѣк. ѡна глаше: егѡ видѡ мѣжа
на кони и зѣци якоже ѣ вх писаніи моемь того поимѡу азѣ мѣжа и
такѡ вхсѣ не хотеше. вх ѣдинъ днѣ седеши еи наполюте виде члѣвкѡ
вх зѣморе и зѣца к пѣприца мѣста и рѣ къ ѡцѣ своемѡ аморѣ црѣ. гѣ
тѡи вѣдетъ мѣжѣ мон. послы да призовѡтъ егѡ и посла црѣ и при-
зваше егѡ. и вхнѣде црѣ и почюдисе и вхпроси егѡ црѣ повѣжѣ ми
вратѣ ѡкѡдѡ еси и ли что ициеши. саракинъ рѣ азѣ ѣсмь свѣтанъ црѣ
вхсѣ саракитѣ и храбрѡстѣ мою никто не имѡтъ. ициѡ женѣ вхсѣ
лѣпѣша и мѣдренша. понеже ю вѣкь самѣ видѣлъ вх снѣкь да ициѣ знаете
гѣ повѣдите мнѣкь. тогѡ магьдѡнѣ и зведоше кх немѡ виде ю свѣтанъ
и позна ю и поѣмше ѡкѣ ю вх саракинію. александръ расте вх домѡ
ѡца своего и бы ратникѣ крепкѣ и црѣ вхсѣ елинномь кеше во лѣпѡта
емѡ вѣлѣи и красѡта и рѣ влѣхвомь своимь аще ми ѡкрещете женѣ.
лѣпѣша и мѣдренша вхсего свѣкта азѣ вѣмь вѣлѣика добра сътворѡ. и
ѡвидоше вхсѣ землю влѣшьствѡ и ѡвретѡше женѣ вх мирен оу сѣшна
црѣ ѣме еи вѣкь гѣлѡда и покѣдаше александръ црѣ. александръ црѣ рѣ
съверете ме ако вх снѣкь съ нею. дакимь дрѡ дрѡга. влѣхви влѣховѣ-
ствомь свой съвирахѡ и кѡта ношы за кѣ лѣкь. и толнко люкѣхѡсе
елнко желѣхѡ къ вечерѣ бы яко вх снѣ сговарастѡсе такѡ кх дны
творѡхѡ. александръ сътворисе яко ѣдинъ коупѣцѣ. и прѣнде скорѣми
вх пале ѡполь къ сѣшнѣ црѣю носѣци и мнѣи многа и дарѡва сѣшна
црѣ. и сѣшѣ црѣ того дарѡва и сътвористѡгѡсе кѣ вѣра и гѣлѡда црѣца вхсѣгѡ
съ александромь вѣшѣкь вх чанне. егѡ хотеше александръ сѣшна црѣ го-
ститѣи. ѡна тѣ седеше съ александромь. сѣшѣ црѣю мнѣше александрѡва
жена ѣ. и пакы ѡна ѡхожѡше вх дѡ скѡн. глаше црѣ сѣшѣ гѣлѡде ѡ
кѣлѣие чѣю оу сего кѡпѣца жена ѣ велѣкѡ твою приликѡ носѣтъ. гѣлѡда
вѣкѡ гнѣкаше и глаше чѡ мѣне такѡ прилагѡеши кто и да егѡ
азѣ тава ѣсмь. то и ты томѡ приличѣ ѣси. ѡ пакы александра зо-
кетѣ на гостѣи. и ѡна пакы тѣ вѣкь и такѡ твореше вхсѣгѡ за сѣ мѣцѣ
и оу тѣ и оу тѣ ѡвретѡше. такѡ и вѣкѡ съ нею александръ. сѣшѣ црѣ
ѡста вх пѣчалѣи и вх порѡганны вѣлѣико. александръ егѡ вх вѣлѣикѣ гѣ

тра въвѣ гилѣ потрясесе гра велии. и морь црѣ рѣ възистинѣ съврѣ-
 шисе сънь мон еже видѣ прѣже сѣѣ же црѣ посла кз вратѣ своемѣ и-
 шгѣ и шгѣ посла кз шдремѣ свѣ въз хаананѣ и въз халдею и въз мѣсто
 потаміе. мѣсто потаміисты црѣ и персиѣти съврѣше дѣ црѣ и при-
 идоше на александра црѣ и на гра вѣліи тра и швнседоше гра и ра-
 товаше его за зѣ лѣ и не имаше емѣ что сътвориты ш множество
 полѣма. единѣ именемѣ палмида вѣше слѣга иѣга црѣ и прооумесе
 за трѣи играти. ега оудашѣ възы и за трикѣ играти. тога палмида
 прооуме тавлиѣ играти іако да срьдѣ волерѣ играюще. и паки палмида
 сътвори коня медна велиа зѣло и възлезе кз коня сѣѣ црѣ и лѣ хра-
 верь доврѣ и медни конь малатаскин хожаше. палмида покова коня
 пакопетами и шбра доврѣ конѣ и сѣкрии въз ноци за градѣ. на
 оутрѣе двигнѣсе вѣса вѣнска и паде далече ш гра и того коня шста-
 више на школицѣ. и иждоше ш гра и наидоше коня на школицѣи и
 чюжахѣсе и поведаше александрѣ. александрѣ рѣ възвѣкте коня въз гра
 ведеци коня въз гра тра и на кратѣ гра нзые сѣѣ црѣ ис коня и
 вѣси вон съ нимѣ приетѣ гра тра и развалѣ его до конца. александрѣ
 црѣ поетѣ женѣ свою гилѣ и възвежа кз сѣлтанѣ зетѣ своемѣ въз са-
 ракинѣю. да іако вѣ гнѣкѣ вѣи на сѣвна црѣ. ега прииде въз дѣ свои
 съ вон своимѣ не овретоше жени своимѣ (sic) въз домовѣ свои понеже
 вехѣ вѣжалѣи съ раби своимѣ. възси вон овретоше домовѣ свои пѣсты.
 александрѣ же поетѣ сѣлтана и възсѣ силѣ саракинскыи и повѣ вѣси црѣи
 хананскіе и месопотаминскіе и халденскіе. иде на шга црѣ и оуби его
 и разоры гра великѣ въз санѣ. и тѣ въззехѣ земли саракинѣи въ до-
 стоинне и възсегѣ прѣвике тако. и приидоше на сѣвна црѣ въз моурѣѣ
 и смѣрисе александрѣ съ раби сѣвнскимѣ еже вехѣ вѣжали съ женами дѣты
 теми. сѣѣ црѣ стоѣше въз шлѣсѣкѣ. а сѣлтѣ и раби и вѣлахѣ господинѣи
 свое и ратѣвахѣ понеже имѣ имехѣ жены и домовѣ и. и тако ратѣ-
 вашѣ за вѣ мѣца и оубише сѣвна црѣ и възсе вон его и шста сѣлтѣ и
 съ александромѣ рѣ люди. и виде александрѣ колѣкосе сътворише ш единѣ
 женѣ. тога іерлѣмѣ разорише и дрѣзѣ градовѣ іл и вѣсе вон и зѣвыше и
 гори сопѣстыше и възсе хоры и гѣ црѣи свѣнь пѣрѣскаго црѣ. и тако
 александрѣ црѣ шсече главѣ проклетон гилѣде и самѣ скачи кз море
 оудависе. кѣ нашѣмѣ слѣ въ вѣкы амѣи.

О русском племени въ Дунайскомъ Залѣсѣ.

А. Ючубинскаго.

1.

Въ странѣ, гдѣ такъ осязательно слышится двуязычіе топографическихъ именъ, нѣмыхъ свидѣтелей двухъ чередовавшихся племенъ (а съ тѣмъ и культуръ) — автохтонаго, финскаго, и пришлаго, славянскаго, естественно остановится вниманіемъ на области исторической этнографіи.

„E linguae vestigiis gentis origines vestigare“, заповѣдь эту, заповѣдь новую въ наукѣ, завѣщавъ потомству Лейбницъ, и эти *vestigia*, добываемыя изъ гидрографическихъ именъ здѣшняго края (конечный слогъ *га*: Вол-га, Тол-га, Моло-га и пр.), свидѣтельствуютъ, и вполне безобидно, что первое, хотя и слабое, но все же исторической жизни зерно положено было финнами; анализъ же *мѣстныхъ* въ тѣсномъ смыслѣ именъ (мѣсто — поселеніе, городъ) указываетъ, въ свою очередь, на раннюю смѣну первичнаго населенія болѣе энергическимъ и болѣе приспособленнымъ арійскимъ элементомъ въ лицѣ славянъ. Только такія имена, какъ Суздаль, рѣдчайшими оазисами попадаются среди славянской массы и нарушаютъ гармонію въ топониміи края¹⁾.

Такимъ образомъ, не зная города финская жизнь смѣнилась городовою, славянской; мы, рано вторгшись въ сѣверную территорію аборигеновъ Европы — финновъ, дали ей иной характеръ, внесли въ нее жизнь высшаго типа.

Этотъ простой выводъ изъ обзора топографическихъ именъ верхняго Приволжья остается непоколебимымъ, какъ бы богаты ни были въ будущемъ детальныя изслѣдованія былой жизни края, какъ бы разнообразны ни были частныя заключенія.

¹⁾ Имя города *Костромы* представляетъ затрудненіе для анализа, именно, суффиксъ его — *ма*, но не корень. Ибо въ великорусскомъ нарѣчьи и въ польскомъ языкѣ имѣются существительныя: *костра* = *кострина*, *kostra* почти съ тождественнымъ значеніемъ — жесткаго дуба, коры въ первомъ, жесткихъ волоконъ льна во второмъ. Ср. и въ чешскомъ *kostrba* косматый, *kostruka* костью пера. Можетъ быть, того же образованія и наше *костеръ* и однозначущее съ нимъ въ чешскомъ *kostra*. Наше же *кость*, *кострець* сюда не идутъ. Въ одномъ изъ рефератовъ наст. Съѣзда было предложено толкованіе Костромы изъ языка чувашскаго: «истрескавшаяся де отъ солнца земля». Но, помимо очень хитростнаго значенія, замѣтимъ, что мало еще подобрать нѣскольکو близко звучащія слова или корни: такимъ приемомъ можно доказать все, и его наука должна крайне остерегаться. На самомъ дѣлѣ не такъ просто „e vestigiis vestigare“, какъ это можетъ иногда казаться.

Изъ финно-славянскаго Залѣся верхней Волги перенесемъ въ иное, далекое Залѣсье — средняго Дуная, чтобы здѣсь попытаться е *vestigiis linguae* мѣстной топониміи извлечь былой этнической характеръ края, воскресить народность его первообитателей. Мы говоримъ объ обширной, но полутемной доселѣ *Трансильваніи* (*Trans-silvania*). Здѣсь мы встрѣтимся съ нашею же картинкой — смѣной двухъ народностей, двухъ культуръ, но при той оригинальной особености, что здѣсь жизнь высшаго типа смѣнилась низшею: но здѣсь мы, русскіе, славяне, найдемъ себя въ пассивной роли поглощенныхъ нами финновъ волжскаго Залѣся. Не вездѣ, не всегда исторія даетъ плюсъ — явленіе извѣстное.

2.

Валахъ, румынъ, какъ онъ самъ себя называетъ, т.-е. романецъ, романизованный славянинъ, какъ намъ думается, вотъ господствующее, и въ крупныхъ массахъ, населеніе Дунайскаго Залѣся, иначе Трансильваніи. Послѣднее названіе обязано канцелярскому латинскому языку старой Венгріи: въ грамотахъ ея то „*ultra sylvas*“, то „*trans sylvas*“; отсюда перевели мадьяры свое „*Erdely*“ — изъ *erdö* лѣсъ и частицы *el* далѣе, чрезъ (ср. *erdöntuli* по ту сторону лѣса находящійся, т.-е. *transylvanus*); отъ мадьяръ уже взяли румыны свое *Ардеалъ*¹⁾. Что же касается нашего *Седмиградія*, то это рабскій переводъ нѣмецкаго *Siebenbürgen*, а этотъ терминъ, въ свою очередь, образовался по народному недомыслию или осмысленію мѣстныхъ нѣмцевъ изъ великомадьярскаго имени главнаго города Трансильваніи, Германштадта — *Сибинь*, по рѣчкѣ того же имени (*Szeben*): сначала *Ssiben-burg*, затѣмъ *Sieben-bürgen*.

Сплошной валашскій фонъ этнографической картины современной Трансильваніи слегка варьируется оазисомъ нѣмецкихъ поселеній на югѣ около Германштадта, на сѣверѣ по рѣчкѣ Быстрицѣ (*Feistritz* у нѣмцевъ, *Bestersze* у мадьяръ и въ грамотахъ XII—XIII столѣтія) и пятномъ густыхъ поселеній мадьяръ-секлеровъ (послѣднее имя въ связи съ мадьярскимъ глагольнымъ корнемъ *szek*, откуда *szekeb* жить, обитать, *szeék-hely* обиталище, слѣдовательно, поселенцы, колонисты) на востокѣ, по самой границѣ съ Молдавией. Болгаре, сербы, армяне, греки, цыгане, составляютъ такую ничтожную крупицу, не только въ отдѣльности, но и вмѣстѣ, что въ этнографическій расчетъ входить не могутъ. Ничтожны эти элементы были и въ прошломъ столѣтіи, какъ свидѣтельствуется, напр., того времени знаменитый историкъ-этнографъ Іосифъ *Benkő*, въ своей классической „*Transsylvania*“ (о ней ниже). То же должно сказать и о собственно мадьярахъ — немногихъ помѣщикахъ, чиновникахъ.

Нѣмецкіе поселенцы — это пришлецы съ половины XII вѣка, именно съ нижнерейнскихъ краевъ, отсюда въ современныхъ грамотахъ ихъ титуль: „*plantatio flamiensis*“ — изъ Фландріи. Секлеры — съ X—XI столѣтія, ибо только въ концѣ IX

¹⁾ Terra *ultra sylvas*, съ точки зрѣнія мадьяръ, расположившихся главнымъ образомъ въ Панноніи. И сегодня главное зерно, масса мадьярскаго народа на пространствѣ между Дунаемъ и горами Штирии. Въ послѣднее время явилась попытка — самое мадьярское названіе Трансильваніи вывести изъ латинскаго (румынскаго) языка (о ней у насъ ниже); но она — плодъ увлеченія.

сами мадьяры утвердились въ Панноніи, на среднемъ Дунаѣ, въ исторической епархіи св. Меодія, предстоятеля славянской церкви „Мораво-Паннонской“, и отсюда уже могли пройти за горы, за лѣса, въ *Erdö-el*¹⁾.

Въ виду указаннаго распредѣленія этнографическихъ элементовъ въ современной Трансильваніи естественно полагать, что валахъ, основной слой населенія сегодня, былъ съ тѣмъ же характеромъ и лѣтъ, на примѣръ, за тысячу назадъ. Но — этого и не было. Если мы даже, вопреки популярной, но сбитой кое-какъ теоріи Рёсслера, допустимъ болѣе вѣроятную, болѣе правдоподобную гипотезу о присутствіи на сѣверномъ Дунаѣ валашской стихіи въ эпоху свв. Кирилла и Меодія (мы не касаемся размѣровъ, количествъ ея), то тѣмъ не менѣе, не только о-бокъ съ этой стихіей, но элементомъ доминирующимъ тогда мы должны безусловно признать иной элементъ, воскрешаемый е *vestigiis топографическихъ* именъ края. Этимъ элементомъ были — *славяне*.

Такимъ образомъ, валахъ доминируетъ въ жизни страны, славянинъ въ ея топониміи.

Орографія (въ порядкѣ азбучномъ):

Быкъ — вершина на с.-востокѣ.

Быстричора, откуда вытекаетъ рѣка Быстрица.

Волканъ (на югѣ).

Вуранъ — *Върхъ* (или, какъ обыкновенно произносятъ валахи — Върф).

Дьдъ, у мадьяръ *Det-hegy*, гдѣ *hegy* значитъ хребетъ, гора.

Дьль (у валаховъ *dealu*, ибо *ѣ* = *ea* въ ихъ устахъ). Ср. въ Карпатахъ, у русскихъ — *Дія*, съ *ѣ* = *i*, гора, хребетъ²⁾.

Обрина (ср. въ старо-слав. яз. *обръ gigas*, въ чешскомъ — *овъ*, *obrovský* чудовище, чудовищныхъ размѣровъ).

Прислонъ (*Priszlor*).

Русска, т.-е. гора (*Ruszka* у мадьяръ, *Russberg* у нѣмцевъ) на юго-западѣ, откуда Черна, притокъ Мароша.

Столъ (у мадьяръ *Astalko*, отъ *astal* изъ слав. *столъ*).

Темнаго происхожденія: *Batra*, *Batrina* (хотя несомнѣнно *ина* славянской суффиксъ и прямо Батрина прилагательная форма отъ Батра; послѣднее не отъ *ватра* ли, съ значеніемъ *огонь?*), *Sarmas*, *Bumasza*, *Sakedat*.

¹⁾ «Весьма вѣроятно, — говоритъ современный этнографъ Венгріи, извѣстный профессоръ Пав. Hunfalvy, — что уже около 950 года мадьяры заняли Трансильванію» («Ethnographie von Ungarn», въ переводѣ Schnicker'a, Budapest, 1877, p. 142). Здѣсь разумѣется исключительно политическое занятіе. Отсюда въ XI столѣтіи страна иногда называлась «*Ungria nigra*», т.-е. мадьярами не заселенная (тамъ же, p. 228).

²⁾ Конечно, у румынскихъ ученыхъ, у которыхъ на первомъ мѣстѣ фантастическій патриотизмъ, имя *дъль* румынскаго происхожденія, и отъ румынъ перешло къ славянамъ — иначе оно въ славянскомъ языкѣ „необъяснимая загадка“. „In limba slavica *дъль* (!) wie si insemnarea de munte si la acestu — a refere invetiatalu slavistu (т.-е. акад. Миклошичъ въ своемъ знаменитомъ мемуарѣ) si romanesculu *dealu*, говорятъ *Lauriani* и *Massimi* въ своемъ «Glossariu... vorbele d'on limba romana straine»... (Bucuresci, 1876); *déro* in limba slavica cuventulu stá de totu isolutu (!), pre candu in romanesce se afla intr' una familia destulla de intensa: *delutiu* etc.; *déro* in limba slavica cuventulu este una enigma inesplicabile, si prin urmare cu mai multu dereptu, pote cineva affirmá, co cuventulu d'in limba romana a trecutú in cea slava (p. 220, 2 столбецъ).

Гидрографія:

Быстрица (Feistritz, Beszterche), главный приток Самоша. Гдѣ славянинъ, тамъ и Быстрица. Вспомнимъ и наше *быстрина*, синонимъ старосл. *бръзина fluentum*.

Думбрава (Dumbrava), буквально = старосл. дѣбрава. Въ уменьшительной формѣ притокъ Дуная, на которомъ лежитъ Букарешть — *Dumbovita*. Вспомнимъ массу мѣстныхъ именъ въ нынѣшней Румыніи: горъ, поселеній, долинъ, въ основной или ласкательной формахъ: *Dumbrava* — 8 разъ, *Dumbrăvita* — 6 разъ; побочныя: *Dumbravă* гора и долина, *Dumbrăveni* — 5 разъ, *Dumbrăvesci* — 2 раза¹⁾. Уже самое присутствіе этого славянскаго имени въ топониміи бассейна нижняго Дуная говоритъ о его старинѣ.

**Злата*, небольшой горный потокъ, слѣва въ Марошъ. Заключаемъ по этому славянскому названію притока въ виду: 1) имени его у мадьяръ, которые буквально перевели — *Агапуос* (такъ онъ теперь слыветъ), отъ *arany* золото; 2) имени нѣкогда славянскаго города, горнопромышленнаго поселенія: у мадьяръ *Zalatna*, у румынъ *Zlakna*, у нѣмцевъ *Schlatten* и *Goldmarkt*, въ старомъ официальномъ языкѣ — *Auraria*. Мадьяръ, румынъ и нѣмецъ, каждый сообразно съ требованіемъ своего языка, сдѣлалъ перемѣну, но столь малую, что первоначальный славянскій обликъ просвѣчивается ясно.

Красна, притокъ Самоша наверху.

Лопушникъ, притокъ Мароша, отъименное имя отъ *лопухъ*, а это въ связи съ *лана*, литовскимъ *lapas ein Blatt am Baum* и пр. Ср. румынское *laba* изъ славянскаго *лана*.

Потокъ — въ названіяхъ поселеній *Sar-Patak*, *Kögös-Patak* и пр., естественно, по мѣстнымъ рѣчкамъ — потокамъ: славянское имя *потокъ* въ мадьярскихъ устахъ *patak*.

Топлица, въ различныхъ мѣстахъ страны. Названіе въ связи съ особенными свойствами воды. Ср. Теплу, на которой лежитъ знаменитый Карлсбадъ, не замерзающую у послѣдняго и зимой.

Черна, горный притокъ Мароша и тотъ знаменитый притокъ Дуная, на которомъ стояла *Colonia Csernensis* императора Траяна.

Въ то время какъ небольшія рѣки (притоки, ручьи) крещены были отъ славянскаго языка, три главныя рѣки, прорѣзывающія альпійскій край Залѣсья отъ востока на западъ: *Aluta-Olta*, *Марошъ* и *Самошъ*, названіями своими относятся къ эпохѣ до Рождества Христова, какъ первыя двѣ, или какъ Самошъ темнаго происхожденія, хотя крупный притокъ его на верху носитъ славянское имя — Быстрица. Сохраненіе же старыхъ именъ за главными рѣками и новая, славянская топонимія для водъ побочныхъ говоритъ о направленіи или этапахъ постепенно усиливавшейся славянской колонизаціи — отъ низу къ верху, отъ долины къ горѣ и въ горы. Таковъ общій законъ заселенія альпійскихъ краевъ.

3.

Но если въ Залѣсьѣ верхней Волги автохтонный, финскій элементъ ограничивается гидрографическими названіями, то въ Залѣсьѣ Дунайскомъ заступающій его эле-

¹⁾ *FrunDESCU* Dimitrie, «Dictionaru topograficu si statisticu alu Romaniei», Bucuresci, 1872 p. 178.

ментъ славянскій ограниченія этого не знаетъ. И названія *населенныхъ* мѣстъ, съ различными культурно-историческими напоминаніями и указаніями, здѣсь того же славянскаго характера, и самое число ихъ поразительно. Оговариваемся напередъ, что эти названія или звучатъ чисто по-славянски и сегодня, или легко узнаются подъ современною ихъ мадьярскою и румынскою формами, или предлагаютъ простой переводъ со славянскаго. Если археологъ справедливо дорожитъ каждою бездѣлушкою, вырываемою изъ тысячелѣтней могилы, то съ тѣмъ возбужденнѣйшимъ чувствомъ относится испытатель языка къ топографическому матеріалу полумифическаго края. Онъ равнодушнымъ быть не можетъ, когда предъ нимъ изъ-подъ мертвыхъ именъ встаетъ цѣлый живой народъ, когда (да извинять вольность!) его лингвистическій заступъ выноситъ на свѣтъ изъ мрака вѣковъ цѣлую цивилизацію. Но неравнодушіе его усиливается сознаніемъ, что изъ-подъ могилъ этихъ заговорятъ къ нему роднымъ языкомъ.

1) Начнемъ съ простыхъ, незвратныхъ поселеній при двухъ названіяхъ: официальномъ, мадьярскомъ и обыденномъ, румынскомъ, при чемъ изъ массы ихъ выбираемъ немногія, напимѣръ, сохранившія ринемъ.

Dom̃b, рум. *Dimba* } Оба отъ ст.-слав. дѣбъ. Ср. выше.
Dombro, рум. *Dumbrava* }

Golumba и *Galamb-falva*, отъ голѣбъ.

Gombacz, отъ гѣбл.

Glimboka, отъ прилаг. гѣбѣкъ.

Gerend, вал. *Grind*, отъ града.

Lunka, отъ лѣкл, восемь поселеній.

Deva, мадьярск. *Dyeva*, отъ двѣа.

Pestere (*s = u*), отъ *пештера*.

Strazsa (*zs = ж*), отъ *стража*.

Ternavizsa, отъ трѣпъ (въ выговорѣ *тернъ*).

Cserna, отъ прил. чрънъ и др.

2) Города.

Fejér-vár Dobra, чтò у нѣмцевъ безцвѣтный *Karlsburg*: мадьярскій терминъ — буквальный переводъ славянскаго *Бѣль-градъ*, почему по-латыни *Alba-Carolina*.

Vaszar-hely, но у валаховъ *Грѣдиште* и *Градиште*.

Kapnik-banya, т.-е. Копникъ, копальня, мѣсто добычи металла или минерала, какъ это и объясняется второю частью, и также славянскою — *banya*: *ban'a* въ словацкомъ языкѣ *Erzgrube*, *Bergwerk*, въ галицко-русскомъ — рудокопня тожъ.

Kolos-vár, у нѣмцевъ *Klausen-burg*. Раньше, какъ показываютъ латинскія грамоты XIII столѣтія, названіе этого города звучало *Klus-vaг* или просто *Klus* (читай Клош) — изъ слав. *ключъ*. Память этой именно связи мы усматриваемъ въ латинскомъ имени города: *Claudio-polis*, гдѣ первая часть — *Claudio*, по лживому народному осмысленію, вмѣсто *Clavi*, при *clavis* — ключъ: подставлено собственное личное имя на мѣсто нарицательнаго *ключъ*¹⁾.

¹⁾ Ср. и *Roessler*, *Romanische Studien*, Leipzig 1870, 181, Примѣч.

Kraszna.

Прибавимъ еще нѣмецкіе города: *Bistritz*, на сѣверѣ, и *Reussmarkt*, на югѣ, между Германштадтомъ и Бѣлградомъ. *Reussmarkt* иначе пишется *Reissmarkt*, *Russmarkt*, и встарину *Forum Ruthenogum*, т.-е. Русскій Торгъ, Торжокъ. Слѣдовательно, у нѣмца буквальный переводъ.

Мы выключаемъ чисто мадьярскіе города, напр. у секлеровъ, хотя и звучатъ они чисто по-славянски, какъ *Pentek*, *Csek-Szereda*, просто *Szereda* у Градишта (на картѣ Кишперта и другихъ нѣмцевъ грубыя ошибки: *Schereda*, по незнанію, что въ мадьярской графикѣ именно *sz = s*, славянскому *c*), ибо у мадьяръ и сегодня названія дней недѣли или чисто славянскія, живущія въ ихъ устахъ непосредственно отъ эпохи св. Меодія, взятыя изъ языка его, именно отъ среды по субботу: *szereda*, *ctötörtök*, *péntek*, *szambath* (среда, уетвратъкъ, патъкъ, сѣбота), или образованы по типу того же славянскаго языка, какъ *kedd*, вторникъ, изъ *két* два. Слѣдовательно тѣ города могли начать свою жизнь уже и позже, съ эпохи мадьяръ.

Возьмемъ ли карту расселенія славянъ въ IX вѣкѣ, мы найдемъ массу *Бѣлградовъ*. Ограничимся югомъ: Бѣлградъ, что нынѣ Аккерманъ (турецкій буквальный переводъ) у устья Днѣстра, Бѣлградъ сербскій, Бѣлградъ венгерскій (*Stuhlweissenburg*, *Fejér-vár*) и даже Бѣлградъ на территоріи теперь уже итальянской, на Адриатическомъ морѣ. Вѣроятно, крупныя укрѣпленія и земляныя, въ противоположность старымъ деревяннымъ укрѣпленіямъ и старымъ небольшимъ городищамъ (вспомнимъ деревянныя укрѣпленія даковъ на колонѣ Траяна) послужили поводомъ къ этому, столь популярному, славянскому названію.

Но старѣе Бѣлградовъ и важнѣе для историческихъ соображеній градища, городища; старѣе залѣскаго Бѣлграда — *Грeдиште* = *Vaszarhely*, въ глубинѣ страны, на Марошѣ. Самое названіе говоритъ ясно о значеніи этого мѣста въ ту эпоху, когда Градиште населяли не румыны, а тѣ, въ языкѣ которыхъ это имя имѣетъ общее названіе укрѣпленнаго пункта — славяне. Не лишено для историка особеннаго интереса то обстоятельство, что именно на мѣстѣ этого Градишта (*Vaszarhely*) стояла знаменитая Сермигетуза, укрѣпленная столица полумиѣическихъ даковъ, при чемъ второго Градишта не имѣется.

Переходимъ теперь къ мѣстнымъ именамъ особенно культурнаго значенія. Эти имена произведены отъ немногихъ славянскихъ словъ, но словъ, высоко-любопытныхъ, а самихъ именъ много.

4.

Если въ настоящее время восточныя Карпаты — центральный пунктъ добычи каменной соли въ Европѣ, снабжающій этимъ дорогимъ минераломъ массу земель на сѣверѣ къ Балтійскому морю, то это культурно-торговое значеніе ихъ идетъ отъ глубокой старины.

Каждый изъ насъ знаетъ лично или понаслышкѣ знаменитыя соляныя копи Бохни и Велички, но не ими началась добыча соли въ Карпатахъ. Онѣ съ XII и XIII столѣтій. Величка извѣстна съ половины XII столѣтія: часть соляныхъ доходовъ ея

шла на первые монастыри старой Польши; Бохня же основана только в 1253 году, когда князь Болеславъ выдалъ привилегію на соляной промыселъ здѣсь нѣкому Николаю изъ силезскаго Лигница¹⁾. Много раньше ихъ, ихъ современное торгово-промышленное значеніе имѣлъ альпійскій край въ тылу — наше Залѣсье.

Возьмемъ карту собственно Венгріи.

Въ углу, образуемомъ среднимъ Самошемъ, на межѣ съ Трансильваніей, лежитъ комитатъ — венгерскій *Szolnok* (Közer); на томъ же Самошѣ, но уже въ Трансильваніи, лежитъ другой комитатъ того же имени — *Belső Szolnok*. Это имя за обоими смежными комитатами идетъ отъ старинныхъ документальныхъ свидѣтельствъ, напр. грамотъ. Въ мѣстныхъ грамотахъ это имя пишется многоразлично: *Zonnik* (1197 г.), *Zaunuk* (1199 года), *Zanogh* (того же), *Zonukien* (1213 года), и только въ грамотѣ 1238 года почти правильно: *Zolnik*²⁾. Это мадьярское имя. *Szolnok* (*sz* = нашему *c*) сами мадьяры ведутъ изъ славянскаго языка, именно *szolnok* необходимая по свойству вокализма мадьярскаго языка передѣлка славянскаго *сольникъ*, первое значеніе котораго — мѣсто добычи соли, соляная розсыпь, *fodina salis*. Валахи сохранили тоже славянское слово въ своемъ языкѣ, но съ вторичнымъ суффиксомъ: рум. *солнице* значитъ соляная розсыпь. Прибавимъ, что и самое слово для соли мадьяры взяли отъ славянъ: соль по-мадьярски *só*, отсюда *sóakna* *Salzwerk*, *Salzgrube* (объ *akna* — ниже), *sóbánya*, съ тѣмъ же значеніемъ (о *bánya* — ниже). Долгое *o* въ *só* — память опущеннаго *l*, какъ и въ сербо-хорватскомъ, гдѣ также *so* (= *соо*) изъ *соль*³⁾.

Усвоеніе и утвержденіе мадьярами навсегда соляного имени изъ славянскаго языка за цѣлыми двумя комитатами говоритъ ясно, что разработку здѣсь соли застали мадьяры, при появленіи своемъ въ Карпатахъ, и что промыселъ этотъ находился въ цвѣтущемъ состояніи, а хозяевами его были мѣстные славяне. Начало же соляного промысла падаетъ въ сѣдую старину, — это ясно изъ предыдущаго.

Но еще любопытнѣе *сольника* второе *соляное* названіе въ топониміи края, съ тѣмъ же значеніемъ *salifodina* и того же славянскаго происхожденія.

Карта Трансильваніи унизана мѣстнымъ названіемъ *Akna* — въ устахъ мадьярскихъ, *Okna* — въ устахъ румынскихъ. 2 города и 6 поселеній носятъ это названіе, и, какъ показываютъ грамоты XII—XIII вѣка, съ очень стараго времени⁴⁾. О нарицательномъ значеніи самаго термина мы можемъ догадываться уже изъ названій тѣхъ же мѣстъ у нѣмцевъ: *Akna* у нихъ то *Salzburg*, то *Salzgruben*, то *Salzdorf*. Поселившіеся съ

¹⁾ «Slovník geografický polski», варшавское изданіе, в. в.

²⁾ Грамоты тщательно собраны въ капитальномъ изданіи Вѣнской Академіи Наукъ: «Fontes rerum Austriacarum», II. Diplomata et acta v. XV. — «Urkundenbuch zur Geschichte Siebenbürgens, I. Th., herausgegeben von G. D. Deutsch und Fr. Firnhaber», Wien, 1857. Большинство грамотъ этихъ перепечатано съ не вездѣ удачными вариантами, недавно въ извѣстномъ румынскомъ собраніи Е. Hurmuzaki: «Documente privitoare la Istoria Românilor culese de —, publicat sub auspiciile Academiei Române». vol. I, 1199—1345, Bucuresci, 1887. Мы пользуемся главнымъ образомъ вѣнскимъ изданіемъ, и здѣсь, и ниже.

³⁾ Hunfalvy, дѣлая замѣчанія на книгу Jung'a «Roemor und Romanen» (1877), указываетъ: «Und in Siebenbürgen sollte sich das Römerthum erhalten haben, wiewohl es sogar den römischen Namen des Salzes vergessen konnte? Denn heutzutage finden wir überall in Siebenbürgen und der Walachey, wo Salzbergwerke waren und noch sind, die slawischen Namen *Szolnak*, *Slanik*, *Akna*» («Litterarische Berichte aus Ungarn», I, 2. Heft, p. 240).

⁴⁾ *Deutsch-Firnhaber*: villa de *Acna*, 1197 года; «... et salifodinas que *Akana* vocantur»; 1222 года (№ XVII); «... salis fodinas etiam que *Acuna* vocantur», 1222 года (№ XIX).

половины XII столѣтія нѣмцы переводили существовавшія названія. Выраженія грамотъ, только что въ сноскѣ указанна, переводятся: „соляныя копи, что называются Акна“. Но обращаемся къ самому мадьярскому языку.

Akna — мина, подкопъ, яма въ землѣ; отсюда *aknász* саперъ; *aláaknaz* вести мины. Въ сложеніи: *só-akna* соляная копь. Откуда же это слово, столь укоренившееся, въ мадьярскомъ языкѣ? Замѣтимъ, что, при заимствованіи мадьярами славянскихъ словъ, гласная *o*, съ удареніемъ или безъ него, мѣняется на *a*: *потокъ* — *patak*; *сжота* (въ носовомъ *o* гласный) — *szombat* и пр. Въ виду этого и нарицательное *akna*, и собственное имя *Akna*, есть славянское *окно* (окно). Что это дѣйствительно такъ, свидѣтельствуется то же мѣстное имя въ устахъ румынъ: *Okna*. Но справка съ румынскимъ языкомъ важна въ другомъ отношеніи — въ твердомъ установленіи нарицательнаго значенія термина *Akna*, *Okna*. Здѣсь есть слово *окно* (*окно*) и значитъ именно *salis fodina*, соляная копь, розсыпь. Но *akna* въ языкѣ мадьяръ, *okna* и *окно* въ языкѣ румынъ имѣетъ одинъ общій источникъ — славянской, славянское *окно*, побочная форма отъ *oko* съ суффиксомъ *yn*, и съ общимъ значеніемъ дыры, отверстія, ямы въ чемъ-либо, потомъ съ значеніемъ болѣе узкимъ — дыры въ землѣ, гдѣ разрабатывается соль, соляной копи. Наконецъ, отъ славянъ то же слово вошло и въ среднегреческій языкъ: *ὄκνα* — *foramen dolij*¹⁾. Сѣдая же старина самаго слова *окно* указывается не только грамотами XII стол., но и глубокимъ водвореніемъ его въ языкѣ мадьяръ и румынъ. Для исторіи же семасіологіи слова *oko* вспомнимъ и развитіе значенія того же слова въ литовскомъ: *akis* око, глазъ; но то же *akis* и дырка, отверстіе въ сырѣ и пр.

Въ виду всего вышесказаннаго можно безошибочно утверждать, что гдѣ названіе *Akna*, *Okna* встрѣчается въ странѣ, тамъ были дѣйствительныя добычи соли; повторяемость же самаго названія говоритъ о широкомъ распространеніи въ странѣ солянаго промысла. Уже почти излишне упоминать, что этотъ драгоценный въ быту минераль — каменная соль „*sal terrestris*“ грамотъ²⁾, въ „окнахъ“ добывался славянскими руками, руками тѣхъ людей, изъ языка которыхъ и получили тѣ мѣста свои названія: *Akna*, *Okna*, которые познакомили съ этою отраслью горнаго дѣла зашедшихъ въ X столѣтіи мадьяръ и формировавшихся въ средѣ ихъ румынъ. „Повсюду въ цѣлой Трансильваніи и Валахіи, гдѣ существовали или существуютъ и теперь соляныя копи, мы, — говоритъ извѣстный мадьярскій этнографъ, проф. Гунфалви, — встрѣчаемъ *славянскія* имена *Szolnok*, *Stanik*, *Akna*“³⁾.

Естественно, если ученики славянскихъ „доисторическихъ“ солекоповъ повели добычу соли далѣе, открывали ихъ въ новыхъ мѣстахъ столь богатой солью Трансильваніи. Выгодный же промыселъ, при легкомъ обложеніи налогомъ, рано изъ добычи соли сдѣлалъ государственную монополію.

Такъ, новыя соляныя розсыпи у Торды жалуются отъ короля Стефана на кормъ главнаго капитула Трансильваніи „*ecclesiae beati Michaelis Transylvaniae*“: „*volumus*

¹⁾ *Du-lange*, «Glossarium med. graec.», 1036, s. v.

²⁾ *Teutsch-Firnhaber*, стр. 55: «pro salibus vero terres tribus...» (1233 года).

³⁾ «Literarische Berichte aus Ungarn», I Jahrgang, 2. Heft, p. 240. См. выше.

igitur quod ipsa salifodina de Torda, говоритъ въ подтвердительной грамотѣ своего отца Стефана король Владиславъ въ 1276 году, capitulo per kariss. patrem nostrum donata et ex nom per nos confirmata adeo sit libera et exempta ab omnibus officialibus nostris et woywodis..., quod nullo tempore ipsa salifodina et laborantes in eo possint uel debeant per eos impediri et quod Sales in ea *incisi*, tam in yeme, quam in estate sint liberi omnino et quod per aquas et per terras descendant libere ac secure¹⁾.

Церкви разрабатывали, рубили („*incisi*“) соль свободно своими людьми „*populis*“ подъ надзоромъ своихъ *officiales*²⁾: „*volumus et concedimus*, говорилъ король Андрей въ грамотѣ 1233 года, *quod ecclesie libere portent sales suos ad acclesias ipsas, et ibi sub sigillo salinariorum et prelati ellius ecclejjae, in qua sales deponuntur, qui pro tempore fuerint deponantur, depositique seruentur usque ad octanas S. Stephani vegis et tunc ab illo du usque ad natinitatem B. V. Marie (слѣд. до начала осени) solnatur eis argentum pro salibus... secundum estimationem inferius adnotatam...“³⁾. Такимъ образомъ, торговая манипуляція съ солью была приблизительно такая же, какъ нынче съ табакомъ въ Австріи. Цѣна на соль была не высока: „*pro salibus vero terrestribus dabimus inam marcsm pro centum zuanis*“. Въ городахъ были соляные склады, именно *соляники*. Въ самыхъ же мѣстахъ добычи соли король Андрей приказывалъ не продавать дороже, „*quam antiquitus vendi consuenerint ecclesiis, que consuenerunt emere sales*“.*

Такимъ образомъ, соляной промыселъ, начатый *antiquitus* — изъ эпохи домадьярской — развивался все болѣе и болѣе. Но о богатствѣ соляныхъ копей въ краю, о богатствѣ добычи, свидѣтельствуемъ низкая цѣна на соль еще въ прошломъ столѣтіи. „Только за кусокъ въ 80 фунтовъ, говоритъ извѣстный австрійскій статистикъ того времени, работники получалъ половину гроша; если же кусокъ менѣе вѣсомъ, то не получалъ ничего“⁴⁾. Прибавимъ, что и въ глазахъ этого статистика разработка неисчерпаемыхъ соляныхъ залежей въ Трансильваніи должна итти болѣе тысячи лѣтъ⁵⁾ и что мы извѣстное свидѣтельство фюльдской лѣтописи 892 года о просьбѣ нѣмецкаго короля Арнульфа, обращенной къ князю болгаръ, не снабжать мораванъ *солью* (буде объ этомъ дѣйствительно пересылка была), можемъ понимать только въ одномъ смыслѣ — что рѣчь шла о каменной соли изъ копей, изъ Оконъ Трансильваніи, но не такъ, какъ объясняютъ это извѣстіе историки. Этнографу нерѣдко приходится итти въ дисгармоніи съ историкомъ, противорѣчить „историческимъ“ свидѣтельствамъ и выводамъ изъ нихъ⁶⁾. О ста-

1) *Teutsch*, op. c., p. 110.

2) Тамъ же, слѣдующая грамота.

3) Тамъ же, p. 54.

4) *De-Luca Ignas*, «*Geographie des Kôm. Ungarn*», Wien, 1791, p. 117.

5) Тамъ же, p. 115.

6) Уважаемый историкъ первыхъ лѣтъ жизни мадьяръ на Дунаѣ, профессоръ К. Я. Гротъ, въ своей книгѣ: «Моравія и мадьяры съ половини IX до начала X вѣка», говоритъ, напримѣръ, объясняя то лѣтописное свидѣтельство: «Дѣло въ томъ, что у болгаръ была своя морская соль, которою они и снабжали мораванъ, когда нѣмцы запрещали послѣднимъ вывозить ихъ баварскую соль. На нынѣшнихъ Мармарошъ власть болгаръ во всякомъ случаѣ не простиралась. Изъ этого извѣстія ясно скорѣе, что *трансильванскія соляныя копи не были вовсе извѣстны съ ту эпоху...*» (стран. 90, прим. 2). Не говоря о томъ, какъ мало вѣроятіа для IX столѣтіа предположеніе о доставкѣ *черноморской соли* въ Моравію и еще вверхъ по Дунаю, когда и позже и сегодня такой коммерціей никто ни занимался и не занимается, какъ мало въ нарисованной историко-культурной картинкѣ Трансильваніи XI вѣка историческаго!... Этнографъ имѣетъ дѣло съ объективными фактами, а историкъ — съ субъективными засвидѣтельствованиями, — отсюда и раздоръ у нихъ. Языкъ же для этнографа, что микроскопъ въ рукахъ натуралиста.

ринѣ добычи и вывозѣ карпатской соли и торговлѣ ею могъ бы сказать кое-что любопытное и литовскій языкъ своимъ оригинальнымъ словомъ для соли — *drushàs*; но объ этомъ когда-нибудь будетъ рѣчь отдѣльно.

Параллельно добычѣ каменной соли, „*salis terrestris*“, шла въ Трансильваніи и добыча, разработка втораго горнаго богатства — *металловъ*, и параллельно соляному термину въ топониміи Залѣсья — *Окно* — идетъ металлическій терминъ — *Баня*.

Дѣйствительно, такой альпійскій край, какъ Трансильванія, славенъ не одною солью. Цѣлый краѣжъ горъ, тянущійся отъ Дуная на сѣверо-востокъ и составляющій границу Венгріи и княжества Седмиградскаго, носитъ имя *Рудныхъ горъ*: у нѣмцевъ — *Siebenbürgisches Erzgebirge*, у мадьяръ — *Erc-hedység* (здѣсь *erc* изъ нѣм. *Erz* металлъ, руда, *hedy* — гора, краѣжъ). Здѣсь, по восточному или трансильванскому склону этихъ Рудныхъ горъ, расположены теперь и располагались (какъ надѣемся доказать) отъ прасѣдой старины — рудники, процвѣтаетъ и процвѣтало горное рудное дѣло, бойко шла добыча разныхъ металловъ — отъ желѣза и до золота.

Извѣстно, что императорскіе римляне ссылали въ нашу Трансильванію *ad metalla*, т.-е. каторжниковъ: но мы не позволяемъ себѣ думать, чтобы эти „художники“ были первыми учителями туземцевъ въ металлургіи, Оубелами ихъ, ибо уже самъ Геродотъ отмѣтилъ агаеурсовъ, какъ утопавшихъ въ болотѣ.

Чаще чѣмъ соляные города и поселенія, чаще чѣмъ Окна, мы на картѣ Трансильваніи встрѣчаемъ сельбища рудокопныя, встрѣчаемъ названія: у мадьяръ *Banya* (читать — *баня*), у румынъ *Baja* (т.-е. съ пропускомъ мягкаго *n*), а именно: 9 населенныхъ мѣстъ съ именемъ *Banya*, 3 въ уменьшительной формѣ — *Banyjka*, *Banyiczka* (суффиксъ — *urka* славянскій) и 2 съ тѣмъ же именемъ въ сложении — *Banyabük*, мадьярское поселеніе *Baja-de-fjer*, т.-е. желѣзный рудникъ, валашское. Эти горно-заводскіе пункты расположены, какъ замѣчено выше, густою цѣпью по склону руднаго краѣжа, вдоль его быстрыхъ, горныхъ потоковъ.

Но чтò за имя рудокопнень *Banya*, *Baja*, откуда оно?

Нарицательное значеніе имени *Banya*, какъ и поводъ къ появленію его въ топониміи края, уже просвѣчивается въ названіяхъ, подъ которыми слывуть нѣкоторые изъ тѣхъ пунктовъ у мѣстныхъ нѣмцевъ. Такъ, *Banya-Bük* у нихъ *Buch-grub*, гдѣ первая часть *Buch* — грубое, механическое осмысленіе второй части мадьярскаго названія *Bük*, и это изъ слав. *быкъ*, какъ называется извѣстная гора. Такъ *Baja-de-fjer* у нихъ же — *Eisen-hammer*, гдѣ вторая часть — *Hammer*, собств. молотъ, — подобное же осмысленіе изъ стараго нѣмецкаго же, имени — *Kammer*, рудникъ. Но вполне ясно значеніе имени *Banya*, въ мадьярскомъ языкѣ: *banya* или въ сложении — *ercbanya*, это нѣмецкое *Erz-grube*; отсюда *bányász*. *Bergmann*, рудокопъ. Первая же часть въ *ercbanya*. *erc*, нѣмецкое слово — *Erz*.

Уже въ виду этого послѣдняго обстоятельства — что для понятія вообще о рудѣ, металлѣ, въ мадьярскомъ языкѣ нѣтъ своего слова, а взято изъ нѣмецкаго (хотя мадьяры и вышли изъ-подъ рудоноснаго Урала), позволительно предположить, что и терминъ *banya*, рудникъ, — не мадьярскаго происхожденія.

Дѣйствительно, слово *banya* — происхожденія славянскаго. Въ словацкомъ языкѣ

baňa именно рудникъ, рудокопня, baňské mesto Bergstadt; въ чешкомъ baňe тоже: Erzgrube, Bergwerk, затѣмъ Thurmknopf, Kuppel (макушка башни, куполь). Замѣчательно, что всѣ эти чешскія значенія слова *бања* имѣетъ и языкъ русскихъ, что въ Карпатахъ Галичины: *бања* — минеральная или металлическая копъ, затѣмъ куполь. Общепринято, что столь распространенное въ славянскихъ языкахъ слово *бања* есть, въ свою очередь, позаимствованіе изъ кельтскаго языка, изъ сѣдой эпохи до-историческихъ сношеній славянъ и кельтовъ. Что же касается до семасіологической связи между русскимъ словомъ *бања*, мѣсто мытья, и тѣмъ же словомъ въ языкѣ словаковъ, чеховъ, русскихъ въ Карпатахъ, бања рудокопня, то она дается въ представленіи о мѣстѣ для *промывки* нечистой руды, снабжавшемся какимъ-либо нехитрымъ деревяннымъ приспособленіемъ.

Но могутъ возразить: согласны въ относительно славянскомъ происхожденіи мадьярскаго слова *banya* рудникъ; но мадьяры могли позаимствовать, какъ первыя свѣдѣнія въ горномъ дѣлѣ, такъ и слово *banya*, отъ словаковъ, въ Венгріи, и затѣмъ уже лично открыть горное дѣло въ Трансильваніи, гдѣ оно было заброшено и забыто въ вихрѣ такъ назыв. переселенія народовъ, въ періодъ (миѳическій) гепидовъ, послѣ римлянъ. Слѣдовательно частая встрѣча слова *Banya* въ топониміи Трансильваніи еще ничего не говоритъ о принадлежности этого мѣстнаго названія эпохѣ до мадьяръ, а потому и извѣстности руднаго дѣла того времени. Вѣдь аналогичное толкованіе мы сами допустили раньше для мѣстныхъ названій Szereda, Péntek...

Но въ защиту туземности и имени *Banya*, и горнаго, дѣла имъ свидѣтельствуемаго, мы обращаемъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства:

1) Если въ Трансильваніи былъ развитъ соляной горный промыселъ — а именно такую картину культурной жизни застали въ странѣ мадьяры при своемъ появленіи сюда въ X—XI столѣт, то было бы непонятно, какимъ путемъ могло быть совсѣмъ неизвѣстно въ краѣ, столь богатомъ металлами, рудное дѣло. Кто разъ пошелъ въ утробу земли и сѣкъ тамъ соль, тотъ не могъ пройти мимо металла, руды.

2) Совершенно чуждые металлической культуры, чуждые не только добычи и элементарной техники производства, но и простѣйшихъ орудій и принадлежностей домашняго обихода изъ металла, мадьяры научились цѣнить употребленіе металла и его производство, уже по водвореніи своемъ среди славянъ, но славянъ съ *юсами* въ языкѣ, а не словаковъ. Имѣя свои термины для обоихъ благородныхъ металловъ: *arany* золото, *ezüst* серебро, а для желѣза: *vas* (если не нѣмецкое заимствованіе), мадьяры пользуются чужимъ словомъ для олова, т.-е. для археологическихъ металловъ по преимуществу, изъ своего обычнаго источника — славянскаго языка: олово — *olom* (и съ удержаніемъ ударенія). Правда, мадьярскіе ученые готовы отбросить это отождествленіе¹⁾: но оно слишкомъ

¹⁾ Напр. г. *Balassa Josef*, въ своей критикѣ изданія Вагнера: «Die Slavischen Elemente im Magyarischen», говоритъ: «*olom* (Blei) kann nicht aus slav. *olovo* entstehen; Miklosich bemerkt auch «*m* für *v* ist befremdent»; das Wort ist nach Budenz desselben Ursprunges wie *ón* (plumbum)» «Ungarische Revue», 1885, p. 277. — Словарь проф. Буденца, это изв. «Magyar-Ugor Szótár». Итакъ, звукъ *m* мѣшаетъ; но отождествлять *olom* и *ón* — можно. Г. Баласа напоминаетъ мнѣ однихъ академическихъ этимологовъ Румыніи, въ своемъ утвержденіи, наприимѣръ, «*malom* (Mühle) und *molnar* (Müller) kommen vielleicht aus dem italienischen *molino* und *mulinaro* und nicht aus dem serbischen (!?) *mlin*, *mlinar*» (p. 279). Почему *млинь*, *млинаръ* приурочены одному сербскому языку? Оба слова у всѣхъ славянъ, а съ итальянскими братьями сближаются въ силу общепарійскаго характера корня *мел*, *мол*.

ясно. Темновато происхождение мадьярского термина для мѣди (и въ славянскомъ языкѣ соотвѣтствующій терминъ представляетъ загадку), именно *réz*: можетъ быть, онъ въ связи съ славянскимъ *ржа*, *ржда* аегуго? Для обозначенія металла вообще, взято нѣмецкое *erz* — *erc*, и славянское *руда* — *rud*. Но обратимся къ металлургическимъ терминамъ въ мадьярскомъ языкѣ и къ словамъ для самыхъ обыденныхъ предметовъ изъ металла, чтобы видѣть, кто былъ Фовеломъ мадьярь.

а) Слова относящіяся къ обработкѣ металла:

држгъ, въ польск. *drag* рычагъ: *dorong* палица, шесть.

клада: *kaloda* Block.

клен: *keleperlö*, *keleplö* клепачъ, клепало; *kalárac* молотъ (съ спеціальной усиленной вокализацией).

ковать: *kovacsol*, съ массою производныхъ отъ славянскаго корня *коу*, *ков*.

копать: *korál*, *karás* Gräber, *кара* мотыка, кирка; отсюда и мѣстное названіе *Карник-Вапуа*, т.-е. копальня, рудокопня.

лопата: *lapát*.

молотъ: *kalarácska* (небольшой); но большой молотъ *kovacs-kalárac*; вдѣсь два славянскіе корня: *ков* и *клен* (см. выше).

мотыка: *кара*, отъ слав. корня *коп* (см. выше).

чеканъ: *csákány* Keilhane, Hammerbeil; *csákány kalárac* Spitzhammer словацкое *oskrd*. „*Csákány*, говоритъ г. Баласа, kann sowohl aus dem türk. *sakan*, als aus dem sl. *čekan* kammen (ор. с. р. 279). Но здѣсь одно совпаденіе.

щипцы: *csipőcs*, собственно клещи.

б) Слова для орудій въ домашнемъ обиходѣ.

брита: *borotva*, *borotvatok*. Основная форма въ славянскомъ, вѣроятно * *брты*.

градль: *gerendely* Wellbaum, Walze; въ словицкомъ — *hriadel*.

ключъ: *kulcs*, *kulcsbl* запираетъ ключомъ.

под-кова: *patko*, *patkol* подковывать. Ср. и румын. *podcova*, *potkovescu*.

коса: *kasza*, *kaszál* косить.

котелъ: *katlan*.

кружъ, кружка: *korsó*. Но г. Баласа ведетъ изъ турецкаго *kolcag*.

льмешъ (чрѣсло): *csoroszlya* рflugeseisen; въ болгарскомъ *чирисло*, въ словацкомъ *cereslo*. Источникъ заимствованія неясный: возможенъ и словацкій.

скоба: *eszkába*, то же что *csákánykarocs*.

стыкира: *bárd*, *ács-bárd* изъ слав. *брады*; ср. въ чешскомъ *bradatice*.

цѣпъ: *cséplő*; *csépel* молотить цѣпомъ.

в) Слова, относящіяся къ вооруженію.

когда: *kard*. Впрочемъ, для г. Баласы отношеніе обратное: персид. *kard* сабля вошло въ турецкій языкъ и „von hier haben wir es genommen, das slav. *когда* ist aus dem Magyarischen entlehat“ (ор. с., р. 280).

лжшта: *landzsa* laucea. Ср. и въ румынскомъ — *ланче*.

ножъ: *nőszírom* Schwertel; но просто ножъ — *kés*.

обржухъ: *abroucs*.

палашиъ: *pалlos*.

палица: *pálsa*.

праща: *parittya*.

Старорус., хорут. *mapra* = щить: *tárcsa*.

шипъ (стрѣла): *csipke-bokog*.

шишакъ: *sisak*.

шльмъ: *szelemen*.

Такимъ образомъ, знакомствомъ съ главнымъ обиходнымъ металломъ, съ обработкой металла и съ массой предметовъ обиходныхъ, изъ металла или въ которыхъ участвуетъ металлъ, мадьяре обязаны славянской культурѣ. Владѣя языкомъ, выросшимъ при условіяхъ кочевой грубой жизни (отсюда свои слова для примитивнаго оружія: *ij* лукъ, *in* тетива, *nyil* стрѣла), мадьяры даже ковать коней своихъ научились уже въ Европѣ, по водвореніи среди славянъ, отъ этихъ послѣднихъ. Тому же искусству научились и пастухи-валахи отъ славянъ. Все указываетъ на славянскую образовательную школу и, замѣтимъ въ скобахъ, сами мадьяры, въ лицѣ лучшихъ своихъ научныхъ представителей, къ чести своей, не тяготятся признаніемъ этого важнаго факта въ своей исторіи, не идутъ по пути нашихъ братьевъ по вѣрѣ, румынъ, которые даже такіа архиславянскія слова, какъ *дунгъ*, *пръжъ*, въ своемъ языкѣ, дивнымъ образомъ сияются провести изъ латинскаго языка... Если г. Баласа указываетъ, что мадьяр. *rud* металлъ идетъ изъ средне-нѣм. *ruote*, а славянское *pyda* (у него *rudo*!!) имѣетъ своимъ источникомъ мадьярскій языкъ (ор. с., р. 281): то это дѣло патріотическаго вкуса автора. Сами же юные воспитанники славянъ въ рудномъ и вообще металлическомъ дѣлѣ не могли учить страну, въ которой разработка металловъ связывается еще со школой римскихъ каторжниковъ, и полумифическихъ агаюрсовъ, металлическое богатство которой было баснословно, особенно, чтѣ касается золота и серебра, и именно по восточному склону Руднаго кража. Вѣковыя традиціи прерываются только въ книгахъ. Одинъ изъ глубокихъ, еще старыхъ, знатоковъ Трансильваніи, туземный дѣятель первой половины XVI вѣка, Георгій Рейхерсдорфъ, ученый секретарь импер. Фердинанда II, описывая свою родину, приходилъ въ какое-то умиленіе предъ ея великими сокровищами нутра земли. Послушаемъ же его.

„Ab alba Julia (т.-е. Tejér-vóz, Бѣлградъ) ad Occidentem, говоритъ авторъ, sunt montes et alpes axcelsissimae..., in quibus situantur civitates montanae auro et argento praestantes, inter quas vel precipua est Abrug-banya...¹⁾ venis metallicis celebris, ubi magna auri vis assidue colligilur...“ И далѣе Рейхерсдорфъ повторяетъ то же о томъ же кражѣ: „Sunt montes auri et argenti ditissimi, utpote Abrug-bania, Zalathnia, Keres-bania, et quibus magna vis auri et argenti sumitur“²⁾. Но и самыя горныя рѣки были золотоносныя:

¹⁾ Правильнѣе было бы *Abrud*, какъ на нынѣшнихъ картахъ и въ старыхъ грамотахъ, напр. 1271 года: «...quod terram *Obruth* vocatam, que est sita juxta Onproy terram...» (*Teutsch*, ор. с., р. 96). Издатель замѣчаетъ: *Abrud-banya*. *Abrud* — мадьярское распространенное славянское *pyd*, изъ *pyda* металлъ.

²⁾ *Georgius à Reychersdorff-Transylvanus*: «Chronographia Transylvaniae, quae Dacia olim appellatu...», Viennae Austriae, M. D. L., р. 14 а, 16 а. Эта рѣдкая книга перепечатана А. *Papiu Ilarianu*, въ его «*Tesauri de monumente istorice pentru Romania*», т. I, Bucuresci, 1862.

„Nunc auri venique ferax Bistritia surgit“ — раздражается гексаметромъ ученый трансильванецъ.

Но всё эти соображенія противъ всякой мысли о занесеніи горнаго дѣла въ металлоносную Трансильванію уже мадьярами и въ пользу глубокой старины этого высокультурнаго промысла, — изъ эпохи домадьярской, а именно *славянской*, находятъ особенно рѣшающую поддержку въ

3) судьбахъ трансильванскаго города *Zalatna*, какъ онъ называется мадьярами, *Златна* или *Злакна*, какъ имя его звучитъ въ устахъ румынъ. Судьбы эти глубоко интересны при воскрешеніи былой жизни нѣкогдашняго Залѣсья: была культура и культура славянская.

Къ западу отъ Fejér — Бѣлграда (Carlsburg), на притокѣ Мароша Омполѣ, лежатъ два городка одного имени — *Zalatna*, одинъ близъ другого. Повидимому, *неславянское* названіе. Но мы видимъ, что его славянизмъ выдаетъ сейчасъ же нынѣшній житель и городовъ тѣхъ и ихъ окрестностей, румынъ, своимъ *Злакна* или *Златна*. Первое же *a* въ мадьярской формѣ — необходимая, согласно духу языка, вокальная вставка. Что имя *Златна* — прилагательное отъ сущ. *злато*, ясно само собою. Но это свидѣтельствуется и латинскимъ названіемъ обоихъ мѣстъ: *Auraria*, т.-е. просто переводъ, и названіемъ ихъ у нѣмцевъ: Schlatten или Schlattendorf для большой Златны (Nagy) и Goldenmarkt, Золотое мѣстечко, для Малой (Kis).

Золотое мѣстечко, Златна, было и осталось истинно золотымъ доломъ, откуда всегда извлекалась „magna vis auri“, хотя до самаго послѣдняго времени совсѣмъ примитивно. Вотъ какъ описываетъ этотъ золотой промыселъ венгерскій географъ XVIII столѣтія, извѣстный Матвѣй Бѣль. „Въ Златнѣ, которую валахи считаютъ метрополіей своего племени, въ базарные дни, говоритъ авторъ, стекаются массы народа, и тогда правительственный чиновникъ, назначивъ извѣстную плату, покупаетъ у валаховъ и мадьяръ золотой песокъ, собираемый ими въ рѣкахъ; и промывка золота — ихъ главное средство къ жизни“¹⁾.

Но та же золотопромышленная жизнь, и конечно, съ тѣми же приѣмами имѣла мѣсто и раньше, два вѣка назадъ до Бѣлы, какъ это мы видимъ изъ разсказа Рейхерсдорфа, и при той же обстановкѣ золотого города: кругомъ, широко и далеко, жилъ главнымъ образомъ всемогущій, всепоглощающій румынъ, съ немногочисленными нѣмцами въ самыхъ городахъ.

Говоря о горахъ, которыя „auri et argenti ditissimi“ — у Abrud-banya, Zalatna, Рейхерсдорфъ о послѣднемъ городѣ категорически замѣчаетъ, что его „nunc Valachi incolunt“. Объ этихъ обитателяхъ золотого угла этнографъ XVI столѣтія, какъ и естественно ожидать, самаго дурнаго мнѣнія. „Керешъ-баню, Абрудъ-баню, Златну, говоритъ Рейхерсдорфъ, занимаютъ нѣмцы, перемѣшанные съ валахами; только мѣста эти очень небезопасны отъ постоянныхъ грабительствъ со стороны валаховъ. Но несмотря

¹⁾ Bel Mat., «Compendium regnorum Slav., Croatiae, Dalmatiae ... M. Princ. Transilvaniae», Posonii, 1792, p. 147, примѣч. h. Бѣль пишетъ прямо *Zalatna* и правильно поясняетъ, что «denominationem accepit a slavica vocula *zlato*». (Тамъ же.)

на это, именно здѣсь „magna vis auri et argenti summitur“, именно здѣсь „Camerae Regine (т.-е. казнѣ) pro cudendis tam aureis, quam argenteis monetis applicatur“¹⁾.

Не иная картина жизни, но иная *этнографическая* картина была въ этихъ полудикихъ, уже валашскихъ въ XVI столѣтіи горныхъ ущельяхъ тогда, когда жили здѣсь тѣ, которые отъ своего языка дали имя золотому углу страны — славяне. Они должны были здѣсь жить, но когда? Для нихъ, для славянскаго періода въ исторіи золотого угла, мы не имѣемъ (или мы лично не знаемъ) не только такихъ точныхъ историческихъ показаній, какъ показанія Рейхерсдорфа о дикихъ валахахъ, но и вообще какихъ-либо. Но въ этотъ безвѣстный періодъ бросаютъ нѣкоторый лучъ свѣта соображенія общаго характера“²⁾.

Небольшое валашское въ XVI столѣтіи мѣстечко Златна (Auraria major) „нѣкогда (olim) было, — говоритъ Рейхерсдорфъ, — громаднѣйшимъ городомъ (maximam urbem), какъ это явствуетъ изъ старыхъ вещественныхъ памятниковъ“. Тогда, продолжаетъ онъ, Златна особенно славилась своими aurifodinis — золотыми россыпями“³⁾.

Прежде чѣмъ итти дальше за разсужденіями Рейхерсдорфа, отмѣтимъ пѣкогдашній этнографическій характеръ страны вокругъ Златны, насколько онъ можетъ быть воскрешенъ при помощи мѣстныхъ именъ. Здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, должны были жить, и сплошными массами, тѣ, о которыхъ въ первой половинѣ XVI столѣтія уже не было и помину, — славяне: о славянахъ, о славянскомъ „olim“, глашаютъ мѣстныя имена окрестностей золотого мѣстечка.

Такъ, по направленію къ сѣверу отъ Большой Златны (или Abrud-banya): Бучешты, Быстра, Gegend, Мункешты и др.;

по направленію къ западу: Brad, Lunka, Rebitza, Rescoliza, Ternava, Trestia (трость);

по направленію къ югу: Grad, Pojana (поляна), Szirb (срѣбъ), Csertes (ср. Чертижъ въ Венгріи) и др.

Всѣ эти названія не выбраны нами, а взяты прямо съ карты, *подъ рядъ*, но въ азбучномъ только порядкѣ.

Но куда же приурочить это славянское „olim“ Златны и ея края, эпоху невидимыхъ для исторіи славянскихъ золотарей, богатырей земли?

Для Рейхерсдорфа, его „olim“ Златны, эпоха ея цвѣтущей золотопромышленной жизни, вкладывается въ рамки весьма опредѣленнаго времени. Это — эпоха римской оккупации Дакіи, нашего Залѣсья: отсюда у него идетъ и самое начало нашей славянской Златны. „Златна, объясняетъ онъ, — городъ, основанный во времена императора Траяна, нѣкогда знаменитый своими золотыми россыпями. Здѣсь и сегодня еще имѣется нѣсколько надписей, вырѣзанныхъ на мраморѣ, и одну изъ нихъ, достойную памяти, мы и прилагаемъ тутъ“⁴⁾.

Конечно, не на основаніи какихъ-либо лѣтописей ничтожнаго уже въ XVI столѣтія городка, глухаго памятника былой славы, Рейхерсдорфъ своей Златнѣ приписываетъ

¹⁾ *Reichersdorff*, op. c., p. 16 b, 16 a.

²⁾ *Билъ* вспоминаетъ только о мастерахъ, призванныхъ Баторіемъ (I. c.), ясно, безъ всякаго значенія.

³⁾ *Reichersdorff*, op. c., 14 a.

⁴⁾ Тамъ же, p. 16, b.

ваетъ такую сѣдую древность, какъ эпоха пребыванія римлянъ въ Трансильваніи (до конца III в. по Р.), а въ виду монументальныхъ показаній и общихъ соображеній. Мы, безъ сомнѣнія, далеки, чтобы раздѣлить убѣжденіе трансильванскаго ученаго половины XVI столѣтія о начальной эпохѣ загадочной Златны, не будемъ сводить на очную ставку славянъ золотого угла Трансильваніи съ императорскими легионерами Рима и римскихъ памятниковъ, вскрываемыхъ изъ-подъ фундамента Златны, не будемъ относить къ славянскому народу, исторіей не знаемому, золотого мѣстечка и его окрестностей. Для насъ имѣетъ историческій интересъ современное убѣжденіе въ самой Трансильваніи XVI вѣка, связывающее эпоху возникновенія Златны съ Римской имперіей; важно то обстоятельство, что когда-то славянская, но уже въ XVI вѣкѣ валашская, Златна, всегда „aurifodinis insignis“ стояла на мѣстѣ римскаго города, что какого-либо посредника, какое-либо третье лицо между Златной и временемъ римской оккупации Дакии современная память не знала. Если же время римской оккупации и не видѣло, не знало еще славянъ въ странѣ, не звучало еще тогда Златна, хотя и славилась ея золотая почва, гдѣ была „maxima urbs“, то, едва ли мы ошибемся, поживъ, что славянской періодъ въ судьбахъ Златны не отстоялъ далеко отъ римскаго; вторженіе же мадьяръ должно было захватить еще славянскую эпоху края, о чемъ будетъ яснѣе ниже, когда мы убѣдимся, что валахъ XVI столѣтія только сидѣлъ на славянскихъ костяхъ.

Такимъ образомъ, Златна рѣшительно говоритъ о древности славянской стихіи въ странѣ, какъ и о высокой культурѣ ея славянскихъ старообитателей. Но еще недавно историки требовали отъ насъ вѣрить, что Трансильванія въ X вѣкѣ, это „нейтральная территорія“, куда только печенѣги да мадьяры наѣзжали для свободной охоты на медвѣдя (Hunfalvy), какъ это дѣлалъ въ наши дни пок. кронпринцъ Рудольфъ.

6.

Обзоръ и оцѣнка топографическихъ именъ Дунайскаго Залѣся привели насъ къ твердому убѣжденію о существованіи въ немъ непризнаемаго исторіей славянскаго элемента въ такое раннее время, какъ эпоха прибытія мадьяръ и ранѣе, и элемента не пекультурнаго. Такимъ образомъ, топономія Трансильваніи, значеніе которой уже понималъ великій дѣписецъ славянства, Павелъ Шафарикъ, позволяетъ восполнить любопытнымъ текстомъ лишнюю бѣлую страничку въ бытовой исторіи нашей старины, роднаго язычества. Какой же тяжкій грѣхъ предъ наукой недавно совершилъ заслуженный изслѣдователь тѣхъ краевъ, когда въ проектированной имъ лично этнографической картѣ славянства IX вѣка онъ всю Трансильванію цѣликомъ выдалъ въ исключительное пользованіе румынъ, которые тогда могли лишь сформироваться, выльзши изъ своихъ горныхъ трущобъ¹⁾.

¹⁾ Dr. Jos. Lad. Pič, въ своей «Zur Rumänisch-Ungarischen Streitfrage, Skizzen zur ältesten Geschichte der Rumänen, Ungarn und Slaven» (Leipzig, 1886). Карта приложена къ концу книги. — «Osteuropa im IX Jahrhundert». Одни румыны и румыны, хоть бы чуточку славянъ... Мы лично ту же проекцію сдѣлали правильнѣе, безъ румынофильства, въ своей картѣ «Разселенія славянъ въ IX в.», изданной ко дню 6 апрѣля 1885 года.

Но если мы, притомъ, насколько дозволить намъ это нашъ лично недостаточный опытъ, обратимся къ *историческимъ* источникамъ, то и въ нихъ найдутся кое-какія свидѣтельства въ пользу славянъ, въ защиту ихъ игнорируемаго въ Залъсѣѣ существованія. Заботливо обходимые славяне подойдутъ, пожалуй, и къ самой римской оккупациіи Дакии, такъ что и Рейхерсдорфъ съ своей теоріей начала Златны будетъ не неправъ.

Мы обращаемся къ средневѣковымъ регестамъ и грамотамъ Трансильваніи, къ ихъ показаніямъ о присутствіи славянской стихіи тамъ въ ихъ время. Эти нещедрыя показанія сводятся, главнымъ образомъ, къ двумъ группамъ: къ собственнымъ именамъ славянскаго происхожденія

- а) мѣсть и
- б) лицъ.

Относительно рѣдкими оазисами встрѣтятся тамъ нарицательныя слова. Но намъ особенно дороги здѣсь будутъ юридическіе отголоски, напомниманія о старомъ бытѣ славянскомъ — мѣстныхъ славянъ. Къ нимъ примкнутъ косвенныя показанія историческаго, въ обычномъ смыслѣ, характера. Пользуемся заѣзженнымъ, но дорогимъ собраніемъ г. Тейча (о немъ выше), хотя и неполнымъ. Начнемъ съ документовъ конца XII стол., и отдѣльно предложимъ данныя обѣихъ группъ.

- а) *Историческая топономія Трансильваніи.*

Такъ какъ грамоты писаны на латинскомъ языкѣ и людьми разнаго происхожденія, поэтому въ правописаніи именъ встрѣчается крайняя пестрота: въ двухъ грамотахъ одного и того же года различно пишется одно и то же имя; но разладъ этотъ бываетъ и въ границахъ одной и той же грамоты. Вотъ почему, естественно, этимъ матеріаломъ необходимо пользоваться съ осмотрительностію, иначе можно выжимать изъ нихъ выводъ *ad libitum*. Предостережительный примѣръ можетъ дать румынскій патріотическій историкъ г. Ксенополь, производившій ту же операцію, что произвести собираемся и мы, но тенденціозно, съ особыми этимологическими, хотя и патріотическими, домыслами. Съ трудомъ г. Ксенопола мы повстрѣчаемся ниже. Въ виду этого мы сколько-нибудь сомнительныя данныя отмѣчаемъ, какъ таковыя, и останавливаемся на данныхъ ясныхъ. Выбрасываемъ данныя безцвѣтнаго, нерѣшающаго характера, какъ напр. *Zent* = *szent* изъ слав. свѣтъ, ибо это названіе могло принадлежать и кровному мадьяру, или *Csötörök* (имѣнье въ регестахъ подъ 1216 годомъ), несомнѣнно изъ слав. четвѣрткъ, по тому же основанію.

Грамота 1176 года: *Gerend* (Stephanus de —), *Jara* (Ladislaus de —), „*rivulus Preselw pathak vocatus*“.

Мѣсто *Gerend*; имя это изъ слав. града балка, кровва, съ каковымъ значеніемъ это слав. слово перешло и въ мадьярскій языкъ: *gerenda*.

Jara; ф. слав. яръ, яруга.

Preselw pathak. *Pathak* — это слав. потокъ, и слово вошло въ мадьярскій языкъ. Въ той же грамотѣ и *Zyntpathaka*, т.-е. свѣтъ потокъ. А первая часть имени? Конечно *w* = *u*, ибо въ этой же грамотѣ *Mikwd* = *Mikud*. Не есть *Preselw(u)* слав.

прошедшее — прѣшьль, и все названіе — прѣшьль потокъ? Кѣмъ же этотъ потокъ былъ такъ vocatus?... Должно полагать, славянами.

Грам. 1197 г.: „...super Fequetfee... ad Hehesholmu inde ad Sossed... cum villa de Acna... ad magnum montem, qui vocatur Acnahege... cum villa Lapad... ad Fequet-kopna“.

Hegesholmu состоитъ изъ двухъ однозначныхъ именъ существительныхъ: мадьярскаго *hegy* (читай *hedj*) гора, вершина, и славянскаго *holmu* холмъ, хлмъ при мадьярскомъ приѣмѣ — чрезъ *h* выражается звукъ *x*. Слѣд. въ *holmu* точнымъ образомъ переданы славянскіе звуки, и даже съ вокализацией *ol* = ц.-слав. *лз*. Такимъ образомъ, въ *Heges-holmu* мы имѣемъ мѣстное туземное имя, но прогlossированное по-мадьярски. Конечно и въ *holmu*, должно полагать, указываетъ на присутствіе еще въ славянскомъ языкѣ гласнаго конца, гласности *ъ*. Что *holmu* = холмъ еще славянское слово, ясно изъ того, что въ мадьярскомъ языкѣ оно въ подобной формѣ существовать не могло, ибо стеченіе согласныхъ *l, m*. И дѣйствительно, когда наше слово является уже словомъ мадьярскаго языка, оно уже имѣетъ мадьярскую фізіономію, именно — *a* вм. *o* въ первомъ слогѣ (согласно общему закону передачи славянскихъ словъ мадьярскимъ языкомъ) и паразитно-гармоническимъ *o* для разъединенія указанныхъ согласныхъ звуковъ: *halom*. Такъ то же мѣстное имя, но въ документѣ на $\frac{3}{4}$ столѣтія позже, въ мадьярской формѣ *Feketehalom* (Регесты, подъ 1268 г.). Впрочемъ, эта мадьяризація личное дѣло писца, ибо въ грамотахъ того же времени мы имѣемъ наше слово все въ его славянской формѣ, но уже безъ вокальнаго конца: *castrum Fekethen-holm* = *Feketen-holm*, грам.: 1268 г. (№ 195, 196). Безъ вокальнаго конца наше слово перешло въ мадьярскій языкъ. Но не такъ объясняютъ наше топографическое имя въ указанной грамотѣ XII вѣка представители румынской науки.

Разворачиваемъ недавнюю книгу профессора румынской исторіи въ яскомъ университетѣ, А. Д. Ксенопола (Хѣнорол): „Une énigme historique — les Roumains au moyeu-age“ (Paris, 1885). Она направлена противъ румынофобскаго направленія въ исторической наукѣ Венгріи, главнымъ образомъ противъ трудовъ извѣстнаго венгерскаго этнографа, г. Гунфальви (Hunfalvy), ихъ основной тезы — недавности румынъ въ Трансильваніи... Не скроемъ, и въ мадьярской исторической наукѣ является увлеченіе, патріотическая жилка; но какъ отпрыскъ серіозной нѣмецкой школы, историческіе труды мадьяръ не сентиментальны.

На возраженіе противниковъ непрерывности румынской стихіи въ Трансильваніи (и вообще въ предѣлахъ старой Дакіи) — какъ понять, что въ мѣстныхъ грамотахъ раньше XIII столѣтія нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о румынахъ, г. Ксенополь отвѣчаетъ другимъ вопросамъ: „и много ли грамотъ раньше этого столѣтія? Первая датована 1165 годомъ, но уже пятая въ ряду заключаетъ въ себѣ явное доказательство (une preuve évidente) присутствія румынъ въ Трансильваніи“. Эта „пятая“ и есть наша, 1197 года, а ея „явное доказательство“ это — именно наше мѣстное имя *Heges-holmu*, т.-е. его вторая часть — *holmu*. „Это-то слово, утверждаетъ яскскій профессоръ, и заключаетъ въ себѣ доказательство, о коемъ идетъ рѣчь. Это слово состоитъ изъ двухъ частей: мадьярскаго *heges* гора и румынскаго — *holmu*. Слово *holmu* и сего-

дня живетъ въ румынскомъ языкѣ, параллельно съ словомъ *culme*, что изъ латинскаго *culmen*. Мадыры, слыша, какъ называли румыны того времени этотъ холмъ — *holmi*, и не понимая значенія слова, приняли его за собственное имя, которому и придали значеніе *Heges*; они образовали такимъ образомъ имя *Hegesholmi*, т.-е. холмъ Holmi — холмъ холма. Другое обстоятельство, которое доказываетъ съ послѣднею очевидностью (*avec la dernière évidence!*) румынское происхожденіе слова *holmi*, это — конечное *и*, которое есть не что иное, какъ румынскій членъ *ul*, но сокращенный въ *и*¹⁾.

Для доказательства румынскаго происхожденія слова *holmi*, авторъ указываетъ на извѣстность того же слова въ топониміи Молдавіи (въ примѣчаніи), а за симъ широко, но не глубоко, входитъ въ область сравненія романскихъ языковъ (его любимый конекъ) и отчасти славянскихъ, но затѣмъ, чтобы, въ концѣ концовъ, и самому признаться, что еще слишкомъ далеко до „послѣдней очевидности“, что *holmi* — румынское слово.

„У румынъ Трансильваніи, указываетъ самъ г. Ксенополь, встрѣчается слово *hîlmi* (читай хълму), съ значеніемъ возвышенія, горки. Сравнимъ лат. *culmen*, итал. *colmo*, португ. *cume*, исп. *culmbre*, старо-слав. *hulm* (!), польск. *chelm* (!). Мадыры также владѣютъ словомъ *halom* — горка, обозначающая межу (!). Румыны могли заимствовать свое слово *holmi* у латынчанъ или у славянъ, мадыры, въ свою очередь — у славянъ или у римлянъ“²⁾. Если же не исключается у автора возможность славянскаго происхожденія рум. *hîlmi*, то ясно, что вся ученость автора ни къ чему, лишній балластъ, но главное онъ самъ бьетъ себя, уничтожаетъ категорическій характеръ своего утвержденія раньше, всѣ эти „послѣднія очевидности“. Но что въ нашемъ *holmi* мы имѣемъ дѣло не съ словомъ румынскаго языка, ясно изъ приводимаго самимъ авторомъ дѣйствительно существующаго въ румынскомъ языкѣ и заимствованнаго отъ славянъ слова *hîlmi*, съ глухимъ звукомъ въ первомъ слогѣ на мѣсто слав. *o*, по общему закону передачи славянскихъ заимствованій румынами: ср. джбъ — *dimbu*, мжка — *minka* и пр.

Такимъ образомъ, въ *holmi* трансильванской грамоты конца XII вѣка мы имѣемъ настоящее слово славянскаго языка, изъ котораго уже румынъ той же Трансильваніи взял свое *hîlmi*, приспособивъ славянское слово къ духу своего языка. Соотношеніе же между слав. *холмъ* и лат. *culmen* могло бы указать г. Ксенополу на излишество сравненія съ португальской и пр. формой послѣдняго слова. О конечномъ *и* мы говорили выше: это *и* не имѣетъ отношенія къ рум. члену *ul*. Мы видѣли, что *и* позже въ грамотахъ, и въ мадырскомъ, наше *holmi* является въ своей обычно исторической, общеславянской формѣ *holm*, безъ гласнаго конца.

Наконецъ, г. Ксенополь напрасно смущается, что „если бы *holmi* не было румынскимъ словомъ, а мадырскимъ, то названіе *Hegesholmi* представляло бы тавтологію: *montagne de la montagne*“³⁾. Мы говорили выше, что здѣсь все въ порядкѣ: мадырское *heges* есть переводъ, глосса къ туземному мѣстному названію *холмъ*, и въ обще-

1) Р. 92—93.

2) Тамъ же, 92. примѣч. 1.

3) 93, примѣч.

житиі мадьяръ употреблялись то обѣ части, то только одна первая, мадьярская, *Heges*: примѣръ послѣдняго имѣемъ въ тѣхъ же грамотахъ.

Sosset, изъ слав. сжсъдъ, безъ носового.

Асна, мад. форма слав. окно. *Аснаhed* = Окно-гора.

Larad, изъ слав. лопата (ср. выше). У румынъ сегодня это мѣсто — *Lopádea*.

Fequetkopna — изъ двухъ частей: мадьярскаго прилаг. *feket* черный и слав. сущ. *kopna* (ср. *kopa*, уменьш. *копна*, стогъ, вообще возвышеніе круглое, что ясно изъ польскаго *коріес*; словац. *корес* = мадьяр. *halom, domb*, т.-е. возвышеніе, холмъ). Слѣдов. *Fequetkopna* = Черный холмъ, курганъ. Но въ той же грамотѣ, въ началѣ, мадьярскій писецъ далъ мадьярскій переводъ и славян. *kopna*: тамъ, при опредѣленіи границъ земли, та же мѣстность названа: *Fequet-fee*, гдѣ *fequet* = *feket* черный и сущ. *fö* или *fej* голова, что соотвѣтствуетъ слав. *kopna*. Очевидно, въ передачѣ слав. *kopna* мадьяр. *fö* голова мы имѣемъ примѣръ приблизительнаго перевода, но метафора естественна. На языкѣ туземныхъ славянъ наша мѣстность называлась, вѣроятно, Черная копна.

Разсыпанныя въ перемежку съ славянскими въ грамотѣ 1197 года нѣмецкія мѣстныя названія: *Bodon, Hufee-Merke, Hegen* и др., какъ могшія явиться въ Трансильваніи только съ прибытіемъ сюда колонистовъ съ нижняго Рейна въ половинѣ XII столѣтія, свидѣлствуютъ, что новые обитатели страны разсѣялись среди старыхъ славянскихъ обитателей, усѣлись промежъ нихъ, а не заселяли пустыню.

Грам. 1206 г.: *villa Karako*.

Кагако, съ долгимъ конечнымъ *o* (ибо стяженіе) специально мадьярская форма слав. *Krakov*. Ср. въ грамотѣ 1289 г. та же *villa Korokov*, а въ грамотѣ 1291 г. (№ CLXXIII) правильно *Crakow*.

Грам. 1211 г.: *terra Borza* nomine. Это главное сельбище призванныхъ фландрцевъ. Въ грамотахъ это имя: *Borsa, Burza* и даже *Boza*. Не стоитъ ли оно въ связи съ какимъ-либо горнымъ потокомъ, называвшемся *борзымъ*? Теперь — *Burzenland*.

Грам. 1219 г.: „... ad locum *Bundron* et... *Pasztuh*... et inde ad stagnum *Csazar*, et inde... ad pratum *Mihula*... et inde ad metam *Miroslon*...“

Bundrow, теперь, какъ замѣчаютъ издатели, *Dombro*, что сокращено изъ *Dombrov*, — *ovo*. Здѣсь мы имѣемъ такимъ образомъ примѣръ самой своевольной передачи писцомъ чуждаго ему слова; здѣсь буквы *b* и *d* стоятъ одна вмѣсто другой. Славизмъ же имени *Dombro*, г. джб, ясенъ самъ собой.

Pasztuh, при *h* = *x*, буквально *пастухъ*.

Csasar — важное историко-бытовое имя: оно *shum* въ звукѣ отвѣчаетъ *цасаръ, цъсаръ* славянской Библии (изъ лат. *caesar*), и является свидѣтельствомъ принадлежности бывшихъ славянъ Трансильваніи православно-христіанской церкви славянскаго обряда, церкви св. Меодія.

Mihula — или Микула, имя собственное, или въ недостаточной передачѣ *могила*.

Miroslon — очевидно, ошибочное написаніе слав. имени Мирославъ. Ср. ниже *Съ-неславъ* и др.

Грам. 1222, кор. Андрея, жалованная храмовникамъ на земли въ Борзѣ „contra *Cumanos*“: „usque ad terminos *Prodnicorum*“.

Prodnicí, писалъ нѣмецъ, вмѣсто *Brodnicí*. Извѣстенъ галицкій удѣльный князь Иванъ Бырладникъ половины XII в., съ своими сбродными людьми въ Бырладѣ и на нижнемъ Дунаѣ. Очевидно, бродникъ отъ бродить, слѣдовательно наемникъ — вагабундъ. Были, вѣроятно, и трансильванцы.

Грам. 1222 г. (№ XIX): „ad terminos *Blacorum*“, но ниже: „terram... *Valachorum*“.

Valachi — чисто славянская (русская) форма, вмѣсто книжной *Blaci*.

Грам. 1223 г.: „...in concambium terre *Borotnik*... monasterio de Kerch... per paludem que vocatur *Egwerpotak* usque fagos, qui dicuntur *nogebik*...“

Borotnik или мадьяризованная форма слав. *Brodnik* (ср. выше), или въ связь съ *борть* (брѣть) и = *бортникъ*, въ русскомъ языкѣ и пр. съ значеніемъ пчеловодъ, пасѣчникъ.

Kerch, въ грамотѣ 1225 *Kerz*, въ грамотѣ 1252 г. *Kircz*, изъ слав. *корчь*, ц.-слав. *кръчь*.

Potak — довольно точно передано слав. *потокъ*, съ *o*. Обыкновенно уже мадьярская форма — *patak*.

Nogebik. Такъ назывались *fagi*, т.-е. буки. Вѣроятно, сложное слово: *noge* вмѣсто *много* и *bic* вмѣсто *букъ*.

Грам. 1227 г.: „fuit in *Kraszon* civitate *Mesta* — civitatem *Kraszon*“.

Kraszon вмѣсто *Kraszow*.

Mesta — слав. *мѣсто* въ смыслѣ городѣ, здѣсь = *civitas*.

Грам. 1228 г. (№ XLI): „...in montem, qui vocatur *Lakal*... ad paludem eandem *Lakal*... juxta rivulum *Milos*... juxta rivulum *Osoisyd*... in vallem que vocatur *Zeku*, inde descendit ad fluvium, qui vocatur *Piszteraha*... ad montem, qui vocatur *Zanus*... intra duas (sc. montes) *Biku*... ad montem, qui (vocatur) *Csuzberez* (вор. *Csuzberez*)...“

Zakal — слав. *соколъ*.

Milos — ср. серб. личное имя *Милошъ*.

Zeku — *застѣка*, *простѣка* и проч.

Piszteraha или отъ прил. *пестръ* или по рыбѣ пеструга (форель).

Zanus. Ср. рѣки *Санъ* въ Галиціи, и *сань-змѣй*.

Biku — имя *Быкъ* такъ часто для обозначенія громадныхъ вершинъ.

Въ именахъ: *Osoisyd*, *Csuzberez* слышится что-то славянское, но что?

Грам. 1231 г. (№ XLVII): terre *Gumbas*. Ср. нын. *Gombus*, въ связи съ *Gomba* изъ слав. *гѣба*, въ Сатмарскомъ комитатѣ.

Грам. 1233 г. (LIII): „...ecclesia de *Bistriz*... ecclesia de *Roncha*, ecclesia de *Kenaz*... in silva que nominatur *Bereg*“.

Bistriz — рѣка Быстрица, нѣм. *Feistritz*.

Roncha — славян. *рѣка*.

Kenaz — старая, нечистая форма въ старомъ канцелярскомъ языкѣ Трансильваніи для слав. слова *князь*. Ср. ниже о достоинствѣ *kenezatus*.

Bereg — русское *берегъ*, въ Галиціи и вообще въ Карпатахъ съ значеніемъ нѣмец-

каго и того же происхожденія *Berg*: гора, лѣсъ (*silva*). Отсюда лѣсистый въ глубинѣ Карпатъ комитатъ Венгрии — *Beregh*.

Грам. 1238 г.: ...„*fluminis quod dicitur Chylna... Super lapidem qui dicitur Bela... usque ad villam Voyazd... versus sylvam super Berch qui dicitur Zwihodol... versus collem qui dicitur Pastorew...*“

Chylna, рѣка, теперь *Czélna*. Отъ корня *чл.*

Bela — бѣлый (камень).

Voyazd — слав. уѣздъ. Ср. чеш. *oujezd*, *Wegfahrt*, *Seitenweg*.

Berch Swihodol. Первое имя можетъ быть и нѣмецкое; ср. въ грамотѣ 1252 г.: „*vulgariter Berkh dicitur*“. Но можетъ быть только неточная передача слав. *берегъ* или *верхъ*: *верхъ* — обычное названіе высокой горы въ Карпатахъ, откуда румыны взяли свои *virf*; второе же имя, несомнѣнно, *суходолъ* или *сухой долъ*. Оно нерѣдко въ славянской топониміи.

Pastorew — слав. прилаг., съ суффиксомъ — *ев*, или отъ сущ. *пастыръ* (ср. выше *пастухъ*), или отъ сущ. *пасторъ*, уменьш. въ чешск. пол., *pastorek* — пасынокъ.

Грам. 1244 г.: „...*in villa Chan... in villa Dengeleg...*“ *Chan*, теперь *Csány*, т.-е. Чанъ. Ср. слав. *чанъ*. *Dengeleg*, вѣроятно, изъ двухъ частей. Первая часть *denge* — слав. дѣга.

Грам. 1252 г.: *terga Zek*.

Zek — слав. корень *зк.* Ср. выше.

Грамота 1261 г. (№ LXXIII): „...*transit ad Boba et ubhinc in Balvanka et ab eodem ascendit in montem Bela...*“

Boba — слав. баба — отецъ, дѣдъ и пр.

Balvanka, теперь *Bálványos*, уменьш. отъ *балванъ* — скала, камень, истуканъ.

Bela — ср. выше *lapis Bela*.

Грам. 1264 г.: *terga Nazwod*.

Nazwod изъ *на* + *сводъ*.

Грам. 1267 г.: *Feketen holm... Rhuda, Rhohozd*.

Holm, раньше *holmi*. Съ этого времени въ грамотахъ — то славянская форма *holm*, то мадьяризованная *halom*.

Rhuda, теперь *Ruda* = слав. *руда*. Ср. *Rodna*, грамота 1268 г. и теперь.

Rhohozd, теперь *Rákozd*. Вѣроятно, въ связи съ слав. *ракошь* камышь, въ чешскомъ и др.

Грам. 1269 г.: „...*Berch... Byrch, venit ad campum, ubi dumus, qui vulgariter appellatur Rekety... ad torrentem Droch...*“

Въ виду формъ *Byrch*, полагаемъ, что *Berch* = *Byrch* это слав. *верхъ*, рум. *virf*.

Dumus собственно терновникъ; называется на языкѣ туземцевъ *rekety*. Можно сравнить со словомъ *ракита*.

Droch = слав. *дрокъ*, трава.

Грам. 1278 г. (№ CXVIII): „...*et in dumbo potako descendit in rinulum Kuquellv...*“

Dumbo potako — латинскій аблативъ отъ слав. прилагательн. *dumb* изъ *глаз(ок)* и сущ. *потокъ* въ слегка мадьяризованной формѣ.

Грам. 1281 г.: „...separant terras *Bogomer, Gerend et Baratpyspuky*...“

Bogomer изъ личн. имени Богомѣръ.

Gerend изъ града.

Baratpyspuky — изъ двухъ мадьяризованныхъ слав. словъ: *братъ* и *епископы*.

Грам. 1282 г.: „...vallis *Udvarag* vocatur...“

Udvarag изъ слав. *дворъ*, въ уменьш. формѣ.

Грам. 1282 г. (№ СХХХІІІ): „...infra lapideam viam iuxta arbores *Harazt*... in rinulum *Volk pataka* vocatum...“

Arbores *Harazt* — мадьяризованная форма слав. *храстъ*, сокрац. изъ *хворостъ*.

Volkpataka — волкъ-потокъ.

Грам. 1283 г.: „...ad unum *Beregh*... in ipso *Beregh*... et per idem *Beregh* pervenitur ad quendam locum *Rarouzlyrok* vocatum... ad quendam terram paludosam. *Borzaszto* vocatum... transeundo ipsam paludem *Darvasto* vocatum... monticulum *Halom*... possessione *Machkas*...“

Beregh — берегъ, ср. выше.

Rarouzlyrok. Вѣроятно, изъ трехъ словъ: послѣднія два — *zly rok* = злый рокъ. Относительно перваго вспомнимъ *парогъ* соколъ.

Borzaszto, слав. корень *боръ*? Или въ связи съ сущ. *бръза*, *береза*? Суф. — *аст*, обозначающій обиліе чего.

Darvasto, прилаг., съ тѣмъ же суффиксомъ отъ сущ. *дръво*, *дарво*.

Machkas, и теперь *Maszkás*, отъ сущ. *мачка* медвѣдь. Этого звѣря и сегодня много въ Трансильваніи.

Грам. 1288 г.: terra *Zthara*. Теперь *Sztána*. Въ обоихъ случаяхъ имя явно славянскаго происхожденія.

Грам. 1289 г.: terra *Gerend*, слав. града. Ср. выше.

Грам. 1289 г.: опять *Chylna villa Vajazd Bertz* qui dicitur *Zuhodol*, collis *Pasztorren*, какъ въ грамотѣ 1238 года.

Грам. 1289 г. (№ CLIX): „...terra *Muhy* vocata, an capite rivuli *Kozd*... terra *Porteluky*...“

Muhy, им. мн. отъ *муха*, что ясно изъ имени *Mükendorf*, подъ которымъ это помѣстье извѣстно сегодня у нѣмцевъ. У мадьяръ нынче — *Моха*, т.-е. *моха*, и въ грамотѣ 1293 года читается: terra *Моһу*, т.-е. все въ множ.

Kozd. Ср. серб. *возд* лѣсъ.

Porteluky. Здѣсь интересна первая часть: *пор*, т.-е. *понъ*, въ начально-славянской формѣ вм. обыкновенной мадьяризованной *пар*.

Грам. 1290 г.: „...terra *Doboka* vocata...“ Изъ слав. *глубокъ*. Отсюда и комитатъ *Doboka*, напр. въ грамотѣ 1291 г.

Грам. 1291 г.: „...terrae *Medyes, Dumburon, Muhach, Bagyum*... *Нору*... *Polanteluk, Bagach*... *Feuldvar*...“

Medyes, теперь *Mézkö*, отъ *méska* медвѣдь, параллельное слово къ *medve*, изъ славянскаго. Ясно, названіе помѣстья славянское и звучало въ родѣ „медвѣжье“... Относительно обилія медвѣдей приведемъ и свидѣтельство грамоты 1138 г.: „...Sunt

homines, qui debent per annum dare viginti martures (куницъ), centum corrigias (уз-дечки?) et unam pellem *usinnam*“.

Dumburon, теперь *Dombró* = слав. джбровка. Ср. выше.

Muhach, теперь *Mohács*; ср. выше *Muhu*.

Bagyut, теперь *Bágyon* въ связи съ словами баъак, баъи дан въ сербскомъ?

Hory — вѣроятно, им. множ. — горы.

Polan-teluk, теперь *Pojan* — валашская форма, *j* вм. *l*. *Polan* = слав. поляна.

Bagach — богачъ?

Feul-dvar; вторая часть = дворъ.

Грам. 1297 г.: *possessio Zeleche*. Теперь *Szelestye*, т.-е. селище. Только въ виду современнаго названія можно возстановить испорченную форму грамоты.

Грам. 1297 г. (№ CCVIII): *monasterij Bykfew... possessioni Banabyk*.

Bykfew — въ первой части сл. *быкъ*.

Banabyk, теперь *Bánya-biik*. Ср. выше: *баня*.

Грам. 1299 г.: „...*terris Leske et Szentgyurg... villas... Nadasd et Bugartheluke vocatas...*“

Leske, т.-е. Лѣски. Въ концѣ этой же грамоты: „*in sylva Leske*“. Въ слѣдующей грамотѣ тоже: *silve Leske*.

Szent-Gyurg. Интересна вторая часть — *Gyurg*, т.-е. *Гюргъ*, изв. передѣлка имени Георгій у русскихъ и юго-славянъ.

Nadasd = надежда. Отсюда и родовое мадьярское имя — Надаждь.

Bugar-theluke. Въ слѣд. грамотѣ то же село *Bogartelke* и *Bagartelk*. Вездѣ первая часть — *боларъ*, болгаринъ.

Грам. 1299 г. (№ CCXXI): „...*meta incipit... in uno Burch Karus nominato... ad vallem magnam, ubi duo rivuli Makobijke pataka alio nomine Daroch patak... usque Makotew... super unum rotundum montem Holum appellatum...*“

Burch, по имени *Karus*, муж. р. (in *uno*; въ концѣ грамоты: „*Burch siluosus*“), вѣроятно, это *верхъ*, карпатское названіе высокихъ горъ.

Makobijke-pataka, иначе *Daroch-patak*: вторья части — *потокъ* — въ мадьяризованной формѣ; но первая часть — крайне испорченное чтеніе навѣрное славянскихъ названій. *Daroch* можетъ быть въ связи съ прил. *дорогъ*; но другое имя?

Makotew, ew — славян. суффиксъ прилаг. притяж. Относительно самаго названія ср. — *Mokotowo*, у Варшавы.

Holum, имя въ чистой славян. формѣ, съ паразитнымъ *и*, и значеніе имени этого пояснено тутъ же: *mons rotundus*, т.-е. наше — холмъ.

7.

Ономастиконъ (личныя имена).

Reg. 1138 г. „... In *Vetrasiluanis* partibus sunt mansiones, qui sal dare debent... Nomina mansionum sunt: *Vosas, Martin... Besedi, Senin, Lesen... Kosu, Hamudi... Vir, Cesti... Sounig, Simeon, Vasil, Isak... Sima...*“

Mansiones собственно усадьбы, хутора; но перечень ихъ заключается *личными* именами. Вслѣдъ за этимъ и идетъ рѣчь о людяхъ „qui debent per annum dare...“. Этотъ документъ важенъ, какъ изъ первой половины XII стол., до прибытія въ Трансильванію первыхъ саксовъ, этихъ „*priores flandrenses*“ грамотъ.

Vosas — ср. *ocas* въ чешскомъ, польскомъ — хвостъ.

Martin — имя христіанское, но въ славянской формѣ, ибо у мадьяръ — *Marton*.

Besedi — бесѣды, им. мн.

Senin — сѣньнъ.

Lesen — лѣсьнъ; ср. выше *leske*.

Kosu — косъ.

Hamudi — ср. старый городъ въ Чехіи *Chomutov*.

Vir — ср. въ чешскомъ *vir* водоворотъ, *vyr* сова.

Cesti — ср. въ ст.-слов. *цѣста*, чешскомъ *cesta* дорога.

Sounig — сольникъ; ср. выше.

Simeon, Vasil, Isak, Sima — личные имена, съ явными признаками принадлежности ихъ носителей къ славянской церкви и — крови. Ибо *Sima* — ласкат. форма и сегодня у южныхъ славянъ для Симеона.

Такимъ образомъ, изъ 30 собственныхъ именъ документа 14, т.-е. почти половина, позволяютъ безъ особеннаго труда быть объясненными изъ славянскаго языка. Что касается другихъ, то надо помнить крайнюю путанность въ изображеніи именъ у писцовъ, о чемъ была рѣчь раньше. Вотъ почему мы думаемъ, что юный Jung въ своихъ „*Roemer und Romanen in den Donaulaendern*“ (1877) очень смѣлъ съ утверженіемъ, что „*die Nomenclatur dieser Urkunde ist auf den ersten Blick als nicht Slavisch zu erkennen*“ (р. 302).

1166. *Vilcina* episcopo. Ср. въ сербскомъ *вучина* волчья шкура.

1219. *Neuka* waiwoda; 1220 *Neuka* woiawoda. Ср. неукъ.

1235. Король Бѣла IV жалуесть нѣкоего Діонисія, *qui etiam Bogomerium filium Zubuslay comitem et ductorem Siculorum captinarat*¹. Здѣсь важны: 1) личные имена отца *Собѣслава* и сына *Богомѣра* и 2) достоинство Богомѣра — *comes et ductor Siculorum*, графъ и предводитель секлеровъ.

Секлеры (*Szeklér*, отъ *székel* жить, обитать), жившіе (и живущіе сегодня) по самой границѣ съ Молдавіей, участвовали въ войнѣ короля Бѣлы съ болгарами и именно были на сторонѣ послѣднихъ, предводимые своимъ графомъ Богомѣромъ, сыномъ Собѣслава. Итакъ, вождь мадьяръ-секлеровъ носитъ чисто славянское имя, равно какъ и его отецъ. Въ связь съ этимъ свидѣтельствомъ о присутствіи славянской стихіи даже среди секлеровъ можно поставить любопытное свидѣтельство изъ конца того же XIII в. объ употребленіи ими *славянскаго письма*. „*Zatulí* (т.-е. секлеры), говоритъ Симеонъ *Kéza* († 1285 г.) ...*cum Blackis* (т.-е. валахами) *in montibus confinii sortem habuerunt. Unde Blackis commixti litteris eorum uti perhibentur*¹, т.-е. секлеры, живя вмѣстѣ съ валахами, переняли отъ нихъ и ихъ письмо. Извѣстно же, что не только

¹) Это мѣсто заимствуемъ у Г. Ксенопола, *op. c.*, р. 99.

славянское письмо, но и самый славянский языкъ былъ до очень поздняго времени единымъ письменнымъ или дипломатическимъ языкомъ валаховъ всѣхъ наименованій. Откуда же сами литературные учителя секлеровъ приобрѣли знаніе славянской азбуки? Этнографическія границы секлеровъ указываютъ, что Кеца имѣлъ въ виду валаховъ Трансильваніи, а не пришлыхъ; къ началу же XIV вѣка румынская стихія уже сильно размножилась и на первомъ мѣстѣ чрезъ поглощеніе туземной славянской стихіи — она съѣла Василей, Симовъ, Ивановъ уже въ значительномъ числѣ; а поглощая уже письменныхъ славянъ, романизуя ихъ, валахи въ то же самое время становились наслѣдниками духовнаго богатства ихъ, переняли грамоту славянскую, самый языкъ для высшихъ интересовъ (въ церкви, въ канцеляріи) отъ нихъ, а затѣмъ разносили — въ предѣлахъ возможнаго — чуждую, славянскую, культуру далѣе. Славянское же письмо въ Трансильваніи, какъ и самая славянская церковь тамъ, могло имѣть тотъ же источникъ, откуда и покорители славянъ здѣсь, мадьяры, заимствовали свои *par, péntek szombat* и пр. — т.-е. панноно-моравскую епархію св. Меѳодія. Извѣстно, что не изъ иного источника и *кирилловское* письмо на знаменитомъ „мѣшцѣ“ св. Стефана, венгерскаго перваго короля.

1247. Король Бѣла IV жалуетъ ордену Іоаннитовъ „a fluvio Olte (= Алуга) et alpibus ultrasiluanis totam Cumaniam (т.-е. сѣверную, нижнедунайскую равнину), excerpta terra *Szeneslai* woiawodae Olahorum“ (т.-е. валаховъ, *Olah* — въ устахъ мадьяръ). Такимъ образомъ и воевода валаховъ, какъ секлеровъ, носитъ чисто славянское имя Сѣнослава или Станислава.

1247 (№ 148) упоминаетъ село *Szen-Ivan*. И теперь оно, *Szent-Ivanu*, въ комитатѣ Дубока. *Иванъ*, въ отличіе отъ южно-славянскаго Іован, румын. Іону, восточно-славянская (и паннонская) форма. Ср. comes *Ivan* подъ 1274 г., сынъ *Izulai* т.-е. Ярославъ, ибо подъ 1284 г. — *Jeroslaus*.

1291 (№ 323) упоминается *magister Duruslaus, filius Duruslai*. Вторая часть сложнаго славянскаго личнаго имени ясна: *slaus* = *славъ*. Но первая? Отъ глагола *дрѣти*? *Дериславъ*?

Грамоты.

1219 = *nomina uduarnicorum*... *Kuzma* (дважды), *Sime*, *Euga*... *Udvarnicus* = дворникъ, хозяинъ *mansionis* см. ниже.

Kuzma = Кузма, *Sime* = Сима, *Euga* = Евга?

1227. *Homo Volcan*. Ср. Волканъ, Вуканъ у сербовъ.

1231. „*Vujul filius Stoje... Truth* (выше и ниже тоже лицо *Trulh*) *filius Choru*...“ Для г. Ксенопола (ор. с. р. 60) въ этихъ именахъ звучитъ *румынскій* языкъ. Рѣчь идетъ о купленной вотчинѣ „*in ipsa terra Blacorum*“ сыномъ Стояна, и объ уступкѣ, какъ родовой, Труту.

Stoje — очевидно, славянское имя. *Truth* — объясняется изъ славянскаго языка: ср. въ чешскомъ *trout* или *troud* = наше трутъ, затѣмъ *angeschones Wild*; глаголь *troutiti stossen*; ср. имя города *Trutnor*.

Не ясно происхожденіе именъ: *Vujul*, лица, купившаго вотчину *Voie*, и *Choru*. Для перваго имени сравнимъ названіе самой вотчины, можетъ быть, изъ *поле*, и сла-

вянскія имена: *буй-туръ*, *буй-волъ*. Относительно *Chori* г. Ксенополь замѣчаетъ, что оно изъ — *Tschiorou* изъ *Tschioruga* = *cognix*, ибо „въ орографіи венгерскихъ грамотъ среднихъ вѣковъ *ch* читается *tsch*“. Но — не всегда.

1238. *Petro Vylocho* (ср. 1289 г.). Ср. чеш. *béloch* бѣлый человѣкъ. Ср. и родовое имя у насъ *Бьлоха*.

1244. *Mixa... Dethka* de genere *Scenthemagus*.

Mixa, вѣроятно, Миша; ср. выше *Сима*.

Dethka — у южныхъ славянъ *Дѣтко*

1249. *Iwan Hogfalu et Volco*. *Волкъ* ср. выше.

1256. *Bob filius Olor*. *Bob* — см. бобъ.

1263. *Ivan wajuoda... Ladislaus Tatomerius et Stosyan...*

Tatomerius ср. родовое имя *Татомѣръ* у поляковъ.

Stosyan — вѣроятно, уменьш. отъ *Станиславъ*: *Стаса*.

1268. „*Luca cum tribus cognatis suis, nomine Kata, Nykon et Olyuerio...*“

Kata, вѣроятно, по ошибкѣ вм. *Кузма* (ср. выше).

Nykon — *Никонъ*, имя православно-славянской церкви.

1271. „... *Zubuzlaus Siculus successive possederat ... terra Obruth*“ (теперь *Abrud-banya*).

Zubuzlaus = *Собѣсловъ*, имя, уже раньше встрѣтившееся между секлерами, въ высшихъ рядахъ ихъ.

1278. *Iako* de genere *Kaplyon* (раньше *Kaplon*). Ср. *каплуны*.

1297. *Nicolaus dictus Chol* (вариантъ: *Csahol*) Ср. *щоголь* или *чехоль*.

8.

3. Наричательныя слова.

а) Общаго значенія.

кочій — телѣга, воза — возница.

Гр. 1267 г. Король Стефанъ приказываетъ коменданту крѣпости *Hunod* (нынѣ *Vajda-Hunyad*) Левстаку (= Евстахию): „... firmiter damus in preceptis, nec secus factura sub amissione gratie nostre et indignatione ut unacum sufficienti apparatu et *populis nostris* et *Zalad, Rhuda, Rhohozd*¹⁾ et aliis pertinentiis ejusdem castri nostri de *Hunod* sine mora levandis, ad nos nostrosque festinanter per partes finitimas properare debeas, apparatis bellicis super totidem *cochy jugalibus* vehendis et bene vasatis impositis“.

Этимъ королевскимъ указомъ повелѣвается поднять „королевскихъ людей“ изъ Селища, Руды и другихъ мѣстъ, приписанныхъ къ крѣпости Гуніядь, а для припасовъ военныхъ имѣть *cochy jugales*, т.-е. воловьи подводы съ желѣзною оковкою, *bene vasatis* (отъ мадьярск. *vas* желѣзо).

Слово *cochy* славян. *кочій*, отъ славянъ къ мадьярамъ, у которыхъ *kocsi* телѣга. Ср. въ словацк. *коѣ* телѣга, въ чешск. *коѣп*, въ серб. *корујат* возница. Ср. корень этого

¹⁾ Т.-е. Селище, Руда и Ракошь — см. выше, славянскія мѣстныя имена.

имени въ *коч-евой*, *коч-евать* и пр. Писецъ писалъ грамоту на мѣстѣ — *in castro Feketeu — holm*; снаряжались въ экспедицію мѣстные жители Селища, Руды и пр. Почему слово *сочу* мы и считаемъ мѣстнымъ.

гѣбокъ (потокъ), сокращено дѣбъ.

Грам. 1278 (см. выше): „...et in *dumbo* potako descendit (т.-е. межа) in rivulum Kuqueller...“

Писецъ, употребляя *abl. s. masc. dumbo potako*, глубокимъ потокомъ, латинизовалъ и правильно согласовалъ два славян. слова: прилаг. дѣбъ, сокращеніе изъ гѣбокъ, (отсюда и комитатъ Dobok изъ Dombok) и сущ. потокъ. Производя эту своеобразную латинскую операцію, писецъ долженъ былъ понимать оба слова, слыша ихъ какъ названіе извѣстной мѣстности у мѣстныхъ жителей, ибо просклонялъ безъ смѣшенія родовъ. Вообще можно допустить, что мѣстные писцы понимали кое-что въ славянской рѣчи, когда нашъ напр. правильно согласуетъ латинское опредѣленіе съ славянскимъ существительнымъ: „in *ipso* Beregh“, „in *ipso* Burch siluoso“ и пр. (см. выше).

икономъ.

Въ этой славянской формѣ мы встрѣчаемъ греч. *οἰκονόμος*; въ грамотѣ 1213 года: „... Esau, domini Transsilvaniensis episcopi *укономо*...“

Важнымъ подспоріемъ въ утвержденіе нашего положенія о принадлежности нѣкогда Трансильваніи славянскому элементу являются *славянскія заимствованія* въ языкѣ нѣмецкомъ трансильванскихъ „саксовъ“. Первые поселенія этихъ саксовъ относятся къ половинѣ XII вѣка. Эти новые обитатели были выходцы изъ нижняго Рейна, отсюда и титулъ ихъ въ грамотахъ — *plantatio flandriensis*. Затѣмъ, нѣмецкіе колонисты появлялись въ XIII вѣкѣ, при Андреѣ и позже. Эти новые трансильванцы организовались въ двѣ общины: „*fundus saxonicus*“ на югѣ, по Алутѣ, и на сѣверѣ — по рѣкѣ Быстрицѣ. Къ нѣмецкому языку поселенцевъ по Быстрицѣ мы обратимся: славянскія заимствованія въ него могли войти только послѣ половины XII или въ началѣ XII вѣка — и отъ мѣстныхъ славянъ, ибо колонисты были прямо изъ Фландріи.

kafta — ein Frauenpelz. Ср. рус. кафтанъ.

kokesch der Nahn. Очевидно, слав. *кокошъ* пѣтухъ.

Отсюда и наше *кокошникъ*, собственно головной уборъ какъ у пѣтуха. Полагаемъ, что это трансильванское *кокошъ*, сохраненное мѣстными нѣмцами, побочная форма съ *кокотъ* пѣтухъ, что въ Маріинскомъ Четвероевангеліи.

krell изъ слав. *корали*.

tulek ein junges Rindvieh. Изъ славянск. *телъ*, *теленокъ*.

Въ нѣмецкомъ нарѣчій Германштадта:

Owätsch — Ring, Reif, изъ слав. *обрауъ*?

Правда, всѣ эти данныя убоги, найденныя нами въ старомъ трансильванскомъ журналѣ начала нынѣшняго столѣтія („*Siebenbürgische Quartalschrift*“, V, 258—259, 384): но они безспорно, съ интересомъ, и свѣдущіе люди въ этой области, безъ сомнѣнія, могли бы значительно увеличить предложенный скудный списокъ славянскихъ заимствованій въ языкѣ нѣмецкихъ колонистовъ Трансильваніи.

б) Особеннаго значенія.

коѣкода.

Уже во второй грамотѣ, 1176 года, мы имѣемъ: *Nicolaus woyuoda Transilvaniae*. *Woyuoda*, т.-е. воевода, это главный правитель и судья страны, представляющій лицо короля, но „*pro tempore constitutus*“, т.-е. назначаемый на срокъ, а не пожизненно. Понятно, воевода почти въ каждой грамотѣ. При подписаніи королевскихъ грамотъ, воевода подписывался послѣ духовныхъ сановниковъ и палатина. Въ болѣе раннихъ документахъ, отъ начала XII вѣка, воевода титулуется просто княземъ Трансильваніи: въ 1103 и 1113 год. подписанъ свидѣтелемъ *Mercurius princeps Ultrasiluanus*.

Подъ восводой, подъ его „*auctoritas vojvodalis*“ (выражаясь языкомъ грамоты 1248 года), стояли графы, *comites*, отдѣльныхъ комитатовъ. Уже во второмъ документѣ Регестъ, 1103 г., упоминаются *comites*. Еще ниже стояли *officiales* (гр. № CLVII).

Въ виду многомогущей власти воеводы (собственно два воеводы) понятны тѣ клаузулы въ привилегіяхъ нѣмецкимъ колонистамъ Трансильваніи, которыми эти новые граждане края заботливо изымались изъ-подъ воеводской власти. Въ подтвердительной грамотѣ 1206 г. колонисты освобождены совсѣмъ отъ юрисдикціи воеводы: „...*nec vau(uoda) suo adstare iudicio compellat... nec aliquis vojvodarum descendere super eos possit*“ (№ VIII). Тѣ же изъятія и позже въ иныхъ грамотахъ, напр. гр. 1289 г.: „*quod nullus woiavoda... populos... presumat indicare, aggravare, infestare atque perturbare*“. — Позже встрѣчается и товарищъ воеводинъ — *vicevojvoda*, изъ числа графовъ: „...*litteras comitis Benedicti vicevojvode Transilvani*“ — въ гр. 1291 г.

Слово пишется разнообразно, но *nikođa* въ той углой формѣ, въ которую оно сократилось у мадьяра — *vajda* — и румына — *vad*, а всегда въ легко возстановляемой основной славянской формѣ изъ двухъ ясно различаемыхъ словъ: коѣ-вода. Такъ *vojvoda* гр. 1199, *vauvoda*, *wajvoda* гр. 1201, *vauvoda* гр. 1202, *vojavoda* гр. 1206, *woiawoda* гр. 1220, *woyawoda* гр. 1221. Ошибочно: *vaynoda* гр. 1211. Слово славянское склоняется правильно, по 1 латинскому склоненію, и отъ него произведено даже латинское прилагательное — *vajvodalis*.

Все равно, терминъ коѣкода выработался ли у славянъ самостоятельно изъ сознанный потребности въ крупной центральной власти, при осложнявшихся условіяхъ общественной жизни, или, что кажется вѣроятнѣе, буквально переведенъ съ нѣмецкаго *Heerzog*, какъ мадьяры перевели славянскій терминъ своимъ *hadvezér* (*had* войско, *vezér* вождь) — ибо вся терминологія у славянъ для обозначенія различныхъ формъ высшей власти не своего происхожденія — *король*, *кнѣзь*, *каганъ*, *банъ*, *кметъ*: для насъ важно присутствіе славянскаго государственнаго термина *воевода* уже на первыхъ листахъ документальной исторіи Трансильваніи, какъ указаніе на славянскій характеръ жизни страны при началѣ мадьярскаго государства.

Понятно, что румыны нынѣшней Валахіи, выселившись позже изъ Трансильваніи въ якобы *desertum Cumanorum* и начавши здѣсь организоваться, могли только повторить на новой родинѣ старую государственную организацію своей прежней страны:

они сложились именно въ *воеводство*, съ *воеводою* во главѣ. Отсюда и въ грамотахъ румынскихъ титулъ *воевода* остался навсегда¹⁾.

дворникъ.

Въ грамотахъ часто встрѣчается слово *udvarnicus*, съ значеніемъ владѣльца усадьбы, хутора, mansionis. Въ грамотѣ 1219: „nomina autem memoratorum *uduar — nicorum*, in eadem terra commorantium, hec sunt: Kuzma, Bese...“ (XV). *Udvarnicus* отъ слав. *дворъ* (черезъ мадыарскую форму **dvar*), владѣлецъ, хозяинъ двора. Въ иныхъ памятникахъ Венгріи — *udvornicus*, слѣд. прямо отъ *дворъ*. Славянское *дворъ* пустило глубокіе корни въ мадыарскій языкъ: *udvar* Hof, *udvarnal* — bei Hofe sein, *udvari szokás* — Hofdienst и пр.

Полагаемъ, что и въ древней Руси слово *дворникъ* имѣло первоначально то же трансильванское значеніе свободного хозяина дома, и только потомъ получило значеніе жильца, слуги, холопа²⁾. Въ Венгріи же судьба дворника была иная: дворники стали спеціальными слугами королевскими (отсюда особенное развитіе понятія *дворникъ* въ мадыарскомъ языкѣ), т.-е. королевской *дворнею*, и развились въ сословіе, близкое къ дворянскому³⁾. И у насъ названіе самага дворянскаго сословія отъ того же слова *дворъ*.

кѣназь.

Много рѣже чѣмъ *воевода* встрѣчается этотъ второй бытовой славянскій терминъ и притомъ не въ своей самостоятельной формѣ. Именно, мы встрѣчаемъ это славянское слово въ формѣ *knezius* (рѣже) и *kenezius* (чаще), откуда и латинскій терминъ *kenezatus*, въ грамотахъ Трансильваніи XIII—XIV вѣковъ (особенно мѣстностей по южному склону Карпатъ, въ такъ называемой Малой Валахіи) и съ своеобразнымъ содержаніемъ. Такъ въ грамотѣ 1301 года, въ виду того, что *Ursus knezius* жаловался на безчинства валаховъ около *Udvordhel*, король Владиславъ повелѣваетъ, что валахи „*praestent tamen knezio ipsorum prestanda*“. Но въ грамотѣ 1319 на *comes de Kraso* жалуются *Vach kenezius*; также и въ грамотѣ 1343 года Браканъ, жаловавшійся о свиньяхъ — *kenezius*⁴⁾. Ясно, *kenezius* правильно мадыарская форма для *knezius* = сербск. *кнезь*, *кѣназь*.

Въ половинѣ XIII вѣка, послѣ опустошенія Венгріи монголами, король Бѣла, въ предупрежденіе подобныхъ наѣздовъ, призвалъ на югъ Трансильваніи орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго или храмовниковъ, собственно въ четырехугольникъ, который образуется съ двухъ сторонъ Дунаемъ, съ третьей — Алютой, съ четвертой — Карпатами, предоставивъ имъ во владѣніе, какъ эту страну, такъ и весь край на востокъ по Дунаю — „пустыни кумановъ“ — т.-е. теперь Валахію. Но насъ интересуетъ *географическая* сторона жалованной грамоты храмовникамъ 1247 годъ — территориальные

¹⁾ Ср. Хѣпоро, ор. с., р. 108, прим.

²⁾ Въ Ладогѣ было всегда нетяглыхъ дворовъ: дворъ намѣстника, дворъ зелейный, на которомъ жилъ *дворникъ* (Чучелинъ, Города Моск. государства въ XVI столѣтіи, стр. 40).

³⁾ См. замѣчанія проф. Пича, въ его „Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht“ (1882, стр. 243, прим., гдѣ собраны отрывки изъ документовъ о позднѣйшихъ „дворникахъ“).

⁴⁾ Hurmuzaki, E., „Documente“ и пр. I, р. 554, 687.

клоки какихъ-то полунезависимыхъ, вассальныхъ владѣній въ ней и ихъ офиціальная кличка.

„Damus, говоритъ Бѣла, dicte domui (т.-е. ордену) totam terram de *Zewrino* pariter cum *kenezatibus* Ioannis et Farcasii usque ad fluvium Olte, excepta terra *kenezatus* Lyrtioy (вариантъ Liniou) voivode, quam *Olachis* (т.-е. валахомъ) relinquimus prout iidem hactenus tenuerunt; ita tamen, quod medietatem omnium utilitatum et servitiorum de tota *Zewrini* memorata et *kenezatibus* supra nominatis provenientium nobis... reservamus“ (№ 147; ср. *Xénopol*, 108, пр.). Таково было распоряженіе короля относительно указаннаго четырехугольника или теперь Малой Валахія. Что же касается Куманіи, т.-е. пространства на востокъ отъ нижней Алюты, то и она передавалась ордену на тѣхъ же условіяхъ и съ аналогическими изъятіями — „excepta terra *Szeneslai* voivode Olahorum, quam eisdem relinquimus, prout iidem (т.-е. валахи) hactenus tenuerunt“.

Terra de *Zewrino* или *Zewrini* называется такъ по городу Турнъ-Северину на Дунаѣ, у самой границы съ нын. Трансильваніей. Въ этой-то землѣ лежали между прочимъ два *kenezatus*, Ивана и Фаркаша, переходившія теперь ордену; по третьемъ *kenezatus*, воеводы Лиртіоя (!), оставалось на прежнемъ основаніи, т.-е. оставалось въ прямой зависимости отъ венгерскаго короля и предоставлялось валахамъ — „какъ они, валахи, и раньше имѣли это *kenezatus* въ своемъ владѣніи“.

Если же категорически оговорено, что третьемъ *kenezatus* оставляется свободнымъ для валаховъ потому именно, что они и раньше здѣсь жили, то уже отсюда слѣдуетъ заключеніе къ обратному, что другія два *kenezatus* были свободны отъ валаховъ, хотя и были съ людьми, населенныя. Мало того, изъ дальнѣйшаго изложенія грамоты 1247 года видно, что terra *Zewrini*, съ ея *kenezatibus*, была населена; въ ней жили не только рабочіе люди — дворники, но и какіе-то дворяне — „maiores terrae“, которые безусловно изымались изъ-подъ власти ордена и оставались при венгерской дворянской привилегіи — въ судебномъ дѣлѣ обращаться къ королю, „ad nostram curiam valeant appellare“.

Какого же племени могло быть населеніе обоихъ *kenezatus*? По имени владѣтелей, Иоаннес, Farkas, можно бы думать, что были мадьяры, ибо *farkas* въ мадьярскомъ — волкъ. Но имя Farkas могло быть только случайнымъ переводомъ слав. *волкъ*: въ грамотѣ 1252 года (почти современной) мы находимъ *comitem de Volku*; а главное, мадьяры, какъ народъ, кромѣ небольшой кучки секлеровъ (*Siculi*), и въ узкихъ границахъ Трансильваніи были неизвѣстны. Не могли быть и нѣмцами-колонистами, ибо нѣмцы призывались. Остаются одни *славяне*, какъ это ясно указывается самымъ названіемъ земельныхъ участковъ Ивана и Фаркаша — *kenezatus*.

Kenezatus, латин. имя 4-го склоненія, произведено отъ славянскаго кнѣзь при посредствѣ мадьярской формы его — *kenez*. Слѣдов. *kenezatus* буквально княжество, и Иванъ и Фаркашъ какіе-то князи. Почему г. Ксенополь и переводитъ: „les knézats (principautés) de Jean et de Farcas“ (ор. с. 106). Но и сами тѣ князи, Иванъ да Фаркашъ = волкъ, могли быть славянскаго происхожденія. Это поддерживается чисто славянскимъ именемъ владѣтеля подобнаго же земельного клона *in terra Cumanorum* и

воеводы даже и валаховъ — *Szeneslai*. Мы это имя уже встрѣчали раньше у графа секлеровъ, тоже неславянъ. Наконецъ, можно полагать, что и валашскій удѣль, по сю сторону Алюты, независимый отъ ордена и названный также *kenezatus*, имѣлъ князя съ славянскимъ именемъ: ибо славянизмъ его князя — „воеводы“ ясно просвѣчивается въ испорченномъ личномъ имени *Lyrtyou*, вар. *Liniou*. Ср. *Буревой*, *Боревой*, *Хотивой*.

Что же это могли быть за полунезависимые, вассальные князья въ горахъ Трансильваніи и на Дунаѣ, владѣтели всѣхъ тѣхъ „*kenezatus*“? Вѣроятно всего, эти князья были главными изъ тѣхъ „*majores terrae*“, о которыхъ говоритъ сама грамота 1247 года, были чѣмъ-то въ родѣ сербскихъ *кнезовъ* или князей, *старѣйшимъ* волости — *majorum terrae*: въ эпоху турецкаго владычества нѣкоторые „кнезы“ были совсѣмъ вассалами турокъ, полными владыками у себя дома. Приведемъ характеристику сербскаго „кнеза“ изъ изв. „Рѣчника“ В. Караджича, изъ личныхъ воспоминаній знаменитаго этнографа. Она даетъ ключъ и къ пониманію трансильванскаго кнеза, въ его „*kenezatus*“.

„Въ Нѣготинской области не турки судили и управляли, но *кнез*, который сидѣлъ въ Нѣготинѣ: онъ собиралъ и порезу (подушную подать) и остальные подати у народа, и деньги, въ установленномъ количествѣ, передавалъ бегу, который пріѣзжалъ изъ Константинополя. Подобнаго рода *кнежински кнезови* въ Герцеговинѣ сегодня называются *воеводами*. Такое княжество (т.-е. власть и достоинство кнеза) переходило отъ отца къ сыну, какъ переходить воеводство въ Герцеговинѣ, и даже тогда, когда турки котораго-либо князя обвинили и казнили, на его мѣсто ставили всегда сына или брата“.

Такимъ образомъ, получается аналогія между княземъ (кнезомъ) — воеводой у сербовъ XVIII—XIX стол. и княземъ *kenezatus*'а Северинской области и придунайской равнины изъ половины XIII вѣка: сербскіе „кнезы“ были своего рода вассалами падишаха, какъ тѣ венгерскаго короля — внутри же, дома, вполне независимые владыки-управители. Одинаковый же славянскій институтъ князьевъ — „кнезовъ“ говорить и объ общемъ — славянскомъ — виновникѣ его, а вмѣстѣ и о славянской соціальной жизни на Дунаѣ и въ Трансильваніи, въ XIII столѣтіи. Переводъ же у Ксенопола термина *kenezatus* — словомъ *княжество*, очевидно, не точенъ. Вѣроятно, и непереводность въ грамотахъ имени славянскаго института вызывалось своеобразнымъ содержаніемъ послѣдняго¹⁾.

¹⁾ Старикъ Фесслеръ, переводя терминъ *kenezius* словомъ *Oberaufseher*, замѣчаетъ: „An die Abkunft des in ungrischen Urkunden vorkommenden *chenez, kenez, kenezius* von den Slawischen *князь, Fürst*, mögen wir nicht glauben“ („Geschichte der Ungern“, IV. Theil, p. 1012, прим.). Фесслера могла смущать мелкость трансильванскаго *kenez*'а сравнительно съ представленіемъ о славянскомъ князѣ. Мы видѣли выше, что одинъ изъ такихъ *kenez*'овъ жалуется на уводъ нѣсколькихъ *свиной*. Впрочемъ, если бы Фесслеръ зналъ о судьбахъ многихъ сѣвернорусскихъ князей, превратившихся просто въ крестьянъ или совсѣмъ захудалыхъ, то не стѣснялся бы видѣть въ своемъ *kenez*'ѣ отраженіе слав. князя. Но уже совсѣмъ не можемъ понять, какимъ образомъ наши *kenez* кнезь, князь и *kenezatus*, власть и область *kenez*'а, могутъ составлять часть обычнаго „валашскаго права“ (*jus valachicum*), какъ этому учитъ г. Пичъ, въ своемъ мемуарѣ: „Die rumänischen Gesetze und ihr Nexus mit dem byzantinischen und slavischen Recht“ (Prag. 1886. p. 17). Мемуаръ вышелъ и въ французскомъ переводѣ въ Букарештѣ: „Les lois roumaines et leur connexité“ и пр. (1887). Наше мѣсто — стр. 28: „ce qui est le plus caractéristique au sujet du *jus valachicum*, ce sont les *knezi* et les *kenezits* valaques...“

Здѣсь мы оставляемъ грамоты, которыя были такъ долго вѣрны намъ. Онѣ языкомъ своихъ мѣстныхъ и личныхъ именъ, случайно перепавшимъ славянскимъ словомъ и нѣкоторыми социальными терминами позволяютъ намъ утверждать присутствіе славянской стихіи въ Трансильваніи въ ихъ эпоху и въ эпоху болѣе раннюю, ибо крещеніе страны не совершается отъ разу, а предполагается, что народъ живетъ уже вѣка. Но неестественно полагать, что славянская стихія ограничивалась строгими предѣлами Трансильваніи: дѣйствительно, мы видимъ ту же стихію и на межѣ средняго и нижняго Дуная, въ „княжествахъ“. Но та же стихія шла и въ западномъ направленіи отъ границы Залѣсья. Въ этомъ отношеніи любопытна жалоба паны Иннокентія III (отъ конца XII вѣка) на революціонный духъ *славянскаго* населенія архіепіскопіи Колочской, возмущавшагося десятиной. „Significante venerabili nostro Colocensi archiepiscopo, ad audientiam apostolatus nostri, писалъ папа королю Венгріи, *poveris pervenisse, quod cum in diocesi sua sint quamplures ville, in quibus Sclavi habitant, archiepiscopo decimas exhibere contempnunt. Quoniam igitur de regia serenitate confidimus et speramus, ut ecclesias et earum ministros diligas, ut earum commodis exemplo progenitorum tuorum diligenter intendas, excellentiam tuam rogamus atque monemus per apostolica scripta mandantes, quatenus memoratos Sclavos, ut decimas debitas prefato archiepiscopo sine diminutione persolvant, tradita tibi potestate compellere non omittas*“¹⁾. Такимъ образомъ и здѣсь *многочисленныя* деревни были населены славянами, думаемъ, тѣми же Кузмами, Василями, Симами, Иванами, которыхъ мы находили въ грамотахъ XII—XIII вв. Трансильваніи, съ церквами и, конечно, славянскаго обряда св. Меодія паннонскаго, но служители коихъ уже пытались перевести свою славянскую паству въ стадо папское. Овцы кричали, бунтовали...

Если еще недавно мадьярская историческая наука свободно обращалась съ такими глубокаго значенія доказательствами исконнаго присутствія славянъ на среднемъ Дунаѣ, какія предлагаетъ топонимія Трансильваніи, и легко утверждала, что именно мадьяры изъ всѣхъ современныхъ обывателей Венгерскаго королевства имѣютъ историческое старѣйшинство, старѣе всѣхъ прочихъ²⁾, то теперь, въ виду политическихъ притязаній необыкновенно разросшихся румынъ, она отреклась отъ прежняго увлеченія, оцѣнила значеніе для исторіи данныхъ языка и вышла на прямую дорогу.

„Насколько распространенъ, говоритъ позже тотъ же корифей мадьярской науки, языкъ мадьярскій, отъ Прессбурга и Эденбурга и до крайней восточной границы Трансильваніи, вездѣ онъ предлагаетъ одно и то же лексическое содержаніе и указываетъ всюду одни и тѣ же славянскіе элементы, которые принадлежатъ одному и тому же социальному строю. Такимъ образомъ мадьярскій языкъ доказываетъ, что мадьярская оккупанція вездѣ, на цѣломъ пространствѣ Венгріи и Трансильваніи, *застала одно и*

¹⁾ Theiner, Vetera monumenta Slavorum meridionalium, I, № 6.

²⁾ „...So sind unter allen übrigen Nationen des Landes die *Magyaren die ältesten Bewohner desselben*. Nahezu 1000 Jahre sind es...; eine solch ununterbrochene Continuität der Geschichte findet man in unserem Lande nicht, so weit das Gedächtniss Klios in das Dunkel der Zeiten zurückreicht“. Словами этими г. Гунфалви заключаетъ свою, во многихъ отношеніяхъ, прекрасную „Ethnographie von Ungarn“ (Pest, 1877). Здѣсь много краснорѣчія, но мало правды. Мы пользовались переводомъ Швикера; оригиналъ немного ранѣе.

то же славянское народонаселение, которому языкъ мадьярскій обязанъ столь многими славянскими словами. Это свидѣтельство языка утверждается еще многочисленными славянскими мѣстными именами даже на территоріи, которая сегодня занята румынами, и является прямо неотразимымъ. Если бы на востокъ отъ Тисы было бы осѣдное румынское населеніе, то мадьярскій языкъ столь бы охотно перевелъ въ себя румынскій элементъ, какъ онъ усвоилъ себѣ славянскій¹⁾.

Гунфалви какъ будто здѣсь не отрицаетъ вообще бытія румынъ въ Седмиградіи въ эпоху появленія мадьяръ, но допускаетъ ихъ только въ видѣ пастуховъ. И дѣйствительно, уже много позже — въ XV столѣтіи — румыны не перестаютъ фигурировать въ видѣ пастуховъ, по признанію самого г. Ксенопола (op. c., 108). Но главное — тонъ живни, тонъ культурѣ Трансильваніи во время мадьярской оккупации давали славяне и они одни — единственные учителя мадьяръ въ цѣломъ ряду потребностей культурной жизни. Что румынская стихія была давно на востокъ отъ Тисы, лучше всего показываетъ то обстоятельство, что уже въ грамотѣ 1234 упоминается Сатмарскій комитатъ — „in comitatu de *Zotmar*“²⁾, а это имя чисто румынское: *satu* поселеніе, *mare* большое.

Въ заключеніе этой главы позволимъ себѣ сказать слово въ защиту столь поносимаго безвѣстнаго нотарія короля Бѣлы. Ужели — онъ лжець и тогда, когда, по преданіямъ, передаетъ, что ко времени прибытія мадьяръ въ Трансильванію „*habitatores illius terrae*“ были „*Blasii et Sclavi*“ — т.-е. волохи и славяне? Вѣдь эти общія этнографическія свѣдѣнія о состояніи страны въ то время анонимъ безъ труда могъ почерпнуть „*ex falsis fabulis rusticorum*“ — сельчанъ и, вѣроятно, сельчанъ славянскихъ... Замѣтимъ форму у него *Blasii*, обязанную славянскому именительному множ. числа *Власи*. Но его ужасная характеристика тѣхъ влаховъ и славянъ — „*viliores homines totius mundi*“, то она можетъ быть приложима только къ первымъ — одичалымъ пастухамъ, влахамъ, каковыми они и сегодня отъ Днѣстра и до Тисы. Можетъ быть, не случайно анонимъ на первомъ мѣстѣ ставитъ волоховъ: въ его время (XIII в.) славянская стихія, вѣроятно, замѣтно распускалась въ румынской и на счетъ ея расширялась послѣдняя, т.-е. страна дичала, валашилась.

Наконецъ, въ виду неопровержимости факта — глубокаго культурнаго вліянія мѣстныхъ славянъ на мадьяръ, какъ свидѣтельствуется языкомъ, въ виду существованія въ странѣ даже въ XIII столѣтіи какихъ-то славяно-валашскихъ *воеводъ*, *князей*, и въ значительномъ числѣ, полагаемъ, что не одна ложь — въ словахъ анонима о славянскихъ „*воеводахъ*“ и „*князьяхъ*“ Трансильваніи, при прибытіи мадьяръ: они должны были существовать тогда тамъ, ибо славяне уже не были стадомъ, а позднѣйшіе же „*воеводы*“ и главы „*kenezatus*“ могли быть только эпигонами тѣхъ IX, X столѣтій. Вѣдь не мадьяре же, войдя въ страну въ X столѣтіи, внесли въ нее изъ своего „*государственнаго*“ права чисто славянскіе институты *воеводъ*, *князей-кнезовъ*, какъ это такъ прекрасно иллюстрируетъ почти современный намъ сербскій бытъ.

1) „Über rumänische Geschichtschreibung und Sprachwissenschaft“ въ „Litterarische Berichte aus Ungarn“, 1878, III, въ рецензій на эту статью въ „Magazin für die Litteratur des Auslandes“ 1879, № 1, p. 12.

2) *Teutsch-Firnhaber*, op. c., p. 58.

Послѣ всего вышеизложеннаго, особенной исторической прелести для историка-этнографа имѣть не можетъ встрѣча чисто славянской формы названія рѣки Тисы у Эйнгардта: *Tiza* (Anpales, подъ 796 г.), какъ будто скопированнаго Багрянороднымъ: *Títza*. Но зато съ тѣмъ напряженнѣйшимъ вниманіемъ онъ прислушивается къ отголоскамъ славянскихъ, такъ сказать, мотивовъ въ *мѣстныхъ* историческихъ памятникахъ изъ болѣе ранняго времени, чѣмъ эпоха біографа Карла Великаго, для уясненія себѣ, въ предѣлахъ возможнаго, главнаго вопроса: да какъ давно сами славяне альпійскаго края средняго и нижняго Дуная у себя дома? Эти славянскіе отголоски есть, хотя, естественно, они очень рѣдки. Понятно и любопытство, возбуждаемое ими. Тутъ даже и чистая археологія принесетъ историку-этнографу свое цѣнное приношеніе.

Въ 1799 году, на берегу рѣки Араньки (Аранука) въ мѣстѣчкѣ Nagy-Szent-Miklós, комитата Torontál, вблизи рѣки Мароша, въ саду своего дома, однимъ поселаниномъ, по имени Нерой Вуйнымъ, сдѣлана была дивная археологическая находка: онъ выкопалъ цѣлые 23 крупныхъ предмета изъ чистаго золота. Чтобы судить о матеріальной находкѣ, достаточно сказать, что тѣ предметы вѣсили 1678 $\frac{1}{2}$ дукатовъ. Но еще многоцѣннѣе была археологическая и историко-научная сторона дивной находки — теперь украшенія императорскаго кабинета въ Вѣнѣ. Намъ лично будетъ интересно рассмотреть *историко-этнографическую* сторону.

Торонтальскій комитатъ — низменность между исторической Борзавой („Bersobis“ имп. Траяна) съ юга, нижнимъ Марошемъ съ сѣвера и Тисой съ запада. Самый же Сентъ-Миклошъ на Аранькѣ (ср. мадьяр. *aranu* золото), между Сегединомъ и Арадомъ. Рѣка же Марошъ соединяетъ комитатъ съ Трансильваніей, этимъ историческимъ золотымъ доломъ.

Простой мадьяръ золотыя сокровища Сентъ-Миклоша соединяетъ съ именемъ Атиллы, и онъ не ошибся въ опредѣленіи эпохи, конечно, случайно. Христіанскій характеръ эпохи, къ которой принадлежатъ предметы клада, не подлежитъ сомнѣнію: объ этомъ говорятъ встрѣчающіеся на нихъ кресты, затѣмъ нахожденіе среди нихъ большой крестильницы; греческія же надписи и самый стиль богатой отдѣлки, съ массою рѣзныхъ причудливыхъ украшеній, позволяетъ, по мнѣнію специалистовъ, отнести предметы ко времени между III и V вѣками по Р. Х., а самая работа — дѣло мастеровъ восточной, греческой Европы.

Но изъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ предметовъ золотаго клада для насъ имѣетъ глубокій интересъ одинъ — золотая чаша или блюдо, № 21 каталога ихъ. Внутри блюда вырѣзанъ изящный четырехконечный крестъ, съ густыми плетениями въ промежуткахъ частей креста и съ выгравированною *греческою надписью* крупнаго устава, кольцомъ, вокругъ всей площади креста. „Эта круглая чаша, говоритъ новѣйшій изслѣдователь Сентъ-Миклошскаго клада, д-ръ Іосифъ Гампель, принадлежитъ по причинѣ какъ своего письма, такъ и своей орнаментики, къ самымъ важнымъ предметамъ

найденнаго сокровища... Нѣкоторые изъ прежнихъ изслѣдователей ставили подѣ сомнѣніе одновременность надписи и чаши. Я же, съ своей стороны, къ такому сомнѣнію не нахожу никакого достаточнаго основанія¹⁾.

Полагая, что какъ эта великолѣпная чаша, такъ и всѣ предметы клада — памятникъ поздне-греческаго, христіанскаго искусства, принадлежащій такой *terra incognita*, какъ Трансильванія, достойны самого внимательнаго изученія русскихъ археологовъ, знатоковъ исторіи искусства темнаго періода — IV, V столѣтій²⁾, мы переходимъ къ самой надписи, насколько она входитъ въ кругъ интересовъ вопроса о давности славянскаго элемента въ Трансильваніи.

Развернутая въ прямую линію уставная надпись — „die schönen grieschischen Uncial-Buchstaben“³⁾ — представляется въ слѣдующемъ видѣ:

† ВОУНАА · ЗОАΠΑΝ · ТЕΣΗ · ΔΥΓΕΤΟΙΓΗ · ВОУТАΟΥΛ · ΖΩΑΠΑΝ · ТАГРОГΗ ·
НТΖΙΓΗ · ТАΙΣΗ

„Какъ мы видимъ, говоритъ г. Гампель, крестъ начинается надпись, и точки раздѣляютъ слова. Болѣе точной разстановки знаковъ препинанія мы не найдемъ ни въ публичныхъ надписяхъ, ни въ кодексахъ. Мы имѣемъ такимъ образомъ дѣло съ рачительно сдѣланною надписью“⁴⁾.

Но въ передачѣ звуковъ та же рачительность? Нѣтъ, не то. Это видно изъ различнаго изображенія одного и того же слова: ТЕΣΗ = ТАΙΣΗ.

Чтеніе самой надписи трудное. Многіе ученые пытались дешифровать ее, но, не исключая г. Гампеля, очень неудачно. Мы совсѣмъ далеки отъ намѣренія дѣлать новую попытку: но насъ интересуетъ лишь одно, дважды повторенное и безспорное для всѣхъ изслѣдователей слово, это ЗОАΠΑΝ = ΖΩΑΠΑΝ. Всѣ прочли и истолковали его одинаково, что оно — славянское *жоупанъ*, въ которомъ коренной гласный *ou* переданъ черезъ дифтонгъ *oa*.

Въ надписи явно различаются двѣ части; въ обѣихъ второе слово одно — *жоупанъ*, но первое различно: въ одной — ВОУНАА, въ другой — ВОУТАΟΥΛ; но, очевидно, то и другое — *личныя имена*. Но какъ же истолковать эти имена обѣихъ жупановъ? Попытокъ была масса, но насколько онѣ бывали смѣлы — видно изъ того, что даже г. Гампель, вообще изслѣдователь осторожный, хотя и говоритъ, что „изъ именъ обѣихъ князей (!) съ достовѣрностью нельзя заключать къ ихъ національности“, но самъ же дѣлаетъ невозможное толкованіе. Г. Гампель въ ВОУНАА видитъ имя, близкое къ остготскому *Baduila* и гепидскому *Oóilas*; въ концѣ же второго имени ВОУТАΟΥΛ слышитъ древнегерманскіе концы личныхъ именъ *aulf*, *ulf*, и въ заключеніе у него вылущиваются два *гепидскихъ князя*, и именно „князя“, хотя и самъ читаетъ: „die

¹⁾ Dr. Josef Hampel, „Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós“ въ богатомъ своимъ разнообразнымъ содержаніемъ частномъ журналѣ Мадьярской Академіи Наукъ — „Ungarische Revue“, 1885, p. 118.

²⁾ Въ результатѣ своихъ изслѣдованій надъ стилямъ отдѣлки и рисунковъ д-ръ Гампель приходитъ къ такому интересному для насъ, русскихъ, заключенію, что предметы Миклошскаго клада связываются съ художественными работами Пантикапей-Керчи... Онъ справедливо указываетъ, что *Νέα Ρωμή* была тогда *новымъ городомъ*.

³⁾ Hampel, op. c., p. 598.

⁴⁾ Тамъ же, p. 599.

Zsurane¹⁾). Впрочемъ, надо прибавить, что въ продолженіе своего труда г. Гампель при титулѣ „Geridischen“ самъ ставитъ знакъ вопроса²⁾). Относительно написанія обоихъ личныхъ именъ вспомнимъ только, какъ чудовищно писались мѣстныя и личныя имена, почти спустя тысячу лѣту, въ грамотахъ Трансильваніи. Какъ тутъ разбираться! Очевидно, изъ обоихъ именъ можно вытягивать любое чтеніе. Вѣдь и въ славянскомъ ономастиконѣ есть много именъ на -лъ, -ло (суффиксъ прич. прош.): вспомнимъ чехо-моравскія имена: Поспишилъ, Прецехтѣль, Замазалъ; русскія: Борило, Добрило, Твердило... У г. Гампеля сравненія смѣлыя, а главное не о князьяхъ („Theilherrscher“, т.-е. удѣльный князь, переводитъ позже г. Гампель, ор. с. 1886, 480) говоритъ знаменитая надпись, а о владыкахъ чисто славянскаго быта — жупанахъ, слѣдов. и объ институтѣ чисто славянскомъ.

Сѣдая, прасѣдая старина лежатъ за нашимъ словомъ *жупанъ*, почему и анализъ его такъ труденъ. Но вести ли исторію этого бытоваго термина отъ первоарійской старины, какъ дѣлаетъ Pictet, или нѣтъ, — для насъ исторически важно одно, что гдѣ жупанъ, тамъ и славянъ, что въ историческое время *жупанъ*, и слово, и институтъ, принадлежитъ едино славянскому языку. Вспомнимъ византійцевъ, у которыхъ владыки переселившихся сербовъ титуловались *ἀρχιζουλάνος, μέγας ζουλάνος*, общераспространенность словъ *жуна* и семасіологическую связь между хорватскимъ *жупанъ*, священникъ, и польскимъ *ksiądz, książe*. Еще Шафарикъ замѣтилъ, что *жупанъ* больше, чѣмъ князь³⁾: дѣйствительно, о второстепенной роли князя свидѣтельствуется и сербскій языкъ, и „князи“ трансильванскихъ „*kenezatus*“.

Что надпись чаши говорила именно о жупанахъ, какъ славянскихъ сановникахъ, не сомнѣвался ни одинъ изъ изслѣдователей клада; только нѣкоторые изъ нихъ, воспитанные въ предразсудкѣ, что о славянскомъ элементѣ III—V столѣтій на среднемъ Дунаѣ и помыслить нельзя, переводили обоихъ жупановъ въ X столѣтіе — „надо думать, замѣчаетъ г. Гампель, въ виду встрѣчающагося въ надписи титула *ζοαλατ*“. „Но этому датированію, продолжаетъ тотъ же изслѣдователь, противорѣчитъ палеографическій характеръ надписи. Нѣтъ никакого основанія для подобнаго поздняго датированія“⁴⁾.

Еще труднѣе разобрать остальные слова надписи. Г. Гампель видитъ въ нихъ перечень земель, гдѣ воеводили оба жупана, при чемъ вспоминаетъ и Тирасъ, и Тирагетовъ (бессарабцевъ стараго времени), — но вездѣ одна натяжка. Можетъ быть, и здѣсь личныя имена: ср. *Тъша* изъ *Тихомилъ* (сынъ Уроша, пращуръ Нѣманичей). Но каково бы ни было это толкованіе, не оно рѣшаетъ вопросъ о древности клада, а стиль, характеръ работы и письма: кладъ изъ III—V столѣтій. Для двухъ славянскихъ жупановъ полугреческими, полуварварскими художниками — „бѣглецами“ изъ нашего Юга, изъ Пантикапеи, думаетъ г. Гампель, изготовлялись золотые предметы и, вѣроятно, въ странѣ, искони плававшей въ золотѣ — въ Трансильваніи, и, кажется,

1) Тамъ же, 602, 598 прим.

2) „Ungar. Revue“, 1886, p. 433.

3) „Starožitnosti“, II, 272, прим. 38.

4) 1885, p. 607.

въ связи съ дѣломъ проповѣди христіанства тѣмъ славянскимъ жупанамъ — крестильница для крещенія...

Такимъ образомъ, оба жупана золотой надписи дозволяютъ этнографу полагать славянскій элементъ на среднемъ Дунаѣ, и въ эпоху Аттилы. Вспоминать ли при этомъ о прискоковыхъ *ὁ μέδος ἐπιχωρίως καλούμενος*, т.-е. на мѣстѣ, на среднемъ Дунаѣ, и юрнандовой *strava* — народныхъ поминкахъ по Аттилѣ? И оба жупана и оба эти слова такъ прекрасно поддерживаютъ другъ друга; намъ же пора примириться и съ славянствомъ *меда*, и съ славянствомъ *стравы*, и съ славянами на Дунаѣ въ V вѣкѣ. Любопытно, что, по новѣйшимъ разслѣдованіямъ мадьярскимъ, ставка Аттилы была около Сегедина, слѣдов. вблизи нашего Сентъ-Миклоша. Не отъ „strava“ ли ведутъ свою подземную исторію золотой кладъ и наши „жупаны“?...

11.

Но не выходя изъ той же области средняго Дуная, если мы спустимся еще на нѣсколько вѣковъ назадъ отъ эпохи „strava“ и *ζοαλα*’овъ, но и тамъ мы встрѣтимся съ славянскими отголосками.

Кто только не глумился надъ тѣми изслѣдователями минувшаго славянъ, которыми во второй основанной Траяномъ колоніи въ Дакии — *colonia Zernensis*, иначе *Tsierna*, *Zerna* — слышался отзвукъ славянской рѣчи? Смѣялся и крупный умъ, и мелкая букашка...

Но уже Момсенъ въ своемъ знаменитомъ „*Corpus inscriptionum latinarum*“, т. III, останавливается (№ 1568 „...stationes *tsiernen*“) на связи имени императорской колоніи и имени протекающей тутъ рѣчки Черной: „*Tsierna quin fuerit ubi fluvius etiam nunc Cserna dictus influit in Danuvium prope Orsovam veterem dubitari nequit*“, объявилъ Момсенъ¹⁾. За нимъ Киппертъ нестѣснительно провозгласилъ, что имя второй Траяновой колоніи — „die einzige alte Spur slavischer Sprache in dieser Gegend“ удержалось въ притокаѣ Дуная, Черна²⁾. Мы соглашаемся съ г. Киппертомъ въ томъ, что *Tsierna* „единственный слѣдъ“ присутствія славянъ на Дунаѣ времени знаменитаго покорителя Дакии, такъ какъ этого признанія для нашей цѣли вполне достаточно: тутъ и одна ласточка дѣлаетъ весну — хотя противъ „единственности“ кое-чѣмъ можно бы возразить. Прибавимъ только, что въ *Черную* впадаетъ *Бѣлая* рѣчка³⁾; что здѣсь на лѣвомъ и правомъ берегахъ Дуная и около разсыпаны имена отъ славян. корня *черн*: Чернецъ около Турну-Северина, гора Черна (при сосѣдней горѣ *Nyegru*, что по-румынски значить тоже черный), *Csernedia*, *Csernoj*, *Csernatfalva*; въ Сербіи: Черниградъ, село Чернацъ⁴⁾; что сейчасъ за Оршовой, въ знаменитомъ и грозномъ „*Kasap-pass*“, еще и сегодня въ отвѣсныхъ скалахъ сербскаго берега слѣды историческаго

1) P. 248.

2) „Lehrbuch der alten Geographie“. Berlin, 1878, p. 337.

3) *Bellarega* у *Ignaz de Luca* „Geographie des Königr. Ungaru“, p. 331.

4) „*Antiquarius des Donau-Stroms*“, Francf. a. M., 1785, II B., p. 741, 742. „Ниже Старой Оршовой вливается въ Дунай *Черница* или Черна-рѣка, какъ бы по-нѣмцки *Das Schwarzewasser*“, тамъ же, p. 727. Въ двухъ часахъ на Черной лежатъ знаменитая Мехадія, *Ad Aquas* римлянъ. „Драгоценные памятники, здѣсь находимые, несомнѣнное доказательство ея старины. Въ 1786 году гр. Гамилътовъ нашелъ массу статуй и надписей, которыя

Траянова моста — въ видѣ черныхъ дыръ или гнѣздъ, зіяющихъ на пространствѣ около версты, а главное, что *colonia tsiempensis* должна была получить свое имя отъ рѣки Черной, а не наоборотъ. Ибо таковъ законъ образованія мѣстныхъ именъ.

Такимъ образомъ, славянскую стихію Трансильваніи мы спустили далеко внизъ и свели ее на очную ставку съ побѣдоносными легіонами Траяна.

Путанно, хотя нехотя, и самъ румынскій профессоръ, г. Ксенополь, вынужденъ исповѣдывать тотъ же взглядъ. „Что касается именъ славянскихъ въ Трансильваніи, — говоритъ онъ, — то они перемѣшаны съ румынскими тѣснѣйшимъ образомъ. Это знакъ, что ихъ происхожденіе восходитъ очень высоко — къ самой эпохѣ образованія румынскаго народа... Славяне, бесспорно, были болѣе древними обитателями Дакии, чѣмъ мадьяры или нѣмцы. Исчезнувшій славянскій народъ долженъ былъ быть въ соприкосновеніи на первомъ мѣстѣ съ румынами, чтобы передать имъ свои названія, почему и румыны должны были также быть раньше въ этой странѣ, чѣмъ мадьяры или нѣмцы“¹⁾.

12.

Горячій патриотъ, г. Ксенополь, подводя итоги своимъ экскурсіямъ въ область средневѣковыхъ грамотъ Трансильваніи, которыя разсмотрѣли и мы, приходимъ къ заключенію, что „общественное состояніе румынъ (*Olahi*), какое предлагаютъ намъ старѣйшіе документы Залѣсья, нисколько не напоминаетъ о кочевомъ народѣ пастуховъ: это — быть земледѣльцевъ, собственниковъ земли, сформировавшихся въ полунезависимыя государства подъ властью князей, владѣвшихъ зачатками цивилизаціи“¹⁾.

Подъ этимъ выводомъ подпишемся и мы, но съ одною поправкою. Румынскій профессоръ занесъ на счетъ (*conto*) своихъ валаховъ-пастуховъ, всегда отличавшихся плодovitостью и способностью поглощать иную стихію, всѣ тѣ цивилизаціонные элементы, которые принадлежатъ едино историческому хозяину Залѣсья — славянамъ. Думаемъ, что и безпристрастный читатель, если онъ найдетъ для настоящихъ томительныхъ, однообразныхъ страницъ, приметъ нашу поправку. Да и самъ Ксенополь признается, что славяне уже были въ дѣлѣ, на своихъ мѣстахъ, когда румыны тамъ только формировались.

Но могли ли славяне Залѣсья, видѣвшіе Траяна и его кентуріоновъ, говорившіе юсовымъ языкомъ топографическихъ именъ страны, такъ этнографически-быстро исчезнуть, распуститься въ валахахъ? Извѣстно, что давно уже хозяинъ Залѣсья — румынъ. Если у насъ, у верхней Волги, тверскіе корелы живутъ еще своею жизнью, хотя и въ видѣ этнографическаго энклава: отчего же въ Трансильваніи славяне исчезли давно и безслѣдно? Отчего тамъ отъ тѣхъ почтенныхъ славянъ, съ культурными талантами, не сохранилось даже и того, что представляетъ финскій островокъ тверской губерніи?

теперь въ передней залѣ Вѣнской Публичной Библіотеки“ (тамъ же, 723). Прибавимъ къ слову, что лѣтомъ наст. года намъ пришлось быть въ *Turnu-Severin*: здѣсь надгробія съ латинскими надписями, статуи, разставленныя въ рядъ, подъ открытымъ небомъ, стоятъ въ общественномъ саду — *Gradina publica* — ясный знакъ, какаѣ классическая почва кругомъ.

¹⁾ Ор. с., р. 164, 166.

²⁾ Тамъ же, р. 108.

Но мы напрасно сѣтуемъ на измѣну не въ пользу славянъ хода жизни въ нашемъ Залѣсѣ: и тамъ твердо, упруго, сохранялъ себя славянскій элементъ, какъ и финскій на верхней Волгѣ, почти до нашихъ дней; только о томъ не догадывались мы...

Въ 1822 году нашъ первый энергическій путешественникъ среди австрійскихъ славянъ, П. И. Кеппенъ, *consiliarius ab intimis* знаменитаго адмирала Шишкова, случайно попалъ на югъ Трансильваніи и наткнулся было на горсточку какихъ-то славянъ тамъ. Онъ занялся даже ими, но затѣмъ забылъ, хотя и отмѣтилъ ихъ въ своемъ историческомъ планѣ ученаго славянскаго путешествія, появившемся въ „Библиографическихкихъ Листахъ“. Когда же, черезъ 20 лѣтъ, подневольный житель Одессы, Н. И. Надеждинъ, повторилъ путешествіе Кеппена въ Трансильванію (свѣдомый о его планѣ) и сталъ разыскивать тѣхъ славянъ, ему указали лишь однѣ свѣжія славянскія могилы.

Въ 1856 году академику Миклошичу удалось получить славянскую рукопись 1830 года изъ Трансильваніи. Она была имъ издана подъ заглавіемъ „Языкъ болгаръ изъ Седмиградія“. „Въ его болгаризмѣ, говорилъ знаменитый славистъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія“ („Denkschriften“ Вѣнской Академіи, VII, 106), и съ того времени славяне стали ходить подъ кличкою старыхъ болгаръ, какъ въ прошломъ столѣтіи у изв. Аделунга въ „Митридатѣ“ они же титуловались сербами. Взглянувъ на „болгаръ“, какъ на этнографическій куріозъ, не придавали имъ никакого особеннаго историческаго значенія; пытались даже опредѣлять время переселенія ихъ изъ Болгаріи... Черезъ двадцать лѣтъ, въ 1875 году, посчастливилось намъ отыскать и разобрать въ Пештскомъ Національномъ Музеѣ (*Némcet Museum*) небольшую рукопись съ скромнымъ заглавіемъ: „*Cantilenaе sive specimina linguae ruthenicae et valachicae in Transylvania, Saec. XIX*“. О рукописи и языкѣ ея мы распространяться не будемъ: о ней мы говорили въ „Отчетѣ изъ-за границы“ (Одесса, 1876, 48—52); языку ея отвели мы самостоятельное мѣсто — „Славяне Дакіи“ — въ своей „Основной вокализациі плавныхъ сочетаній“. Наконецъ, весь текстъ былъ изданъ акад. Миклошичемъ въ „*Lautbezeichnung der bulgarischen Sprache*“. Здѣсь потому лишь нѣсколько словъ.

Просмотръ „*Cantilenaе ruthenicae*“, именно церковныя протестантскія пѣснопѣнія и 1803 года записанныя, показали, что въ языкѣ ихъ нѣтъ ничего „рутенскаго“, т.-е. русскаго изъ Карпатъ, кромѣ названія одного села — „русскаго“, что языкъ и отчасти текстъ повторяютъ *болгарское* изданіе акад. Миклошича 1858 года: но тѣмъ не менѣе, это былъ языкъ славянъ, жившихъ въ 4 селахъ Трансильваніи, разбросанно, на югѣ, и во время записи уже умиравшихъ — претворявшихся въ румынскую стихію.

Изъ самой рукописи было ясно, что она была сдѣлана въ одномъ изъ тѣхъ 4 селъ мѣстнымъ пасторомъ по спеціальному заказу извѣстнаго въ то время историка и уроженца Трансильваніи, аббата Іосифа Эдера (*Eder*, † 1811), именно для того, чтобы въ лѣтописяхъ науки остался бы хоть какой слѣдъ отъ того исчезающаго языка — да вѣдаетъ славянское потомство о немъ, и что титулъ „*Ruthenicae*“ не по ошибкѣ былъ данъ записаннымъ пѣснямъ.

„*Rutheni in Reussdörfel, Bongard et Csergöd majore ac minore* (т.-е. тѣ четыре села) *sensim*, отмѣтилъ собственноручно Эдеръ какъ бы въ предисловіе драгоценной рукописи, *in Valachos abeunt ita, ut post aliquot annos vix ullum apud eos linguae*

pristinae superfuturum esse vestigium videatur. Hoc magis *operam dedi* (подчеркн.), ut haec specimina, precatationes et cantilenas complexa atque per sacrorum ministrum in Csergöd adcurate (!) descripta *obtinerem*, aliquando ethnologo cuidam, qui, ut Leibnitius procepit, e linguae vestigiis gentis origines vestigavit usui futuro“.

Рукопись только по смерти Эдера вмѣстѣ съ другими перешла въ Пешть. Имѣя ее въ рукахъ, ученый историкъ много и много думалъ надъ нею, надъ вымиравшими ея славянами: что — они, откуда зашли къ ущелью южной части Залѣсья? Извѣстенъ общераспространенный взглядъ и тогда, какъ и сегодня, на единое допустимое колонизационное движеніе славянъ въ Европѣ — въ направленіи отъ гипербореевъ. Не будучи въ состояніи самому быть тѣмъ „ethnologo“, который бы e vestigiis linguae сказалъ настоящее слово о происхожденіи загадочныхъ славянъ 4 селъ (и старость мѣшала, и переселеніе въ Вѣну), Эдеръ постоянно какъ бы болѣлъ темнотою судьбы тѣхъ славянъ-земляковъ и не опускалъ всякаго случая, который бы былъ въ силѣ сколько-нибудь помочь ему въ его думахъ.

Въ началѣ 1807 года молодой венгерскій графъ Телеки собирался въ ученое путешествіе въ Трансильванію. Повидимому, графъ былъ натуралистъ; но тѣмъ не менѣе историкъ Эдеръ, понятно, по его личной просьбѣ, написалъ для него въ Вѣнѣ ученый маршрутъ: „Aufgaben zur Erörterung bey einer Reise durch Ungarn und Siebenbürgen“, и въ этомъ маршрутѣ возложилъ на молодого соотечественника задачу — помочь ему въ томившей его неизвѣстности о эническомъ характерѣ обитателей тѣхъ четырехъ селъ Трансильваніи.

„Есть, пишетъ Эдеръ въ инструкціи, § 11, въ нѣкоторыхъ селахъ Трансильваніи, напр. въ Reussdörfel, Чергедѣ, люди, которыхъ называютъ *русскими* и среди которыхъ еще удержались остатки ихъ стараго языка. Съ теченіемъ времени многіе изъ нихъ исчезли, напр. въ Reussenmarkt'ѣ иначе Forum Ruthenorum грамотъ. Съ какимъ славянскимъ языкомъ стоятъ языкъ этихъ русскихъ въ столь близкомъ родствѣ, что отсюда можно бы было заключать объ ихъ непосредственномъ происхожденіи и такимъ путемъ попасть на вѣроятный слѣдъ ихъ вторженія въ Трансильванію?“¹⁾

Своихъ „рутенонъ“, т.-е., русскихъ, живущихъ въ полумилліонномъ составѣ по юго-восточному склону Карпатъ, въ сѣверо-восточныхъ комитатахъ Венгріи, Эдеръ не

¹⁾ „§ 11. Es giebt in einigen Dörfern Siebenbürgens, zum Beispiel in Reussdörfel, in Csergöd Leute, die man *Reussen* (подчеркнуто Эдеромъ) nennt, und unter denen noch Spuren ihrer alten Sprache vorhanden sind. Vor Zeiten hat es mehrere gegeben, z. B. Reussenmarkt, sonst in Urkunden Forum Ruthenorum. — Mit welchem Slawischen Dialecte steht die Sprache dieser Reussen in so naher Verwandtschaft, dass man auf ihre unmittelbare Abkunft schliessen und dadurch auf eine wahrscheinliche Spur der Einwanderung derselben nach Siebenbürgen kommen könnte? Въ виду важности этихъ запросовъ Эдера мы привели ихъ въ подлинникѣ, изъ рукописи, находящейся въ Национальномъ Музеѣ въ Пештѣ, подъ № 566, quart.-lat. въ собраніи манускриптовъ Эдера — *Manuscripta Ederiana*. Въ началѣ этой рукописи, стран. 1, на краю, отмѣтка рукою же Эдера: „Geschrieben in Wien, d. 15 Januar 1807. За симъ приведенный выше въ текстѣ нѣмецкій титулъ ученой инструкціи для гр. Teleki. Номеръ же этотъ въ собраніи *Ederiana* заключаетъ въ себѣ черновія бумаги, письма, проекты, относящіеся къ Трансильваніи specially. Бумагами Эдера въ Музеѣ Пештскомъ мы пользовались въ бытность нашу въ Пештѣ въ іюлѣ наст. 1889 года. Прибавимъ, что и они, какъ и все въ Музеѣ, — въ образцовомъ порядкѣ, такъ что пользованіе удобно. При этомъ не могу не вспомнить самую теплою признательностью чиновъ Музея, за ихъ радушіе, предупредительность; въ особенности же я обязанъ душевною благодарностью хранителю рукописей, д-ру Яношу Чонтони (Csontosi János), члену Академіи Наукъ. Ср. ваши, „Письма съ пути по Дунаю“, Одесск. Вѣстникъ 1889, № 216, второе письмо.

могъ не знать, не могъ не быть ориентированнымъ въ извѣстномъ представленіи объ этнографическихъ особенностяхъ этой части русскаго народа: ибо въ тогдашней статистической наукѣ „рутены“ тѣ новостью не были. Объ нихъ говорилъ уже М. Бѣла, говоритъ и Игнатій де-Лука въ своей „Статистикѣ Венгріи“ еще 1790 года, и въ выраженіяхъ, которыя людская злоба и зависть сегодня постарались замѣнить терминами, дѣйствительности не соотвѣтствующими, создавши „рутенскій народъ“. Но если опытный и ученый Эдеръ задавался вопросомъ о генетическомъ происхожденіи „русскихъ“ четырехъ славянскихъ селъ Трансильваніи, о пути, пройденномъ ими до прибытія своего въ страну, вотъ-вотъ уже готовую статью ихъ могилою, мучился этимъ вопросомъ, но не смѣшивалъ ихъ съ *русскими* Венгріи или Галиціи, непосредственно примыкающими къ Трансильваніи, — то ясный знакъ, что для него эти послѣдніе *русскіе* и *русскіе* 4 селъ его Трансильваніи были двѣ различныя этнографическія величины, не долженствующія быть смѣшиваемыми. И какъ былъ правъ въ этомъ знаменитый аббатъ; сколько критическаго такта сказалось въ немъ при этомъ! Дѣйствительно, *русскіе* одни и *русскіе* другіе, какъ сейчасъ намъ покажетъ языкъ обитателей загадочныхъ четырехъ селъ, *взаимно не покрывались*.

Но прежде чѣмъ перейти къ лингвистической экскурсіи, — еще нѣсколько дополнительныхъ словъ къ новѣйшей исторіи вопроса о загадочныхъ жителяхъ тѣхъ четырехъ селъ.

Послѣ открытія нами „рутенскихъ пѣснопѣній“ въ Пештскомъ Музеѣ, загадочные славяне загадочныхъ четырехъ селъ сдѣлались предметомъ особенно теплаго вниманія со стороны энергическаго земляка великаго Шафарика профессора пражскаго университета, д-ра І. Пича, не безызвѣстнаго и въ нашей литературѣ. Занимаясь спеціально исторіей и этнографіей Венгріи и Румыніи, г. Пичъ не могъ оставить безъ вниманія тѣхъ славянъ. Посѣтивши насъ въ Одессѣ въ августѣ 1883 года, онъ на возвратномъ пути сдѣлалъ объѣздъ южной Трансильваніи, въ надеждѣ, не найдется ли чего новаго для разъясненія этнографической загадки, ставившей въ тупикъ Эдера. Положительные результаты были невелики: нѣсколько этнологическихъ наблюденій о физическомъ типѣ валашскихъ жителей южной Трансильваніи, любопытное извѣстіе, что старики въ Чергедѣ еще и сегодня читаютъ молитву Господню на славянскомъ языкѣ, совсѣмъ не понимая его. Но сдѣлано было главное — возбужденъ интересъ у кое-кого изъ мѣстныхъ ученыхъ къ развѣдкамъ за своей славянскою стариною, и результаты этого возбужденія были вскорѣ на-лицо. Зимой 1887 ученый д-ръ А. Амлахеръ изъ Мюльбаха въ Трансильваніи прислалъ г. Пичу цѣлый рядъ мелкихъ вымѣтокъ и нѣсколько крупныхъ актовъ изъ мѣстныхъ архивныхъ собраній, касающихся судебъ жителей обоихъ Чергедовъ въ XVII и XVIII вѣкахъ, но главное — прислалъ и *новые славянскіе тексты* изъ Чергеда, обнимающіе самый полный канціональ. Оказывается, что уже имѣются цѣлыхъ три канціонала. Истинный кладъ для науки! — Исторические матеріалы были изданы уже въ началѣ 1888 года, съ обширнымъ введеніемъ проф. Пича: „Къ исторіи дакійскихъ славянъ“ (здѣсь *положительный* интересъ имѣетъ глава вторая: „Національность дакійскихъ славянъ“, по собраннымъ топографическимъ дан-

нымъ), а изданіе текстовъ принялъ на себя профессоръ Гаттала; этого труда съ нетерпѣніемъ ожидаетъ славянская наука¹⁾.

Лѣтомъ нын. года, въ бытность нашу въ Прагѣ, заслуженный славистъ былъ на столько добрѣ, что показавъ намъ какъ самую драгоценную рукопись славянскаго канціонала изъ Чергеда, такъ и почти оконченное свое изданіе ея. Рукопись in 8°, на простой бумагѣ, писана, какъ и „Cantilenaе“ 1803 года, нѣмецкимъ письмомъ и столь же неразборчиво. Новый текстъ, имѣя преимущество предъ рукописью 1803 года, своимъ объемомъ — около 200 страницъ, а потому и бѣльшимъ разнообразіемъ содержанія, бѣльшимъ количествомъ формъ, словъ и оборотовъ (хотя весь текстъ — рабскій переводъ съ нѣмецкаго), уступаетъ рукописи 1803 года своимъ возрастомъ: онъ моложе на десять лѣтъ — писанъ въ 1812 году.

Тогда же проф. Пичъ читалъ намъ только что полученное письмо отъ д-ра Амлахера, извѣщавшее о новомъ, еще болѣе важномъ, открытіи — открытіи имъ на страницахъ одного рукописнаго нѣмецкаго канціонала XV—XVI столѣтія *современныхъ славянскихъ глоссъ*. Къ сожалѣнію, не зная славянскаго языка, д-ръ Амлахеръ не могъ сказать ничего болѣе. Канціональ же имъ найденъ въ какомъ-то селѣ Трансильваніи во время путешествія. По нашей просьбѣ, обязательный проф. Пичъ писалъ тогда же д-ру Амлахеру прислать въ Прагу или самый канціональ, или копію новооткрытыхъ славянскихъ глоссъ XV—XVI столѣтія. Но до отъѣзда нашего изъ Праги (20 августа) отъ Амлахера отвѣта еще не было. Но какъ бы то ни было, всѣ эти послѣднія открытія въ области славянскаго языка Трансильваніи позволяютъ быть твердо увѣрену, что со временемъ, при добромъ желаніи, будутъ отысканы и новые славянскіе тексты, и новыя историко-бытовыя данныя о быломъ славянствѣ загадочной страны.

Какъ упомянуто было выше, ничего *рускаго* не заключаетъ въ себѣ языкъ „русской“ рукописи 1803 года; напротивъ его характерныя черты рѣзко выбрасываютъ его изъ нашей русской семьи. Для убѣдительности мы предлагаемъ строфу изъ Амвросіева гимна:

Szette cherubim i zeraphim
Szegi sz pezme ta glaszivant:
Szvent je goszpodin Bog.
Dvanadeszent Apostole
I dragi prophetase szif
Martirette szif sza jedno
Ta falent sza sz marlini szvon
Je szette vernye karsztyene (14 страница).

Въ русской современной переписи, восполняемой спеціальными буквами изъ азбуки св. Кирилла и старо-польской, строфа эта будетъ читаться:

¹⁾ См. „Die Dacischen Slawen und Csergeder Bulgaren“ von Dr. I. L. Pič und Dr. A. Amlacher, Separatabdruck aus den Sitzungsberichte der k. böhm. Gesellschaft der Wissenschaften, Prag. 1888. pp. 257, 261; 227 и др. Авторъ въ своемъ изслѣдованіи является бѣльшимъ румыномъ, чѣмъ сами румыны; онъ убѣжденъ теперь даже, что самое названіе Трансильваніи у мадьяръ — *Erdöly*, которое буквально передаетъ *Ultra silvas* грамотъ, происхожденія — *румынскаго* (р. 256). Это пристрастіе ослабляетъ силу впечатлѣнія.

(В)се-те херубим и зерафим
Сеги с песме та гласиват:

Сват ље господин Бог.

Дванадесат апостоле
И драги профеташе сиф (= вси?),
Мартире — те сиф за љдно
Та фаллат сас марлини звон
И се-те керние карстиене.

Соберемъ нѣсколько чертъ языка.

Прежде всего насъ поражаетъ *назализмъ*, присутствіе носовыхъ *a* и *e*, т.-е. въ томъ числѣ, какъ и въ языкѣ св. Кирилла. Но этого мало: „русскій“ языкъ рукописи 1803 г. знаетъ и носовые *o* (*porontsenie* = *поржүеннѣ*) и *i* (*inszik* = *ицзыкъ*).

Вокализация такъ назыв. плавныхъ сочетаній не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ же явленіемъ въ русскомъ языкѣ, именно фонема *ar* вм. русской *er*, *re* (марлини, карстиене).

Въ связи съ этой новой вокализацией плавныхъ сочетаній необходимое слѣдствіе: краткогласіе *ra*, *la* и пр. вм. *oro*, *оло* и пр.

Не по-русски звучитъ *ъ*: *песме*, по *теазто*, т.-е. *ea*; не по-русски *ѣ* въ началѣ (*ѣдно* = *одно*)¹⁾.

Не по-русски мѣняются зубной *m*: *romost*, т.-е. *помощь*, *posti*, т.-е. *пошти*. Но *ð* даетъ русскую фонему *ж*: *nadeszen*, т.-е. *надеженъ*.

Не по-русски *ѣ* вм. *x*: *teaf*, т.-е. *тѣхъ*.

Самое оригинальное явленіе — широкое примѣненіе назализма. Другія черты общи съ славянскимъ языкомъ нижняго Дуная. Это обстоятельство, затѣмъ извѣстность члена и *посль* именъ, забвеніе склоненія (отъ него слабые остатки), — а все это отличаетъ именно современный языкъ болгаръ, не могли не привести къ мысли, что и этотъ языкъ — болгаръ, но какихъ-то старыхъ болгаръ, напр. богомиловъ XI столѣтія. Эту мысль поддерживали и историческія внѣшнія указанія. Такъ при Чергедѣ большомъ изстари утвердилось прозвище *Болмарскій*. Въ грамотѣ 1299 года, 14 сентября упоминается *villa Bugar-theluke*, 29 сентября и 25 ноября — *possessio Bogar-telke*²⁾. Еще опредѣлительнѣе въ грамотѣ 1336 года: „...ostendit (межа) ad puteum et incipit conterminari metis alterius *Chergewd bulgaricum*, qui est nobilium de Gyod... ubi terminantur mete a parte supradicte *Chergewd Bulgary*“³⁾. Здѣсь *Bulgary* — цѣликомъ славянскій им. мн.: *Болмары*. Наконецъ, поддерживала эту мысль и распространенная теорія о широкомъ владѣствѣ задунайскихъ болгаръ на сѣверъ отъ Дуная въ X—XI вѣкахъ. Прибавимъ, что первый, кто доказывалъ, на основаніи анализа языка топографическихъ именъ Трансильваніи, присутствіе здѣсь славянъ, но примкнулъ ихъ къ болгарамъ, былъ знаменитый Шафарикъ, въ своихъ „Древностяхъ“, томъ второй.

¹⁾ „Wurful Budislawului (пограничная гора на югъ) desupra *Jezerului*. *Jezer* ist ein stehendes Wasser, oder wenn man will, ein kleiner See“ („Siebenbürgische Quartalschrift“ VI, (1798 г.) p. 36). Очевидно, *jezer* мѣстное слово, = *ѣзеро*.

²⁾ *Teutsch — Firnhaber*, op. c., pp. 210, 211, 215.

³⁾ Е. *Hurmuzaki*, „Documente“ и пр., см. выше, I, p. 644. Ср. въ грамотѣ 1302 просто *Csergeüd* (p. 562).

Противъ этой болгарской теорій, противъ того, что Эдеровы „Rutheni“ болгарскіе выселенцы изъ-за Дуная, замѣтимъ, что указанныя синтактическія явленія, членъ и послѣ, безпадежность, раздѣляютъ вмѣстѣ съ болгарскимъ, какъ это давно подмѣчено было глубокопроницательнымъ Копитаромъ, цѣлая группа языковъ и именно — Балканскаго полуострова: румынскій, албанскій, куцовлашскій, слѣдов., не составляютъ специальности болгарскаго языка; широкой же ринезмъ, который богаче, чѣмъ въ тысячелѣтнемъ языкѣ св. Кирилла, а въ морфологіи такія формы, какъ фаллат, гдѣ и юсь, и личный суффиксъ, совсѣмъ противятся вчисленію его къ болгарамъ.

Далѣе, статистики и этнографы Трансильваніи, уроженцы страны прошлаго столѣтія, хорошо знавшіе этническіе слои населенія, не называли жителей загадочныхъ 4 сель болгарами, а языкъ ихъ — болгарскимъ. Мы слышали категорическія утверженія Эдера; послушаемъ теперь другого.

Вотъ, на примѣръ, извѣстный трансильванецъ Бенкѳ, авторъ громаднaго труда „Transylvania“ (Вѣна, 1778). Бенкѳ хорошо знаетъ настоящихъ болгаръ въ предмѣстьѣ Братева (Кронштадта), отмѣчаетъ ихъ въ своей этнографической картинѣ, какъ болгаръ; но никогда не смѣшивая съ ними „русскихъ“ Эдера. Также поступаетъ г. М. Бѣль.¹⁾

Извѣстны, далѣе, настоящіе болгарскіе колонисты въ сосѣдней Венгріи, въ Банатѣ: но ихъ языкъ, это — не языкъ 4 сель, а какъ есть болгарскій.

Извѣстно, наконецъ, что и болгарскій языкъ какого-нибудь XII столѣтія, насколько онъ отраженъ въ памятникахъ, имѣетъ всѣ основныя свойства современнаго болгарскаго языка: не только отсутствуетъ ринезмъ, но уже господствуетъ власть глухого звука въ немъ.

Въ приуроченіи языка Эдеровыхъ „русскихъ“ болгарамъ грѣшатъ противъ правила педагогіи — итти отъ ближайшаго къ отдаленнѣйшему. Попытаемся же пойти инымъ путемъ, и для отвѣта, что за языкъ загадочныхъ четырехъ сель, поведемъ сравненіе его съ славянскимъ языкомъ топографическихъ именъ Трансильваніи, конечно, насколько послѣдній даетъ себя ухватить.

Уже напередъ подчеркиваемъ результатъ этого сравненія: основныя черты языка, извлекаемаго изъ славянской топониміи Трансильваніи, и черты языка рукописи 1803 года, представляютъ *полное согласіе*: мы слышимъ рѣчь одного и того же человѣка, и изъ записаннаго въ наши дни текста, и изъ переходившаго вѣка отъ поколѣнія къ поколѣнію чрезъ неродныя, чуждыя уста мѣстнаго имени.

И въ топониміи, какъ современной, такъ и въ той, которая предлагается грамотами, мы видимъ присутствіе ринезма и въ томъ же разнообразіи. Беремъ нѣсколько примѣровъ и главнымъ образомъ изъ списка у г. Ксенопола²⁾:

¹⁾ Въ географіи Трансильваніи онъ говоритъ о русскихъ (Russi) или „Rutheni“ и отдѣльно о болгарахъ: „Sernii, Bulgari, Graeci“ (p. 114).

²⁾ Мы пользуемся г. Ксенополомъ, для большей объективности. Но мы могли бы составить громадный списокъ носовыхъ именъ по знаменитой картѣ *Липскаго* (Вѣна, 1806 г.). Къ слову о славянскихъ моментахъ у г. Ксенопола. Насколько онъ бываетъ несчастенъ въ своихъ славянскихъ свѣдѣніяхъ, видно изъ того, что онъ не стѣснялся говорить о небывалыхъ славянскихъ словахъ, такъ что и догадаться нельзя, откуда онъ его выкопалъ. „Tatros, объясняетъ авторъ, n'est autre chose que le Trotus — en slave (!?) — rapide“ (p. 158). Напротивъ,

Нос. *an*: *Anta* (ср. ст. слав. жта)

Нос. *zn*: *Gânsanii* (ср. ст. сл. гжсъ)

Нос. *un*: *Lunka, Runkul, Strunga*

Нос. *in*: (изъ *on*): *Dimbul, Zimbru.*

Нос. *om*: *Dombu.*

Далѣе, тѣ же фонемы: *va, la* (*Gvadiste, Glava*), *ѣ = e, ea* (*Deszna, Deal, Pleasa*), *um* (*Seliste*); та же вокализація плавныхъ сочетаній (*Tarnitzele*; но *Cernica, Virful*), даже *f* вм. *ch* (*Virful*, т.-е., *врѣхъ*, ср. *teaf = тѣхъ*).

Такъ какъ топонимія представляетъ матеріалъ ограниченный, частое повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ (*virf = врѣхъ*), и все это, прошедшее чрезъ уста румына или мадьяра, — поэтому не будемъ взыскательны, если напр. для носового *in* не отыщется оправданія.

Такимъ образомъ, сдѣланная параллель между обоими языками позволяетъ намъ славянъ загадочныхъ четырехъ селъ отнять у болгаръ и поставить въ *прямую родовую связь* съ тѣми славянами, которымъ Трансильванія и отчасти Придунавье, сегодня уже инородческія, обязаны своею географическою номенклатурою, старому хозяину страны — ея искони славянскому населенію, за тысячу и болѣе лѣтъ до появленія рукописи 1803 года.

14.

Но намъ могутъ возразить: положимъ, что характерныя и мелкія черты языка 4-хъ селъ и языка, воскресающаго изъ топониміи Трансильваніи однѣ; но это совпаденіе можетъ быть чисто случайнаго характера и не исключаетъ собою совершенно возможности, что славянскіе обитатели тѣхъ селъ колонисты, и принесли съ собою языкъ, который, по игрѣ случая, оказался столь близкимъ къ языку мѣстныхъ именъ пріютившей ихъ страны, что кажется однимъ съ нимъ.

Мы принимаемъ это возраженіе и попытаемся его устранить, эту теорію случайнаго совпаденія. Мы сдѣлаемъ экскурсію сначала въ XVIII вѣкъ Трансильваніи и потомъ спустимся на два столѣтія ниже, къ счастью, не оставляемые сирыми со стороны науки.

По прямому и категорическому заявленію такого знатока края, какъ Эдеръ, славяне четырехъ селъ, во время снятія на бумагу ихъ языка, были уже въ процессѣ вымиранія: переходили въ пастуха-валаха и забывали родную рѣчь. Сдѣланное при этомъ предсказаніе Эдера о ближайшей судьбѣ и ихъ и ихъ языка исполнилось, какъ сказано выше, чрезъ немного десятковъ лѣтъ — съ формальною поправкою проф. Пича. Если же славянское населеніе четырехъ разбросанныхъ на югъ отъ Германштадта селъ такъ скоро и такъ точно выполнило предреченіе ученаго аббата, то ясно, что его уже

имена вершинъ *Ciudomir = Чудомиръ, Izvor = Изворъ, источникъ*, онъ считаетъ румынскими словами. Въ этихъ своихъ объявленіяхъ г. Ксенополъ можетъ быть поставленъ на ряду только съ этимологами румынской Академіи Наукъ, гг. *Laureanu* и *Massimu*, которые даже въ состояніи для румынскаго *gresescu* изъ слав. *триинити* подыскать латинскую генеалогію, и съ подобными приемами написать толстый и очень ученый „Glossariu vorbele d'in limba romana straine“ (Bukuresci, 1876) — но отъ своей совокупной фантазіи.

было немного. Дѣйствительно, по статистическимъ даннымъ самаго начала нашего столѣтія, оно представлялось *двумя стами* душъ — малая крупица среди всюду все давящей массы грубыхъ валаховъ¹⁾, о которыхъ одинъ современникъ замѣтилъ, что „какъ жаль, что среди такого многочисленнаго народа немногіе умѣютъ читать“²⁾.

Понятно, такъ какъ тѣ славяне были уже полувалахи, вотъ-вотъ готовые забыть свой языкъ (если они еще задерживались, то только благодаря, несмотря на всѣ насилія отъ валаховъ, принадлежности своей къ лютеранской и кальвинской церквамъ³⁾), а валахи — православные или уніаты), то глазу со стороны, напр. иностранца, видѣлся всюду одинъ валахъ — помимо трехъ полноправныхъ *nationes* и слабыхъ оазисовъ дѣйствительныхъ пришельцевъ (сербовъ, болгаръ) — и только свѣдущій, опытный туземный изслѣдователь задумывался надъ тѣмъ славянскимъ элементомъ, надъ его судьбою въ минувшемъ. Онъ не довольствовался признаніемъ голаго факта ихъ полусуществованія, но старался отыскать для нихъ, теперь безродныхъ, ихъ родство, но на мѣстѣ, притягивая къ нимъ, пользуясь топониміей, и жителей другихъ мѣстъ своей Трансильваніи, разбросанныхъ то тамъ, то здѣсь, но на его искусственный опытѣмъ взглядъ одного съ ними происхожденія. Онъ не поступалъ бы такъ въ своихъ трудахъ, если бы сколько-нибудь сомнѣвался въ туземности того славянскаго элемента; но онъ никогда не смѣшивалъ его съ дѣйствительными выселенцами, пріютившимися въ Трансильваніи.

Вполнѣ естественно, что одна этнографическая картина Трансильваніи XVIII столѣтія у географа-иностранца, кропотливаго Бюшинга, другая — у своего, у полигистора Бенкѣ.

Мадыары, секлеры и саксы, — говоритъ Бюшингъ, — вотъ три главные народа. Что же касается остальныхъ, которые считаются чужеземцами, и если желаютъ пріобрѣсти права гражданства — должны присоединиться къ одному изъ трехъ народовъ, то это:

„*Валахи*, остатокъ и потомки старыхъ римскихъ колоній. Въ ихъ языкѣ много родственнаго съ латинскимъ, но смѣшанъ онъ съ славянскимъ; даже лицомъ и одеждой валахи напоминаютъ римлянъ. Простой валахъ живетъ въ грубомъ невѣжествѣ, такъ

¹⁾ Въ 1795 г. всего населенія Трансильваніи было: 1.250.000 („*Siebürg. Provinzial-Blätter*“, V. IV, p. 399). Въ 1766 году было валаховъ: православныхъ 444.219 душъ, уніатовъ — 116.958 д., а всего съ принадлежащими къ другимъ конфессіямъ — 667.306 душъ. По свѣдѣніямъ 1772 года однихъ православныхъ было уже 558.076 душъ. Политическія же три націи: мадыары, секлеры и саксы, всѣ вмѣстѣ, въ 1791 году составляли всего около 300 тысячъ семей (226.882 + 75.551). Грековъ тогда же было 103 семьи, болгаръ 31 (въ 1772 — 50 семей), евреевъ — 814 семей. (Изъ „*Manuscripta Ederiana*“ въ Пешт. Музеѣ, № 287 fol. germ.).

²⁾ „*Siebenbürgische Provinzial-Blätter*“, V. V, p. 377.

³⁾ Въ 1760 году пасторъ Большаго Чергеда приноситъ жалобу, что управляющій уніатскаго епископа, которому принадлежитъ село, угрозою отнять усадьбы и землю, принуждаетъ его прихожанъ къ переходу „*zum walachischen uirten glauben*“. Еще интереснѣе соединенная жалоба пасторовъ обонхъ Чергедовъ черезъ 29 лѣтъ, изъ которыхъ одинъ былъ старый жалобщикъ, но теперь уже въ Маломъ Чергедѣ, а другой *Matiausz Nösner*; не сомнѣваемся, послѣдній, это — тотъ самый, который для Эдера написалъ рукопись 1803 года. „Управляющій помѣстій Банфи, — жалуется пасторъ Малаго Чергеда, — подъ самыми страшными угрозами воспретилъ евангелическимъ болгарамъ его общины употребленіе ихъ ему непонятнаго роднаго языка и дозволяетъ имъ говорить только по-валахски, почему они бѣгутъ въ Венгрію“. Другой пасторъ жалуется, что „черезъ насильственный переходъ очень многихъ членовъ его общины въ унію, онъ скоро будетъ пастыремъ безъ стада“. — Изъ указанныхъ выше сообщеній д-ра Амлера въ „*Die Dacischen Slaven*“ и пр., p. 267.

что едва двадцатый въ состояніи произнести Молитву Господню... Далѣе — *армяне*, преимущественно торговцы, *райцы* (т.-е. сербы), *болары*, *греки*...¹⁾.

Современникъ Бюшинга, но туземець, секлеръ Бенкё, издавая свою „Transylvania“, при крупныхъ (мадьяры, валахи) не забываетъ и своихъ крошечныхъ братьевъ — славянъ четырехъ сель и силится уяснить: кто они и *отъ-когда*? И что же? И для него они — тѣ же славяне, что и многихъ другихъ мѣсть страны, но которые уже орумынились или стали мадьярами, но объ этомъ, замѣчаетъ онъ, „*ip̄sa nomina produnt*“, а на своихъ мѣстахъ они отъ того отдаленнаго времени, когда славяне подвинулись съ сѣвера и перешли Дунай; „часть ихъ, — замѣчаетъ Benk̄o, — зашла и въ Трансильванію, гдѣ ихъ *pes in hodiernum diem defecit*“²⁾.

Такимъ образомъ, въ глазахъ ученаго трансильванца половины XVIII стол., наши славяне старожилы въ краѣ, а не пришлецы, языкъ которыхъ случайно попалъ въ такую необыкновенную гармонию съ славянскимъ языкомъ мѣстныхъ названій Трансильваніи.

Если же въ дни Бенкё еще было достаточно, *pes defecit*, представителей старославянской стихіи, было еще довольно, было достаточно тѣхъ самыхъ славянъ четырехъ сель, которые чрезъ полстолѣтія младшему современнику Бенкё казались уже совсѣмъ потерявшимися, распутившимися въ валашской стихіи: то въ порядкѣ вещей полагать, что чѣмъ глубже внизъ вѣковъ, тѣмъ численнѣе тотъ же славянской элементъ былъ въ странѣ.

И дѣйствительно, отъ первой половины XVI вѣка мы имѣемъ безцѣнное свидѣтельство о нашихъ славянахъ ученаго дипломата-императора Фердинанда II, и уроженца Трансильваніи, что въ его время наши славяне представляли изъ себя самостоятельную этнографическую особь, были еще племенемъ, вносили свою окраску въ ту же монотонную всевалашскую Трансильванію. Мы разумѣемъ Рейхерсдорфа съ его драгоценною „*Chorographia Transilvaniae quae Dacia olim appellata*“, о которой уже упоминалось выше (вышла въ 1550 г.).

Въ сухихъ, сжатыхъ словахъ мы имѣемъ этнографическую картину страны раньше половины XVI вѣка. Уроженецъ края, неоднократно посѣщавшій его по дѣламъ службы, Рейхерсдорфъ такъ же хорошо зналъ его, его населеніе, какъ позже Бенкё и Эдеръ.

Кромѣ господъ страны: мадьяръ, секлеровъ, саксовъ, кромѣ безправной массы валаховъ, ученый трансильванецъ половины XVI вѣка еще отличаетъ въ ней, въ ея населеніи, и строго-„*рутеновъ*“ изъ Галиціи, болгаръ въ особомъ (третьемъ) предмѣстьѣ Кронштадта (Брашова), армянъ, грековъ и турковъ³⁾. Всѣ эти мелкія этнографическія подробности указываютъ знатока края и его жителей, почему нѣтъ основанія недоумѣвать и такимъ этнографическимъ сообщеніямъ Рейхерсдорфа, которыя, на первый взглядъ, останавливаютъ насъ своею новизною, оригинальностью.

„*Zaswaras, Saxonibus Bros dicta*, говоритъ Рейхерсдорфъ, *distat a Kenijer ad meridiem uno miliari, sita ad flumen Marisum, terra fecundissima frumenti vini et om-*

¹⁾ „*Neue Erbeschreibung*“. Hamburg, 1754, I, p. 1013—1015.

²⁾ Т. I, p. 497.

³⁾ „*Chorographia*“, p. 10 a, 11 a, б.

nium fructuum ferax: *ibi populus admodum urbanus et ad Valachorum ritum et consuetudinem, amictu et victu non parum accedens*, qui passim in campis circumque desertis quibusdam possessionibus resident (т.-е. хуторами), et habent coelum mirae temperiei: etenim sylvae intensissimae, lepores, damas et cervus, in magna multitudine foveant, piscibusque illic optimis abundant¹⁾.

Прежде всего ориентируемся въ топографіи, гдѣ богато жилъ тотъ „populus“.

Zaswaras, т.-е. Szászváros, городъ саксонцевъ, или Broos, лежитъ на югъ отъ Бѣлграда (Fejervar) или Карлсбурга и Залатны и на западъ отъ Германштадта, на лѣвомъ берегу золотоноснаго Мароша, въ крайнемъ западномъ углу „земли саксовъ“, такъ-наз. Fundus Saxonicus. *Kanijer*, иначе Campus Kenyer, какъ разъ посреди Сасвароша и Германштадта²⁾.

Территорія того „народа“, который только что описанъ Рейхерсдорфомъ, лежала между Сасварошомъ и Германштадтомъ, т.-е. въ непосредственномъ *сосѣдствѣ* съ тѣмъ краемъ, гдѣ уже въ XIII столѣтіи стоялъ славянскій городокъ Forum Ruthenorum, переведенный нѣмцами въ Reussmarkt, разныя села „русскія“, а главное — въ *сосѣдствѣ* и съ четырьмя загадочными славянскими поселеніями Эдера.

Изъ словъ этнографа XVI столѣтія ясно, что „народъ“, помѣщаемый имъ на востокъ отъ Сасвароша, былъ той же *православной* вѣры, что и валахи, обычаями своими, одеждой, жизнью весьма и весьма походилъ на валаха; но тѣмъ не менѣе то не былъ валахъ. При всемъ сходствѣ, онъ отличался физически отъ валаха. Чѣмъ? Рейхерсдорфъ не говоритъ. Но чѣмъ могъ онъ отличаться? Единственно своимъ *языкомъ, происхожденіемъ*. Какой же языкъ могъ отличать его отъ валаха? Единственно допустимый языкъ — *славянскій*. Валахъ — пастухъ, грубый полудикарь; но этотъ „не-валахъ“ былъ носителемъ иной культуры — культуры земледѣльческой, искони бывшей достояніемъ славянскаго племени, былъ обитателемъ чисто райскаго уголка. Вблизи его хуторовъ и лѣса съ благороднымъ звѣремъ, и рѣки съ рыбою; прекрасный климатъ; кругомъ плодородная земля, обильно подъ руками трудолюбиваго народа произраставшая злаки, плоды, вино. Но, очевидно, числомъ своимъ этотъ „populus“ равняться валаху не могъ, и онъ уже усвоилъ отъ послѣдняго весь его валашскій обликъ: но, тѣмъ не менѣе, если онъ названъ знатокомъ страны особымъ *народомъ*, со всѣми чертами племени, давно сидящаго на своей землѣ, то, слѣдов., онъ представлялъ изъ себя еще нѣкоторую серьезную этнографическую величину, и потому онъ не остался незамѣченнымъ у Рейхерсдорфа.

Итакъ, изъ сдѣланной экскурсіи изъ XVIII въ XVI столѣтіе, мы убѣждаемся, что крошечное славянское населеніе Трансильваніи, въ началѣ XIX вѣка почти расплывавшееся уже въ валашской стихіи, всего до 200 душъ, еле говорившее по-славянски, но въ языкѣ котораго повторялся языкъ топониміи страны, еще въ половинѣ XVI столѣтія составляло изъ себя цѣлое православное племя, отдѣльную этнографическую особь, близкую внѣшними особенностями своего быта къ валахамъ, но въ то же время замѣтно отличную отъ нихъ. Никогда знатоки этнографіи страны не видѣли въ своихъ

¹⁾ Тамъ же, р. 14 б.

²⁾ См. карту *J. B. Homanni*, „Princ. Transylvaniae in suas quasque nationes... divisus“, Norimbergae.

крошечныхъ согражданахъ какихъ-то колонистовъ изъ болѣе или менѣе недавняго времени.

Въ виду вышеизложеннаго, нельзя видѣть игру случая въ замѣчательномъ фактѣ согласія языка исчезавшихъ славянъ Эдера съ славянскимъ языкомъ топониміи Трансильваніи: эти славяне — послѣдній отголосокъ, послѣдній слѣдъ отъ былого славянскаго хозяина всей страны, и хозяина, не лишеннаго извѣстной культуры, почти чудомъ задержавшійся до начала нашего столѣтія. Своею послѣдующею судьбой, столь точно опредѣленной у Эдера, они иллюстрировали уже на нашихъ глазахъ тотъ этнический процессъ перерожденія, который незамѣтно, тихо, въ теченіе многихъ вѣковъ совершился въ предѣлахъ загадочнаго Залѣсья, пока страна изъ славянской, культурной, не стала валашской, пастушеской.

15.

Мы у конца нашего доклада.

Но намъ скажутъ: при чемъ же здѣсь интересъ науки *русской* исторіи, интересъ *русской* культуры? Придунайское Залѣсье — старая земля погасшихъ славянъ, но — не земля же русскаго народа...

Въ томъ-то и высшій интересъ для людей русской исторіи, что земля та была именно *русскою* землею, что ея славянскіе обитатели были именно *русскіе*.

И сходя съ лица земли, тѣ послѣдніе двѣсти славянскихъ душъ, которыми такъ глубоко былъ заинтересованъ Эдеръ, что заказалъ записать у нихъ нѣсколько церковныхъ пѣсень (церковныхъ потому, что въ домашнемъ обиходѣ утверждался уже румынскій) — да останется хотя въ наукѣ слѣдъ ихъ земного существованія, называли себя не иначе, какъ *русскими*, не иначе называли ихъ и сосѣди: мадьяре — *Orosz*, валахи — *Rusi*, нѣмцы — *Reussen*. Здѣсь причина, почему и рукопись 1803 г. носить титулъ: „*Cantilenae Ruthenicae*“.

Русское имя тѣхъ славянъ категорически засвидѣтельствовано самимъ Эдеромъ. Затѣмъ мы видѣли выше, что и позже много и много думалъ о загадочной судьбѣ тѣхъ же русскихъ тотъ же Эдеръ, какими задачами онъ напутствовалъ отправлявшагося для изученія его родного края молодого Телеки: „es giebt in einigen Dörfern Siebenbürgens Leute, die man *Reussen* nennt“, и самъ подчеркиваетъ слово „*Reussen*“. Ясно, это этнографическое имя было общепризнано на мѣстѣ.

Почти одновременно съ заказомъ Эдера, въ 1802 году, въ Германштадтѣ, профессоромъ мѣстной гимназіи, докторомъ Самуиломъ Вольфомъ была издана небольшая грамматика языка тѣхъ славянъ, и языкъ ихъ названъ русскимъ: „*De vestigiis Ruthenorum in Transylvania. Dissertatio quam... publice defendit Samuel Wolf, Gymn. Cibir. a. s. prof. extraord.*“ (Cibinii, typis Mart. Hochmeisteri, 1802, 19 страницъ). Въ приложеніи нѣсколько словъ, но въ записи, совсѣмъ затемняющей характеръ языка.

Но оставимъ современниковъ умиравшихъ *русскихъ* въ началѣ нашего столѣтія и обратимся въ старину Залѣсья: знала ли и старина ихъ подъ тѣмъ же именемъ русскихъ?

Остановимся *primo loco* на старшемъ сверстникѣ и землякѣ Эдера, знакомомъ намъ Бенкѣ, съ его „Трансильваніей“ половины XVIII вѣка.

Въ первомъ томѣ, въ общемъ описаніи Трансильваніи своего времени (§ CLXIII, VII — этимъ § мы воспользовались и раньше), и Бенкё о жителяхъ четырехъ сель говорятъ только какъ о *русскихъ* и, подобно Эдеру, отыскиваетъ прямую родню имъ въ прошломъ Трансильваніи при помощи мѣстныхъ именъ, но въ отличіе отъ Эдера на мѣсто осторожнаго отношенія къ вопросу послѣдняго ставитъ свой догматизмъ.

„*Rusi sive Rutheni*, объясняетъ Бенкё, *seculo VIII è Russia Alba, novae saedes quaesituri, egressi, Bulgariam, Serviam, vicinasque regiones et utramque Danubii ripam impleverunt, quam nec in hodiernum diem defecit*“¹⁾. Онъ считаетъ такимъ образомъ *русскихъ* своей земли хвостомъ, зацѣпившемся за Трансильванію, при общепредполагаемомъ грандіозномъ передвиженіи славянъ за Дунай, но въ VIII стол. и изъ Бѣлоруссіи.

Что Бенкё говоритъ здѣсь именно о нашихъ эмигрантахъ, видно изъ примѣчанія сейчасъ: „*Nas immigratione (т.-е. изъ Бѣлоруссіи!) pagos Bungárd (т.-е. Baumgarten иначе), Raissdörfflein et Cserdöd insedisse constat*“. Но онъ прибавляетъ затѣмъ: „*sed et vicos Orosz-falu, Orosz-faja, Orosz-hegy aliosque Russos tenuisse, ipsa nomina (Russus enim Hungaris Orosz cluet) praedunt*“, но только всѣ эти „*veteres Russi in Valachos et forte etiam Hungaros transmutati sunt*“²⁾.

Итакъ, и по взгляду Бенкё, то были одни русскіе, при чемъ этихъ русскихъ онъ видѣлъ не только расплывшимися среди румынской стихіи, но даже и среди своихъ мадьяръ. Здѣсь нельзя не вспомнить славянскихъ именъ графовъ секлеровъ въ XIII вѣкѣ и извѣстности у послѣднихъ славянскаго письма. Прибавимъ еще одну мелкую черту изъ этнографическихъ сообщеній Бенкё — о бытѣ тѣхъ русскихъ.

Извѣстно, что они были протестанты, т.-е. не ранѣе второй половины XVI вѣка, „*Religionem Lutheranam (fidei enim Helvetiae renunciarunt) sequuntur: in jejuniis tamen et multis aliis ritum Orientalem nondum exuerunt*“. Но если въ быту еще существовалъ православный обычай поститься, то, несомнѣнно, мы здѣсь имѣемъ слѣдъ задержавшагося православія, а раньше мы слышали категорическое свидѣтельство Рейхерсдорфа изъ первой половины XVI столѣтія, что „*populus*“, языкомъ отличавшійся отъ валаховъ и жившій по сосѣдству съ тѣми самыми мѣстами, гдѣ черезъ два столѣтія этнографы XVIII вѣка знаютъ крошечные русскіе оазисы, былъ именно *православнымъ* той же вѣры, что и валахи. Новое доказательство преемственной связи „*русскихъ*“ Эдера и „*особаго народа*“ Рейхерсдорфа. Въ виду же православнаго обычая поста даже среди лютеранскихъ славянскихъ общинъ на югѣ Трансильваніи, понятна распространенность тамъ выдѣлки постнаго масла изъ льняного сѣмени: „*linum passim quidem, sed in Barcia*“³⁾ quam felicissime crescit, говоритъ Бенкё; *oleum ejus non cito rancescens, multijuge Valachorum aliorumque jejunium solatur*“⁴⁾. Кто же это „*alii*“, не валахи, соблюдающіе посты? Очевидно, тѣ же „*русскіе*“ четырехъ сель.

Понимая вѣрно широкую задачу этнографа — полное представленіе картины

¹⁾ I, p. 497.

²⁾ Тамъ же, p. 590.

³⁾ Т.-е. Burzenland, на югѣ.

⁴⁾ Тамъ же, p. 114. Кальвинистъ Фесслеръ иронизируетъ надъ обычаемъ поста у своихъ валаховъ: «dagegen hielten sie den Bruch ihrer 4 grösseren Fasten für schwerere Sünde, als den Mord. Fasten war ihnen das Veröhnungs- und Genugthuungsmittel für jedes Verbrechen» («Geschichte der Ungern», IV. Th. p. 1126).

жизни, Бенкё во второй части своей громадной „Трансильваніи“ собирался предложить обстоятельное описание жизни, быта своихъ земляковъ „русскихъ“ для чего специально по его заказу такое описание и сдѣлано было на мѣстѣ однимъ знатокомъ дѣла, который, говоритъ авторъ, „Statum, mores etc. *Russorum* colonorum utriusque Cserged penitus cognovit“. Это былъ ассессоръ, Владиславъ Бало de Nagy-Baczony. Къ сожалѣнію, Бенкё умеръ, и вторая часть не вышла. Но этотъ любопытной этнографическій трактатъ пріятеля Бенкё, посвященный описанію быта „русскихъ крестьянъ обоихъ Чергедовъ“, пропасть не могъ: онъ находится, думаемъ, среди бумагъ ученаго трансильванца, и когда-нибудь, хотя прошло уже болѣе ста лѣтъ, отыщется и обогатитъ славянскую науку интересной страничкой¹⁾.

Такимъ образомъ ясно, что этнографъ Трансильваніи XVIII вѣка писалъ не по слухамъ свои сообщенія, а дѣлалъ всяческія развѣдки на мѣстѣ, принимая всѣ мѣры, чтобы быть полнымъ, достовѣрнымъ и точнымъ. Не праздно потому признаніе Бенкё въ Предисловіи къ I тому, стр. 1; не праздно и свидѣтельство его о современныхъ ему „русскихъ“.

Но спустимся въ XVI столѣтіе и ниже. И здѣсь, хотя спорадически, рѣдкими оазисами, но все же встрѣтимся съ *русскими* людьми, въ разныхъ пунктахъ Трансильваніи, помимо присутствія этого этнографическаго термина въ самыхъ мѣстныхъ именахъ, и даже тамъ, гдѣ мы какихъ-либо *русскихъ* менѣе всего могли бы ожидать.

XVI столѣтіе.

Въ нынѣ чисто мадыарскомъ населеніи, но съ славянскимъ именемъ — *Karacsónfalva* (иначе *Föly-falva*, у румынъ *Kracsionelul* или *Krecsunelul*, отъ *кращунъ*, рус. *карачунъ*, *кращъ* = (о)корокъ шагъ) такъ наз. *Sedis* Марошской, на приходѣ его до 1556 года, слѣдов. до лютеранства, упоминается священникъ *Petrus Ruthenus*, т.-е. русский²⁾. Да и самое село было *русскимъ* уже въ XV столѣтіи, см. ниже.

Если же на сторонѣ мы встрѣчаемъ священниковъ изъ *русскихъ*, то едва ли мы не въ правѣ полагать, что и священниками „русскаго“ села *Baumgart* тогда же и раньше (имена которыхъ дошли до насъ) были также русскіе, хотя такъ и не названы.

Baumgart (*Baumgarten*, мад. *Bangert*, латин. офиц. названіе *Bungardinum*) составлялъ однородный, чистый отъ нѣмцевъ приходъ до 1521 года, когда приходская

¹⁾ Въ бытность нашу въ Пештскомъ Музеѣ лѣтомъ нынѣшняго года мы искали слѣдовъ бумагъ Бенкё, но ничего не нашли. Пособить намъ въ изслѣдованіи вопроса о нахожденіи этихъ бумагъ любезно предложилъ свои услуги помощникъ обязательнаго кустода г. Чонтоши, г. Ant. Hodinka. Дѣйствительно, уже въ сентябрѣ мы получили отъ послѣдняго такую справку о судьбѣ бумагъ Бенкё. Въ 1867 году вышло въ Пештѣ обширное жизнеописаніе Бенкё — гр. Еммерика *Мико*. Здѣсь на 155 стр. находится: Бенкё началъ печатать и вторую часть своей «Трансильваніи», но успѣлъ напечатать лишь нѣсколько первыхъ листовъ. Самой же рукописи Бенкё существуетъ три экземпляра, изъ нихъ два — собственность «*Siebenbürgische Museum-Gesellschaft*». Первый экземпляръ носитъ титулъ: *Benkő Ios. Pars posterior sive specialis Magni Princip. Transsilvaniae cognitio, fol. lib. 3, in tom. 2. et quidem: Tom. I titulum habet: Terra Hungarorum et facit libr. 1; Tom. II exstat e libr. 2-e, titulum habet: Terra Siculorum, et libr. 3, titul. habet: Terra Saxonum*. Второго экземпляра титулъ: *Josephi C. Kemény: Collectio major manuscriptorum historicorum Tom. XL. vol. 2, экземпляръ недостаточный*. Третій экземпляръ — собственность Главной Школы въ Nagy-Enyed, въ Трансильваніи и носитъ титулъ: «*Cl. Ios. Benkő: Pars Posterior Transsilvaniae sive Specialis Transsilvaniae Principatus cognitio, in 8º*. — За это дорогое для насъ сообщеніе приносимъ живѣйшую благодарность г. Ходинкѣ.

²⁾ «*Siebenbürgische Provinzial-Blätter*», III (1808), p. 146.

церковь была совершенно разрушена. До 1521 же года въ этомъ поселеніи именуются приходскими священниками (несомнѣнно они назывались на мѣстѣ *попами*): Matthias, Valentin, Petrus Niger, Leo, Johannes, Petrus Pileator. Очевидно, вмѣстѣ съ церковію пострадало и самое населеніе, ибо церковь была возобновлена только позже, когда въ селѣ поселились саксы изъ Namersdorfa, спустя нѣсколько лѣтъ¹⁾.

XV столѣтіе.

Reussdörflein, иначе Reussdörfel, Reussdörfchen у саксовъ, Rosz-Czür, т.-е. *Русскій Чуръ*, въ отличіе отъ сосѣднихъ Kis и Nagy-Czür Большаго и Малаго Чура, у мадьяръ²⁾ на официальномъ латинскомъ языкѣ villa *Ruthenica* или *Ruthenorum*, у самого Германштадта, уже въ XV столѣтіи былъ самостоятельнымъ приходомъ. Изъ этого времени извѣстны его приходскіе священники: Papinus, Nicolaus, Petrus, Ludovicus, Thomas, Sutoris, Sigismundus³⁾. По поводу имени Papinus издатель замѣчаетъ: „не былъ ли онъ, насколько извѣстно доселѣ, первымъ пастыремъ Русскаго Сельца и самъ русскаго происхожденія“? Но соблазненный именемъ Панинъ, однозвучнымъ съ русскою фамиліей Паниныхъ, онъ наивно продолжаетъ: „bekanntlich, giebt es noch in Russland Familien dieses Namens“.

Еще ближе къ городу Германштадту лежитъ и сегодня село „Русскіе“: у саксовъ Reussen, у мадьяръ *Orosz*, у румынъ *Rusz*. Что это поселеніе существовало и въ XV столѣтіи, мы увидимъ сейчасъ, и существовало съ настолько зажиточнымъ населеніемъ, что поставляло даже и бургомистровъ сосѣдному Германштадту. Въ духовномъ отношеніи „Русскіе“ были подчинены препозиту этого города до 1447 года, когда они образовали самостоятельный приходъ⁴⁾.

Въ серіи бургомистровъ Германштадта изъ XV столѣтія мы находимъ лицъ съ слѣдующими именами:

Въ 1447 г. бургомистръ Georgius *Hecht*, иначе называемый *Csukas* (*cs* = русск. ч).

Около 1459 года Johann *Bogathi*.

Въ 1463 г. Ladislaus *Hahn* или *Hähnlein*, иначе *Kakas*.

Въ 1468 г. Nicolaus *Russe*, изъ села Russen.

Въ 1479 г. Georgius *Hecht*, иначе *Csukas*⁵⁾.

Изъ этихъ пяти бургомистровъ Германштадта, въ тридцатилѣтній періодъ времени, Nicolaus *Russe* былъ кровный русскій: и прозвище его, и указаніе его происхожденія категорически свидѣтельствуютъ объ этомъ. Затѣмъ, нельзя также сомнѣваться, что и одинъ изъ его предшественниковъ, Иванъ Богатый, былъ славянинъ, и, конечно, не пришлый, со стороны, а мѣстнаго происхожденія, изъ своихъ славянъ.

Что же касается остальныхъ трехъ бургомистровъ, Георгія Гехта, Ладислава

¹⁾ Тамъ же, III, р. 15. Прибавимъ, что въ началѣ XVII столѣтія у Wolfgang'a Bethlen'a, въ его «Historia», упоминается трансильванскій помѣщикъ Stephanus *Ros*, убитый валахами (т. V, р. 198).

²⁾ Ср. *Lipsky de Szedliczna*, «Tabula generalis regni Hungariae», Pesthini 1810. Даже просто *Reisdorf* на картѣ *Notani'a* «Principatus Transsilvaniae», Norimbergae (1770 г.?).

³⁾ «Siebenb. Provinz.-Blätter», B. II (1807), р. 122.

⁴⁾ Тамъ же, р. 106.

⁵⁾ *J. Seifert*, «Die provinzialischen Bürgermeister zu Hermannstadt», въ журналѣ: «Siebenbürg. Quartalschrift», B. II, pp. 162—167.

Гана и опять Георгія Гехта (скорѣе новое лицо изъ той же патриціанской семьи, въ которой санъ бургомистра былъ какъ бы наследственный, ибо и чрезъ сто лѣтъ, въ 1571 году, бургомистръ опять Georgius Hecht-Csukas¹⁾): то какъ ни звучатъ чисто по-нѣмецки фамиліи ихъ, мы не сомнѣваемся, что и они были того же славянскаго происхожденія, что и товарищи ихъ — Богатый, Русскій. Читатель и самъ, вѣроятно, догадывается, почему мы позволяемъ себѣ это утверждать. Дѣло въ томъ, что нѣмецкія прозвища этихъ лицъ суть только буквальный переводъ прозвищъ славянскихъ, конечно, собственно и носившихся ими: при *Hecht* указано *Csukas*, т.-е. Щука (откуда и мадьярское названіе этой рыбы *csuka*), а *Hecht* и есть щука; при *Hahn* указано *Kakas*, т.-е. *Кокошъ* пѣтухъ (ср. наше — кокошникъ), а *Hahn* и есть пѣтухъ.

Итакъ, въ теченіе тридцати лѣтъ, повидимому, чисто нѣмецкій городъ Германштадтъ имѣлъ въ главѣ своего управленія славянъ, и даже изъ *русскихъ*.

Въ 1435 году императоръ Сигизмундъ въ грамотѣ графу секлеровъ указываетъ на жалобу нѣкоего Николая de Almakerek, что графъ Radnaweuilge самовольно выселилъ къ себѣ изъ его помѣстья Karatson-telke его двухъ *русскихъ* крестьянъ (*iobba-giones ruthenos*)²⁾. Показаніе грамоты 1435 г. важно въ томъ, что свидѣтельствуешь, что не въ однихъ поселеніяхъ, именованныхъ русскими, жили русскіе.

Но и ниже XV столѣтія мы не остаемся безъ указаній на присутствіе имени *русскаго* въ Зальсѣѣ.

Здѣсь насъ прежде всего останавливаетъ имя стараго и богатаго города, къ сѣверо-западу отъ Германштадта, какъ разъ у самой территоріи „особаго народа“ Рейхерсдорфа — Reuss или (раньше) *Russ-markt*, у саксовъ, *Szerda-hely* у мадьяръ (*szerdá* въ мадьярскомъ изъ слав. *середá*, *hely* мѣсто, ср. *szék-hely* Wohnsitz, *helyettes*, замѣститель), на официальномъ латинскомъ *Forum Ruthenorum* или *Mercurium*, откуда у валаховъ ихъ *Mnyerkur*. Городъ, теперь нѣмецкій, надо думать, заложенъ русскими, какъ показываетъ имя, и около 1200 года³⁾. Что это былъ *русскій* рынокъ, недѣльный торгъ, куда съѣзжались, вѣроятно, по *средамъ*, откуда и мадьярское его имя — *Szerda-hely*, ясно изъ актовaго латинскаго имени его: *Forum Ruthenorum*, или нѣмецкаго *Russ-markt*.

Мы видѣли выше, изъ ученой инструкціи Эдера 1807 года, что для него не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что *русскій торгъ* былъ заложенъ, открытъ русскими, и именно того самаго мѣстнаго происхожденія, какого были русскіе другихъ *русскихъ* мѣстъ Трансильваніи и раньше, и въ его время.

То же убѣжденіе свое о „*vestigio Ruthenorum, Transsilvaniae incolarum*“ и „*abstrusae vetustatis*“ Эдеръ высказалъ уже раньше, при изданіи вышеупомянутой книги Фелмера: „Начатки трансильванской исторіи“, въ 1803 году, но мелькомъ, поставивъ рядъ „русскихъ“ вопросовъ для другихъ.

¹⁾ Тамъ же, р. 187.

²⁾ Mart. Felmer, «Primaе lineae historiae Transsilvaniae» (1803), съ присовокупленіемъ отъ Иос. Эдера «Observationes criticae et pragmaticae», р. 68. *Karatson-telke* то же, что *Kakasón-falva* выше, слѣд. первоначально было русскимъ поселеніемъ.

³⁾ «Siebenbürg. Quartalschrift», B. V, р. 201.

Припомнивъ грамоту Сигизмунда 1435 и другіе акты того же¹⁾ и болѣе поздняго времени, въ которыхъ памятуется „русскіе“, Эдеръ заключаетъ: „quaenam sit horum Ruthenorum communitio cum illis, a quibus manavit nomen oppidi Reussmarkt (olim Rusmarkt, itemque Forum Ruthenorum) nec non villarum Reussen (olim Ruzy et Reuz) ac Reussdörfel (Ovosz-falu), fuerintne Rutheni Bissenorum posterі, et quae sunt ejus modi abstrusae vetustatis erotemata, aliis expedienda relinquo: ego vestigio Ruthenorum Transsilvaniae incolarum, adiunguam tribus verbis vestigium etiam Italorum“ — т.-е. румынъ, и т. д.

Мы не будемъ говорить о невозможности какъ будто допускаемой Эдеромъ связи между „русскими“ и „Бисенами“, т.-е. *печенъгами*: по весьма можно говорить о связи *именъ* общихъ народовъ въ трансильванскихъ грамотахъ съ самого стараго времени.

Вотъ подтвердительная грамота короля Андрея 1224 года — нѣмецкими колонистами на югѣ Трансильваніи. Этотъ актъ слѣдовательно относится къ тому времени, когда именно на томъ же югѣ, вблизи того же Германштадта, его комитата (comitatus Chybiniensis грамоты), уже существовали *Forum Ruthenorum*, Русскій Торгъ, но незадолго до того увидѣвшій свѣтъ. И что же? Король Андрей въ грамотѣ говоритъ о секлерахъ, о румынахъ-влахахъ, но ни слова о *Ruthenis*, русскихъ, зато ихъ мѣсто въ грамотѣ занимаютъ именно *Bissenі*. Они упоминаются два раза и всегда вмѣстѣ съ влахами: „preter vero supradicta, silvam *Blacorum* et *Bissenorum* cum aquis usus communes exercendo cum predictis scilicet *Blacis* et *Bissenis* eisdem (т.-е. колонистамъ) contulimus...“²⁾.

Подъ этимъ „*Bissenі*“ только и можно понимать *Rutheni*. Та же канцелярская терминологія продолжается и въ грамотахъ XIV столѣтія, т.-е. относительно уже не задолго до того времени, когда въ Германштадтѣ появятся даже бургомистры изъ русскихъ. Такъ въ грамотѣ 1324 года упоминается о самовольномъ обращеніи нѣсколькихъ *свободныхъ* семей „*Bissenorum*“ въ крестьянъ нѣкими тремя братьями въ вотчинѣ Шарошъ-Потокъ: „quosdam *Bicenos* suos a patre suo sibi commissos, saluis rebus et personis, occupassent (тѣ братья) et nunc detinerent occupatos...“ Противъ этого и протестуетъ воевода Трансильваніи и comes de Zonuk et de Cibinio, т.-е. Сольнока и Германштадта. Въ слѣдующей грамотѣ того же воеводы и того же года эти *Biceni* прямо названы свободными и опредѣляется ихъ число: „octuaginta quinque mansiones hominum liberorum *Bicenorum*...“³⁾.

Но возвращаемся къ прерваннымъ „*observationes*“ Эдера къ книгѣ Фелмера, именно о „*vestigio Italorum*“, т.-е. валахахъ.

¹⁾ Эдеръ ссылается на бумагу папы Евгенія отъ 1446 года, гдѣ упоминается о *русскихъ*, или жителяхъ Трансильваніи. Къ сожалѣнію, во 2 томѣ изв. собранія пок. Авг. *Тейнера*: «*Vetera monumenta historica Hungariam vasram illustrantia*» (Romae, 1860) среди буллъ того папы не нашли цитуемой Эдеромъ. Въ буллѣ 1445 года, «*свѣрнымъ*» церкви Дѣвы Маріи «*in villa Somljo Transilvanensis dioecesis in confinibus Valachie prope Tartariam*» упоминается глухо, что «*ingens fidelium multitudo devotionis causa confluere consueverit*» къ той церкви (№ CCCLXXX).

²⁾ *Teutsch-Firnhaber*, op. c., p. 30. Курсивъ въ подлинникѣ.

³⁾ *Hurtmuzaki, E.*, «*Documente*» и пр., p. 587, 588.

Съ глубокимъ пониманіемъ этнографической исторіи своей родной страны онъ говоритъ о происхожденіи своихъ валаховъ, этомъ италійскомъ наслѣдіи. Онъ видитъ въ этихъ италійцахъ только *переродившуюся славянскую* стихію, но эта стихія для такой далекой старины, какъ XII—XIII вѣка, представляется основателями Russmarkt'a, *Русскаго Торга*, слѣдовательно, стихію *русскую*. „Majoris eorum, говоритъ Эдеръ, qui nunc apud nos Valachi adpellantur, antea quam Romanam linguam adsciscerent, *Slavorum lingua usos fuisse*¹⁾).

Такимъ образомъ, и для Эдера, въ цѣломъ краѣ, на пространствѣ тысячи лѣтъ, тихо, незамѣтно шель тотъ этнографическій процессъ регенераціи, который документально засвидѣтельствованъ имъ самимъ, въ его финальномъ моментѣ — при румынизациі послѣднихъ эпигоновъ славянской стихіи въ Трансильваніи, при исчезновеніи навсегда съ лица земли послѣднихъ тамъ „русскихъ“, жителей четырехъ поселеній юга: Чергедовъ, Бонгарта и Русскаго Сельца. Какъ мало Эдеръ былъ похожъ на своего младшаго современника, историографа Венгріи, Фесслера, въ глазахъ котораго ужасавшая его своею численностью румынская стихія была неизмѣнно стабильнымъ коэффициентомъ населенія Трансильваніи. „Въ Седмиградіи, — говоритъ Фесслеръ о началѣ XV столѣтія, — исповѣдники православной церкви составляли большую часть населенія: одни валахи превосходили числомъ взятыхъ вмѣстѣ мадьяръ, саксовъ, секлеровъ, *русскихъ* (Russen), славянъ, армянъ, грековъ, цыганъ и евреевъ“. Но, полагая на цѣлую Трансильванію того времени 900 тысячъ населенія, Фесслеръ число валаховъ опредѣляетъ въ полмилліона, какъ и въ его время²⁾, конечно, цифра, дѣйствительности отвѣчать не могущая.

Въ самомъ дѣлѣ, остановимся еще разъ на картѣ Трансильваніи. Мы видѣли, какою массою топографическихъ именъ представляется на ней *славянская* стихія. Въ соображеніи всѣхъ приведенныхъ обстоятельствъ эта славянская стихія должна быть одного характера — русскаго. Дѣйствительно, обратимся только къ поражающей наблюдателя разсѣянности имени „русскій“ въ топониміи Трансильваніи, притомъ, съ самымъ разнообразнымъ примѣненіемъ. Но трудъ этотъ уже сдѣланъ до насъ г. Пичемъ въ упоминавшемся выше мемуарѣ: „Дакійскіе славяне и чергедскіе болгары“, съ примѣненіемъ спеціальной карты распространенія слова „русскій“ въ географическихъ именахъ Трансильваніи, почему мы позволимъ себѣ ограничиться одними выдержками оттуда.

„Второй, въ высшей степени важный источникъ для того, чтобы кое-что узнать о давно исчезнувшемъ населеніи, это — географическая номенклатура, которая перешла къ слѣдующимъ позже этническимъ наслоеніямъ. Я разсмотрѣлъ потому карту генеральнаго штаба и, несмотря на ея неполноту, уже изъ этого недостаточнаго матеріала вытекаетъ поражающій фактъ, что Трансильванія во время болгарскаго (!) періода, если не раньше, была заселена главнымъ образомъ *племенемъ русскимъ* (von den

¹⁾ Р. 7.

²⁾ «Geschichte der Ungern», IV. Theil, p. 1126 и таже р., примѣч. О численности валаховъ въ концѣ прошл. столѣтія см. у насъ выше.

Volksstamm der Russen)...“ „Многочисленная номенклатура Седмиградя, — продолжает г. Пичъ, — которая какъ въ *периферіи страны, такъ и въ ея центрѣ* сохранила по сегодняшній день имя русскаго племени, предлагаетъ намъ безошибочное свидѣтельство, что славянское племя жило когда-то въ Трансильваніи и владѣло этой землей. Но при этомъ мы, понятно, имѣемъ дѣло съ искони славянскимъ племенемъ русскихъ, а не съ такъ называемыми варяго-русами...“¹⁾.

Населенныя мѣста съ именемъ „русскій“:

Ruszká, Reusmarkt, Reussdörfel, Ruzs, Oroszfalu, Rustilor, Rossia, Rusesti (2 раза), Ruzsesti, Rosieri, Oroszi, Reussdorf, Oroszhegy, Also-Oroszi, Rossia, Ros-tosi, Rustioru, Orosz-Idecs, Rusu-munti, Russ-flore, Rusu, Ruzskeg, Borgo-Rusz, Ros, итого 25 названій.

Горы, возвышенія съ именемъ „русскій“:

Ruszkica, Stina Rosca, Rossiile, Ia Rusielu, Rusului, Rosz-eszléna, Rusci, Rustilor, Rusciu, Rusciului, Mora Rusesti, Rusu, Orosz-hegy, Rosiani (2 раза), Rusinosa (2 раза), Rusino, Ros-tele, Rusiloru, Orosz-bükk, Ruziloru, Rusci, Ia Ruseni, Rusilor, piatra Rossi, plaiu Russului, итого 27 названій.

Рѣчки съ именемъ „русскій“:

Russbach, fontina Roschi, 2 названія.

Если населенныя мѣста могли получить свое русское имя случайно, напр. отъ русскихъ плѣнныхъ, переселенцевъ, то всякая подобная случайность немислима, разъ идетъ рѣчь о названіяхъ горъ, разбросанныхъ по всей странѣ: такія названія могли появиться лишь при условіи, что всюду жило автохтонное славяно-русское населеніе. Эти названія показываютъ, что страна была близка, была своей тому народу, который ея горамъ давалъ свои, русскія имена, и что эти орографическія имена несравненно должны быть старѣе подобныхъ именъ для населенныхъ мѣстъ. Но если основаніе Russmarkt'a, Fogum Ruthenogum относится къ началу XIII столѣтія, то *русскія* имена горъ должны были появиться въ обиходѣ жителей Трансильваніи еще раньше. Такимъ косвеннымъ путемъ мы получимъ указаніе на существованіе имени „русскій“ ранѣе XIII столѣтія.

Наконецъ, нѣкоторыя „*vestigia*“ русскаго имени мы найдемъ и въ самыхъ грамотахъ XIII вѣка.

Такъ, въ грамотѣ 1228 года, въ перечисленіи горъ: „...mons Csuz-berez, carut Bodgt, *Ruscia*, Ocar...“ Въ юго-западномъ углу Трансильваніи, выше Желѣзворотнаго прохода (Eisenthorpass) и теперь возвышается Русская гора, Russberg, еще выше Rojana Rusca (т.-е. Поляна Русская). У подошвы этой горы вытекаетъ Черный потокъ, образующій затѣмъ историческую Черну — изъ эпохи имп. Траяна...

Въ грамотѣ 1278 года (№ CXVIII), въ описаніи границъ вотчины: „...et procedit usque terram Michaelis filii *Ruoz* Kuchard uocatam... et in *dumbo potaco* descen-

¹⁾ Р. 249, 254. Конечно, этимъ мемуаромъ г. Пича, мы воспользовались при печатаніи настоящаго реферата, а не при докладѣ его на Съѣздѣ, ибо онъ вышелъ лишь лѣтомъ 1888 года, т.-е. черезъ годъ. Г. Пичъ работалъ независимо отъ насъ; если же мы въ общемъ пришли къ одному результату — о *туземности русской стихіи въ Трансильваніи*, тѣмъ болѣе, кажется, значеніе имѣетъ этотъ результатъ. Такимъ образомъ съ уважаемымъ изслѣдователемъ мы сошлись въ главномъ выводѣ, расходясь съ нимъ въ его румынофильствѣ, какъ это видно изъ предшествующаго нашего изложенія, и въ нѣкоторыхъ побочныхъ вопросахъ.

dit...“ *Ruoz* = русъ, рускій. Ср. въ грамотѣ между 1290—1301 годами (№ ССХХVIII) villa Ruscmark = Forum Ruthenorum¹⁾.

Наконецъ къ слову о Forum Ruthenorum прибавимъ, что вблизи него лежитъ теперь одно нѣмецкое поселеніе, но основаніе которому положили, вѣроятно, тоже русскіе. Это — *Toportscha*, иначе въ обезображенномъ видѣ *Schaportsch*. Впрочемъ, на „Tabula generalis“ и въ „Repertorium“ Липскаго еще правильно *Topertsch*. У мадьяръ также правильно *Toporcsa*. Уже съ 1593 года здѣсь лютеранскіе пасторы²⁾. Почему же основатели русскіе? Потому, что слово *топоръ* иранскаго происхожденія и, вѣроятно, чрезъ скивовъ войдя въ составъ русскаго языка, не переходитъ этнографической области послѣдняго.

Въ заключеніе сдѣлаемъ отважное припоминаніе.

Между городовъ древней Дакии импер. Траяна, которые обыкновенно оканчиваются на слово *dava*, былъ городъ *Rusi-dava*. Кипертъ помѣщаетъ его на Алутѣ, въ нынѣшней Валахія, между *Burridava* на сѣверѣ и *Asidava* на югѣ. У Спрунеръ-Менке *Rusidava* на Алутѣ же, но повыше къ сѣверу, у самыхъ горъ³⁾.

Настоящимъ докладомъ мы имѣли въ виду обратить вниманіе русскихъ историковъ на забытую русскою наукою *русскую* стихію — въ далекомъ Придунайскомъ Залѣсѣ, въ надеждѣ, что совокупными трудами историковъ и филологовъ вопросъ объ имени „рускій“, о начальномъ происхожденіи имени Русской земли и самаго народа получить болѣе естественное разрѣшеніе, чѣмъ какое дается этому вопросу обыкновенно.

1) *Teutsch-Firnhaber*, op. c.

2) «*Siebenbürgische Provinzial-Blätter*» B. III, p. 146.

3) *Kiepert*, «*Imperii Romani tabula geographica*», 1876; *Spruner-Menke*, «*Atlas antiquus*», ed. III, 1865.

Надгробный памятникъ Тимура въ Самаркандѣ.

Н. И. Веселовскаго.

Городъ Самаркандъ, извѣстный намъ со временъ походовъ Александра Великаго, испытавшій на своемъ вѣку много разныхъ переворотовъ, возродился въ послѣдній разъ, послѣ Чингисханова погрома, какъ столица могущественнаго государства Тимура, болѣе у насъ извѣстнаго подъ именемъ Тамерлана.

Тимуръ, избравъ этотъ городъ своей резиденціей, сталъ украшать его съ тою удивительною энергіею, которая отличала всякую дѣятельность этого великаго завоевателя. Онъ прокладывалъ широкія улицы, что на востокѣ вовсе не принято, разводилъ сады, строилъ дворцы, воздвигалъ мечети. Объ этой страсти къ постройкамъ очень обстоятельно свидѣтельствуютъ Гонзалесъ де-Клавихо, посолъ Генриха III Кастильскаго, и біографъ Тимура — Шерефъ-эд-Динъ. И Тимуръ имѣлъ полную возможность удовлетворить свою страсть: изъ всѣхъ завоеванныхъ странъ, онъ, по примѣру Чингисхана, съ которымъ имѣлъ много общаго и которому старался подражать, увозилъ въ свою столицу ремесленниковъ и мастеровъ, по преимуществу изъ Персіи. Персидскіе мастера, отмѣтившіе имена свои на воздвигнутыхъ зданіяхъ, ввели персидское искусство въ Средней Азіи. Но какъ все заносное, не выросшее на родной почвѣ, оно тамъ не было прочно. Хотя персіане и передавали туземцамъ свои знанія, приемы, вкусы, хотя слѣды всего этого замѣтны въ Средней Азіи и нынѣ, но искусства среди сартовъ не развились, а постепенно клонились къ упадку и теперь находятся въ самомъ жалкомъ положеніи.

Тимуръ былъ очень религіозенъ и, несмотря на то, что едва ли кто истребилъ столько мусульманъ, какъ онъ, несмотря на нѣкоторыя нарушенія предписаній корана (относительно вина, напримѣръ), самъ считалъ себя, да и другіе считали, ревностнымъ мусульманиномъ, и любилъ выставять на показъ свою религіозность. Поэтому, быть можетъ, Тимуръ и строилъ, главнымъ образомъ, мечети. Всѣ мечети его отличались грандіозностію и красотой. Облицовка ихъ состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ изразцовъ; надписи разными почерками помѣщены въ изобиліи какъ внутри, такъ и

снаружи. Достойнымъ подражателемъ Тимура на этомъ поприщѣ явился знаменитый внукъ его Улугъ-Бекъ (1447—1449).

Благодаря этимъ мечетямъ, ни одинъ городъ въ Средней Азіи не могъ ити въ сравненіе съ Самаркандомъ въ то время, да не можетъ сравниться и теперь, хотя мечети и медресе, не ремонтировавшіяся въ теченіе почти пяти столѣтій, пострадали отъ времени, отъ землетрясеній, отъ невѣжества туземцевъ и отъ военныхъ дѣйствій. Пострадали до такой степени, что нѣкоторыя обратились уже въ груды мусора. Только теперь русская администрація занялась, на глазахъ равнодушнаго населенія, охраненіемъ этихъ чудныхъ памятниковъ и поддерживаетъ ихъ, насколько возможно, отъ гибели. Въ настоящее время изъ самаркандскихъ мечетей лучше, сравнительно сохранились: Гуръ-эмиръ, Ширъ-даръ, Тилля-кари, Улугъ-бекова и отчасти Шахъ-зиндэ. Мечеть Биби-ханымъ доживаетъ послѣдніе дни.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ мечетей предназначались служить усыпальницами для многочисленной семьи Тимура, и въ этомъ отношеніи имъ проведена извѣстная система. Въ мечети Биби-ханымъ¹⁾ похоронены жены Тимура; всего 5 гробницъ. Въ Шахъ-зиндэ схоронены ближайшіе родственники его: братъ, сестра и тутъ же кормилица Тимура и ея дочь. Въ мечети Гуръ-эмиръ покоится, при немъ самомъ и его ближайшихъ потомкахъ, его учитель съ сыномъ. Гонзалесъ де Клавихо передаетъ, что Тимуръ желалъ быть погребеннымъ въ городѣ, въ которомъ онъ родился, въ Кешѣ (въ Шехрисябзѣ), гдѣ былъ похороненъ его отецъ, и выстроилъ для этой цѣли особую часовню при гробницѣ отца. Очень возможно, что таково и было намѣреніе Тимура прежде, такъ какъ тамъ онъ похоронилъ и перваго сына своего Джегангира; но впоследствии, должно полагать, измѣнилъ этотъ планъ.

Гуръ-эмиръ значитъ: могила эмира (т.-е. эмира Тимура). Мечеть эта замѣчательна не столько величиной, сколько отдѣлкой. Снаружи облицована она разноцвѣтными изразцами, внутри — красивымъ зеленоватымъ камнемъ (особаго рода прозрачный известнякъ). По стѣнѣ, въ видѣ широкаго пояса, идетъ надпись изъ корана. Плиты, на которыхъ высѣчены надписи, во время ремонта мечети, перепутаны. Мечеть состоитъ изъ двухъ ярусовъ²⁾. Нижній представляетъ склепъ, на полу котораго размѣщены надгробныя плиты надъ могилами похороненныхъ. Въ верхнемъ ярусѣ тоже устроены гробницы въ такомъ же размѣщеніи, какъ и внизу. Здѣсь похоронены: Тимуръ, два его сына: Миранъ-шахъ и Шахъ-Рухъ, внуки: Мухаммедъ-султанъ и Улугъ-бекъ, учитель Тимура Миръ-Сеидъ-Берке, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, и отдѣльно вправо гробница (безъ надписи), какъ мнѣ передавали, сына Сеида эмира Кулоля, самъ же эмиръ похороненъ въ Бухарѣ. Надписи имѣются не на всѣхъ гробницахъ. Облицовка нѣкоторыхъ памятниковъ обвалилась и замѣнена алебастромъ.

Надгробная плита въ склепѣ содержитъ стихи изъ корана (2-й суры), а по бокамъ, въ видѣ бордюра, слѣдующую надпись: „Эта могила султана величайшаго, ха-

¹⁾ Биби-ханымъ значитъ: любимая жена.

²⁾ Мнѣ передавали, что есть еще третій ярусъ, гдѣ и находятся могилы, но положительно утверждать это я не берусь, хотя самъ видѣлъ, что въ одной стѣнѣ замурована какъ будто дверь; но можно предположить существованіе здѣсь михраба.

кана благороднаго, твердаго въ вѣрѣ и благочестіи эмира Тимура-курагана (зятя), сына эмира Тарагая, сына эмира Баргаля, сына эмира Илангира, сына эмира Абхаля, сына эмира Карачара, сына эмира Сугучджана, сына эмира Ирдамчи-Берлясь, сына эмира Кучулай-бегадура, сына эмира Туменай-хана“. Затѣмъ (слѣдуютъ): „Чингисъ-ханъ, сынъ эмира Ёсукай-бегадура, сына эмира Тартай-бегадура, сына эмира Кабуль-хана, сына эмира Юмтая, сына эмира Басангира, сына эмира Кайду, сына эмира Юмтая, сына эмира Тука, сына эмира Буданджара. И неизвѣстенъ отецъ этого, только мать — Илангоа, которая забеременѣла отъ луча свѣта, а не была распутною, происходитъ отъ потомковъ Асадъ-Уллы (льва Божія)... Али сына Абу-Талиба (да прославить его Господь!). Скончался (Тимуръ) въ ночь 14-го шаабана 807 года (= 3-го февраля 1405 года)“.

Въ *Шейбани-намэ*¹⁾ родословіе это ведется такимъ образомъ: Алангоа, Бузанджаръ, Бука, Дугумъ-Менинъ-ханъ, Кайду, Байсангуръ, Туминэ-ханъ, Кабуль-ханъ, Кутила-каанъ, Исуккай-бегадуръ, Чингисъ-ханъ.

У *Абуль-Гази* видимъ небольшую разницу: Алангоа, Буданджаръ-мунанъ, Бука, Дугумининъ, Кайду, Байсанкуръ, Тумене-ханъ, у котораго сыновья Кабуль и Каджулы. Отъ перваго изъ нихъ происходятъ: Буртанъ, затѣмъ Исуккай-багадуръ, Чингисъ-ханъ. Отъ втораго: Иримчи-Барласъ, отъ котораго ведетъ свой родъ Аксакъ-Тимуръ.

Въ *Тарихи-сейидъ-Рахимъ* генеалогія Тимура, какъ представляли ее мусульманскіе писатели, излагается еще проще: Тимуръ сынъ Тарагая, сына эмира Баркаля, сына Илангира, сына Абхила, сына Карачаръ-нойяна, который сынъ дяди Чингисъ-хана. Отецъ этого Карачара Сугуджъ-ханъ, сына Ирдамчи-Берлясь, сына Каджулу-бегадура, сына Туменэ хана, сына Басангиръ хана, сына Кайду хана, сына Дуименъ хана, сына Бука хана, сына Бузанджаръ хана. Поколѣніе Бузанджара и родъ Чингисъ хана происходятъ черезъ Туменэ хана, который есть четвертый предокъ Чингисъ хана и девятый — Сахибъ-кирана (Тимура). Чингисъ-ханъ сынъ Ёсухай-бегадура, сына Бертанъ-бегадура, сына Кабуля, сына Туменэ.

Въ *Юань-чао-ми-ши*²⁾: Аланхоа, Бодуангаръ, Хабици, Мѣняньтудунъ, Хачикюй-лукъ, Хаиду, Бошинъ-хордохшинъ, Туньбинай-сѣчанъ, Хабуль-хаханъ, Бартанъ-баатуръ, Ёсугай-баатуръ, Чингисъ.

Надо замѣтить, что Шерефъ-эд-Динъ³⁾ и сейидъ-Рахимъ⁴⁾ — день смерти Тимура относятъ на 17-е шаабана. Думаемъ, что преимущество въ этомъ случаѣ принадлежитъ надгробному памятнику.

Послѣ этого отступленія переходимъ ко второму экземпляру надгробнаго памятника Тимура.

Въ верхнемъ ярусѣ, въ мечети, гробница Тимура представляетъ замѣчательную драгоценность. Это нефритъ темно-зеленаго цвѣта, состоящій изъ двухъ составленныхъ

1) Шейбаниада, исторія монголо-тюрковъ. Изд. И. Березина. Казань, 1849.

2) Труды Пекинской Духовной Миссіи. Т. IV.

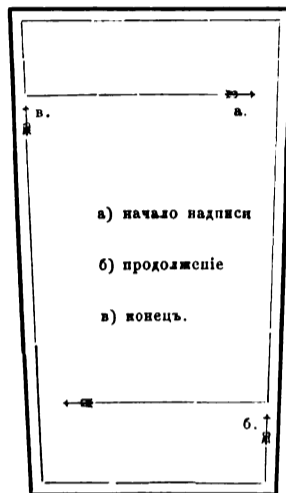
3) Histoire de Timurbec. Trad. Petis de la Croix. Paris, 1722. Т. IV, p. 228.

4) 17-го шаабана, во вторникъ вечеромъ, 807 года.

глубь, единственных по своимъ большимъ размѣрамъ. Величина всего памятника слѣдующая: длина — 1,92 метра, ширина вверху — 36,75 см., внизу — 34 см., высота — 30 см.; ширина надписи — 5,75 см.¹⁾ Надпись расположена по краямъ и въ двѣ линіи поперекъ; поле ничѣмъ не занято. Съ боку, въ ногахъ, надпись, изъ которой явствуется, что камень этотъ перевезенъ по повелѣнію Улугъ-бека изъ Ардана (или Дурдана), близъ Карши, въ столицу, т.-е. въ Самаркандъ.

Родословная Тамерлана представлена въ такомъ видѣ:

„Это могила султана величайшаго, хакана благороднѣйшаго, эмира Тимура-курагана, сына эмира Тарагая, сына эмира Баркаля, сына эмира Абхала, сына эмира Ка-

рарачаръ-нойяна, сына эмира Сугучджана, сына эмира Ирдамчи, сына эмира Куджулай, сына Тумнай-хана. Генеалогія Чингисъ-хана развѣтвляется отъ этого же корня и доходить до султана славнѣйшаго, погребеннаго въ этой могилѣ — чрезмѣрная слава и превосходство, потому что Чингисъ-ханъ сынъ эмира Ёсукая, а этотъ сынъ эмира Босангира, сынъ Кайду-хана, сынъ эмира Тумная, сынъ эмира Бука, сынъ эмира Буданджара. И неизвѣстенъ отецъ этого славнаго мужа, но мать — Илангоа, добродѣтельная и цѣломудренная, которая не была распутною, а забеременѣла отъ луча свѣта, спустившагося на нее сверху двери²⁾ И говорятъ, что онъ (Тимуръ?) происходитъ отъ потомковъ повелителя правовѣрныхъ, Али сына Аби-Талиба³⁾ Скончался въ

ночь 14 шаабана 807 года.

Такова родословная Тамерлана. Онъ оказывается потомкомъ Чингисъ-хана, что въ Средней Азіи имѣло, имѣетъ отчасти и теперь, важное значеніе.

Надписи надгробныхъ памятниковъ считаются данными вполне надежными, ссылаются на которыя готовъ всякій изслѣдователь; но надо осторожно относиться къ такимъ, которыя, кромѣ указанія о смерти извѣстнаго лица, преслѣдуютъ еще какія-либо инныя, постороннія цѣли. Памятникъ Тимура служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Тамерланъ не происходилъ отъ Чингисъ-хана ни по мужской линіи, ни по женской; послѣдняя, впрочемъ, въ виду и не имѣется. Несообразности въ этой сочиненной генеалогіи выдаютъ сами себя и никакъ не вяжутся съ дѣйствительностію, которая намъ хорошо извѣстна, благодаря обилію источниковъ для Тимурова времени.

Сочинить громкую родословную выдающемуся дѣятелю считается во многихъ странахъ Азіи необходимостію. Въ такомъ случаѣ и народъ легче переноситъ деспотизмъ какого-нибудь выскочки, да и этотъ послѣдній пріобрѣтаетъ больше правъ для своего произвола. Самому Чингисъ-хану, сына простого десятника, начавшему свою карьеру

1) Мушкетовъ, «Туркестанъ». Спб., 1886. Стр. 378.
 2) Чтеніе надписи затруднительно вслѣдствіе порчи ея.
 3) Мѣсто темное.

разбоями и грабежомъ, тоже сочинили удивительное родословіе, хотя самъ онъ вовсе въ немъ и не нуждался¹⁾.

Что Тамерланъ не происходилъ отъ Чингисъ-хана, въ этомъ убѣждаютъ насъ всѣ поступки Тамерлана и обстоятельства его возвышенія. Иначе зачѣмъ бы ему было укрываться за чингизидовъ, даже *олановъ*, т.-е. не царствовавшихъ потомковъ Чингиса? А извѣстно, что Тамерланъ, подчинивъ себѣ всю Среднюю Азію, не рѣшился объявить себя ханомъ, а провозглашалъ ханами сперва Сюргатмыша, а потомъ Махмуда, которые не имѣли никакого значенія и которыхъ Тамерланъ во время походовъ возилъ съ собою въ обозѣ. И не одинъ Тимуръ только поступалъ такимъ образомъ, а и всѣ другіе вліятельные честолюбцы, которые, по своему происхожденію, не имѣли права на престолъ. Обыкновенно такіе честолюбцы предоставляли своимъ потомкамъ устранить эфемерныхъ хановъ и занять ихъ мѣсто. Тимуръ же подъ конецъ своей жизни самъ порѣшилъ съ подставными ханами, и въ этомъ еще разъ выказалась сильная натура этого необыкновеннаго человѣка. Ханскаго титула онъ, однако, не присвоилъ, остался попрежнему эмиромъ и „затемъ“. *Зать* значитъ — породнившійся съ царскимъ родомъ. Это очень важный на Востокѣ титулъ. На чтѣ бы такой титулъ Тимуру, если бъ онъ самъ былъ царскаго происхожденія?

Придворные льстецы, признавая Тамерлана потомкомъ Чингиса, сами какъ будто чувствовали шаткость своихъ положеній; ихъ переходъ къ Чингису сдѣланъ довольно ловко: „потомъ слѣдуетъ Чингисъ-ханъ“ — написали они; но не сообразили того, что предки послѣдняго въ глубинѣ Монголіи не могли носить мусульманскій титулъ эмировъ.

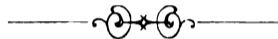
Но историки независимые приходили по поводу Тимурова родословія въ недоумѣніе. Такъ, Ибнъ-Хальдунъ (умеръ въ 1406 г.) въ главѣ о Джагатаидахъ (т.-е. потомкахъ Джагатая, сына Чингисханова) замѣчаетъ: „когда пресѣклась династія Чингисханидовъ, и они разбрелись въ разныя стороны, то вслѣдъ за господствомъ этихъ Джагатаидовъ въ Самаркандѣ и въ Мавераннагрѣ явился царь, по имени Тимуръ. Я не знаю, какъ родословная его связана съ ними. Говорятъ, что онъ не изъ ихъ рода, а что онъ только захватилъ отрока, происходившаго отъ одного изъ царей ихъ, и называвшагося Тогтамышемъ (читай: Сюргатмышемъ) или Махмудомъ — имя его было забыто — послѣ гибели отца его, самовластно распоряжался имъ и былъ однимъ изъ эмировъ ихъ (Джагатаидовъ)... Я не знаю, точно ли онъ родомъ изъ Джагатаидовъ или происходитъ отъ одного изъ союзниковъ и приверженцевъ ихъ“²⁾.

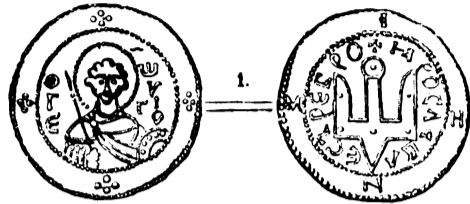
На Тимуровомъ родословіи не было бы надобности долго останавливаться, если бъ оно не характеризовало такъ хорошо Востокъ и его нравы. Но мы идемъ еще дальше. Намъ кажется, что Тимуръ былъ сильно причастенъ составленію своего генеалогическаго древа. Для него очень важно облагородить свое происхожденіе, чтобы упрочить власть за собою и за дѣтьми своими. Извѣстно, что Тимуръ очень заботился о томъ, съ какою молвою перейдетъ онъ въ потомство, и при жизни еще принималъ мѣры

¹⁾ Кажется, въ этомъ случаѣ дѣло не обошлось безъ китайскаго вліянія. Рожденіе Илангоей трехъ сыновей безъ мужа, а отъ свѣта, проникшаго черезъ верхъ палатки, даетъ поводъ къ такому предположенію.

²⁾ *Тиземаузенъ*, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Золотой орды». Стран. 390, примѣч. 2.

къ благопріятной для себя репутаціи въ будущемъ. Шерефъ-эд-Динъ говоритъ, что Тимуръ потребовалъ отъ него описаніе своихъ походовъ *на просмотръ*, для исправленія, „чтобы не вкралось въ это описаніе какихъ-либо невѣрностей“ — наивно замѣчаетъ историкъ. Понятно, что при такомъ условіи авторъ всю правду не выскажетъ, побережетъ ее для себя, а никакъ ужъ не для потомства. Такъ предусмотрителенъ былъ Тамерланъ. Окончательно же вопросъ объ этомъ участіи можетъ быть рѣшенъ осмотромъ гробницъ отца Тимурова и старшаго сына, находящихся въ Кешъ, если только на нихъ окажутся надписи. Что генеалогіи придавалось важное значеніе, можно видѣть изъ памятника Миранъ-шаха, скончавшагося вскорѣ послѣ смерти Тимура. Тамъ приводится та же самая родословная, и объ ней, видно, такъ заботились, что упустили самое существенное, что особенно наблюдается на мусульманскихъ памятникахъ: забыли выставить годъ смерти Миранъ-шаха.

Случай примѣненія византійской сфрагистики къ вопросу по русской нумизматикѣ.

Гр. И. И. Толстаго.

Съ таблицею.

Вопросъ, котораго я рѣшился коснуться, не имѣетъ мѣстнаго значенія для нашего съѣзда, а съ другой стороны многимъ изъ присутствующихъ онъ навѣрно покажется мало интереснымъ, по узкой своей специальности. Если я, тѣмъ не менѣе, избралъ его предметомъ своего доклада, то произошло это какъ вслѣдствіе того, что онъ касается хотя и не особенно важнаго, но все же новаго открытія, сдѣланнаго въ области археологіи, составляющей предметъ моихъ занятій, такъ и вслѣдствіе того, что, несмотря на спеціализацію вопроса, онъ даетъ возможность обратить вниманіе людей, преданныхъ археологіи, на такую отрасль ея, которая можетъ явиться немаловажнымъ вспомогательнымъ орудіемъ при разрѣшеніи болѣе общихъ вопросовъ. Такимъ образомъ, мнѣ казалось, что и мой рефератъ можетъ быть умѣстнымъ на Археологическомъ Съѣздѣ, удовлетворяя двумъ основнымъ, на мой взглядъ, требованіямъ, которыми должны удовлетворять сообщенія, дѣлаемые на съѣздахъ, а именно, во-первыхъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто новое, а во-вторыхъ, можетъ обратить вниманіе неспеціалистовъ на могущій имѣть для нихъ значеніе матеріалъ, на который обращено сравнительно еще мало вниманія.

Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, болѣе чѣмъ естественно въ виду той не-обработанности, какою отличается та отрасль археологіи, которой касается мое сообщеніе. Можно положительно сказать, что, за исключеніемъ одного ея отдѣла, сфрагистика вообще не только чрезвычайно мало обработана, но не введена даже почти въ кругъ археологическихъ познаній. Тотъ отдѣлъ ея, на который я указываю, какъ на исключеніе, — отдѣлъ византійской сфрагистики. Благодаря капитальному труду французскаго ученаго г. Шлумбергера „Sigillographie de l'empire Byzantin“, мы обладаемъ теперь не только прекраснымъ сборникомъ византійскихъ печатей, но и схемой для будущихъ трудовъ по сфрагистикѣ другихъ странъ. Несмотря на нѣкоторые неважные недостатки въ этомъ трудѣ, говоря это, я не преувеличиваю значенія этого изданія, которое должно

быть признано, по-моему, выдающимся в археологической литературе последних лет. Мне приходится бороться в себя искушение ближе познакомиться гг. членов съезда с содержанием книги г. Шлумбергера, боясь утомить их; но не могу не указать на нее и не рекомендовать ее тем, кто с нею не познакомился.

По вполне случайному совпадению, я буду говорить вам о монетах великого князя, тезоименитаго городу, оказывающему нам нынче гостеприимство. Издавая шесть лет тому назад монографию о древнейших русских монетах, я лишь вскользь коснулся происхождения их типов. Тому назад три года мне удалось отчасти исправить эту неполноту моего исследования относительно монет Владимира святого и Святослава. К моему сожалению, статья моя, посвященная этому вопросу, вследствие различных причин, не выпущена в свет. В настоящее время достаточно замечать, что мне удалось указать на прототипы русских штемпелей между византийскими монетами. Но для меня оставался открытым вопрос о происхождении типа „Ярослава серебра“ до ознакомления с трудом французскаго археолога. До этого времени приходилось довольствоваться хотя ценными, но, по необходимости, малоопределенными воззрениями А. А. Куника, изложенными им в известной монографии „О русско-византийских монетах Ярослава Владимировича, с изображением св. Георгия Победоносца“. В поисках за прототипом „Ярослава серебра“, он, в виду несомненнаго факта, что ликъ Георгия появляется на византийских монетах лишь в XII-мъ вѣкѣ, т.-е. много позже времени чеканки русской монеты, говорил, на стр. 111 упомянутаго исследования: „...Если... найдутся археологи, безусловно придерживающиеся прежняго мнѣнія (что „Ярославе серебро“ чеканено позже XII-го вѣка), то да будетъ и намъ дозволено высказать парадоксъ, — что мысль вырѣзывать на монетахъ ликъ св. Георгия византийскіе монетчики XII-го вѣка заимствовали съ русскаго „серебра“ XI-го столѣтія...“ Какое затрудненіе доставлялъ ученому автору исследование вопроса о прототипѣ „серебра“ и какъ мало онъ былъ увѣренъ относительно того, въ какомъ именно разрядѣ памятниковъ слѣдуетъ искать его, видно изъ того (кроме вышеприведеннаго мѣста), что, проводя въ общемъ мысль, что оригинала для изображенія св. Георгия на русской монетѣ слѣдуетъ искать въ области византийской иконописи, онъ на стр. 114 писалъ: „...можно думать, что Ярославъ перенесъ на монету ликъ св. Георгия со своей печати...; ...не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Ярославъ имѣлъ печать, и весьма вѣроятно, что на ней вырѣзанъ былъ ликъ его угодника...“ Высказавъ такую мысль, А. А. Куникъ не только не рѣшился развить ее, но и ослабилъ тутъ-же все ея значеніе, добавивъ: „...однако и изъ этого употребленія еще недостаточно объясняется, почему Ярославъ или его чеканщикъ поступили именно такъ, а не иначе. Кажется, должно полагать, что имъ вообще служили образцами какія-либо известныя (?) монеты“.

Такимъ образомъ, вопросъ о происхождении типа св. Георгия на одной изъ древнейшихъ русскихъ монетъ остался послѣ появленія труда А. А. Куника, специально посвященнаго ей, въ сущности открытымъ. Удивляться этому мне, во всякомъ случаѣ, не приходится, такъ какъ, занявшись вопросомъ о древнейшихъ русскихъ монетахъ спустя двадцать летъ послѣ появленія труда А. А. Куника и имѣвъ возможность вос-

пользоваться довольно значительной литературой, возникшей по тому-же вопросу послѣ 1860 года, я не былъ въ состояніи открыть какихъ-либо новыхъ опорныхъ точекъ въ вопросѣ о типѣ „Ярослава серебра“, ограничившись, по необходимости, повтореніемъ общаго положенія автора изслѣдованія, что оригинала для лицевой стороны этой монеты слѣдуетъ искать въ иконописномъ типѣ.

Нынѣ, съ выходомъ въ свѣтъ труда г. Шлумбергера, оказалось возможнымъ вновь поднять неразрѣшенный вопросъ и возвратиться къ крайне несмѣло высказанному А. А. Куникомъ предположенію о связи типа монеты Ярослава съ его печатью.

Дѣйствительно, въ виду тщетности поисковъ оригинала нашей монеты въ области византійской нумизматики, естественно обратить ихъ въ область наиболее близкихъ къ монетамъ по техникѣ и смыслу памятниковъ, а именно — печатей. Это тѣмъ болѣе естественно, что, какъ мнѣ уже случилось указать печатно (повторяя разсужденіе одного французскаго ученаго), самое изобрѣтеніе чеканныхъ денегъ паходится въ прямой зависимости отъ необходимости удостовѣрить ихъ внутреннюю цѣнность обозначеніемъ на нихъ ихъ происхожденія; средствомъ для такого обозначенія являлось и является до сихъ поръ, хотя иногда въ нѣсколько скрытомъ видѣ, наложеніе печати лица, выпустившаго монету, или эмблемы, герба государства, ручающагося за внутреннее достоинство вычеканеннаго имъ денежнаго знака. Обращеніе къ византійскимъ печатямъ дало, по моему мнѣнію, вполне осязательный результатъ, на который я и позволяю себѣ обратить вниманіе лицъ, которымъ разрѣшеніе этого самого по себѣ не крупнаго вопроса можетъ показаться нелишнимъ интереса.

На предлагаемой вашему вниманію таблицѣ собраны копія со всѣхъ византійскихъ печатей съ ликомъ св. Георгія, изображенномъ въ трудѣ Шлумбергера. Я нашелъ полезнымъ, для большаго удобства сравненія, распределить ихъ здѣсь по двумъ рядамъ, помѣстивъ въ началѣ печати съ погруднымъ изображеніемъ св. Георгія, а затѣмъ — съ изображеніемъ его во весь ростъ. Въ каждой изъ этихъ категорій печати расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Какъ видно изъ таблицы, святой этотъ, по крайней мѣрѣ до XIV вѣка, на византійскихъ печатяхъ коннымъ не изображался.

Считаю излишнимъ подробно описывать здѣсь лицевыя стороны печатей, какъ въ виду того, что таблица даетъ вполне удовлетворительное понятіе о нихъ, такъ и потому, что придется ниже сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній объ изображеніи святаго на печатяхъ, но думаю, что полезно передать здѣсь надписи оборотныхъ сторонъ, хотя бы для того, чтобы познакомить не имѣвшихъ книги Шлумбергера въ рукахъ съ характеромъ встрѣчающихся на византійскихъ печатяхъ легендъ. Ограничиваюсь здѣсь простой передачей надписей по порядку изображеній на таблицѣ, снабдивъ ихъ соответствующими №№; при этомъ я отмѣтилъ вѣкъ, къ которому принадлежитъ, по опредѣленію Шлумбергера, каждая печать римскими цифрами, а въ скобкахъ, арабскими — страницу труда Шлумбергера, на которой печать описана. Последнее казалось мнѣ нелишнимъ въ интересахъ тѣхъ, которые пожелали бы ближе ознакомиться съ матеріаломъ. Въ надписяхъ прописными буквами переданы находящіяся на печатяхъ, изъ нихъ въ скобкахъ тѣ, существованіе коихъ предполагается, какъ несомнѣнное, Шлумбергеромъ на стертыхъ или поврежденныхъ мѣстахъ печатей. Обыкновеннымъ греческимъ шрифтомъ

въ скобкахъ передано значеніе сокращеній или ихъ окончанія, такъ какъ почти на каждой печати слова вырѣзаны въ сокращеніяхъ. Общеупотребительныя сокращенія $\overline{ΚΕ ΒΘ}$ (= *Kύριε βοήθει*), $\overline{ΘΚΕ ΒΘ}$ (= *Θεοτόκε βοήθει*) и знакъ ς (= союзу *καί*) оставлены безъ транскрипціи.

№ 1. † $\overline{ΓΕΩΡΓ'}$ (ιος) $\overline{Α' ΣΠΑΘ'}$ (= *πρωτοπλαθάριος*) ς $\overline{ΣΤΡΑΤ'}$ (ηγός) $\overline{ΛΥΚΑΝΔ'}$ (ου) (название еемы) $\overline{Ο Ε(Ρ)ΝΕΣΙΣ}$ (фамилія) — печать X вѣка (Шл. стр. 282).

№ 2. † $\overline{ΚΕ ΒΘ ΣΩΤΗΡ'}$ (ίω) $\overline{ΧΑΡΤΟΛΑΡ'}$ (ίω) ς $\overline{ΔΗΟΥΚ'ΤΗ}$ (= *διοικέτη*) — X—XI в. (стр. 498).

№ 3. † $\overline{ΚΕ ΒΘ ΚΩΝ}$ (= *Κωνσταντίνω*) $\overline{ΤΩ ΚΑΤΙΔΗ}$ (фамилія) — X—XI в. (стр. 634).

№ 4. † $\overline{ΘΚΕ ΒΟΗΘ' ΣΟΛΟΜΩΝ(ΤΙ)}$... || $\overline{ΔΡΟΥΝΓΑΡΙΩ ΤΩΝ ΠΛΩΗΜΩΝ}$ — XI в. (стр. 339).

№ 5. † $\overline{ΚΕ ΒΘ ΓΕΩΡΓΗΩ ΜΑΓΙΣΤΡΩ ΤΩ ΑΠΛΕΣΦΑΡΙ(ω)}$ (гречизированное арабское имя) — XI в. (стр. 618).

№ 6. $\overline{ΚΩΝΣΤΑΝΤ(Ι)ΟΣ ΔΟΜΕΣΤ(Ι)ΟΣ ΠΑΤΡ'Χ'}$ (= *πατριαρχείον*) — XI—XII в. (стр. 128).

№ 7. † $\overline{ΚΕ ΒΟΗΘ' ΜΙΧ}$ (αήλ) $\overline{ΕΠ'(Ι)ΚΤΗΜ(Α)ΤΟΝ}$ — XI—XII в. (стр. 485).

№ 8. † $\overline{ΚΕ ΒΘ ΓΕΩΡΓΙΩ ΠΡΟΕΔΡΩ ΑΡΓΥΡ' ΠΟΥΛΩ}$ — XI—XII в. (стр. 573).

№ 9. $\overline{ΑΡΒΑΝΤΗΝΩ ΜΕ ΜΑΡΤΥΣ ΛΕΟΝΤΙ ΣΚΕΠΟΙΣ}$ — XI—XII в. (стр. 620).

№ 10. $\overline{ΣΦΡΑΓΙΣ ΘΩΜΑ ΠΡΙ}$ (= *πατρικίον*) $\overline{ΤΟΥ ΑΡΤΑΒΑ(ν)ΕΙ}$ (армянское имя) — XI—XII в. (стр. 622).

№ 11. $\overline{ΚΕ ΒΟΗΘΕΙ ΙΩ}$ (= *Ἰωάννην*) $\overline{ΤΟΝ ΑΝΕΜΑΝ}$ — XI—XII в. (стр. 615).

№ 12. $\overline{(Β)ΑΣΙ(Α'ΕΙΟΣ) (Α')ΣΠΑΘ'(ΑΡΙΟΣ) \varsigma (Ε)Κ ΠΡΩΣ(ΩΠ'ΟΥ) (Α)ΔΡΙΑΝΟΥ-(Π)ΟΛΕΟΣ}$ — XII в. (стр. 115).

№ 13. † $\overline{ΚΕ ΒΘ ΤΩ ΣΩ Δ'(ΟΥΛΩ) ΘΕΟΔΟΡ'(ω) ΟΣΤΙΑΡ(ίω)}$ — XII в. (стр. 405).

№ 14. † $\overline{ΚΕ ΒΟΗΘ' ΤΩ(ΣΩ Δ'ΟΥΛΩ) ΠΟΘΩ Α' ΣΠΑΘ'}$ (= *πρωτοπλαθαρίω*) ς $\overline{ΚΡΙΤ'(η) ΕΠ(ι) ΙΠΠΟΔ'(ΡΟΜΟΥ) ΤΩ ΜΟΝΟΜΑΚΩ}$ — XII в. (стр. 522).

№ 15. † $\overline{ΚΕ ΣΦΡ(α)ΓΙΣ}$ (οις τὰς γραφὰς) $\overline{ΘΕΟΓ'(νίου?) Α' ΣΠΑΘ'}$ (= *πρωτοπλαθαρίου*) ς $\overline{ΕΠ'(ι) ΤΟΥ Μ'(αγ)ΓΛ(α) Β'(ίου) ΤΟ(υ) Φ... Σ... Φ...}$ (= *Φιλοσόφου? Φωσόφου?*) — XII в. (стр. 541).

№ 16. † $\overline{ΘΕΟΔΟΡΟΥ ΣΦΡΑΓΙΣΜΑ}$ || (на сторонѣ съ изобр. св. Георгія:) $\overline{ΤΩ ΑΛΦΕΩ ΦΕΡΩ}$ — XII в. (стр. 614).

№ 17. † $\overline{(ΚΕ ΒΘ) ΤΩ ΣΩ Δ'(ΟΥΛΩ) ΙΩ}$ (άννη) $\overline{Α' ΣΠΑΘ'}$ (= *πρωτοπλαθαρίω*) ς $\overline{ΣΤΡΑΤ'(η) Γ'(ω) ΤΩ ΒΑΤΑΤ'(σ)Η}$ XII в. (стр. 363).

№ 18. † $\overline{ΙΩ}$ (άννης) $\overline{ΤΕ..... ΟΤΙΡ'..... Ο ΒΑΤ(Α)Ζ'(ης)}$ — XII—XIII в. (стр. 713).

№ 19. († $\overline{ΚΕ ΒΘ ΜΙΧΑΗΛ ΒΕ}$) $\overline{ΣΤΑΡΧΗ}$ (ς $\overline{Κ)ΑΤΕΠΑΝ (Ω ΤΩ) ΜΑΒΡΙΚΗ}$ — XIII в. (стр. 328).

№ 20. † $\overline{Ο Α' ΣΠΑΘ'}$ (= *πρωτοπλαθάριος*) $\overline{ΣΤΕΦΑΝΟΣ}$ (ς) $\overline{ΚΟΥΜΕΡΚ'(ι)ΑΡ(ιος) ΛΟΓΓΙΒΑΡΔ'(ίας) (Ο) ΣΕΡΒΑΝΑΣ}$ — XI в. (стр. 218).

№ 21. † $\overline{ΤΟΥ ΦΙΛΟΚΑΛΛΟΥΣ ΕΥΜΑΘΙΟΥ ΜΑΓΙΣΤΡΟΥ}$ — XI в. (стр. 692).

№ 22. † $\overline{ΚΕ ΒΘ ΤΩ ΣΩ ΔΟΥ(λω) ΜΑΝΟΥΛ ΠΡΟΕΔΡΩ ΤΩ ΚΟΜΝΗΝΩ}$ — XI в. (стр. 572).

№ 23. $\overline{ΘΚΕ ΒΟΗΘ' ΙΩ}$ (= *Ἰωάννην*) $\overline{Α' ΤΟΝ ΟΒΕΛΗΣΗΜΟΝ}$ (= *πρωτονοβιλίσσιμον*) $\overline{ΤΟΝ ΑΓΓΕΛΟΝ}$ — XI—XII в. (стр. 549).

- № 24. † ΣΚΕΠΟΙΣ ΑΘΛΗΤΑ ΠΡΟΕΔΡΟ(ν) ΝΙΚΗΦΟΡΟΝ — XI—XII в. (стр. 573).
- № 25. † ΚΕ ΒΟΗΘΕΙ ΤΩ ΣΩ ΔΟΥ'(λφ) ΠΕΤΡΩ ΣΠΑΘΑΡΟ(ΚΑΝ) ΔΔ (= δι-δάτφ) — XI—XII в. (стр. 594).
- № 26. † ΚΕ ΒΘ ΤΩ ΔΟΥ(λφ) ΓΕΩΡΓ'(ιφ) ΚΥΠΑΡΗΣΙΟΤ'(η) — XI—XII в. (стр. 671).
- № 27. † ΣΦΡΑ(ΓΙΣ) ΤΩΝ ΓΡΑΦ(ΩΝ ΤΟΥ) ΣΕΒΑΣΤΟΥ Γ(ΕΩΡ)ΓΙΟΥ ΠΟΡΦ(ΥΡΟ)ΒΛΑΣΤΟ(ν) ΠΑ(ΛΑΙΟ)Λ'όγου) ΚΟΜΝΗΝΟ(Υ ΔΟΥ) ΚΑΣ — XII в. (стр. 582).
- № 28. † ΤΩΝ ΠΑΓΚΑΛΟΥ ΣΦΡΑΓΙΣΜΑ ΓΡΑΦΩΝ ΑΓΡΙΤΟΥ — XII в. (стр. 612).
- № 29. † ΚΕ Β'Θ' ΤΩ ΣΩ ΔΟΥΛΩ ΑΔΡΙΑΝΩ Α'ΣΕΒΑΣΤΩ (= πρωτοσεβάστφ) s M (= μεγάληφ) — XII в. (стр. 639).
- № 30. † ΚΕ' ΒΘ' ΘΕΟΔ'(όρφ) ΜΑΓΙΣΤΡΩ' ΤΩ ΜΟΝΟΜΑΧ || ΠΙΣΤΙΝ ΣΦΡΑΓΙΣ ΔΙΔΩΣ ΤΟΙΣ ΚΕΚΡΙΜΕΝΟΙΣ — XII в. (стр. 681).
- № 31. (+) ΚΕ ΒΟΗ(Θ') ΜΙΧΑΗΛ ΒΕΣΤΑΡΧ'(η) s ΟΙΚΟΝΟΜΩ ΤΟΥ ΤΡΟΠΑΙΟΦΟΡ'(ου) — XII в. (стр. 150).
- № 32. † ΑΘΛΟΦΟΡΕ ΣΚΕΠΙΣ ΜΕ ΝΙΚΗΦΟΡΟ Α'(= πρωτο)ΚΟΥΡΟΠΑΛΑΤΙ ΤΟ ΚΑΣΤΑΜΟΝΗΤΗ — XII—XIII в. (стр. 669—670).
- № 33. † ΣΦΡΑΓΙΣ ΑΑΣΚΑΡΙ ΚΟΜΝΗΝΟΥ ΘΕΟΔΟΡΟΥ ΠΡΩΤΟΒΕΣΤΑΡΙΤΟΥ ΣΕΒ(Α)ΣΤΟΥ ΦΕΡΩ — XIII в. (стр. 672).
- № 34. † ΦΥΛΑΞ ΓΕΝΟΥ ΜΟΙ ΣΩ ΣΥΝΩΝΥΜΩ ΜΑΚΑΡ ΓΕΩΡΓΙΩ ΤΩ ΠΡΩΤΟΒΕΣΤΙΑΡΙΤΗ — XIII в. (стр. 606).
- № 35. ΜΡ ΘΥ ΘΕΟΣΚΕΠΑΣΤΟΣ (монастырь въ Трапезунтъ) — XIII—XIV в. (стр. 292).
- № 36. † ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥ ΣΦΡΑΓΙΣΜΑ ΠΡΟΚΑΘΗΜΕΝΟΥ — XIII—XIV в. (стр. 570—571).
- № 37. † ΣΦΡΑΓΙΣ Ο ΜΑΡΤΥΣ ΤΩΝ ΕΜΩΝ ΝΥΝ ΠΡΑΚΤΕΩΝ ΟΜΟΝΥΜΩΝ (Σ? ΕΧ?) ΟΙΣ ΚΑΡΑΝΩ ΓΕΩΡΓΙΩ — XIII—XIV в. (стр. 632).

Разсматривая изображение св. Георгия на печатях, нельзя не замѣтить удивительной устойчивости первоначального типа. На тѣхъ печатяхъ, гдѣ находится погрудное его изображение, онъ вездѣ представленъ впрямь и съ непокрытой кудрявой головой. Повидимому, почти вездѣ Великомученикъ облеченъ въ римскій воинскій нарядъ, при чемъ на лѣвое плечо накинутъ плащъ, который придерживается круглой пряжкой у праваго плеча, подъ шеей (этой пряжки только на нѣкоторыхъ штемпеляхъ нѣтъ). Въ правой рукѣ онъ держитъ обыкновенно копье, и лишь на двухъ штемпеляхъ, XI и XII вѣка, копье замѣнено мечомъ (№№ 9 и 4); лѣвая рука скрыта подъ плащомъ и, въ большинствѣ случаевъ, подъ щитомъ; щитъ этотъ на штемпеляхъ съ погруднымъ изображеніемъ постоянно виденъ лишь до половины, будучи обрѣзанъ или краемъ штемпеля, или ободкомъ (изъ бусъ или линейнымъ). Форма щита на нѣкоторыхъ изображеніяхъ круглая, на другихъ — очевидно овальная; онъ изукрашенъ по краю болѣе или менѣе крупными бусами. Бусы встрѣчаются на нѣкоторыхъ штемпеляхъ и какъ украшеніе одежды Великомученика (вокругъ ворота, по краю плаща).

Надпись на всѣхъ штемпеляхъ отвѣсная, расположенная по обѣ стороны лика; изъ 19 штемпелей, изображенныхъ у Шлumberгера, на 11 буквы надписи раздѣлены такъ, что съ правой стороны святаго помѣщены три буквы: ⊙ΓΕ, а на другой осталь-

ныя: $\Omega P \Gamma$ (№№ 2, 4, 5?, 7, 8 и 18), $\Omega P \Gamma I$ (№ 3), $\Omega P \Gamma \Sigma$ (№ 10), $OP \Gamma' O$ (№ 15) и $\Omega P \Gamma IO \Sigma$ (№ 6); на остальныхъ затѣмъ штемпеляхъ буквы распредѣлены по обѣ стороны лика почти на каждомъ различно: на № 9 — $\odot GE \Omega | P \Gamma IO$, на № 11 — $\odot GE \Omega P | \Gamma IO \Sigma$ (такимъ же образомъ, вѣроятно, расположены буквы на № 1), на № 19 — $\odot GE \Omega P \Gamma | IO \Sigma$, на № 14 видны буквы только по лѣвую сторону лика — $EOP \Gamma$, по правую сторону помѣщались или $\odot \Gamma$, или $O A \Gamma IO (\Sigma) \Gamma$; на № 13 читаемъ $GE | \Omega \Gamma I$ (безъ члена, или правильнѣе буквы O съ точкой внутри, замѣняющей O съ вписаннымъ A , въ свою очередь являющимся монограмматическимъ начертаніемъ словъ $\delta \alpha \gamma \iota \sigma$); на № 16 — имени святаго нѣтъ, а на № 17 отъ надписи сохранились лишь буквы ΓI , о расположеніи же остальныхъ судить трудно.

Такъ какъ для нашей прямой задачи важны преимущественно погрудныя изображенія св. Георгія, то представляется излишнимъ подробно останавливаться на штемпеляхъ съ изображеніемъ во весь ростъ, тѣмъ болѣе, что легко составить себѣ понятіе о нихъ по прилагаемымъ рисункамъ. Замѣчу только, что въ общемъ изображенія во весь ростъ близко подходятъ къ погруднымъ, отличаясь одинаковою, при томъ, устойчивостью типа, т.-е. почти вовсе не измѣняясь съ теченіемъ времени (ср. между собой №№ 22, 27 и 37, XI, XII и XIII—XIV вѣковъ). Ограничиваюсь указаніемъ на двѣ особенности изображеній во весь ростъ: на нихъ св. Побѣдоносець не всегда представленъ въ плащѣ, тамъ же, гдѣ послѣдній переданъ, драпировка его иная, чѣмъ на погрудныхъ изображеніяхъ: спускаясь ровно съ обоихъ плечъ, онъ оставляетъ открытыми грудь и обѣ руки фигуры, будучи весь откинутъ назадъ; вторая особенность, бросающаяся въ глаза — та, что св. Георгій представленъ держащимъ щитъ, не прикрывая имъ лѣвую руку, а опирающимся на него. Щитъ этотъ, представленный на большинствѣ штемпелей въ профиль, обыкновенно круглой формы, и лишь на двухъ штемпеляхъ (№№ 33 и 36), очевидно изображенный впрямь, имѣетъ продолговатое очертаніе съ заостреннымъ концомъ. Очень можетъ быть, что въ этой подробности сказалось уже западное вліяніе, тѣмъ болѣе, что на одномъ изъ этихъ штемпелей (№ 36) на продолговатомъ щитѣ ясно изображенъ крестъ, невольно напоминающій собой крестъ на щитахъ крестоносцевъ. Копье тоже держится прямо, а не наклонено на правое плечо.

Чтобъ закончить характеристику византійскихъ печатей съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца, слѣдуетъ упомянуть, что присутствіе его лика на печати не доказываетъ принадлежности ея лицу, носившему его имя: изъ 37 печатей, описанныхъ и изображенныхъ здѣсь, лишь 7 принадлежали лицамъ, навѣрно носившимъ имя Георгія (№№ 1, 5, 8, 26, 27, 34 и 37), относительно одной, за отсутствіемъ имени собственника печати, приходится оставить вопросъ объ имени этомъ открытымъ, всѣ же остальные печати принадлежали лицамъ, носившимъ имена Константина, Стефана, Льва, Иоанна и т. д.; одна печать принадлежала монастырю не его имени (№ 35). Несмотря на присутствіе его лика на печатяхъ, на большинствѣ изъ нихъ молитвенное воззваніе обращено не къ нему, а прямо къ Богу, а на двухъ печатяхъ — къ Богородицѣ (№№ 4 и 23; обращеніе къ покровительству Великомученика видимъ на №№ 9, 24, 32, 34 и 37). Помѣщеніе лика св. Георгія на своихъ печатяхъ лицами, не носившими его имени, указываетъ на высокое почитаніе его въ Византіи въ концѣ X вѣка

и позже (ранѣе лика его не встрѣчаемъ на печатяхъ); съ этого времени какъ его изображеніе, такъ и изображенія святыхъ воиновъ — Θεодора Стратилата и Дмитрія Солунскаго, являются одними изъ любимѣйшихъ на печатяхъ.

Обратимся теперь къ исходной точкѣ нашего изслѣдованія и посмотримъ, возможно ли утилизировать изданный Шлумбергеромъ матеріалъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи типа „Ярослава серебра?“

Прежде всего, конечно, слѣдуетъ принять за доказанное, что прототипа „Ярослава серебра“ нельзя найти въ нумизматическихъ памятникахъ Византіи до XI вѣка и что, за отсутствіемъ оригинала въ этой области, естественнѣе всего обратиться за разъясненіемъ къ сфрагистикѣ. Въ виду полной возможности обосновать оба положенія на точно провѣренныхъ данныхъ, я, для того, чтобы излишнимъ образомъ не удлинять настоящаго изслѣдованія, прошу, безъ опасенія ввести кого-либо въ заблужденіе, считать эти положенія доказанными.

Итакъ, обращаясь къ русской монетѣ, находимъ на лицевой сторонѣ ея погрудное изображеніе св. Георгія, съ кудрявой головой, въ римскомъ воинскомъ одѣянніи, съ накинутымъ на плечи плащомъ, прикрывающимъ лѣвую руку, держащую круглый щитъ, и оставляющимъ открытой правую, которая держитъ копье. Плащъ придерживается на плечахъ круглой пряжкой, находящейся подъ шеей, у праваго плеча. Круглый щитъ, украшенный по краю бусами, изображенъ лишь до половины, будучи обрѣзанъ ободкомъ изъ бусъ (см. рис. въ началѣ реферата).

Если мы сравнимъ это описаніе изображенія Побѣдоносца на монетѣ со сдѣланнымъ выше описаніемъ погрудныхъ изображеній на печатяхъ вообще, то окажется, что оба они совпадаютъ между собою самымъ точнымъ образомъ. Если обратимся къ надписи на монетѣ, то замѣтимъ опять-таки едва ли случайное совпаденіе. Мы видѣли, что изъ 19 штемпелей съ погруднымъ изображеніемъ — на 11 надпись разделена такимъ образомъ, что по правую его сторону находятся буквы $\odot GE$, а по лѣвую остальные. То-же видимъ и на штемпелѣ монеты, гдѣ буквы надписи расположены такъ, что по правую сторону лика находятся буквы $\odot GE$, а по лѣвую остальные — $\Omega PΓIO$. Хотя это окончаніе не вполне совпадаетъ съ тѣми окончаніями имени святаго, которыя находятся на изданныхъ Шлумбергеромъ печатяхъ, но не можетъ почитаться менѣе правильнымъ, чѣмъ встрѣчающіяся на послѣднихъ $\Omega PΓ$, $\Omega PΓI$, $\Omega PΓΣ$, $\Omega PΓ'O$, а тотъ фактъ, что при совпаденіи первой половины надписи на 11 штемпеляхъ, вторая половина является на нихъ въ пяти вариантахъ (см. выше), даетъ полнѣйшее право предположить вѣроятность существованія на печатяхъ и шестаго и седьмаго вариантовъ второй половины надписи, одинъ изъ коихъ могъ совпадать съ находящимся на монетѣ Ярослава.

Такимъ образомъ, какъ общій видъ штемпелей лицевой стороны русской монеты, такъ и детали, настолько сближаютъ его съ византійскими печатями съ изображеніемъ св. Георгія, бывшими въ ходу съ X по XIII вѣкъ, что если бъ снять слѣпокъ съ лицевой стороны нашей монеты и показать его хотя бы г. Шлумбергеру, онъ навѣрно не поколебался бы признать его слѣпкомъ съ византійской печати!

Полученныхъ результатовъ нашего сравненія было бы вполне достаточно для того,

чтобы вывести окончательное заключение о происхождении типа „Ярославля серебра“, если бы одна особенность, бывшая до сих пор загадочной, на оборотной стороне нашей монеты тоже не указывала на ее связь с печатями; поэтому нельзя обойти здесь молчанием этой особенности. Заключается она в присутствии на этой стороне слова *ΑΜΗΝ*, ни на каких других нумизматических памятниках, насколько известно, не встречающегося¹⁾. Как вследствие совершенной непримѣрности употребления этого слова на монетах, так и вследствие полного несоответствия его на нашей монете со смыслом остальной надписи (**ЯРОСЛАВЛЕ СЪРЕБРО**), необходимо искать причины помѣщения этого слова на ней в перенесении его съ вещественного памятника, послужившаго оригиналомъ для рѣзчика. Общеупотребительное в церковномъ языкѣ слово „аминь“, означая первоначально подтверждение, почти постоянно встречается в концѣ молитвеннаго воззванія; поэтому и можно ожидать найти его лишь на такихъ вещественныхъ памятникахъ, гдѣ встрѣчаются молитвенныя воззванія къ Богу, Богородицѣ или угодникамъ. Такими памятниками являются византійскія печати, на громадномъ большинствѣ коихъ имя собственника упоминается лишь в связи съ молитвой о защитѣ и покровительствѣ. И дѣйствительно, в трудѣ Шлумбергера можно указать на нѣкоторое число печатей VII-го по XI-й вѣкъ, на которыхъ встрѣчается слово *ΑΜΗΝ*²⁾. Такимъ образомъ и оборотная сторона нашей монеты сохранила на себѣ слѣдъ происхожденія своего типа отъ печати, на что ясно указываетъ уже лицевая.

Едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнiю, что у Ярослава Мудраго была печать; доказанный фактъ скопированiя типа его монеты съ печати, подтверждая это, даетъ возможность съ нѣкоторою вѣроятностью возстановить и самый видъ этой печати. У усерднаго насадителя византійской культуры и искусства, каковымъ представляется намъ по лѣтописямъ Ярославъ, уже а priori можно предполагать существованiе печати византійскаго образца, соответствующей современному ему в Византiи

1) Если не считать такъ называемыхъ змѣвиковъ, лишь по внѣшнему виду входящихъ в область нумизматики; на одной изъ такихъ „медалей“ о которой упоминаетъ, между прочимъ, А. А. Куникъ на стр. 92 своего Исслѣдованiя, находится надпись: † ΓΗ ΠΟΜΟΖΗ ΡΑΒΟϚ ΣΒΟΙΕΜΖ ΒΑΣΙΛΗΖ ΑΜΗΝ, вполне соответствующая надписямъ византійскихъ печатей: † ΚΕ ΒΟΗΘΕΙ ΤΩ ΣΩ ΔΟΥΛΩ....

2) Привожу хронологическiй перечень печатей, изданныхъ Шлумбергеромъ, на которыхъ находимъ слово *ΑΜΗΝ*:

VII—VIII вѣка: 1) *Лиц. ст.* Чрезвычайно употребительная крестообразная монограмма, заключающая в себѣ слова: *Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ* *Об. ст.* † ΓΡΗΓΟΡΗΩ ΔΡΟΥΓΓΑΡΙΩ ΑΜΗΝ (Шлумберг. стр. 338). (2) *Лиц. ст.* Та же. *Об.* ΧΩΣΡΩΗ ΠΑΤΡΙΚΙΩ ΑΜΗΝ (стр. 563).

VIII—IX вѣка: 3) *Лиц. ст.* Та же; *Об.* † ΝΙΚΟΛΑΩ ΝΟΤΑΡΙΩ ΑΜΗΝ (стр. 551); 4) *Лиц. ст.* Та же; *Об.* † ΕΥΣΤΡΑΤΗΩ ΑΝΟΤΑΡΙΩ ΑΜΗΝ (стр. 552).

IX вѣка: 5) *Лиц. ст.* Та же; *Об.* ΣΕΡΓΙΩ ΕΠΙΣΚ' ΘΕΡΜΗΣ ΑΜΗΝ (стр. 232); 6) *Лиц. ст.* Та же; *Об.* † ΤΩ ΣΩ ΔΟΥΛΩ ΜΟΥΣΙΚΩ ΑΜΗΝ (стр. 683); 7) Къ тому же IX вѣку относятся нѣсколько печатей византійскихъ чиновниковъ Южной Италiи, времени владычества тамъ Византiи; печати эти имѣютъ то же в концѣ надписей слово *ΑΜΗΝ* (Шлумберг. стр. 482).

X—XI вѣка: 8) *Лиц. ст.* Изображенiе Богородицы; *Об. ст.* † ΠΕΤΡΟΥ ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΔΙΟΚΛΙΑ(ς) (= Черногорiя) ΑΜΗΝ (стр. 433—434); 9) *Лиц. ст.* Крестъ на ступенькахъ и вокругъ надпись: † ΚΕ ΒΘ ΤΩ ΣΩ ΔΟΥΛΩ; *Об. ст.* ΦΕΟΦΙΛΩ Β' (ασιλικῷ) ΣΠΑΘΑΡΟΚΑΝΔΙΛΑΤΩ ΑΜΗΝ (стр. 594).

Наконецъ 10) у Шлумбергера на стр. 49 упомянута печать, безъ приуроченiя ея къ какому-либо вѣку съ надписью: † ΑΓΙΟΙ ΒΟΗΘΕΙ(τε) ΔΙΝΗΑ ΑΜΗΝ.

вкусу. Судя по аналогіи, печать эта могла имѣть на лицевой сторонѣ погрудное изображеніе св. Георгія, а на оборотѣ, вѣроятно, надпись: *ΚΕ ΒΘ ΤΩ ΣΩ ΔΟΥΛΩ ΓΕΩΡΓΙΩ ΑΜΗΝ*, или, можетъ быть, русскій переводъ этихъ словъ: **ГН ПОМОЖН РАБОУ СВОЕМЪ ГЕОРГИЖ АМНН**. Допустить русскую надпись возможно въ виду существованія печати византійскаго характера съ надписью кириллицей: **ОТЪ РАТН-БОРА** (см. мое изслѣд. О древн. русск. монетахъ, стр. 222). Какъ на другой примѣръ копированія византійскихъ штемпелей, можно указать на печати русскихъ іерарховъ, изображенія которыхъ (печатей) помѣщены въ Собр. Гос. гр. и догов. Такое заимствованіе вполнѣ понятно и естественно, такъ какъ, при усвоиваніи культуры одного народа другимъ, скорѣе всего и легче всего перенимаются внѣшніе атрибуты этой культуры и особенно тѣ изъ нихъ, которые пользуются большимъ распространеніемъ. О распространенности же употребленія печатей въ Византіи уже съ давняго времени краснорѣчиво свидѣтельствуетъ та масса этихъ мелкихъ археологическихъ памятниковъ, которую удалось собрать одному человѣку — г. Шлumbergerу. Очевидно, что тѣ нѣсколько тысячъ печатей, которыя имъ изданы, составляютъ лишь жалкій остатокъ сфрагистики Византіи, который время сберегло для насъ. Количество печатей и должно было быть громадно въ государствѣ съ чрезвычайно развитымъ гражданскимъ кодексомъ, съ сложными правовыми институтами, но въ составъ котораго уже очень рано входили многочисленныя варвары, безграмотность или малограмотность которыхъ не мѣшала имъ сплошь и рядомъ достигать высшихъ чиновъ и вліятельнаго положенія. Если образованнѣйшіе изъ византійцевъ употребляли печати, скрѣпляя ими свою подпись, или даже замѣняя ее ими, то такая замѣна становилась необходимою для неграмотныхъ. Само собой напрашивается предположеніе, что древняя Русь при первомъ же ознакомленіи съ византійскими порядками усвоила въ высшей степени практичный обычай употребленія печатей. Понятно поэтому, что въ одномъ изъ самыхъ раннихъ извѣстій нашей лѣтописи о сношеніяхъ съ Царьградомъ упоминаются посольскія золотыя (хрисовуллы) и купеческія серебряныя печати. Надо надѣяться, что современемъ и русская археологія обогатится своимъ сфрагистическимъ матеріаломъ, скудость котораго впрочемъ, на мой взглядъ, объясняется не столько отсутствіемъ интереса къ такимъ мелкимъ памятникамъ, каковы печати, сколько дѣйствительной ихъ рѣдкостью, обусловливаемой какъ легкой уничтожаемостью матеріала, изъ котораго онѣ изготовлялись (воскъ и свинець), такъ и той обширностью территоріи, на которой раскинулась древняя Русь уже съ самаго начала историческаго образованія государства.

15 іюля 1887 г.

Ярославскіе князья въ Московскомъ государствѣ.

Проф. А. И. Маркевича.

Ярославль — городъ старый, но княженіе въ немъ сравнительно молодое — начала XIII вѣка.

Извѣстно, что вел. князь Константинъ Всеволодовичъ Суздальскій незадолго до смерти выдѣлилъ г. Ярославль своему второму сыну Всеволоду; значить, Ярославль въ то время былъ вторымъ, по значенію, городомъ въ ростовской землѣ, владѣльцемъ которой былъ князь Константинъ Всеволодовичъ и которую онъ подѣлилъ въ своемъ семействѣ. Послѣ смерти кн. Всеволода Константиновича на р. Сяти, г. Ярославль достался сыну его кн. Василю Всеволодовичу. Такъ какъ кн. Василій Всеволодовичъ не дошелъ лѣстичнымъ восхожденіемъ до великокняжескаго стола, ибо столь этотъ при немъ и послѣ него занять былъ еще его дядями, а умеръ княземъ ярославскимъ, то и родъ его долженъ былъ навсегда замкнуться въ ярославскомъ княженіи и раздробить его на семейные удѣлы. Однако случилось иначе: князь Василій Всеволодовичъ умеръ, совсѣмъ не оставивъ сыновей¹⁾

Не ставя себѣ спеціально задачи излагать исторію ярославскаго княженія, я не останавлиюсь поэтому здѣсь на вопросѣ о томъ измѣненіи во взглядѣ на отношенія князя къ своему княжеству, которое образовалось къ XIII в. въ Суздальской Руси и по которому княжества могли переходить къ лицамъ малолѣтнимъ, отдаваться въ приданное и т. п., и укажу лишь на тотъ, тоже общеизвѣстный фактъ, что г. Ярославль пошелъ въ приданое за дочерью кн. Василя Всеволодовича Марією, бывшею замужемъ за кн. Феодоромъ Ростиславичемъ изъ удѣльныхъ князей смоленскихъ, по родословнымъ — княземъ Можайскимъ.

Не коснемся мы и исторіи этого ярославскаго князя, имѣющей нѣсколько легендарный характеръ, при чемъ преданія о немъ несовсѣмъ согласованы между собою и носятъ слѣды мѣстныхъ ярославскихъ сказаній, приуроченныхъ къ этому лицу, какъ къ единственному, въ сущности, замѣтному ярославскому князю, владѣвшему, кромѣ

¹⁾ Онъ похороненъ въ г. Ярославлѣ въ соборномъ храмѣ, гдѣ похороненъ и братъ его кн. Константинъ Ярославскій, извѣстный лишь по церковнымъ сказаніямъ.

г. Ярославля, еще многими значительными тогда городами, а впоследствии причисленному нашей церковью къ яку святыхъ и погребенному въ ярославскомъ Спасскомъ монастырѣ. Преданія о немъ впрочемъ, болѣе относятся къ храму св. Архистратига Михаила, построенному, по Степенной книгѣ, супругою этого князя въ память старшаго сына — кн. Михаила, въ родословныхъ книгахъ не показаннаго, а по Степенной книгѣ, одно время, когда отецъ его жилъ въ Ордѣ ради романа съ монгольской царевной, ставшаго даже, волею народною, княземъ Ярославскимъ, но вскорѣ скончавшагося, послѣ чего престоль снова былъ занятъ отцомъ его, кн. Феодоромъ Ростиславичемъ.

Родословныя называютъ двухъ сыновей послѣдняго — кн. Давида и Константина, о дѣятельности которыхъ почти не сохранилось свѣдѣній¹⁾. Занимали ли оба сына кн. Феодора Ростиславича преемственно большой ярославскій столъ, или меньшей братъ умеръ раньше старшаго, источники объ этомъ не упоминаютъ, и во 2-ой четверти XIV в. въ Ярославлѣ княжить старшій сынъ кн. Давида кн. Василій. Но объ этомъ опять говорится въ родословныхъ, что онъ служилъ въ Ордѣ. Изъ лѣтописей видно, что онъ бѣгалъ въ Орду, спасаясь отъ притѣсненій Московскаго князя Ивана Даниловича Калиты; но едва ли пребываніе его въ этомъ случаѣ, притомъ недолгое, въ Ордѣ, могло быть названо службою. Рискнемъ высказать иное предположеніе, что послѣ смерти кн. Давида Ростиславича, въ 1321 г., Ярославль занятъ былъ братомъ его, кн. Константиномъ, который не далъ удѣла сыновьямъ кн. Давида (можетъ быть несовершеннолѣтнимъ), поэтому ставшимъ героями; старшій изъ нихъ и пошелъ служить хану; пока смерть дяди, по родословнымъ бездѣтнаго, и, разумѣется, обязательная для князей въ то время воля хана, не открыли кн. Василию Давидовичу дороги къ ярославскому столу. Замѣтимъ еще, что объ этомъ князѣ лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ лишь подъ 1339 г., т.-е. 18 лѣтъ спустя послѣ смерти его отца.

Князь Василій Давыдовичъ (кажется, первый изъ русскихъ князей прозванный Грознымъ) сѣлъ на большомъ княженіи на Ярославлѣ, а братъ его Михаилъ сѣлъ на удѣлѣ на Мологѣ. Отъ этихъ двухъ братьевъ и пошелъ многочисленный уже родъ новыхъ князей Ярославскихъ и родственныхъ имъ Моложскихъ, служба которыхъ въ Москвѣ и послужить далѣе предметомъ нашего реферата.

Послѣ кн. Василия Давыдовича, по родословнымъ, на большомъ княженіи на Ярославлѣ былъ старшій сынъ его кн. Василій Васильевичъ. Однако былъ еще живъ его дядя кн. Михаилъ Давыдовичъ Моложскій, однажды прозванный лѣтописью²⁾ кн. Ярославскимъ и притомъ являющійся, какъ и подобаетъ, въ роли старшаго изъ Ярославскихъ князей. Можно бы объяснить показаніе родословныхъ просто ошибкою,

¹⁾ Погребены они вмѣстѣ съ отцомъ и тоже признаны святыми. Тѣла всѣхъ трехъ чудотворцевъ открыты въ половинѣ XV в. пра одномъ изъ потомковъ ихъ, кн. Александрѣ Феодоровичѣ Брехатомъ (см. далѣе), тогда же написано и житіе, съ нѣкоторыми сокращеніями внесенное въ Степенную книгу. Нѣкоторыя, не безынтересныя соображенія по этому поводу высказаны г. Венгеровымъ въ Крит.-Биогр. словарь вып. 14, стр. 640. О ярославскихъ святыхъ князьяхъ вообще писано не мало, см. у Венгерова I с., о гробѣ ихъ — Чт. М. О. Ист. и Др. 1887 г. т. I. Письма М. Діева стр. 86. Позднѣйшій (конца XVII в.) потомокъ князей ярославскихъ, кн. В. Ф. Жировой — Засѣкинъ, устроилъ въ Москвѣ, въ церкви св. Воскресенія Христова, что на Большой Дмитровкѣ, верхнюю церковь во ихъ имя.

²⁾ Никоновскою подъ 1360 г.

если и не тенденціозною, то все же основанною на московскомъ представленіи XVI в., создавшемъ систему Степенной книги, что послѣ отца владѣніе его княжествомъ переходитъ къ его старшему сыну; но возможно и иное объясненіе: кн. Михаилъ Давыдовичъ былъ старшій изъ рода Ярославскихъ князей вообще, въ какомъ смыслѣ лѣтопись и называетъ его кн. Ярославскимъ, но сидѣлъ онъ на Мологѣ, оставивъ ярославское княженіе за племянникомъ и довольствуясь признаніемъ за собою старшинства. Въ XIV в. не только удѣльные, но и великіе князья, когда наступала ихъ очередь, не переносили уже своихъ столовъ въ городъ, ранѣе считавшійся великокняжескимъ, а довольствовались старшинствомъ и великокняжескимъ титуломъ. Когда же кн. Михаилъ Давыдовичъ умеръ, старшимъ Ярославскимъ княземъ и сталъ племянникъ его кн. Василій Васильевичъ, владѣвшій г. Ярославлемъ и удержавшій его въ своемъ родѣ.

Прибавимъ еще, что съ половины XIV в. Ярославскіе князья, связанные семейными отношеніями съ князьями московскими, являются уже ихъ подручными князьями; такъ же видимъ ихъ помогающими Москвѣ въ борьбѣ съ Тверью, съ Мамаемъ и пр.; в. кн. Димитрій Ивановичъ (Донской) говоритъ, что князья Ярославскіе съ нимъ одинъ человекъ.

О потомствѣ кн. Михаила Давыдовича — князьяхъ Моложскихъ рѣчь впереди, а теперь мы вкратцѣ прослѣдимъ переходъ большого ярославскаго княженія въ родѣ кн. Василя Давыдовича Ярославскаго, ибо переходъ этотъ имѣлъ значеніе и для послѣдующей московской службы князей Ярославскихъ.

У кн. Василя Давыдовича было три сына; старшій изъ нихъ кн. Василій Васильевичъ, какъ мы сказали, былъ на большомъ княженіи ярославскомъ и владѣлъ г. Ярославлемъ. Удѣлы остальныхъ сыновей — кн. Глѣба и Романа Васильевичей въ родословныхъ не показаны. Такъ какъ и эти князья и ранніе потомки ихъ называются князьями Ярославскими, безъ иного болѣе тѣснаго титула, то позволимъ себѣ высказать предположеніе, что оба брата получили удѣлы въ г. Ярославлѣ же, т.-е. владѣли частями этого города съ извѣстнымъ количествомъ волостей, принадлежавшихъ ярославскимъ князьямъ. Что подобный дѣлежъ городовъ на части существовалъ въ сѣверо-восточной Руси — общеизвѣстно.

Однако можно, съ нѣкоторою вѣроятностью, выяснить, какія волости составляли удѣлъ князя Романа Васильевича Ярославскаго. Ему могла принадлежать такъ наз. Шехонь, т.-е. мѣстность по р. Шекснѣ, бывшая потомъ во владѣніи его потомковъ; также Кубена, принадлежавшая потомъ одному изъ его нисходящихъ родичей; хотя эта волость была незначительною, такъ какъ родичъ этотъ, имѣя двухъ сыновей, отдалъ Кубену въ приданое за дочерью. Наконецъ, въ родословныхъ есть приписка, что кн. Романъ Васильевичъ поставилъ городъ, прозванный его именемъ, т.-е. Романовъ. Этими данными удѣлъ кн. Романа Васильевича обозначается довольно точно. Впрочемъ, онъ не перенесъ въ Романовъ своего стола, такъ какъ потомки его князьями Романовскими не назывались.

Опредѣливъ почти такимъ же образомъ какъ и мы, удѣлъ кн. Романа Васильевича, историкъ ярославскихъ князей г. Экземплярскій пытается опредѣлить и удѣлъ кн. Глѣба Васильевича; но родословныя даютъ для этого слишкомъ скудный матеріалъ, такъ какъ

изъ потомковъ этого князя лишь кн. Шаховскіе получили прозвище по удѣлу — Шахову (нынѣ село Даниловскаго уѣзда); да и это еще вопросъ. Затѣмъ возможно еще предположеніе, что въ удѣлъ кн. Глѣба Васильевича входила мѣстность, гдѣ былъ Толгскій монастырь, такъ какъ до половины XV в. онъ находился въ вотчинѣ князей Засѣкиныхъ, тоже потомковъ кн. Глѣба Васильевича.

Измельчившіе свое княженіе, Ярославскіе князья второй половины XIV в. мало извѣстны своею дѣятельностью, и мы даже не знаемъ, какъ между ними шло старшинство въ ярославскомъ княженіи. По родословнымъ, оно уже не выходило изъ рода кн. Василия Васильевича, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть приписка, что по смерти этого князя на большомъ княженіи въ г. Ярославлѣ былъ второй сынъ его кн. Феодоръ, т.-е. старшее княженіе будто бы обошло перваго сына — кн. Ивана. Послѣ долгихъ колебаній, мы склоняемся къ мысли, что родословныя въ этомъ случаѣ ошибаются, и именно подъ вліяніемъ мнѣнія, что княжескіе столы переходятъ въ линейномъ порядкѣ. Составители родословныхъ книгъ въ XV—XVI в. знали, что кн. Феодоръ Васильевичъ старшимъ ярославскимъ княземъ былъ; затѣмъ былъ такимъ же княземъ въ г. Ярославлѣ и сынъ его кн. Александръ; отсюда и явилось представленіе, что это и есть линія старшихъ Ярославскихъ князей. Между тѣмъ кн. Иванъ Васильевичъ, по лѣтописнымъ источникамъ, несомнѣнно былъ княземъ Ярославскимъ и жилъ въ г. Ярославлѣ до самой смерти въ 1426 г. Совершенно неправдоподобно, чтобы при этомъ условіи старшимъ ярославскимъ княземъ былъ его меньшей братъ. Почему въ такомъ случаѣ этотъ столь странный фактъ не отмѣченъ нигдѣ въ источникахъ? Мало того, кн. Иванъ Васильевичъ даже какъ бы фигурируетъ иногда въ числѣ ярославскихъ князей; напр. 1412 г. при путешествіи въ Орду в. кн. Василия Дмитриевича Московскаго съ нимъ идетъ и кн. Иванъ Васильевичъ Ярославскій, къ нему же въ 1425 г. пріѣзжаетъ въ Ярославль митрополитъ Фотій и онъ одинъ только, изъ всѣхъ ярославскихъ князей, имѣвшихъ дѣло съ митрополитомъ, и названъ¹⁾. Словомъ, мы считаемъ, подобно прочимъ историкамъ г. Ярославля и его княжества — гг. Троицкому и Экземпларскому, кн. Ивана Васильевича старшимъ княземъ Ярославскимъ въ началѣ XV в.; родословная же приписка при имени кн. Феодора Васильевича могла сперва указывать, что и онъ былъ на старшемъ ярославскомъ княженіи; а потомъ уже ее истолковали такимъ образомъ, что онъ устранилъ отъ этого княженія своего старшаго брата — въ объясненіе, почему на большомъ княженіи на Ярославлѣ не сидятъ потомки этого старшаго брата.

Могло бы явиться предположеніе, что, хотя кн. Иванъ Васильевичъ и былъ старшимъ княземъ изъ князей Ярославскихъ своей линіи, но старшимъ княземъ изъ всѣхъ Ярославскихъ князей въ широкомъ смыслѣ при немъ и даже нѣсколько времени послѣ его смерти былъ одинъ изъ его дядей, напр. кн. Романъ Васильевичъ (есть всѣ данныя предполагать, что кн. Глѣбъ Васильевичъ умеръ еще въ XIV в.). Предположеніе это приобрѣло бы еще большую опору, если бы мы знали, что этотъ дядя имѣлъ удѣлъ не въ г. Ярославлѣ и кн. Ярославскимъ не назывался. При такомъ условіи, кн. Феодоръ

¹⁾ См. Никоновскую лѣтопись подъ этими годами.

Васильевичъ Ярославскій могъ бы быть правильно сосчитанъ родословными слѣдующимъ послѣ отца княземъ въ Ярославлѣ на *большомъ княженіи*, помимо своего старшаго брата. Но это предположеніе не имѣетъ для себя опоры ни въ одномъ какомъ бы то ни было указаніи. Нечего и говорить, что еще лучше были бы устранены всѣ затрудненія въ занимающемъ насъ вопросѣ предположеніемъ, что кн. Иванъ Васильевичъ умеръ раньше своего отца (время смерти котораго неизвѣстно); который и передалъ большой Ярославскій столъ второму сыну; но это уже черезчуръ рискованное предположеніе, такъ какъ кн. Василій Васильевичъ былъ человѣкъ третьей четверти XIV в. и допустить его существованіе послѣ 1426 г. очень трудно; притомъ источники не упоминаютъ о немъ въ такихъ случаяхъ, когда это было бы неизбѣжно, напр. именно въ разсказѣ о пріѣздѣ въ г. Ярославль митрополита Фотія.

Признавая занятіе кн. Иваномъ Васильевичемъ большого Ярославскаго княженія, мы не настаиваемъ, что онъ занялъ его непременно послѣ смерти отца, такъ какъ не знаемъ, когда умерло двое его дядей, кн. Глѣбъ и Романъ Васильевичи; не разрѣшаетъ этого вопроса и г. Экземплярскій. Какъ мы уже сказали, это темный періодъ въ исторіи Ярославскаго княжества; возможно, что кн. Глѣбъ и Романъ Васильевичи умерли раньше своего старшаго брата, не бывъ на большомъ княженіи, отъ котораго, вслѣдствіе этого, были отстранены ихъ потомки.

Можетъ быть, покажется смѣлымъ, что мы допускаемъ съ XV в. такой переходъ столовъ, какой имѣлъ мѣсто еще въ удѣльновѣчевомъ періодѣ; но примѣръ такого перехода намъ извѣстенъ даже отъ конца XV в.: такимъ именно образомъ переходилъ г. Одоевъ въ родѣ своихъ князей Одоевскихъ, и нѣтъ основанія полагать, что это было какимъ-либо исключительнымъ явленіемъ.

Итакъ мы считаемъ, что кн. Иванъ Васильевичъ былъ старшимъ Ярославскимъ княземъ, и лишь послѣ его смерти въ 1426 г. таковымъ сталъ его слѣдующій братъ кн. Теодоръ Васильевичъ, послѣ смерти котораго большой Ярославскій столъ несомнѣнно перешелъ къ его сыну, такъ какъ показаніе родословныхъ недалеко отстоитъ отъ этого времени. Почему не получили этого стола слѣдующіе сыновья кн. Василя Васильевича, не знаемъ; можетъ быть, ихъ уже не было въ живыхъ. Устранены были однако и дѣти кн. Ивана Васильевича, изъ которыхъ кто-либо могъ и пережить своего дядю кн. Теодора. Почему они не получили стола, тоже отвѣтить затрудняемся. Въ значительной степени рѣшеніе этого вопроса обуславливается рѣшеніемъ вопроса о княженіи самого кн. Ивана Васильевича; но, можетъ быть, въ Ярославлѣ въ половинѣ XV в. поступали по примѣру того, что уже дѣлалось въ то время въ Москвѣ.

Какъ бы то ни было, но такое наслѣдованіе старшаго Ярославскаго стола въ линіи втораго сына кн. Василя Васильевича выбросило изъ наслѣдованія имъ родъ перваго его сына, кн. Ивана, и, по всей вѣроятности, замкнуло его сыновей во владѣніи какими-либо мелкими удѣлами. Что они ихъ имѣли, видно изъ того, что родословныя сохранили намъ названіе удѣла, принадлежавшаго послѣдовательно двумъ младшимъ сыновьямъ кн. Ивана. Страннымъ казалось бы предположеніе, что три старшіе сына его тоже владѣли частями г. Ярославля съ прилегающими селами и деревнями, но не неправдоподобнымъ, такъ какъ удѣлы иныхъ князей ярославскихъ, и притомъ изъ

хранившей за собою старшинство линіи, были положительно крошечные, во всякомъ случаѣ меньшіе, чѣмъ могла быть часть г. Ярославля съ прилежащими вотчинами. Изъ семьи же кн. Ивана Васильевича видимъ и раннихъ Ярославскихъ князей на службѣ въ Москвѣ въ половинѣ XV в. съ титуломъ кн. Ярославскихъ; значитъ, именно недовольные своими удѣлами, они стали искать служебной дѣятельности за извѣстное вознагражденіе у Московскихъ князей. Нѣкоторые изъ внуковъ кн. Ивана Васильевича стали уже московскими боярами, и, такъ какъ слѣдующее поколѣніе, — его правнуки, цѣликомъ находится въ служебныхъ орошеніяхъ къ князьямъ Московскимъ, дѣтямъ в. кн. Ивана Васильевича, а въ то же время и самое большое Ярославское княженіе съ 1463 г. вошло въ составъ Московскаго государства, то само собою ясно, что и сохранившіе свои удѣлы князья этой старшей линіи, какъ и всѣ иные ярославскіе князья, пошли при г. Ярославлѣ подъ руку в. кн. Ивана Васильевича Московскаго и превратились въ московскихъ вотчинниковъ.

Мы сказали, что съ 1426 г. на большомъ княженіи на Ярославлѣ былъ второй сынъ кн. Василя Васильевича, кн. Феодоръ; удѣлы третьяго и четвертаго сыновей кн. Василя Васильевича намъ извѣстны: это Новля и Заозерье. Удѣлъ пятаго сына, кн. Воина (Ивана), не показанъ, и самый князь по родословнымъ означенъ бездѣтнымъ; можетъ быть, онъ еще не получилъ удѣла.

У кн. Феодора Васильевича былъ одинъ сынъ кн. Александръ, получившій послѣ отца старшее Ярославское княженіе и бывший вѣрнымъ союзникомъ в. кн. Василя Васильевича (Темнаго) въ борьбѣ его съ князьями Галицкими. При кн. Александрѣ Феодоровичѣ въ 1463 г. Ярославль отошелъ къ Москвѣ, взаменъ чего князь его получилъ вотчины въ Московскомъ государствѣ¹⁾; впрочемъ, онъ остался намѣстникомъ въ г. Ярославлѣ²⁾. Сынъ его, — кн. Даніилъ Пенько, уже былъ московскимъ бояриномъ, хотя то же имѣлъ надъ г. Ярославлемъ что-то въ родѣ протектората³⁾.

Вотъ нѣсколько краткихъ словъ о большомъ Ярославскомъ княженіи; подробное изложеніе исторіи г. Ярославля можно прочесть въ новѣйшемъ изслѣдованіи А. В. Экземплярскаго: „Ярославскіе владѣтельные князья“; но, къ сожалѣнію, авторъ почти не сдѣлалъ ничего, чтобы осмыслить переходъ большого Ярославскаго стола, ограничившись однимъ изложеніемъ фактовъ.

О судьбѣ удѣловъ ярославскихъ мы тоже скажемъ очень кратко въ виду существованія спеціальнаго изслѣдованія г. Экземплярскаго. Извѣстенъ удѣлъ, принадлежавшій послѣдовательно двумъ сыновьямъ кн. Ивана Васильевича; это знаменитая Курба, нынѣ село Ярославской губерніи и уѣзда, отданная кн. Якову, по прозванію Воину⁴⁾. Младшій братъ его, кн. Семень, называется княземъ Курбскимъ. Конечно, онъ владелъ Курбою, получивъ ее послѣ брата, и передалъ ее наслѣдникамъ, которые впо-

¹⁾ Въ томъ числѣ въ Переяславскомъ уѣздѣ; о волостяхъ здѣсь кн. Пенькорыхъ см. Собр. гос. гр. и дог. I, Межевалъ грамота 1504 г.; также Д. къ А. И. I № 222, стр. 331.

²⁾ Здѣсь онъ и похороненъ въ Спасскомъ монастырѣ, рядомъ съ открытыми при немъ тѣлами трехъ св. Ярославскихъ князей (см. выше).

³⁾ Въ Ярославской губ. и даже въ самомъ г. Ярославлѣ понынѣ есть мѣстности, наз. Пенье.

⁴⁾ Если здѣсь нѣтъ ошибки, т.-е. племянникъ кн. Яковъ Воинъ не смѣшанъ съ дядею Иваномъ Воиномъ; при этомъ въ родословныхъ первый бездѣтнымъ не показанъ, а потомства его нѣтъ.

слѣдствіи стали московскими служилыми людьми, а затѣмъ потеряли свою Курбу; по крайней мѣрѣ позднѣйшіе кн. Курбскіе ею уже не владѣли.

Удѣль Новлянскій очень скоро исчезаетъ, замѣняясь Юхотью¹⁾; внукъ перваго князя Новлянскаго уже называется княземъ Юхотскимъ. Юхоть прoderжалась въ этомъ родѣ четыре поколѣнія, т.-е. приблизительно до половины XVI в., въ половинѣ же XVI в. кн. И. Ѡ. Мстиславскій, въ письмѣ къ гетману Хоткевичу, перечисляя свои титулы, называетъ себя между прочимъ державцею Ярославецкимъ, Черемошскимъ²⁾ и Юхотскимъ.

Короче была историческая судьба Заозерья, гдѣ по очереди княжили кн. Дмитрій Васильевичъ Заозерскій и сынъ его кн. Андрей, бездѣтный. Кажется, при немъ Заозерье перешло къ Московскимъ князьямъ, во второй четверти XV вѣка³⁾.

Второй сынъ кн. Дмитрія Васильевича Заозерскаго, кн. Семень, приобрѣлъ себѣ, по родословнымъ, волость Кубену⁴⁾, получивъ ее въ приданое за дочерью кн. И. Дѣя (см. далѣе), почему и сталъ княземъ Кубенскимъ; но эту волость отобралъ у него в. кн. Василій Васильевичъ (Темный), вѣроятно замѣнивъ ее другою⁵⁾.

Третьимъ сыномъ кн. Дмитрія Васильевича Заозерскаго, родословными пропущеннымъ, былъ преподобный Іоасафъ Каменскій; нѣкоторыя родословныя, впрочемъ, считаютъ его за одно лицо съ кн. Андреемъ Дмитріевичемъ Заозерскимъ, и вообще позднѣйшая исторія этой княжеской вѣтви не вполне достовѣрна; не означаемъ ее, такъ какъ она рассказана г. Экземплярскимъ.

Такъ какъ удѣлы кн. Глѣба и Романа Васильевичей Ярославскихъ, какъ мы говорили выше, въ родословныхъ книгахъ не показаны, то судьба ихъ земель мало известна. Весьма вѣроятно, что нѣкоторые изъ сыновей этихъ князей, вмѣстѣ съ сыновьями кн. Ивана Васильевича, находились въ числѣ тѣхъ князей, называемыхъ кн. Ярославскими, безъ обозначенія именъ, которые въ 1425 г., въ пріѣздъ въ г. Ярославль митроп. Фотія, просили его служить у нихъ въ г. Ярославль обѣдню; въ такомъ случаѣ они владѣли частями этого города. Объ этихъ же князьяхъ, можетъ быть, говорится въ разсказѣ лѣтописи о грабежѣ въ 1433 г. Ярославля князьями Галицкими, похитившими здѣсь казну всѣхъ князей⁶⁾. Съ присоединеніемъ къ Москвѣ г. Ярославля и волости этихъ князей пошли подъ руку великаго князя Московскаго, а владѣльцы стали служить ему: знаемъ навѣрное это о дѣтяхъ кн. Глѣба Васильевича, изъ которыхъ двое старшихъ продолжали носить титулъ князей Ярославскихъ. Меньшой сынъ кн. Глѣба — кн. Константинъ имѣлъ прозвище, намекающее на владѣніе удѣломъ — князь Шаховской, но, по инымъ родословнымъ, это фамилія собственно его потомковъ, происшедшая отъ прозвища кн. Константина Глѣбовича — Шахъ; при чемъ знаемъ, что этотъ князь самъ

¹⁾ Р. Юхоть правый притокъ Волги, въ Ярославской губерніи.

²⁾ Р. Черемха — тоже.

³⁾ Однако въ Заозерьи еще въ 1471 г. были земли и кн. Александра Феодоровича Ярославскаго. Доп. къ А. Ист. I № 14; вотчины кн. Пеньковыхъ въ третьяхъ Заозерскихъ — Д. къ А. И. I № 222, стр. 882.

⁴⁾ Село Кубена, Вологодской губ. и уѣзда; она была, впрочемъ, тоже въ Заозерьи. Но и здѣсь въ 1471 г. были земли кн. Александра Феодоровича Ярославскаго — Д. къ А. И. I № 14.

⁵⁾ Позднѣе, при царѣ Иванѣ Грозномъ, кн. Кубенскіе владѣли въ Дмитровскомъ уѣздѣ значительнымъ селомъ Куликовымъ.

⁶⁾ Никоновская лѣтопись и др.

уже былъ на службѣ у в. кн. Ивана Васильевича: въ 1483 г. онъ былъ воеводою въ Нижнемъ Новгородѣ.

Сыновей кн. Романа Васильевича знаемъ четырехъ, которыхъ земли нѣсколько извѣстны: старшему сыну кн. Ивану Неблагодаренному принадлежала Шехонь, по кн. П. Долгорукому — нынѣ С. Князь-Городокъ¹⁾, на берегу р. Шексны, почему одна линія князей потомства кн. Ивана Неблагодареннаго и стала называться князьями Шехонскими. Но это не была старшая линія, такъ какъ первый сынъ кн. Ивана Романовича, кн. Ѳеодоръ Мортка, ушелъ служить въ Тверь; имъ вѣроятно было основано Морткино, которому князь П. Долгорукій приписываетъ самое происхождение фамиліи князей Морткиныхъ; во всякомъ случаѣ часть его удѣла была тамъ, гдѣ Морткино-Городище, и эта мѣстность тоже ранѣе принадлежала кн. Ивану Неблагодаренному. Судьбы волости кн. Ѳ. И. Мортки не знаемъ²⁾, но Шехонь, вся или частью (Усть-Шексны), была продана внуками кн. Ивана Неблагодареннаго, кн. Семеномъ и Васильемъ Аванасьевичами Шехонскими, в. кн. Маріи, супругѣ в. кн. Василя Темнаго³⁾.

Второму сыну кн. Романа Васильевича, кн. Даніилу, въ числѣ прочихъ волостей, принадлежала Кубена, перешедшая къ его сыну, кн. Ивану Дѣю, отдавшему ее въ приданое за дочь; судьбу этого удѣла мы уже знаемъ; но у кн. Ивана Дѣя было два сына, которые должны были имѣть свои удѣлы. Кн. Михаилъ получилъ въ удѣлъ часть г. Романова, проданную имъ тоже в. кн. Маріи, супругѣ в. кн. Василя Темнаго. Что получилъ братъ его кн. Ѳеодоръ — не знаемъ, но предполагаемъ, что тоже часть г. Романова, проданную имъ, или, вѣрнѣе, уже его наслѣдниками кн. Давиду Ивановичу Засѣкину, въ свою очередь продавшему ее в. кн. Маріи. По прямому наслѣдованію, кн. Засѣкинъ получить часть г. Романова не могъ, такъ какъ, хотя онъ тоже изъ ярославскихъ князей, но не изъ потомковъ кн. Романа Васильевича, а правнукъ кн. Глѣба Васильевича, которому г. Романовъ не принадлежалъ⁴⁾.

Но кн. Иванъ Дѣй былъ, какъ сейчасъ увидимъ, не единственнымъ владѣльцемъ г. Романова. Не говоримъ здѣсь о братѣ его кн. Василя Дмитріевичѣ, такъ какъ онъ былъ бездѣтенъ и, если у него былъ удѣлъ, онъ все равно отошелъ къ кн. Ивану Дѣю, или его сыновьямъ; но часть г. Романова принадлежала ему и четвертому сыну кн. Романа Васильевича кн. Даніилу и пошла затѣмъ его сыну кн. Льву Зубатому, дѣти котораго тоже продали свою часть в. кн. Маріи, собравшей, вѣроятно, такимъ образомъ въ свое владѣніе весь г. Романовъ⁵⁾.

1) Объ этомъ городѣ прочитанъ былъ на Ярославскомъ Археологическомъ съѣздѣ рефератъ Е. В. Барсовымъ. Въ сказаніи о чудесахъ св. Романа Углицкаго слито съ Князь-Городкомъ Пошехонье; но г. Барсовъ ихъ раздѣляетъ.

2) Въ началѣ XVII в. Андрею Морткину принадлежало С. Золотково близъ Бѣжецкаго верха (Сказ. о чудесахъ св. Романа Углицкаго).

3) Позднѣе, у кн. Василя Шехонскаго было имѣніе въ Романовскомъ уѣздѣ — С. Новое съ деревнями, которое онъ пожертвовалъ въ 1562 г. Толгскому монастырю; а въ 1570 г. онъ же имѣлъ дворъ въ Новгородѣ на Чудинцовѣ улицѣ — видимо, хорошій, такъ какъ тамъ жилъ старшій новгородскій воевода. Еще позднѣе, въ половинѣ XVII в., одна изъ книгъ Шехонскихъ имѣла вотчины въ Ярославскомъ и Пошехонскомъ уѣздахъ, но уже по наслѣдству отъ Нальянова (Опис. рукоп. Рум. музея).

4) Какой-либо изъ этихъ дѣтей кн. Ивана Дѣя могъ получить отъ отца въ удѣлъ ту приволжскую мѣстность Ярославскаго уѣзда, гдѣ было село Діево, нынѣ Діево-Городище.

5) Этому городу видимо придавалось значеніе, такъ какъ въ 1468 г. онъ былъ укрѣпленъ. В. кн. Марія отдала г. Романовъ сыну своему кн. Андрею, который продолжалъ платить татарщину г. Ярославлю.

Удѣль брата кн. Льва Зубатаго, кн. Василя Даниловича, былъ, конечно, на р. Ухрѣ¹⁾, почему и прозвище его было князь Ухорскій. Удѣла третьяго сына кн. Романа Васильевича не знаемъ но его родъ прекратился его сыномъ.

Удѣлы Моложскаго княжества тоже нѣсколько извѣстны, хотя мало извѣстна ихъ исторія. У кн. Михаила Давыдовича Моложскаго было три сына, дѣлежь вотчины которыми представляется не совсѣмъ яснымъ: старшій сынъ — кн. Феодоръ получилъ въ удѣль не только Мологу, но еще и Сить, на р. Сити, и Прозорово²⁾. Удѣль старшаго сына этого кн. Феодора Михайловича — Кн. Василя въ родословныхъ не показанъ; вѣроятно это была Молога; второй сынъ кн. Феодора Михайловича былъ кн. Сицкимъ, каковое прозвище стало родовымъ для его потомковъ. Удѣль третьяго сына тоже не названъ, но сынъ его былъ кн. Моложскимъ, какъ и его родъ. Такъ какъ поколѣніе перваго сына, кн. Феодора Михайловича, прекратилось его сыномъ, то очевидно, г. Молога пошла въ родъ третьяго сына, ибо второй — кн. Сицкій уже имѣлъ свой удѣль. Четвертый сынъ кн. Феодора Михайловича Моложскаго былъ княземъ Прохоровскимъ, какъ и его потомки, при чемъ младшая линія ихъ была князьями Судскими (по р. Судъ), которыхъ вотчина путемъ браковъ перешла къ князьямъ Ряполовскому и Палецкому³⁾.

Второй сынъ кн. Михаила Давыдовича Моложскаго получилъ въ удѣль мѣстность по р. Шуморѣ⁴⁾, почему его потомки стали называться князьями Шуморовскими⁵⁾. Какую волость получилъ, наконецъ, третій сынъ кн. Михаила Давыдовича, кн. Левъ, не знаемъ, но у него таковая была, такъ какъ о сынѣ его, кн. Андреѣ, сказано въ родословныхъ, что онъ отѣхалъ въ Тверь, почему и вотчины отсталъ.

Вотъ нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о Ярославскихъ удѣлахъ; въ концѣ концовъ разныя линіи ярославскихъ князей, если не вымираютъ, то переходятъ подъ руку великихъ князей московскихъ и поступаютъ къ нимъ на службу; зато они получаютъ отъ князей московскихъ помѣстья, волости въ кормленіе, иногда довольно долго сохраняя за собою и свои родовыя вотчины, иногда, наоборотъ, скоро теряя ихъ, какъ и всякіе иные служилые князья, или естественнымъ путемъ: продажею, дачею въ приданое и т. п., или эти волости, можетъ быть болѣе значительныя, отбираютъ у нихъ великіе князья. Что еще во второй половинѣ XVI в. многіе изъ ярославскихъ князей владѣли своими вотчинами, видно изъ дополнительной статьи къ Царскому Судебнику, которою запрещается князьямъ ярославскимъ (какъ и нынѣ) продавать безъ вѣдома государя свои вотчины кому-либо, кромѣ родственниковъ, имѣющихъ право наследованія (мимо вотчинъ) и отказывать ихъ въ монастыри. Последняя прибавка, повидимому, имѣла достаточныя основанія, такъ какъ изъ описанія Ярославскаго Спасскаго монастыря видно, что въ одинъ этотъ монастырь поступили отъ князей ярославскихъ значительныя вклады недвижимымъ имуществомъ⁶⁾. Конечно, къ такимъ же владѣльцамъ изъ ярославскихъ

¹⁾ Левый притокъ Шексны, въ Ярославской губрени.

²⁾ Нынѣ село въ Моложскомъ уѣздѣ.

³⁾ Хотя волостью Судю на Бѣлѣозерѣ владѣлъ уже вел. княз. Дмитрій Донской, назначивъ ее въ своей духовной своей женѣ.

⁴⁾ Впадаетъ въ Волгу нѣсколько выше р. Мологи; здѣсь и нынѣ есть село Шуморово.

⁵⁾ Другая линія — князья Ушатые, въ половинѣ XVI в. имѣли вотчину на р. Волгѣ въ Углицкомъ уѣздѣ; но они могли приобрѣсть ее позднѣе.

⁶⁾ А именно отъ князей Алабышевыхъ, Хворостинныхъ, Смѣзовыхъ, Кубинскихъ, Шехонскихъ, Моложскихъ,

князей относятся распоряженія въ духовныхъ великихъ князей, чтобы ярославскіе князья, бояре и дѣти боярскія (каковыми уже были въ XVI в. ярославскіе князья) не отъѣзжали отъ великаго князя Московскаго — подъ угрозой потери ими своихъ имѣній. Но, разъ они служатъ великому князю, — и онъ въ ихъ земли не вступается.

И Моложскіе князья долго сохраняли за собою родовыя вотчины; по крайней мѣрѣ еще въ 1564 г. многіе князья Сицкіе и Прохоровскіе имѣли вотчины по р. Мологѣ; о процессѣ между князьями Сицкими и Прохоровскими упоминаетъ и Грозный въ письмѣ къ князю Курбскому.

Обратимся теперь къ служебной дѣятельности ярославскихъ князей въ Московскомъ государствѣ. Число ярославскихъ князей, служившихъ въ Москвѣ, весьма велико: можно назвать по крайней мѣрѣ сорокъ прозвищъ, подъ которыми эти князья были здѣсь извѣстны, не говоря о лицахъ, называвшихся просто князьями ярославскими, безъ иного прозвища: князья Алабышевы, Аленкины, Троекуровы, Смѣевы, Шастуновы, Великіе съ Велико-Гагиными — изъ потомства кн. Ивана Васильевича; кн. Пеньковы — отъ кн. Θεодора Васильевича; кн. Юхотскіе отъ Новлянскихъ — отъ кн. Василя Васильевича, и кн. Кубенскіе отъ Заозерскихъ — отъ кн. Дмитрія Васильевича; это отъ четырехъ сыновей кн. Василя Васильевича Ярославскаго. Князья Щетинины, Темносиніе съ Давыдовскими и Сандыревскими, Засѣкины съ Солнцевыми-Засѣкиными и Жировыми-Засѣкиными и Шаховскіе — отъ кн. Глѣба Васильевича. Князья Морткины съ Бѣльскими, Шехонскіе, Дѣевы, Зубатые съ Высомкиными и Луговыми (обѣ вѣтви позднѣе стали называться кн. Львовыми) и Ухорскіе съ Охлябининными и Хворостининными — отъ кн. Романа Васильевича. Это все роды Ярославскіе отъ кн. Василя Давыдовича; отъ брата же его кн. Михаила Моложскаго пошли служивые роды кн. Сицкихъ, Моложскихъ, Прохоровскихъ съ Судскими, Шуморовскихъ съ Шаминными и Голыгинными, Ушатыхъ съ Ушатыми-Чулками и Дуловыхъ.

Конечно, величина родовъ здѣсь различна: иные были очень маленькіе, напр. Алабышевы или Аленкины — они лишь промелькнули въ московской служебной сферѣ; другіе, напр. Засѣкины, Шаховскіе, Львовы, дали много служилыхъ лицъ Московскому государству.

Не менѣе различна была и историческая судьба названныхъ фамилій: однѣ стояли высоко на московской служилой лѣстницѣ, другія принадлежали къ наиболѣе захудалымъ, забытымъ фамиліямъ; при чемъ бывало и такъ, что фамилія, сперва довольно знатная, потомъ затушевывается; тогда какъ другая — захудалая — подымается въ чести службою какихъ-либо своихъ членовъ, даже одного, и изъ нея являются бояре и околичіе, т. - е. высшіе московскіе чины. Это, впрочемъ, участь всѣхъ служивыхъ родовъ Московскаго государства и подобные переливы давно уже подмѣчены историками, напр. пр. Ключевскимъ съ сочиненіи *О боярской думѣ*; при чемъ не особенно трудно бываетъ указать и причины такихъ поворотовъ колеса фортуны. Далѣе мы нѣсколько остановимся на этомъ пунктѣ въ примѣненіи спеціально къ князьямъ Ярославскимъ.

Замѣтимъ еще, что вообще о кн. ярославскихъ писано и напечатано было не-

Курбскихъ, Аленкиныхъ и Пеньковыхъ. О земляхъ, данныхъ Пеньковыми Спасокаменному монастырю, см. Доп. къ А. И. I, № 21.

много. Въ опытѣ библиографическаго указателя печатныхъ матеріаловъ по генеологіи русскаго дворянства *Θ. А. Б. (ычкова)*, Спб. 1885 г., указано не болѣе 8 нумеровъ, считая и маловажныя журнальныя замѣтки. Хотя въ этомъ Опытѣ есть и пропуски, но число таковыхъ для cadaго отдѣльнаго рода не можетъ быть велико. Въ послѣднее время явилось еще много трудовъ съ упоминаніемъ о ярославскихъ князьяхъ, но все то, что мнѣ извѣстно, маловажно. Подробнѣе всего сообщены въ печати родословныя кн. Солнцевыхъ и Шаховскихъ въ IX т. Древней Вивліюэки, при чемъ приведены и свѣдѣнія, касающіяся лицъ, входящихъ въ составъ этихъ фамилій, но преимущественно XVII в. Вѣроятно, свѣдѣнія XVII в. преобладаютъ и въ знаменитомъ трудѣ о дворянахъ російскихъ Спиридова, имѣвшаго главнымъ источникомъ такъ назыв. боярскія книги. Впрочемъ, сочиненіемъ Спиридова мы не пользовались, какъ рукописнымъ и хранящимся въ С.-Петербургской Публичной Библиотекѣ; нѣкоторыя свѣдѣнія изъ него взяты нами изъ вторыхъ рукъ, напр. изъ Родословной книги, изд. кн. П. Долгорукаго.

Сохранившіяся родословныя князей ярославскихъ несовсѣмъ сходны между собою, что вполнѣ обычно и понятно; напротивъ, можно даже удивляться, что онѣ и настолько сходны; и это сходство въ значительной степени можетъ служить гарантіей сравнительной правильности родословныхъ, особенно раннихъ, до XVII в.; хотя и здѣсь есть пропуски (напр. въ родословіи княз. Сицкихъ). Замѣтнѣе несходство въ родословныхъ князей ярославскихъ XVII в.; такъ напримѣръ, въ родословіи кн. Шаховскихъ, помѣщенномъ въ Древней Вивліюэкѣ, есть много лицъ, не занесенныхъ въ родословныя книги, но какъ мы скажемъ далѣе, кн. Шаховскіе и подобные имъ, въ этомъ отношеніи, роды князей ярославскихъ до того захудали въ XVII в., что не были даже внесены въ Государевъ родословець.

Служебная роль ярославскихъ князей въ Московскомъ государствѣ была сравнительно не изъ выдающихся. Въ то время, когда потомки князей черниговскихъ, князья Оболенскіе, вписали свое имя чуть не на каждую страницу московской исторіи, князья Ярославскіе вообще служили довольно скромно; въ XVI в. ихъ оттѣснили потомки разныхъ западно-русскихъ выходцевъ и нѣкоторыя вѣтви ближайшаго по родству къ московскимъ князьямъ суздальскаго княжескаго рода, позанимавшія первыя мѣста. Намъ кажется, что на сравнительно невысокое служебное положеніе князей ярославскихъ вліяли двѣ совмѣстно дѣйствовавшія причины: слишкомъ раннее поступленіе этихъ князей на московскую службу и многочисленность ихъ. Тогда какъ роды князей Бѣльскихъ, Мстиславскихъ, Глинскихъ, Шуйскихъ и пр., поступившихъ на службу лишь въ XVI в., были очень не велики и лица, къ нимъ принадлежащія, не могли ни обѣднѣть, ни затеряться среди служилаго класса, а въ XVII в. въ большинствѣ случаевъ прекратились и тѣмъ избѣгли указаннаго выше перелива, т.-е. превращенія въ менѣе честныя роды; князья ярославскіе, служившіе съ XV в., измелчали и затерялись уже въ концѣ XVI в., тѣмъ болѣе, что самыя высокія на службѣ въ Москвѣ ихъ линіи въ XVI в. прекратились. Зато въ XVII в. для князей ярославскихъ наступило возрожденіе: нѣкоторые изъ многочисленныхъ линій этого рода выдвинулись своею службою и тѣмъ подняли честь ярославскихъ князей, которая къ концу XVII в. бывала

и весьма высокою, почему въ XVIII и XIX вв. встрѣчаемъ изъ этого рода не мало вельможъ, напр. изъ семействъ кн. Прозоровскихъ, Шаховскихъ, Львовыхъ и др.

Самымъ важнымъ источникомъ для знакомства съ служебною честью различныхъ линій князей ярославскихъ, какъ и всякихъ иныхъ служившихъ въ Москвѣ родовъ, являются разряды и мѣстническія дѣла, т.-е. тѣ акты, въ которыхъ заключаются указанія на мѣстническія отношенія служившихъ родовъ и лицъ. Это настолько очевидно, что не нуждается въ дальнѣйшихъ соображеніяхъ; мѣстническое же положеніе рода (или лица) въ свою очередь какъ обуславливало въ значительной степени его служебное значеніе, такъ и обуславливалось имъ. Поэтому, говоря ниже о службѣ князей ярославскихъ, мы укажемъ и на ихъ мѣстническія стычки, хотя размѣръ нашего реферата не позволяетъ намъ сдѣлать этого подробно.

Для нашей цѣли безразлично, билъ ли челомъ о мѣстѣ князь ярославскій на иное лицо, или это лицо било челомъ на князя ярославскаго, такъ какъ извѣстно, что, если въ данномъ случаѣ кн. ярославскій оказался выше, то, не говоря уже возможности потери, или несправедливаго рѣшенія со стороны правительства, сынъ этого низшаго лица можетъ на вполнѣ законномъ основаніи стать выше сына высшаго, чѣмъ онъ, кн. ярославскаго; словомъ, по отдѣльнымъ мѣстническимъ случаямъ нельзя судить о сравнительной служебной чести двухъ столкнувшихся родовъ, если нѣтъ какихъ-либо спеціальныхъ при этомъ указаній.

Мѣстническихъ столкновеній князей ярославскихъ съ иными служивыми семействами имѣемъ достаточно; нѣкоторыя вѣтви ихъ, напр. кн. Прохоровскіе, или Шаховскіе мѣстничались особенно часто, и мы укажемъ далѣе причины тому; другія совсѣмъ не встрѣчаются въ мѣстническихъ столкновеніяхъ: таковы кн. Аленкины, Смѣевы, Великіе (но не Велико-Гагины), Новлянскіе и Юхотскіе, Заозерскіе, Темносиніе съ Довыдовскими и Сондыревскими, Шехонскіе, Дѣевы, Зубатые съ Вѣкомниными и Луговскими (до превращенія въ Львовыхъ), Ухорскіе, Моложскіе, Судскіе, Шуморовскіе съ Шаминными и Голыгинными, Ушатые (но не Ушатые Чулки) и Дуловы. Изъ этого списка видно, что, за однимъ исключеніемъ, все это роды небольшіе, дѣйствовавшіе преимущественно въ началѣ XVI в. и затѣмъ или скоро прекратившіеся, или совершенно захудавшіе въ XVI в. и не поднявшіеся въ XVII в., такъ что они почти и не бывали на разрядныхъ службахъ, а только здѣсь возникавшее мѣстничество и могло сохраниться въ официальныхъ источникахъ. Иныя линіи указанныхъ выше родовъ (Великихъ, Ухорскихъ, Уморыхъ и др.) въ своемъ продолженіи измѣнили фамилію и съ новою фамиліей уже въ мѣстничествахъ встрѣчаются, особенно если онѣ дотянули до XVII в. Затѣмъ возможно, что извѣстія о мѣстничествахъ иныхъ семействъ затерялись и еще могутъ отыскаться при лучшемъ знакомствѣ съ разрядами первой половины XVI в., какъ отыскалась по одному мѣстническому случаю кн. Алабышевыхъ, Пеньковыхъ или Кубенскихъ¹⁾.

¹⁾ Когда мы читали свой рефератъ на Ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ, въ печати не было извѣстно ни одного мѣстничества кн. Кубенскихъ, поэтому мы помѣстили тогда эту фамилію въ списокъ не мѣстничавшихся вѣтвей ярославскихъ князей; но мы тогда же оговорились, что при крупной разрядной службѣ кн. Кубенскихъ, это отсутствіе мѣстничества ихъ очень странно и эти черновыя могутъ еще отыскаться. И точно: въ изслѣдованіи П. П. Дячкова: Разрядные дѣла XVI в. Сиб. 1888 г., стр. 306 пр. 1, напечатанъ случай мѣстничества одного изъ кн. Кубенскихъ (см. далѣе).

Въ разрядахъ попадаются имена кн. Дѣвыхъ, Шаминыхъ, Дуловыхъ и др., и странно было бы, если бы эти фамиліи не мѣстничались вовсе.

Исключеніе, о которомъ мы упомянули, представляютъ кн. Шехонскіе, которыхъ было достаточно, и въ разрядахъ они бывали часто, а мѣстничество ихъ не знаемъ. Мы подозрѣваемъ, что разряды иногда смѣшиваютъ ихъ съ кн. Шаховскими, которые часто пишутся и Шеховскими (все равно какъ Шастуновы и Шестуновы); можетъ быть мѣстничества кн. Шехонскихъ есть подъ видомъ мѣстничества кн. Шаховскихъ, но, при заухдалости обоихъ этихъ родовъ и плохихъ ихъ родословныхъ, разобраться въ этомъ вопросѣ очень не легко.

Первые ярославскіе князья являются на службѣ въ Москвѣ съ половины XV в. и относятся къ самой старшей ихъ линіи — къ роду Ивана Васильевича Ярославскаго. Кн. П. Долгорукій сообщаетъ, что два сына этого князя — кн. Александръ и Яковъ-Воинъ — служили воеводами у вел. кн. Василя Темнаго и убиты подъ Казанью на Арскомъ полѣ въ 1455 г.¹⁾ Племянникъ ихъ, сынъ старшаго брата, кн. Даниль Васильевичъ Ярославскій въ 1469 г., не умѣвъ склонить вятчанъ итти противъ Казани, пошелъ съ войсками московскими, которыя хотя и разбили казанцевъ на р. Волгѣ, но за эту побѣду заплатили жизнью главныхъ воеводъ, въ томъ числѣ и кн. Д. В. Ярославскаго. Еще раньше, въ 1445 г., въ битвѣ подъ Суздалемъ, очевидно сражаясь съ татарами за вел. кн. Василя Темнаго, былъ убитъ кн. Б. С. Сицкій; но мы не знаемъ, былъ ли онъ у вел. кн. на службѣ или помогалъ ему въ качествѣ союзника, подобно князьямъ Можайскому, Верейскому и др. Есть еще болѣе раннее указаніе 1440 г. на какія-то служебныя отношенія къ вел. князю кн. И. Ѡ. Засѣки, но оно тоже можетъ быть истолковано инымъ образомъ. Сынъ указаннаго выше кн. Д. В. Ярославскаго, кн. Дав. Д. Хромой, былъ уже бояриномъ у кн. Юрія Ивановича, а братъ кн., Василій Васильевичъ Шестунъ, — бояриномъ московскимъ. Еще раньше сталъ въ Москвѣ бояриномъ и новгородскимъ намѣстникомъ четвертый сынъ кн. Романа Ивановича, перваго сына кн. Ивана Васильевича, кн. С. Р. Ярославскій, не разъ съ успѣхомъ ходившій съ войсками вел. кн. Ивана Васильевича на Казань и въ Литву.

У кн. Романа Ивановича, кромѣ этого сына, было еще два, имѣвшихъ потомство; отъ старшаго пошло двѣ фамиліи: кн. Алабышевы и Аленкины, служившіе въ Москвѣ съ конца XV в. Кн. Ѡеодоръ Алабышъ въ концѣ XV в. писалъ въ сохи Тверскую землю; кн. Александръ Аленка нѣсколько позже служилъ въ военныхъ разрядахъ. Затѣмъ, хотъ обѣ эти фамиліи были и не въ высокихъ чинахъ, но въ разрядахъ XVI в. стояли не низко. Одинъ изъ князей Алабышевыхъ, въ 1542 г., мѣстничался съ кн. П. И. Рѣпнинымъ, при честныхъ кн. Оболенскихъ²⁾. Но родъ кн. Алабышевыхъ былъ маленькій и скоро пресѣлся. Князя же Ан. Ѡ. Аленкина (бывшаго по нѣкоторымъ извѣстіямъ бояриномъ) царь приказалъ въ 1570 г. казнить, но онъ въ это время былъ убитъ на

¹⁾ Годъ не точенъ.

²⁾ Мы не приводимъ цитаты на мѣстническіе случаи, такъ какъ весь относящійся сюда матеріалъ легко отыскать по сочиненію нашему: Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ. Од. 1888 г. (или Зап. Императ. Новор. универс. т. XLVII), Приложение III. Алфавитный списокъ всѣхъ извѣстныхъ мѣстническихъ случаевъ; нѣкоторые же случаи, при печатаніи этого труда мнѣ еще неизвѣстны, отмѣчены въ моей статьѣ: Мѣстническіе случаи въ изслѣдованіи Н. П. Лихачева: Разрядныя дѣянія XVI в., напечат. въ Зап. Импер. Новор. Университ., т. L.

войнѣ. Дѣти его были заточены, вѣроятно поэтому, родъ кн. Аленкиныхъ потомъ совершенно затерялся.

Случай съ кн. Ан. Ѡ. Аленкинымъ заставляеть насъ сдѣлать небольшое отступление. И далѣе мы встрѣтимъ случаи, что ярославскіе князья разныхъ линій пострадали при царѣ Иванѣ Грозномъ, какъ и лица всякихъ иныхъ княжескихъ и боярскихъ родовъ. Отсюда мнѣніе, заявленное, между прочимъ, моимъ уважаемымъ оппонентомъ на Ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ, Ѡ. АѠ. Бычковымъ, что эпоха Грознаго имѣеть какое-то спеціальное значеніе въ жизни ярославскихъ княжескихъ (т.-е. очевидно вообще боярскихъ) родовъ, что именно это было время ихъ паденія, а гоненія Грознаго — его причиною. Понятно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло со старымъ вопросомъ объ отношеніяхъ Грознаго къ боярству, а въ мнѣніи Ѡ. АѠ. Бычкова — со взглядомъ на этого царя, какъ на противника русской аристократіи. Въ своихъ сочиненіяхъ я не разъ говорилъ о такомъ взглядѣ и понинѣ остаюсь при мнѣніи, развивать и доказывать которое здѣсь не мѣсто, что Грозный никогда не былъ принципиальнымъ противникомъ аристократіи, что, казня однихъ вельможъ, онъ возвышалъ другихъ, и большею частью изъ самыхъ знатныхъ фамилій. Впрочемъ, то же мы увидимъ и въ исторіи ярославскихъ князей: одни служили у него въ опричинѣ, другіе при немъ подняли честь своего рода и т. д. Иное дѣло, что при Грозномъ пострадали отъ опалы отдѣльныя вѣтви рода князей ярославскихъ, какъ и иныхъ княжескихъ и боярскихъ родовъ, что отозвалось и на ихъ служебной чести, но противъ этого никто и не скажетъ. Это уже вопросъ частный.

Послѣ этого, казавшагося мнѣ необходимымъ, отступления, возвращаюсь къ прерванной исторіи службъ ярославскихъ князей.

Важнѣе, чѣмъ кн. Алабышевы и Аленкины, стали потомки второго сына кн. Романа Ивановича Ярославскаго — кн. Троекуровы; но они возвысились нѣсколько позже и потому о нихъ рѣчь далѣе. Третій сынъ кн. Романа Ивановича былъ бездѣтенъ. У четвертаго же — извѣстнаго намъ боярина кн. Семена Романовича — было три сына, не поддержавшіе значеніе отца; отъ старшаго пошелъ небольшой и ничѣмъ не выдающійся родъ кн. Смѣевыхъ, скоро пресѣкшійся, какъ и вся линія кн. Семена Романовича. Въ общемъ же родъ кн. Романа Ивановича въ первой половинѣ XVI в. по службѣ стоялъ не особенно высоко и не пріобрѣлъ особеннаго значенія, какъ и вся линія Ивана Васильевича Ярославскаго.

Первое мѣсто среди ярославскихъ князей на московской службѣ, да и вообще одно изъ первыхъ мѣстъ въ московскомъ боярствѣ въ XV—XVI в. занимали кн. Пеньковы. Родословныя и объясняютъ причину этого: „А потому князь Даниловъ родъ Пеньковъ въ своемъ роду и больше, что отъ князя Θεодора Ростиславовича и до отца его кн. Александра были на большомъ княженіи“. Сообразно съ этимъ по разрядамъ Ливонской войны начала XVI в. кн. Пеньковы постоянно выше своихъ однородцевъ, напр. кн. Курбскихъ, Сицкихъ и пр. Бояринъ кн. Д. А. Пеньковъ по разрядамъ выше такихъ заслуженныхъ воеводъ и тоже княжескаго корня, какъ напр. кн. Д. В. Щеля (изъ Гедеминовичей), кн. В. Д. Холмскій (изъ тверскихъ удѣльныхъ), кн. В. В. Шуйскій (изъ суздальскихъ) — люди весьма высокой чести; кн. Д. В. Щеля постоянно былъ въ разрядахъ выше иныхъ,

и довольно важныхъ ярославскихъ князей, хотя бы, напимѣръ, названнаго раньше князя Семена Романовича. Значить къ кн. Пеньковымъ было примѣнено то представленіе о чести фамиліи, которое поставило въ первые служивые ряды московскаго государства разныхъ магометанскихъ царьковъ и царевичей. Оба сына кн. Д. А. Пенькова были тоже бояре и по разрядамъ высокіе. Впрочемъ, кн. Пеньковы имѣли и еще основаніе стать высокими при московскомъ дворѣ: одинъ изъ нихъ кн. Иванъ Даниловичъ былъ женатъ на кн. Глинской, родной сестрѣ вел. кн. Елены Васильевны. Племянникъ этого Пенькова, кн. Иванъ Васильевичъ, кажется, тоже былъ въ боярахъ. Знаемъ и мѣстничество его съ однимъ изъ князей Горбатовъ-Суздальскихъ, т. е. все-таки съ чело-вѣкомъ великой породы. Но линія кн. Пеньковыхъ и прекратилась въ третьемъ по-колѣніи, чѣмъ сошло со сцены потомство князя Θεодора Васильевича Ярославскаго.

При в. кн. Василіѣ Ивановичѣ стали подниматься вверхъ по Московской чиновной лѣстницѣ еще инныя вѣтви князей ярославскихъ остальныхъ линій. Изъ старшей ли-ни (кн. Ивана Васильевича) поднялись кн. Курбскіе и Кубенскіе, на что повліяли тоже ихъ брачныя связи съ московскимъ княжескимъ домомъ: кн. И. Большой, С. Ку-бенскій и кн. Ан. Дм. Курбскій женаты были на дочеряхъ кн. Андрея Васильевича Углицкаго. Этотъ кн. Курбскій фигурируетъ въ разрядахъ времени в. кн. Ивана Ва-сильевича, но, кажется, умеръ молодымъ и былъ бездѣтенъ; возвысились уже его двоюродные братья и племянники ихъ потомковъ кн. Θ. С. Курбскаго Чернаго, извѣст-наго по походу 1483 г. за Камень. Они бывали и въ боярствѣ и мѣстничались съ кн. Оболенскими (въ томъ числѣ и съ кн. Рѣпнинымъ) и съ Бутурлиными, т.-е. довольно высокими родами. Изъ этихъ кн. Курбскихъ кн. М. Θ. Карамышъ принималъ участіе въ войнахъ в. князей Ивана Васильевича и Василія Ивановича съ Казанью и за Ливонію; при в. кн. Василіи же участвовали въ войнахъ съ Казанью и Литвою и братья его князя Семень и Романъ. Первый, сверхъ того, будучи молодымъ, участвовалъ въ другомъ походѣ за Камень, о которомъ самъ рассказывалъ Гербер-штейну; потомъ онъ былъ намѣстникомъ въ Псковѣ, гдѣ имъ были очень до-вольны, а въ концѣ жизни былъ удаленъ отъ двора, какъ сторонникъ в. кн. Соломонія Юрьевны. Слѣдующее поколѣніе кн. Курбскихъ состояло тоже изъ трехъ брать-евъ, дѣтей кн. М. Θ. Карамыша, которые служили по военнымъ разрядамъ въ по-ловинѣ XVI в.; однако впоследствии не считало кн. Курбскихъ знатнымъ родомъ, унижая ихъ передъ кн. Кубенскими. Судьба кн. Курбскихъ во второй половинѣ XVI в. извѣстна; тогда фамилію эту прославилъ кн. Ан. М. Курбскій. Изъ сравнительно хорошо извѣстной біографіи его можно видѣть, что онъ высокіе чины заслужилъ своею личною дѣятельностью, а не родословными связями, и что служебная честь его дѣйствительно была не особенно высока. Онъ занималъ 10-е или даже 20-е мѣсто, т.-е., переводя на простой языкъ, былъ въ Москвѣ лицомъ такой родовой чести, точное измѣреніе которой счетомъ мѣста уже не представляло общаго придворнаго интереса. Онъ былъ чело-вѣкъ „честный“, но впереди его находилась масса болѣе великихъ родовъ, мѣстни-чаться съ которыми ему не приходилось; съ нимъ мѣстничался Плещеевъ, т.-е. че-ловѣкъ въ половинѣ XVI в. средней чести. Не останавливаемся однако на дѣятель-ности кн. Ан. М. Курбскаго и въ томъ числѣ на служебной, такъ какъ она общеизвѣстна.

Крупное личное значеніе кн. Ан. М. Курбскаго могло снова поднять служебную честь его рода, но бѣгство этого боярина окончательно ее уронило. Состоялся приговоръ, по которому родичи, хотя бы и дальніе, лица, отъѣхавшаго въ иное государство, не только понижались этимъ въ своей чести, что несомнѣнно существовало и раньше, такъ какъ подтверждается мѣстническими спорами относительно чести потомковъ лицъ, отъѣхавшихъ въ удѣлъ, но понижались именно на 12 мѣсть, а это въ сущности обозначаетъ полное выбрасываніе рода изъ честной служебной сферы. Что приговоръ этотъ впоследствии не строго выполнялся, на это мы имѣемъ много доказательствъ; но на первое время и особенно въ примѣненіи къ кн. Курбскимъ (дѣтямъ кн. А. М. Курбскаго, такъ какъ братъ его, тоже отличившійся при взятіи Казани, былъ бездѣтенъ), приговоръ долженъ былъ соблюдаться. И родъ кн. Курбскихъ болѣе не является уже на разрядной службѣ, теряется и исчезаетъ. Пріѣздъ кн. Курбскихъ заграничныхъ въ Москву въ концѣ XVII в. не вернулъ этой фамиліи ея прежняго значенія.

Судьба кн. Кубенскихъ была нѣсколько сходная: кн. И. Большой С. Кубенскій былъ окольнымъ; онъ потянулъ за собою свое прямое потомство, и оба сына его стали во второй четверти XVI в. уже боярами, а младшій — при этомъ и дворецкимъ. Службы ихъ были обычныя, военныя; впрочемъ, кн. И. С. Кубенскій ходилъ въ 1501 г. посольствомъ въ Крымъ и по дорогѣ, ограбленный азовскими казаками (извѣстно, что у него и пограбили), побросалъ въ воду посольскія бумаги и правилъ посольство на память. Бояре кн. Кубенскіе принимали дѣятельное участіе въ боярскихъ смутахъ въ малолѣтство царя Ивана IV; въ это время Б. и двор. кн. И. И. Кубенскій мѣстничался съ кн. В. В. Ушатымъ Чулкомъ (отъ кн. Ярославскихъ же, но не очень высокой чести). Тогда же этотъ кн. Кубенскій былъ въ опалѣ, а затѣмъ въ 1546 г. и казненъ. Это могло бы вліять на пониженіе въ чести кн. Кубенскихъ, но число членовъ этой фамиліи было не велико и она вскорѣ пресѣклась.

Менѣе честнымъ, но все же знатнымъ родомъ изъ кн. Ярославскихъ при в. кн. Василіѣ Ивановичѣ и нѣсколько далѣе были кн. Ушатые изъ кн. Моложскихъ: двое кн. Ушатыхъ были окольными (одинъ очень рано — въ 7014 г.); позднѣе, при ц. Иванѣ IV, кн. В. В. Ушатый Чулокъ дослужился до боярства и даже былъ, хотя очень не долго, конюшимъ, т.-е. лицомъ очень близкимъ къ царю. Извѣстно его мѣстничества съ кн. И. И. Кубенскимъ и кн. П. И. Рѣпнинымъ, лицами довольно высокой чести. Но вообще службы кн. Ушатыхъ и вѣтви ихъ кн. Ушатыхъ Чулковъ были обычныя, разрядныя; извѣстнѣе другихъ по дѣятельности кн. П. Θ. Ушатый — главный воевода во второмъ походѣ за Камень, въ 1499 г. Тремя годами раньше онъ и братъ его кн. Иванъ во время шведской войны опустошили финскую землю и покорили Москвѣ берега р. Лименги. Но во время казней при Грозномъ погибло и нѣсколько кн. Ушатыхъ, послѣ чего родъ этотъ совершенно затерялся¹⁾.

Нѣсколько позже, чѣмъ кн. Курбскіе, Кубенскіе и Ушатые, стали подыматься кн. Троекуровы и Шестуновы. Первые принадлежатъ къ потомству кн. Романа Ива-

¹⁾ О службахъ кн. Ушатыхъ, равно и кн. Слуцкихъ и Прозоровскихъ изъ Моложскихъ же, есть статья г. Троицкаго въ Ярославск. губернс. вѣдомостяхъ 1863 г. часть неофициальная, стр. 236; но свѣдѣній сообщено сравнительно не много.

новича Ярославскаго, какъ Алабашевы и Аленкины, почему родословныя иногда называютъ этихъ князей Романовичами; но кн. Троекуровы пошли отъ второго сына Льва и были сперва неважнымъ служилымъ родомъ: изъ старшихъ родичей ихъ, одинъ (кн. Василій Львовичъ) совсѣмъ не служилъ, другой (кн. Семень Петровичъ) былъ во время в. кн. Ивана Васильевича на помѣстьи въ Новгородѣ, а сынъ его (кн. Иванъ) былъ казненъ, какъ сторонникъ кн. Андрея Ивановича въ борьбѣ его съ в. кн. Еленою. Изъ младшей линіи, т.-е. именно изъ кн. Троекуровыхъ, выдвинулся, во второй половинѣ XVI в., бояринъ кн. И. М. Троекуровъ, службы котораго были обычныя, а мѣстничества — съ Карповымъ и кн. Телятевскимъ, людьми довольно высокой чести. За этимъ кн. Троекуровымъ въ разрядахъ уже часто появляются члены этой фамиліи; а съ конца XVI в. четверо кн. Троекуровыхъ по прямой линіи были боярами и притомъ весьма вліятельными, особенно послѣдній изъ нихъ кн. И. Б. Троекуровъ, любимецъ ц. Алексѣя Михайловича и начальникъ стрѣлецкаго приказа. Но это не были потомки кн. И. М. Троекурова, родъ котораго захудалъ, вѣроятно, потому, что сынъ кн. Θεодора, не безызвѣстный воевода (иногда въ источникахъ онъ тоже называется бояриномъ), былъ казненъ Грознымъ; по крайней мѣрѣ его имя упоминается въ одномъ изъ синодиковъ царя. Знатные кн. Троекуровы пошли отъ самаго меньшого брата кн. И. М. Троекурова, кн. Михаила, сынъ котораго, кн. Θεодоръ, поднялъ значеніе рода своею службою, преимущественно дипломатическою¹⁾. Дальнѣйшее возвышеніе кн. Троекуровыхъ объясняется ихъ брачными связями. Сынъ кн. Θε. М. Троекурова, кн. Иванъ, былъ женатъ на Аннѣ Никитичнѣ Романовой, родной теткѣ ц. Михаила Θεодоровича, а внукъ этого кн. Троекурова, кн. И. Б. Троекуровъ — первымъ бракомъ на Василисѣ Богдан. Хитрой, изъ очень вліятельной во второй половинѣ XVII в. при дворѣ фамиліи, а вторымъ — на Аннѣ Θεод. Лопухиной, родной сестрѣ царицы Евдокіи, жены ц. Петра. Однако, относительно мѣстничества этой линіи кн. Троекуровыхъ можно замѣтить, что въ концѣ XVI и началѣ XVII в. они мѣстничались хоть и съ честными, но не слишкомъ высокими лицами, какъ то: съ Годуновыми (до ихъ особеннаго возвышенія), кн. Курлятевыми, Татевыми, даже съ кн. Мещерскими, да своими родичами кн. Охлябининными и Хворостининными; при чемъ можно замѣтить, что три первыя фамиліи вообще считались честнѣе кн. Троекуровыхъ. Въ XVII в. они мѣстничались съ Веняминовыми, Ласкиревыми, Пушкинными, кн. Елецкими и Мезецкими, т.-е. еще менѣе высокими, но покушались мѣстничаться и съ Бутурлиными и Шереметевыми. Мѣстничества кн. Троекуровыхъ отъ второй половины XVII в., т.-е. времени ихъ наибольшаго значенія, неизвѣстны, а затѣмъ родъ кн. Троекуровыхъ и прекратился.

Кн. Шестуновы — потомство боярина кн. В. В. Шестуна, намъ уже встрѣчавшагося. Старшій сынъ его, кн. П. В. Великій, былъ дворецкимъ въ концѣ XV в. и окольничимъ при в. кн. Василіѣ Ивановичѣ. При немъ онъ былъ сперва намѣстникомъ въ Псковѣ, потомъ тамъ же производилъ слѣдствіе по поводу жалобъ псковичей на намѣстниковъ, результатомъ чего было, какъ извѣстно, окончательная потеря пскови-

¹⁾ Между прочимъ, онъ былъ два раза посломъ ц. Θεодора Ивановича къ королю Стефану Баторію для переговоровъ о мирѣ, а затѣмъ, во время безкоролья, ѣздилъ въ Варшаву на сеймъ устраивать выборъ ц. Θεодора въ польскіе короли; писался онъ намѣстникомъ коломенскимъ.

чами своей самостоятельности, и, наконец, снова былъ (вмѣстѣ съ кн. С. Курбскимъ) намѣстникомъ въ Псковѣ, и псковичи были имъ довольны. Затѣмъ кн. Шестуновы часто являются въ разрядахъ XVI в.; изъ нихъ кн. С. В. Кривой Шестуновъ былъ окольничимъ, кн. Д. С. и Ѳ. Дм. Шестуловы въ концѣ XVI в. — боярами, при чемъ первый, болѣе извѣстный какъ строитель городовъ на устьѣ р. Наровы и Шацка, мѣстничался съ лицами высокой чести: кн. Воротынскимъ, кн. Нѣмымъ Оболенскимъ, Морозовымъ, на которыхъ онъ билъ челомъ, и меньшей чести: кн. Прозоровскимъ и Кашинымъ (можетъ быть съ Очинымъ-Плещеевымъ), бившими на него челомъ. Мѣстничества слѣдующаго поколѣнія кн. Шестуновыхъ бывали еще менѣе важны: съ Борисовымъ, Квашнинымъ, Колычовымъ, кн. Охлябашнинымъ, Туренинымъ, Хворостининымъ; впрочемъ, задѣвая и кн. Ноготковыхъ (изъ кн. Оболенскихъ), Морозовыхъ и даже, кажется (судя по неясному выраженію Карамзина), кн. Куракиныхъ. Бояринъ кн. Ѳ. Дм. Шестуновъ былъ женатъ на Ѳ. Д. Романовой, племянницѣ царицы Анастасіи, и при ц. Ѳеодорѣ служилъ въ видныхъ разрядныхъ службахъ, напр. велъ въ первыхъ переговоры со шведами на р. Плюсь, имѣя званіе намѣстника Бѣлозерскаго; но при ц. Борисѣ это родство послужило кн. Шестуновымъ лишь во вредъ, и они пострадали вмѣстѣ съ Романовыми. Кн. Ѳ. Дм. и Вл. Шестуновы были сосланы и заточены, а затѣмъ родъ этотъ скоро и пресѣлся. Старшею вѣтвью кн. Шестуновыхъ были кн. Великіе, пошедшіе отъ извѣстнаго намъ кн. П. В. Великаго. Изъ кн. Великихъ и отрасли ихъ, кн. Гагиныхъ тоже были въ XVI в. чиновныя лица, напр., окольнич. кн. И. В. Гагинъ, устроившій въ 1594 г. засѣки на югѣ Россіи; но вообще родъ этотъ захудалъ можетъ быть потому, что одинъ изъ кн. Великихъ убѣжалъ въ Литву. Мѣстничались кн. Великіе-Гагины съ честными, но не первостепенными родами: Колычовыми, Сабуровыми (захудавшими въ концѣ XVI в.), кн. Лобановыми, Сицкими; въ XVII в. даже съ кн. Шаховскими, Вельяминовыми. Хотя въ половинѣ XVII в. одинъ изъ кн. Гагиныхъ, извѣстный кн. Д. Ст. Великій-Гагинъ, достигъ окольничества, но мѣстничество ихъ съ кн. Пронскими (захудалой отъ опалы, но снова поднявшейся вѣтви этого рода) окончилось для нихъ весьма неудачно.

Одновременно съ кн. Троекуровыми и Шестуновыми поднялась и одна изъ линій кн. Моложскихъ, которые вообще стояли въ московскихъ разрядахъ не высоко. Это кн. Сицкіе, поднявшіеся тѣмъ, что за кн. В. Ал. Сицкимъ была родная сестра царицы Анастасіи. Кн. В. Ал. Сицкій, очень извѣстное по своимъ службамъ лицо временъ Грознаго, добрался до боярства и даже былъ членомъ ближней думы царя. Его имя постоянно встрѣчается въ разрядахъ войнъ съ татарами и за Ливонію; онъ же въ 1575 г. заключилъ перемиріе со шведами на р. Сестрѣ, а въ 1576 г. велъ переговоры съ австрійскими послами. Но его служебное возвышеніе было источникомъ значительныхъ мѣстническихъ столкновеній какъ его, такъ и его потомковъ. Съ нимъ лично мѣстничались добрые честию: Головины, Карповы, кн. Палецкіе, Сабуровы, Салтыковы, кн. Татевы и Шереметевы; при чемъ мѣстничество съ Б. Ѳ. Годуновымъ было для него весьма неудачно.

Бояриномъ былъ и кн. И. В. Сицкій, женатый на Е. Н. Романовой, сестрѣ будущаго патр. Филарета. И его имя часто встрѣчается въ разрядахъ; между прочимъ

онъ въ 1580 г. велъ переговоры съ королемъ Стефаномъ Баторіемъ и затѣмъ носилъ титулъ намѣстника Ржевскаго. Онъ мѣстничался съ Бутурлиными, Великаго Гагиными, Годуновыми, Колычовыми, Морозовыми, кн. Ноздреватыми, Салтыковыми и кн. Тюфякиными. Однако родство съ Романовыми позднѣ послужило кн. Сицкимъ, какъ и кн. Шестуновымъ, во вредъ, когда при ц. Борисѣ настало на Романовыхъ гоненіе. Это прежде всего, въ 1598 г., сказалося въ мѣстничествѣ: когда на кн. И. В. Сицкаго не билъ челомъ на совмѣстной службѣ кн. А. Ал. Рѣпнинъ, кн. Оболенскіе (собственно старшій изъ нихъ въ то время кн. Ноготковъ) били челомъ царю, чтобы на ихъ честь этотъ случай не распространялся, такъ какъ уступка кн. Рѣпнина сдѣлана вслѣдствіе его дружескихъ отношеній къ кн. И. В. Сицкому и Ѡ. Н. Романову, и челобитье это царь приказалъ записать, т.-е. призналъ его правильность. Затѣмъ въ 1601 г. кн. И. В. Сицкій былъ лишенъ боярства, сосланъ въ Кожеозерскій монастырь и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, тамъ удушенъ. Пострадала и жена его (удавлена въ пѣщину Сумскаго монастыря) и другіе кн. Сицкіе, разосланные по тюрьмамъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ въ концѣ царствованія ц. Бориса были выпущены и воеводствовали по городамъ, почему и дѣйствовали въ Смутное время. Выгода отъ родства съ Романовыми сказалась при ц. Михаилѣ, когда встрѣчаемъ трехъ кн. Сицкихъ въ боярствѣ, но, къ удивленію, не въ очень высокой чести; правда, съ ними мѣстничались кн. Рѣпнины, Салтыковы и Шереметевы, но мѣстничались и кн. Ромодановскіе, Пушкины, даже Нащокины и Погожіе. Затѣмъ кн. Сицкіе совершенно затушевались и прекратились.

Еще позднѣ, въ концѣ XVI в., выдвинулась одна изъ младшихъ линій кн. Ярославскихъ — кн. Хворостинины, давшая тогда двухъ бояръ и трехъ окольничихъ, имена которыхъ непрерывно встрѣчаются въ военныхъ разрядахъ, особенно Дм. И. Хворостинина, бывшаго, по показанію Флетчера, лучшимъ московскимъ воеводою въ его время и точно одержавшаго не мало побѣдъ, преимущественно надъ шведами (напр. въ 1590 г. онъ разбилъ знаменитаго Баннера подъ Нарвою). Одинъ изъ братьевъ его, кн. Ал. И. Хворостининъ, былъ въ числѣ видныхъ зачитниковъ Пскова отъ короля Стефана Баторія, потомъ воевалъ на р. Терекѣ и ставилъ тамъ города и дѣлалъ засѣки на югъ Россіи; третій братъ, кн. Ѡ. И. Хворостининъ, былъ въ опричнинѣ, служилъ дворецкимъ, и въ 1590 г. велъ переговоры со шведами на р. Плюсь, а въ 1593 г. съ крымцами подъ г. Ливнами. Кн. И. Ан. Хворостининъ былъ лицомъ очень близкимъ къ первому самозванцу.

Переживъ Смутное время, кн. Хворостинины въ XVII в. бывали и въ боярахъ, и въ окольничихъ, но уже не пользовались особымъ значеніемъ.

Что роду кн. Хворостининыхъ трудно было пробиться вверхъ, видно изъ безконечнаго множества мѣстничествъ этого, очень небольшого рода: въ XVI в. они мѣстничались съ Басмановыми, кн. Батяевыми и Буйносовыми-Ростовскими, Бутурлиными, кн. Долгорукими, Кашиными, Палецкими и Цримковыми-Ростовскими, Огиными-Плещеевыми (изъ лучшихъ Плещеевыхъ) и съ иными Плещеевыми, Романовыми, кн. Ромодановскими, Сабуровыми, Салтыковыми, кн. Татевыми, Троекуровыми и Турениными, Тучковыми, кн. Тюфякиными, Хилковыми, Шестуновыми и Щербатыми. Въ XVII в. кн. Хворостинины мѣстничались уже съ менѣ честными фамиліями:

кн. Хованскими (еще не поднявшимися тогда въ чести) и Солнцевыми, потомъ съ кн. Барятинскими, Бутурлиными (изъ захудалыхъ), Волинскими, Плещеевыми (тоже изъ захудалыхъ), кн. Прозоровскими, а еще позднѣе даже съ Собакиными. Въ XVII в. родъ кн. Хворостининыхъ прекратился.

Остальные князья Ярославскіе съ Моложскими не выдавались въ XVII в. своею службою. Изрѣдка одному — двумъ членамъ какой-либо линіи удавалось выбиться изъ ряду, но это не оказывало вліянія на службу всей фамиліи. Такъ кн. Ю. И. Щетининъ былъ оруженничимъ в. кн. Василя Ивановича, кн. Б. П. Засѣкинъ (по кн. И. Долгорукому) окольникимъ царя Феодора, кн. П. М. Шаховской бояриномъ у перваго самозванца, кн. А. Ѳ. Жировой-Засѣкинъ у него же окольникимъ и намѣстникомъ Шацкимъ (раньше въ 1600—1603 г. правилъ посольство въ Персіи); но вообще это роды были захудале и служили въ неважныхъ службахъ¹⁾. О мѣстничествахъ кн. Засѣкиныхъ и Шаховскихъ будемъ имѣть случай сказать далѣе; кн. Щетининыхъ же извѣстны мѣстничества отъ первой половины XVII в. — съ Беклемишевыми, кн. Волконскими, Волинскими и кн. Хилковыми, при чемъ три послѣдніе роды еще не поднялись въ чести, что произошло съ кн. Хилковыми въ половинѣ XVII в., а съ кн. Волконскими и Волинскими позднѣе.

Въ половинѣ XVI в. попадаютъ еще въ разрядахъ изъ князей Ярославскихъ на замѣтныхъ службахъ кн. Охлябинины и Прозоровскіе, хотя и не достигаютъ высокихъ чиновъ: мѣстничаютъ они съ честными родами: кн. Охлябинины съ Воронцовыми, Далматовыми-Карповыми, кн. Кашиными, Мещерскими, даже съ кн. Троекуровыми и Шестуновыми; кн. Прозоровскіе съ кн. Курлятевыми, Оболенскими и Шестуновыми. Но и тѣ, и другіе скоро затушевываются, а первые и прекращаются; извѣстенъ пренебрежительный отзывъ о кн. Прозоровскихъ въ письмѣ ц. Ивана Грознаго къ кн. Курбскому, съ которымъ они были въ свойствѣ; можетъ быть поэтому именно кн. Прозоровскіе и пострадали при Грозномъ.

Иныя линіи кн. Ярославскихъ до того захудали въ XVI—XVII в., что ихъ не оказалось уже въ государевомъ родословцѣ; такъ что когда въ концѣ XVII в. начали составлять родословную книгу всѣхъ служилыхъ родовъ, этимъ линіямъ пришлось хлопотать о своемъ привнесеніи въ нее по родичамъ, что было разрѣшаемо правительствомъ большею частью съ согласія родичей. Такъ выхлопотали себѣ такое привнесеніе кн. Львовы, составляющіе вѣтвь кн. Зубатыхъ, при чемъ одни изъ кн. Львовыхъ пошли отъ старшей линіи, отъ кн. Вѣшкошкиныхъ, другіе отъ младшей, отъ кн. Луговскихъ. Доказали свою принадлежность къ роду кн. Зубатыхъ кн. Львовы представленіемъ записей, къ которымъ в. кн. Иванъ Васильевичъ пожаловалъ кн. С. А. Львова-Зубатаго (Вѣшкошкина) Вольскомъ въ кормленіе, а в. кн. Василя Ивановича кн. М. Ал. Львова-Зубатаго (Луговскаго) Антоновскимъ станомъ съ правдою. Внесены были,

¹⁾ Замѣтнѣе другихъ были службы: кн. И. М. Засѣкина, ѣздившаго въ 1524 г. посломъ въ Мадридъ къ Карлу V, хотя въ XVI в. посольская служба не была очень высокою; этого кн. Засѣкина знали Фаберъ и Герберштейнъ; кн. И. Ал. Солнцева-Засѣкина, основавшаго г. Козьмодемьянскъ; кн. Гр. Ос. Засѣкина, воевавшаго въ Тархахъ и строившаго г. Переволочку на р. Волгѣ. О нѣкоторыхъ кн. Засѣкиныхъ и Шаховскихъ, дѣятеляхъ смутнаго времени, сказано будетъ далѣе.

съ согласія кн. Морткиныхъ, къ нимъ въ родъ кн. Бѣльскіе (не Гедеминовичи), показавшіе себя потомками кн. И. М. Морткина, бѣгавшаго въ Литву. Значить, до этого привнесенія, какъ кн. Львовы, такъ и кн. Бѣльскіе были люди неродословные, что имѣло огромное значеніе относительно ихъ служебной чести, такъ какъ существовало общее правило (хоть и нарушаемое въ отдѣльныхъ случаяхъ правительствомъ), что неродословному человѣку съ родословными не дается даже и счета. О мѣстничествахъ кн. Львовыхъ предпочитаемъ сказать далѣе, но кн. Бѣльскіе, собственно одинъ изъ нихъ, кн. Дм. Гр. Аксакъ-Бѣльскій, пользовавшійся благосклонностью ц. Бориса и, между прочимъ, дѣлавшій въ 1594 г. писцовую книгу г. Углича, мѣстничались съ очень низкими въ началѣ XVII в. родами: кн. Барятинскими, кн. Звенигородскими, Наумовыми. Да и самые кн. Морткины въ мѣстничествахъ были не высоки, споря съ кн. Гагаринными, Козловскими, Ромодановскими (до ихъ возвышенія) и Языковыми.

Изъ кн. Ярославскихъ, даже внесенныхъ въ государевъ родословецъ, новыя линіи до того захудали, что не могли въ случаѣ мѣстничества установить своего родословнаго счета съ извѣстными по родословцу родичами, или, правильнѣе сказать, правительство не имѣло возможности провѣрить ихъ родословныя показанія. Такіе князья тоже стояли по службѣ очень низко. Напримѣръ относительно кн. Шаховскихъ, при мѣстничествѣ ихъ съ Благими, правительство высказалось, что Благимъ лишь потому можно дать счетъ съ этими кн. Шаховскими, что служба ихъ совершенно не извѣстна правительству¹⁾; Благіе же указывали, что кн. Шаховскіе служили въ казачьихъ головахъ и атаманахъ т.-е. сильно захудали²⁾.

Нѣкоторые изъ кн. Ярославскихъ могли захудать и потому, что сперва служили по удѣламъ; такъ кн. В. Льв. Вѣкошкинъ служилъ кн. И. Ан. Можайскому, съ которымъ и отбѣжалъ въ Литву; кн. А. Ал. Шаховской служилъ кн. Андрею Большому Васильевичу Углицкому; кн. К. Ю. Шаховской — кн. Андрею Меньшому Васильевичу Вологодскому; кн. И. С. Ярославскій — кн. Андрею Ивановичу; кн. Дав. Дм. Ярославскій, В. Ѡ. Охлябининъ и дѣти кн. И. Ѡ. Засѣкина, кн. Юрію Ивановичу — братьямъ в. кн. Василія Ивановича Московскаго. Нѣкоторые роды кн. Ярославскихъ служили въ Твери, напр. кн. Морткины и Дуловы, и это еще болѣе не могло содѣйствовать въ послѣдствіи служебному значенію ихъ въ Москвѣ; притомъ предокъ кн. Дуловыхъ въ Тверь къ в. кн. Борису Александровичу убѣжалъ изъ Москвы.

Убѣгали Ярославскіе князья подобно всякимъ инымъ служилымъ людямъ и въ Литву, хотя замѣчательно рѣдко. Кромѣ извѣстнаго кн. Ан. М. Курбскаго, знаемъ о бѣгствѣ еще кн. В. Ан. Великаго и, можетъ быть, кн. Прозоровскаго; о послѣднемъ думаемъ такъ потому, что въ 1509 г. во время войны съ Литвою, у русскихъ былъ въ плѣну кн. Ан. Прозоровскій. Кн. В. Льв. Вѣкошкинъ, какъ мы видѣли, отбѣжалъ въ Литву съ своимъ княземъ, и потомъ служилъ Шемячичу. Кн. И. М. Морткинъ, вѣроятно,

¹⁾ Кн. Шаховскіе были и разрядные, хотя бы напр. кн. Миронъ М. Шаховской при ц. Василѣ Ивановичѣ (Шуйскомъ); объ участіи его въ борьбѣ съ Баловеньщиной см. Д. къ А. И. IV, 179. Нѣсколько позже — князь С. И. Шаховской, намѣстникъ Елатомскій, посоль въ Польшу въ 1637 г.

²⁾ Не были ли эти захудалые кн. Шаховскіе потомками того кн. И. Шаховскаго, котораго въ 1570 г. ц. Иванъ убилъ булавой? Тогда захуданіе ихъ вполне объяснимо.

ушелъ въ Литву послѣ завоеванія Твери, но онъ потомъ вернулся; по крайней мѣрѣ потомки его были на московской службѣ. Наконецъ кн. Дм. И. и Р. Θ. Шашины убѣжали въ Турцію. Но огромное большинство Ярославскихъ князей служили московскимъ государямъ.

Родословныя еще отмѣчаютъ, что изъ Ярославскихъ князей (какъ и иныхъ служилыхъ людей) были на помѣстьи въ Новгородѣ, т.-е. получили въ вознагражденіе за службу помѣстье изъ конфискованныхъ у В. Новгорода земель. Отмѣтка эта не случайна, такъ какъ извѣстно, что вопросъ о службѣ новгородскихъ помѣщиковъ имѣлъ мѣстническое значеніе. Вотъ кто изъ кн. Ярославскихъ показанъ новгородскимъ помѣщикомъ: Кн. С. П. Ярославскій, кн. В. Дм. Щетининъ, кн. И. М. Засѣкинъ, три брата кн. В., А. и И. Θ. Засѣкины, два брата кн. М. и В. К. Засѣкины¹⁾ и кн. Дм. С. Шуморовскій. О дѣтяхъ служившаго кн. Ан. В. Большому кн. Шаховского сказано, что они получили помѣстье въ Торонцѣ, а о кн. Левонт. С. Шуморовскимъ, что онъ имѣлъ помѣстье на Врудѣ, что не ясно; во всякомъ случаѣ все это роды не высокой чести.

Одинъ изъ кн. Солнцевыхъ (кн. М. П. Солнцевъ) служилъ владыкѣ Казанскому, чтъ въ Московскомъ государствѣ считалось очень низкою службою. Были и такіе кн. Ярославскіе, которые совсѣмъ не служили, можетъ быть по болѣзни, напр. кн. Большой И. Жировой-Засѣкинъ; кн. К. Аѳ. Шаховской былъ городовымъ.

Почти всѣ исчисленные нами выше служилыя лица принадлежать къ XV—XVI в., а если къ XVII в., то до Смутнаго времени. Мы далеко, конечно, не указали всѣхъ службъ кн. Ярославскихъ, такъ какъ это былъ бы уже особый трудъ (отчасти подготовленный Спиридовымъ), который не могъ бы быть предметомъ реферата на археологическомъ съѣздѣ; мы остановились на наиболѣе важныхъ или любопытныхъ, не пускаясь въ особенныя детали.

Въ Смутное время, когда крупныя роли играли люди даже худородные въ родѣ Лапуновыхъ, многіе изъ мелкихъ кн. Ярославскихъ приобрѣли важное значеніе. Таковъ напр. былъ кн. Гр. П. Шаховской, любимецъ перваго самозванца, зачинщикъ второй самозванчины, сосланный ц. Василиемъ въ Бѣлозерскъ, потомъ бояринъ и слуга второго самозванца. Таковы же были и нѣкоторые изъ кн. Засѣкиныхъ разныхъ линій; напр. кн. С. П. Засѣкинъ былъ бояриномъ у второго самозванца, которому служили и кн. И. Засѣкинъ и Θ. Засѣкинъ. Послѣдній потомъ присягнулъ королев. Владиславу и былъ у него бояриномъ. Назовемъ еще кн. П. Засѣкина, одного изъ главныхъ дѣятелей низложенія ц. Василія; извѣстнаго уже намъ окольниковаго у перваго самозванца кн. А. Θ. Жироваго-Засѣкина, важнаго дѣятеля Семибоярщины, одномышленника патр. Гермогена, вмѣстѣ съ нимъ пострадавшаго отъ сидѣвшихъ въ Кремлѣ поляковъ. Конечно, дѣйствовали въ смутное время и люди болѣе честныхъ родовъ изъ кн. Ярославскихъ, напр., кн. И. Θ. Троекуровъ, сперва заговорщикъ при ц. Василиѣ, наказанный заточеніемъ въ Нижній Новгородъ, а затѣмъ одинъ изъ сподвижниковъ Пр. Лапунова; кн. М. Ю. Сицкій, совѣтникъ второго самозванца и бояринъ, потомъ присягнувшій

¹⁾ О кн. М. К. Засѣкинѣ см. Д. въ А. И. I, № 52, стр. 95.

королевичу; окольнічій кн. И. Дм. Хворостининъ, приставшій къ кн. Гр. П. Шаховскому въ началѣ второй самозванщины вмѣстѣ съ г. Астраханью, гдѣ онъ былъ воеводою; кн. Ю. Дм. Хворостининъ, бывшій въ Тушинѣ и ведшій въ 1610 г. переговоры съ кор. Сигизмундомъ и за то награжденный имъ домомъ въ Москвѣ и помѣстнымъ окладомъ; но дѣятельность всѣхъ этихъ лицъ не такъ замѣтна въ Смутное время, какъ кн. Шаховскаго или кн. Засѣкиныхъ. Хотя амнистія 1612 г. покрыла всѣ грѣхи Смутнаго времени, и многіе дѣятели этой эпохи, напр. кн. И. Ѳ. Троекуровъ, кн. Ал. Ю. Сицкій достигли при ц. Михаилѣ боярства, но ни кн. Шаховскимъ, ни кн. Засѣкинымъ не удалось воспользоваться службою своихъ родичей, и они попрежнему оставались людьми малопородными. Первымъ не пошло въ прокъ даже знаменитое отраженіе въ 1612 г. кн. Ю. И. Шаховскимъ, съ небольшимъ отрядомъ, отъ Погорѣлаго Городища значительнаго польскаго войска: приведенный выше отзывъ о чести кн. Шаховскихъ относится именно ко времени ц. Михаила.

Новая династія почти не застала уже линій кн. Ярославскихъ, которыя замѣтны были своею службою до Смутнаго времени; нѣсколько времени продержались кн. Сицкіе и Хворостинины и пресѣклись. Лишь кн. Троекуровы высоко стояли въ чинахъ въ теченіе всего XVII в. Такъ какъ то же явленіе произошло и въ другихъ родахъ, то на убыль мѣста стали пробираться фамиліи, считавшіяся прежде захудалыми: мѣсто кн. Катыревыхъ или Темкиныхъ-Ростовскихъ занимаютъ кн. Лобановы-Ростовскіе, мѣсто кн. Воротынскихъ — кн. Барятинскіе, кн. Курлятевыхъ или Ноготковыхъ — кн. Лыковы и Долгорукіе; такимъ же образомъ протѣснялись вверхъ и Ярославскіе князья и больше всего кн. Львовы, одна изъ наиболѣе захудалыхъ вѣтвей всего рода кн. Ярославскихъ.

Кн. Ал. М. Львовъ, свойственникъ царя Михаила по женѣ, дочери М. Нагого, былъ очень близкимъ къ нему человѣкомъ; онъ сталъ дворецкимъ, затѣмъ бояриномъ; на дворцовый путь ему даны были ц. Алексѣемъ ловецкія слободы въ г. Ярославль¹⁾; для сношеній съ иностранными дипломатами (онъ былъ посломъ въ Польшу въ 1645 г.) къ его фамиліи былъ присоединенъ титулъ кн. Ярославскаго²⁾; словомъ, кн. Ал. М. Львовъ, не будучи человѣкомъ высокой мѣстнической чести, пользовался такимъ значеніемъ, какъ ни одинъ изъ кн. Ярославскихъ. За нимъ потянулись его племянники и другіе кн. Львовы³⁾ и къ половинѣ XVII в. настолько поднялись въ чести, что Котошихинъ причисляетъ ихъ (единственныхъ изъ кн. Ярославскихъ) ко второй группѣ служилыхъ фамилій, т.-е. такихъ, которыя ниже окольнічихъ не бываютъ, правда, помѣщая кн. Львовыхъ послѣ всѣхъ остальныхъ фамилій. Сравнительная худородность кн. Львовыхъ сказалась въ томъ, что большая часть чиновныхъ лицъ этой фамиліи (6 человѣкъ) дослужилась только до окольнічества, и лишь двумъ — кн. Дм. П. и М. Н. Львовымъ — довелось стать боярами, да и то послѣднему въ самомъ концѣ XVII в., т.-е. послѣ отмѣны

¹⁾ Послѣ него даны были на путь и дворецкому бояр. Батурину.

²⁾ Такой же титулъ и въ подобныхъ случаяхъ раньше носили кн. Сицкіе и Засѣкины. Впрочемъ, и кн. Ал. М. Курбскій, живя въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, называлъ себя кн. Ярославскимъ, чтобы не унизить себя предъ тамошними вельможами, щеголявшими обиліемъ титуловъ.

³⁾ Службы кн. Львовыхъ въ XVII в. были многочисленныя, но все обычныя разрядныя: по полкамъ и воеводскія.

мѣстничества. Мѣстническія столкновенія кн. Львовыхъ особенно наглядно показываютъ, какъ высоко, выше мѣры, поднялись они въ чести, и какъ трудно доставалось имъ охраненіе ихъ высокаго служебнаго положенія. Съ кн. Ал. М. Львовымъ мѣстничались Н. Зювинъ, Гр. Пушкинъ, кн. В. Ромодановскій, кн. Ан. Хилковъ — все лица только что поднимающихся родовъ, и все же ц. Михаилу приходилось хитрить, чтобы спасти кн. Ал. М. Львова, напримѣръ, отъ мѣстничества съ Пушкинымъ. Съ иными кн. Львовыми мѣстничались не только кн. Лобановы Ростовскіе, Хилковы, Плещеевы, но даже Беклемишевы, Колтовскіе, кн. Мещерскіе, Милославскіе (до возвышенія), Ржевскіе, т.-е. роды совсѣмъ уже не высокой чести.

Въ одно время съ кн. Львовыми достигли высокихъ чиновъ (окольниковъ) и кн. Великаго Гагины, но очень скоро и сошли со сцены.

Гораздо выше стали въ XVII в. кн. Прозоровскіе. Еще при ц. Михаилѣ это былъ родъ не высокій, но съ половины XVII в. начинается ихъ возвышеніе. Трудно оно далось имъ, судя по ихъ мѣстничествамъ, число которыхъ весьма велико: кн. Прозоровскіе мѣстничались съ кн. Баятинскими, Бутурлиными (изъ невысокихъ), Волынскими, Кокоревыми, кн. Литвиновыми-Мосальскими, Нагими, Плещеевыми, кн. Пожарскими, Ромодановскими, Тюфякиными и Хворостинными. Разъ они ударили челомъ даже на кн. Куракиныхъ, думая опереться на довольно высокія службы своихъ родичей въ половинѣ XVI в., но это мѣстничество было для нихъ неудачно.

При ц. Алексѣѣ кн. Прозоровскіе стояли уже высоко. Кн. С. В. Прозоровскій, въ Смутное время вѣрно служившій ц. Василію, наконецъ достигъ боярства, хотя съ его именемъ связано много и мѣстничествъ; за нимъ сталъ бояриномъ и сынъ его кн. И. С. Прозоровскій. Котошихинъ уже помѣщаетъ кн. Прозоровскихъ (единственныхъ изъ кн. Ярославскихъ) въ первую группу служилыхъ фамилій, т.-е. такихъ, которыя бывають только въ боярахъ, минуя даже окольниковъ, что хотя и не вѣрно, но характеристично для представленія о тогдашней знатности кн. Прозоровскихъ, съ которою все еще не могли примириться ихъ прежніе сверстники; почему на нихъ бьютъ челомъ о счетѣ то Бутурлины, то Волынскіе, то кн. Коркодиновы, даже Дмитріевы. Кн. Хованскіе, уже возвысившіеся, ставили себя гораздо выше кн. Прозоровскихъ, обижая ихъ своимъ высокомѣріемъ. Главная служба кн. Прозоровскихъ въ это время была дипломатическая; такъ кн. И. С. Прозоровскій былъ посломъ на Веліасарскомъ и Кардисскомъ съѣздахъ и подъ Смоленскомъ въ 1662 г.; кн. П. И. Прозоровскій ѣздилъ въ 1663 г. посломъ къ англійскому королю. Кн. Прозоровскимъ въ такихъ службахъ не разъ давался титулъ кн. Ярославскихъ, какъ они и пишутся въ боярскихъ книгахъ. При ц. Θεодорѣ еще трое кн. Прозоровскихъ достигли боярства; изъ нихъ кн. П. И. Прозоровскій особенно долго пользовался большимъ значеніемъ, ставъ особенно вліятельнымъ при ц. Петрѣ. Во время Соцарствія и позже, еще четверо (если не болѣе) кн. Прозоровскихъ было въ боярахъ. Словомъ, родъ этотъ сталъ въ концѣ XVII в., можно сказать, въ первые ряды служилаго сословія вмѣстѣ съ старыми родами кн. Голицыныхъ и Шейныхъ или, такъ же, какъ и кн. Прозоровскіе, поднявшимися кн. Хованскими, Ромодановскими, Долгорукими, Нарышкиными и др.

Въ самомъ концѣ XVII в. можно замѣтить начавшееся возвышеніе еще двухъ

захудалыхъ вѣтвей кн. Ярославскихъ: кн. Шаховскихъ и Засѣкиныхъ, особенно кн. Жировыхъ-Засѣкиныхъ. И тѣмъ и другимъ выбраться на верхъ было очень трудно, что видно изъ множества ихъ мѣстничествъ. Такъ кн. Шаховскіе мѣстничались съ кн. Барятинскими, Благими, кн. Великаго Гагиными, Вельяминовыми, кн. Долгорукими, Засѣкиными, Литвиновыми-Масальскими, Нарбековыми, Плещеевыми, кн. Пожарскими и Ромодановскими, Хлоповыми и Чихачевыми; при чемъ, чѣмъ ближе къ концу XVII в., тѣмъ мѣстничества кн. Шаховскихъ были все честнѣе и честнѣе. Кн. Ю. О. Шаховской, наконецъ, достигъ боярства. Кн. Засѣкины же разныхъ линій въ XVI в. мѣстничались съ Алферьевыми, Басмановыми, Бутурлиными, кн. Звенигородскими и Лобановыми Ростовскими, Морозовыми, кн. Ромодановскими, Салтыковыми, кн. Тюфякиными, Хворостининными и Щербатыми; а въ XVII в. съ Бутурлиными, Вельяминовыми, Давыдовыми, Нагими, кн. Ромодановскими, Татевыми (успѣвшими захудать) и Шаховскими; при чемъ лица разныхъ вѣтвей кн. Засѣкиныхъ мѣстничались и между собою, что, впрочемъ, встрѣчается довольно часто и среди иныхъ служилыхъ родовъ. Реформа Петра Великаго придала службѣ иной характеръ, и кн. Шаховскимъ пришлось служить уже генераль-аншефами и дѣйствительными тайными совѣтниками, родъ кн. Засѣкиныхъ въ XVIII в. затерялся.

Ограничивая этимъ обзорѣніе служебной дѣятельности князей Ярославскихъ въ Московскомъ государствѣ, находимъ весьма умѣстнымъ сказать еще хоть нѣсколько словъ о тѣхъ изъ нихъ, которые пали на полѣ брани и смерть которыхъ отмѣчена источниками; такихъ кн. Ярославскихъ знаемъ мы довольно много¹⁾. Нѣкоторыхъ мы уже упомянули выше; присоединимъ къ нимъ: кн. О. Дав. Большого Засѣкина, убитаго въ 1495 г. во время осады Выборга; затѣмъ въ столь неудачной для насъ битвѣ при Оршѣ служили головы кн. И. С. Семейка Ярославскій, кн. И. И. Темка Щетининъ и два брата кн. Гл. и К. Засѣкины. Въ этой же войнѣ подъ Смоленскомъ былъ убитъ и братъ кн. И. Темки кн. Зах. Щетининъ. Достаточно погибло кн. Ярославскихъ въ борьбѣ съ магометанами; такъ подъ Казанью 25 іюня 1506 г. пали кн. М. и Р. О. Курбскіе; кн. О. Дм. Вѣкошкинъ, человекъ конца XV — начала XVI в. показанъ родословными убитымъ въ самой Казани; въ 1521 г. былъ убитъ въ Коломнѣ въ приходѣ на насъ крымскаго царя кн. Вл. М. Курбскій; въ 1531 г. убитъ въ Казани кн. В. Д. Пеньковъ; въ 1536 г. въ сраженіи между Галичемъ и Костромой отъ казанцевъ же погибъ кн. П. В. Засѣкинъ Пестрый; въ 1540—1541 г. на Плесѣ или, по родословной, на Солдугѣ, близъ Кинешмы, въ битвѣ съ Сафа Гераемъ были убиты кн. О. М. Курбскій, Б. П. Ярославскій²⁾, Н. И. Засѣкинъ; кн. Д. и Я. А. Шехонскіе, по кн. П. Долгорукому, пали при взятіи Казани; казанцами былъ убитъ кн. П. В. Давыдовскій въ воеводахъ на Куси³⁾; казанскими же луговыми людьми были убиты кн. П. О. За-

¹⁾ Въ родословныхъ упоминаются и лица, взятые въ плѣнъ; но не видимъ нужды объ этомъ говорить; упомянемъ, пожалуй, кн. П. И. Хворостинина, взятаго въ плѣнъ въ 1579 г. подъ Венденомъ (Кесью); за выкупъ его черезъ пять лѣтъ было заплачено 3228 р., сумма по тому времени громадная.

²⁾ Разряды неточно называютъ его кн. Сисѣвымъ.

³⁾ Одно столкновеніе съ татарами на Куси было въ 1463 г., но кн. П. В. Давыдовскій — лицо половины XVI вѣка.

сѣкинъ¹⁾ и И. И. Савдыревскій. Кн. Дм. А. Щетининъ былъ убитъ луговою черемисою подсылкою изъ г. Свіязска; кн. Дм. В. Охлябининъ крымскими людьми въ походѣ изъ Пронска, вѣроятно, въ 1564 г. Во время войны за Ливонію въ 1564 же году былъ убитъ около Полоцка кн. В. И. Сицкій; въ 1570 г. убитъ кн. Ан. Θ. Аленкинъ; бояринъ кн. В. Ан. Сицкій и кн. Ал. А. Прозоровскій пали въ 1579 г. въ несчастной для насъ битвѣ подъ Венденомъ (Кесью).

Не мало князей Ярославскихъ погибло въ Смутное время, хотя о нѣкоторыхъ можно судить лишь предположительно, такъ какъ родословныя показанія вообще не отличаются опредѣленностью; напр. какой-либо князь Ярославскій показанъ убитымъ подъ Тулою, что могло случиться и не въ Смутное время. Но мы только въ тѣхъ случаяхъ относили гибель этого князя къ Смутному времени, если онъ былъ лицомъ начала XVII в., т.-е. принадлежалъ къ одиннадцатому колѣну Ярославскихъ князей, или хотя и къ десятому, но есть при этомъ указаніе, что онъ убитъ подъ Москвою отъ литовскихъ людей, или подъ Серебряными Прудами и т. п. Съ точными же датами извѣстна смерть всего лишь двухъ лицъ: кн. И. И. Щетинина, убитого 14 марта 1609 г., вѣроятно, въ стычкѣ съ тушинцами и кн. И. Дм. Хворостянина, убитого въ 1614 г. въ Астрахани Заруцкимъ. Затѣмъ подъ Серебряными Прудами, т.-е. въ борьбѣ съ кн. Гр. П. Шаховскимъ и Болотниковымъ въ 1607 г. были убиты кн. К. М. Шехонскій и Я. Ан. Львовъ; кн. И. В. Прозоровскій и В. М. Львовъ показаны убитыми отъ литовскихъ людей подъ Москвою; кн. И. Θ. Засѣкинъ — въ Московской осадѣ и кн. П. Гр. и Матв. Матв. Шаховскіе — на бою съ польскими людьми. Съ нѣкоторою вѣроятностью могутъ быть сосчитаны погибшими въ Смутное время убитые подъ Тулою кн. Р. И. Шаховской съ сыномъ кн. Петромъ и кн. В. Гр. Львовъ; подъ Калугою — кн. В. В. Львовъ съ сыномъ кн. Осипомъ; подъ Серпуховымъ — кн. Лука Матв. Львовъ; въ Рыльскѣ — кн. Д. С. Засѣкинъ и на Рязани кн. И. С. Солнцевъ-Засѣкинъ. Кн. И. И. Засѣкинъ показанъ убитымъ разбойниками; судя по времени его жизни, это тоже могло быть въ Смутное время.

Позднѣе, подъ Конотопомъ пали: кн. С. Ст. Жировой-Засѣкинъ, Гр. Н. Засѣкинъ, Гл. Ю. Шаховской и В. Θ. Шехонскій; въ литовскомъ походѣ въ 1655 г. кн. Θад. Р. Шаховской; подъ Чигиринымъ — кн. Кир. П. Шехонскій; кн. Ан. Кир. Шехонскій, чловѣкъ конца XVII в., показанъ убитымъ подъ Кромами, кн. И. С. Прозоровскій съ братомъ кн. Михайломъ, и кн. С. И. Львовъ убиты въ Астрахани во время Разиновщины; наконецъ, кн. Θ. И. Троекуровъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ при осадѣ Азова.

Не мало родъ Ярославскихъ князей далъ и священноиноковъ: о преподобномъ Іоасафѣ Каменскомъ, изъ кн. Заозерскихъ, мы уже упоминали. Нѣкоторые князья изъ удѣльныхъ постригались предъ самою смертью, какъ это было обычно въ древней Руси; напр., кн. Θ. М. Моложскій умеръ инокомъ Θεодоритомъ. Иноками же были и кн. В. Дм. Солнцевъ-Засѣкинъ (Вассіанъ) и кн. С. Ан. Шуморовскій, постригшійся въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, кн. С. Θ. Сицкій (Серапіонъ) — въ Кирилло-

¹⁾ По кн. П. Долгорукому, при в. кн. Васильѣ Ивановичѣ, если кн. Долгорукій не смѣшиваетъ кн. П. Θ. Засѣкина съ кн. П. В. Засѣкинымъ.

Бѣловерскомъ, кн. Иона Судскій, повидимому, въ Ростовскомъ Бѣлочастицкомъ, кн. Ан. Хромой Дав. Засѣкинъ — въ Ярославскомъ Спасскомъ. Здѣсь же смиреннымъ инокомъ и даже схимникомъ Аврааміевъ закончилъ свое жизненное поприще знаменитый кн. Ал. М. Львовъ; окольникъ Н. Я. Львовъ сталъ инокомъ Никомъ въ Толгскомъ монастырѣ близъ родного Ярославля же. Иноками были еще кн. Ѳ. С. Засѣкинъ, кн. Мих. М. Шаховской (Мисаиль — въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ), кн. Ермолай Шаховской (Ермогенъ — тоже), кн. Ю. Дм. Хворостининъ и, вѣроятно, многіе другіе, свѣдѣніями о которыхъ мы не располагали — это, конечно, были добровольные монастырскіе затворники; знаемъ и недобровольныхъ (кн. Хворостинина, Львова и др.), но нѣтъ цѣли о нихъ вспоминать.

Закончимъ нашъ рефератъ о князьяхъ Ярославскихъ указаніемъ, что родъ ихъ далъ Россіи и юристовъ, и историковъ. Къ первымъ принадлежатъ: бояр. кн. С. В. Прозоровскій — одинъ изъ редакторовъ Уложенія 1649 и бояр. кн. И. Б. Троекуровъ и окольник. кн. Ѳ. И. Шаховской, членъ комиссіи для составленія новаго Уложенія въ 1700 г. Ко вторымъ, конечно, кн. А. М. Курбскаго (злосчастный вольнодумецъ и остроловъ XVII в.), кн. И. Ан. Хворостинина и кн. С. И. Шаховскаго Харю. Дѣятельность этихъ лицъ показываетъ, что князья Ярославскіе и въ сферѣ умственныхъ интересовъ стояли не ниже иныхъ родовъ Московскаго государства.

Едва ли кто теперь помнитъ, даже въ самомъ г. Ярославлѣ о прежней дѣятельности Ярославскихъ князей, которые нѣкогда переплывали бурное житейское море, честно служили своей родинѣ — русской землѣ, кладя за нее и животъ свой, или иногда мирно доживали вѣкъ свой въ монастырѣ или на помѣстьѣ. Можетъ быть, не одинъ изъ нихъ мечталъ при этомъ, что будущій лѣтописецъ, не мудрствуя лукаво, напомнитъ о ихъ дѣяніяхъ ихъ позднѣйшимъ потомкамъ. Мы именно поставили себя въ положеніе такого лѣтописца и считаемъ за счастье, что намъ довелось въ г. Ярославлѣ возобновить память о прежней дѣятельности Ярославскихъ князей на службѣ своей родинѣ — Россіи.

О нѣкоторыхъ археологическихъ находкахъ въ Казанской губерніи.

А. Э. Лихачева.

Въ лѣто 1886 года въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, въ районѣ, который былъ доступенъ для моихъ археологическихъ наблюдений, были сдѣланы находки древнихъ предметовъ быта, достойныя вниманія.

Многочратно было замѣчаемо то обстоятельство, что мѣстности, долговременно не подвергавшіяся обработкѣ земледѣльцевъ и лежавшія нетронутыми въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, иногда поросшія лѣсами, — не всегда были неводѣланными и необитаемыми.

Въ Казанской губерніи, еще изобилующей лѣсными пространствами, хотя уже не въ такихъ размѣрахъ, какъ это было встарину, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ лѣса выросли на такихъ мѣстахъ, которые за нѣсколько вѣковъ тому назадъ были не только обитаемы, но и распахиваемы. Говоря о лѣсахъ, мы подразумѣваемъ не только чернолѣсье, но и красный лѣсъ. Намъ извѣстны случаи, когда при распашкѣ цѣлины изъ-подъ срубленнаго на продажу строеваго сосноваго лѣса, бывали находимы въ почвѣ предметы древняго быта, доказывающіе, что прежде, нежели выросъ въ данной мѣстности сосновый лѣсъ, эта мѣстность была обитаема. Поэтому поднятіе цѣлины, находящейся въ мѣстности, издавна окруженной поселеніями, всегда представляетъ для археолога большой интересъ, ибо подаетъ надежду на открытіе какихъ-либо новыхъ археологическихъ фактовъ и обѣщаетъ много находокъ предметовъ древняго быта. Должно замѣтить, что и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя издревле и, такъ сказать, непрерывно были заселены, несмотря на долговременное и многолѣтнее переворачиваніе почвы, на пашнѣ, въ поляхъ все еще находятъ различныя древніе бытовые предметы. Конечно, такіа находки съ теченіемъ времени становятся рѣже, и потому-то распахиваніе нови, въ этомъ отношеніи, возбуждаетъ надежду на большее изобиліе находокъ.

Въ Спасскомъ уѣздѣ, близъ южнаго конца села Полянокъ, Трехъ-Озерской волости, по дорогѣ въ д. Зеленовку находится мѣстность, которая на протяженіи двухъ

версть издавна была покрыта лѣсомъ. Съ теченіемъ времени лѣсъ этотъ вырубался и постепенно рѣдѣлъ; но еще лѣтъ 40 тому назадъ въ этой мѣстности былъ рѣдкій березовый лѣсокъ и много орѣшника. Не будучи охраняемъ и, по условіямъ сельскаго быта, за недостаткомъ другаго мѣста, долговременно служа выгономъ для пастбы крестьянскаго скота, лѣсокъ постепенно уничтожился, и мѣстность сдѣлалась совершенно открытой. Въ лѣто 1886 года было приступлено въ первый разъ къ распашкѣ этой мѣстности русскими крестьянами с. Полянокъ. Во время пахоты было сдѣлано порядочное число находокъ, состоявшихъ изъ предметовъ древняго быта. Узнавъ о сдѣланныхъ находкахъ, я старался собрать ихъ по возможности, но мнѣ не вполнѣ это удалось, такъ какъ нѣкоторые предметы уже успѣли пойти въ передѣлку.

Почти всѣ, найденные здѣсь предметы были *жельзные*; а крестьяне такъ дорожатъ этимъ металломъ, какъ матеріаломъ для выдѣлки разныхъ необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ, что всякую древнюю жельзную вещь несутъ къ кузнецу для перековки. Разумѣется, если металлъ хорошо сохранился, то кузнецъ весьма охотно беретъ древнюю вещь и перековываетъ ее на новыя подѣлки. Слѣдуетъ замѣтить, что предметы древнейковки отличаются очень высокимъ качествомъ металла, которое предохраняетъ ихъ отъ окисленія и разѣданія ржавчиной. Это объясняется древнимъ способомъ выплавки жельза изъ руды, производившейся на открытомъ воздухѣ, въ кострахъ, что позволяло жельзу принимать всѣ качества стали или булата. Кромѣ того, при такой первобытной выплавкѣ жельза, вѣроятно, добывалась изъ руды только самая лучшая, чистая часть металла, ибо окалина, остававшаяся отъ выплавки и отбрасываемая, какъ ни на что не годная, оказывается еще очень богатой по проценту содержащагося въ ней металла, такъ, что могла бы съ выгодой употребляться въ переплавку, въ наше время. Эта древняя окалина встрѣчается во многихъ мѣстахъ казанской и сосѣднихъ губерній, по лѣвой сторонѣ Волги. Въ Спасскомъ уѣздѣ мнѣ извѣстны значительныя залежи этой окалины близъ с-ца Балымеры, Трехъ-Озерской волости, гдѣ слѣдуетъ полагать мѣсто-нахожденіе древняго болгарскаго города *Булымера*, который, съ легкой руки Рычкова, нѣкоторые изслѣдователи отечественной старины, ошибочно помѣщаютъ въ пригородѣ Билярскѣ. На моей дачѣ, находящейся въ живописной долинѣ р. Утки, на лѣвой сторонѣ этой небольшой рѣки, впадающей въ Волгу, подъ самымъ дерновымъ слоемъ почвы попадаются повсюду куски той же древней окалины. Здѣсь же во время постройки и разведенія сада были находимы каменные орудія и различные другіе предметы древности; никакихъ монетъ въ этой мѣстности еще не было найдено, а потому и не представляется основанія къ болѣе точному хронологическому опредѣленію древняго обитанія; находки же каменныхъ орудій отодвигаютъ находки эти во времена древнѣйшія. Впрочемъ неподалеку отъ этой мѣстности, на правой сторонѣ р. Утки, почти насупротивъ моей дачи находится древній *городокъ*, извѣстный по актамъ подъ названіемъ „Уткинскаго городка“. Это большой искусственный сторожевой холмъ, насыпанный до высоты верхняго праваго края, окаймляющаго долину р. Утки съ правой стороны. Этотъ *городокъ* принадлежитъ къ дачѣ с-ца Маклашеевки, Трехъ-Озерской волости, на поляхъ котораго есть еще другой *городокъ* съ остатками вала. Въ этихъ мѣстахъ бывали находимы при полевыхъ и землекопныхъ работахъ различныя древнія вещи и монеты, изъ

которыхъ однѣ относятся къ X—XI вѣку, другія — къ XIV—XV. Это доказываетъ, что древнее обитаніе въ этихъ мѣстахъ существовало, какъ въ эпоху болгарскую, такъ и монголо татарскую. Но современное русское поселеніе расположилось не на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ было селище древнихъ обитателей: тѣ жили на верху края, тогда какъ русскіе поселенцы нашли для себя удобнѣе спуститься въ долину, поближе къ рѣчкѣ.

Тотъ фактъ, что на моей дачѣ каменные орудія были находимы въ томъ же слоѣ почвы, гдѣ попадаются въ изобиліи и куски древней желѣзной изгари, не указываетъ ли на то, что мы встрѣчаемся здѣсь съ эпохой начала „желѣзнаго вѣка?“ Для вѣрнѣйшей оцѣнки этого факта слѣдуетъ принять во вниманіе, что онъ наблюдался въ такой мѣстности, почва которой въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ оставалась нетронутой и, такъ сказать, пребывала дѣвственной, благодаря тому обстоятельству, что была поросшей лѣсомъ. Такихъ выгодныхъ условий для опредѣленія отношеній „каменнаго вѣка“ къ вѣкамъ послѣдующимъ не представляютъ находки предметовъ на пашнѣ, гдѣ поля распахиваются въ теченіе столѣтій, и почва которыхъ переворачивалась безчисленное число разъ.

Но, убѣдившись въ присутствіи слѣдовъ древней выплавки желѣза въ указанныхъ мѣстностяхъ, слѣдуетъ коснуться вопроса о томъ, какого рода желѣзную руду переплавляли древніе обитатели и откуда они добывали ее. Извѣстно, что желѣзо есть одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ въ природѣ металловъ. Виды его руды многочисленны, но не всѣ одинаково богаты содержаніемъ и удобны для выплавки. Пригодныхъ для этого дѣла рудъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ находятся залежи древней окалины, не встрѣчается, но правый берегъ Волги изобилуетъ ими. Тамъ находятся залежи желѣзнаго колчедана или *пирита*, весьма богатаго содержаніемъ желѣза, и добываніе котораго не представляетъ большихъ трудностей. Такъ напр. по прямому направленію противъ моей дачи, на правой сторонѣ Волги, находится большой оврагъ, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ образовался отвѣсный разрѣзъ почвы. Весеннія воды тающаго снѣга и проливные дожди, совокупно съ атмосферными перемѣнами въ разное время года, дѣйствуя разрушительно на обнаженіе напластованій, заставляютъ куски руды сваливаться на дно оврага. Лѣтъ пять тому назадъ ко мнѣ была доставлена случайно найденная на днѣ оврага превосходная большая окаменѣлая раковина (Аммонитъ), вымытая снѣговой или дождевой водой изъ того слоя почвы, который содержитъ желѣзную руду. Такимъ образомъ древніе обитатели могли брать свою руду на днѣ этого оврага безъ особенныхъ затрудненій. Кромѣ этого оврага, на правой сторонѣ Волги находится не мало и другихъ мѣстъ, гдѣ замѣчаются обнаженія пласта, содержащаго желѣзную руду. Руда съ праваго берега Волги могла доставляться въ лодкахъ, безъ которыхъ прибрежные жители, конечно, не могли обходиться. Лѣтописныя извѣстія указываютъ, что у волжскихъ болгаровъ были въ употребленіи лодки (См. П. С. Р. Л. т. I, стр. 165, гдѣ сказано подъ 1184 годомъ: „Болгаре же изъ города Собѣкуля и изъ Челмата поидоша въ лодьяхъ“ и далѣе: и прибѣгше къ Волзѣ въ учаны, и ту абе опровергоша учаны, и тако истопоша болѣ тысячи ихъ“).

Предметы изъ желѣза, которые мнѣ удалось собрать, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: оружіе и земледѣльческія орудія. Къ первымъ принадлежатъ два копейные

наконечника и четыре топора, изъ нихъ два были вѣроятно домашними орудіями. Ко второй категоріи принадлежатъ соха, четыре косы и два серпа.

Должно замѣтить, что всѣ эти предметы сохранились очень хорошо.

Оба копейные наконечники, найденные при распашкѣ новины, отличаются умѣренностью своихъ размѣровъ и нѣкоторой изящностью формъ. Въ древнихъ русскихъ описаніяхъ оружія, въ наконечникахъ копій наблюдались три части, именно: *перо*, или остріе копья, *тулея* или втулка, въ видѣ конусообразной трубки, надѣвавшейся на древко и *яблоко* или шарикъ, помѣщавшійся въ мѣстѣ соединенія пера съ тулеей. На найденныхъ наконечникахъ яблоковъ нѣтъ, и по общимъ формамъ наконечники эти не походятъ на употреблявшіеся въ Россіи копья (см. П. И. Савваитова „Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, извлеченныхъ изъ рукописей архива Московской Оружейной Палаты“, въ XI т. Записокъ Имп. Арх. Общ. 1865 г. табл. 5, рис. 21—24). Правда, что въ литературѣ нашей не встрѣчается отдѣльной монографіи о древнемъ русскомъ вооруженіи, и писатели касались этого предмета лишь вскользь, по немногимъ уцѣлѣвшимъ въ Оружейной Палатѣ образцамъ, которые относятся къ поздней эпохѣ. Поэтому для изслѣдователей представляется большое затрудненіе въ опредѣленіи такихъ предметовъ, съ этнографической стороны, тѣмъ болѣе, что многіе предметы, по части вооруженія, и оружіе, употреблявшіеся Русскими, по самымъ названіямъ оказываются заимствованными у народовъ азіатскихъ.

Первый изъ вышеупомянутыхъ копейныхъ наконечниковъ, *перо* или остріе котораго имѣетъ форму листовидную, по измѣренію его частей, представляетъ слѣдующіе размѣры.

Общая длина . . .	=	$5\frac{7}{16}$	вершк.
Длина пера . . .	=	$2\frac{5}{16}$	”
Длина тулеи . . .	=	$3\frac{3}{16}$	”
Діаметръ втулки =		$\frac{7}{16}$	”

Этотъ наконечникъ отличается замѣчательно чистой отдѣлкой. Конусообразная трубка тулеи правильно согнута, и края желѣзной пластинки весьма искусно сведены вмѣстѣ очень плотно. Въ нижнемъ концѣ краевъ пластинки углы отрѣзаны такъ, что представляются небольшія выемки, которыя будучи сближены, образуютъ отверстіе, въ которое вбивался гвоздь для укрѣпленія наконечника на древкѣ. Скрѣпой для тулейной трубки служитъ отдѣльное желѣзное кольцо, надѣтое на самый край трубки и, можетъ быть, приваренное къ ней на огнѣ. Такая тонкая и отчетливая работа, повидимому, не могла быть произведеніемъ простаго кузнеца, а вѣроятно производилась особыми оружейными мастерами. По срединѣ пера, по всей длинѣ его на обѣихъ сторонахъ проходитъ возвышенная линія или ребро, раздѣляющее плоскость острія на двѣ грани.

Второй наконечникъ имѣетъ остріе узкое и длинное, съ выступающей на обѣихъ сторонахъ по срединѣ, во всю длину, возвышенной линіей или ребромъ, раздѣляющимъ плоскости острія на двѣ грани, съ краями, едва выступающими въ мѣстѣ соединенія со втулкой, идущими параллельно и лишь у самаго кольца сходящими въ острый уголъ. Эта форма напоминаетъ собой нѣкоторые кремневые наконечники стрѣлъ неолитической эпохи. Измѣренія частей этого наконечника дали слѣдующіе результаты.

Общая длина . . = $5\frac{3}{16}$ вершк.
 Длина пера . . = $2\frac{1}{2}$ „
 Длина тулеи . . = $2\frac{11}{16}$ „
 Диаметр втулки = $\frac{1}{2}$ „

Этот наконечникъ сохранился хуже предыдущаго, но техника его таже, хотя работа кажется нѣсколько грубѣе. Онъ представляетъ ту особенность, что для прикрѣпленія къ древку, у него отверстіе не сдѣлано, какъ на первомъ, посредствомъ срѣзыванія угловъ сближенныхъ краевъ пластинки, образующей трубку, но на кольцѣ, скрѣпляющемъ втулку, выдѣлано особое выступающее ушко, въ которое вбивался гвоздь.

Соображая малый діаметръ внутри этихъ наконечниковъ, приходимъ къ заключенію, что *ратовица* или древки этихъ копій должны были быть очень тонки, а потому вѣроятно не могли быть очень длинны, ибо по тонинѣ своей такія длинныя ратовица должны бы были легко переламываться. Поэтому, вѣроятно, слѣдуетъ полагать, что древки этихъ копій были короче, нежели у обыкновенныхъ копій.

Я имѣю нѣсколько древнихъ копейныхъ наконечниковъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Казанской губерніи, но всѣ они отличаются отъ этихъ двухъ. Мерянскія древности, добытыя изъ раскопокъ П. С. Савельевымъ и графомъ А. С. Уваровымъ, между которыми встрѣчается такъ много предметовъ, не только аналогичныхъ, но даже и совершенно сходныхъ съ тѣми, которые находятъ въ почвѣ прежней Волжской Булгаріи, не представляютъ намъ наконечниковъ копій, похожихъ на эти два (см. Атласъ къ Трудамъ I Арх. Съѣзда, табл. XXX). Но зато мы находимъ аналогичные по формѣ и размѣрамъ съ нашимъ первымъ наконечникомъ между древностями, находимыми въ Швеціи (см. O. Montelius и Antiquités Suédoises; l'âge du fer, pag. 89, № 272, 275). Различіе заключается, можетъ быть, въ технической сторонѣ обдѣлки: такъ, напр. на шведскихъ наконечникахъ не видно, на широкомъ концѣ тулеи, скрѣпляющаго ее кольца и также не замѣтно отверстія, въ которое вбивался гвоздь, прикрѣпившій наконечникъ къ древку. Шведскіе археологи имѣли возможность изслѣдовать желѣзный вѣкъ Швеціи въ такихъ подробностяхъ, что могли признать въ немъ три эпохи, изъ которыхъ первая обнимала время отъ начала христіанской эры до 400 года; вторая, отъ 400 до 700 года, и третья, отъ 700 до второй половины XI вѣка. Замѣчательно, что желѣзные наконечники копій, сходные съ нашимъ первымъ наконечникомъ, относятся къ *первой* эпохѣ желѣзнаго вѣка въ Швеціи.

Топоры, этой мѣстности, отличаются разнообразіемъ формъ и тоже, сравнительно, скромными размѣрами. Въ теченіе времени я успѣлъ составить довольно значительную коллекцію топоровъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Казанской губернии и преимущественно изъ мѣстности, окружающей Биларское городище; но вновь найденные топоры не похожи на прежнія мои находки.

Очень возможно, что различнаго вида топоры предназначались и для различнаго употребленія, которое теперь, за совершенной неизвѣстностью всѣхъ подробностей быта древнихъ обитателей, разгадать весьма трудно.

Названіе „*топоръ*“ не русскаго происхожденія: оно заимствовано съ персидскаго „*табаръ*“, и поэтому можно думать, что и самое орудіе это перешло въ Россію изъ

Персія, гдѣ цѣлая страна носила названіе „*Табаристана*“ или „страны топоровъ“, столицей которой былъ городъ Амоль. Академикъ Б. Дорнъ, совершившій въ 1860—1861 г. путешествіе по Кавказу, говоритъ, что „первое, что бросилось мнѣ въ глаза, когда я вступилъ въ Мазандеранъ, т.-е. Табаристанъ, было то, что я не видѣлъ ни одного поселанина безъ топора въ рукахъ. Если бы меня спросили тогда, какъ слѣдуетъ назвать эту страну, то я, не задумываясь нимало, отвѣтилъ бы — *страною топоровъ*, Табаристаномъ“ (Б. Дорнъ, „Отчетъ объ ученѣмъ путешествіи по Кавказу“ въ VIII т. Трудовъ Вост. Отд. Имп. Арх. Общ., стр. 290).

Русское названіе для обозначенія топора должно бы быть: *сткіра*. По свидѣтельству Геродота, этимъ названіемъ обозначалось оружіе, аналогичное съ топоромъ, еще у древнихъ скивовъ. Названіе это существуетъ и въ древне-русскомъ вооруженіи, но обозначаетъ не топоръ, а другое сродное съ нимъ оружіе.

Какъ бы то ни было, но названіе *топоръ*, вмѣстѣ съ орудіемъ или оружіемъ, которое оно обозначаетъ, совершенно натурализовалось въ Россіи уже съ очень отдаленнаго времени. Въ русскихъ лѣтописяхъ встрѣчается упоминаніе о топорахъ въ первый разъ подъ 1071 годомъ, въ разсказѣ о появленіи двухъ волхвовъ въ Ростовской области и Янѣ Вышатѣ, хотѣвшемъ усмирить возставшихъ Бѣлозерцевъ: „Яневи же идущю съ топорцемъ, выступиша отъ нихъ три мужи... сунушася на Яня, единъ грѣшися Яня топоромъ, Янъ же, оборота топоръ, удари ѥ тыльемъ“. То же далѣе: „сиць бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ... Глѣбъ же возма топоръ подъ скутомъ, приде къ волхву... вынемъ топоръ, роста ѥ“ (см. П. С. Р. Л. т. I, стр. 75, 77, 78).

Казанская губернія, еще и теперь отчасти лѣсная, въ древнія времена должна была представлять гораздо болѣе лѣсныхъ пространствъ, совершенно непроходимыхъ, а потому нисколько не удивительно находить въ ея почвѣ множество топоровъ; но вопросъ, отъ чего зависѣло разнообразіе ихъ формъ и величины, остается все-таки неразрѣшимымъ.

По формамъ находимые здѣсь топоры раздѣляются на *боевые* и *простые*, по назначенію соотвѣтствующіе обыкновеннымъ, нынѣ употребляемымъ топорамъ. Извѣстно, что технически части топора раздѣляются на *лезо* или лезвее и *тылье* или обухъ. Между обѣими частями помѣщается втулка, надѣвающаяся на *топорище* или древко. Всѣ топоры, которые могутъ быть относимы къ боевымъ, при различной величинѣ, имѣютъ вычурныя формы. Втулка ихъ, внутри почти правильно круглая, обозначена съ профилей круглыми бляхами; лезвіе различныхъ формъ примыкаетъ къ втулкѣ болѣе или менѣе узкимъ перехватомъ, и тылье или обухъ также рѣзко выдѣляется отъ втулки, выступая болѣе или менѣе, въ видѣ молотка. Относительно формы топорища должно сказать, что, судя по совершенно круглой втулкѣ боевыхъ топоровъ, оно должно было имѣть видъ круглой палки болѣе или менѣе длинной. Иногда такое древко бывало такъ длинно, что почти равнялось росту человѣка или доходило до плеча, какъ это бывало замѣчаемо при раскопкахъ нѣкоторыхъ изъ мерянскихъ кургановъ по положенію топоровъ при костякахъ.

Изъ числа найденныхъ въ вышеупомянутой мѣстности топоровъ, изображенія которыхъ здѣсь прилагаемъ, четыре экземпляра, по формамъ, принадлежатъ къ числу *боевыхъ*. Измѣренія ихъ дали слѣдующіе результаты:

№ 1, отличающийся тѣмъ, что лезвіе его косое, слегка дугообразное; втулка круглая; обухъ четырехугольный.

Общая длина	= $4\frac{1}{2}$	вершка.
Ширина лезвія	= $2\frac{5}{16}$	"
Діаметръ втулки	= $1\frac{4}{16}$	"
Ширина обуха	= $1\frac{3}{16}$	"

№ 2, представляетъ тѣ же формы, но менѣ развитыя; отличается совершенно тупымъ лезвіемъ.

Общая длина	= $4\frac{1}{16}$	вершка.
Ширина лезвія	= $1\frac{13}{16}$	"
Діаметръ втулки	= $\frac{7}{8}$	"
Ширина обуха	= $\frac{6}{8}$	"

№ 3, отличается очень узкимъ перехватомъ близъ втулки и вытянутымъ книзу широкимъ лезвіемъ, которое здѣсь прямое, но тоже слегка дугообразное; втулка правильно

Рис. 1.

круглая; тылье четырехугольное, но узкое, и поверхность его не плоская, а дугообразно выпуклая.

Общая длина	= $4\frac{2}{16}$	вершка.
Ширина лезвія	= $2\frac{1}{16}$	"
Діаметръ втулки	= $\frac{7}{8}$	"
Ширина обуха въ горизонтальномъ направленіи	= $1\frac{3}{16}$	"
" " " вертикальномъ " "	= $\frac{1}{2}$	"

№ 4, аналогичный по формамъ съ предыдущимъ, но лезвіе его еще болѣе вытянуто книзу и уже, чѣмъ у предыдущаго. Край лезвія не былъ отточенъ; втулка овальная. Форма обуха такая же, какъ у предыдущаго.

Общая длина	= $3\frac{2}{16}$	вершка.
Ширина лезвія	= $2\frac{7}{16}$	"
Діаметръ втулки по длинной оси	= $1\frac{4}{16}$	"
Ширина обуха въ горизонтальномъ направленіи	= $1\frac{3}{16}$	"
" " " вертикальномъ " "	= $\frac{7}{16}$	"

Всѣ эти топоры очень хорошо сохранились. У двухъ изъ нихъ, №№ 1 и 3, края лезвія отточены, у двухъ прочихъ, №№ 2 и 4, лезвія вѣроятно не были отточены. Отточенные края еще настолько ровны и прочны, что ими можно рѣзать и теперь. Свойство желѣза, изъ котораго сдѣланы топоры, повидимому не уступаетъ булату или стали.

№ 5 и № 6, принадлежатъ вѣроятно къ *простымъ* топорамъ или домашнимъ орудіямъ, при чемъ № 5 нѣсколько напоминаетъ орудія, употребляемыя каменотесами, а № 6 по своей формѣ приближается къ обыкновеннымъ топорамъ съ отточеннымъ лезвіемъ и съ выемкой на нижней части его. Онъ выдѣланъ такъ же тщательно, какъ и боевые топоры, по всѣмъ признакамъ современенъ съ ними и судя по его отдѣлкѣ, не могъ быть издѣліемъ простаго кузнеца. У топора № 5 втулка неправильно четырехугольная, и тылье дугообразно выгнуто. У № 6 отверстіе втулки имѣетъ видъ вытянутаго треугольника. Тылье его прямолинейно и внизу, съ боковъ, выступаетъ двумя углами; задняя плоскость слегка выпуклая.

Измѣреніе частей обоихъ топоровъ представляютъ слѣдующіе результаты:

№ 5. Общая длина	= $4\frac{3}{16}$	вершка.
Ширина лезвія	= $1\frac{4}{16}$	”
Діаметръ втулки по длинѣ	= $\frac{6}{8}$ или $\frac{3}{4}$	”
” ” въ поперечникѣ	= $\frac{9}{16}$	”
№ 6. Общая длина	= $3\frac{1}{8}$	вершка.
Ширина втулки	= $1\frac{13}{16}$	”
Длина втулки	= $1\frac{3}{16}$	”
Ширина обуха	= $1\frac{7}{16}$	”
Его толщина	= $\frac{11}{16}$	”

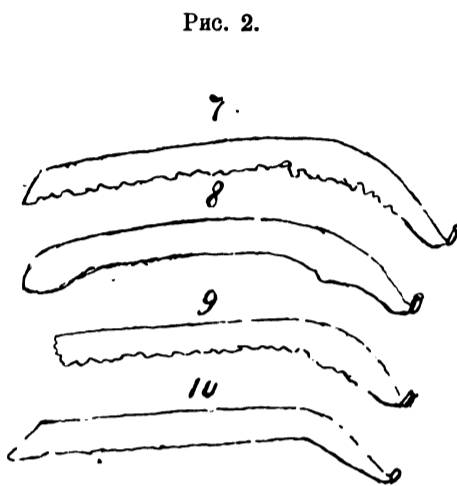
Описанные топоры, хотя въ общихъ чертахъ и аналогичны съ тѣми, которые были находимы въ мерянскихъ курганахъ, представляютъ однакоже такія особенности въ подробностяхъ своихъ формъ, какихъ мы не находимъ въ мерянскихъ топорахъ (см. Атласъ къ Трудамъ I Арх. Съѣзда, Табл. XXIX). Главное отличіе нашихъ топоровъ, сравнительно съ мерянскими, представляетъ короткое тылье, подобное которому мы замѣчаемъ у одного топора, найденнаго въ Швеціи и относимаго къ 1 эпохѣ желѣзнаго вѣка (см. O. Montelius, l'âge du fer, p. 87, № 263). Но топоръ этотъ не имѣетъ круглыхъ бляхъ, обозначающихъ втулку, какъ на нашихъ топорахъ. Подобное обозначеніе втулки круглыми бляхами, мы находимъ на другомъ топорѣ, найденномъ тоже въ Швеціи, но относящемся къ III эпохѣ желѣзнаго вѣка (см. O. Montelius, l. c. p. 143 № 481); однакоже этотъ экземпляръ вовсе не имѣетъ выступающаго тыля. Очень можетъ быть, что различіе или варіація въ детальныя частяхъ топоровъ и не имѣютъ значенія въ хронологическомъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ эта вытянутая форма топоровъ, съ поперечнымъ отверстіемъ для насады и съ обухомъ, округленнымъ въ видѣ молотка, представляется очень древней, ибо встрѣчается уже въ бронзовомъ вѣкѣ, въ Швеціи (ср. O. Montelius, l'âge du bronze, p. 42, fig. 133). Въ Гальштадтскую эпоху появляются уже желѣзные топоры, по общему виду весьма аналогичные съ на-

шими древними топорами (См. *Materiaux p. l'hist. de l'homme*, XVIII vol. 1884, *Necropoles Halstattiennes*, p. 130, fig. 67 et 68).

Изъ числа земледѣльческихъ орудій были мнѣ доставлены: 1) желѣзные принадлежности сохи, состоящія изъ четырехъ частей (хотя по формѣ предметовъ можно угадывать ихъ назначеніе, но они не похожи на нынѣшніе); 2) четыре косы и 3) два серпа.

Всѣ четыре экземпляра косъ, сохраняя общій видъ предмета, варьируютъ въ размѣрахъ и деталяхъ въ той же степени, какъ и топоры.

№ 7. Этотъ экземпляръ, большій изъ всѣхъ, представляетъ въ части, обращенной къ древку, крутой, дугообразный изгибъ. Передній конецъ этой косы переходитъ подъ тупымъ угломъ въ остріе. Отточенное лезвие только на $1\frac{1}{2}$ вершка не доходило до задняго конца. Этотъ экземпляръ сильно тронутъ ржавчиной. Длина, по изгибу клинка = 13 вер. Ширина въ удѣлѣвшихъ, наиболѣе широкихъ мѣстахъ = 1 вершокъ.

№ 8. Хорошо сохранившійся экземпляръ. Изгибъ менѣе крутъ, нежели у предыдущей косы. Носокъ клинка округленный. Лезвие оттачивалось съ внутренняго края до угловатаго выступа. Длина по изгибу клинка = $11\frac{1}{2}$ вер. Ширина клинка въ срединѣ = $1\frac{1}{16}$ вер. Ширина въ мѣстѣ выступа угла, гдѣ оканчивается лезвие = $1\frac{1}{16}$ вер.

№ 9. Экземпляръ сильно перержавѣвшій и съ отломаннымъ носкомъ; замѣчательнъ прямолинейностью своей формы, дугообразно сходящей къ древку, въ задней части клинка. Лезвие оттачивалось до начала изгиба клинка, на внутреннемъ краѣ обозначеннаго легкимъ выступомъ, въ родѣ того, какъ на предыдущемъ. Эта неотточенная часть лезвія = $2\frac{1}{4}$ вер. Длина по изгибу клинка = $10\frac{1}{4}$ вер. Ширина въ удѣлѣвшихъ наиболѣе широкихъ мѣстахъ = $\frac{3}{4}$ вер. Ширина въ мѣстѣ изгиба = $1\frac{1}{16}$ вершка.

№ 10. Хорошо сохранившійся клинокъ, отличающійся особенной старательностью выдѣлки, замѣчательный какъ прямолинейностью своихъ контуровъ, такъ и скромностью размѣровъ, сравнительно съ другими экземплярами. Съ верхней стороны по краю тыля, у него, въ видѣ украшенія, выдѣлана насѣчка. Носокъ его очень острый, аналогиченъ по устройству съ № 7; но здѣсь онъ болѣе вытянутъ. Лезвие оттачивалось до изгиба неотточенное пространство = 2 вер. Длина по изгибу клинка = $10\frac{6}{16}$ вер. Ширина въ наиболѣе широкой части = $\frac{3}{4}$ вершка.

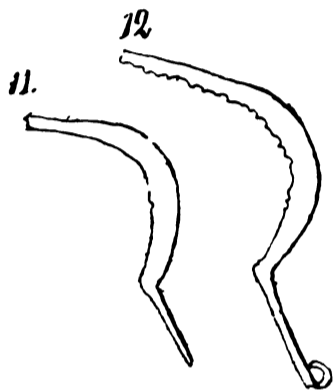
Всѣ эти клинки косъ отличаются очень короткими шпильками, служившими для насады въ древо. Они такъ коротки, что даже представляется непонятнымъ, какимъ образомъ такіа косы могли держаться прочно въ древкѣ.

Оба серпа тоже отличаются различіемъ въ своихъ размѣрахъ. Ихъ формы не походятъ на нынѣ употребляемые серпы; но все же настолько аналогичны съ послѣдними, что признать ихъ назначеніе не трудно.

№ 11. Серпъ малой величины. Онъ настолько сохранился, что съ нижней стороны его можно еще замѣтить грубую насѣчку лезвія, которая на $1\frac{1}{2}$ вершк. отъ рукоятки оставлена тупымъ. Острый конецъ клинка обломанъ. Длина по изгибу клинка = $6\frac{2}{16}$ вершк. Длина рукоятки = $2\frac{1}{16}$ вершк. Ширина клинка въ наиболѣе широкой части = $\frac{5}{8}$ вершк.

№ 12. Серпъ болѣшихъ размѣровъ. Острый конецъ клинка его тоже обломанъ. Этотъ экземпляръ болѣе тронутъ ржавчиной, но и у него на нижней поверхности,

Рис. 3.

по краю лезвія, можно замѣтить мѣстами грубую насѣчку, а на верхней поверхности — соотвѣтствующія имъ явственные зубчики. Лезвіе оставалось неотточеннымъ отъ рукоятки на $1\frac{5}{8}$ вершк. Длина по изгибу лезвія = $8\frac{14}{16}$ вершк. Длина рукоятки вмѣстѣ съ крючкомъ = $3\frac{10}{16}$ вершк. Ширина клинка въ наиболѣе широкой части = $\frac{5}{8}$ вершк. Судя по тому, что рукоятка этого серпа загнута внизъ крючкомъ, можно думать, что у древнихъ серповъ не употреблялись деревянные рукоятки, а просто желѣзный шпиль обертывался, на время работы, какимъ-нибудь тряпьемъ, что могло предохранять руку отъ набиванія мозолей, неизбежно происходящихъ при жнитвѣ серпами съ деревянными рукоятками.

Изъ другихъ желѣзныхъ предметовъ, найденныхъ въ той же мѣстности, слѣдуетъ упомянуть о длинномъ заостренномъ *желѣзномъ прутѣ*, въ діаметрѣ равнявшемся $\frac{1}{8}$ вер.; съ одного конца онъ сходилъ въ очень тонкое остріе; на другомъ концѣ имѣлъ насадъ, въ видѣ шпинька. Длина всего прута нѣсколько болѣе $1\frac{1}{2}$ арш. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ шпинекъ соединяется съ прутомъ, сдѣлано шарообразное утолщеніе. Самый прутъ круглый, а шпинекъ у основанія четырехгранный и длина его равняется 2 вершк. Очевидно, что *насадъ* былъ предназначенъ для деревянной рукоятки, которая, судя по длинѣ прута, не могла быть длинной, т.-е. похожей на копейное ратовище. Можно полагать, что, по назначенію своему, это оружіе было сходно съ тѣмъ, которое въ древнихъ нашихъ описяхъ называется *кончаръ*. Это названіе взято съ татарскаго *ханджаръ*, собственно означающаго кинжалъ. Въ цитированномъ нами выше „Описаніи старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія и пр.“ П. И. Савваитова, авторъ такъ опредѣляетъ *кончаръ*: „прямое оружіе съ длиннымъ (аршина въ 2) трехграннымъ или четырехграннымъ клинкомъ, котораго острый конецъ могъ проникать сквозь кольца панцыря“ (I. с. Объяснительный указатель, стр. 468). Такому назначенію могъ очень удобно соотвѣтствовать и упомянутый желѣзный прутъ, который можетъ быть даже и представляетъ собой первообразъ *кончара*. Впрочемъ должно сказать, что заостренный желѣзный прутъ есть такое простое по устройству оружіе, которое, будучи разъ придумано, уже не выходило изъ употребленія, и у простаго класса народа еще, кое-гдѣ, и понынѣ существуетъ. Но экземпляръ, нами описанный, по всѣмъ признакамъ, древняго происхожденія. Желѣзо его въ изломѣ оказывается очень чистымъ и серебристаго цвѣта.

Изъ мелкихъ предметовъ, найденныхъ въ той же мѣстности, доставлены мнѣ удила. Они устроены наподобіе мундштучныхъ, съ длинными, прямыми баранчиками и походятъ на тѣ, какія попадаются около Биларскаго городища. По своему устройству они довольно аналогичны съ тѣми, которыя находятъ въ Германіи и относятся къ эпохи Меровинговъ, какъ напр. въ музеѣ Зигмарингенъ (См. у А. Demmin, Guide des amateurs d'armes et d'armures anciennes, p. 174, №№ 55 et 56); но въ Копенгагенскомъ музеѣ совершенно сходныя съ № 55 удила отнесены къ желѣзному вѣку (См. ibid. p. 388, № 8). Разница въ устройствѣ заключается лишь въ томъ, что у нашего экземпляра звѣнья проходятъ сквозь баранчики, а у тѣхъ баранчики продѣты въ звѣнья, концы которыхъ загнуты кольцомъ.

Весьма рѣдки въ описываемой мѣстности наконечники отъ стрѣлъ, такъ часто встрѣчаемые напр. около пригорода Биларска. Укажу однакожь на доставленный мнѣ крестьянскимъ мальчикомъ изъ сосѣдняго с-ца Маклашеевки, прекрасный, повидимому стальной, наконечникъ стрѣлы. Онъ, по словамъ находчика, былъ найденъ въ береговомъ пескѣ р. Утки, вмѣстѣ съ другимъ *костянымъ* наконечникомъ, который ребяташки, играя, затеряли. Трехгранная его грани вдавлены желобкомъ, а ребра выступаютъ въ видѣ крыльевъ; по формѣ своей онъ напоминаетъ бронзовые наконечники, которые нерѣдко находятъ въ нашихъ южныхъ степяхъ. Онъ отличается отъ нихъ только отсутствіемъ острыхъ бородокъ на бедрахъ втулки, которыя замѣняетъ насадъ въ видѣ шпинька. Общая длина = $1\frac{7}{16}$ вершк., длина острія = $\frac{15}{16}$ вершк., длина насада = $\frac{1}{2}$ вершк.

Рис. 4.

Если судить по формѣ этого наконечника, то его слѣдовало бы считать очень древнимъ, ибо форма его, очевидно, повторяетъ форму бронзовыхъ наконечниковъ. Такому заключенію не противорѣчило бы и то обстоятельство, что вмѣстѣ съ нимъ былъ найденъ *костяной* наконечникъ стрѣлы. Въ русскихъ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминается о *стрѣлахъ* подъ 968 годомъ, въ разсказѣ объ осадѣ Кіева Печенѣгами, которые стрѣляли ими въ Кіевского отрока, взявшагося увѣдомить русское войско, находившееся за Днѣпромъ, объ опасности, угрожавшей Кіевлянамъ. Воевода Прѣтичъ помѣнялся съ Печенѣжскимъ княземъ оружіемъ, по просьбѣ его, при чемъ этотъ послѣдній далъ Прѣтичу коня, саблю и *стрѣлы*, а Прѣтичъ далъ ему броню, щитъ и мечъ. (См. П. С. Р. Л. т. I, стр. 28). Изъ этого извѣстія можно заключить, что во второй половинѣ X вѣка въ русскомъ вооруженіи еще не были приняты лукъ и стрѣлы, которые въ то время употреблялись у кочевниковъ тюркскаго происхожденія. По нѣкоторымъ выраженіямъ въ „Словѣ о полку Игоревомъ“ тоже можно заключать, что стрѣлы были преимущественно оружіемъ кочевниковъ; напр. „идти дождю стрѣлами съ Дону великаго“, или „вѣтри вѣютъ съ моря стрѣлами“. Но затѣмъ, гораздо позднѣе, въ числѣ русскаго вооруженія лукъ и стрѣлы стали общеупотребительными и въ описяхъ оружія, относящагося къ XVI и XVII вѣкамъ, встрѣчаются уже подробныя описанія весьма разнообразныхъ стрѣлъ по ихъ особенностямъ. Такъ древки стрѣлъ бывали *тростяныя*, *камышевыя*, *березовыя*, *яблонныя*, *кедровыя* и *чипрасовыя* (кипарисныя). Желѣзныя острія или наконечники, называвшіеся *копейцами*, были: *двухгранныя*, *трехгранныя*,

четырёхгранные, гладкіе ложчатые, желобчатые. Были и особыя названія для различныхъ видовъ стрѣль, напр. *томары, срезни, болты, северги и кайдалики.* Точно также употреблялись для различнаго рода стрѣль и этнографическіе термины, напр. стрѣлы кизилбашскія, черкасскія, калмыцкія и крымскія (См. П. И. Саввантова 1. с. стр. 535—536). По этому описанію нашъ наконечникъ стрѣлы могъ бы быть охарактеризованъ также названіемъ *троеграннаго и ложчатаго.* Но должно ли это умалить его древность и послужить основаніемъ къ тому, чтобы отнести его къ XVI и XVII вѣку? Я думаю, что нѣтъ, ибо мы не имѣемъ передъ собой для сравненія подобныхъ наконечниковъ изъ XVI и XVII вѣка; но если бы даже между ними оказалось и полное сходство въ формѣ и размѣрахъ, то и въ такомъ случаѣ они могли бы относиться къ разнымъ вѣкамъ потому, что въ древнія времена формы предметовъ бывали весьма устойчивы и упорно сохранялись безъ всякаго измѣненія, или съ незначительными варіаціями, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Такъ, напр., *боевые топоры,* съ широкимъ вытянутымъ къ низу лезвіемъ, столь характерны по своей формѣ и подобные тѣмъ, какіе графъ А. С. Уваровъ находилъ въ раскопкахъ Мерянскихъ кургановъ (См. Атласъ къ Труд. I Арх. Съѣзда, таб. XXIX, фиг. 11), слѣдовательно, въ принадлежности которыхъ къ X—XI вѣку не можетъ быть никакого сомнѣнія, употреблялись въ русскомъ вооруженіи еще въ XVII столѣтіи. Я встрѣтилъ нѣсколько экземпляровъ подобныхъ топоровъ въ Дрезденскомъ королевскомъ арсеналѣ, гдѣ они также значатся, какъ принадлежащія къ оружію русской пѣхоты XVII вѣка. Въ подтвержденіе высказаннаго мнѣнія обращаю вниманіе читателя на то, что въ Швеціи находятъ боевые топоры, сходные по своимъ формамъ, одни изъ 1-й эпохи желѣзнаго вѣка, а другіе изъ 3-й, то-есть по опредѣленію шведскихъ археологовъ, одни отъ другихъ должны быть съ промежуткомъ времени между одной и другой эпохой около 600 лѣтъ (Ср. у О. Montelius, 1. с. p. 88, fig. 263 et p. 143, fig. 483).

Изъ числа предметовъ древняго вооруженія, доставленныхъ мнѣ, слѣдуетъ еще упомянуть о желѣзной гирькѣ отъ *кистена,* найденной во время пахоты въ полѣ, принадлежащемъ къ дачѣ с-ца Маклашеевки. Выше было уже упоминаемо, что въ этомъ полѣ существуютъ слѣды древняго поселенія, гдѣ находятъ различные предметы древняго быта и, между прочимъ, монеты Саманидовъ, Буйидовъ и Джучидовъ, что конечно доказываетъ, что мѣстность эта была обитаемой въ X—XIV вѣкахъ. *Кистень* принадлежитъ къ такого рода оружію, котораго происхожденіе неизвѣстно. Оно могло быть употребляемо какъ въ древнія времена, такъ и въ новѣйшія. Объ употребленіи его въ Россіи, въ древнюю эпоху, мы не имѣемъ свѣдѣній; относительно же новѣйшей эпохи извѣстно, что это оружіе, частнымъ образомъ, было употребляемо какъ въ прошломъ столѣтіи, такъ и въ началѣ текущаго, преимущественно волжскими разбойниками. По формѣ и наружному виду, указывающему на древность, мы не рѣшаемся отнести эту гирьку отъ кистена къ новѣйшему времени, тѣмъ болѣе, что въ болгарскомъ и биларскомъ городищахъ бывали находимы гирьки разнаго вида и величины, только *бронзовыя,* нѣсколько экземпляровъ которыхъ находятся въ моей коллекціи. Очень можетъ быть, что онѣ служили оружіемъ древнему мѣстному населенію. Размѣръ желѣзной гирьки въ общей величинѣ = $1\frac{9}{16}$ вер. Вѣсъ 47 зол. Круглое отверстіе ушка вызываетъ со-

ображеніе, что гиря прикрѣплялась не къ ремню, а скорѣй къ веревкѣ или къ желѣзной цѣпи.

Въ старинныхъ описяхъ древняго русскаго оружія намъ не случалось встрѣчать описанія кистеня или похожаго на него оружія; но въ западной Европѣ, въ средніе вѣка, употреблялось оружіе, довольно аналогичное съ кистенемъ, подъ именемъ *военнаго бича* (fléau d'armes, flegel, military-flails). При раскопкахъ мерянскихъ кургановъ графъ А. С. Уваровъ тоже находилъ орудія, весьма сходныя съ кистенемъ (см. Труды I Арх. Съѣзда, т. II, стр. 760), что могло бы служить доказательствомъ, что употребленіе кистеня, въ древнія времена въ Россіи, не ограничивалось Заволжьемъ.

Рис. 5.

Самая же интересная находка этого года была сдѣлана въ мѣстности, примыкающей къ дачамъ с. Знаменскаго (Волостниковка), Жедяевской волости, того же Спасскаго уѣзда. Эта мѣстность называется Валдаями, и часть ея была въ этомъ году распахана владѣльцами-крестьянами. При распашкѣ новины найдены пять *бронзовыхъ серповъ*, сложенныхъ въ кучу.

Находки земледѣльческихъ орудій изъ эпохи бронзоваго вѣка въ предѣлахъ Казанской губерніи встрѣчаются очень рѣдко, хотя въ районѣ древняго города Булгара слѣды его бывали находимы и прежде. Въ мѣстности пригорода Билярска, Чистопольскаго уѣзда, чаще встрѣчались памятники бронзоваго вѣка, и между ними имѣется *серпъ*, подобный нынѣ описываемымъ.

Одинъ изъ экземпляровъ найденныхъ серповъ, который удалось мнѣ приобрести, представляетъ нѣчто среднее между косою и серпомъ. Клинокъ его, отъ того мѣста, гдѣ должна была находиться рукоятка, постепенно расширяется и только у самаго конца снова суживается и заканчивается закругленнымъ носкомъ. Лезвие оттачивалось почти во всю длину клинка, и отъ того мѣста, которое оставалось тупымъ, внутренняя контурная линія, подъ тупымъ угломъ, заворачиваетъ назадъ и, постепенно сближаясь съ наружной контурной линіей, переходитъ въ острие, которое заканчивается небольшимъ крючкомъ. Эта послѣдняя подробность повторяется на всѣхъ, видѣнныхъ мною, бронзовыхъ серпахъ. Размѣры нашего серпа слѣдующіе: длина, по изгибу клинка, начиная отъ конца крючка = $8\frac{3}{8}$ вер.; ширина клинка, въ наиболѣе широкихъ мѣстахъ = $2\frac{7}{32}$ вер.; наименьшая ширина, у тупаго угла = $1\frac{19}{32}$ вер.; длина отъ тупаго угла до конца, загнутаго крючкомъ = $1\frac{16}{32}$ вер.

Рис. 6.

Если принять во вниманіе короткость той части, которая могла быть утверждена въ рукояткѣ, и конецъ ея, загнутый крючкомъ, то весьма трудно угадать устройство рукоятки, и невольно представляется вопросъ: была ли здѣсь рукоятка? Намъ случалось видѣть только одни клинки серповъ и мы не знаемъ ни одного такого случая, гдѣ бы серпъ изъ бронзоваго вѣка былъ найденъ съ рукояткой. Это обстоятельство даетъ поводъ соображать, что бронзовые серпы, по всей вѣроятности, употреблялись въ дѣлѣ иначе, нежели желѣзные. На это указываетъ, можетъ быть, малый изгибъ клинка и его

ширина, почти вдвое превосходящая ширину клинковъ желѣзныхъ серповъ. Однимъ словомъ, вѣроятно, что при жнитвѣ серпъ ухватывался рукой съ наружной тупой стороны клинка, въ наиболѣе широкомъ его мѣстѣ, и колосья срѣзались какъ бы ножемъ.

Не должно упускать изъ вида, что бронзовый вѣкъ, въ постепенномъ развитіи человѣческой цивилизаціи, заступилъ мѣсто каменнаго, отъ котораго необходимо долженъ былъ наследовать и формы орудій, конечно, постепенно ихъ улучшая и развивая сообразно потребности и тѣмъ удобствамъ, которыя представлялъ новый матеріалъ. Припомнимъ, что встрѣчаются *бронзовые* топоры, въ точности воспроизводящія формы нѣкоторыхъ *каменныхъ* топоровъ. Такъ и *бронзовые* или мѣдные серпы, какъ описываемый здѣсь, и другіе, которые намъ случалось видѣть, еще не имѣющіе формъ, отличающихъ желѣзные серпы, какъ орудія самостоятельныя, а походящія болѣе на какіе-то *кривые ножи*, — не имѣли ли своего прототипа между издѣліями каменнаго вѣка? Въ Казанской губерніи встрѣчаются выдѣланные изъ кремня *кривые ножи*, форма которыхъ представляетъ большую аналогію съ поименованными бронзовыми серпами. Различіе заключается лишь въ размѣрахъ и матеріалѣ. Дѣйствительное назначеніе такихъ кремневыхъ ножей неизвѣстно; а потому, конечно, трудно утверждать, что оно было тождественно съ употребленіемъ кривыхъ мѣдныхъ ножей, которые признаются *серпами*. Но мы не имѣемъ также положительныхъ доказательствъ и того, чтобы съ наступленіемъ бронзоваго вѣка начиналась повсемѣстно и эпоха земледѣлія. Послѣ открытій, сдѣланныхъ въ Швейцаріи въ нѣкоторыхъ свайныхъ постройкахъ, слѣдуетъ заключать, что культурное человѣческое развитіе уже въ неолитическую эпоху каменнаго періода могло дойти, вслѣдствіе насущныхъ потребностей, не только до разведенія хлѣбныхъ злаковъ, но также и тѣхъ растений, которыя даютъ длинныя волокна, служащія къ выработкѣ нитей, изъ которыхъ приготовлялись ткани для одежды. По этому вопросу кстати будетъ привести мнѣніе покойнаго П. И. Лерха, не мало занимавшагося доисторической археологіей вообще и русской въ частности. „И при незнакомствѣ съ металлами, — говоритъ этотъ изслѣдователь, — т.-е. при употребленіи *орудій* изъ *камня, кости и дерева, возможно земледѣліе*, что между прочимъ доказано примѣромъ нѣкоторыхъ изъ озерныхъ поселеній на сваяхъ въ Швейцаріи. Въ нихъ не нашлось никакого слѣда металлическихъ произведеній; орудія всѣ были изъ камня, кости или рога а между тѣмъ нашлись слѣды *значительныхъ хлѣбныхъ запасовъ и тканей изъ льна*“ (См. Извѣстія Им. Рус. Арх. Общ. т. VI, отд. 2, стр. 230—231).

Если такъ было въ Швейцаріи у обитателей озерныхъ поселеній, то нѣтъ никакого повода считать этотъ фактъ исключительнымъ. Не взирая на расовыя различія, человѣческая натура вездѣ одинаково подчинена необходимымъ насущнымъ потребностямъ и если въ Швейцаріи человѣчество, не будучи знакомо съ металлами, могло придумать искусственное разведеніе полезныхъ для себя растений, то почему бы и въ Россіи люди каменнаго вѣка не могли дойти до такихъ же изобрѣтеній, побуждаемые къ тому той же заботой о поддержаніи существованія? Безъ сомнѣнія первобытная агрикультура не могла имѣть тѣхъ размѣровъ, въ которыхъ земледѣліе является въ наше время. Но, какъ бы ни были скромны размѣры, въ данномъ случаѣ важны не они, а признаніе того факта, что земледѣліе возможно и при отсутствіи металлическихъ орудій. Весьма

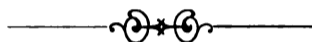
правдоподобно, что первоначальное воздѣлываніе земли было похоже на огородничество: обрабатывались небольшія пространства и земля разрыхлялась орудіями, въ родѣ *мотыкъ*. Такими орудіями могли служить, въ началѣ, древесныя сучья. Но въ Казанской губерніи находятъ и каменныя орудія, которыя по своимъ значительнымъ размѣрамъ не могли быть топорами, а вѣроятно служили мотыками для разрыхленія почвы. Въ моей коллекціи находится одинъ экземпляръ такого орудія, найденный по сосѣдству съ моей дачей, въ крестьянскомъ полѣ д. Березовки, Спасскаго уѣзда. Оно сдѣлано изъ песчаника и замѣчательно тѣмъ, что форма его походитъ на желѣзную мотыку, найденную близъ Булгарскаго городища.

Когда дѣло доходило до собиранія жатвы, то, по всей вѣроятности, первоначально растенія не срѣзывались, а вырывались изъ земли съ корнями; но когда было замѣчено что это истощаетъ почву, придумали срѣзывать траву, оставляя корни въ землѣ. Чѣмъ же могло бы производиться это *срѣзываніе*, при отсутствіи металлическихъ орудій, какъ не кремневыми осколками, извѣстными въ наукѣ подъ именемъ *ножевыхъ клинковъ*? Очень понятно, что назначеніе такихъ орудій какъ кремневые осколки, не было специализировано и исключительно для того, чтобы срѣзывать поспѣвшіе злаки; такое *рѣжущее* орудіе, конечно, могло имѣть многостороннее назначеніе; но между каменными орудіями встрѣчаются также, нарочно выдѣланные изъ большихъ кусковъ кремня, какіе-то дугообразно выгнутые предметы, съ острыми зубчатыми лезвіями, которые по своей формѣ могутъ быть охарактеризованы названіемъ *кривыхъ ножей*. Исключительность ихъ формы указываетъ и на исключительность употребленія, которое, за недостаткомъ подробныхъ свѣдѣній о бытовой обстановкѣ людей каменнаго вѣка, угадать съ точностью невозможно; но мы выше упоминали, что мѣдные *кривые ножи* послѣдующаго бронзоваго вѣка, которые можно признать за *серпы*, страннымъ образомъ воспроизводятъ формы этихъ *кремневыхъ* кривыхъ ножей. Такая аналогія въ формахъ двухъ предметовъ, изъ которыхъ одинъ можетъ безспорно считаться серпомъ, возбуждаетъ вопросъ: не должны ли и каменные кривые ножи считаться первобытными серпами? Правда, что мы не дѣлали опыта примѣнять эти орудія къ жнитву, но острое зазубренное лезвіе ихъ, кажется, могло бы соответствовать такому назначенію. Въ этомъ случаѣ они должны были употребляться безъ рукоятки, такъ же какъ, повидимому, употреблялись бронзовые серпы. Очень можетъ случиться, что при испытаніи на жнитвѣ кремневыхъ орудій, дѣло оказалось бы труднымъ, съ точки зрѣнія современнаго жнитва, желѣзными серпами, но не слѣдуетъ забывать, что въ первобытныя времена, при очень скромныхъ размѣрахъ обработки земли, могли быть употребляемы и другіе приемы жнитва, при которыхъ неизбѣжно требовалось болѣе терпѣнія и настойчивости. Если и въ наши дни наступленіе жатвы у земледѣльцевъ извѣстно подъ именемъ *страды*, то въ первобытныя времена эта эпоха, несомнѣнно, должна была быть еще болѣе, *страдной*; но въ эпоху каменнаго вѣка и вся жизнь человѣческая проходила въ непрерывной *страдѣ*, которую не мало должна была причинять хотя бы одна безконечная выдѣлка каменныхъ орудій.

Въ то время, когда писалась эта статья, мнѣ доставили еще одинъ *бронзовый топоръ*, найденный въ теченіе лѣта въ Лаишевскомъ уѣздѣ. По своей формѣ онъ

походить на тотъ, который былъ найденъ въ Костромской губерніи, близъ с. Туровскаго, въ Галичскомъ уѣздѣ, въ 1835 году, и изображеніе котораго по рисунку, доставленному П. И. Лерхомъ, помѣщено въ изслѣдованіи графа Уварова; „Меряне и ихъ бытъ, по курганнымъ раскопамъ“ (См. Труды I Арх. Съѣзда, т. II, стр. 662). Длина нашего топора = $3\frac{3}{4}$ вершк.; ширина лезвія = $1\frac{5}{16}$ вершк. Въ отношеніи величины онъ уступаетъ упомянутому экземпляру, въ особенности по ширинѣ лезвія, которое гораздо уже; но за то размѣры частей нашего топора представляютъ болѣе красивый общій контуръ.

Въ Россіи находки предметовъ бронзоваго вѣка такъ рѣдки, что я считаю необходимымъ слѣдить за всѣми подобными находками и думаю, что моя работа не пропадетъ даромъ при послѣдующемъ изученіи бронзоваго вѣка въ Россіи.

Слѣды бронзоваго вѣка въ Казанской губерніи.

А. Э. Лихачева.

Въ то время, какъ новѣйшія археологическія изслѣдованія, столь энергично производящіяся въ различныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества, почти повсюду открываютъ слѣды существованія каменнаго вѣка, находки слѣдовъ бронзоваго вѣка оказываются, сравнительно, очень рѣдкими. Вслѣдствіе этой рѣдкости находокъ бронзовыхъ предметовъ является невозможность составить себѣ представленіе о бронзовомъ вѣкѣ, какъ о періодѣ времени болѣе или менѣе продолжительномъ и оттого возникаетъ сомнѣніе въ существованіи самостоятельнаго вѣка бронзы. Такое сомнѣніе еще усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ сдѣланныя доселѣ наиболѣе капитальныя открытія въ области нашей доисторической археологіи знакомятъ насъ лишь съ концомъ бронзоваго вѣка, при переходѣ его въ желѣзный вѣкъ. Поэтому является необходимость обратить вниманіе на всѣ отдѣльные факты, заявляющіе о бронзовомъ вѣкѣ, и тщательно слѣдить за всѣми, случайно находимыми предметами, относящимися къ этому періоду.

Но коснувшись общепринятаго въ наукѣ доисторической археологіи дѣленія хода культурнаго развитія человѣчества на періоды *каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго* вѣковъ, слѣдуетъ пояснить, что такое дѣленіе, въ хронологическомъ отношеніи, для разныхъ народовъ и странъ не подразумѣваетъ одновременности теченія этихъ періодовъ. Можно сказать одно, что большая часть народовъ, въ культурномъ развитіи своемъ, переживали эти эпохи, но въ разные времена, и что даже теперь есть такіе народы на земномъ шарѣ, которые еще доживаютъ свой каменный вѣкъ.

Такимъ образомъ не только въ разныхъ странахъ свѣта можетъ оказываться различіе въ распредѣленіи по времени упомянутыхъ культурныхъ періодовъ развитія для различныхъ народовъ, тамъ обитавшихъ, но даже и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ нынѣ существующихъ государствъ можетъ оказываться у древнихъ обитателей значительное различіе во времени переживанія эпохъ культурнаго развитія. Это въ особенности должно быть принимаемо въ соображеніе при археологическихъ розысканіяхъ въ различныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества. Открывая, напр., слѣды

каменнаго и бронзоваго періодовъ въ Казанской губерніи, мы не можемъ углубляться мыслью въ такую же глубину времени, понятіе о которой возбуждаютъ въ насъ памятники древности изъ тѣхъ же періодовъ, находимыхъ на Кавказѣ.

Лица, занимающіяся изслѣдованіями въ области доисторической археологіи, знаютъ всю щекотливость точнаго хронологическаго опредѣленія предметовъ тогда, когда они не представляютъ въ себѣ никакихъ ясныхъ признаковъ, которые могли бы послужить основаніемъ для точнаго опредѣленія времени, къ которому должны относиться.

Избравъ предметомъ своего сообщенія обнаруживающіеся въ почвѣ Казанской губерніи слѣды *бронзоваго вѣка*, мы не будемъ пытаться устанавливать для нихъ точной хронологіи, будучи увѣрены, что для знатоковъ дѣла самыя формы и типы предметовъ дадутъ хронологическія указанія.

Слѣды *каменнаго вѣка* въ Казанской губерніи подвергались уже неоднократно различнымъ изслѣдованіямъ, но слѣды *бронзоваго вѣка* до сихъ поръ еще не были разсматриваемы отдѣльно въ своей совокупности. Это, конечно, могло происходить отъ крайне ограниченнаго числа находокъ предметовъ этого періода, не представлявшихъ между собой опредѣленной связи и мало разнообразныхъ; но, въ послѣднее время, благодаря отчасти счастливой случайности, а также усиленной дѣятельности мѣстныхъ собирателей памятниковъ древняго быта, число предметовъ бронзоваго вѣка значительно возрасло и стало разнообразнымъ. При этомъ были обнаружены факты, дающіе возможность считать здѣшній бронзовый вѣкъ самостоятельнымъ періодомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно рѣшить, продолжительно ли было его теченіе, такъ какъ рядомъ съ свидѣтельствами въ его пользу представляются факты, какъ бы указывающіе на прямой переходъ отъ камня къ желѣзу.

Когда рѣчь идетъ о слѣдахъ бронзоваго вѣка, то обыкновенно принимаются во вниманіе только одни орудія и оружіе. Предметы убранства и украшенія одежды не принимаются въ расчетъ, такъ какъ они не представляютъ въ себѣ настолько ясныхъ признаковъ своей принадлежности къ культурѣ бронзоваго вѣка, чтобы ихъ можно было относить безошибочно къ этому періоду, въ томъ случаѣ, когда они бывають находимы изолированно. До сихъ же поръ не только въ нашемъ краѣ, но, если не ошибаюсь, и по всей Россіи не было открыто ни одного кургана, который могъ быть вполне отнесенъ къ срединѣ бронзоваго вѣка, т.-е. исключительно къ самостоятельной культурѣ этого періода.

Должно замѣтить, что рѣдкость памятниковъ быта бронзоваго вѣка замѣчается не только въ Россіи, но также и въ нѣкоторыхъ странахъ Европы: такъ, напримѣръ, въ Германіи, на основаніи рѣдкости подобныхъ находокъ, у нѣкоторыхъ археологовъ сложилось убѣжденіе, что никакого бронзоваго вѣка не было. Понятно, что если бы это могло быть положительно доказано фактами, то такое положеніе могло быть признано все-таки достояніемъ только Германіи и не должно быть распространяемо на другія страны, гдѣ существованіе бронзоваго вѣка подкрѣпляется неоспоримыми доказательствами.

Рѣдкость находокъ предметовъ бронзоваго вѣка могла зависѣть отъ разныхъ причинъ: отчасти вслѣдствіе бѣдности большинства населенія и дороговизны бронзо-

выхъ орудій, которыя по своей цѣнности могли быть доступны только богатымъ людямъ; отчасти же потому, что при переходѣ къ употребленію желѣза, предметы эти, вѣроятно, истреблялись, будучи передѣлываемы на предметы убранства и другія подѣлки. Наконецъ и въ послѣдствіи случайно находимые бронзовые предметы, какъ въ средніе вѣка, такъ и въ новѣйшія времена могли быть переплавляемы на металл, который шелъ на выдѣлку различныхъ новыхъ бронзовыхъ и мѣдныхъ издѣлій. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири напр., произвольныя раскопки кургановъ, богатыхъ древними бытовыми бронзовыми предметами, составляли даже въ прежнее время промыселъ, извѣстный подъ названіемъ „ходить на добычу мѣди“, также какъ въ другихъ курганахъ на Алтаѣ, изобиловавшихъ древними золотыми издѣліями, „добывали золото“.

Извѣстно, что бронзовый вѣкъ подразумеваетъ не исключительное употребленіе бронзы, но также и мѣди. Бронза представляетъ металлическій сплавъ изъ мѣди и олова. Пропорція частей этого сплава въ древнихъ бытовыхъ предметахъ оказывается не всегда однообразной; но наиболѣе древній сплавъ бронзы обыкновенно содержитъ въ 100 частяхъ 90 частей мѣди и 10 частей олова. Такая бронза представляетъ прекрасный золотистый цвѣтъ и значительную твердость. Въ послѣдствіи мѣсто олова занимаетъ цинкъ; но такая бронза, по мнѣнію ученыхъ, появляется только со времени Римлянъ.

Но и въ древнѣйшемъ бронзовомъ сплавѣ мѣди съ оловомъ указанная выше пропорція частей металловъ не всегда оказывается строго точной, ибо химическій анализъ нѣкоторыхъ предметовъ обнаруживаетъ незначительныя колебанія въ распредѣленіи частей. Это обстоятельство не препятствуетъ однако же принимать для большей части предметовъ античнаго міра сплавъ мѣди съ оловомъ въ вышеупомянутой пропорціи. Въ примѣръ такого незначительнаго колебанія въ распредѣленіи частей мѣди и олова въ античныхъ бронзахъ можно привести нѣкоторые предметы изъ наиболѣе отдаленныхъ эпохъ древняго міра. Такъ, извѣстный французскій химикъ г. Бертло (M. Berthelot) изслѣдовалъ, по порученію покойнаго Маріетта-паши, одно бронзовое египетское зеркало, относящееся къ XVII или XVIII вѣку до нашей эры, и химическій анализъ этой бронзы показалъ, что она состоитъ изъ 91 части мѣди и 9 олова. Изслѣдованіе другаго очень древняго предмета, именно одной изъ табличекъ, найденныхъ въ каменномъ ящикѣ подъ однимъ изъ краугольныхъ камней фундамента царскаго дворца въ Хорсабадѣ, также указало нѣкоторое уклоненіе въ распредѣленіи частей металловъ. Табличка эта до химическаго анализа считалась чисто мѣдной и, дѣйствительно, на взглядъ она казалась таковой: она была сильно окислена и имѣла красный цвѣтъ, происшедшій отъ густаго слоя перекиси мѣди, которой она вся была покрыта. Но химическій анализъ указалъ, что металлъ таблички не былъ чистой мѣдью, а состоялъ изъ бронзоваго сплава, въ которомъ на 100 частей содержалось мѣди 85,25, олова 10,04, кислорода и пр. 4,71*).

Античныя бронзы изъ эпохи древней Греціи представляютъ сплавъ въ той же пропорціи частей металловъ, какъ было указано выше.

*) «Métaux et Minéraux de l'antique Chaldée. Sur les origines de l'étain dans le Monde Ancien», par M. Berthelot. — Comptes rendus hebdomadaires des séances de l'Académie des Sciences, № 5, 31 Janvier 1887.

Уже не мало было произведено химических анализов различных древних бронзовых предметов; но эти исследования не привели ни к каким положительным выводам относительно первоначального происхождения бронзового сплава*). Однако же, если он встречается уже в наиболее отдаленные времена в Азии и Египте, то, без сомнения, следует заключить, что изобретение этого сплава должно было последовать в той стране света, которая по древности своей цивилизации может считаться колыбелью культурного развития человечества. Из Азии это изобретение могло быть занесено в Египет, откуда по бережьям Средиземного моря, через посредство Финикиян, распространилось в Грецию, Этрурию и по всей Европе. Но разнообразие в составе бронзовых сплавов в различных древних бронзовых предметах указывает на то, что они принадлежат к различной фабрикации и, если при первоначальном знакомстве с бронзой были доставляемы откуда-либо готовые бронзовые предметы, то, вместе с тем, заносились и понятия о металлургии; вследствие чего возникало вскоре и местное производство бронзовых предметов, так сказать, самодельных. Такое возбуждение местной индустрии вызывалось вероятно и слишком дорогой ценой привозных предметов.

Медь, как главный основной металл бронзового сплава, изобильно распространена в природе и извлечение ее из руды не представляет особенных трудностей, тем более, что нередко она встречается даже *самородной*. Из этого можно заключить, что народы, знакомившиеся с употреблением бронзовых орудий по привозным образцам, и желая сами производить подобные, принимаясь за выплавку меди и не имея под рукой другого металла — олова, необходимого для образования бронзового сплава, отливали свои орудия из чистой меди. От этого и происходит, замеченное в разных странах, употребление в бронзовом веке орудий, выделанных не только из бронзового сплава, но также и из чистой меди. Однако же, некоторые археологи, не принимая в соображение, что последнее обстоятельство вызывалось случайным недостатком олова, а основываясь на сравнительной легкости добывания меди из руды, пришли к предположению, что вообще в культурном развитии человечества *бронзовому* веку должен был предшествовать *век чистой меди*, в котором орудия и оружие должны были исключительно изготовляться из одной меди.

Положим, что на основании логических умозрений такое предположение представляется очень вероятным. Действительно, прежде, нежели придумать бронзовый сплав, тот первый народ, которому человечество обязано изобретением этого сплава, должен был познакомиться со свойствами разных металлов и, вероятно, ранее всего с *самородной* медью, как минералом, довольно распространенным в природе. Впоследствии, при желании улучшить качества материала для выделки орудий, было дознано, что необходимо прибавлять к меди другой металл и что для этой цели пригоднее всего оказывалось олово: тогда является бронза. Но такой порядок хода культурного развития может быть приписываемым только тому именно, доселе неизвестному народу, который первый совершил переход от камня к металлу.

*) См. П. И. Лерха «Применение химии к археологии» в VI том Известий Имп. Арх. Общ., отд. 2.

Это открытіе бронзоваго сплава, въ силу доисторическихъ международныхъ сношеній, должно было распространяться и переходить къ другимъ народамъ. Поэтому нѣтъ никакой возможности обобщить упомянутый ходъ культурнаго развитія на всѣ другіе народы, переживавшіе въ разные времена свои періоды каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ. Сходство въ культурномъ ходѣ у большинства народовъ представляется лишь въ общихъ чертахъ; частности же могутъ обнаруживать и различія. Не существуетъ никакихъ доказательствъ того, чтобы каждый народъ развивался совершенно самостоятельно и изолированно отъ всякихъ вліяній сосѣднихъ народовъ и, напротивъ того, у всѣхъ младшихъ, въ отношеніи культурнаго развитія народовъ, наблюдается вліяніе народовъ болѣе древнихъ. Это, конечно, указываетъ на доисторическія международныя сношенія и исключаетъ потому возможность признать для cadaго народа свое отдѣльное самостоятельное развитіе; употребленіе же чистой мѣди на выдѣлку орудій ранѣе бронзоваго сплава, или отдѣльное существованіе мѣдной эпохи въ бронзовомъ вѣкѣ, можно бы признать у cadaго народа лишь въ томъ случаѣ, если бы всѣ народы развивались замкнуто и изолированно. Мнѣнія объ отдѣльной эпохѣ *мѣднаго* вѣка въ бронзовомъ періодѣ особенно настойчиво поддерживаются въ тѣхъ странахъ Европы, гдѣ дѣйствительно количество мѣдныхъ орудій обращаетъ на себя вниманіе, какъ напр. въ Венгріи*). Но, однако же, если бронзовый вѣкъ въ своихъ предметахъ представляетъ намъ извѣстное культурное состояніе, настолько самобытное, что выдѣляется замѣтно отъ каменнаго вѣка и отъ желѣзнаго и можетъ вызывать въ нашемъ умѣ понятіе о значительной продолжительности своего теченія, то въ мѣдныхъ предметахъ мы не находимъ этихъ свойствъ, ибо въ большинствѣ случаевъ они представляютъ повторенія бронзовыхъ предметовъ, но въ простѣйшей формѣ и въ болѣе грубой отдѣлкѣ. Эта грубость и простота не есть доказательство большей примитивности мѣдныхъ орудій, нежели бронзовыхъ, а указываетъ, скорѣе, на *самодѣльщину*, т.-е. неумѣлое желаніе подражать привознымъ образцамъ. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ вопросъ о существованіи отдѣльнаго и самостоятельнаго вѣка *чистой мѣди* былъ оставленъ.

Но недавно среди европейскихъ археологовъ онъ снова выдвинутъ на очередь Д-ромъ Мухомъ**) который старается доказать существованіе *мѣднаго* вѣка, предшествовавшаго *бронзовому*, на основаніи того, что въ нѣкоторыхъ палафиттахъ Австріи замѣтно преобладаніе мѣдныхъ орудій надъ бронзовыми. Съ своей точки зрѣнія д-ръ Мухъ полагаетъ возможнымъ замѣченные имъ факты обобщить для всей Европы; однако же для этого не представляется достаточныхъ доказательствъ. Было бы, несомнѣнно, очень интересно, если бы возможно было доказать, что въ центрѣ Европы бронзовый сплавъ былъ изобрѣтенъ такъ же независимо и самостоятельно, какъ въ Азіи; но для рѣшенія этого вопроса приводимые факты оказываются еще мало убѣдительными и потому къ вопросу объ изобрѣтеніи бронзы приходится подходить весьма осторожно. Разумѣется, что при началѣ распространенія въ бронзовомъ вѣкѣ мѣстной

*) См. Fr. Pulszky «Die Kupferzeit in Ungarn».

**) «L'âge du cuivre en Europe et son rapport avec la civilisation des Indo-Germains», par le d-r Much. Vienne. 1886.

выдѣлки металлическихъ орудій, при изобиліи мѣдной руды и недостаткѣ олова, предметы изъ чистой мѣди могли преобладать; но это зависѣло не отъ незнакомства съ бронзовымъ сплавомъ или отъ *незнанія* его, а лишь отъ случайнаго недостатка въ оловѣ, необходимомъ для сплава. Это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ считать совмѣстнымъ употребленіе въ бронзовомъ вѣкѣ орудій какъ бронзовыхъ, такъ и чисто мѣдныхъ.

Приступая къ изложенію собранныхъ мною фактовъ о слѣдахъ бронзоваго вѣка въ предѣлахъ Казанской губерніи, считаю обязанностью оговориться, что въ перечисленіи предметовъ я буду обозначать металлъ, изъ котораго выдѣланы орудія, придерживаясь его наружныхъ признаковъ. Въ этомъ случаѣ главнымъ основаніемъ для опредѣленія металла будетъ служить цвѣтъ его. Въ настоящее время не представляется возможности болѣе строго-точного опредѣленія металла, ибо химическаго анализа, вообще, не производилось надъ этими предметами. Подвергать же каждую вещь такому анализу заняло бы слишкомъ много времени. А, между тѣмъ, подобный анализъ былъ бы очень полезенъ, ибо то, что на взглядъ представляется теперь чистой мѣдью, при анализѣ, можетъ быть, оказалось бы также сплавомъ, хотя бы съ нѣкоторой долей свинца, за недостаткомъ олова.

При чрезвычайной рѣдкости находокъ бронзовыхъ предметовъ въ Казанской губерніи, очень долгое время приходилось сомнѣваться въ существованіи, въ здѣшнемъ краѣ, бронзоваго вѣка. Для того, чтобы составить себѣ понятіе о мѣстномъ бронзовомъ вѣкѣ, какъ о періодѣ времени болѣе или менѣе продолжительномъ, было необходимо встрѣтить цѣлую серію разнообразныхъ и типичныхъ бытовыхъ предметовъ и добыть такіе факты, которые по значенію своему могли бы служить вѣскими аргументами въ пользу бронзоваго вѣка.

Выше было уже упоминаемо, что за несомнѣнныя свидѣтельства о бронзовомъ вѣкѣ принято считать только такіе предметы, которые служили людямъ пособіями въ ихъ обыденной жизни, т.-е. орудія и оружіе. Предметы наряда или украшенія одежды не принимаются въ расчетъ потому, что а ргіогі очень трудно доказать ихъ принадлежность, именно, къ цивилизаціи бронзоваго вѣка. Бронзовые и мѣдные топоры, долота и пр. съ перваго взгляда говорятъ о своей принадлежности къ бронзовому вѣку, тогда какъ для опредѣленія принадлежности къ этому вѣку предметовъ наряда и украшеній одежды, необходимо найти ихъ при той обстановкѣ, которая свидѣтельствовала бы неоспоримо о принадлежности ихъ къ бронзовой культурѣ. Но такая исключительная обстановка можетъ представиться только въ томъ случаѣ, если бы удалось встрѣтить гдѣ-нибудь въ краѣ какой-нибудь некрополь, или курганъ, который относился бы несомнѣнно къ бронзовому вѣку. Тогда предметы убранства, которые были бы найдены посредствомъ ученой раскопки, при исключительной обстановкѣ бронзоваго вѣка, уже несомнѣнно могли бы быть приурочены къ культурѣ этого періода, и добытые такимъ путемъ образцы могли бы служить для хронологическаго приуроченія другихъ, случайно и по одиночкѣ находимыхъ предметовъ убранства.

Къ сожалѣнію, въ здѣшнемъ краѣ по сіе время не было обнаружено ни одной мѣстности, которая бы сохранила намъ, во всей цѣлости, памятники древняго быта, подобно Ананьинскому некрополю, въ которыхъ съ достаточной ясностью обнаружи-

лась бы культура бронзоваго вѣка. Но, за недостаткомъ подобныхъ изслѣдованій, нельзя было пренебрегать случайно находимыми отрывочными доказательствами слѣдовъ бронзоваго вѣка. Поэтому я всячески старался собирать всѣ виды бронзовыхъ и мѣдныхъ орудій, находимыхъ въ предѣлахъ Казанской губерніи. Собранныя мною указанія на слѣды бронзоваго вѣка въ Казанской губерніи считаю необходимымъ предложить на обсужденіе господъ членовъ Ярославскаго Съѣзда.

Размышляя о доисторическомъ заселеніи Казанской губерніи и находя почти на всѣхъ нынѣ заселенныхъ мѣстахъ слѣды каменнаго вѣка, можно было заключить, что начало колонизаціи здѣшняго края относится къ той же отдаленной эпохѣ, какъ и въ сосѣднихъ губерніяхъ Вятской и Пермской. Народы, заселявшіе эти края, не были совершенно чуждыми другъ другу по происхожденію и, слѣдовательно, культурное развитіе этихъ народовъ, сосѣдившихъ по мѣсту обитанія одни съ другими, должно было происходить въ аналогичномъ порядкѣ. Въ Вятскомъ краѣ, на правомъ берегу Камы, около города Елабуги, сосредоточиваются значительные слѣды бронзоваго вѣка. Нынѣ не существующій извѣстный Ананьинскій некрополь представилъ переходную эпоху отъ бронзы къ желѣзу. Имѣя столь несомнѣнные слѣды культуры бронзоваго вѣка въ Вятской губерніи, можно ли думать, что эта культура не переходила за предѣлы Елабужскаго уѣзда, тогда какъ правый берегъ р. Камы представляетъ тоже слѣды древнихъ поселеній въ разныхъ мѣстахъ и въ Казанской губерніи? Разумѣется, что распространеніе высшей культуры, не встрѣчая никакихъ естественныхъ преградъ, должно было переходить изъ однихъ поселеній въ другія; а мы знаемъ, что правый берегъ Камы въ предѣлахъ Казанской губерніи былъ уже обитаемъ въ каменномъ вѣкѣ. Распространеніе культуры бронзоваго вѣка не могло быть задерживаемо рѣками и передавалось съ одного берега на другой безъ особенныхъ затрудненій, если не въ лѣтнее время, хотя бы за недостаткомъ лодокъ и судовъ, то въ зимнее, когда рѣчки покрывались льдомъ и допускали свободный переходъ съ одного берега на другой.

Пока Казанская губерніи не была систематически разслѣдована въ археологическомъ отношеніи, мы не имѣемъ никакихъ основаній утверждать, чтобы въ ея предѣлахъ не сохранилось памятниковъ древности, подобно Ананьинскому некрополю, гдѣ можно бы было найти болѣе яркіе слѣды культуры бронзоваго вѣка; но случайно сдѣланныя за послѣднее время находки укрѣпляютъ надежду на возможность открытія и въ Казанской губерніи слѣдовъ бронзоваго вѣка. Подтвержденіемъ этого мнѣнія пусть послужатъ мои неоднократныя печатныя сообщенія о древностяхъ Казанской губерніи такъ-называемой *чудской* культуры, весьма сходной съ пермскими и вятскими древностями. Еще ранѣе меня проф. Ешевскій въ „Пермскомъ Сборникѣ“ указывалъ также на сходство пермскихъ древностей съ нѣкоторыми предметами, найденными въ Казанской губерніи. За послѣднее время число подобныхъ находокъ въ Казанской губерніи значительно умножилось и сходство предметовъ между собою не можетъ уже считаться случайнымъ.

Съ учрежденіемъ въ 1878 году при Имп. Казанскомъ университетѣ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, послѣдовало возбужденіе къ археологической дѣятельности въ здѣшнемъ краѣ, дотолѣ довольно индифферентно относившемся къ этому

роду дѣятельности. Вниманіе къ археологіи было у насъ возбуждено главнымъ образомъ тѣмъ, что IV-й Арх. Съѣздъ собрался въ Казани, послѣ котораго и принято было рѣшеніе учредить вышеупомянутое Археологическое Общество. Этимъ подъемомъ и направленіемъ мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ къ занятіямъ археологіей нашъ край, всецѣло, обязанъ графу Алексѣю Сергѣевичу Уварову и, надо надѣяться, навсегда сохранить благодарную о немъ память.

Вскорѣ по возникновеніи мѣстнаго Археологическаго Общества, при немъ образовался Музей, которому удалось пріобрѣсти древности, добытыя при окончательной раскопкѣ Ананьинскаго некрополя и въ которомъ мало-помалу собираются находки со всего края, что намного облегчаетъ трудъ изслѣдователя. Соединяя во едино данныя, получаемыя отъ изученія моей собственной коллекціи и свѣдѣній, имѣющихся въ Музеѣ, прихожу къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Доселѣ слѣды бронзоваго вѣка въ здѣшнемъ краѣ были находимы въ уѣздахъ: Мамадышскомъ, Лайшевскомъ, Чистопольскомъ и Спасскомъ. Можетъ быть попадались находки такихъ предметовъ и въ другихъ уѣздахъ, но объ этомъ мнѣ, пока, ничего неизвѣстно. Протѣипы большей части предметовъ, найденныхъ въ Казанской губерніи, встрѣчаются въ Елабужскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, какъ я могъ въ томъ убѣдиться изслѣдованіемъ предметовъ бронзоваго вѣка, хранящихся въ Музеѣ.

Изложеніе фактовъ, касающихся бронзоваго вѣка въ Казанской губерніи, мы начнемъ съ самаго интереснѣйшаго изъ нихъ, указывающаго на возможность существованія земледѣлія въ эпоху бронзовой культуры. На первый взглядъ такое положеніе можетъ быть оспариваемо; но мы имѣемъ въ своихъ рукахъ такія доказательства, которыя представляются неопровержимыми. Въ предыдущей статьѣ сообщено о находкѣ въ 1886 году пяти экземпляровъ *мѣдныхъ* серповъ, найденныхъ при распашкѣ новины близъ села Знаменскаго (Волостниковка), Жидяевской волости, Спасскаго уѣзда.

Этотъ единичный фактъ, быть можетъ, еще не далъ бы намъ права говорить о полевой обработкѣ съ нѣкоторой увѣренностью, но въ коллекціи бронзовыхъ предметовъ Музея нашего Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи мы нашли два *мѣдныхъ же* серпа, найденные въ окрестностяхъ г. Елабуги. Они совершенно такого же типа, какъ тотъ, который я имѣю изъ числа упомянутыхъ пяти экземпляровъ; но елабужскіе нѣсколько больше по размѣрамъ (длина $9\frac{1}{4}$ верш.). Это обстоятельство указываетъ на связь бронзоваго вѣка въ Вятской губерніи съ таковымъ же въ здѣшнемъ краѣ. Кромѣ этихъ двухъ елабужскихъ серповъ, въ коллекціи Музея мы встрѣтили еще одинъ такой же серпъ, найденный въ дачѣ села Омаръ, Мамадышскаго уѣзда. Этотъ послѣдній значительно короче и имѣетъ болѣе прямолинейныя очертанія; носокъ его на переднемъ концѣ закругленъ; задній конецъ тоже заканчивается крючкомъ. Съ технической стороны серпъ этотъ представляетъ такую же выработку, какъ и всѣ вышеописанные, то есть напоминаетъ кривые кремневые ножи. Размѣры его слѣдующіе: общая длина по изгибу съ крючкомъ $6\frac{5}{16}$ верш., наибольшая ширина $1\frac{3}{16}$ верш. Въ моей коллекціи находится еще одинъ мѣдный серпъ, найденный въ мѣстности Билярскаго городища (при городѣ Билярскѣ), въ Чистопольскомъ уѣздѣ. Этотъ экземпляръ отличается малыми размѣрами и на заднемъ концѣ не имѣетъ крючка; однако же,

не смотря на такую вариацию въ формѣ и размѣрахъ, этому орудію нельзя приписывать какого-либо иного назначенія.

Такимъ образомъ намъ извѣстны 9 серповъ бронзоваго вѣка и 7 изъ нихъ найдены въ предѣлахъ Казанской губерніи.

Изъ другихъ предметовъ, встрѣчающихся въ здѣшнемъ краѣ, слѣдуетъ упомянуть о *бронзовыхъ топорахъ*, которые являются въ двухъ типахъ; древнѣйшіе изъ нихъ имѣютъ форму *кельтовъ* и въ Музеѣ здѣшняго Археологическаго Общества хранится одинъ, найденный на городищѣ близъ р. Шешмы, въ Чистопольскомъ уѣздѣ. Въ моей коллекціи имѣется кельтъ, найденный въ окрестностяхъ Билярскаго городища, въ Чистопольскомъ уѣздѣ. Онъ очень походитъ на кельтъ, хранящійся въ Музеѣ, найденный въ 1878 году, при распашкѣ поля въ дачѣ с. Танайки, Елабужскаго уѣзда, Вятской губерніи; только мой экземпляръ нѣсколько бѣльшей величины и другаго устройства. У елабужскаго экземпляра втулка полная и на задней сторонѣ одно ушко, для привязыванія къ древку. У моего билярскаго экземпляра нѣтъ полной втулки и ушка; но расширенные концы верхней части были сведены вмѣстѣ и образовали кольцо, служащее для надѣванія на древко. По этому устройству онъ принадлежитъ къ другому виду кельтовъ, à ailegons, и составляетъ пока единственный экземпляръ этого вида, найденный въ здѣшнемъ краѣ. Но, замѣчательно, что на передней поверхности обоихъ упомянутыхъ кельтовъ, въ верхней части выдѣланъ совершенно однородный орнаментъ, свойственный предметамъ бронзоваго вѣка, который и служить указаніемъ одновременности происхожденія обоихъ кельтовъ изъ одного общаго источника. Наконецъ, въ Казанской губерніи встрѣчаются кельты и безъ ушковъ, совершенно сходные по своему виду съ тѣми, какіе были находимы въ Ананьинскомъ некрополѣ. Въ іюнѣ нынѣшняго года мнѣ былъ доставленъ, найденный въ Лаишевскомъ уѣздѣ, *кельтъ* такого типа и, по сравненіи его, онъ оказался совершенно тождественнымъ съ однимъ кельтомъ изъ Ананьинскаго городища, изображеннымъ въ „Сборникѣ“ г. Аспелина*). Эта находка еще тѣснѣе связываетъ бронзовый вѣкъ здѣшняго края съ таковымъ же въ Ананьинскомъ некрополѣ. Другой экземпляръ того же вида находится въ Музеѣ здѣшняго Археологическаго Общества. Этотъ кельтъ тоже походитъ на другой ананьинскій, изображенный въ „Сборникѣ“ г. Аспелина**). Онъ также найденъ въ Лаишевскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ д. Сорочьи Горы. Слѣдовательно топоры этого типа были уже въ употребленіи въ Казанской губерніи въ эпоху Ананьинскаго некрополя, при чемъ особенно важно то обстоятельство, что они могутъ быть относимы къ предметамъ *мѣстной* выдѣлки такъ какъ въ Музеѣ находится отливная форма изъ опоки для отливки подобнаго рода кельтовъ***). Она была найдена П. А. Пономаревымъ при раскопкѣ городища близъ д. Сорочьи Горы, откуда происходитъ и вышеупомянутый кельтъ. Въ числѣ предметовъ, добытыхъ раскопкой на этомъ городищѣ, оказались также и два плавиль-

*) Antiquités du Nord Finno-Ougrien. II L'âge du fer. — Nécropole d'Ananino, p. 107, № 406.

***) I. c. p. 107, № 408.

***) Она представляетъ неполную часть одной половинки формы; но узнать предметъ, для отливки котораго она служила, очень нетрудно, такъ какъ одинъ уголокъ кельта видѣнъ вполне, съ характернымъ раздѣленіемъ поверхности на треугольники.

ныхъ горшка, которые вмѣстѣ съ отливной формой указываютъ на мѣстныя металлургическія операціи.

Что касается до другаго типа топоровъ, встрѣчающихся въ Казанской губерніи, то по своему устройству они ближе походятъ на желѣзные топоры, въ томъ смыслѣ, что отверстіе для древка устраивалось въ нихъ не сверху, какъ у кельтовъ, но съ боку, такъ, что въ длинѣ топора оно приходится подъ прямымъ угломъ. Эти топоры отличаются своей вытянутой, узкой формой, постепенно расширяющейся у лезвія. Они отливались одинаково изъ чистой мѣди и изъ бронзы. Такихъ топоровъ въ Казанской губерніи, покуда, найдено только два экземпляра: одинъ въ Лаишевскомъ уѣздѣ, другой въ Чистопольскомъ; оба экземпляра находятся въ моей коллекціи. Музей Археологическаго Общества имѣетъ одинъ экземпляръ топора совершенно такого же типа, отлитый изъ чистой мѣди и найденный въ окрестностяхъ гор. Елабуги. Онъ нѣсколько большихъ размѣровъ, чѣмъ мой, изъ которыхъ Чистопольскій, найденный въ окрестностяхъ Билярскаго городища, отличается своими миниатюрными размѣрами. У Невоструева находился также топоръ подобнаго типа, по его мнѣнію, найденный въ Ананьинскомъ некрополѣ и помѣщенный имъ при его описаніи. Онъ принималъ это орудіе за *военную стькиру* и сообщаетъ, что химическій анализъ указалъ въ немъ присутствіе *мѣди* со слѣдами олова*). Сравнивая рисунокъ этого топора съ нашимъ, найденнымъ близъ Билярскаго городища, находимъ очень близкое между ними сходство, но билярскій экземпляръ значительно меньшихъ размѣровъ.

Затѣмъ въ числѣ бронзовыхъ орудій Казанской губерніи бывали находимы круглыя или выгнутыя *долота*, совершенно сходныя по своему типу съ таковыми же изъ Ананьинскаго некрополя**). Одинъ экземпляръ такого долота найденъ въ мѣстности Билярскаго городища и хранится въ моей коллекціи; другой найденъ въ Спасскомъ уѣздѣ, въ дачѣ д. Мордовой, сосѣдней съ селомъ Успенскимъ (Бѣлгары) и принадлежитъ Проф. А. А. Штукенбергу. Оба экземпляра представляютъ, сравнительно, небольшіе размѣры, далеко уступающіе круглымъ каменнымъ долотамъ, и могли быть употребляемы при выдѣлкѣ какихъ-нибудь мелкихъ предметовъ домашняго обихода, можетъ быть, деревянныхъ чашекъ. Эти долота изготовлены посредствомъ отливки. Гораздо большіе размѣры представляетъ кованое изъ бронзы долото, найденное въ Лаишевскомъ уѣздѣ и доставленное мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ. Оно очень типично, потому что размѣры его ближе напоминаютъ каменные долота и лезвіе его значительно остро. Оно могло служить для выдалбливанія какихъ-нибудь большихъ предметовъ изъ дерева и тѣмъ успѣшнѣе, если дерево предварительно выжигалось или обугливалось.

Изъ другихъ домашнихъ орудій, относящихся къ бронзовому вѣку Казанской губерніи, въ моей коллекціи находятся: 1) небольшой ножъ, отлитый изъ красной мѣди, и 2) маленькій бронзовый молотокъ особенной формы.

Мѣдный ножъ имѣетъ кольцо въ верхнемъ концѣ рукоятки, служившее, очевидно, для привѣшиванія его къ поясу. Вытянутая узкая форма и нѣсколько изогнутое лезвіе

*) Труды I Арх. Съѣзда, т. II, стр. 614.

**) Невоструевъ. Атласъ къ Трудамъ I Арх. Съѣзда, табл. IV, рис. 44.

напоминают бронзовые ножи из швейцарских свайных построек и в то же время представляют значительную аналогию с ножами, находимыми в Минусинскъ *); найденъ онъ в той же мѣстности Билярскаго городища.

Въ Музеѣ хранится мѣдный клинокъ небольшого ножа, вставлявшійся, какъ можно полагать, въ особую рукоятку. Его форма напоминаетъ клинки простыхъ желѣзныхъ ножей и лезвіе его съ той стороны, которая оттачивалась, представляетъ замѣтный откосъ; ножъ этотъ найденъ въ Мамадышскомъ уѣздѣ, въ дачѣ с. Омарь.

Бронзовый *молоточекъ*, о которомъ упомянуто выше, устроенъ на подобіе кельтовъ, такъ, что рукоятка изъ дерева должна была входить въ него сверху. До сихъ поръ мнѣ еще нигдѣ не удалось встрѣтить другаго молотка, представлявшаго подобное устройство, и этотъ экземпляръ остается пока единственнымъ въ своемъ родѣ. Онъ также найденъ близъ Билярскаго городища. Въ Венгріи находили иногда молотки, аналогичные съ кельтами **), но по размѣрамъ они болѣе нашего.

Къ предметамъ домашняго обихода слѣдуетъ отнести весьма интересный и рѣдкій по своей формѣ предметъ — мѣдную *бритву*. употреблеіе бритвъ въ бронзовомъ вѣкѣ уже извѣстно въ Европѣ и образцы ихъ можно встрѣтить во многихъ иностранныхъ музеяхъ; но экземпляръ бритвы, найденный въ Казанской губерніи, ни по формѣ, ни по технике къ нимъ не подходитъ. Онъ приготовленъ посредствомъковки, тогда какъ европейскіе образцы, кажется, всѣ отливные. Здѣшняя бритва составлена изъ двухъ частей: клинокъ ея выкованъ отдѣльно и вставленъ въ особую, тоже кованую рукоятку, въ которой онъ заклепанъ наглухо. Рукоятка, какъ-будто, свернута изъ листовой мѣди и сбита молоткомъ, но безъ слѣдовъ спайки и довольно грубой техники. Насколько мнѣ извѣстно, это еще первый и пока, единственный экземпляръ бритвы бронзоваго вѣка найденный въ Казанской губерніи.

Изъ оружія, относящагося къ бронзовому вѣку, въ Казанской губерніи не встрѣчается крупныхъ предметовъ, каковы напр. *мечи, кинжалы, боевые топоры*. Изъ Спасскаго и Чистопольскаго уѣздовъ мы имѣемъ лишь наконечники отъ небольшихъ копій, отлитые изъ красной мѣди. Въ моей коллекціи хранятся 3 подобные экземпляра, изъ которыхъ два, происходящіе изъ Спасскаго уѣзда, были найдены: одинъ въ мѣстности Болгарскаго городища, другой — въ дачѣ д. Зеленовки, Жидяевской волости, третій изъ Чистопольскаго уѣзда, близъ мѣстности Билярскаго городища. По своему устройству эти наконечники могли бы играть роль и небольшихъ кинжаловъ, ибо вмѣсто втулки для надѣванія на древки, какъ это бываетъ обыкновенно у копейныхъ наконечниковъ, не только бронзовыхъ, но даже и желѣзныхъ, здѣсь для насада служила часть самаго клинка, ущемлявшаяся въ древко или рукоятку.

Настоящіе копейные наконечники, какъ извѣстно, имѣютъ свою спеціальную форму, которая позволяетъ угадывать ихъ назначеніе съ перваго взгляда. Они, обыкновенно, имѣютъ пику или *перо* и *тулею*, или втулку, въ видѣ конусообразной трубки, служив-

*) Aspelin. l. c. L'âge du bronze, p. 55.

**) Congrès intern. d'Anthrop. et d'Archéol. préhistoriques.— Compte-rendu de la 8-e session, Budapest, second vol. II part. Pl. IV, 4—5.

шей для надѣванія на древко. Древнѣйшіе изъ такихъ наконечниковъ въ бронзовомъ вѣкѣ производились посредствомъ отливки; позднѣйшіе выдѣлывались посредствомъковки.

Хотя собственно въ Казанской губерніи еще не было найдено, насколько мы знаемъ, *отливнаго* бронзоваго копейнаго наконечника, но подобныхъ находокъ слѣдовало бы ожидать потому, что въ Музеѣ Археологическаго Общества намъ удалось встрѣтить одинъ несомнѣнно такой копейный наконечникъ, отлитый изъ красноватой бронзы, или мѣди (?). Онъ представляетъ характеристичную листообразную форму съ возвышеннымъ очень круто, во всю длину, ребромъ и очень походить на найденный близъ гор. Елабуги копейный наконечникъ, изображенный въ Сборникѣ г. Аспелина*), но меньшей величины. У него также примѣтны съ одной стороны тулеи слѣды ушка, которое служило для привязыванія къ древку, но было спилено можетъ быть уже послѣ находки его, когда подвергали предметъ очисткѣ отъ окиси. Этотъ наконечникъ найденъ въ дачѣ дер. Грязнухи, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи, слѣдовательно на самой границѣ южнаго угла Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи; граница эта проходитъ весьма недалеко отъ той мѣстности, гдѣ въ 1886 году были найдены вышеописанные мѣдные серпы. Изъ этого заключаю, что копейный наконечникъ и серпы относятся къ одной и той же эпохѣ и народности.

Что касается до *кованыхъ* мѣдныхъ копейныхъ наконечниковъ, то въ теченіе нынѣшняго лѣта мнѣ были доставлены два такихъ наконечника; оба найдены въ Лаишевскомъ уѣздѣ, и одинъ изъ нихъ въ той же мѣстности, гдѣ и бронзовый кельтъ, ананьинскаго типа, упомянутый выше. Этотъ наконечникъ своимъ устройствомъ уже очень напоминаетъ желѣзные наконечники и долженъ относиться къ концу бронзоваго вѣка или къ началу желѣзнаго, ибо онъ представляетъ типъ, повторяемый впоследствии древними желѣзными наконечниками. Пика его или *перо* имѣетъ форму вытянутаго, узкаго листа, а втулка образована изъ раскованной мѣди, свернутой въ коническую трубку въ которой, близъ отверстія, есть дыра для прибиванія гвоздемъ къ древку. Съ перваго раза можно, пожалуй, отнестись скептически къ этому предмету, на основаніи того факта, что въ бронзовомъ вѣкѣ приходится чаще имѣть дѣло съ предметами отливными, но, во-первыхъ, онъ покрытъ слоємъ окиси и представляется весьма древнимъ; во-вторыхъ, слѣдуетъ припомнить, что въ Ананьинскомъ некрополѣ встрѣчаются наконечники *кованые*, втулки которыхъ также свернуты изъ тонкой пластинки, какъ и у этого наконечника**). Тамъ же были находимы *желѣзные* копейные наконечники очень сходнаго типа, величины и техники съ нашимъ мѣднымъ***).

Другой копейный наконечникъ по формѣ подходитъ гораздо ближе къ бронзовымъ *отливнымъ* наконечникамъ, только круглая листовидная форма его пера болѣе вытянута, и такъ, какъ онъ кованъ, то по срединѣ сего послѣдняго не имѣетъ того возвышеннаго ребра, которое замѣчается у всѣхъ литыхъ наконечниковъ и придаетъ вѣроятно большую прочность предмету.

*) L'âge du bronze, p. 61, № 252.

**) idem L'âge du fer — Nécropole d'Ananino, p. 110, № 436, 437.

***) ibidem № 434.

Въ Казанской губерніи до послѣдняго времени не находили бронзовыхъ наконечниковъ отъ стрѣлъ. Мнѣ не разъ приходилось указывать на этотъ фактъ потому, что онъ совершенно противорѣчитъ сообщенію покойнаго проф. Н. Я. Аристова, на I Арх. Съѣздѣ. При изученіи коллекціи Музея мнѣ удалось найти только два подобныхъ экземпляра, *несомненно* найденныхъ въ Казанской губерніи. Они очень характерны по своимъ формамъ и не походятъ ни на одинъ извѣстный доселѣ видъ.

Переходя теперь къ болѣе подробному описанію cadaго изъ вышеупомянутыхъ предметовъ бронзоваго вѣка Казанской губерніи, мы должны упомянуть, что къ списку ихъ нами присоединено и описаніе тѣхъ однородныхъ съ ними предметовъ, которые были найдены въ Елабужскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи. Это было сдѣлано потому, что всѣ эти предметы, очевидно, принадлежатъ къ одной и той же хронологической эпохѣ и обнаруживаютъ между собой такую явную этническую связь, что ихъ необходимо соединить въ одну группу для выясненія связи бронзоваго вѣка въ Казанской губерніи съ тѣмъ же вѣкомъ въ Вятской губерніи, на побережьи Камы. Если признать правильнымъ приуроченіе предметовъ бронзоваго вѣка къ народамъ *чудскимъ*, то близкое сходство предметовъ, а иногда и тождественность ихъ въ Казанской и Вятской губерніяхъ могутъ указывать на тѣсную этническую родственность народовъ, пользовавшихся ими и жившихъ, одни съ другими, въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Эта родственность между древними обитателями Вятской, Пермской и Казанской губерній еще яснѣе выражается въ болѣе позднюю эпоху желѣзнаго вѣка, въ близкомъ сходствѣ предметовъ, служившихъ для убранства народа. Такое сходство невозможно признать случайнымъ. Если же оно указываетъ на этническую родовую связь, то она, конечно, должна была облегчать международныя сношенія, въ силу которыхъ культурные успѣхи однихъ свободно переходили къ другимъ. Къ сожалѣнію, въ настоящее время, для болѣе точнаго знакомства съ этнологіей народовъ, обитавшихъ въ доисторическія времена по Камѣ и ея притокамъ, еще существуютъ большія препятствія, которыя зависятъ отъ недостатка археологическихъ систематическихъ изслѣдованій; случайныя же открытія обнаруживаютъ иногда очень загадочные факты, которые могутъ быть разъяснены только послѣдующими археологическими розысканіями. Но, въ ожиданіи этихъ будущихъ разъясненій, необходимо пользоваться новѣйшими открытіями и приводить въ извѣстность тѣ факты доисторическаго прошлаго, которые удалось добыть.

Въ перечисленіи предметовъ упускаемъ серпы, описанные въ предъидущей статьѣ, и, переходя къ остальнымъ находкамъ, скажемъ также нѣсколько словъ о тѣхъ серпахъ, которые хотя и были найдены съ вышеописанными, но были приобрѣтены нами только впоследствии.

Серпы эти всѣ варьируютъ, какъ въ размѣрахъ, такъ отчасти и въ формахъ, и въ вѣсѣ. Поверхность ихъ ясно указываетъ на то, какъ разнообразно вліяло на нихъ разрушительное дѣйствіе окисленія металла. Такъ, напр., у самаго большаго по размѣрамъ серпа, очень близко по величинѣ и формѣ стоящаго къ двумъ елабужскимъ серпамъ, описаннымъ нами въ предъидущей статьѣ подъ №№ 2 и 3, поверхность металла представляется очень мало затронутой окисленіемъ, и если здѣсь была первоначальная патина, то слой ея долженъ былъ быть очень тонокъ. Такая сохранность металла позволила

усмотрѣть и разгадать нѣкоторыя техническія подробности обработки. Серпы сначала, повидимому, отливались въ формы, въ видѣ пластинокъ извѣстнаго вида и вездѣ равномерной толщины; затѣмъ подвергались ковкѣ и расплющиванію отъ наружнаго края къ внутреннему для того, чтобы сдѣлать внутренній край болѣе тонкимъ и способнымъ къ рѣзанью. Ковка эта производилась по всему внутреннему, рѣжущему краю и особенно съ верхней поверхности серпа. Но, такъ какъ при этой операціи употреблялись довольно грубые приемы и ковка производилась съ помощью несовершенныхъ инструментовъ (можетъ быть каменныхъ молотковъ), то она оставляла на поверхности множество углубленій и неровностей, которыя потомъ старались зашлифовать и загладить, вѣроятно, съ помощью мелкаго мокраго песка, или же посредствомъ кусочковъ намоченнаго мелкозернистаго песчаника. Въ этомъ убѣждаютъ насъ, замѣтные для глаза, идущіе во всѣ стороны штрихи, которые встрѣчаются также на шлифованныхъ камняхъ и на костяныхъ издѣліяхъ, находимыхъ между остатковъ каменнаго вѣка. Вслѣдствіе усиленнойковки по верхней поверхности, клинокъ серпа, болѣе или менѣе, выгибался такъ, что середина его представляетъ на верхней поверхности впадину; а на нижней — выпуклость. Это всего рѣзче замѣчается на самомъ большемъ изъ нашихъ серповъ, хотя и на всѣхъ остальныхъ можно примѣтить то же самое, хотя и въ меньшей степени.

Всѣ четыре серпа оказались разныхъ размѣровъ, и тотъ, который я получилъ прежде другихъ, самый менѣйшій изъ всѣхъ. Форма его, въ сущности, та же, но клинокъ его гораздо уже другихъ; при этомъ однакоже рѣжущій край его оказывается совершенно равнымъ по длинѣ съ таковымъ же краемъ самаго большаго изъ серповъ. Точная причина такого колебанія въ размѣрахъ, а отчасти и въ самой формѣ серпа, намъ неизвѣстна; но можно полагать, что колебаніе это вызвано дороговизной металла, съ которымъ, поэтому, было необходимо обращаться экономнѣе. Желаніе экономизировать металлъ послужило къ тому, что изъ первоначальной грубой, тяжелой и широкой формы серпа, стала вырабатываться болѣе легкая и удобнѣйшая форма, вполнѣ окончательнаго типа установившаяся въ желѣзныхъ серпахъ. Это однакоже должно было совершиться очень постепенно и первоначальная форма желѣзныхъ серповъ должна была представлять тотъ же, болѣе или менѣе тяжелый и неуклюжій видъ, который замѣчается у бронзовыхъ. Въ доказательство того, что обстоятельство это должно было существовать, приводимъ желѣзные серпы древнѣйшей эпохи желѣзнаго вѣка, встрѣчающіеся въ Эстляндіи*). По наружному своему виду они очень близки къ описаннымъ нами мѣднымъ серпамъ. Формы ихъ столь же тяжеловаты и неуклюжи; отличаются они только вытянутымъ напередъ носкомъ и отсутствіемъ на заднемъ концѣ крючка. Это уже указываетъ на дальнѣйшее движеніе въ видоизмѣненіи формы серпа, на пути къ выработкѣ окончательнаго типа. Въ Лифляндіи встрѣчаемъ мы экземпляръ желѣзнаго серпа, представляющій еще дальнѣйшее видоизмѣненіе**), въ которомъ у серпа на заднемъ концѣ выдѣланъ уже настоящій шпинецъ, ясно доказывающій, что этотъ

*) Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, V, 1884, p. 829, fig. 1740 et fig. 1738.

**) Ibidem, p. 387, fig. 1798.

серпъ долженъ былъ снабжаться деревянной рукояткой; но при этомъ клинокъ его еще не представляетъ окончательной формы, свойственной обыкновеннымъ серпамъ. Мы не имѣемъ основанія думать, чтобы въ здѣшнемъ краѣ не встрѣчались желѣзные серпы древнѣйшаго типа, представляющіе формы, аналогичныя съ мѣдными серпами, здѣсь находимыми; но до сихъ поръ намъ такихъ не попадалось; тѣ же, которые намъ случалось видѣть, представляли формы уже довольно близкія къ обыкновенному типу желѣзнаго серпа и потому должны относиться къ болѣе поздней эпохѣ желѣзнаго вѣка.

Какъ земледѣльческое орудіе, серпъ первоначально, вѣроятно, игралъ двойственную роль, т.-е. исполнялъ должность и *серпа*, и *косы* отъ чего первоначальная форма его и была такъ тяжеловата и неуклюжа. Сколько мы знаемъ, *косы*, какъ орудія, въ бронзовомъ вѣкѣ еще не существовали. Это можно утверждать на основаніи того, что нигдѣ еще доселѣ не было найдено *бронзовой* или *мѣдной косы*. Орудіе это встрѣчается не ранѣе желѣзнаго вѣка, когда изъ двойственности назначенія первоначальнаго серпа выработались два отдѣльныя, спеціальныя, по своему назначенію орудія: серпъ и коса. Такое позднее, сравнительно, изобрѣтеніе косы, какъ домашняго орудія, можетъ объясняться тѣмъ, что при кочевой жизни, при постоянномъ подножномъ кормѣ домашнихъ животныхъ, не требовалось заготовлять запасовъ сѣна; если же встрѣчалась надобность немного нарѣзать травы, то это дѣлалось съ помощью тяжелыхъ, широкихъ серповъ. Такимъ образомъ настоящую косу, какъ орудіе, должна была выработать уже жизнь осѣдлая въ желѣзномъ вѣкѣ.

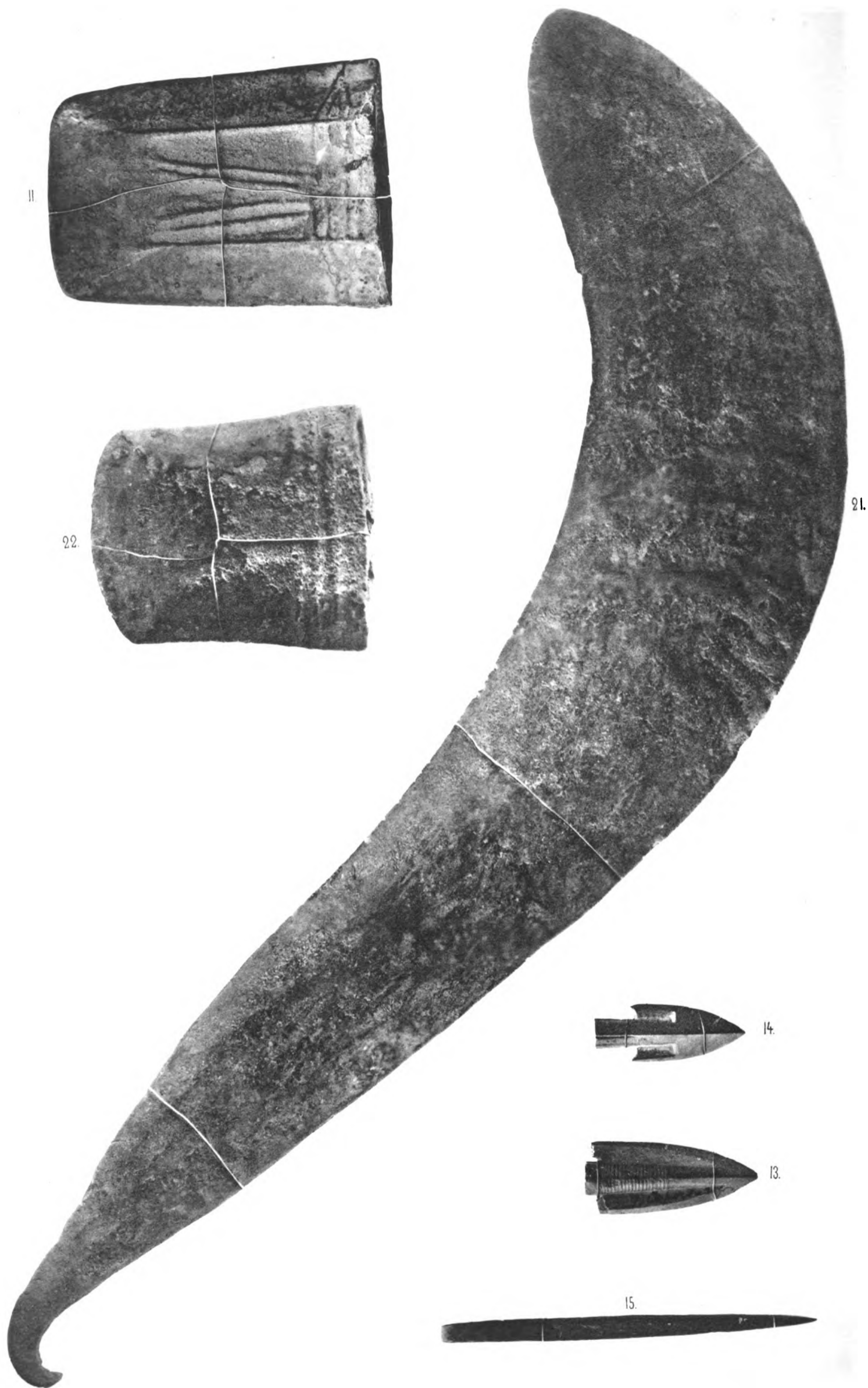
Желѣзные серпы, какъ извѣстно, представляютъ ту особенность, что ихъ рѣжущій край бываетъ насѣченъ пилообразно. Безъ сомнѣнія, это дѣлается не въ силу какой-либо непонятной традиціи, а потому, что этимъ способомъ облегчается рѣзка соломы при жнитвѣ. Но такое улучшеніе въ орудіи было ли придумано лишь при устройствѣ желѣзныхъ серповъ, или же понятіе о подобномъ приспособленіи рѣжущаго края орудія, облегчавшемъ срѣзку хлѣбныхъ злаковъ, существовало ранѣе? — Намъ кажется, что отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ представить самые памятники древняго быта, служившіе орудіями для срѣзыванія хлѣбныхъ злаковъ.

Возможность проявленія попытокъ земледѣльчана въ концѣ неолитической эпохи каменнаго вѣка, послѣ многозначительныхъ открытій, сдѣланныхъ въ Европѣ, считается нынѣ уже общепризнанной. Мы не имѣемъ также никакого основанія отвергать возможность проявленія такихъ попытокъ и у насъ при полной еще обстановкѣ неолитической эпохи, къ которой относится здѣшній каменный вѣкъ. Напротивъ того, мы уже указывали выше, что странное устройство нѣкоторыхъ каменныхъ орудій неизвѣстнаго назначенія, въ видѣ какихъ-то *кривыхъ ножей*, вызываетъ невольную догадку, не служили ли они для срѣзыванія хлѣбныхъ злаковъ? Такая догадка находитъ себѣ подтвержденіе въ формѣ мѣдныхъ серповъ, которые имѣютъ также видъ какихъ-то *кривыхъ ножей*. Разница здѣсь представляется только въ размѣрахъ; но слѣдуетъ принять во вниманіе, что ко времени введенія въ употребленіе мѣдныхъ серповъ и самыя попытки земледѣльчана могли расширяться. И такъ, у каменныхъ орудій, назначеніе которыхъ, какъ мы предполагаемъ, было — служить для срѣзыванія хлѣбныхъ злаковъ, внутренній

рѣзущій край представляется *пилообразнымъ*, т.-е. зазубреннымъ. Это могло зависѣть отъ технической обработки кремня, вслѣдствіе желанія укрѣпить рѣзущій край мелкими ударами; но отъ этого получалось, можетъ быть, и большее удобство для рѣзки соломы, что и было принято къ свѣдѣнію. Теперь на новополученныхъ мѣдныхъ серпахъ мы примѣчаемъ, что рѣзущій край у всѣхъ трехъ экземпляровъ также, болѣе или менѣе, *зазубренъ*. Мы не можемъ отнести эти зазубрины на счетъ находчиковъ, пожелавшихъ дѣлать съ серпами опыты, потому что зазубрины не представляютъ ни малѣйшей свѣжести: онѣ очевидно столь же древни, какъ и самые серпы. Зазубрины эти неравномѣрны и не представляютъ правильной насѣчки по всему краю; но мѣстами встрѣчаются группы зубчиковъ, въ которыхъ можно признать правильность. Вообще, получается впечатлѣніе, какъ-будто тутъ была неумѣлая попытка сдѣлать насѣчку. Но, можетъ быть, на лезвіи мѣднаго серпа такіа зазубринки могли также образоваться и случайно при жнитвѣ? Эти серпы, какъ мы объясняли, были найдены въ кучѣ, какъ бы сложенными или спрятанными до слѣдующей жатвы, на томъ самомъ полѣ, съ котораго только-что былъ снятъ урожай. Съ тѣхъ поръ прошли вѣка, измѣнился видъ мѣстностей; на мѣстѣ прежняго поля выросъ густой лѣсъ, изъ-подъ котораго земля, въ наше время, была снова разчищена и, при этой операци, была сдѣлана находка склада мѣдныхъ серповъ. Мы не можемъ утверждать, чтобы у всѣхъ мѣдныхъ серповъ, употребленіе которыхъ въ извѣстную эпоху, кажется, было повсемѣстнымъ, рѣзущій край представлялъ зазубрины; встрѣчая такіе предметы, большей частью, въ музеяхъ, намъ приходилось осматривать ихъ только черезъ стекла витринъ; а подобный осмотръ, конечно, дѣлаетъ невозможнымъ изученіе разныхъ мелкихъ подробностей. Но на тѣхъ серпахъ, которые поступили въ нашу собственную коллекцію, мы, какъ изложено выше, находимъ зазубрины. Сличая съ новопріобрѣтенными первый, полученный нами мѣдный серпъ изъ этой находки, мы замѣчаемъ, что и на его рѣзущемъ краѣ тоже есть, хотя и очень мелкіа, зазубрины. Но, соображая, что край этотъ находчиками оттачивался, слѣдуетъ думать, что прежнія зазубрины отъ этого много сравнялись.

Какъ ни малозначителенъ, на первый взглядъ, фактъ присутствія зазубринъ на рѣзущемъ краѣ мѣдныхъ серповъ, но если бы за ними можно было признать не случайное образованіе, а преднамѣренное, то обстоятельство это получило бы гораздо большее значеніе потому, что мы тогда имѣли бы здѣсь доказательство, что насѣчка рѣзущаго края желѣзныхъ серповъ не была спеціально для нихъ придумана, а употреблялась и для каменныхъ, и для мѣдныхъ орудій этого рода. Будучи первоначально случайнымъ открытіемъ, при желаніи укрѣпить край кремневаго осколка, служившаго вмѣсто серпа, удобство зубчатаго края для рѣзки соломы было понято и признано въ самомъ началѣ земледѣльческихъ попытокъ.

Обращаясь теперь къ описанію трехъ ново-добытыхъ серповъ, мы считаемъ необходимымъ пояснить, что измѣренія длины экземпляровъ какъ этихъ, такъ и описанныхъ выше, было производимо по средней линіи клинковъ. Къ описанію мы прибавили еще и изслѣдованіе вѣса, которое было упущено нами изъ вида для экземпляровъ прежде описанныхъ, но которое можетъ тоже представить свою долю интереса, если принять въ соображеніе торговое значеніе, которое могъ имѣть металл. Изъ числа пяти экзем-

пярговъ, описанныхъ выше, мы можемъ исправить здѣсь эту оплошность лишь въ отношеніи двухъ экземпляровъ №№ 1 и 5, какъ лично намъ принадлежащихъ.

У самаго большаго серпа (см. табл. I, фиг. 21) поверхность на обѣихъ сторонахъ покрыта тонкимъ слоемъ темно-зеленой и бурой патины, съ просвѣчивающимъ сквозь нее цвѣтомъ натуральной старой мѣди. На верхней поверхности примѣтно много слѣдовъ обработки въ видѣ ямокъ и неровностей, происшедшихъ вслѣдствіе грубыхъ пріемовъковки. Неровности эти старались послѣ заровнять посредствомъ тренія, вѣроятно, мелкимъ пескомъ съ водой или кусочками намоченнаго мелкозернистаго песка. Такіе слѣды особенно явственны на нижней сторонѣ серпа. На этомъ серпѣ нѣтъ рѣзко примѣтной грани, въ видѣ откоса, сходящей къ краю лезвія на верхней поверхности. Здѣсь рѣзущій край отточенъ съ обѣихъ сторонъ. На самомъ лезвіи примѣтны мѣстами зазубринки. Кромѣ того, отъ усиленнойковки, верхняя плоскость серпа представляется вогнутой, а нижняя выпуклой въ самой широкой части клинка, противъ выгиба, дуга котораго приходится здѣсь въ верхней половинѣ клинка.

Общая длина, по изгибу клинка, взятая по средней линіи и съ крючкомъ, = 9 вер. Наибольшая ширина, приходящаяся противъ середины дуги, образуемой загибомъ клинка, = $1\frac{15}{32}$ вер.

Наименьшая ширина у тупаго угла, сходящаго къ крючку, = $\frac{27}{32}$ вер.

Длина отъ тупаго угла съ загнутымъ въ крючокъ концомъ = $2\frac{5}{32}$ вер.

Наибольшая толщина пластины, изъ которой выкованъ клинокъ, приходящаяся противъ тупаго угла съ наружнаго края, = $\frac{3}{32}$ вер.

Вѣсъ = 1 фун. 4 зол.

Этотъ экземпляръ, по своей длинѣ, только на $\frac{1}{4}$ вер. уступаетъ елабужскому серпу, описанному выше подъ № 2, но шириной клинка превосходитъ тотъ на $\frac{2}{16}$ вер.

Второй по размѣру серпъ имѣетъ форму нѣсколько иную. Дуга изгиба приходится ближе къ срединѣ клинка и не заворачивается такъ круто, какъ у предыдущаго; отъ этого носокъ кажется прямѣе и уже. Поверхность этого серпа съ обѣихъ сторонъ покрыта зеленой патиной, съ проступающими, мѣстами, темно-красными пятнами и бѣловатымъ налетомъ. Отливка его въ форму была несовсѣмъ удачна: наружный край у конца носка неровенъ и представляетъ значительно выступающее возвышеніе, которое помѣшало свести наружную линію контура съ внутренней такъ же правильно и постепенно, какъ это сдѣлано у другихъ экземпляровъ. Здѣсь откосъ къ рѣзущему краю, на верхней поверхности, болѣе замѣтенъ равно какъ и зазубринки на лезвіи. Отъ усиленнойковки онъ также нѣсколько выгнулся, но гораздо менѣе, чѣмъ предыдущій.

Общая длина по изгибу клинка съ крючкомъ = $8\frac{11}{16}$ вершка.

Наибольшая ширина въ срединѣ дуги, образуемой изгибомъ, = $1\frac{1}{4}$ вершка.

Наименьшая ширина у тупаго угла = $\frac{21}{32}$ вершка.

Длина отъ тупаго угла до конца, вмѣстѣ съ крючкомъ = $1\frac{11}{16}$ вершка.

Наибольшая толщина пластинки клинка немного болѣе $\frac{3}{32}$ вершка.

Вѣсъ = 86 золотникамъ.

Третій серпъ, по размѣру меньше двухъ предыдущихъ. На обѣихъ сторонахъ его замѣтны слѣды темно-зеленой патины; поверхность же значительно разъѣдена окисью;

не смотря на то, слѣды усиленнойковки и расплющиванія остаются очень замѣтными. Вслѣдствіе такой техники и этотъ клинокъ представляетъ на верхней сторонѣ впадину, а на нижней — выпуклость. По своей общей формѣ онъ совершенно походитъ на первый, но только въ уменьшенномъ размѣрѣ; это сходство проглядываетъ и въ самыхъ техническихъ приемахъ выработки орудія. Здѣсь также, какъ и у перваго, откосъ къ лезвію съ верхней стороны почти незамѣтенъ потому, что лезвіе притачивалось съ обѣихъ сторонъ. Зазубринки на этомъ экземплярѣ еще болѣе явственны и еще болѣе возбуждаютъ мысль о преднамѣренномъ ихъ образованіи. Средина дуги выгиба и здѣсь приходится въ верхней половинѣ клинка.

Общая длина клинка = $8\frac{3}{32}$ вершка.

Наибольшая ширина въ срединѣ дуги = $1\frac{3}{16}$ вершка.

Наименьшая ширина у тупаго угла = $1\frac{5}{16}$ вершка.

Длина отъ тупаго угла до конца, вмѣстѣ съ крючкомъ = $1\frac{9}{32}$ вершка.

Наибольшая толщина пластинки клинка = $\frac{3}{32}$ вершка.

Вѣсъ = $70\frac{1}{2}$ золотниковъ.

Присоединяемъ здѣсь пропущенное нами раньше измѣреніе толщины пластинки серпа № 1, описаннаго въ первой статьѣ, равно какъ и вѣсъ его.

Наибольшая толщина его клинка = $\frac{2}{32}$ вершка.

Вѣсъ = 54 золотникамъ.

Малый серпъ, найденный въ мѣстности пригорода Билярска, описанный въ той же статьѣ подъ № 5, представляющій особый вариантъ какъ по своему виду, такъ и по миниатюрности размѣровъ, въ отношеніи техники обнаруживаетъ тѣ же приемы отливки иковки съ послѣдующей грубой шлифовкой посредствомъ мокраго песка. Его задній конецъ не имѣетъ крючка и составляетъ какъ бы продолженіе лезвія, которое однакоже оканчивается на разстояніи $1\frac{3}{16}$ вер. Эта послѣдняя часть очень утонена, расплющена и служивающійся ея конецъ закругленъ; но на этой части нѣтъ откоса, обозначающаго лезвіе, и можно думать, что вся эта часть вставлялась въ деревянную рукоятку. На эту мысль наводитъ то обстоятельство, что въ началѣ этой неотточенной части, у конца лезвія есть признакъ перехвата и изгиба; при этомъ, на нижней поверхности этой части почти совсѣмъ нѣтъ окиси, а на верхней — ея тоже очень мало. Можно полагать, что дерево рукоятки, впоследствии истлѣвшее, долго предохраняло металлъ отъ окисленія.

Наибольшая длина клинка этого серпа, приходящаяся здѣсь въ срединѣ изгиба, съ задней или наружной стороны составляетъ немного болѣе $\frac{1}{32}$ вершка.

Вѣсъ = 20 золотникамъ.

Весьма любопытно было встрѣтить на южной границѣ Казанской губерніи тотъ же типъ серпа, какой встрѣчается по сосѣдству съ сѣверной ея границей, въ окрестностяхъ гор. Елабуги, но въ предѣлахъ самого края онъ не встрѣчался до сихъ поръ безъ нѣкотораго видоизмѣненія въ формѣ. Наблюдая на правомъ берегу Камы, близъ гор. Елабуги, наибольшее скопленіе слѣдовъ бронзоваго вѣка и примѣчая, что многіе предметы представляютъ какъ бы упрощенныя формы тѣхъ, какіе встрѣчаются на Алтаѣ, мы заключаемъ, что поступательное движеніе цивилизаціи бронзоваго вѣка шло въ нашъ край изъ отдаленнаго сѣверо-востока, сперва къ Уральскому горному хребту и оттуда внизъ

по Камѣ. Такое движеніе представляется весьма натуральнымъ, если принять въ соображеніе, что и всѣ наши минеральныя богатства сосредоточиваются на сѣверо-востокѣ, гдѣ существуютъ и древнѣйшіе слѣды разработки металловъ подѣ названіемъ „чудскихъ копей“. Конечно, металлургическія понятія въ нашъ край должны были зайти изъ мѣстности, изобилующей металлами; а такой мѣстностью всего ближе считать Уралъ. Это представляется тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что и въ каменномъ вѣкѣ нашего края, орудія, выдѣланныя не изъ мѣстнаго матеріала, почти всегда оказываются сдѣланными изъ горныхъ уральскихъ породъ.

Итакъ, если металлургическія понятія приходили въ казанскій край отъ Урала и распространялись по Камѣ, то несомнѣнно, что первоначально съ ними познакомились обитатели самыхъ прибрежій Камы, ея береговые жители, и между ними, ближайшее къ нашему краю, племя Ананьинскаго некрополя. Но, ясно, что металлургическія понятія распространялись потому, что приходили вмѣстѣ съ готовыми *бронзовыми* или *мѣдными* предметами, имѣвшими значеніе товара, который начиналъ входить въ мѣстное употребленіе и, очень можетъ быть, что вмѣстѣ съ готовыми предметами завозился также и сырой металлъ въ слиткахъ. Это необходимо должно было такъ быть въ отношеніи *бронзоваго сплава*, который долженъ былъ приходить готовымъ, ибо, за недостаткомъ олова, его не могли изготовлять на мѣстѣ. Весьма вѣроятно, что продавцы готовыхъ металлическихъ вещей были сами въ то же время и умѣлые мѣдники, такъ что могли отливать и выковывать требуемыя вещи или чинить и передѣлывать старыя, испорченныя. Оттого-то и замѣчается вездѣ, что новый вѣкъ не вводитъ сразу новыхъ формъ орудій, а въ началѣ воспроизводитъ лишь формы орудій, до него употребляемыя, и лишь постепенно видоизмѣняетъ и улучшаетъ ихъ. Дѣлалось это вѣроятно потому, что люди, привыкшіе къ своимъ прежнимъ орудіямъ, не вдругъ осваивались съ употребленіемъ орудій новыхъ формъ.

Относительно серповъ слѣдуетъ сказать, что между сибирскими древностями мы не находимъ тѣхъ формъ, которыя встрѣчаются въ здѣшнемъ краѣ. Въ Минусинскомъ музеѣ есть два „*серповидные ножа*“*), которые можно пожалуй, признать за это орудіе по формѣ лезвія; но устроены они иначе, нежели серпы здѣшняго края. У нихъ имѣется нѣчто въ родѣ плоской рукоятки, продыравленной на концѣ, тогда какъ здѣшніе серпы рукоятки не имѣютъ, а задній конецъ у нихъ заканчивается крючкомъ. Впрочемъ въ нашемъ биларскомъ серпѣ имѣемъ типъ весьма близкій къ упомянутымъ минусинскимъ серповиднымъ ножамъ, лишь отличающійся тѣмъ, что рукоятка его не продыравлена. Вообще же слѣдуетъ сказать, что мѣдные серпы, какъ орудія бронзоваго вѣка, въ нашемъ отечествѣ, вѣроятно, до сихъ поръ ускользали отъ вниманія археологовъ. Тогда какъ въ другихъ странахъ Европы они встрѣчаются въ музеяхъ и ихъ изображенія**) помещаются въ ученыхъ изданіяхъ, у насъ о нихъ доселѣ почти не встрѣчалось-свѣдѣній и въ извѣстномъ сборникѣ г. Аспелина, *Antiquités du Nord Finno-Ougrien*, въ допол-

*) Древности Минус. Муз. Атласъ; таб. III, 1 и 2.

**) См. напр. Congrès internat. d'anthrop. et d'archéol. prehist. — Compte-rendu de la 8-e session. Budapest, 1876, гдѣ собрано большое число изображеній разнаго устройства серповъ, встрѣчающихся въ Венгріи и Трансильваніи.

ненія къ I выпуску, мы находимъ только два изображенія серповъ, найденныхъ въ южной Россіи*). Оба они разныхъ формъ и лишь № 369 представляетъ въ своемъ устройствѣ сходство съ казанскими серпами, имѣя на заднемъ своемъ концѣ также крючокъ. Судя по изображенію, онъ представляетъ экземпляръ только-что отлитый и еще не бывшій въ употребленіи.

Для насъ было бы тоже не маловажно опредѣлить, гдѣ изготовлялись серпы, находимые въ Казанской губерніи. Кажется, если могли быть отливаемы въ здѣшнемъ краѣ, что можетъ уже считаться доказаннымъ, бронзовые и мѣдные топоры или кельты, то можно бы допустить и мѣстную выдѣлку мѣдныхъ серповъ? Но, для того, чтобы имѣть несомнѣнное доказательство ихъ мѣстной выдѣлки, было бы необходимо находить отливныя формы для нихъ; а такой находки, насколько мы знаемъ, не было еще сдѣлано не только въ Казанской губерніи, но и въ Вятской, гдѣ, повидимому, слѣдовъ бронзоваго вѣка встрѣчается болѣе.

Однакоже, если древнее населеніе здѣшняго края въ бронзовомъ вѣкѣ познакомилось со способами добыванія мѣди изъ руды, отъ заѣзжихъ купцовъ-мѣдниковъ, то оно могло, конечно, розыскать и мѣстныя мѣсторожденія этого металла; а таковыя находятся именно неподалеку отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ попадаются мѣдные орудія, какъ на сѣверномъ краѣ губерніи, такъ и близъ южной ея границы. Въ первомъ случаѣ *мѣдистый песчаникъ* содержится въ почвѣ значительной части Мамадышскаго уѣзда, гдѣ по границѣ съ Вятской губерніей находятся даже и слѣды древнихъ горныхъ работъ, извѣстныя въ народѣ подъ именемъ „*чудацкихъ*“ или „*чудскихъ копей*“. На югѣ Казанской губерніи такіе же слѣды древнихъ горныхъ работъ находятся на правой сторонѣ Волги, въ Тетюшскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ деревень Бакарчи**). Конечно, было бы очень желательно, чтобы лица, хорошо знакомыя съ горнымъ дѣломъ, обратили ученое вниманіе на подробное изслѣдованіе этихъ остатковъ древнихъ работъ въ нашемъ краѣ, съ цѣлью опредѣлить болѣе точно относительную ихъ древность. Быть можетъ, при изслѣдованіи открылись бы такія вещественныя доказательства, которыя подтвердили бы основательность народной молвы, относящей ихъ къ временамъ господства „*чуди*“ въ здѣшнемъ краѣ.

Бронзовые топоры, находимые въ Казанской губерніи, какъ сказано выше, относятся къ двумъ типамъ: одни изъ нихъ въ формѣ кельтовъ, другіе же имѣютъ типъ, происшедшій отъ кайла. Наиболѣе древними должны считаться *кельты*, которые въ здѣшнемъ краѣ встрѣчаются въ нѣсколькихъ видахъ.

Кельтъ бронзовый, имѣющій полную втулку для надѣванія на древко и съ боку одно ушко для привязыванія къ нему. Отверстіе втулки съ верху, съ наружной стороны окружено возвышеннымъ валикомъ, къ которому примыкаетъ ушко верхнимъ своимъ концомъ; нижній конецъ ушка упирается тоже въ возвышенный рубчикъ, идущій кольцеобразно, параллельно верхнему валику, вокругъ корпуса кельта. Пространство

*) Aspelin, l. c. I, p. 82, fig. 360 et p. 83, fig. 369. Первый обозначенъ въ числѣ другихъ предметовъ, происходящихъ изъ Kherson, Bobrinetsk. — Другой: Kherson, Ekaterinoslaw et Krim. Такой законизмъ въ обозначеніи мѣста находки, къ сожалѣнію, не допускаетъ узнать съ точностью, гдѣ именно какой предметъ найденъ.

***) Списки насел. мѣстъ. XIV. Казанск. губ. XXI.

Фотогравия Шерера. Наблюдать «К» въ Москвѣ.

между этими двумя возвышенными линиями занято орнаментомъ въ видѣ каемки, составленной изъ ряда клиньевъ или зубьевъ, входящихъ одинъ въ другой. Этотъ орнаментъ сдѣланъ посредствомъ рельефныхъ линий. Съ одной стороны зубцы направлены влѣво, съ другой — вправо. Верхній валикъ значительно выступаетъ противъ остальнаго контура орудія, которое въ верхней части, образующей втулку, также нѣсколько расширено, сравнительно съ нижней частью. Обѣ плоскія стороны, передняя и задняя, представляютъ рѣзко-очерченныя продольныя, немного углубленныя грани.

Длина всего орудія = $2\frac{5}{16}$ вершка.
 Ширина лезвія = $\frac{7}{8}$ ”
 Ширина верхняго края вмѣстѣ съ ушкомъ = $1\frac{5}{16}$ ”
 Диаметръ отверстія втулки, имѣющей овальное очертаніе:
 по длинной оси = $\frac{13}{16}$ вершка.
 по короткой ” = $\frac{11}{16}$ ”
 Ширина верхняго валика = $\frac{3}{16}$ ”
 Ширина каемки, занятой орнаментомъ . . . = $\frac{5}{16}$ ”

Этотъ кельтъ былъ найденъ въ Чистопольскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, на городищѣ близъ р. Шешмы. Онъ хранится теперь въ Музеѣ здѣшняго Археологическаго Общества. По своему типу и размѣрамъ этотъ кельтъ очень сходенъ съ изображеннымъ въ сборникѣ г. Аспелина*) и найденномъ въ древней могилѣ на Уралѣ, въ Оренбургской губерніи. Разница заключается лишь въ орнаментальной каемкѣ, которая у Чистопольскаго экземпляра болѣе типична.

Кельтъ, небольшихъ тоже размѣровъ, отлитый изъ бронзы. Втулка полная и для привязыванія къ древку есть ушко, которое у этого экземпляра помѣщено на срединѣ задней стороны. Передняя поверхность съ верху украшена орнаментомъ, составленнымъ изъ рельефныхъ линий, образующихъ четыре, какъ бы вложенныхъ одинъ въ другой, угла или клина. Совершенно такой орнаментъ замѣчается на кельтахъ, находимыхъ въ Венгріи**). Подобный этому орнаментъ, но повторяющійся и образующій каемку (en dents de loup) встрѣчается и на другихъ кельтахъ, найденныхъ въ Россіи***). Этотъ кельтъ представляетъ очертанія совершенно прямолинейныя и къ лезвію не расширяется, какъ другіе кельты. При отверстіи втулки лицевая плоскость почти не изгибается; задняя же поверхность представляетъ значительный выгибъ, образующій начало втулки, къ которому придѣлано ушко для привязыванія къ древку. Отъ ушка книзу задняя поверхность кельта представляется какъ бы стесанной наискось къ лезвію, которое хорошо сохранилось и имѣетъ слегка дугообразный контуръ.

Длина орудія = $1\frac{7}{8}$ вершк.
 Ширина лезвія = $\frac{13}{16}$ ”

Диаметръ втулки по длинной оси = $\frac{11}{16}$ вершк., по короткой = $\frac{15}{32}$ вершк.

*) L'Age du bronze; p. 50, № 148.

***) Compte-rendu de la 8-e session. Budapest. Second vol., II part., pl. XI, fig. 12.

***) Ср. у г. Аспелина „L'Age du bronze“ кельтъ изъ Елабуги № 144 и другой изъ Минуссинска № 147.

Въ сборникѣ г. Аспелина нѣтъ подобнаго этому экземпляра и мы находимъ тамъ только одинъ кельтъ изъ Екатеринославской губерніи*), который имѣетъ одно ушко, помѣщенное на задней сторонѣ, но ниже, нежели на этомъ, и вообще форма Екатеринославскаго кельта другая. Описанный здѣсь кельтъ былъ найденъ въ Елабужскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, въ 1878 году, при распашкѣ поля крестьянъ с. Танайки. Онъ находится въ Музеѣ здѣшняго Археологическаго Общества и мы помѣстили его здѣсь потому, что онъ оказывается сродни нижеслѣдующему.

Кельтъ бронзовый, не имѣющій полной втулки; но загнутые назадъ края, выступая въ верхней части въ родѣ крыльевъ, сведенныхъ вмѣстѣ, охватывали древко, образуя родъ втулки (таб. II, фиг. 4). Такое устройство этого кельта приближаетъ его къ такъ-называемымъ *haches à ailerons*. Изготовленіе формы для отливки подобнаго рода кельтовъ должно представлять не малыя затрудненія. Въ теперешнемъ видѣ, концы, составлявшіе втулку, оказываются отчасти поломаны и лезвіе его, имѣвшее, первоначально, тоже дугообразный контуръ и значительно острое съ одной стороны, теперь представляется какъ бы срѣзаннымъ или нарочно притупленнымъ. Очертанія этого кельта прямолинейны и контурныя линіи, представляющіяся параллельными, лишь около самаго лезвія расходятся въ стороны, образуя незначительное расширеніе. Наружная плоскость этого кельта, сверху, украшена рельефнымъ орнаментомъ, совершенно сходнымъ съ тѣмъ, которое находится на предыдущемъ кельтѣ изъ Елабужскаго уѣзда. Отверстіе кольцеобразной втулки имѣло здѣсь почти круглое очертаніе.

Длина орудія = $2\frac{1}{8}$ вершк.
 Ширина лезвія = $\frac{7}{8}$ "
 Діаметръ втулки = $\frac{11}{16}$ "

Этотъ кельтъ былъ найденъ въ мѣстности пригорода Билярска, Чистопольскаго уѣзда, Казанской губерніи, и хранится въ моей коллекціи. По своему устройству онъ принадлежитъ къ довольно рѣдкому типу. Въ сборникѣ г. Аспелина не находится ни одного подобнаго кельта и въ здѣшнемъ краѣ онъ составляетъ пока единственный экземпляръ.

Кельтъ бронзовый безъ ушковъ для привязыванія, совершенно тождественный по своей формѣ съ кельтами изъ Ананьинскаго некрополя (таб. III, фиг. 8). Въ сборникѣ г. Аспелина мы даже находимъ одинъ экземпляръ, который составляетъ дублетъ нашего**). Эти кельты отличаются своей сплюснутой формой; при чемъ обѣ ихъ поверхности представляются раздѣленными на треугольныя грани, рѣзко обозначенныя, по три съ каждой стороны. По верхнему краю, въ видѣ орнамента, выдѣланъ поясокъ, составленный изъ четырехъ параллельныхъ рельефныхъ линій, и такія же двѣ черты помѣщены въ верхнемъ углу средней грани. Отверстіе втулки представляетъ очертаніе сжатого овала съ острыми углами. Боковыя контурныя линіи къ лезвію нѣсколько суживаются и самое лезвіе имѣетъ слегка дугообразное очертаніе.

*) *ibidem* p. 51, № 162.

***) *L'Age du fer. Nécr. d'Ananino*, p. 107, № 406.

Длина орудія	= $1\frac{11}{16}$	вершка.
Ширина въ верхнемъ концѣ	= $1\frac{7}{16}$	"
Ширина лезвія	= $1\frac{7}{32}$	"
Діаметръ отверстія втулки по длинной оси	= $1\frac{2}{16}$	"
" " " " короткой оси	= $\frac{7}{16}$	"
Толщина стѣнокъ	= $\frac{1}{16}$	"

Кельты этой формы повторяютъ собой нѣкоторые виды кремневыхъ топоровъ. Они отличаются совершеннымъ отсутствіемъ ушковъ для привязыванія къ древку. Но, въ замѣнъ того, у нашего экземпляра на задней сторонѣ, въ правой грани, находится овальное отверстіе, служившее для прибаванія къ древку. У экземпляровъ, найденныхъ въ Ананьинскомъ некрополѣ, изображенныхъ у г. Аспелина, этой подробности не отмѣчено. Нашъ экземпляръ былъ найденъ въ сѣверной части Лаишевскаго уѣзда, Казанской губерніи, въ дачѣ с. Шумкова, Анатышской волости, и хранится въ моей коллекціи.

Кельтъ изъ красной мѣди (?), тоже ананьинскаго типа (табл. I, фиг. 11), соответствующій изображенному въ сборникѣ г. Аспелина *). На немъ рельефными линиями выдѣланъ орнаментъ, совершенно похожій на тотъ, какой мы видимъ на рисункѣ г. Аспелина; но на оборотной сторонѣ этого экземпляра орнаментъ имѣетъ другой видъ: онъ состоитъ изъ трехъ вертикальныхъ рельефныхъ линий. Очень можетъ быть, что и на экземплярѣ, помѣщенномъ у г. Аспелина, оборотная сторона, не видная на рисункѣ, имѣетъ такой же орнаментъ. Сравнительно съ предыдущимъ у этого кельта замѣтна варіація въ формахъ: грани его четырехугольны и отверстіе втулки не просто овальное, какъ у того, а шестиугольное. Этотъ кельтъ нѣсколько уже и длиннѣе предыдущаго; но какъ и тотъ, въ верхнемъ концѣ шире, нежели въ нижнемъ. Контуръ лезвія тоже слегка дугообразный; но дуга прямѣе, нежели у того.

Длина орудія = $1\frac{3}{4}$ вершка.

Ширина въ верхнемъ концѣ = $1\frac{1}{4}$ вершка.

" лезвія = $1\frac{1}{32}$ вершка.

Діаметръ отверстія втулки, по длинной оси = 1 вер., по короткой = $\frac{7}{16}$ вершка.

Толщина стѣнокъ этого экземпляра неравномѣрна по краю втулки: наибольшая = $\frac{1}{16}$ вершка, наименьшая = $\frac{1}{32}$ вершка.

На этомъ кельтѣ нѣтъ отверстія для прибаванія къ древку. Онъ былъ найденъ въ окрестностяхъ дер. Сорочьи-Горы, Лаишевскаго уѣзда, Казанской губерніи, крестьянами этой деревни и отъ нихъ купленъ; принадлежитъ Музею здѣшняго Археологическаго Общества.

Оба эти кельта представляютъ собой важные документы, доказывающіе связь бронзоваго вѣка Ананьинскаго некрополя съ тѣмъ же вѣкомъ въ Казанской губерніи.

Кельтъ бронзовый съ втулкой для надѣванія на древки. Отъ втулки, не имѣющей ушковъ для привязыванія къ древку, форма кельта къ лезвію расширяется и самое

*) *ibid.* p. 107, № 408.

лезвіе представляет слабый дугообразный изгибъ. Въ средней части корпусъ кельта представляет выпуклость.

Общая длина орудія по изгибу до края лезвіа = $2\frac{3}{16}$ вершка.

Ширина лезвіа = $1\frac{5}{16}$ вершка.

Діаметръ втулки = $\frac{7}{8}$ вершка.

Форма этого кельта уклоняется отъ типа тѣхъ, которые были находимы въ Анапѣинскомъ некрополѣ, сходныхъ съ вышеописанными № 8 и № 11, хотя должна происходить отъ нихъ же. Этотъ вариантъ прежняго типа отличается почти совершенно круглой втулкой, съ едва замѣтнымъ оваломъ; при чемъ наиболѣе длинный діаметръ овала параллеленъ лезвію. Въ сборникѣ г. Аспелина подобнаго типа кельта не находится; онъ былъ найденъ въ дачѣ с. Омаръ, Мамадышскаго уѣзда, Казанской губерніи, и хранится въ Музеѣ здѣшняго Археологическаго Общества.

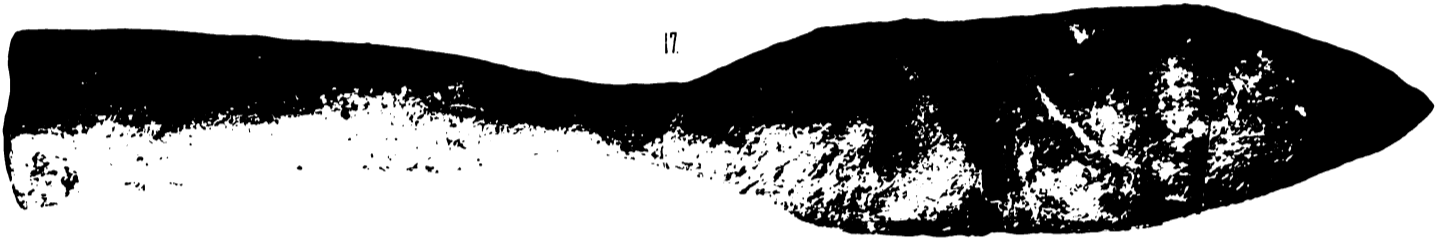
Въ той же мѣстности Спасскаго уѣзда, гдѣ найдены вышеописанные мѣдныя серны, приобрѣтенъ *бронзовый* (или *мѣдный?*) *кельтъ* (табл. I, фиг. 22) того характернаго типа, который встрѣчается въ Анапѣинскомъ некрополѣ и составляетъ принадлежность культуры той эпохи. Типъ этотъ настолько своеобразенъ, что его нельзя смѣшать ни съ какимъ другимъ; но въ этомъ экземплярѣ мы замѣтили такія варіаціи въ приспособленіи къ его назначенію, которыя доказываютъ, что культура не заставалась и что люди того времени постоянно заботились объ улучшеніяхъ въ устройствѣ своихъ необходимѣйшихъ орудій. При сохраненіи того же типа этотъ кельтъ представляется лучше приспособленнымъ. Обѣ плоскія его стороны также раздѣлены на треугольныя грани и въ верхней части, близъ отверстія втулки, здѣсь находятся три возвышенныя линіи или пояска, какъ на № 8. Промежутки между выступающими поясками образуютъ желобки, какъ надо полагать, служившіе для прочнѣйшаго помѣщенія обвязки, состоявшей, быть можетъ, изъ жилы или узкаго ремня (?). Но на этомъ экземплярѣ нѣтъ въ верхней части средней грани орнамента, въ видѣ двухъ возвышенныхъ линій, какъ на № 9. Кромѣ того, размѣры этого кельта менѣе; онъ болѣе сплюснутъ въ отверстіи втулки; боковыя контурныя линіи сверху идутъ суживаясь, но въ половинѣ корпуса получаютъ параллельное направленіе и у лезвіа нѣсколько расходятся. Контуръ лезвіа значительно дугообразный, вслѣдствіе того, что боевой конецъ здѣсь болѣе расплюснутъ, вытянутъ и сведенъ къ лезвію постепеннымъ откосомъ. Это послужило къ укрѣпленію лезвіа и придало ему болѣе боевой силы, ибо оно отъ этого стало острѣе; а у другихъ кельтовъ, лезвіа которыхъ устроены тупѣе, они при работѣ, вѣроятно, должны были часто быть натачиваемы. Вся поверхность этого кельта покрыта темнозеленой патиной.

Длина орудія	= $1\frac{1}{2}$	вершка.
Ширина въ верхнемъ концѣ при отверстіи втулки	= $1\frac{7}{16}$	"
Ширина лезвіа	= $1\frac{2}{16}$	"
Діаметръ втулки по длинной оси	= $1\frac{3}{32}$	"
" " " короткой оси	= $\frac{3}{16}$	"

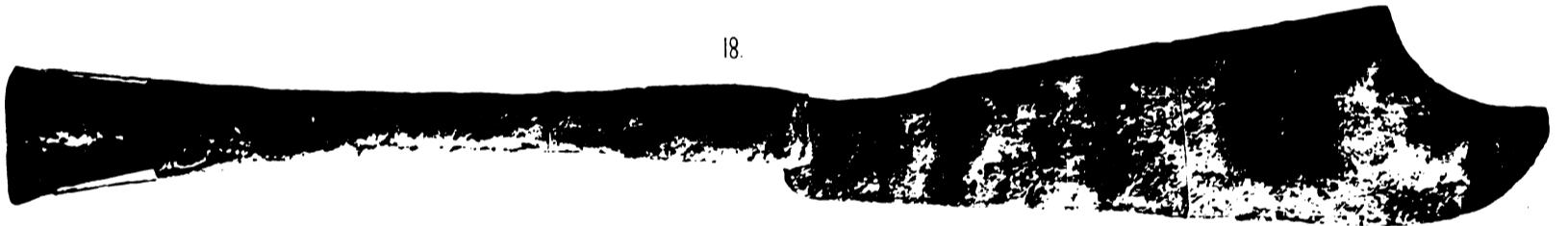
16.

17.

18.

10.

8.

Изъясненъ въ Музее Императорскаго Эрмитажа.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что кельтъ этотъ будучи, насаженнымъ на древко, былъ еще, для бѣльшаго укрѣпленія, по срединѣ сдавленъ или сплюснутъ, вслѣдствіе чего, въ самой срединѣ, разстояніе его стѣнокъ оказывается = $\frac{2}{3}$ вершка.

Толщина стѣнокъ = $\frac{1}{16}$ вершка.

На этомъ кельтѣ нѣтъ отверстія для вбиванія гвоздя въ древки, съ цѣлью прикрѣпленія его къ топорищу; но, смотря на отверстіе втулки, нельзя не удивляться, съ какой силой были сжаты стѣнки кельта, около древка. вмѣсто того, чтобы образовать въ средней части наибѣльшую выпуклость, какъ у № 8, онѣ образуютъ здѣсь впадину и древко представляется слишкомъ тонкимъ; но вѣроятно оно дѣлалось изъ очень крѣпкаго дерева, можетъ быть дубоваго.

Находка этого кельта на южной границѣ Казанской губерніи составляетъ пріятную новость, которая доказываетъ, что культура Ананьинскаго некрополя не только перешла за Каму, но и распространилась по всему лѣвому побережью Волги; поэтому весьма правдоподобно, что послѣдующія археологическія изысканія поведутъ къ открытію и въ другихъ сосѣднихъ губерніяхъ бронзовыхъ или мѣдныхъ орудій, принадлежащихъ къ тому же ананьинскому типу. Культура этого некрополя, весьма вѣроятно не заключаетъ въ себѣ какой-либо отдѣльной бронзовой культуры, но выражаетъ одинъ моментъ общей мѣстной культуры бронзоваго вѣка, при переходѣ его въ вѣкъ желѣзный.

Бронзовые топоры, типъ которыхъ, по своей формѣ, составляетъ переходъ отъ кельтовъ къ желѣзнымъ топорамъ, встрѣчаются въ Казанской губерніи разныхъ величинъ. Этотъ типъ, кромѣ своей вытянутой формы, отличается отъ кельтовъ еще тѣмъ, что втулка для помѣщенія древка не занимаетъ мѣста въ самомъ корпусѣ орудія, какъ у кельтовъ; но помѣщена на одномъ концѣ орудія и древко не составляетъ продолженія самаго орудія, но приходилось къ нему перпендикулярно. Древки кельтовъ, которые въ своихъ формахъ повторяютъ формы каменныхъ топоровъ, должно было имѣть тотъ же видъ, какъ у этихъ послѣднихъ, а у нихъ видъ этого древка походилъ на букву Г. Но очевидно, что выдѣлка такого древка представляла извѣстныя неудобства и затрудненія. Очень вѣроятно, что оно должно было часто ломаться и потому потребовалось измѣнить самый типъ топора для того, чтобы можно было употреблять прямое древко, для котораго годилась всякая прямая палка, тогда какъ прискривать древесныя вѣтви съ надлежащимъ изгибомъ для древка къ прежнимъ топорамъ, было довольно затруднительно; употребленіе же прямого древка уже было извѣстно ранѣе, для нѣкоторыхъ домашнихъ рудій, какъ напр. каменныхъ молотковъ или бронзовыхъ кайлъ. Эти послѣднія и должны были дать идею новаго типа топора, и мы имѣемъ ясныя къ тому доказательства въ формахъ нѣкоторыхъ кайлъ.

Топоръ, отлитый изъ красной мѣди. Втулка помѣщена подъ прямымъ угломъ къ корпусу топора. Сверху края втулки представляются какъ бы срѣзанными наискось спереди назадъ и отверстіе ея имѣетъ очертаніе правильнаго овала. Съ нижней стороны отверстіе втулки оказывается почти круглымъ. Начиная отъ втулки корпусъ топора представляется сжатымъ и вытянутымъ. Контурныя линіи его идутъ почти параллельно и лишь у самаго лезвія немного расходятся. Лезвіе имѣетъ дугообразное очертаніе и

поставлено нѣсколько наискось. Корпусъ топора къ лезвію спускается съ обѣихъ сторонъ плоскими гранями, имѣющими треугольныя очертанія.

Длина всего орудія	= $2\frac{12}{16}$	вершка.
„ корпуса топора отъ втулки	= $2\frac{1}{8}$	„
Ширина лезвія	= $\frac{1}{2}$	„
Діаметръ верхняго отверстія втулки	= $\frac{5}{8}$	„
„ нижняго „ „	= $\frac{7}{16}$	„

Этотъ небольшой топорикъ (табл. II, фиг. 5) былъ найденъ въ мѣстности пригорода Билярска, Чистопольскаго уѣзда, Казанской губерніи. По своему виду онъ совершенно сходенъ съ топоромъ изъ Ананьинскаго некрополя, приведеннымъ въ описаніи этого кургана у Невоструева, гдѣ топоръ этотъ названъ *военной стѣкирой* *). Но ананьинскій экземпляръ значительно болѣе нашего. Въ описаніи Невоструева сказано, что длина его 3 вершка, а на рисунокѣ его размѣръ занимаетъ почти $3\frac{1}{2}$ вер. Мы не знаемъ, чѣмъ объяснить такое разнорѣчіе, но для насъ очень важно сходство формы, ибо въ однородности этихъ предметовъ усматривается новое доказательство связи, соединяющей бронзовый вѣкъ Казанской губерніи съ эпохой Ананьинскаго некрополя. Невоструевъ сообщаетъ, что химическій анализъ металла его топора показалъ, что онъ состоитъ изъ мѣди и признаковъ олова; слѣдовательно, это былъ тоже бронзовый сплавъ. Очень возможно, что и нашъ билярскій топорикъ, составъ металла котораго еще не былъ изслѣдованъ, тоже отлить изъ подобнаго сплава. Этотъ экземпляръ находится въ моей коллекціи.

Топоръ того же типа (табл. II, фиг. 9), отлитый изъ бронзоваго сплава. Онъ болѣе большихъ размѣровъ и контурныя линіи боеваго конца у него болѣе расходятся такъ, что дугообразное лезвіе представляется значительно развитымъ и косое положеніе его замѣчается еще яснѣе. Втулка устроена такъ же, какъ у предыдущаго, но овалъ верхняго отверстія сведенъ въ острый уголъ, къ корпусу топора; нижнее же отверстіе здѣсь не круглое, а эллиптическое.

Общая длина орудія = $3\frac{3}{4}$ вершка.

Длина корпуса отъ втулки = $2\frac{3}{4}$ вершка.

Ширина лезвія = $1\frac{5}{16}$ вершка.

Діаметръ верхняго отверстія втулки по длинной оси = 1 вершку; по короткой = $\frac{9}{16}$ вершка.

Діаметръ нижняго отверстія по длинной оси = $\frac{6}{8}$ вершка.

Этотъ экземпляръ, хранящійся въ моей коллекціи, былъ найденъ въ дачѣ с. Девлезери, Зювинской волости, Лаишевскаго уѣзда, Казанской губерніи.

Топоръ такой же, изъ красной мѣди, еще болѣе большихъ размѣровъ; отъ предыдущаго отличается тѣмъ, что лезвіе его прямолинейно.

Общая длина = $4\frac{1}{8}$ вер.

Ширина лезвія = $1\frac{5}{16}$ вер.

*) «Труды I Арх. Съѣзда, т. II, стр. 614, и Атласъ табл. IV, фиг. 9.

Диаметръ верхняго отверстія втулки по длинной оси = 1 вер., по короткой = $\frac{5}{8}$ вер.

Нижнее отверстие втулки у этого топора, какъ у № 5, почти круглое. Диаметръ его = $\frac{11}{16}$ вер.

Этотъ топоръ найденъ въ окрестностяхъ гор. Елабуги и хранится теперь въ Музеѣ Казанскаго Археологическаго Общества. Мы приводимъ его здѣсь какъ доказательство связи, существующей между бронзовымъ вѣкомъ въ Казанской губерніи и таковымъ же въ Вятской.

Очень замѣчательно, что даже и размѣры этого топора представляютъ близкое сходство съ предыдущимъ.

Въ сборникѣ г. Аспелина*) приведено нѣсколько топоровъ, аналогичныхъ по формѣ съ этими, изъ которыхъ наиболѣе близкими можно признать № 233 и № 235; но судя по размѣру, обозначенному при изображеніяхъ, они должны быть значительно больше, нежели здѣсь описанные. Г. Аспелинъ относитъ эти топоры къ бронзовому вѣку но при описаніи древнихъ бытовыхъ предметовъ изъ Ананьинскаго некрополя, топоръ, приведенный у Невоструева, о которомъ мы упоминали при описаніи № 5, у него не помѣщенъ. Мы не имѣемъ объясненія, почему эта форма была имъ исключена изъ числа ананьинскихъ. Если это должно означать, что упомянутые топоры, по мнѣнію г. Аспелина, принадлежатъ къ болѣе древней эпохѣ бронзоваго вѣка, нежели предметы изъ Ананьинскаго кургана, которые онъ относитъ къ началу желѣзнаго вѣка; въ такомъ случаѣ намъ казалось бы несправедливымъ исключать изъ ананьинскихъ формъ эту форму топора, потому-что она представляетъ собой прототипъ, изъ котораго развились послѣдующія различныя формы желѣзныхъ топоровъ. Поэтому намъ кажется, что она должна была возникнуть позднѣе кельтовъ, которые встрѣчались въ Ананьинскомъ некрополѣ. Для насъ представляется несомнѣннымъ, что эта форма топоровъ выработалась изъ формы *кайла*, какъ это можно заключать и изъ приведенныхъ въ сборникѣ г. Аспелина образцовъ**); но въ Музеѣ здѣшняго Археологическаго Общества мы находимъ переходную форму, еще ближе уясняющую дѣло, которую и приводимъ здѣсь.

Кайло значительно тяжелое, отлитое изъ бронзы или мѣди, замѣчательное тѣмъ, что профиль его представляетъ формы, очень близкія къ вышеописаннымъ топорамъ. Различіе здѣсь заключается въ томъ, что у топоровъ конецъ, образующій лезвіе, или совсѣмъ прямой, какъ у вышеописаннаго или же, какъ на обѣихъ моихъ топорахъ № 5 и № 9, сведенъ наискось, дугообразно, при чемъ верхній уголъ выступаетъ впередъ; у кайла, наоборотъ, нижній уголъ выступаетъ впередъ, но край, соответствующій лезвію, также образуетъ дугу. Форма, въ которую отлито это кайло, была выдѣлана съ рѣзко выступающими гранями; вслѣдствіе чего, если смотрѣть только на верхнюю плоскость предмета, то взгляду представляется только отверстие втулки и, за тѣмъ, вытянутыя клинообразныя очертанія настоящаго кайла съ выступающимъ сверху во всю длину ребромъ. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что у самаго отверстія втулки была попытка выдѣлать

*) L'âge du bronze, p. 59.

***) idem, p. 58—59. Въ особенности предметы, изображенные на стр. 59, даютъ наглядное понятіе о переходѣ одной формы въ другую.

рельефный орнаментъ, кажется флоральный; но онъ выдѣланъ такъ грубо, что угадать его настоящій типъ очень трудно. У этого кайла находится на одномъ концѣ очень большая вертикальная и прямая втулка, служившая для надѣванія на древко. Отверстіе втулки представляетъ на обоихъ концахъ эллиптическія очертанія; при чемъ верхнее отверстие оказывается поставленнымъ наискось, т.-е. какъ бы срѣзаннымъ къ задней, тыльной части, совершенно аналогично съ тѣмъ, какъ это замѣчается у вышеупомянутыхъ топоровъ.

Размѣры частей этого орудія слѣдующіе:

Общая длина = $4\frac{3}{4}$ вер.

Длина боевой части по верхней плоскости отъ втулки = 3 вер.

Ширина у остраго конца, образующаго лезо = $\frac{7}{8}$ вер.

Высота втулки въ передней части = $1\frac{13}{16}$ вер.

„ въ противоположной части = $1\frac{3}{8}$ вер.

Діаметръ верхняго отверстія втулки по длинной оси = $1\frac{1}{4}$ вер.; по короткой = $\frac{25}{32}$ вер.

„ нижняго „ „ „ „ „ = $1\frac{1}{16}$ „ „ „ = $\frac{25}{32}$ „

Наибольшая толщина стѣнокъ втулки = $\frac{6}{32}$ вер.

Вообще, это кайло отличается массивностью и прочностью своего устройства, рассчитанныхъ, вѣроятно, на долговременность употребленія. Это замѣчательное орудіе было найдено въ окрестностяхъ гор. Елабуги.

Въ Казанской губерніи, насколько мы знаемъ, этотъ родъ орудій еще не встрѣчался; но въ виду уже указанной нами связи между древностями здѣшняго бронзоваго вѣка и таковыми же близъ гор. Елабуги, въ Вятской губерніи, пользуясь удобнымъ случаемъ, мы рѣшаемся помѣстить здѣсь еще одинъ видъ кайла, доселѣ въ описаніяхъ не встрѣчавшійся.

Кайло необыкновеннаго типа, отлитое изъ красной мѣди. Всѣ извѣстныя до сихъ поръ орудія этого рода были устраиваемы такъ, что втулка, служившая для насаживанія на древко, приходилась перпендикулярно къ самому орудію, совершенно такъ, какъ у предыдущихъ топоровъ, и такимъ образомъ древко этихъ кайлъ должно было имѣть видъ прямой палки. Но у этого новаго вида кайла втулка составляетъ продолженіе самага орудія и древко вставлялось совершенно такъ же, какъ въ кельты, т.-е. оно тоже должно было походить на форму буквы Г. Это орудіе отливо значительно тяжелымъ и боевой конецъ его выдѣланъ 4-граннымъ. Втулка неполная, а образуется изъ расширенныхъ концовъ верхней части орудія, которые на задней сторонѣ сведены вмѣстѣ, совершенно такъ, какъ это встрѣчается на нѣкоторыхъ кельтахъ (à ailerons)*). Но здѣсь трудно угадать, были ли эти концы или крылья сведены послѣ отливки, при окончательной отдѣлкѣ предмета, или они были уже такими отлиты въ форму. Значительная толщина стѣнокъ втулки мѣшаетъ принять первую догадку; отливка же въ настоящемъ видѣ предмета представляется крайне трудной и нельзя даже угадать, какъ была устроена отливная форма. Общій видъ этого орудія не менѣе страненъ. Верхняя или наружная сторона его представляетъ очертанія копейнаго наконечника и на ней

*) См. выше, № 14.

можно отличить втулку и острие копья, которое в своих очертаниях напоминает бронзовые стрѣлки съ бородками южнаго типа. Здѣсь тоже можно отличить очертанія бородокъ, но онѣ не отдѣлены, а сливаются съ втулкой. На оборотной сторонѣ орудія видна ложбина и два сближенные крыла, образующія втулку.

Общая длина предмета = $4\frac{5}{8}$ вер.

Длина втулки съ наружной стороны = $1\frac{3}{4}$ вер.

Диаметръ отверстія втулки = 1 вер.

Толщина въ равномерномъ 4-гранномъ концѣ острія = $\frac{5}{16}$ вер.

Въ доказательство того, что это кайло не было исключительнымъ, какъ можно бы судить по его странной формѣ, два экземпляра совершенно одинаковыхъ были найдены въ окрестностяхъ гор. Елабуги и хранятся теперь въ Музеѣ здѣшняго Археологическаго Общества *).

Бронзовыя долота, встрѣчающіяся въ Казанской губерніи, намъ извѣстны только *вогнутыя* или такъ-называемыя *круглыя*. Одни изъ нихъ литыя въ форму, другія — кованыя изъ бронзовой пластины.

Долото выгнутое, литое изъ бронзы (таб. II, фиг. 6)**). Оно полое внутри, подобно кельтамъ, и верхній конецъ его представляетъ открытую втулку, въ которую должна была вставляться деревянная рукоятка. Нижній конецъ съ одной стороны округленъ, съ другой же представляетъ ложбинку. Общія контуры представляютъ видъ усѣченного конуса.

Общая длина предмета = $2\frac{3}{16}$ вер.

Длина ложбинки = $\frac{15}{16}$ вер.

Ширина лезвія = $\frac{5}{16}$ вер.

Диаметръ отверстія втулки = $\frac{7}{16}$ вер.

Это долото было найдено въ мѣстности пригорода Билярска, Чистопольскаго уѣзда, Казанской губерніи и теперь хранится въ моей коллекціи. Другой экземпляръ такого долота былъ найденъ въ дачѣ дер. Мордовой, лежащей въ Спасскомъ уѣздѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ села Успенскаго-Бѣлгары. Этотъ экземпляръ я видѣлъ у проф. А. А. Штукенберга. Оба эти долота походятъ на то, которое было найдено въ Ананьинскомъ некрополѣ, и приведено у Невоструева***). Оно отличается отъ описанныхъ здѣсь лишь нѣсколько бѣльшими размѣрами и тѣмъ, что край отверстія втулки обведенъ рельефной орнаментальной каемкой, чего у казанскихъ экземпляровъ нѣтъ. Однородность этихъ орудій снова подтверждаетъ связь, существующую между эпохой Ананьинскаго некрополя и бронзовымъ вѣкомъ въ Казанской губерніи.

Долото вогнутое, другаго типа (таб. III, фиг. 10), выкованное изъ бронзовой пластины, имѣвшей видъ параллелограмма, такъ что на одномъ ея узкомъ концѣ обра-

*) Мы сожалѣемъ, что не можемъ приложить къ описанію нашему фотографическихъ снимковъ съ послѣднихъ двухъ экземпляровъ. Они вслѣдствіе особенности своихъ формъ, очень бы заслуживали сдѣлаться извѣстными, но намъ помѣшала краткость срока, на который они были намъ вѣрены, происшедшая по случаю отправки ихъ на Сибирско-Уральскую промышленную выставку.

**) На снимкѣ, по ошибкѣ фотографа, это долото перевернуто задней стороной такъ, что *ложбинка*, находящаяся на другой сторонѣ, осталась скрытой.

***) Труды I Арх. Съѣзда. Атласъ, таб. IV, рис. 44.

зовалось согнутое въ видѣ лотка остріе; у другаго же узкаго конца углы пластины заворочены и сбиты такъ, что образуютъ круглую втулку для надѣванія на деревянную рукоятку.

Длина всего предмета = $2\frac{3}{8}$ вершка.

„ части соотвѣтствующей корпусу долота, = $\frac{29}{32}$ вершка.

„ той части, которая заворачивается назадъ для образованія втулки, = $1\frac{7}{16}$ вер.

„ самой трубки, составляющей втулку, = $\frac{11}{16}$ вершка.

Диаметръ отверстія втулки = $\frac{7}{16}$ вершка.

Толщина бронзовой пластины = $\frac{1}{16}$ вершка.

Ширина лезвія по изгибу = $1\frac{11}{16}$ вершка.

Лезвіе у этого долота представляетъ довольно острый край, вслѣдствіе того, что оно оттачивалось съ наружи наискось. Это долото было найдено въ дачѣ татарской дер. Именьково, Лаишевскаго уѣзда, Казанской губерніи, и хранится въ моей коллекціи. Его типъ, болѣе соотвѣтствующій каменнымъ вогнутымъ долотамъ, весьма замѣчательнъ, также какъ и техническая сторона его выдѣлки, ибо въ немъ мы имѣемъ еще первый образецъ *кованаго* изъ бронзовой пластины предмета, тогда какъ всѣ вышеописанные были исполнены посредствомъ отливки. Исслѣдованія бронзоваго вѣка въ разныхъ странахъ Европы уже показали, чтоковка металла была придумана людьми ранѣе знакомства съ желѣзомъ и, вѣроятно, въ концѣ бронзоваго вѣка, такъ какъ кованые предметы встрѣчаются тамъ въ незначительномъ числѣ, сравнительно съ литыми и, какъ бы, въ видѣ исключеній *).

Въ Казанской губерніи, насколько намъ извѣстно, еще не встрѣчалось долотъ *прямыхъ*, но ихъ находили въ Вятской губерніи; а такъ какъ связь бронзоваго вѣка въ той и другой губерніи уже не можетъ подлежать сомнѣнію, то мы и приводимъ здѣсь прекрасный образецъ бронзоваго (?) *прямого* долота, найденнаго въ окрестностяхъ города Елабуги и хранящагося въ Музеѣ здѣшняго Археологическаго Общества.

Долото прямое, необыкновеннаго типа, безъ втулки, но съ плоскимъ суживающимся кверху концомъ, служившимъ для насада въ деревянную рукоятку. Это орудіе отлито изъ бронзы въ видѣ толстой пластинки, имѣющей очертанія равнобедреннаго треугольника съ усѣченной вершиной, основаніе котораго составляетъ нѣсколько дугообразно очерченное лезвіе. Та часть орудія, которая входила въ рукоятку, отдѣляется отъ остальной части, острыми пишечками, выступающими съ обѣихъ сторонъ. Толщина пластинки у лезвія, образуя съ обѣихъ сторонъ, рѣзущій край, постепенно сходится на нѣтъ.

Длина всего орудія. = $3\frac{1}{2}$ вершка.

„ насада. = $1\frac{2}{8}$ „

Ширина лезвія. = $\frac{6}{8}$ „

Толщина пластинки. = $\frac{1}{8}$ „

До сихъ поръ были извѣстны лишь одни *вогнутыя* или *круглыя* бронзовыя долота. Описанія и изображенія *прямыхъ* долотъ подобнаго типа нигдѣ не встрѣчается. Въ сбор-

*) Oscar Montelius. Antiquités Suédoises; I, p. 23.

никъ г. Аспелина не приведено, ни одного прямого долота и можно думать, что описанный здѣсь экземпляръ составляетъ, пока, единственный образецъ подобнаго типа долотъ, который представляетъ собой, можетъ быть, прототипъ нынѣ употребляемаго, желѣзнаго инструмента — *стамески*?

Къ числу домашнихъ орудій бронзоваго вѣка принадлежатъ *ножи*, которыхъ въ Казанской губерніи намъ извѣстно два типа:

Клинокъ бронзовый отъ небольшого *ножа*, вставлявшійся, вѣроятно, въ деревянную рукоятку. Общія очертанія его представляютъ, какъ бы, формы небольшого кинжала; но онъ былъ отточенъ только съ одной стороны.

Длина клинка = $2\frac{3}{8}$ вершка.
Наибольшая ширина = $\frac{5}{8}$ "

Контуры этаго клинка представляютъ также аналогію съ нѣкоторыми кремневыми наконечниками копій. Онъ былъ найденъ въ дачѣ села Омаръ, Мамадышскаго уѣзда, Казанской губерніи и хранится въ Музеѣ здѣшняго Археологическаго Общества.

Ножичекъ изъ красной мѣди, инаго типа (табл. II, фиг. 3), состоитъ изъ узкой 4-гранной мѣдной пластинки, постепенно утончающейся къ концу клинка, который занимаетъ только $\frac{1}{3}$ длины всего предмета; остальные $\frac{2}{3}$ составляютъ рукоятку ножа, оканчивающуюся сверху кольцомъ, которое согнуто изъ утонченнаго конца той же пластинки. Эта форма ножа довольно аналогична съ находимыми на Алтаѣ, въ Красноярскѣ и Минусинскѣ *); но по величинѣ тѣ гораздо болѣе нашего, который напоминаетъ также нѣкоторые бронзовые ножички изъ свайныхъ озерныхъ построекъ въ Швейцаріи и Савойѣ, а отчасти и бронзовые ножи, находимые въ Венгріи и Скандинавіи.

Общая длина предмета = $3\frac{7}{16}$ вершка.
Длина рукоятки отъ начала лезвія до кольца . . . = $1\frac{15}{16}$ "
Величина кольца = $\frac{1}{4}$ "
Длина лезвія = $1\frac{1}{4}$ "
Ширина пластинки въ рукояткѣ = $\frac{5}{32}$ "
" лезвія = $\frac{6}{32}$ "
Толщина пластинки въ рукояткѣ = $\frac{2}{32}$ "

Клинокъ этаго ножичка, по величинѣ представляющійся не болѣе обыкновеннаго перочиннаго ножа, имѣетъ своеобразный изгибъ, какъ это встрѣчается и у вышеупомянутыхъ бронзовыхъ ножей, находимыхъ въ разныхъ странахъ Европы **). Этотъ мѣдный ножичекъ былъ найденъ въ мѣстности пригорода Билярска, въ Чистопольскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, и хранится въ моей коллекціи. Замѣчательно, что въ той же мѣстности бывали находимы *костяные* ножички такой же небольшой величины, выдѣланные изъ одного куска кости, вмѣстѣ съ рукояткой, и костяные ихъ клиночки имѣютъ такую же выгнутую форму, какъ у нашего мѣднаго. Встрѣчаются также подобныя этимъ

*) Aspelin. L'Age du bronze, p. 55—56.

***) Ср. напр. у O. Montelius «Ant. Suéd.» p. 58, fig. 193 и также Compte-rendu de la 8-e Session. Budapest. Pl. XVI, fig. 6—7.

костянымъ ножамъ и такіе, у которыхъ только одна рукоятка сдѣлана изъ кости, а клиночки, такъ же изогнутые, изъ желѣза. Наконецъ, въ той же мѣстности былъ найденъ экземпляръ небольшого *жельзнаго* - ножичка, который очень аналогиченъ съ мѣднымъ: онъ тоже весь выдѣланъ изъ желѣза и на верху рукоятки имѣетъ особое отверстіе для привѣшиванія къ поясу. Этотъ желѣзный ножъ былъ мною описанъ въ статьѣ „Бытовые памятники Великой Булгаріи“ *).

Къ цивилизаціи бронзоваго вѣка въ Казанской губерніи долженъ быть отнесенъ и слѣдующій чрезвычайно интересный предметъ домашняго обихода:

Бритва, выкованная изъ красной мѣди (таб. III, фиг. 18). Она состоитъ изъ двухъ частей: клинка и рукоятки, сдѣланныхъ отдѣльно и послѣ накрѣпко соединенныхъ вмѣстѣ. Рукоятка свернута, повидимому, изъ куска тонкой листовой мѣди вокругъ шпинька бритвы и затѣмъ накрѣпко скована или сбита молоткомъ. Работа довольно грубая. Клинокъ этой бритвы, съ верху довольно широкій, къ низу постепенно суживается и оканчивается шпинькомъ, который вставленъ въ рукоятку. Верхній расширенный конецъ со стороны противоположной лезвію имѣетъ полулунную выемку. Рукоятка къ нижнему концу тоже расширена и расплющена.

Длина всего орудія	=	$4\frac{7}{8}$	вер.
„ наружной, видимой части клинка	=	$2\frac{13}{32}$	„
„ рукоятки	=	$2\frac{1}{2}$	„
Наибольшая ширина клинка въ верхней части	=	$2\frac{1}{32}$	„
Діаметръ полулунной выемки	=	$\frac{13}{32}$	„
Наименьшая ширина клинка въ нижнемъ концѣ	=	$\frac{5}{16}$	„
Ширина рукоятки въ верхнемъ концѣ	=	$\frac{1}{4}$	„
„ въ нижнемъ концѣ	=	$\frac{7}{16}$	„

О находкѣ подобныхъ предметовъ гдѣ-либо въ Россіи намъ не случилось встрѣчать извѣстія и потому можно полагать, что бритва эта составляетъ первый и, пока, единственный экземпляръ своего рода. Употребленіе бритвъ въ періодѣ бронзоваго вѣка въ Европѣ не подлежитъ сомнѣнію, ибо оно доказывается многократными находками этого рода орудій. Но они совершенно другихъ формъ и устройства, нежели нашъ экземпляръ и однородны съ нимъ лишь по назначенію **). Наша мѣдная бритва по величинѣ, формѣ и устройству оказывается совершенно похожей на тѣ, которыя и теперь употребляются въ средней Азіи; но эти послѣднія имѣютъ клинокъ желѣзный, или стальной и деревянную рукоятку, въ которую клинокъ вставленъ также накрѣпко и неподвижно, какъ и у нашей мѣдной ***). Она была найдена въ дачѣ с. Масловки, той же волости, въ Лаишевскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, и хранится теперь въ моей коллекціи. Матеріалъ, изъ котораго она сдѣлана, заставляетъ отнести ее къ цивилизаціи,

*) Труды II Арх. Съѣзда, т. I, стр. 23.

***) Ср. напр. бритвы найденныя въ Венгріи: *Compte-rendu de la 8-e session. Budapest. Second vol.; II part; p. XVII*; также O. Montelius: *Ant. Suéd. p. I, p. 57*.

***) Это свѣдѣніе получалъ отъ многоуважаемаго I. Ф. Готвальда, который видѣлъ экземпляръ новѣйшей бритвы изъ средней Азіи, присланный г. Остроумовымъ Н. И. Ильминскому.

предшествовавшей желѣзному вѣку, т. е. къ бронзовому періоду, потому, что когда желѣзо вошло въ употребленіе, то уже не представлялось никакой надобности выдѣлывать бритвы изъ мѣди, тогда какъ желѣзныя бритвы могли гораздо лучше отвѣчать своему назначенію. Весьма продолжительная на Востокѣ стойкость формы предмета, обнаруживающаяся въ сходствѣ древней мѣдной бритвы съ теперешними желѣзными, не можетъ казаться удивительной при знакомствѣ съ обычаями народовъ азіатскихъ. Но сходство это замѣчательно, какъ доказательство, откуда шель импульсъ культурнаго развитія доисторическихъ обитателей Казанскаго края, и этотъ фактъ находится въ совершенной гармоніи съ тѣмъ, что заявляетъ и каменный вѣкъ, по нѣкоторымъ признакамъ свидѣтельствующій о движеніи населенія къ лѣвому побережью Волги отъ Уральскихъ горъ.

Въ хронологическомъ смыслѣ, эта мѣдная бритва, кажется, должна быть относима къ концу бронзоваго вѣка, когда искусство *ковки* мѣди было уже вполне усвоено и когда формы бронзовыхъ и мѣдныхъ орудій начинаютъ очень близко походить на формы желѣзныхъ орудій.

Находка древней бритвы въ здѣшнемъ краѣ не должна казаться слишкомъ удивительной потому, что склонность къ эпиляціи проявляется у многихъ народовъ уже въ раннія эпохи цивилизаціи, вѣроятно, вызываемая потребностью избавиться, такимъ способомъ, отъ нападеній паразитовъ, предназначенныхъ природой на преслѣдованія человѣка. Древнѣйшими орудіями для эпиляціи служили *бритва* и *щипчики* или *пинцеты* (pincette). Оба эти инструмента появляются уже въ періодѣ бронзоваго вѣка и трудно рѣшить, который изъ нихъ былъ придуманъ ранѣе. Но очень возможно, что идея эпиляціи не была продуктомъ культуры бронзоваго вѣка, а возникла еще въ неолитической эпохѣ и первоначально для срѣзыванія волосъ могъ служить острый кремневый осколокъ. Этотъ способъ долженъ былъ практиковаться при выдѣлкѣ звѣриныхъ кожъ, употреблявшихся для одежды и обуви; а потому не мудрено было примѣнить его и къ человѣку. Такая догадка, кажется, находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что нѣкоторые, найденныя въ Европѣ, бронзовыя бритвы имѣютъ формы, аналогичныя съ кремневыми осколками, что можетъ быть указываетъ на то, что бритва, какъ орудіе для эпиляціи, была изобрѣтена ранѣе пинцетъ.

Извѣстно, что у многихъ азіатскихъ народовъ съ глубокой древности употребляется бритье головы и что обычай этотъ, нынѣ обязательно практикующійся у народовъ, исповѣдающихъ исламъ, не былъ придуманъ законодателемъ, а заимствованъ изъ прежнихъ обычаевъ и лишь присвоенъ мусульманской религіей. Поэтому, хотя Казанскій край можетъ считаться мусульманскимъ съ X столѣтія, но употребленіе *мѣдныхъ* бритвъ, подобныхъ вышеписанной, не должно быть связываемо съ эпохой распространенія ислама. Обычай бритья головы существовалъ у многихъ древнихъ кочевыхъ народовъ, населявшихъ наше обширное отечество, и не былъ чуждъ даже славянамъ, если мы припомнимъ историческое описаніе наружности в. к. Святослава, носившаго на головѣ *одинъ клокъ волосъ* (чубъ?) въ знакъ своего благородства*).

*) Карамзинъ. И. Г. Р. т. I, стр. 192.

Къ предметамъ домашняго обихода слѣдуетъ также отнести:

Маленькій бронзовый молоточекъ, очень страннаго вида (таб. II, фиг. 7). Онъ былъ отлитъ въ форму и устроенъ на манеръ кельтовъ, т. е. имѣетъ внутри пустоту, служившую втулкой, которая надѣвалась на древко, изогнутое на подобіе буквы Г. На задней сторонѣ втулка имѣетъ вырѣзь, около края котораго находится овальная шишечка. Верхніе углы вырѣза имѣютъ надрѣзки или углубленія, служившія для помѣщенія жилы (?), посредствомъ которой предметъ привязывался къ древку. Молоточная часть 4-угольная. Бока съ трехъ закрытыхъ сторонъ втулки вогнуты въ средину; внутренность самой втулки 4-угольная.

Длина молоточной части	=	$\frac{1}{2}$	вер.
Ширина ея	=	$\frac{7}{16}$	"
Высота орудія	=	$\frac{9}{16}$	"
Діаметръ отверстія втулки	=	$\frac{5}{16}$	"
Высота вырѣзки, соотвѣтствующая глубинѣ втулки	=	$\frac{1}{2}$	"
Толщина молоточной части	=	$\frac{11}{32}$	"
„ стѣнокъ втулки	=	$\frac{1}{8}$	"

До сихъ поръ въ здѣшнемъ краѣ не было найдено бронзовыхъ молотковъ, вѣроятно потому, что ихъ обыкновенно и не выдѣлывали изъ бронзы, вслѣдствіе дороговизны матеріала, и каменные молотки продолжали быть употребляемы въ теченіе всего бронзоваго періода и начала желѣзнаго до самаго того времени, когда желѣзо стало уже совершенно обыкновеннымъ въ употребленіи, утративъ первоначальную преувеличенную цѣнность. Такимъ образомъ каменные молотки, вѣроятно, дошли въ употребленіи до временъ историческихъ. — Этотъ бронзовый молоточекъ представляетъ собой двойное исключеніе, какъ по матеріалу, такъ и по своей формѣ, аналогичной съ кельтами. При устройствѣ его, очевидно, играла большую роль экономія въ металлѣ, который всячески старались уберечь отъ излишней потраты. По мнѣзятюрности молотка очень трудно угадать специальность его назначенія. Онъ былъ найденъ въ мѣстности пригорода Билярска, въ Чистопольскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, и хранится теперь въ моей коллекціи. Аналогичные по устройству бронзовые молотки, насколько намъ извѣстно, бывали находимы въ Венгріи*).

Изъ числа предметовъ, относящихся къ оружію, въ Казанской губерніи до сихъ поръ встрѣчались только наконечники отъ копій и стрѣлъ.

Первые попадаютъ въ двухъ типахъ: одни изъ нихъ не имѣютъ втулки или *тулеи*, мѣсто которой занимаетъ короткій шпинецъ, или же удлиненный конецъ, служившій для насада въ древко; другіе принадлежатъ къ обыкновенному типу копейныхъ наконечниковъ, имѣющихъ тулею для насада на древко.

Копейный наконечникъ, отлитый изъ красной мѣди (таб. II, фиг. 2) довольно узкой и удлиненной формой. Боевой конецъ закругленъ, задній вытянутъ и служилъ для на-

*) Comptes-rendu de la 8-e session. Budapest. Second vol. II part. Pl. IV, fig. 4—5.

сада въ древко. Этотъ наконечникъ отлить такъ, что средняя его часть представляетъ по всей длинѣ, съ обѣихъ сторонъ, замѣтное возвышеніе; края же были отточены.

Общая длина = $2\frac{15}{16}$ вер.
 Наибольшая ширина средней части . . . = $\frac{5}{8}$ „
 Длина части, соответствующей насаду. . = $1\frac{1}{16}$ „

По своему устройству это оружіе могло бы также быть принято и за небольшой кинжалъ, вставленный въ деревянную рукоятку. Онъ былъ найденъ въ мѣстности пригорода Билярска, въ Чистопольскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, и хранится въ моей коллекціи.

Два экземпляра такихъ же *наконечниковъ копій* или небольшихъ кинжаловъ (?) изъ красной мѣди отличаются отъ предыдущаго только лучшей или болѣе тщательной выдѣлкой. Здѣсь отливная форма была вырѣзана такъ, что въ средней части, по всей длинѣ предмета, на обѣихъ сторонахъ проходитъ возвышенная линія, начинающаяся отъ округленной шейки, къ которой примыкаетъ короткій шпиль. Принимая во вниманіе короткость послѣдняго, можно думать, что округленная шейка служила для привязыванія этихъ наконечниковъ или кинжаловъ (?) къ древку, въ видахъ бѣльшаго укрѣпленія. Оба эти экземпляра были найдены въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи: одинъ въ мѣстности развалинъ Булгарскаго городища, другой въ дачѣ дер. Зеленовки, Жидяевской волости и хранятся въ моей коллекціи. Булгарскій экземпляръ былъ уже описанъ ранѣе, въ статьѣ „Бытовые памятники Великой Булгаріи“ *).

Къ копейнымъ наконечникамъ обыкновеннаго типа принадлежать слѣдующіе:

Копейный наконечникъ среднихъ размѣровъ, извѣстной листообразной формы, похожей на форму бронзовыхъ наконечниковъ для стрѣлъ, называемыхъ *пощиками*. Отлить онъ изъ красной мѣди (?) и имѣть коническую *тулею* для надѣванія на древко и до конца острія проходить, на обѣихъ сторонахъ, сильно выступающее ребро. Странной представляется въ этомъ наконечникѣ та особенность, что онъ отлить не прямымъ, а нѣсколько поперечно согнутымъ. Такой изгибъ не могъ произойти впоследствии а получился вѣроятно при отливкѣ вслѣдствіе неудачно изготовленной формы.

Общая длина наконечника. . = $3\frac{1}{4}$ вершка.
 Длина пера отъ тулеи . . . = 2 „
 Наибольшая его ширина . . = $1\frac{1}{4}$ „
 Длина тулеи = $1\frac{1}{4}$ „
 Диаметръ отверстія ея . . . = $\frac{9}{16}$ „

Отверстіе это почти правильно круглое; но ось, параллельная краямъ двухъ половинокъ отливной формы, нѣсколько длиннѣе другой оси и измѣреніе было сдѣлано по этой длинной оси.

Типъ этаго копейнаго наконечника совершенно сходенъ съ приведенными въ сборникѣ г. Аспелина, Сибирскими копейными наконечниками, и его № 251, изъ Змѣино-

*) Труды II Арх. Съѣзда, т. I, стр. 14, и Атласъ Таб. II, рис. 1.

горска (L'âge du bronze, p. 61), оказывается совершенно тождественнымъ съ этимъ, какъ по формѣ, такъ и по размѣрамъ. Копейные наконечники подобнаго типа бывали находимы также и въ Ананьинскомъ некрополѣ*). Описанный здѣсь наконечникъ, принадлежащій Музею Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при И. К. У. былъ найденъ въ дер. Грязнухѣ, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи. Положеніе этой деревни находится на самой границѣ, раздѣляющей Спасскій у., Казанской губ., отъ Ставропольскаго у., Самарской, слѣдовательно мѣсто находки этого наконечника принадлежитъ къ той же области бронзоваго вѣка, гдѣ были найдены въ 1886 году вышеописанные 5 мѣдныхъ серповъ. Это даетъ намъ поводъ помѣстить и наконечникъ копья въ число предметовъ бронзоваго вѣка здѣшняго края.

Копейный наконечникъ, кованный изъ красной мѣди (или бронзы?) (таб. III, фиг. 16) имѣетъ ту же листообразную форму, какъ и предыдущій литой наконечникъ, но немного болѣе вытянута. Коническая тулея вдвое короче пера. Интересно прослѣдить въ этомъ наконечникѣ техническую сторону его выдѣлки. Онъ оказывается вырѣзаннымъ изъ металлическаго листа въ формѣ вытянутаго равнобедреннаго треугольника; затѣмъ сдѣланы надрѣзы при основаніи тулеи и образовавшіеся углы были заворочены назадъ; изъ нихъ одни будучи искусно свернуты послужили къ образованію тулеи. Другіе же углы, оставшіеся при надрѣзѣ у пера, тоже заворочены назадъ и крѣпко приплюснены къ корпусу пера, которому придана здѣсь округленная форма; эта техническая подробность служила къ усиленію крѣпости пера. Края концовъ, свернутыхъ въ трубку, сведены плотно, но безъ спайки. Техника вообще такая же, какая замѣчается у вышеописаннаго круглаго долота фиг. 10. На таблицѣ наконечникъ представленъ нарочно съ оборотной стороны для того, чтобы можно было видѣть всѣ упомянутыя техническія подробности.

Общая длина	= $4\frac{7}{8}$	вершка.
Длина пера	= $3\frac{3}{4}$	"
Наибольшая его ширина	= $1\frac{1}{8}$	"
Длина тулеи	= $1\frac{7}{16}$	"
Діаметръ отверстія	= $\frac{9}{16}$	"
Толщина пластинки	= $\frac{1}{32}$	"

Этотъ наконечникъ былъ найденъ въ селѣ Масловкѣ, той же волости, въ Лаишевскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, и принадлежитъ мнѣ.

Копейный наконечникъ (таб. III, фиг. 17) также кованный изъ красной мѣди, и который по формѣ еще болѣе уклоняется отъ литыхъ бронзовыхъ наконечниковъ, и представляетъ, какъ по формѣ, такъ и по устройству замѣчательную аналогію съ желѣзными наконечниками. Перо или пика имѣетъ форму, похожую на листокъ ивы, и размѣръ тулеи почти равенъ перу. Предметъ выкованъ не изъ пластинки, а, кажется, изъ мѣднаго брусочка, вслѣдствіе чего у пика замѣтно значительное утолщеніе по длинѣ средней ея части, а края тонко обдѣланы и представляются довольно острыми. Противу-

*) Aspelin. L'âge du fer.—Nécropole d'Ananino, p. 110, №№ 432, 433.

положный острію конецъ брусочка былъ тонко расплющенъ и свернуть въ конусообразную трубку тулеи такъ, что расплющенные края сведены плотно, безъ спайки. Совершенно то же замѣчается въ выдѣлкѣ древнихъ желѣзныхъ наконечниковъ и, въ довершеніе сходства съ ними, у нашего наконечника есть отверстіе близъ края тулеи для прибаванія наконечника къ деревку.

Общая длина	= $4\frac{5}{16}$	вершка.
Длина пера	= $2\frac{3}{16}$	"
Наибольшая его ширина	= $2\frac{1}{32}$	"
Длина тулеи	= $2\frac{1}{8}$	"
Діаметръ круглаго отверстія тулеи	= $\frac{1}{2}$	"

Этотъ наконечникъ найденъ въ дачѣ села Шумково, Анатышской волости, Лаишевскаго уѣзда, Казанской губерніи, и хранится въ моей коллекціи.

Оба эти копейные наконечника представляютъ для насъ большой интересъ потому, что въ нихъ ясно усматривается переходная эпоха отъ бронзы къ желѣзу и они служатъ, такимъ образомъ, крайними звеньями цѣпи, связующей бронзовый вѣкъ Казанской губерніи съ ея желѣзнымъ вѣкомъ. Въ Ананьинскомъ некрополѣ эта переходная эпоха ясно обозначалась предметами быта, нѣкогда тамъ находимыми. Но въ Казанской губерніи, гдѣ приходилось возстановлять древній бытъ бронзоваго вѣка по отдѣльнымъ рѣдкимъ его слѣдамъ, задача представлялась крайне трудной и долгое время памятники быта бронзоваго вѣка до такой степени разнились отъ древнихъ предметовъ желѣзныхъ, что, казалось, ихъ раздѣляла цѣлая пропасть. Это обстоятельство служило даже помѣхой къ правильной хронологической оцѣнкѣ древнихъ желѣзныхъ предметовъ, находимыхъ въ краѣ, представлявшихся воображенію гораздо болѣе новыми, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Теперь новооткрытые факты заставляютъ измѣнить воззрѣнія и помогаютъ установить наглядную культурную связь здѣшняго бронзоваго вѣка съ желѣзнымъ.

Выше было упомянуто о томъ что въ Казанской губерніи долгое время не было ничего извѣстно о находкахъ *бронзовыхъ* наконечниковъ стрѣлъ. Сообщение Н. Я. Аристова на I-мъ Археологическомъ Съѣздѣ о встрѣчающихся въ Казанской губерніи *бронзовыхъ наконечникахъ стрѣлъ* не подтверждалось фактически, и не смотря на всѣ мои старанія, я ни откуда, въ здѣшнемъ краѣ, не могъ получить ни одного образца. Только въ самое послѣднее время сдѣлалось извѣстнымъ о возможности такихъ находокъ и мы приводимъ описаніе двухъ, пока, единственныхъ экземпляровъ, мѣсто находки которыхъ вполне достовѣрно. Оба они принадлежатъ Музею здѣшняго Археологическаго Общества.

Наконечникъ стрѣлы, отлитый изъ бронзы (таб. I, фиг. 13) принадлежащій къ разряду плоскихъ стрѣлокъ или такъ-называемыхъ *плосчиковъ*; но такого вида, какой намъ нигдѣ еще не встрѣчался. Наконечникъ этотъ состоитъ изъ конической трубки, къ которой справа и слѣва примыкаютъ крылья, оканчивающіяся назади острыми бородками, у этого экземпляра обломаны. Коническая трубочка, надѣвавшаяся на деревко, начиная отъ того мѣста, гдѣ отъ нея отдѣляются бородки и до половины своей длины, украшена по обѣимъ сторонамъ орнаментомъ, состоящимъ изъ ряда попереч-

ных рельефных линий, составляющих как бы параллельные пояски. Наружные края крыльев съ обѣихъ сторонъ отточены очень остро. Отдѣлка этаго наконечника очень чистая; форма его была искусно выточена и отливка произведена тщательно. Въ общемъ контуры его представляютъ очертанія равнобедреннаго треугольника, но къ вершинѣ боковыя линіи входятъ слегка дугообразно.

Общая длина	=	$\frac{29}{32}$	вершка.
Ширина крыльевъ	=	$\frac{3}{32}$	"
Диаметръ втулки	=	$\frac{1}{8}$	"
Длина бородокъ	=	$\frac{5}{32}$	"
" трубки между бородками	=	$\frac{3}{32}$	"

Этотъ наконечникъ найденъ въ Войковомъ оврагѣ, лежащемъ на разстояніи одной версты отъ Сорочьихъ горъ и похожъ на подобный наконечникъ Минусинскаго музея *).

Наконечникъ стрѣлы, также отлитой изъ бронзы (таб. I, фиг. 14) того же типа, но устроенъ нѣсколько иначе. Трубочка, служившая для надѣванія на древко, не проходитъ у него черезъ всю длину, но переходитъ немного за половину; боевой же конецъ представляется 4-граннымъ, имѣя по двѣ грани съ каждой стороны. Общій контуръ острія и здѣсь имѣетъ треугольныя очертанія; при чемъ боковыя стороны треугольника представляются дугообразно сходящими къ вершинѣ. Крылья обозначены только наполовину и имѣютъ очень острые и короткія бородки, отдѣленные отъ втулки полукруглыми вырѣзками.

Общая длина	=	$\frac{15}{32}$	вершка.
Длина трубочки	=	$\frac{7}{16}$	"
" граненаго конца острія	=	$\frac{3}{8}$	"
" крыльевъ съ бородками	=	$\frac{7}{32}$	"
" выступа втулки за крыльями	=	$\frac{7}{32}$	"
Диаметръ отверстія втулки	=	$\frac{3}{32}$	"

Этотъ экземпляръ найденъ крестьянами близъ городища на Сорочьей-Горѣ. Съ технической стороны онъ отличается большей тщательностью и чистотой отдѣлки чѣмъ предыдущій.

Шило (?), литое изъ красной мѣди (таб. I, фиг. 15). четырехгранное, при чемъ верхняя и нижняя грани нѣсколько шире боковыхъ. На концѣ противоположномъ острію, обѣ наиболѣе широкія грани сведены постепенно такъ, что образуютъ небольшое поперечное лезвіе. Можетъ быть, это орудіе вставлялось заднимъ концомъ въ рукоятку. Мы не рѣшаемся принять его за наконечникъ стрѣлы, въ виду его необыкновенной формы, которая не встрѣчается даже и между желѣзными наконечниками, отличающимися чрезвычайнымъ разнообразіемъ видовъ.

Длина орудія	=	$1\frac{15}{16}$	верш.
Наибольшая ширина	=	$\frac{1}{8}$	"
Ширина лезвія на заднемъ концѣ	=	$\frac{1}{16}$	"
Наибольшая толщина	=	$\frac{3}{32}$	"

*) Атласъ, табл. VII, 16.

Это мѣдное шило составляетъ, пока, единственный экземпляръ такого рода орудій бронзоваго вѣка въ Казанской губерніи. Его четырехгранная форма особенно характерна и, вѣроятно, была приспособлена для употребленія этого шила при шиваніи кожъ. Извѣстно, что и въ наше время употребляются четырехгранныя же желѣзныя шилья, хотя уже иной формы, а для шиванія кожи выдѣлываются особыя стальные иглы съ трехграннымъ концомъ, и сапожное шило тоже имѣетъ эту форму.

Между костяными шильями древней фабрикаціи, находимыми въ мѣстности Билярскаго городища, встрѣчаются круглыя и *четырегранныя*, подобныя этому мѣдному. Находка этого шила сдѣлана при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ и обстановкѣ, которыя не допускаютъ возможности относить этотъ предметъ къ иной цивилизаціи какъ бронзовому вѣку. Оно было найдено П. А. Пономаревымъ при раскопкѣ древняго городища близъ вышеупомянутой дер. Сорочьи-Горы, въ открытыхъ имъ тамъ въ 1885 году „*кухонныхъ остаткахъ*“. Шило это хранится въ Музеѣ Археологическаго Общества.

Оканчивая на этомъ перечень слѣдовъ бронзоваго вѣка въ здѣшнемъ краѣ, слѣдуетъ сказать, что мы перечислили здѣсь только тѣ предметы, мѣсто находки которыхъ вполне достоверно извѣстно, ибо это обстоятельство существенно важно для научной оцѣнки фактовъ. Притомъ, имѣя въ виду лишь исключительно рѣшеніе вопроса о признаніи существованія въ Казанской губерніи бронзоваго періода, мы выбрали только такіе предметы, принадлежность которыхъ къ культурѣ бронзоваго вѣка несомнѣнна, ибо таковыя не могли уже быть употребляемы въ желѣзномъ вѣкѣ, не будучи въ состояніи конкурировать съ желѣзными орудіями.

И такъ, на основаніи всего вышеизложеннаго, оказывается возможнымъ признать въ Казанской губерніи существованіе самостоятельнаго бронзоваго вѣка, какъ отдѣльнаго періода времени. Опредѣлить хронологически начало и окончаніе этого періода въ настоящее время еще нельзя и высказывать какія-либо гипотезы въ этомъ смыслѣ, теперь, было бы бесполезно. Но для доисторической археологіи края уже важно и то, что представилась возможность установить понятіе о мѣстномъ бронзовомъ вѣкѣ, какъ объ эпохѣ реально существовавшей, въ теченіе которой древніе обитатели края все болѣе и болѣе втягивались въ осѣдлую жизнь. Добытые новѣйшими открытіями факты даютъ возможность замѣтить даже, что культурное состояніе мѣстнаго населенія въ теченіе бронзоваго вѣка значительно развивалось и шло прогрессивно въ своемъ развитіи, какъ и при наступленіи бронзоваго вѣка, до той самой поры, когда онъ уже становится достояніемъ исторіи.

Относительно наступленія желѣзнаго вѣка можно быть увѣреннымъ только въ томъ, что оно совершилось до X-го столѣтія. Эту увѣренность даетъ намъ повѣствованіе арабскаго писателя Ибнъ-Фодвлана о посѣщеніи имъ Волжской Булгаріи. Въ своемъ разсказѣ онъ сообщаетъ обо всемъ, что казалось ему примѣчательнымъ и достойнымъ вниманія съ точки зрѣнія арабской цивилизаціи. Онъ описываетъ нравы, обычаи и одежду булгаровъ; при чемъ нигдѣ не намекаетъ объ употребленіи каменныхъ или

мѣдныхъ орудій и оружія. Если бы хотя какая-нибудь часть изъ подданныхъ болгарскаго эмира Альмаса, въ мусульманствѣ Джафара, оставалась еще при употребленіи камня или бронзы, то, безъ сомнѣнія, такой фактъ непременно заинтересовалъ бы интеллигентнаго араба и онъ не замедлилъ бы занести его въ свой дневникъ. Если же мы не встрѣчаемъ у него никакихъ на то указаній, то, конечно, потому, что онъ въ отношеніи орудій и оружія не нашелъ никакихъ особенныхъ различій съ тѣмъ, что видѣлъ въ своей странѣ, которая уже давно пользовалась удобствами цивилизаціи желѣзнаго вѣка.

Мнѣ уже не разъ приходилось высказывать мнѣніе, что между древнимъ населеніемъ Казанскаго края въ концѣ неолитической эпохи каменнаго вѣка стала вырабатываться склонность къ жизни осѣдлой и начала возникать потребность въ воздѣлываніи земли. На это указывали формы нѣкоторыхъ каменныхъ орудій. Теперь новооткрытые факты изъ мѣстнаго бронзоваго вѣка вполне подтверждаютъ такое мнѣніе, ибо на основаніи ихъ можно съ увѣренностью полагать, что наступленіе бронзоваго вѣка уже застало въ краѣ зачатки земледѣлыванія и послужило только пособіемъ къ дальнѣйшему его развитію. Это доказываютъ различныя формы мѣдныхъ серповъ, сначала появившихся въ небольшихъ размѣрахъ и формахъ, весьма напоминающихъ нѣкоторыя каменные орудія въ родѣ кривыхъ ножей. Затѣмъ мѣдные серпы начинаютъ постепенно увеличиваться въ размѣрахъ и вырабатывать свой видъ, принимая болѣе свойственный этому орудію типъ, который устанавливается вполне только въ желѣзномъ вѣкѣ.

Въ то же время и орудія, служившія для взрыхленія почвы, также должны были видоизмѣняться. Можно думать, что до той поры такими орудіями служили древесныя вѣтви съ крѣпкимъ отросткомъ, который, для прочности, обжигался. Затѣмъ такія мотыки въ бронзовомъ вѣкѣ были, вѣроятно, замѣнены бронзовыми и мѣдными кайлами.

Правда, что въ Казанскомъ краѣ еще не встрѣчалось подобныхъ орудій, но на берегу Камы, въ окрестностяхъ города Елабуги, они были неоднократно находимы; а связь здѣшняго бронзоваго вѣка съ тамошнимъ уже не можетъ подлежать сомнѣнію. Не слѣдуетъ забывать, что недостатокъ въ предметахъ, производящій пробѣлъ въ нашихъ знаніяхъ, можетъ происходить не отъ того, чтобы такихъ предметовъ вовсе не было въ краѣ, а отъ того, что они систематически истреблялись на переливку и передѣлку, какъ дѣлается это и до сихъ поръ. Опытъ убѣждаетъ насъ, какъ въ томъ, что предметы бронзоваго вѣка вообще рѣдки, такъ и въ томъ, что усиленное ихъ розысканіе, все-таки, бываетъ не безуспѣшно. Слѣдовательно, если мы еще не имѣемъ кайлъ изъ Казанской губерніи, то, находя здѣсь топоры и серпы, сходные съ тѣми, какіе находятъ близъ Елабуги, можемъ ли мы строго отвергать возможность когда-либо найти и въ Казанской губерніи бронзовыя или мѣдныя кайла, подобныя тѣмъ, какія находятъ тамъ.

Весьма вѣроятно, что при развитіи земледѣлыванія, употребленіе мотыкъ оказывалось недостаточнымъ и додумались поднимать землю для посѣва бороздами. Тогда долженъ былъ появиться прототипъ сохи или плуга. Безъ сомнѣнія, первоначально такое орудіе тоже было изъ дерева и сначала могло походить формой на мотыку же,

только въ очень увеличенныхъ размѣрахъ. Это была также какая-нибудь древесная вѣтвь съ крѣпкимъ и толстымъ сучкомъ, который для прочности былъ тоже снаружи обугляемъ. Можетъ быть вначалѣ это орудіе приводилось въ дѣйствіе съ помощью лишь однѣхъ человѣческихъ силъ; но какъ скоро почувствовали всю тяжесть такого труда, то незамедлили замѣнить человѣческую силу животной силой. Домашнія животныя въ то время уже несомнѣнно существовали, какъ это доказываютъ раскопки Ананьинскаго некрополя. Придумать же запряжку для животныхъ было не особенно хитрой выдумкой, если мы припомнимъ себѣ ярмо, въ которое впрягаютъ воловъ, и которое даже до нашихъ дней сохранило въ себѣ всѣ признаки болѣе чѣмъ первобытной простоты.

Если принять за аксіому постепенность въ выработкѣ улучшеній cadaго предмета, то можно думать, что первоначальное пахатное орудіе, имѣвшее сначала одинъ взрывающій конецъ, впоследствии было выдѣлываемо о двухъ такихъ концахъ. Это тоже могла быть крѣпкая древесная вѣтвь съ двумя расходящимися, въ видѣ развилинъ, отростками. На это, кажется, указываетъ устройство деревяннаго станка теперешней сохи, называемаго *разсохой*, на которую прилаживаются желѣзные наконечники, называемые *сошниками*.

Другіе предметы бронзоваго вѣка: топоры, ножи, долота, наконечники отъ копій и стрѣлъ, находимые въ здѣшнемъ краѣ, даютъ намъ понятіе о прочихъ житейскихъ занятіяхъ древняго населенія. Правда, что число доселѣ открытыхъ предметовъ еще довольно ограничено, но и каждый единичный экземпляръ предмета уже позволяетъ допустить употребленіе ему подобныхъ въ краѣ, т.-е. установить роды и типы орудій, какіе употреблялись въ краѣ въ теченіе бронзоваго періода. Со временемъ число орудій, благодаря новымъ находкамъ, можетъ увеличиться и тогда культура здѣшняго бронзоваго періода, представляющаяся въ настоящее время лишь въ главныхъ чертахъ, станетъ постепенно обрисовываться во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Мы уже и теперь замѣчаемъ связь здѣшняго бронзоваго вѣка съ тѣмъ же вѣкомъ Ананьинскаго некрополя; этотъ фактъ долженъ быть, безспорно, признаннымъ. Если въ Казанскомъ краѣ еще недостаетъ представителей всѣхъ тѣхъ формъ, какія встрѣчаются въ упомянутомъ некрополѣ и въ окрестностяхъ г. Елабуги, то все же другіе предметы оказываются совершенно однородными. Что касается до формъ недостающихъ и особенно характеристичныхъ въ Ананьинскомъ некрополѣ, то это бронзовые *кинжалы*, которые повторяются тамъ и въ желѣзномъ вѣкѣ. Въ Казанскомъ краѣ оказывается, пока еще полный недостатокъ въ этихъ предметахъ, такъ что за все время моего долгаго собиранія мѣстныхъ древностей я не имѣлъ возможности добыть ни одного подобнаго кинжала, не только *бронзоваго*, но даже и *желѣзнаго*. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, существенно важно; однако же, зная, какъ вообще рѣдки отдѣльныя находки предметовъ бронзоваго вѣка и получивъ въ послѣднее время блестящія доказательства такихъ находокъ въ здѣшнемъ краѣ, на которыя ранѣе никто не рассчитывалъ, мы и относительно бронзовыхъ кинжаловъ не можемъ стойко утверждать, чтобы подобные предметы никогда не были находимы ранѣе или не найдутся впоследствии.

Относительно предметовъ бронзоваго вѣка было бы интересно также рѣшеніе вопроса

о томъ, составляли ли они продукты мѣстной индустріи или же принадлежать къ числу произведеній иноземныхъ? Этотъ вопросъ можетъ имѣть общій характеръ для каждой мѣстности или страны, но мы пока примѣняемъ его лишь къ нашему краю.

Что касается до мѣстной выдѣлки предметовъ желѣзнаго вѣка, то мы имѣемъ удостовѣреніе въ слѣдахъ древней выплавки желѣза, заключающихся въ залежахъ значительныхъ скопленій желѣзной изгари, которыя мы наблюдали не разъ на лѣвой сторонѣ Волги, въ Спасскомъ уѣздѣ. Я указываю выше на существующія въ Казанской губерніи древнихъ мѣдныхъ копей; но степень ихъ древности еще недостаточно выяснена и, кромѣ того, большая часть предметовъ бронзоваго періода, будучи производима отливкой, требовала изготовленія отливныхъ формъ. Для несомнѣннаго доказательства мѣстнаго производства бронзовыхъ орудій было бы необходимо найти формы, служившія для отливки, а мы пока можемъ привести только одинъ примѣръ подобной находки, а именно формы для отливки кельта ананьинскаго типа, найденной въ Лаишевскомъ уѣздѣ, на городищѣ близъ деревни Сорочьи-Горы, гдѣ были также найдены и два плавильныхъ горшка.

Можетъ быть этихъ доказательствъ мѣстной выдѣлки бронзовыхъ орудій еще недостаточно для рѣшенія вопроса въ положительномъ смыслѣ. Однако же, принимая во вниманіе склонность у всѣхъ полудикихъ народовъ къ собственноручной выдѣлкѣ всѣхъ необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ предметовъ и зная, какъ сильно была развита въ каменномъ вѣкѣ самодѣльная выдѣлка каменныхъ и костяныхъ орудій, мы не можемъ утверждать, чтобы при переходѣ въ бронзовый вѣкъ туземное населеніе не ознакомилось съ приемами добыванія мѣдной руды и выплавки мѣди и исключительно пользовалось привозными орудіями. Напротивъ, вездѣ замѣчается, по мѣрѣ распространенія употребленія бронзы, и начало туземной выплавки мѣди. Древніе обитатели Казанской губерніи, вѣроятно, въ этомъ отношеніи не составляли исключенія, тѣмъ болѣе, что обработка камня и кости на мѣстахъ древнихъ селищъ доказываетъ, что эти люди обладали рѣшительной склонностью къ техническимъ производствамъ и хорошими способностями. Кромѣ того, многіе предметы убранства изъ бронзы и мѣди, употреблявшіеся у древняго мѣстнаго населенія, обнаруживаютъ всѣ признаки мѣстной самодѣльной выдѣлки. Для отливки нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ бывали находимы даже и самыя формы, также, какъ и слитки металла. Если предметы эти относятся къ началу желѣзнаго вѣка, то вѣдь и въ бронзовомъ періодѣ они могли уже имѣть свои прототипы. Во всякомъ случаѣ, кажется можно бы думать, что только лучшія и болѣе совершенныя въ техническомъ отношеніи бронзовыя орудія были привозными. Простѣйшіе же по формамъ и отлитые изъ чистой мѣди предметы, вѣроятно, слѣдуетъ считать произведеніями мѣстной индустріи. Къ нимъ можетъ быть относятся мѣдные серпы и другіе предметы, сдѣланные изъ кованой мѣди. На мѣстную выдѣлку серповъ, кажется, указываетъ и то обстоятельство, что они варьируютъ въ формахъ и размѣрахъ. Если мѣстная фабрикація для своихъ произведеній чаще пользовалась чистой мѣдью, нежели бронзовымъ сплавомъ, то, конечно, это происходило вслѣдствіе недостатка въ оловѣ, которое не находится въ числѣ мѣстныхъ минераловъ и, будучи привознымъ, вѣроятно, очень дорого цѣнилось въ продажѣ. Но здѣсь снова слѣдуетъ напомнить, что матеріалъ тѣхъ предметовъ, которые на взглядъ кажутся намъ сдѣланными изъ чистой мѣди, еще не былъ

подвергнуть химическому изслѣдованію и при анализѣ можетъ оказаться не чистой мѣди, а также сплавомъ, если не съ оловомъ, то быть можетъ со свинцомъ, который было возможно добывать изъ руды, извѣстной именемъ *свинцоваго блеска*, служащей для выплавки серебра, котораго всегда болѣе или менѣе богатый процентъ содержится въ этой рудѣ, принадлежащей къ числу уральскихъ минераловъ.

Мы позволяемъ себѣ высказать надежду, что собранные нами и изложенные здѣсь факты, касающіеся слѣдовъ бронзоваго вѣка въ Казанской губерніи, послужатъ къ разъясненію, въ нѣкоторой степени, хода доисторической жизни древнихъ обитателей края, въ которомъ послѣ, во времена историческія, процвѣтала держава знаменитой Волжской Булгаріи. Въ то время здѣшній край въ культурномъ отношеніи долженъ былъ уже достигнуть высокой степени, ибо Булгарія, благодаря своему благосостоянію, служила предметомъ зависти для менѣе цивилизованныхъ сосѣдей и неоднократно подвергалась хищническимъ нападеніямъ съ ихъ стороны.

Въ видахъ возможно полной обрисовки мѣстной культуры бронзоваго вѣка, мы собрали изъ прежнихъ и новѣйшихъ открытій все, что было намъ извѣстно и доступно. Сравнивая разные роды орудій, употреблявшихся въ бронзовомъ вѣкѣ въ здѣшнемъ краѣ, съ тѣми, которые употреблялись въ этотъ періодъ въ другихъ европейскихъ странахъ, мы находимъ сходство отчасти въ типахъ, но болѣе въ назначеніи самыхъ предметовъ, ибо формы оказываются своеобразными. Очень понятно, что такое сходство назначенія предметовъ зависитъ отъ того, что они принадлежатъ къ числу такихъ, которые предназначены служить самымъ первѣйшимъ потребностямъ человѣка, а эти потребности у всѣхъ людей одинаковы. Но приведенные нами образцы культуры бронзоваго вѣка въ Казанской губерніи еще не даютъ полнаго понятія о степени культурнаго развитія обитателей края въ этомъ періодѣ. Сравнительно съ другими странами у насъ еще замѣчаются многіе пробѣлы и недостатокъ въ нѣкоторыхъ, очень обыкновенныхъ, предметахъ обихода. Это происходитъ не только отъ рѣдкости находокъ предметовъ бронзоваго вѣка, на которую намъ уже неоднократно приходилось указывать, но также и отъ того, что нѣкоторые случайно находимые предметы бронзовой культуры смѣшиваются съ предметами позднѣйшихъ историческихъ эпохъ. Избѣжать такихъ ошибокъ почти невозможно, имѣя дѣло съ массой предметовъ изъ разныхъ культурныхъ эпохъ и руководствуясь боязливой осторожностью не навязывать предмету большую степень древности, чѣмъ слѣдуетъ.

Кромѣ причинъ, уже указанныхъ выше, рѣдкость находокъ предметовъ бронзоваго вѣка зависитъ и отъ того еще, что употребленіе бронзы въ краѣ не было всеобщимъ. Намъ извѣстны такіе факты, которые указываютъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ края, на прямой переходъ отъ камня къ желѣзу, переходъ совершившійся разумѣется не вдругъ, а съ извѣстною постепенностью. Люди, привыкшіе къ выдѣлки своихъ орудій изъ камня и кости, повидимому, уже не тяготились этимъ трудомъ и продолжали употреблять прежнія свои орудія въ то время, когда другіе обитатели страны пользовались бронзовыми и мѣдными, а затѣмъ и желѣзными орудіями. Такіе странные факты, вѣроятно, объясняются крайней бѣдностью и одичалостью отдѣльныхъ поселковъ, уклонившихся отъ вліянія культуры и дальнѣйшаго развитія.

Въ этой статьѣ мы приводимъ въ доказательство существованія бронзоваго вѣка въ Казанскомъ краѣ лишь такіе предметы, принадлежность которыхъ къ бронзовой культурѣ не можетъ быть оспариваема; въ послѣдствіи же мы надѣемся имѣть возможность присоединить къ нимъ еще нѣсколько другихъ, которые теперь не могли войти въ общій перечень, и тогда культура бронзоваго вѣка въ Казанской губерніи обрисуетса значительно подробнѣе.

Драгоценный кладъ, найденный въ Казанской губерніи въ 1882 году.

А. Э. Лихачева.

Между древними бытовыми предметами, находимыми въ почвѣ Россіи, не мало встрѣчается такихъ, которые служили для убранства женскаго наряда. Изъ нихъ останавливаетъ на себѣ вниманіе особый родъ издѣлій *плетеныхъ изъ проволоки*. Довольно часто повторяющіяся находки такихъ предметовъ даютъ понять, что въ свое время этотъ родъ женскихъ украшеній былъ значительно распространенъ. Подобные предметы находятъ и отдѣльно и совмѣстно съ монетными кладами. Въ послѣднемъ случаѣ, нахожденіе ихъ съ арабскими диргемами дало возможность придти къ заключенію, что такіе предметы убранства вывозились изъ Азіи вмѣстѣ съ арабскими монетами X—XI вѣка. При такой обстановкѣ предметы эти находили и въ другихъ европейскихъ странахъ, на примѣръ въ Скандинавіи*). — Съ технической стороны эти издѣлія должны быть причисляемы къ *филиграновымъ*, такъ какъ, въ сущности, они представляютъ собой нѣчто въ родѣ весьма грубой филиграни, ибо матеріалъ ихъ составляетъ болѣе или менѣе толстая проволока и разнаго размѣра металлическіе шарики, или *зерны*. Главная масса предмета выплеталась изъ проволоки, а *зерны* употреблялась какъ украшенія и то не всегда, ибо много такихъ предметовъ попадаетъ безъ этой орнаментаціи; но присутствіе ея на другихъ вполне убѣждаетъ, что техника этихъ издѣлій произошла отъ филиграни.

Въ казанскомъ краѣ мнѣ случалась неоднократно наблюдать, что нѣкоторые излюбленные предметы убранства, между находимыми памятниками древняго быта, повторяютъ свои формы въ разныхъ металахъ: золотѣ, серебрѣ и мѣди, или бронзѣ. Я уже имѣлъ случай указывать на этотъ фактъ, при общемъ обзорѣ памятниковъ древняго быта, находимыхъ въ Казанской губерніи, въ статьѣ „Бытовые памятники Великой Булгаріи“**). То же самое должно примѣнить и къ издѣліямъ, плетенымъ изъ про-

*) Oscar Montelius. Antiquités Suédoises; l'âge du fer, p. 168, n. 609.

***) Труды II Арх. Съѣзда, т. I.

волоки. Всего чаще такія издѣлія встрѣчаются выдѣланными изъ *серебряной* проволоки; но въ моей коллекціи имѣются и образцы изъ *мѣдной* проволоки. Довольно долго пришлось ожидать такого же образца *золотаго*, пока не былъ найденъ въ 1873 году въ мѣстности Билярскаго городища первый браслетъ, плетеный изъ золотой проволоки, совершенно по тому же способу и фасону, какимъ дѣланы находимые въ здѣшнемъ краѣ серебряные браслеты*). Такъ, какъ этотъ браслетъ совершенно аналогиченъ съ предметами нижеописываемаго клада, то я пользуюсь случаемъ, чтобы и его сдѣлать извѣстнымъ**). По изслѣдованію, матеріалъ изъ котораго онъ выдѣланъ, оказался *электрумомъ****). Сплетенъ онъ, какъ и всѣ подобныя, серебряные браслеты, изъ трехъ паръ проволокъ, равномѣрной толщины, концы которыхъ скованы вмѣстѣ и расплющены, въ видѣ площадокъ, образующихъ открытые концы браслета. Въ доказательство его совершенной современности съ упоминаемыми серебряными браслетами и шейными обручами можно привести слѣдующее обстоятельство. Уже многократно мнѣ приходилось наблюдать, что при находкахъ плетеныхъ изъ проволоки серебряныхъ браслетовъ и шейныхъ обручей, всегда бывали находимы особой, спеціальной формы перстни, украшенные накладкой орнамента изъ *черни*. Перстни эти были кованы изъ пластинки, или можетъ быть брусочка металла такъ, что на срединѣ образовывалась шестиугольная, или четырехугольная площадка, соответствующая шатону, или печати; а суженные концы, постепенно утончаясь, сводились вмѣстѣ, накладывались одинъ на другой и плотно сбивались. Наружная сторона площадки перстня украшалась рѣзью въ глубину и прокладкой черни.

Такіе перстни находились и отдѣльно, такъ же, какъ случалось находить и браслеты безъ этихъ перстней; но въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было думать, что предметы были найдены на мѣстѣ первоначальнаго сокрытія, всегда оказывалось и присутствіе перстней. Въ кладахъ такіе перстни бывали находимы надѣтыми, иногда вмѣстѣ съ перстнями и другихъ видовъ, на шейные обручи или браслеты. — Такъ и въ этомъ случаѣ золотой браслетъ былъ найденъ съ надѣтымъ на него, изъ того же металла, перстнемъ, той самой формы, какъ серебряные перстни, о которыхъ сказано выше****).

Вѣсъ браслета = 8 золот. 24 доли. Составъ металла перстня совершенно однороденъ съ металломъ браслета. Площадка перстня шестиугольная и гладкая, безъ всякихъ орнаментовъ. Вѣсъ перстня = 1 зол. 24 доли.

*) Только недавно была опубликована находка клада изъ золотыхъ вещей, открытаго въ 1876 году въ Киевской губерніи, при имѣніи С. Н. Раевской, въ селѣ Залевкахъ, въ 7 верстахъ отъ Смѣлы. Описание и изображеніе предметовъ изъ этого клада помѣщено въ изслѣдованіи графа А. Бобринскаго «Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы». СПб. 1887, стр. 153. Въ этомъ кладѣ мы находимъ одинъ шейный обручъ, плетеный изъ золотыхъ проволокъ, въ технику котораго можно признать аналогію съ техникой нашихъ золотыхъ браслетовъ, хотя плетение представляетъ другой фасонъ. См. таб. XXI, № 1.

***) Таб. IV, фиг. 3.

****) Такъ принято называть золото блѣдно-желтаго цвѣта, происходящаго отъ примѣси значительной доли серебра. Безъ сомнѣнія, такой сплавъ долженъ былъ обходиться дешевле чистаго золота. Можетъ быть вслѣдствіе этого въ древнія времена электрумъ былъ въ большемъ употребленіи и случалось даже, что въ издѣліяхъ его предпочитали чистому золоту.

*****) Таб. IV, фиг. 3, в.

Точныя подробности обстоятельств находки этих предметов остались мнѣ неизвѣстными.

Фактъ повторенія однихъ и тѣхъ же предметовъ убранства въ золотѣ, серебрѣ и мѣди вызываетъ заключеніе, что предметы эти находились въ мѣстномъ употребленіи у древнихъ обитателей края и, будучи одинаковы по формѣ, различались лишь по цѣнности матеріала, сообразно степени богатства, или общественнаго положенія отдѣльныхъ лицъ. Такъ было въ краѣ до монгольскаго завоеванія; но тотъ же фактъ замѣчаемъ мы и въ предметахъ изъ эпохи Джучидовъ, изъ чего можно видѣть, что монгольское пораженіе не привело туземнаго болгарскаго населенія къ перемѣнѣ обычаевъ, а, напротивъ того, послужило для самихъ монголо-татаръ къ усвоенію нѣкоторыхъ позайствованій изъ обычаевъ у самихъ завоеванныхъ Булгаровъ если, впрочемъ, тутъ не было случайнаго сходства въ обычаяхъ, оказавшихся общими у разныхъ народностей.

Девять лѣтъ спустя послѣ находки перваго плетенаго изъ проволоки золотого браслета, въ 1882 году, былъ открытъ въ мѣстности пригорода Билярска новый замѣчательный драгоцѣнный кладъ, который и служитъ предметомъ этого описанія.

Изъ всѣхъ мѣстъ, обнаруживающихъ болѣе или менѣе значительные признаки древняго обитанія, въ Казанской губерніи, мѣстность пригорода Билярска, гдѣ находился древній городъ Биляръ, отличается той особенностью, что въ почвѣ ея не встрѣчается кремневыхъ каменныхъ орудій и, вообще, каменныхъ орудій очень рѣдки. Самая почва, по своему составу, какъ въ пригородѣ Билярскѣ, такъ и въ ближайшемъ его районѣ, не представляетъ твердыхъ горныхъ породъ, пригодныхъ для выдѣлки каменныхъ орудій. Но признать, вмѣстѣ съ тѣмъ, что мѣстность эта не была обитаема въ каменномъ вѣкѣ, не представляется возможнымъ, потому что хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, но остатки культуры каменнаго вѣка попадаются здѣсь такъ же какъ и слѣды послѣдующаго бронзоваго вѣка. Но, какъ бы суррогатомъ камня, здѣсь замѣтно сильное употребленіе *кости* въ видѣ наконечниковъ стрѣлъ, ножей, молотковъ и пр. Обработка кости должна была начаться въ этой мѣстности въ очень отдаленныя времена, такъ какъ встрѣчаются наконечники стрѣлъ, сходные или съ ананьинскими или съ тѣми, которые встрѣчаются въ скиѣскихъ курганахъ южной Россіи. Обработка кости въ этой мѣстности перешла впоследствии въ совершенный промыселъ и, переживая нѣсколько цивилизацій, прекратилась окончательно въ эпоху Джучидовъ, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ Золотой Орды. Слѣды этого костянаго промысла въ пригородѣ Билярскѣ сосредоточены, главнымъ образомъ, въ одномъ пунктѣ мѣстности, занимаемой теперешнимъ поселеніемъ. Пунктъ этотъ находится на томъ концѣ пригорода, гдѣ стоятъ слободка, носящая названіе *Сибирь*. Здѣсь въ почвѣ на порядочной глубинѣ существуетъ древній жилой слой, такъ сказать, биткомъ набитый костями разныхъ животныхъ, между которыми встрѣчаются и кости животныхъ ископаемыхъ. Въ 1878 году мнѣ былъ доставленъ оттуда коренной зубъ мамонта*). Но

*) Нѣкоторыя костяныя вещи, попадающіяся въ этомъ, слоѣ очевидно выдѣланы изъ *клыковъ* мамонта. Но и коренные зубы этого ископаемаго животнаго тоже употреблялись на различныя подѣлки. Арабскій путешественникъ Абу-Хамедъ Андалуси, лично посѣтившій страну Волжской Булгаріи въ XII вѣкѣ, сообщаетъ не только о

весь этот костеносный слой не представляет натуральной залежи: несомненно, что костяной материал был когда-то и одновременно снесен сюда руками нескольких поколений. В этом отношении здесь представляется совершенная аналогия с теми костеносными местностями, которые были позднее открыты по Камь, с той лишь, может быть, разницей, что билярский костеносный слой представляет более значительные размеры и более продолжительное существование промысла обработки кости. На всех этих местах некогда были поселения трудолюбивых людей, сильно занимавшихся отделкой кости; но, вопрос, к какой национальности принадлежали эти люди, в настоящее время еще не может быть решен с неоспоримой достоверностью. Мы вовсе не знаем, были ли они отпрысками древняго туземнаго населенія края, и на месте развили свою костяную индустрію, или же прикочевывали въ край послѣ, колоніями, уже съ выработаннымъ знаніемъ обработки кости. Если принять въ соображеніе, что въ неолитическую эпоху каменнаго вѣка рогъ, кость и дерево были суррогатами камня для выдѣлки орудій домашняго обихода, какъ и необходимаго оружія, и, зная, что тѣ же люди, которые умѣли такъ искусно обрабатывать камень, даже терпѣливо покрывая его тщательной шлифовкой и полировкой, могли уже съ сравнительной легкостью справляться съ матеріаломъ меньшей твердости, мы должны придти къ заключенію, что для установленія костянаго производства въ краѣ не требовалось непремѣннаго прибытія иноземцевъ. Такое ремесленное занятіе могло возникнуть и выработаться и среди древнѣйшихъ насельниковъ края, довольно хорошо справлявшихся съ выдѣлкой своихъ каменныхъ орудій. Въ такомъ случаѣ мы должны будемъ признать, что обработкой кости занимались какія-нибудь финскія поколѣнія, ибо древнѣйшее населеніе края принадлежало къ финскому племени. Такое заключеніе представляется тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что по сообщенію нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ путешественниковъ въ сосѣдней Вятской губерніи, Вотяки выдѣлывали себѣ изъ кости наконечники для стрѣлъ еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія.

Относительно начала заселенія Билярской мѣстности, конечно, нельзя съ точностью опредѣлить время; но должно думать, что оно произошло еще въ доисторическія времена. Слой костей занимаетъ значительное пространство и толщина его также очень значительна. Въ сравнительно короткій промежутокъ времени собрать въ одно мѣсто такую массу костей невозможно, слѣдовательно должно допустить, что онѣ постепенно накопились здѣсь въ теченіе продолжительнаго періода времени. Едвали погрѣшимъ противъ истины, если допустимъ, что начало заселенія этой мѣстности скрывается во мракѣ здѣшняго каменнаго вѣка. Недостатокъ каменныхъ орудій въ почвѣ Билярска, быть можетъ, долженъ объясняться постепеннымъ ихъ уничтоженіемъ съ наступленіемъ желѣзнаго вѣка, когда въ этой мѣстности вдругъ появляется большое количество разнаго вида *огнивъ*. Въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ другихъ мѣстностей

томъ, что онѣ видѣлы въ Булгарѣ находимые въ землѣ коренные зубы мамонта, но и о томъ, что зубы эти служили предметомъ вывоза въ Харезмъ (теперешнюю Хиву), гдѣ эти зубы покупали *дорогой цѣной*. Изъ нихъ, какъ изъ слоновой кости, *дѣлали черенки для ножей и ящички*. П. С. Савельевъ. Мухам. Нумизм; стр. LXXX—LXXXI ч прим. 135.

Казанской губернии, мнѣ извѣстныхъ, гдѣ въ почвѣ попадаются предметы древняго быта, только одинъ пригородъ Билярскъ предъявляетъ такое богатство орудій для добыванія огня. Разумѣется, что для дѣйствія огня былъ необходимъ кремень, и весьма возможно предположеніе, что попадавшіеся въ ту эпоху, въ почвѣ, слѣды каменнаго вѣка, какъ-то: кремневые наконечники, топоры, ножи, ядрища и осколки, были всѣ постепенно уничтожены на добываніе огня, такъ что теперь находка цѣльнаго каменнаго орудія въ мѣстности древняго города Биляра составляетъ большую рѣдкость.

Открытіе замѣчательнаго костеноснаго слоя въ Билярскѣ послѣдовало случайно и эксплуатація его была вызвана требованіемъ нѣкоторыхъ заводовъ старой животной кости. Случилось это весьма недавно; но привело, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, къ настоящей разработкѣ слоя. Каждое лѣто жители раскѣпываютъ порядочное пространство слоя и добытыя кости доставляютъ въ гор. Чистополь, гдѣ ихъ и продаютъ. Костеносный слой, какъ сказано, занимаетъ значительное пространство земли, отчасти находящееся подъ постройками слободки „Сибирь“ и отчасти лежащее подъ полемъ, гдѣ и производится разработка, которая сопровождается иногда весьма интересными находками различныхъ предметовъ изъ кости, отдѣланныхъ вчернѣ, или окончательно. Иногда попадаются готовые поломавшіеся предметы, которые, будучи исправлены, получали другое назначеніе. Подобныя находки, вмѣстѣ съ другими подробностями ихъ обстановки, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что тутъ нѣкогда существовало костяное производство.

Конечно, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что на мѣстѣ костянаго производства встрѣчаются предметы, выдѣланные изъ кости. Гораздо большимъ удивленіемъ поражаютъ находки здѣсь другихъ предметовъ, которые прямо свидѣтельствуютъ не только о благосостояніи, но даже о богатствѣ того неизвѣстнаго финскаго племени, которое занималось здѣсь обработкой кости. Безъ сомнѣнія, принимая во вниманіе размѣры производства и его продолжительность, никакъ нельзя допустить, чтобы имъ занимались лишь для удовлетворенія своихъ собственныхъ личныхъ потребностей, или, еще менѣе, — изъ любви къ этому роду труда. Несомнѣнно, что эти произведенія имѣли свой сбытъ, и нижеперечисленныя находки доказываютъ, что спросъ на нихъ былъ значительный и трудъ хорошо оплачивался. Такъ, вскорѣ послѣ начала разработки костеноснаго слоя, въ 1879 году, былъ найденъ мѣстными эксплораторами, среди груды костей, глиняный кувшинъ, наполненный различными серебряными слитками, поверхъ которыхъ лежали двѣ большія серьги, превосходной филиграновой работы изъ золота, того же стиля, фасона и техники, какъ найденная въ другомъ кладѣ, въ Спаскомъ уѣздѣ, въ дачѣ дер. Куралово, въ 1868 году*).

Конецъ мая 1882 года ознаменовался въ Билярскѣ новой находкой клада по цѣнности, можетъ быть, даже превосходящій предъидущій. При разработкѣ того же ко-

*) Вслѣдствіи эта серьга поступила въ Московскій Румянцевскій Музей. Изображеніе ея было помѣщено въ извѣстномъ археологическомъ сборникѣ г. Аспелина «Antiquités du Nord Fino — Ougrien». II; l'âge du fer. suppl. I. 167. № 782. Упомянутый билярскій кладъ съ серьгами этаго рода былъ отобранъ у находчиковъ мѣстной земской полиціей и препровожденъ въ канцелярію казанскаго губернатора. Какаязатѣмъ участь постигла эту находку — намъ неизвѣстно

стеноснаго слоя обнаруженъ небольшой глиняный кувшинчикъ съ одной ручкой въ видѣ кольца, придѣланной съ одного боку, наполненный разной формы слитками изъ серебра, поверхъ которыхъ былъ положенъ серебряный же браслетъ, плетеный изъ проволоки, того же фасона, какъ и вышеописанный изъ электрума. Кувшинчикъ оказался безъ крышки; но вѣроятно былъ заткнутъ комкомъ мха, впоследствии перетлѣвшаго, отъ котораго, однакоже, между извилами проволоки браслета сохранилось нѣсколько волоконъ. Вокругъ кувшинчика, зарытые просто въ землѣ, лежали восемь предметовъ изъ золота, состоящихъ изъ двухъ браслетовъ и шести перстней. — Благодаря счастливой случайности этотъ кладъ, въ полномъ составѣ, доставленъ мнѣ въ Казань и мною купленъ, что дало мнѣ возможность составить ему полное описаніе.

Оба браслета оказались плетеными изъ проволоки въ 6 нитей, соединенныхъ въ 3 пары, по тому же методу, какъ и вышеописанный, но съ большей тщательностью. Концы проволокъ, образующіе открытые концы браслета, скованы и расплющены въ формѣ правильныхъ 4-угольныхъ площадокъ, на которыя, съ наружныхъ сторонъ напаяны 4-угольные шатоны. На одномъ изъ браслетовъ размѣры шатоновъ крупнѣе, нежели на другомъ. Основанія шатоновъ укрѣплены накладкой двухъ рядовъ шнурочковъ, свитыхъ изъ двухъ нитей тонкой золотой проволоки*) и зернышекъ филиграни, расположенныхъ пирамидками: на бѣльшихъ шатонахъ изъ 6 зеренъ, на меньшихъ въ 3 зерна. Эти пирамидки образуютъ рядъ зубчиковъ. Въ мѣстахъ, гдѣ проволочное плетенье смыкается къ шатону, съ цѣлью скрыть некрасивый видъковки проволоки, наложены орнаменты изъ листоваго золота, на которомъ выбиты выпукло фигуры, состоящія изъ четырехъ крупныхъ полушариковъ, сгруппированныхъ въ крестообразныя пирамидки. Углубленія между полушариками заполнены мелкой зернью. Работа старательная и прочная. Въмѣсто камней были вставлены плоскіе и тонкіе, въ видѣ табличекъ, четырехугольные, съ фаетомъ по краямъ, двойныя бѣлыя (безцвѣтныя) стекла, верхняя плоскость которыхъ покрыта рѣзанными вглубь арабскими надписями. Къ сожалѣнію время повліяло такъ разрушительно на стекла, что легенды сдѣлались малочеткими и можно лишь примѣтить, что онѣ начертаны куфическимъ почеркомъ XII столѣтія, что даетъ намъ возможность опредѣлить время, къ которому принадлежать вещи составляющія кладъ.

Стекла эти были потревожены находчиками и доставлены мнѣ вынутыми изъ гнѣздъ, вслѣдствіе чего мы теперь не знаемъ, какимъ образомъ они размѣщались въ шатонахъ, и принуждены прибѣгать къ догадкамъ. Вѣроятно, въ свое время, эти двойныя стекла были прозрачны и, можетъ быть, склеивались между собой попарно. Можетъ быть даже, между ними располагали слой краски, для приданія стеклу наружности цѣннаго камня; но въ настоящее время они безцвѣтны и, вслѣдствіе разложенія стекляннoй массы, получили матовый цвѣтъ; наружныя же, покрытыя надписями, имѣютъ прекрасный радужный отливъ, встрѣчающійся на античныхъ стеклахъ. Однакоже стекла эти тонки, а гнѣзда въ шатонахъ значительно глубоки и теперь трудно догадаться, какъ они были поставлены въ оправѣ и чѣмъ поддерживались. Съ технической стороны

*) Шнурочки наложены такъ, что извивы одного, идутъ на встрѣчу извиламъ другаго, что придаетъ орнаменту видъ плетущка.

работа этих браслетов, несомненно должна быть признана филигранью, ибо в подробности отделки их употреблена чистая *скань* и *зернь*, а это доказывает, что и самое плетение из проволоки, как было выше о томъ упоминаемо, есть особый видъ *грубой скани**).

Изъ шести перстней, найденныхъ съ браслетами, два оказались совершенно одинаковой формы, съ широкими четырехугольными площадками, на которыхъ утверждены въ срединѣ четырехугольные шатоны, обдѣланные у основанія и по борту оправы наложенными на нее, въ видѣ ряда зубчиковъ, пирамидками изъ мелкой зерни. Остальное пространство площадки, окружающей шатонъ, закрыто тонкой золотой пластинкой, на которой выбито 12 полушаровидныхъ выпуклостей, образующихъ вокругъ шатона нѣчто въ родѣ осыпи. Углубленія въ промежуткахъ между полушаріями заполнены, по счету крупной и мелкой зернью. Работа, особливо одного изъ перстней, отличается большой аккуратностью, чистотой и прочностью. Самое кольцо состоитъ изъ узкой пластинки, съ наружной стороны имѣющей 4 продольныя ложчатые углубленія**). Концы пластинки нѣсколько расплющены, загнуты подъ тупымъ угломъ и послѣ того, какъ пластинка была дугообразно согнута, на нихъ напаяна площадка съ шатономъ. Должно замѣтить, что спайка, или, точнѣе, *свариваніе* однихъ частей съ другими здѣсь производилась не съ помощью *припая*, а посредствомъ порошка того же металла, но только низшей пробы, т. е. такого, который бы плавился при менѣе высокой температурѣ. Замѣчательно, что такая спайка оказывалась удивительно прочной и незамѣтной для глаза. Сердолики, 4-угольной формы, вправленные въ шатоны, имѣютъ темнокрасный цвѣтъ, грубо отдѣланы и одинъ даже, повидимому, обдѣланъ изъ пронизки съ ожерелья, ибо имѣетъ сквозную сверлину. При изслѣдованіи вѣса въ этомъ именно перстнѣ Таб. IV, № 4) былъ обнаруженъ фактъ древняго плутовства, именно: съ цѣлью увеличить вѣсъ золотой оправы, подъ сердоликъ былъ подложенъ кусочекъ свинца, который хотя и окислился отъ времени, но еще сохранилъ вѣса 24 доли. Въ другомъ перстнѣ, лучшей работы, подъ камнемъ оказались только остатки какого-то разложившагося вещества, превратившагося въ порошокъ (id № 5).

Одинъ перстень той же техники, но съ площадкой круглой, о восьми фестончикахъ (id. № 6). Въ срединѣ утверждёнъ шатонъ, имѣющій видъ полушара, верхушка котораго была открыта и въ нее оправленъ камень блѣдно-голубаго цвѣта, поверхность котораго отъ времени разложилась и камень опустился совсѣмъ на дно шатона. Повидимому это подделка подъ бирюзу, очень напоминающая египетскую голубую пасту, или, такъ называемый, *египетскій фарфоръ*. Основаніе шатона окружено шнурочкомъ скани, свитымъ изъ двухъ другихъ, скрученныхъ каждый изъ двухъ нитей очень тонкой проволоки. Надъ этой обводкой расположена каемочка изъ городочковъ, или зубчиковъ, составленныхъ изъ зерни, по 3 зернышка. Средній полушаръ составляющій шатонъ и занимающій центръ площадки, окруженъ восемью меньшими полушарами, выбитыми на одной пластинкѣ; углубленія между полушариками замѣщены,

*) См. Табл. IV, №№ 1 и 2.

***) Въ европейскихъ древностяхъ такіа дужки у перстней замѣчаются уже въ эпоху Меровинговъ, въ VIII—IX столѣтіяхъ. См. E. Fontenay „Les Bijoux anc. et. mod.“ 1887, p. 44—45.

по счету, шариками зерна, покрупнѣе. Работа была, повидимому, отчетливая но, кажется, не совсѣмъ удачная, или же шатонъ помялся при лежаніи въ землѣ. Дужка кольца сдѣлана изъ такой же, какъ у предыдущихъ, ложчатой пластинки и прикрѣплена къ шатону тѣмъ же способомъ.

Одинъ перстень (id. № 7), въ кругломъ шатонѣ котораго вставлена 6-угольная граненая сердоликовая пронизка темнокраснаго цвѣта, окруженная 12-ю жемчужными зернышками, помѣщенными въ особыхъ гнѣздышкахъ. По наружному краю шатона и въ углубленіяхъ между гнѣздышками жемчужинокъ расположены мелкіе шарики зерна. Дужка кольца устроена такъ же, какъ и у предыдущихъ. Большинство жемчужныхъ зеренъ представляютъ почти правильно круглыя очертанія; они всѣ продырявлены и прекрасно сохранились; но нѣкоторыя изъ нихъ слишкомъ глубоко осѣли въ гнѣздахъ.

Одинъ перстень гладкій (id. № 9) съ 4-угольной площадкой вмѣсто шатона. Углы площадки закруглены и весь перстень выдѣланъ изъ одной пластинки, или брусочка такъ, какъ мы объясняли выше при описаніи № 3 в., съ той разницей, что здѣсь концы не наложены одинъ на другой и не склепаны, а туго обрѣзаны и сведены вмѣстѣ, оставляя щель въ промежуткѣ, что позволяло надѣвать перстень на пальцы разной толщины. Этотъ перстень принадлежитъ къ той категоріи перстней, о которой мы говорили выше, описывая плетеный золотой браслетъ № 3. Повторимъ еще разъ, что въ подобныхъкладахъ съ предметами убранства, сдѣланными изъ плетеной проволоки и филиграни, перстни этой формы встрѣчаются постоянно. Различіе состоитъ въ томъ, что при золотыхъ вещахъ такіе перстни бывають просто гладкіе, при серебряныхъ же они украшены своеобразнымъ орнаментомъ изъ черни. Изъ орнаментовъ, употреблявшихся на этихъ перстняхъ, намъ извѣстно нѣсколько видовъ, одинъ изъ нихъ, весьма рѣдкій, представляетъ стоящую въ профиль *птицу* (орла?)* и напоминаетъ фигуры *пѣтуховъ* на старинныхъ русскихъ вышивкахъ. Чаще встрѣчающійся орнаментъ, состоитъ изъ сочетанія персидской лиліи и арабески. При биларскомъ, предыдущемъ кладѣ, въ которомъ были найдены двѣ филиграновыя золотыя серьги, было тоже два подобныхъ перстня изъ серебра съ накладкой черни, изъ которыхъ одинъ, по разсказу находчика, пошелъ вмѣстѣ съ прочими вещами, по начальству, другой же доставленъ мнѣ.

Одинъ перстень (id. № 8) сдѣланъ изъ толстой золотой проволоки, свернутой спиралью въ два оборота. Въ Болгарахъ въ 1868 году былъ найденъ совершенно такой же, но болѣе тяжеловѣсный: онъ встрѣтился одиноко и потому опредѣленіе его эпохи было затруднительно. Въ Швеціи одно подобное спиральное золотое кольцо

*) Весной текущаго 1889 года при распашкѣ поля подъ яровой посѣвъ въ дачахъ села Шурава на правомъ берегу р. Камы, въ Ланшевскомъ уѣздѣ, былъ найденъ интересный кладъ, состоявшій изъ предметовъ убранства въ видѣ одного браслета, плетенаго изъ серебряной проволоки, нѣсколькихъ перстней съ накладкой орнамента изъ черни и нѣсколькихъ серебряныхъ слитковъ разной формы и величины, между которыми были и цилиндрической формы, какъ въ описываемомъ здѣсь нашемъ биларскомъ кладѣ. На одномъ изъ перстней встрѣтился тоже орнаментъ, изображающій стоящую влѣво *птицу* (орла), но нѣсколько лучшаго болѣе выработаннаго рисунка, чѣмъ вышеупомянутый, найденный въ Биларскѣ. Такимъ образомъ теперь мы имѣемъ уже 2 экземпляра перстней съ такимъ изображеніемъ. На другихъ перстняхъ находились уже знакомые вышеупомянутые орнаменты. Этотъ кладъ, по всѣмъ признакамъ, тоже относится къ XII вѣку, и это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что мѣстность с. Шурава была уже обитаемой въ эпоху Волжскихъ Булгаровъ. До сихъ поръ мы не имѣли тому никакихъ доказательствъ и можно было думать, что поселеніе здѣсь возникло лишь въ эпоху монголо-татарскую, ибо здѣсь въ почвѣ встрѣчаются предметы быта изъ этой эпохи и джучидскія монеты.

было найдено вмѣстѣ съ золотой монетой византійскаго Имп. Зенона*). Благодаря новой находкѣ такого кольца въ Билярскомъ кладѣ, хронологическое опредѣленіе попадающихся въ здѣшнемъ краѣ становится легче. При этомъ должно замѣтить, что монетнаго значенія, которое имъ присвоивается въ Скандинавіи, здѣсь они, повидимому, не имѣли, а играли скорѣе роль товара, какъ и другія драгоцѣнныя металлическія издѣлія, и употреблялись какъ предметы убранства.

Вѣсъ золотыхъ предметовъ этого клада въ общемъ составляетъ 44 золотника 82 доли, распредѣляясь по вещамъ слѣдующимъ образомъ:

1. Браслетъ съ бѣлыми шатономъ	= 19 з. — д.
2. Тоже съ меньшими "	= 17 " — "
3. Перстень съ 4-угольнымъ шатономъ, въ который вставленъ просверленный сердоликъ	= 2 " 14 "

Но въ шатонѣ этого перстня находится еще кусочекъ свинца, вѣсящій 24 доли, что дастъ общій вѣсъ перстня въ 2 з. 38 д.

4. Тоже съ цѣльнымъ сердоликомъ	= 1 " 34 "
5. Тоже съ круглымъ шатономъ, въ который вставлена имитация бирюзы	= — " 90 "
6. Тоже съ сердоликовой пронизкой и 12-ю жемчужинами = — " 80 "	
7. Гладкій перстень съ 4-угольной площадкой вмѣсто шатона = 1 " 27 "	
8. Спиральное кольцо	= 1 " 91 "

Всего 44 з. 58 д.

Относительно этихъ предметовъ должно замѣтить еще, что діаметръ перстней вообще невеликъ и потому слѣдуетъ заключить, что эти украшения принадлежали къ женскому убранству. Спиральное кольцо № 8, такъ же какъ и упомянутое подобное, найденное въ Болгарахъ, имѣютъ такой малый діаметръ, что не могли быть носимы даже на мизинцѣ женской руки. Обременять такими украшениями дѣтскія руки, даже въ какихъ-нибудь исключительныхъ торжественныхъ случаяхъ, было бы совсѣмъ непрактично, принимая во вниманіе, какъ часто дѣти могли бы терять такія драгоцѣнныя украшения. Но этого предположенія нельзя допустить еще и потому, что дѣтскія украшения не могли имѣть своей особой спеціальной формы, а, конечно, должны были имѣть видъ, сходный съ предметами убранства взрослыхъ, но лишь меньшаго размѣра; слѣдовательно, если бы спиральныя кольца малаго діаметра были дѣйствительно украшениями для дѣтскихъ рукъ, то такія же кольца должны бы встрѣчаться и большихъ размѣровъ, для взрослыхъ; а между тѣмъ, такихъ спиральныхъ колецъ бѣльшаго діаметра, до сихъ поръ, вовсе не было найдено.

Хотя назначеніе этого предмета еще не поддается разгадкѣ, но вопросъ этотъ тѣмъ болѣе заинтриговываетъ, что, повидимому, такія кольца долго были въ большомъ употребленіи наравнѣ съ другими излюбленными предметами убранства. Это можно заключать изъ того, что въ болгарскомъ районѣ мы встрѣчали такія спиральныя кольца

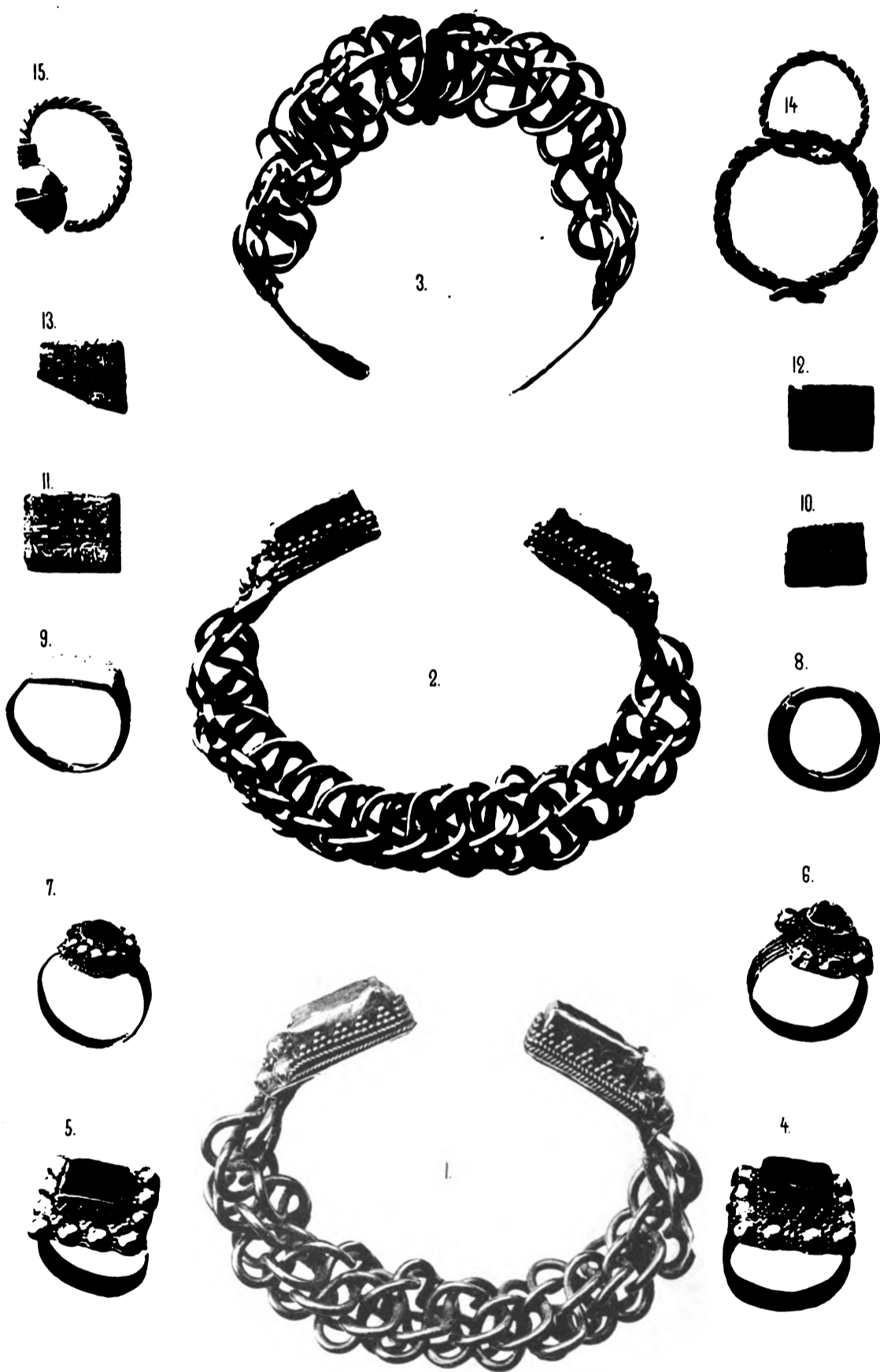
*) O. Montelius, «Ant. Suéd», l'âge du fer, n° 456

изъ всѣхъ трехъ металловъ: золота серебра и мѣди или бронзы. Въ Билярскѣ, кромѣ описаннаго, найденнаго въ кладѣ, находили неоднократно спиральныя кольца изъ толстой мѣдной проволоки, которая была обтянута листикомъ золота такъ искусно, что на первый взглядъ кольцо казалось чисто золотымъ. Но выдавалъ вѣсъ, который оказывался слишкомъ легкимъ, и это навело находчиковъ на мысль ломать такія кольца: тогда и обнаружилось, что подъ золотой оболочкой скрыта мѣдная проволока. Мы не можемъ рѣшить — было ли это дѣлаемо въ древнія времена съ злымъ умысломъ обмана, или для удешевленія предмета, по желанію самихъ потребителей.

Мода на употребленіе спиральныхъ колець продолжалась еще и въ эпоху Джучидовъ, какъ это доказывается тѣмъ, что въ одномъ кладѣ, открытомъ въ Болгарахъ въ 1874 году, вмѣстѣ съ джучидскими монетами, изъ которыхъ старѣйшая была болгарская, хана Узбека 1323 года, а новѣйшая, указывавшая время сокрытія клада, гюлистанская, хана Мюрида 1362—3 года, я встрѣтилъ, въ числѣ разныхъ другихъ предметовъ убранства изъ серебра, три спиральныхъ кольца изъ *электрума* и между ними два совершенно парныхъ, не только по размѣрамъ, но даже и по вѣсу. Это навело на мысль, не были ли такія кольца носимы въ ушахъ, какъ серьги? Такая мысль представлялась тѣмъ болѣе вѣроятной, что обрѣзанные концы проволоки у этихъ колець были заострены и самые обороты спиралей были достаточно раздвинуты. Но, конечно, они могли быть и иначе какъ-нибудь употребляемы. Намъ совершенно неизвѣстны подробности туалета женщинъ здѣшняго древняго населенія; но мы знаемъ, напр., что у нѣкоторыхъ народовъ Азіи, Африки и Америки сохранился до нашихъ временъ обычай носить украшенія даже въ носу, для чего прокалываютъ ноздри, или хрящъ. Страленбергъ положительно удостовѣряетъ, что самъ видѣлъ такой обычай у татаръ, въ Западной Татаріи*); а новѣйшіе путешественники по Средней Азіи сообщаютъ, что подобный обычай существуетъ еще и теперь у европейскихъ женщинъ въ Самаркандѣ. Можетъ быть, подобная мода существовала въ древности и въ Казанскомъ краѣ? — Однако же Ибнъ-Батута, представляя въ общихъ чертахъ нарядъ кипчакскихъ красавиць, не упоминаетъ о такомъ обычаѣ, а между тѣмъ мы видимъ, что въ XIV столѣтіи спиральныя кольца еще были въ употребленіи. Развѣ допустить, что они играли роль *запонокъ* для застегиванія частей одежды? Но, кажется, что для этого они были несовсѣмъ удобны, потому что могли легко теряться и золотыя были бы уже чрезмѣрно роскошны, особливо въ виду возможности ихъ частой потери. Какъ бы то ни было, но употребленіе спиральныхъ колець было, несомнѣнно, въ большемъ распространеніи, ибо мы находимъ между предметами древняго быта въ Казанскомъ краѣ такія кольца изъ золота, серебра и бронзы.

На табл. IV-й изображены еще два золотые предмета, не принадлежащіе къ описанному кладу, но найденные отдѣльно, въ разное время, въ Билярскѣ. Они помѣщены на этой таблицѣ потому, что по стилю работы должны относиться къ той же эпохѣ XII вѣка. Одинъ изъ предметовъ № 14 представляетъ, быть можетъ, *височное кольцо* (?). Онъ состоитъ изъ двухъ колець, свитыхъ изъ золотой проволоки разной

*) Strahlenberg, «Der nördl. u. östl. Theil v. Europa u. Asien» 1730. S. 387.

Музей Ярославского Археологического Съезда

толщины. Бóльшее по діаметру кольцо свито изъ двухъ толстыхъ проволокъ въ видѣ шнура; между извивами проложенъ другой шнурочекъ, свитый изъ двухъ тонкихъ проволокъ. Въ это кольцо продѣто другое кольцо, поменьше, свитое изъ двухъ средней толщины проволокъ. У обоихъ колець концы скрученныхъ проволокъ не склепаны и не сварены, а лишь сближены и положены одинъ на другой. Вѣсъ бóльшаго кольца = 1 зол. 12 дол.; меньшаго = 24 доли.

Другой предметъ № 15 представляетъ серьгу, или, быть можетъ, только часть серьги. Съ технической стороны, которая очень ясно примѣтна на изображеніи, она принадлежитъ тоже къ филиграновымъ издѣліямъ той же эпохи, какъ и кладъ, т.-е. XII столѣтію. Вѣсъ серьги = 72 доли.

Переходимъ теперь къ описанію серебряныхъ вещей Билярскаго клада. Онѣ, какъ сказано выше, были помѣщены въ небольшомъ глиняномъ кувшинчикѣ, безъ крышки. Для изученія древней мѣстной керамики очень важно то обстоятельство, когда съ кладами бывають доставляемы въ цѣлости и сосуды, въ которыхъ клады были найдены, ибо такимъ образомъ получаютъ, такъ сказать, *датированные* экземпляры, которые служатъ для сравненія съ другими, случайно находимыми. По счастью, этотъ кувшинчикъ былъ доставленъ почти въ полной сохранности, и только верхній его край немного поломанъ, вѣроятно отъ удара заступы при раскопкѣ. Высота его = 10 снтм.; діаметръ отверстія = 6 снтм.; объемъ выпуклой средней части = 34 снтм.; толщина стѣнокъ въ верхнемъ краѣ = $\frac{1}{2}$ снтм.; діаметръ донца = 5 снтм.

Хотя драгоценныя филиграновыя вещи этого клада по своимъ формамъ принадлежать къ тѣмъ, которыя принято относить къ X—XI столѣтіямъ, но въ дѣйствительности кладъ долженъ принадлежать къ болѣе поздней эпохѣ XI—XII вѣка, т.-е. къ тому времени, когда въ страну перестали быть ввозимы изъ Азіи чеканныя арабскія деньги и, кажется даже, что болѣе точнымъ терминомъ долженъ быть принятъ именно XII вѣкъ. Къ этому времени относится и глиняный кувшинчикъ, который по формѣ и технической обработкѣ аналогиченъ съ многими другими глиняными сосудами, попадающимися между бытовыми древностями въ почвѣ здѣшняго края, и которые однако же должны быть относимы къ болѣе поздней монголо-татарской эпохѣ. Такое сходство въ простѣйшихъ обыденныхъ предметахъ быта эпохъ изъ различныхъ столѣтій весьма затрудняетъ классификацію предметовъ; но оно же свидѣтельствуетъ о мѣстной туземной фабрикации ихъ. Кувшинчикъ изъ клада несомнѣнно принадлежитъ еще къ болгарской эпохѣ. Мы замѣчаемъ, что глина его уже хорошо промыта и представляетъ плотную, компактную массу; но она принадлежитъ по своимъ качествамъ къ обыкновенной желтой глинѣ и въ огнѣ отъ сильнаго обжиганія получила яркій кирпично-красный цвѣтъ. Отъ употребленія, а также и отъ времени наружная поверхность сосуда приняла

Рис. 1.

какой-то особенный лоскъ и глянецъ, своего рода *патину*, чего на другихъ сосудахъ, которые можно относить къ болѣе поздней эпохѣ, незамѣтно. Сходство въ формахъ и техническихъ приемахъ обработки въ горшечномъ производствѣ изъ двухъ разныхъ эпохъ указываетъ также на то, что горшечное дѣло въ болгарскую эпоху уже было такъ правильно поставлено, что послѣдующая цивилизація монголо-татарской эпохи не имѣла надобности учреждать какой-нибудь коренной реформы для поднятія этого дѣла и ограничилась только лучшимъ выборомъ матеріала, да введеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ формъ, какъ напр. изображенія животныхъ на ручкахъ глиняныхъ сосудовъ въ XIV вѣкѣ и проч. Дѣйствительно, употребленіе гончарнаго круга или колеса въ XII вѣкѣ было уже вполне усвоено мѣстными болгарскими горшечниками, такъ же какъ и обжиганіе посуды, какъ это доказываетъ кувшинчикъ изъ клада.

Такимъ образомъ неудивительно, что старый стиль гончарныхъ издѣлій болгарской эпохи оставался, въ нѣкоторыхъ предметахъ производства все такимъ же, вслѣдствіе известной малоподвижности восточныхъ народовъ въ измѣненіи своихъ привычекъ и обычаевъ: туземцы не мѣняли формъ предметовъ своего домашняго обихода и подъ властію джучидовъ, но разнообразили свое производство введеніемъ новыхъ формъ, сообразно новѣйшимъ требованіямъ.

По словамъ находчиковъ, серебряные слитки лежали въ кувшинчикѣ ни во что не обернутыми и сверхъ всего былъ положенъ браслетъ. Но, при тщательномъ осмотрѣ въ лупу, на слиткѣ въ видѣ палочки (гривенки) на одномъ концѣ оказались сохранившимися слѣды льняной, или пеньковой, довольно рѣдко сотканной, холстины. Такіе же слѣды замѣчены мною и на другомъ маленькомъ слиткѣ. Въ браслетѣ же, какъ сказано выше, между изгибами проволоки замѣтны какъ будто стебельки перетлѣвшаго мха. Все это заставляетъ думать, что слитки, при помѣщеніи ихъ въ кувшинчикъ, были завернуты въ кусокъ тряпки и кувшинчикъ, сверхъ браслета, былъ заткнутъ комкомъ мха. Плетенный изъ проволоки браслетъ одного типа и техники съ вышеописанными. Концы проволоки у разрѣза, въ который продѣвалась рука, расплющены и сварены на огнѣ такъ, что представляются двѣ площадки, выгнутыя по рукѣ. Подобные серебряные браслеты встрѣчаются въ казанскомъ краѣ довольно часто; но этотъ браслетъ отличается отъ другихъ болѣе тщательной обдѣлкой концовъ и тѣмъ, что площадки концовъ продырявлены, вѣроятно съ цѣлью стягивать браслетъ по рукѣ. Вѣсъ браслета = 10 золотниковъ.

Слитки, числомъ 18 находившіеся въ кувшинчикѣ, вмѣстѣ съ браслетомъ, разнообразны по формѣ, величинѣ и вѣсу. Одинъ изъ нихъ имѣетъ видъ трехгранной палочки и сходенъ по своей формѣ съ известными *болгарскими гривенками* — „сумъ“, которые, по свидѣтельству арабскаго путешественника Ибнбатуты, замѣняли въ Кипчакѣ во всѣхъ крупныхъ торговыхъ сдѣлкахъ звонкую монету*). Подобные слитки, по мнѣнію ученыхъ, сходны по вѣсу, и съ незначительными варіаціями равнялись обыкновенно

*) В. Тизенгаузенъ, „Сборникъ матеріаловъ отн. къ ист. Золотой Орды“ Ибнбатута, стр. 33. Онъ говоритъ, что слитки эти привозятъ изъ страны Руссовъ и полагалъ даже, конечно судя по общію слитковъ, что въ ихъ странѣ были серебряные рудники; но извѣстіе это ошибочно, потому что исторически извѣстно, что въ Россіи не было тогда собственныхъ рудниковъ.

нашему $\frac{1}{2}$ фунта¹⁸⁾). Вновь открытый биларскій слитокъ не отвѣчаетъ этимъ требованіямъ и, представляя всего 13 зол. 72 доли, составляетъ какъ-бы $\frac{1}{4}$ „сумъ“. Биларскій слитокъ этотъ представляется пока единственнымъ экземпляромъ „сумъ“, относящимся по времени къ чисто-булгарской эпохѣ и такъ какъ онъ совершенно сходенъ съ „сумъ“ эпохи монголо-татарской, то его позволительно считать прототипомъ этихъ послѣднихъ. Форма въ нихъ сохранена та же; но увеличенъ размѣръ и вѣсъ. Можетъ быть, имѣлись въ XI—XII столѣтіяхъ и болѣе полновѣсные „сумъ“, употребляемые въ джучидскую эпоху, но до сихъ поръ они намъ не только не попадались въ натурѣ, но мы даже не встрѣчаемъ о нихъ никакого упоминанія въ литературѣ, если не считать единственнаго, подобнаго слитка, могущаго относиться къ той же ранней эпохѣ, который хранится въ Стокгольмскомъ Музеѣ. Найденъ онъ около Висби на о-вѣ Готландѣ, въ большомъ кладѣ, съ двумя золотыми браслетами, съ 1613-ю монетами арабскими

Рис. 2.

и европейскими, разными предметами убранства изъ серебра и множествомъ ломаныхъ колецъ и слитковъ изъ того же металла¹⁹⁾). Судя по рисунку, онъ долженъ быть нѣсколько больше нашего биларскаго слитка; но такъ какъ при описаніи его не обращено вниманія на вѣсъ, то мы не имѣемъ возможности опредѣлить отношенія его вѣса къ биларскому экземпляру. Можно только, основываясь на присутствіи различныхъ слитковъ серебра, заключать, что эта часть клада была послѣдней въ накопившемся сокровищѣ и вполне современна съ нашимъ биларскимъ.

Что касается до джучидскихъ „сумъ“, то мы знаемъ фактически, что они употреблялись во второй половинѣ XIII вѣка²⁰⁾). Новооткрытый биларскій „сумъ“ даетъ поводъ думать, что замѣна диргемовъ слитками, при крупныхъ торговыхъ сдѣлкахъ, была въ употребленіи въ Волжской Булгаріи, гораздо ранѣе джучидской эпохи, и можетъ быть, что сами джучиды унаслѣдовали этотъ обычай отъ булгаровъ.

Прочіе слитки клада такъ разнообразны по величинѣ, формѣ и вѣсу, что, повидному наружный видъ ихъ былъ безразличенъ и не имѣлъ никакого значенія. Металлъ отливался какъ попало и форма слитка зависѣла отъ случайности.

¹⁸⁾ Этотъ вѣсъ сходенъ со слитками, или *гривенками*, найденными въ новгородскихъ кладахъ въ 1821 и 1824 г.г., а также въ Рязанской и Московской губерніяхъ. См. Шодуара, „Опис. рус. денегъ“ и П. Сахарова, Л. Р. Н. стр. 16—17. Новгородскія отъ 44—46—49 зол. Рязанскія гривны по наружности и по вѣсу совершенно сходны съ булгарскими, вѣсятъ 48 зол. Изображенная у Шуберта (Опис. рус. мон. и мед. 1843, стр. 116 и Таб. VIII, рис. 521) вѣситъ 48 зол. 15 дол. Тамъ же онъ говоритъ, что на нихъ клеймъ не встрѣчается. По замѣчанію Шодуара „новгородскія гривенки имѣютъ различную отъ рязанскихъ фигуру: онѣ толще, короче и отличаются отъ нихъ еще тѣмъ, что на нихъ нѣтъ нарѣзки; онѣ всегда безъ клейма.

¹⁹⁾ O. Montelius, „Ant. Suèd.“, l'Age du fer. III, p. 177, fig. 639.

²⁰⁾ Въ лѣто 1876 года въ Болгарахъ былъ найденъ кладъ, состоявшій изъ 14 гривенокъ и около 1000 диргемовъ Каана Эригъ—Буга (1260—1264). Четыре изъ этихъ „сумъ“ были помѣщены въ глиняномъ кувшинчикѣ стойма и пересыпаны диргемами. Остальные 10 „сумъ“ были найдены разложенными просто въ землѣ, въ окружающей мѣстности.

Три изъ нихъ представляютъ форму цилиндрическую и вѣсятъ:
Воспроизводимые нами клише имѣютъ размѣры оригиналовъ.

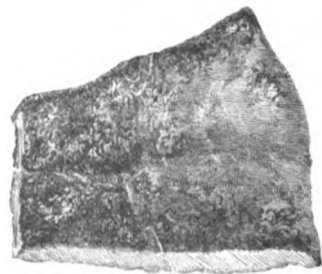
большой (рис. 3)	27	золотниковъ	66	долей
второй	10	"	72	доли
третій	7	"	72	"

Одинъ плоскій, неправильно четырехугольный, съ обрубленными сѣчкой, откосно, гранями, по краямъ вѣситъ 9 зол. 21 доля.

Рис. 3.

Рис. 4.

Три слитка, имѣющіе неправильныя очертанія и согнутые желобкомъ, вѣсятъ:

первый (рис. 4)	6	золотниковъ	78	долей
второй	5	"	63	"
третій	5	"	66	"

Оба эти послѣдніе, за исключеніемъ ничтожной разницы въ 3 доли, по вѣсу можно считать тождественными.

Два слитка желобчатого вида съ очертаніями почти правильно четырехугольными вѣсятъ:

первый (рис. 5)	5	золотниковъ	73	доли
второй	5	"	48	"

Одинъ неправильно желобчатый вѣситъ 3 зол. 21 доля.
Одинъ правильно 4-угольныхъ очертаній, слегка желобоватый, вѣситъ 2 зол. 90 дол.
Одинъ желобчатый съ сильной впадиной, неправильно 4-угольныхъ очертаній вѣситъ 2 зол. 18 долей.
Одинъ клинообразной формы вѣситъ 2 зол. 30 долей.

Рис. 5.

Рис. 6.

Три слитка, имѣющіе очертанія неправильнаго пятиугольника, съ впадиной на верхней плоскости, вѣсятъ:

первый (рис. 6) . . . 1 золотникъ 36 дол.
 второй 1 „ — „

Третій, у котораго впадина имѣетъ видъ подковы, вѣситъ 87 долей.

Одинъ неправильно пятиугольной формы вѣситъ 73 доли.

Всего вѣса въ серебряныхъ вещахъ этого клада оказалось 124 золотника 2 доли.

Если находеніе предметовъ убранства, вмѣстѣ съ арабскими диргемами, удостоверяло, что предметы эти должны быть современны тому періоду времени, который обнимаетъ собой монетныя даты, то повтореніе находокъ такихъ кладовъ, въ которыхъ уже болѣе не встрѣчается никакихъ монетъ, а вмѣсто нихъ одни лишь разной величины куски серебра и драгоценныя предметы убранства, по стилю и характеру сходные съ тѣми, какіе находятъ въ кладахъ съ монетами и азіатское происхожденіе которыхъ уже признано, заставляетъ относить такіе кладъ къ болѣе позднему періоду времени, когда сношенія волжскихъ Булгаровъ съ Азіей еще продолжались, но куфической монеты уже не было болѣе провозимо въ Булгары.

Такая эпоха, повидимому, наступила въ 1012 году — дата, которой помѣченъ диргемъ послѣдней чеканки, найденный въ 1771 году въ кладѣ на о-вѣ Оландѣ²¹⁾, послѣ чего не встрѣчаются болѣе въ кладахъ куфическія монеты. Ихъ мѣсто занимаютъ деньги европейской чеканки, или, какъ въ здѣшнемъ краѣ, различнаго вида и величины серебряныя слитки. Клады подобнаго рода, въ Казанской губерніи попадались уже не разъ и, кромѣ описываемаго выше, мы имѣемъ свѣдѣніе, что въ томъ же 1882 году, въ Билярскѣ и въ томъ же костеносномъ слѣ былъ открытъ еще кладъ, состоявшій изъ двухъ небольшихъ *слитковъ золота*, золотаго перстня и нѣсколькихъ фунтовъ серебра въ разныхъ слиткахъ²²⁾.

Мнѣ кажется, что вопросъ о выясненіи значенія подобныхъ слитковъ, находимыхъ въ кладахъ, заслуживаетъ ученой разработки; мы же до сихъ поръ имѣемъ обыкновеніе считать ихъ простымъ ломомъ, незаслуживающимъ никакого вниманія и на этомъ основаніи отправляемъ для сплава на монетный дворъ.

Между тѣмъ намъ неоднократно случалось встрѣчать въ числѣ древнихъ бытовыхъ предметовъ булгарскихъ и биларскихъ городищъ серебряныя слитки, разной величины и вѣса, которые съ перваго взгляда кажутся не случайно при работѣ изъ серебра образовавшимися слитками, а нарочно сдѣланными, имѣющими хотя и разнообразныя, но все таки опредѣленныя формы и невольно вызывающими въ памяти извѣстныя намъ вѣмъ *гривенки* и *рубли*.

Нынѣ же, благодаря представившейся возможности разомъ изслѣдовать въ описываемомъ биларскомъ кладѣ значительное собраніе разнообразныхъ слитковъ, мы имѣ-

²¹⁾ Ledebur „Ueber die in Baltischen Ländern in der Erde gefundenen Zeugnisse eines Handels-Verkehrs mit dem Orient zur Zeit der Arabischen Weltherrschaft.“ Berlin. 1840, s. 19.

²²⁾ Кладъ этотъ исчезъ для науки и, кажется, былъ просто проданъ серебрянику въ г. Чистополь.

емъ случай убѣдиться, при изслѣдованіи вѣса, что въ распредѣленіи его по слиткамъ замѣтна какая-то правильность.

Сопоставимъ вѣсъ:

27	золотниковъ	66	долей	6	"	78	"
13	"	72	"	3	"	21	"
7	"	72	"	тоже:	2	90	"
тоже:	6	"	78	или:	2	"	30
3	"	21	"	1	"	36	"
или:	10	"	72	1	"	—	"
5	"	48	"	—	"	87	"
или:	9	"	21	—	"	73	"

Цифры эти ясно указываютъ, что въ приведенномъ подраздѣленіи вѣса нашихъ слитковъ чувствуется какой-то пріемъ, аналогичный съ монетной системой; большей же точности или большаго сходства въ вѣсѣ трудно было ожидать при тогдашней техникѣ приготовленія слитка и рубки его на части и мелкія доли. Даже чеканная древняя монета представляетъ постоянно разновѣсность въ экземплярахъ, что вѣроятно и вызвало необходимость употребленія тѣхъ маленькихъ вѣсовъ, которые нерѣдко находили въ могилахъ мерянскаго типа, въ Владимірской губ., Лифляндіи, Скандинавіи и пр.²³⁾. На вѣсахъ этихъ становилось возможнымъ уравнивать излишекъ или недостатокъ въ вѣсѣ отдѣльныхъ слитковъ посредствомъ другихъ меньшихъ. Самые арабскіе диргеми, которые могли бы играть роль монетныхъ единицъ, принимались въ торговлѣ не по счету, а на вѣсъ и для того, чтобы пригнать его точнѣе, диргеми разрѣзывались и ломались на *половинки*, на *три* и на *четыре* части. Въ кладахъ съ куфическими монетами такихъ разрѣзанныхъ, или разломанныхъ диргемовъ встрѣчается множество; иногда ихъ численность значительно превосходитъ число цѣльныхъ монетъ. Такъ напр. по свидѣтельству Ледебура въ 1771 году на островѣ Оландѣ въ одномъ кладѣ съ арабскими диргемами, найдено только 40 штукъ цѣльныхъ монетъ, тогда какъ обломковъ оказалось до 780. Въ кладахъ съ арабскими деньгами, находимыхъ въ Россіи, встрѣчались тоже подобныя факты, и намъ лично случилось видѣть одинъ кладъ, относившійся ко второй половинѣ X вѣка, состоявшій изъ диргемовъ Саманидовъ и Буидовъ, найденный въ 1882 году, въ Нижегородской губерніи, въ которомъ количество обломковъ до такой степени преобладало, что цѣльныя монеты среди нихъ казались рѣдкими. Большинство рѣзанцевъ состояло изъ такихъ мелкихъ частицъ, что намъ не удалось извлечь ничего полезнаго для науки и пересмотръ ихъ былъ до того утомителенъ, что не достало терпѣнія ихъ всѣхъ пересчитать. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что ломаные диргеми встрѣчаются только въ кладахъ Россіи и восточной Европы²⁴⁾, что даетъ поводъ думать, что ломаные диргеми исключительно принадлежатъ къ тѣмъ капиталамъ,

²³⁾ Гр. А. С. Уваровъ — Меряне и ихъ бытъ. Kruse — Necrolivonica. Baer — Die Gräber des Lieven. Monteeius — Antiq. Sued; l'age du fer, p. 178, fig. 642.

²⁴⁾ С. М. Fraehn. Bulletin de la classe historico-philol. et polit. de l'Acad. t. I, p. 36.

которые ввозились изъ Азіи въ Европу чрезъ Волжскую Булгарію, откуда переходили въ Россію и, черезъ Новгородъ, попадали на побережья Балтійскаго моря.

Обычай употребленія ломаной серебряной монеты долженъ былъ возникнуть вслѣдствіи потребности въ мелкой размѣнной монетѣ, которую представляютъ собой мѣдныя деньги. Въ то же время употребленіе ломаной монеты свидѣтельствуетъ о томъ, что монета не имѣла значенія денежнаго знака, а играла роль товара, т.-е. важна была не самая монета, а тотъ кусокъ металла, изъ котораго она была сдѣлана. Надписи, покрывавшія монету въ большинствѣ случаевъ даже не могли быть читаемы чужеземцами и, слѣдовательно, цѣлость монеты не имѣла для нихъ обязательнаго значенія и вся ея цѣнность сводилась къ тому количеству металла, которое заключала въ себѣ ея пластинка. Поэтому въ странахъ, гдѣ не существовало въ обращеніи мѣдныхъ денегъ и гдѣ серебряныя деньги принимались не счетомъ единицъ, а по вѣсу металла, было не трудно ввести употребленіе ломки монеты на части, смотря по надобности.

Такимъ образомъ въ Волжской Булгаріи серебряная восточная монета въ торговлѣ имѣла не исключительное значеніе денегъ, въ смыслѣ *платы*, но скорѣе играла роль *обмѣннаго товара*, какимъ были и тѣ драгоценныя издѣлія въ видѣ предметовъ убранства изъ золота и серебра, которыя нерѣдко находятъ въ кладахъ, вмѣстѣ съ арабскими деньгами. Въ томъ, что предметы убранства могли въ торговыхъ сдѣлкахъ представлять собою извѣстныя денежныя суммы, удостовѣряетъ тотъ фактъ, что однородные предметы часто обнаруживаютъ одинаковый вѣсъ; а это доказываетъ, что ихъ нарочно выдѣлывали въ заранѣе опредѣленномъ вѣсѣ. Намъ удалось констатировать этотъ фактъ при изслѣдованіи вѣса въ браслетахъ, перстняхъ и проч. Предметы убранства изъ драгоценныхъ металловъ могли тѣмъ болѣе замѣнять *деньги* въ торговыхъ сдѣлкахъ, что въ тѣ времена въ Волжской Булгаріи такъ же какъ и въ другихъ странахъ, самая чеканенная монета часто употреблялась какъ предметъ убранства, о чемъ свидѣлствуютъ находимые въ кладахъ экземпляры монетъ, обнаруживающіе на себѣ признаки такого употребленія.

Если замѣна чеканенной серебряной монеты различной величины слитками серебра въ торговыхъ операціяхъ съ тѣми странами, гдѣ монета принималась лишь по вѣсу металла, не представляется невѣроятной, то все же, казалось бы, что слиткамъ, долженствовавшимъ замѣнять собой монету, должна была быть присвоена какая-нибудь болѣе опредѣленная форма, по которой сразу можно было узнавать денежный слитокъ; а между тѣмъ слитки, попадавшіеся намъ лично въ кладахъ и отдѣльно, отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ и неправильностью своихъ формъ. Это могло зависѣть отъ того, что приготовленіе слитковъ, вызванное необходимостью, было большею частью дѣломъ частной предпримчивости. Для торговли требовалось только, чтобы серебро было хорошаго достоинства, т.-е. не ниже того, какое бывало въ привозимыхъ въ прежнее время диргемахъ, и вѣсъ слитковъ наиболѣе разнообразный, такъ какъ ломать ихъ подобно диргемамъ на опредѣленныя части было затруднительно. Въ диргемахъ же, которые были привозимы за послѣднее время, какъ напр. послѣднихъ Саманидовъ, Буидовъ и Зіаридовъ, серебро часто было уже не высокаго достоинства, и намъ случалось замѣчать на нѣкоторыхъ монетахъ изъ такихъ кладовъ древнія царапины,

какъ будто указывающія на то, что и въ отдаленныя времена при торговыхъ сдѣлкахъ качество ихъ металла возбуждало сомнѣніе. Можетъ быть также, что торговцы и не смѣли болѣе вывозить чеканенной монеты изъ Азіи, а потому и слиткамъ своимъ не осмѣливались придавать вида монеты. Въ прежнее время, когда было еще можно вывозить чеканенную монету, торговцы не затруднялись увеличивать ея количество прибавкой къ подлиннымъ диргемамъ различныхъ подражаній, которыя мы находимъ въ кладахъ между настоящими монетами.

Но съ тѣхъ поръ, какъ нельзя было болѣе вывозить диргемовъ, сдѣлалось невозможнымъ и поддѣлывать монету, а приходилось вывозить металлъ, такъ сказать, въ сыромъ видѣ. Вопросъ о значеніи серебряныхъ слитковъ въ кладахъ при совершенномъ отсутствіи чеканенной монеты представляется настолько интереснымъ, что требуетъ правильнаго научнаго разъясненія, и мы думаемъ, что всѣ такія находки должны бы быть подвергаемы тщательному изслѣдованію. Мы очень бы желали обратить на этотъ вопросъ вниманіе нашихъ археологовъ и собирателей древностей. Намъ лично удалось изслѣдовать только небольшое число слитковъ, сравнительно съ тѣмъ, сколько ихъ было найдено. Для того же, чтобы придти къ какимъ-нибудь положительнымъ выводамъ, необходимо произвести изслѣдованіе вѣса, формы и величины множества такихъ слитковъ и тогда, быть можетъ, получились бы интересные результаты.

Какъ матеріалъ для будущихъ изслѣдованій, мы приводимъ здѣсь описаніе различныхъ слитковъ, найденныхъ въ разное время въ Болгарахъ и въ Билярскѣ; слитки эти, найденные отдѣльно безъ характеристической обстановки, указывающей на эпоху, къ которой они могли относиться, не могутъ сами по себѣ имѣть того значенія, какъ найденные въ кладѣ; но они по наружности имѣютъ съ этими послѣдними такъ много общаго, что мы должны относить ихъ къ той же эпохѣ XI—XII вѣка.

Б о л г а р ы .

№ 1. Слитокъ въ видѣ плитки, имѣющей очертаніе полукруга; край, соответствующій діаметру круга, прямой и представляетъ слѣдъ обруба, производящаго впечатлѣніе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ одной половиной слитка, форма котораго въ цѣломъ видѣ была круглая. Вѣсъ = 14 зол. 42 д. Найденъ въ болгарскомъ городищѣ въ 1880 году. Если справедливо предположеніе о первоначальной формѣ слитка, то въ цѣломъ видѣ вѣсъ его долженъ былъ равняться 28 зол. 84 дол.

№ 2. Слитокъ въ видѣ плитки, имѣющей очертаніе неправильнаго четырехугольника; одинъ уголь его вытянутъ на подобіе клина, верхняя плоскость слегка вогнута, края обрублены сѣчкой. Вѣсъ = 2 зол. 52 доли.

№ 3. Тоже, въ видѣ 4-угольной плитки, съ боковыми гранями, обрубленными откосно; верхняя плоскость вогнута, нижняя выпукла. Вѣсъ = 2 зол. 21 д.

№ 4. Тоже, въ видѣ плитки, представляющей очертанія неправильнаго пятиугольника; верхняя плоскость слегка вогнутая, нижняя — выпукла; по краямъ примѣтны обрубы сѣчкой. Вѣсъ = 1 зол. 60 дол.

Эти три послѣдніе слитка были доставлены изъ Болгаръ въ разное время.

Б и л я р с к ъ .

№ 5. Большой слитокъ въ видѣ плитки, имѣющей семиугольное очертаніе; одинъ край обрубленъ; на другихъ также замѣтны слѣды сѣчки. Вѣсъ = 53 зол. 12 долей.

Этотъ слитокъ былъ найденъ въ Билярскѣ въ 1880 году, въ видѣ особаго небольшого клада, вмѣстѣ съ тремя нижеслѣдующими. Находчики, желая подѣлить находку, сами разбили его на три куска.

№ 6. Слитокъ въ видѣ неравносторонней восьмиугольной плитки, согнутой желобкомъ. Одинъ его край обрубленъ во всю длину; на другихъ также замѣтны слѣды сѣчки. Вѣсъ = 17 зол. 18 дол.

№ 7. Тоже, въ видѣ плитки, имѣющей овальное очертаніе, съ слѣдами обрубовъ по краямъ и въ одномъ мѣстѣ углубленная выемка, происшедшая при отливкѣ. Вѣсъ = 5 зол. 56 дол.

№ 8. Маленькій слитокъ въ видѣ плитки, имѣющей очертаніе неправильнаго треугольника. Двѣ стороны обрублены, съ третьей же видѣнъ изломъ, можетъ быть, указывающій на то, что этотъ кусокъ отбитъ отъ другаго, бѣльшей величины, слитка. Вѣсъ = 27 дол.

Слитки, доставленные въ разное время:

№ 9. Слитокъ въ видѣ плитки, имѣющей очертанія неправильнаго шестиугольника; всѣ края его обрублены; онъ выгнутъ желобкомъ. Вѣсъ = 6 зол. 9 дол.

№ 10. Тоже, въ видѣ плитки, имѣющей неправильно-шестиугольнаго очертанія; двѣ боковыя грани его обрублены откосно подъ тупымъ угломъ; верхняя плоскость слегка вогнута, нижняя — выпукла. Вѣсъ = 6 зол. 6 дол.

№ 11. Тоже, въ видѣ плоской плитки, имѣющей очертанія неправильнаго пятиугольника, съ боковыми гранями, прямо и рѣзко обрубленными сѣчкой. Вѣсъ = 3 з. 66 д.

№ 12. Тоже, въ видѣ плитки, имѣющей ромбическія очертанія; одна изъ боковыхъ граней обрублена; верхняя плоскость слегка вогнута. Вѣсъ = 3 зол. 48 дол.

№ 13. Тоже, въ видѣ плитки клинообразной формы; самая длинная боковая грань обрублена во всю длину; верхняя плоскость слегка вогнута, нижняя — выпукла. Вѣсъ = 2 зол. 93 доли.

№ 14. Тоже, въ видѣ плитки, имѣющей очертанія параллелоипеда; одна изъ продольныхъ боковыхъ граней обрублена; верхняя плоскость слегка вогнута. Вѣсъ = 1 зол. 36 дол.

№ 15. Тоже, въ видѣ плитки, имѣющей очертанія неправильнаго 4-угольника. Вѣсъ = 84 доли.

Сравнивая между собой вѣсъ, представляемый приведенными слитками, замѣчаемъ и здѣсь нѣкоторую правильность въ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, большой билярскій слитокъ № 5, вѣсящій 53 зол. 12 долей, представляетъ собой здѣсь самый крупный вѣсъ, только на 17 долей превосходящій вѣсъ нашего $\frac{1}{2}$ фунта (= 48 зол.) и слѣдовательно аналогичный съ вѣсомъ бѣлгарской *гривенки*, или „сумъ“ джучидской эпохи. Бѣлгарскій слитокъ (№ 1), вѣсящій 14 зол. 42 доли составляетъ какъ бы

четвертую его часть и если справедлива догадка, что самъ онъ составляетъ только $\frac{1}{2}$ разрубленнаго слитка, то цѣлый такой слитокъ равнялся $\frac{1}{2}$ биларскаго и представлялъ вѣсъ, близкій къ нашей $\frac{1}{4}$ фунта (= 24 зол.), или $\frac{1}{2}$ бѣлгарской гривенки.

Затѣмъ, если мы сравнимъ вѣсъ въ 3-хъ биларскихъ слиткахъ №№ 5, 6 и 7, найденныхъ вмѣстѣ, то получаемъ:

№ 5 = 53 зол. 12 дол.
 № 6 = 17 " 18 "
 № 7 = 5 " 56 "

Второй слитокъ приблизительно представляетъ здѣсь $\frac{1}{3}$ перваго; а третій въ той же пропорціи относится ко второму. № 9 = 6 зол. 9 дол. и № 10 = 6 зол. 6 дол. такъ близки въ вѣсѣ, что ихъ можно считать тождественными; а № 11 = 3 зол. 66 дол. и № 12 = 3 зол. 48 дол., вѣсъ которыхъ также очень сходенъ, могли составлять $\frac{1}{2}$ предыдущихъ.

№ 2 = 2 зол. 52 доли
 № 3 = 2 зол. 21 доля
 № 13 = 2 зол. 93 доли.

также, приблизительно, могутъ считаться тождественными; а

№ 4 = 1 зол. 60 дол. и
 № 14 = 1 зол. 36 дол.

тоже между собой близкіе по вѣсу, могли представлять $\frac{1}{2}$ предыдущихъ; а № 15 = 84 доли, могъ представлять собой $\frac{1}{2}$ ихъ самихъ.

Нельзя не согласиться, что хотя всѣ эти слитки найдены въ разное время, но въ вѣсѣ ихъ замѣтна большая аналогія съ тѣми, которые были найдены въ моемъ биларскомъ кладѣ. Такъ напр. самый большой слитокъ изъ клада, вѣсящій 27 зол. 66 дол. составляетъ какъ бы $\frac{1}{2}$ слитка № 5, вѣсящаго 53 зол. 12 долей. Въ вѣсѣ остальныхъ слитковъ обнаруживается также близкое сходство, за исключеніемъ долеваго различія, которое, вѣроятно, и не соблюдалось съ строгой точностью, будучи уравниваемо общей сложности суммы при торговыхъ сдѣлкахъ на вѣсахъ.

Относительно того, съ какой системой вѣса мы имѣемъ дѣло, въ настоящее время еще опредѣлить невозможно. А ргіогі можно бы заключить, что здѣсь долженъ скрываться арабскій вѣсъ, т.-е. тотъ, который прежде употреблялся въ монетной системѣ. Практическія наблюденія заставляютъ подозрѣвать, что въ вѣсѣ слитковъ заключается нѣчто аналогичное съ вѣсомъ „сумъ“ джучидской эпохи. Разъяснить этотъ вопросъ могло бы только особое тщательное изслѣдованіе предмета, а, между тѣмъ, фактически мы еще не можемъ составить себѣ никакого опредѣленнаго понятія о томъ, какой вѣсъ вообще употреблялся въ здѣшней мѣстности въ древнія времена. Изслѣдованіе вѣса отдѣльно находимыхъ вѣсовыхъ гирь представляетъ такое разнообразіе и такую неправильность въ отношеніи ихъ другъ къ другу и въ сравненіи съ нашимъ вѣсомъ, что невозможно схватить руководящей нити или понять древнюю вѣсовую систему; иногда даже вы расположены думать, что въ употребленіи имѣлись въ краѣ

различныя системы вѣса. Зависѣло ли это различіе отъ эпохъ и народностей, или же въ одну и ту же эпоху одинъ и тотъ же народъ употреблялъ различныя вѣсовыя системы для разныхъ предметовъ, — положительные отвѣты на эти вопросы пока не представляются возможными, тѣмъ болѣе, что для правильнаго и методическаго изслѣдованія еще ощущается недостатокъ въ самомъ матеріалѣ.

Заканчивая на этомъ описаніе клада, считаю необходимымъ коснуться здѣсь вопроса о происхожденіи, встрѣчающагося въ кладахъ серебра въ слиткахъ. Оно, какъ мы видѣли, встрѣчается съ такими издѣліями, которыя имѣютъ весьма близкое сходство съ тѣми, которыя находятъ съ арабскими монетами и азіатское происхожденіе которыхъ уже установлено въ наукѣ.

Не представляютъ ли эти слитки разгадку происхожденія знаменитаго и загадочнаго „закамскаго серебра“, о которомъ неоднократно упоминается въ Новгородскихъ лѣтописяхъ. Но для того, чтобы въ этомъ убѣдиться, необходимо прослѣдить въ кладахъ переходъ этихъ слитковъ за предѣлы Волжской Булгаріи, по направленію къ Великому Новгороду. Къ сожалѣнію, статистика такихъ кладовъ до сего времени оставалась въ полномъ пренебреженіи и намъ ничего неизвѣстно о находкахъ подобныхъ кладовъ внѣ предѣловъ волжско-камскаго края.

Если диргемы, привозимые торговцами въ Волжскую Булгарію большими массами и отсюда передававшіеся черезъ Новгородъ на побережья Балтійскаго моря, на всемъ этомъ пространствѣ исполняли роль не только товара, но и мѣстной ходячей монеты, то съ прекращеніемъ привоза арабскихъ монетъ что могло ихъ замѣнить? Замѣнили ихъ для Новгорода и нѣкоторыхъ мѣстностей западной и юго-западной Россіи — *европейскія* деньги, отчасти уже встрѣчавшіеся въ кладахъ съ арабскими диргемами въ X вѣкѣ; но для всего волжско-камскаго края не было никакой другой замѣны кромѣ слитковъ, ибо европейскія монеты не заходили въ столь отдаленные края. Попытка же болгарскихъ властелиновъ Талеба и Мумена въ X вѣкѣ чеканить свою монету не имѣла успѣха, ибо въ кладахъ съ арабскими деньгами было открыто такихъ монетъ весьма ограниченное число и онѣ представляютъ собой величайшую рѣдкость*).

Между тѣмъ прозванія, которыя придаютъ наши лѣтописцы волжскимъ Булгарамъ, послужили поводомъ къ недоразумѣнію и заставили нѣкоторыхъ ученыхъ изслѣдователей придти къ неправдоподобнымъ заключеніямъ и догадкамъ. Такъ, во второй половинѣ XII вѣка, именно подъ 1183 годомъ, въ русскихъ лѣтописяхъ появляется имя Булгаровъ съ эпитетомъ *нукратныхъ*, или *серебряныхъ*. Авторъ статьи о Булгарахъ въ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара**) высказалъ соображеніе, что прозваніе *нукратныхъ*, или *серебряныхъ* Булгары получили оттого, что „какъ видно, жили по Камѣ, вѣроятно, по близости какихъ-нибудь *серебряныхъ рудниковъ*“. Другой ученый изслѣдователь высказался еще болѣе категорично. Стараясь разяснить причины прекращенія вывоза изъ Средней Азіи арабскихъ диргемовъ, онъ весьма справедливо указываетъ на большія смуты, происходившія въ Средней Азіи при распаденіи державы

*) C. M. Frœhn. Ueber drei Münzen der Wolga-Bulgaren; Mem. de l'Acad. VI serie, sc. polit

**) T. VII, стр. 300. В. В. Григорьевъ „Россія и Азія“. 1876. Спб. стр. 91.

Саманидовъ и междуособій въ Персіи, у Буидовъ, и въ заключеніе говоритъ, что когда снова настало спокойствіе и возобновились торговья сношенія... „серебряныхъ денегъ не требовалось болѣе изъ Средней Азіи: Россія пріобрѣтала ихъ себѣ изъ рудниковъ Югорской земли и отъ Закамскихъ Булгаръ, которые поэтому и получили у насъ тогда названіе „Серебряныхъ“, или „Нукратныхъ“ *). Но въ этомъ мнѣніи разомъ затрогивается нѣсколько вопросовъ и понятіе о серебрѣ, какъ сыромъ металлѣ, смѣшано съ понятіемъ о *деньгахъ*, какъ чеканеной монетѣ.

Конечно, въ XI столѣтіи появляются уже златники и серебряники Великихъ князей Владиміра и Ярослава, но не въ такомъ количествѣ, чтобы можно было имъ приписывать такое распространеніе, какое имѣли арабскіе диргеми; съ XII-го же столѣтія до послѣдней четверти XIV-го и совершенно прекращается движеніе русскихъ денегъ. Что же касается до Булгаровъ Волжскихъ, то если они въ прежнее время передавали въ Россію звонкую арабскую монету, то и сами ею пользовались, не имѣя другой въ своей странѣ. Выше было указано, что попытка, сдѣланная въ X столѣтіи чеканить свою монету, осталась безуспѣшной и не повторялась до самаго прекращенія ввоза арабскихъ денегъ; когда же это случилось, то они остались безъ всякой чеканеной монеты. Какъ же могли они снабжать Россію тѣмъ, чего сами не имѣли? Что же касается до соображенія о какихъ-то серебряныхъ рудникахъ, *лежавшихъ идѣ-то на Камѣ*, то до сихъ поръ, пасколько извѣстно, нигдѣ, въ предѣлахъ прежней Волжской Булгаріи не открыто никакихъ слѣдовъ мѣсторожденія серебряной руды и ея древней разработки. Правда, что благодаря своему торговому значенію Волжская Булгарія всегда слыла у русскихъ страной богатой и привольной. Уже во времена в. к. Владиміра все болгарское войско было обуто въ сапоги, — фактъ до такой степени поразившій полководца Добрыню, что онъ предложилъ Владиміру идти искать лучше *лапотниковъ*, ибо: „сглядахъ колодникъ, оже суть вси въ саповѣхъ: симъ дани намъ не даяти“ **). Кромѣ разныхъ видовъ промышленности, въ Булгаріи процвѣтало и земледѣліе въ такихъ размѣрахъ, что въ случаѣ неурожая хлѣба въ Россіи, за нимъ посылали въ Булгарію и привозили по Волгѣ ***); но несмотря на все это прозваніе Булгаровъ *серебряными*, или *нукратными* можетъ быть вовсе не зависѣло отъ ихъ богатства.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что наши лѣтописи въ географическихъ указа- нійхъ представляютъ не мало темныхъ мѣстъ, и въ этнографическихъ понятіяхъ о на- родностяхъ иногда довольно спутаны. Прозвище Булгаровъ *серебряными*, или *нукрат- ными* упоминается не во всѣхъ спискахъ: такъ напр. въ главномъ, Лаврентьевскомъ, списокѣ его нѣтъ. Поэтому можно думать, что это прозвище не придавали себѣ *сами* Булгары, а оно было почему-то присвоено имъ Русскими. Если допустить, что такое прозваніе Булгаровъ не было исключительно выдумкой переписчиковъ лѣтописей, а существовало у русскихъ дѣйствительно, то, прежде всего, кажется, слѣдовало бы опредѣлить, какой смыслъ имѣло это прозваніе: общій для всѣхъ Волжскихъ Булга- ровъ, или же только частный, по отношенію къ одному только племени, или

*) П. С. Савельевъ, „Мухаммеданская Нумизматика“. 1846. Спб. стр. ССIV.

***) П. С. Р. Л. т. I, стр. 36.

***) *ibidem*, стр. 64 .

мѣстности, гдѣ оно обитало: „землѣ серебряныхъ Булгаровъ“, гдѣ былъ „Великій городъ“*).

Извѣстно, что въ древнія времена, какъ и въ средніе вѣка, было въ большемъ обыкновеніи прилагать къ народамъ географическія, или топографическія прозвища, не содержащія никакихъ этническихъ указаній. Такъ напр. народъ, жившій по побережьямъ какой-нибудь рѣки, получалъ прозваніе по имени этой рѣки и подѣ этимъ именемъ является на страницахъ исторіи; но позднѣе, переходя и селясь по берегамъ другой рѣки, или близъ какого-нибудь урочища, оно получаетъ отъ нихъ новое имя и подѣ этимъ новымъ именемъ опять появляется въ исторіи. Такъ напр. самое народное имя Булгаровъ передѣлывалось иногда въ *Вомарей*, на томъ основаніи, что народъ этотъ обиталъ по р. Волгѣ**).

Если прозваніе *серебряные*, или *нукратскіе* имѣло смыслъ общій, то не могло ли оно у Русскихъ произойти отъ обычая болгарскихъ женщинъ носить на себѣ въ видѣ украшенія, серебряныя деньги, какъ это и теперь еще въ употребленіи у нашихъ инородцевъ? — Чуваши и нынѣ подѣ словомъ *нукратъ* разумѣютъ серебряныя деньги***).

Но если упомянутое прозваніе относилось только къ одной части населенія Великой Булгаріи, именно той, которая въ нашей древней географіи слыла за „землю серебряныхъ Болгаровъ“, то мы могли бы ее найти, опредѣливъ мѣстоположеніе „Великаго города“, который по сказанію лѣтописца, находился въ этой странѣ. Но здѣсь, представляется непреодолимая трудность: всѣ попытки разяснить непроницаемый мракъ нашихъ лѣтописныхъ сказаній оказываются тщетными. Дѣло въ томъ, что „Великій городъ“ было только русское прозвище, какъ и нѣкоторыя другія, вовсе неизвѣстныя самимъ Булгарамъ. Такія названія, будучи совершенно произвольными не сохранились въ мѣстныхъ топографическихъ наименованіяхъ Волжской Булгаріи. Именемъ „Великаго города“ вѣроятно Русскіе обозначали *главный* городъ Волжскихъ Булгаровъ, который былъ больше и значительнѣе всѣхъ другихъ городовъ страны; но рѣшить въ настоящее время, который изъ прежнихъ городовъ этой страны былъ извѣстенъ у Русскихъ подѣ упомянутымъ именемъ, весьма трудно. По обширности и торговому значенію въ Волжской Булгаріи было только два города, которымъ могло быть присвоено прозваніе *великихъ*, это — Булгаръ и Биляръ. О важной роли, которую они нѣкогда играли, свидѣтельствуютъ теперешнія ихъ развалины и находки предметовъ древняго быта. Карамзинъ, принимая во вниманіе обширность и важность въ торговомъ значеніи историческаго города Булгара на Волгѣ, полагалъ, что подѣ „Великимъ градомъ“ лѣтописей слѣдуетъ понимать именно этотъ городъ, мѣсто развалинъ котораго занимаетъ нынѣ село Успенское-Болгары****). Это мнѣніе представляется тѣмъ болѣе справедливымъ, что число и размѣры еще оставшихся здѣсь въ то время, въ видѣ развалинъ, каменныхъ построекъ наглядно свидѣтельствовалъ о прежнемъ богатствѣ и значительныхъ размѣрахъ пространства земли, которое занималъ древній

*) Ипат. лѣт. стр. 125, 126. П. С. Р. Л. т. II.

**) См. „Житія Святыхъ“, авг. 1-е число. Тоже у польскихъ историковъ: Стрыйковскаго, Гваньини, Длугоша, Сестренцевича.

***) В. Сбоевъ, „Чуваши“, стр. 169.

****) Ист. Гос. Рос. т. V, прим. 176. Авторъ указываетъ также на то, что въ Троицк. лѣт. говорится: „взаша градъ *Вомары*“.

городъ. Но академикъ Х. Д. Френъ*) и за нимъ проф. Эрдманъ**) находили, что лѣтописное сказаніе могло быть приложимо и къ городу Биляру, такъ какъ въ лѣтописи говорится, что на пути къ „Великому городу“ русскія войска перешли *Черемшанъ*, а Биляръ, на городищѣ котораго стоитъ нынѣ пригородъ Билярскъ, находился неподалеку отъ рѣки Малый Черемшанъ. Однакоже въ отношеніи значительности каменныхъ построекъ и размѣровъ пространства, занимаемаго городищемъ, городъ Биляръ, повидимому, уступалъ Булгару.

По объясненію ориенталистовъ слова *Бумаръ* и *Буляръ*, или *Биляръ* представляютъ въ сущности одно и то же наименованіе лишь съ небольшимъ звуковымъ различіемъ въ произношеніи сѣвернаго и южнаго діалекта***). Самое народное имя Булгаровъ у нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей, напр. у Платона-Карпини, пишется *Билеры*, или *Билеры*.

Если бы мы вздумали обратиться за разъясненіемъ происхожденія прозванія Булгаровъ *серебряными* или *нохратскими* къ мѣстнымъ топографическимъ названіямъ, то конечно, въ отношеніи наибольшей древности таковыхъ, слѣдуетъ предпочитать тѣ, которыя еще сохраняютъ свое тюркское происхожденіе, ибо всѣ русскія названія, безъ сомнѣнія, должны были возникнуть здѣсь гораздо позднѣе, послѣ монголо-татарской эпохи, когда страна была окончательно присоединена къ государству Московскому.

Славянскій элементъ, который прежде думали находить у Булгаровъ Волжскихъ, представляется настолько проблематичнымъ, что необходимо вызываетъ скептическое къ нему отношеніе. Археологическія открытія вовсе его не подтверждаютъ и, напротивъ, новѣйшія лингвистическія изслѣдованія доказываютъ, что Булгары говорили тюркскимъ языкомъ, очень родственнымъ съ чувашскимъ діалектомъ. Это обстоятельство позволяетъ думать, что сами Булгары говорили тоже чувашскимъ языкомъ, но въ той древней его формѣ, въ которой онъ является въ надписяхъ надгробій.

Обращаясь къ мѣстнымъ топографическимъ именамъ, мы находимъ въ мѣстности, гдѣ стоялъ нѣкогда городъ Булгаръ, названія рѣчекъ Меленки и Болгарки, кромѣ которыхъ здѣсь же есть еще рѣчка *Нохратка*, текущая нѣсколько южнѣе теперешнихъ развалинъ города Булгара****). Принимая во вниманіе тюркское происхожденіе наименованія этой послѣдней рѣчки, не слѣдуетъ ли допустить, что въ XII вѣкѣ, когда въ нашихъ лѣтописяхъ появляется упоминаніе о Булгарахъ *нукратныхъ*, или *нохратскихъ*, названіе рѣчки *Нохратки* близъ Булгара уже существовало? — *Нукратъ* есть слово арабское, означающее серебро, принятое какъ въ татарскомъ, такъ и въ чувашскомъ языкахъ. Нельзя ли думать, что прозваніе Булгаровъ *нукратскими*, или *нохратскими* произошло отъ имени этой рѣчки, близъ которой они жили? — Въ такомъ случаѣ прозваніе Булгаровъ *серебряными*, упоминаемыми въ Ипат. Лѣт. должно признать синонимомъ тѣхъ же Булгаровъ, жившихъ при рѣчкѣ Нохраткѣ, только прозвище ихъ,

*) Fundgruben des Orients; T. V.

**) Beiträge für Kenntniss des Inneren von Russlands.

***) Энци. Лекс. т. V, стр. 845; ср. также т. VI, стр. 248.

****) Списки насел. мѣстъ и пр. XIV Казан. губ. стр. XXIX—XXX.

по произволу лѣтописца или переписчика, было передано по-русски. Если принять такое объясненіе, то и прозваніе „Великій городъ“, который по словамъ Ипат. Лѣт. находился въ „землѣ серебряныхъ Болгаровъ“, должно относить именно къ городу Булгару.

Но, въ древней географіи страны, которую занимала Великая Булгарія, замѣчается странный фактъ, именно: существованіе двухъ большихъ городовъ, носящихъ одно и то же имя, потому что, какъ выше было объяснено, имена Булгаръ и Буляръ или Биляръ — синонимы. Кажущееся различіе въ именахъ зависитъ единственно отъ выговора. Это сходство въ названіяхъ замѣчается однакоже не только въ именахъ городовъ, но оно простирается также и на имена топографическія, существующія въ мѣстностяхъ обоихъ городовъ. Въ VI томѣ „Извѣстій“ Имп. Арх. Общ. помѣщенъ старинный планъ пригорода Билярска, снятый въ уменьшенномъ видѣ съ плана, хранящагося въ архивѣ инженернаго управленія. На этомъ планѣ значатся три рѣчки: Билярка, *Серебрянка* и Голшанка. Двѣ первыя около нынѣшняго пригорода Билярска сливаются вмѣстѣ и за тѣмъ уже, нѣсколько дальше, впадаютъ въ Малый Черемшанъ. Намъ кажется, что наименованіе рѣчки *Серебрянки* не могло еще существовать здѣсь въ XII вѣкѣ и есть не болѣе, какъ позднѣйшій русскій переводъ другаго, древняго названія, которое было дано рѣчкѣ самими Булгарами и, конечно, было тоже *нохратъ*, какъ и той рѣчки близъ гор. Булгара. Въ такомъ случаѣ Булгарами *нохратскими*, или *серебряными* могли прозываться у русскихъ Булгары, жившіе въ обоихъ городахъ: Булгарѣ и Билярѣ и, слѣдовательно, этотъ эпитетъ былъ общимъ для всѣхъ Волжскихъ Болгаровъ.

Но какимъ образомъ могло случиться такое обстоятельство, что двумъ самымъ значительнымъ городамъ въ странѣ было дано одинаковое названіе и что послужило къ тому побудительной причиной?

Можно предполагать, что въ болѣе или менѣе далекія времена случилось въ странѣ событіе, вызвавшее переселеніе Волжскихъ Болгаровъ съ одного мѣста на другое. Восточные авторы въ странѣ Болгаровъ знаютъ только одинъ городъ *Бумаръ*, близъ рѣки *Итиля* (Волги), знаменитый международный рынокъ. Русскія лѣтописи ни Булгара, ни Биляра не упоминаютъ, но знаютъ „Великій городъ“. — Въ первой половинѣ X вѣка (въ 922 году) Ахмедъ Ибнъ-Фодланъ посѣтилъ съ халифскимъ посольствомъ гор. *Бумаръ*, близъ рѣки *Итиля* (Волги) и увѣковѣчилъ свое посѣщеніе извѣстнымъ описаніемъ страны, извлеченнымъ академикомъ Х. Д. Френомъ изъ „Географическаго Словаря“ Якута и изданномъ въ нѣмецкомъ переводѣ.

Принятіе ислама булгарскимъ царемъ Алмой, сыномъ Шелки, повело за собою официальное присоединеніе страны Великой Булгаріи къ Восточному Халифату, съ которымъ, вслѣдствіе того, завязались сношенія и изъ Багдада въ Булгаръ были вызваны архитекторы и техники для постройки каменныхъ зданій. Безъ сомнѣнія и другіе мастера всякаго рода наѣзжали въ Булгарію оттуда, ибо это время было эпохой высшаго благосостоянія царства Волжской Булгаріи. Къ этой же эпохѣ должно относить и попытки булгарскихъ властителей чеканить свою монету по образцу куфическихъ диргемовъ Саманидовъ. Такія монеты были открыты академикомъ Х. Д. Френомъ, въ кладахъ

съ арабскими диргемами и содержали имена болгарскихъ царей Талеба и Мумена, сыновей Ахмедовыхъ, внуковъ царя Алмы. Монета Талеба чеканена въ 338 году гижры (= 949—950 хр. л.); монеты же его брата Мумена отбиты въ 366 г.г. (= 976 хр. л.)*).

Вторая половина X столѣтія ознаменовалась для Булгаровъ тягостными войнами съ Руссами и совершеннымъ разрушеніемъ города Булгара въ 968—969 году, какъ о томъ сообщаетъ Ибнъ-Хаукаль, по словамъ котораго „жители отъ страха разбѣжались и жили по окрестнымъ мѣстамъ въ надеждѣ когданибудь, съ дозволенія Руссовъ, завладѣвшихъ ихъ страню (т.-е. городомъ Булгаромъ близъ Волги) возвратиться къ своимъ очагамъ“**) — это былъ тотъ походъ в. к. Святослава, о которомъ въ лѣтописи Нестора сообщается краткое извѣстіе; но нашъ лѣтописецъ относитъ его къ 965 году***).

Можно думать, что именно эта катастрофа, постигшая городъ Булгаръ, и вызвала перенесеніе болгарской столицы въ городъ Биляръ. Мы не знаемъ, какое имя этотъ послѣдній носилъ до того времени; но весьма вѣроятно, что значеніе *города* онъ имѣлъ уже и ранѣе, до болгарской эпохи, будучи обитаемъ финскими поколѣніями, ибо въ почвѣ билярскаго городища попадаются памятники быта, относящіеся напр. къ цивилизаціи бронзоваго періода. Въ торговомъ отношеніи мѣстность, занимаемая городомъ, тоже могла имѣть значеніе, не многимъ уступавшее значенію города Булгара, ибо рѣка Малый Черемшанъ впадаетъ въ Волгу. Соображая годовыя даты историческихъ извѣстій съ датами на монетахъ болгарскихъ государей, можно полагать, что раззореніе Булгара Руссами при в. к. Святославѣ, случилось во время царствованія Мумена, который, перенеся свою столицу на новый пунктъ, назвалъ городъ тоже Булгаромъ и мѣстныя топографическія названія измѣнилъ сообразно съ тѣми, какія находились при Булгарѣ на Волгѣ. Конечно и монета его, чеканеная въ городѣ Булгарѣ въ 976 г., была выбита въ этомъ новомъ Булгарѣ, ибо едвали онъ успѣлъ снова возвратиться и возобновить изъ пепелища Булгаръ — на Волгѣ, ранѣе войны съ в. к. Владиміромъ, происходившей въ 985 году, когда при заключеніи мира Булгары дали знаменитую клятву, записанную нашимъ лѣтописцемъ: „толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонуть“****).

Со времени возникновенія новаго Булгара, имя это осталось за нимъ навсегда; но для различія отъ Булгара на Волгѣ, провозносилось Буляръ, или Биляръ. Благодаря тому обстоятельству, что онъ сдѣлался временной столицей гор. Биляръ долженъ былъ выиграть во всѣхъ отношеніяхъ такъ, что на долгое время оставался большимъ и богатымъ городомъ. Въ качествѣ такового онъ не только просуществовалъ всю болгарскую эпоху, но и при Джучидахъ игралъ не послѣднюю роль, ибо встрѣчаются изъ этой эпохи монеты съ именемъ гор. Биляра, сходныя по типу съ таковыми же монетами, чеканеными въ гор. Булгарѣ.

*) Ueber drei Münzen der Wolga-Bulgaren. Mém. de l'Acad. VI série, n. polit. T. I.

**) Charmoy, „Relations de Mas'oudy“, p. 323, 324.

***) П. С. Р. Л. т. I, стр. 27.

****) П. С. Р. Л. т. I, стр. 36.

Очень можетъ быть, что тождественность въ названіи новой резиденціи болгарскихъ Меликовъ, или царей, съ старой, разрушенной Руссами, была обусловлена не одними чувствами патриотизма и привязанности къ своему старому городу, но также и необходимостью, вызванной громкой извѣстностью города Булгара и всемірной славой его, какъ международнаго рынка. Понятіе объ этомъ рынкѣ въ воображеніи азіатскихъ купцовъ такъ тѣсно сливалось съ именемъ города Булгара, что, перенося временно этотъ рынокъ въ другое мѣсто, требовалось дать ему имя гор. Булгара, чтобы не возбудить недоувѣріе въ чужестранныхъ торговцахъ. Для каравановъ, приходившихъ сухопутно изъ Джорджаніи (Хивы) перемѣна столицы немногимъ удлиняла путь. Для товаровъ, привозимыхъ водой, снизу, по Волгѣ, приходилось нѣсколько дольше подниматься вверхъ къ устью Малаго Черемшана; но вѣроятно, по необходимости, мирились съ этими неудобствами и торговля Булгаровъ съ Азіей не прерывалась въ это время на значительный интервалъ: по крайней мѣрѣ арабскія деньги въ кладахъ не представляютъ намъ на то указаній. Въ кладахъ съ арабскими деньгами встрѣчаются куфическіе диргемы почти въ непрерывномъ рядѣ съ 669 по 1012 годъ и лишь съ этого времени совершенно прекращается привозъ этихъ денегъ. — Что же означаетъ это обстоятельство? — Указываетъ ли оно на совершенное прекращеніе торговыхъ сношеній съ Волжской Булгаріей, или только на перемѣну, происшедшую въ самыхъ основаніяхъ этой торговли? — Въ дѣйствительности торговля не прекращалась, ибо въ кладахъ все также продолжаютъ встрѣчаться восточныя издѣлія, въ видѣ драгоценныхъ предметовъ убранства изъ золота и серебра. Кромѣ того, мы имѣемъ еще историческое свидѣтельство Идриси, писателя половины XII вѣка, который сообщаетъ свѣдѣнія о современной ему торговлѣ Итиля, откуда вывозились тогда мѣха бобровые и лисья, соленая рыба, мѣдная и глиняная посуда: котлы и горшки*). Итиль, въ то время, былъ только станціей торговли Булгаровъ съ Азіей. Но денегъ въ кладахъ съ восточными издѣліями болѣе уже не встрѣчается и вмѣсто ихъ клады содержатъ, какъ о томъ выше упоминалось, различнаго вида и величины слитки серебра.

Рудники Югорской земли, откуда Россія якобы пріобрѣтала въ то время для себя серебро, представляются совершенно мѣщическими. По изслѣдованіямъ Лерберга, а за нимъ Клапрота и Кастрена, область древней Югры лежала на восточномъ склонѣ Урала, и въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, доступъ въ эту страну былъ весьма затруднителенъ. Изъ извѣстнаго разсказа Новгородца Гюраты Роговича, записаннаго нашимъ лѣтописцемъ и относящагося къ 1092 году, видно, что Новгородцы проникли въ Югру лишь въ концѣ XI вѣка и вымѣнивали тамъ на желѣзо *скору* т.-е. мѣха, или „пушной товаръ“, а не серебро**). Всѣ историческія извѣстія напротивъ, удостоверяютъ въ томъ, что Россія до новѣйшихъ временъ не имѣла своего серебра и должна была довольствоваться иноземнымъ, получая его черезъ Новгородъ. Начиная съ конца XV вѣка бывали попытки искать серебряную руду на Уралѣ***). Но попытки эти не сопровождались какими-либо блестящими результатами, ибо и въ XVII вѣкѣ, въ царствованіе

*) Géographie d'Edrici; éd. Jaubert, II, 407.

***) П. С. Р. Л. т. I, стр. 107.

***) П. С. Р. Л. т. VIII, стр. 223.

Алексѣя Михайловича, для чеканки русской монеты должны были перечеканивать иностранную монету; но для облегченія задачи нашли возможность ставить на ней только клейма и такъ выпускать въ обращеніе*). Изъ того же времени есть одинъ весьма любопытный историческій документъ, свидѣтельствующій о томъ, что правительству было извѣстно о случаяхъ находокъ въ Сибири и на Уралѣ драгоцѣнныхъ древнихъ бытовыхъ предметовъ изъ золота и серебра и по этому поводу повелѣвалось собирать мѣстные свѣдѣнія о происхожденіи этихъ предметовъ съ цѣлью открытія мѣстныхъ мѣсторожденій рудъ драгоцѣнныхъ металловъ. Изъ документа видно, насколько удачно исполнялись правительственныя распоряженія и насколько точные и обстоятельные получались отвѣты. Въ 1669 году по поводу того, что „въ Тобольскомъ уѣздѣ около р. Исети и по окружности оной русскіе люди въ татарскихъ (чудскихъ?) могилахъ, или кладбищахъ выкапываютъ золотыя и серебряныя всякія вещи и посуду... велѣно взять извѣстія, откуда тѣ Татары въ прежнія лѣта такое золото и серебро получали, или изъ котораго государства оное къ нимъ привожено было?“ „На то въ отвѣтствіе Далматскаго монастыря отъ старца, именемъ Лота объявлено, что отъ Башкирцевъ увѣдомился, въ уфимскомъ-де дистриктѣ за каменными горами при устьяхъ рѣкъ Уфы, Гадаи и Яика, въ горахъ безчисленное сокровище золотыхъ и серебряныхъ рудъ обрѣтается и въ прежнія де времена старинные сибирскіе Татары и Калмыки изъ тѣхъ горъ золотую и серебряную руду добывали и плавилы, что де и нынѣ тѣ признаки плавильныхъ печей и копаныхъ ямъ видны“.

...Далѣе высказывается догадка: „ежелибъ въ древнихъ лѣтахъ въ тамошнихъ мѣстахъ никакой золотой и серебряной руды найдено не было, то бѣ онымъ людямъ (Чюдамъ) и Татарамъ такого золота и серебра получать было не откуда и ниже чтобъ изъ другихъ земель къ нимъ привожено было“**). Самыя вещи изъ золота и серебра, находились въ кладахъ, въ документѣ считаются за работу тѣхъ же Чюдовъ, которые разрабатывали руды. Конечно въ этихъ свѣдѣніяхъ нѣтъ ничего авторитетнаго: это просто отголосокъ легендарнаго преданія о богатствѣ древней Чуди. Здѣсь идетъ не совсѣмъ связанная рѣчь о чудскихъ могилахъ и о чудскихъ копяхъ на Уралѣ. Драгоцѣнныя издѣлія принимаются за работу самихъ Чюдовъ на томъ основаніи, что привозить ихъ будто бы было не откуда. Официальная попытка провѣрки содержащихся въ этомъ документѣ слуховъ о мѣстонахожденіи золотоносныхъ и сереброносныхъ рудъ осталась кажется безъ результата, ибо въ 1708 году на этотъ документъ снова было обращено вниманіе.

Такимъ образомъ не представляется рѣшительно никакихъ основаній къ тому, чтобы утверждать, что привозъ въ Волжскую Булгарію арабскихъ денегъ прекратился потому, что Русскіе въ нихъ больше не нуждались. Ни о какихъ рудникахъ Югорской земли ничего достовѣрно не извѣстно; а у Волжскихъ Булгаровъ тоже не было своего серебра, ибо въ прежнихъ ихъ владѣніяхъ до сихъ поръ еще не открыто никакихъ слѣдовъ мѣсторожденія и разработки серебряной руды. Что касается до разработки

*) Н. И. Костомарова. Очеркъ торг. Моск. Гос. 1862 г.

**) Извѣстія Имп. Арх. Общ. т. V, стр. 38—40. Сообщение П. П. Пекарскаго: „Извѣстіе временъ царя Алексѣя Михайловича о золотыхъ и серебряныхъ вещахъ, попадавшихся въ татарскихъ могилахъ въ Сибири“.

руды въ горахъ Урала, то одинъ изъ новѣйшихъ историковъ пермскаго края, самъ пермскій уроженецъ, недавно высказался совершенно категорически относительно интересующаго насъ предмета. „Мѣстные металлы стали вывозить съ Урала гораздо позже, при чемъ именно серебромъ Уралъ никогда не былъ богатъ“*).

Изъ всего этого слѣдуетъ, что прекращеніе привоза изъ Азіи восточной монеты имѣло совершенно другія причины. Можетъ быть потому азіатскіе торговцы перестали привозить чеканеную монету, что въ это время стали ее вообще мало чеканить и было трудно ее доставать, или же послѣдовало формальное запрещеніе вывозить динары. Сами же торговцы уже давно имѣли возможность убѣдиться, что въ странахъ, гдѣ могли ходить въ обращеніи обломки диргемовъ, сама монета вовсе не имѣла значенія денежнаго знака и не представляла собою опредѣленной монетной единицы. Въ странахъ, гдѣ жители были не знакомы съ арабскимъ языкомъ, выбитыя на диргемахъ надписи не имѣли никакого значенія и принимались не болѣе, какъ за своеобразный орнаментъ. Оттого и сами монеты часто употреблялись для убранства женскихъ нарядовъ. Главное значеніе въ монетѣ имѣлъ металлъ, изъ котораго она была сдѣлана, ибо при торговыхъ сдѣлкахъ монету взвѣшивали на вѣсахъ. При такихъ условіяхъ было не трудно замѣнить чеканеную монету, просто металломъ, въ сыромъ видѣ, т.-е. различной величины слитками и кусочками серебра. Мы уже излагали выше наше мнѣніе объ этомъ предметѣ и думаемъ, что за различными серебряными слитками, находимыми въ кладахъ, вмѣстѣ съ драгоценными издѣліями изъ золота и серебра, слѣдуетъ признать иноземное, азіатское происхожденіе. Это представляется тѣмъ натуральнѣе, что драгоценные предметы убранства уже признаны наукой за иноземныя азіатскія издѣлія; а серебра мѣстнаго, туземнаго происхожденія, ни въ Волжской Булгаріи, ни въ Россіи тогда не было. Но если слитки изъ серебра замѣнили въ торговыхъ сдѣлкахъ звонкую монету, то представляется совершенно логичной мысль, что они должны были, если не вполне, то въ извѣстной степени, имѣть и монетное, или денежное значеніе, т.-е. что при изготовленіи слитковъ была принята какая-нибудь система. Когда такая роль установилась за серебряными слитками, то конечно въ звонкой монетѣ уже не было болѣе необходимости.

*) А. Дмитриевъ, „Пермская Старина“ 1889, стр. 35. Ср. также Д. Сибиряка, „Старая Пермь“, въ Вѣст. Евр. Юль 1889, кн. 7, стр. 87.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Статью А. Ф. Лихачева считаемъ необходимымъ дополнить краткими указаніями о двухъ кладахъ, найденныхъ въ описываемой имъ мѣстности, изъ которыхъ въ особенности замѣчательнъ первый, принадлежащій казанскому любителю древностей В. И. Заусайлову, который любезно дозволилъ намъ срисовать его рубль и издать его вѣстѣ съ сосудомъ, въ которомъ найденъ весь кладъ.

Рубль этотъ найденъ случайно крестьянами дер. Атряево, Тетюшскаго уѣзда, Казанской губ., при обработкѣ поля. Найдено ихъ было много, въ двухъ глиняныхъ сосудахъ. Вся находка продана пробѣжному купцу-татарину за 700 руб.; только оба сосуда и изображенный здѣсь рубль были доставлены въ Казань и приобрѣтены частью Заусайловымъ и частью проф. Н. Ф. Высоцкимъ (одинъ сосудъ). Оба сосуда совер-

шенно одинаковы и украшены какъ видно орнаментомъ и человѣческими изображеніями, расположенныхъ въ двухъ-вершковомъ разстояніи одинъ отъ другаго, при чемъ одно — величиною въ $2\frac{1}{2}$ вершка воспроизведено рельефно, а другое — въ 1 верш., награвировано весьма слабо вглубь. Имѣютъ они въ вышину $5\frac{1}{2}$ вершковъ, въ верхнемъ же діаметрѣ 4 вершка.

Воспроизводимый рубль вылитъ изъ чистаго серебра, вѣситъ $47\frac{3}{4}$ золотн. и воспроизводится въ настоящемъ размѣрѣ, со всѣми подробностями и изъянами, которые имѣются на оригиналѣ.

Другой кладъ найденъ также случайно въ 1882 г. въ дер. Ташкирменъ, близъ самаго поселка, въ Лаишевскомъ уѣздѣ, и одинъ изъ найденныхъ рублей, обыкновеннаго новгородскаго типа, вѣсомъ въ 48 зол., хранится нынѣ въ Музеѣ Орловской Архивной Комиссіи.

Тюрсельскія раскопки

(неосновательность теоріи о „корабельныхъ могилахъ“
въ прибалтійскомъ краѣ).

П. А. Висковатова.

Версть 25 отъ Нарвы, близъ излюбленнаго дачниками мѣста *Силламяги*, на возвышеніи, съ котораго открывается широкій видъ на море, оказалась древняя могила. Давно шли слухи о какомъ-то кладѣ, зарытомъ въ тѣхъ мѣстахъ, о старинномъ исчезнувшемъ замкѣ и монастырѣ. Владѣтель имѣнія *Тюрсель*, разбогатѣвшій эстонецъ земледѣлецъ, даже хранилъ записи о таинственномъ погребѣ, хранящемъ сокровища. Поиски за этими сокровищами натолкнули рабочихъ на названную могилу, и сынъ помѣщика принесъ мнѣ нѣсколько найденныхъ предметовъ, которыя оказались бронзовыми фибулами и браслетами. Поразспросивъ нашедшихъ ихъ и осмотрѣвъ мѣстность, я не сомнѣвался, что здѣсь находится одна изъ такъ называемыхъ „корабельныхъ могилъ“, открытіе коихъ сдѣлано лѣтъ за двадцать въ Лифляндіи. Съ тѣхъ поръ ихъ открыто болѣе 30, но въ Эстляндской губерніи онѣ были еще неизвѣстны.

Я порѣшилъ изслѣдовать могилу. Шоссе изъ Петербурга въ Ревель проходитъ въ 4-хъ шагахъ отъ возвышенія, на коемъ разбросанные въ безпорядкѣ камни свидѣтельствовали о недавнихъ раскопкахъ. Дорога въ этомъ мѣстѣ поворачиваетъ, пересѣкая лѣтомъ вполне высохавшій старый ручей, скопляющій остатки водъ своихъ у самаго подножья холма съ могилою. Нѣтъ сомнѣнія, что при постройкѣ шоссе и верхній слой могилы и камни, часто по Прибалтійскому побережью окаймляющіе контуры могилъ, были сброшены для пополненія выемки пролегавшаго шоссе. По другую сторону его, въ ложбинѣ засохшаго ручья, еще видны скатившіеся валуны. Искатели клада въ конецъ испортили контуры могилы, и вся она была стѣснена запаханымъ полемъ. Одно казалось несомнѣннымъ — это продолговатая ея форма и расположеніе отъ запада къ востоку. Въ этомъ-то направленіи я повелъ и свои раскопки.

Почва всей мѣстности въ высшей степени камениста; заступомъ нечего было дѣлать; приходилось работать ломомъ да киркою, медленно, осмотрительно, выгребая

руками землю между плитъ и камней. Впрочемъ, приходилось рыть не глубоко: на $\frac{1}{2}$ фута подъ камнями или слоемъ дерна показались кости; слой залежей ихъ и бронзовыхъ вещей не превышалъ двухъ съ небольшимъ футовъ.

Костей жженныхъ и нежженныхъ, пепла, угля, изломанныхъ и расплавленныхъ вещей было множество. Я даже подумалъ что наткнулся на такъ называемую „чумную яму“, куда, во время страшныхъ эпидемій въ XV и XVI вѣкѣ, сваливали сжигаемые на огромныхъ кострахъ трупы мужчинъ, женщинъ и дѣтей цѣлыхъ населеній. Но масса бронзовой патины дѣлало это предположеніе невыносимымъ. Скоро сталъ я наткаться на болѣе удачно сохранившіяся фибулы и другіе предметы. Порою кости хранили меньшій слѣдъ пламени, наконецъ попадались и такія, которыя вовсе въ огнѣ не были. Несмотря на порчу могилы во многихъ мѣстахъ, мнѣ, послѣ нѣсколькихъ дней упорной работы, удалось не только выяснить ея содержаніе, но и ясно опредѣлить ея видъ и построеніе. Счастьемъ было то, что искатели клада всегда уходили въ глубину и слѣдовательно не такъ сильно портили площадь могилы.

Ея эллиптическая форма стала вполне ясною. Могила имѣла въ окружности около 23 сажень, въ длину немного больше 6 саж. и въ ширину 3 саж. Поперекъ шли двѣ перегородки или скамьи, какъ называются они въ корабельныхъ могилахъ; одна, сложенная изъ большихъ камней, приблизительно аршинъ въ поперечникѣ, другая — по большей части изъ плитняка, ровной и какъ мнѣ казалось, недавней кладки. Къ тому же эта вторая скамья шла не совсѣмъ параллельно первой, а немного наискось. До половины она была разрушена ямою, разрытою кладочислателями и конецъ ея съ противоположной стороны имѣлъ положеніе непараллельное къ болѣе уцѣлѣвшей кладкѣ на южной сторонѣ могилы. Отъ западнаго предѣла могилы до первой скамьи, кромѣ костей, очевидно случайно сюда занесенныхъ, я не нашелъ ничего, какъ и бываетъ обыкновенно въ корабельныхъ могилахъ. Самые интересные предметы, фибулы, брошки и пр. отчетливой, тонкой отдѣлки, я нашелъ между обѣими скамьями и на востокъ отъ второй скамьи. Сейчасъ за нею и далѣе на востокъ, кости и вещи представляли видъ чрезвычайнаго сожженія. Надобно замѣтить, что изслѣдованія мѣстныхъ археологовъ доказали, что сожженіе труповъ происходило на краю могилы и затѣмъ все сожженное бросалось въ могилу. Пояснить себѣ существованіе рядомъ сильно сожженныхъ и едва попорченныхъ огнемъ вещей я никакъ не могъ, къ тому же на восточномъ концѣ могилы я находилъ кости и вещи, до коихъ совершенно не касался огонь. Мѣстами булыжникъ растрескался и рассыпался отъ дѣйствія огня и вмѣстѣ съ расплавленною бронзою и обгорѣлыми осколками костей образовалъ какую-то рассыпчатую массу. Мѣстами отъ дѣйствія дождей, воды и сырости, просачивавшейся между камнями, образовались *компактныя* известковыя глыбы съ остатками въ нихъ человѣческихъ костей, зубовъ и бронзовыхъ предметовъ.

Вообще же Тюрсельская могила представила чрезвычайно много особенностей въ сравненіи со всѣми извѣстными до сихъ поръ корабельными могилами ¹⁾. Могилы эти обыкновенно представляютъ рядъ камней, положенныхъ на расчищенную почву

¹⁾ См. Archiv für Anthropologie. B. X, 1877. S. 73—100.

въ видѣ корабля или сильно удлиненнаго четырехугольника съ закругленными или заостренными на востокъ и западъ контурами съ поперечными скамьями. Поверхность между скамьями, поверхъ костей сжигаемыхъ труповъ, заваливалась камнями, или можетъ быть сожженіе происходило на этихъ камняхъ, и тогда кости и вещи падали въ скважины между ними.

Тюрсельская могила представляетъ тщательную кладку бортовъ вышиною отъ 2 — 3 футовъ или, вѣрнѣе, могила вырыта до 3-хъ футовъ глубины и бока обложены внизу мелкимъ булыжникомъ, а затѣмъ плитнякомъ; дно же уложено или, скорѣй вымощено булыжникомъ болѣе крупнымъ; тогда какъ скамьи состояли изъ большихъ камней до аршина въ діаметрѣ. Предметы и кости находились надъ, а не подъ камнями, коими была вымощена могила, и затѣмъ все было не просто завалено камнями, а мѣстами замѣчалась тщательная кладка въ родѣ сводовъ изъ плитняка и мелкаго булыжника.

Въ 1886 году мнѣ не удалось окончить начатыхъ раскопокъ, но найденныя и привезенныя мною вещи вызвали удивленіе лучшаго знатока доисторической археологіи въ Прибалтійскомъ краѣ профессора Гревингга, и онъ призналъ ихъ принадлежащими ко времени II и IV вѣка нашей эры. Почтенный ученый успѣшилъ заняться описаніемъ моихъ раскопокъ и предъ кончиной (скончался въ іюнѣ 1887 года), успѣлъ продержать окончательную корректуру своего труда¹⁾.

Московское Археологическое Общество, узнавъ что раскопки мои не были доведены до окончанія и что рядомъ съ вскрытой могилой оказались слѣды второй, пригласило меня продолжать раскопки, которыя привели къ новымъ любопытнымъ результатамъ, дополняющимъ, а частью опровергающимъ нѣкоторыя заключенія проф. Гревингга. Новая могила оказалась больше чѣмъ предполагалъ я въ прошломъ году. Она имѣетъ до 55 футовъ длины и 24 фута ширины. Восточная ея часть другой кладки чѣмъ площадь западной оконечности и середины. Способъ погребенія совершенно иной чѣмъ въ первой могилѣ, слѣдовъ сожженія нѣтъ и она вѣроятно не древнѣе XII вѣка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ возможно предположеніе, что могила эта служила мѣстомъ погребенія въ теченіе многихъ вѣковъ, хотя и невозможно опредѣлить: пользовались ли ею послѣдовательно или только черезъ извѣстные промежутки времени.

Найденные въ ней предметы поражаютъ своимъ разнообразіемъ и количествомъ, далеко превышающимъ все, что до сихъ поръ встрѣчалось въ самыхъ большихъ корабельныхъ могилахъ.

Я укажу на важнѣйшія изъ находокъ, съ помощью коихъ частью опредѣляется и древность могилы.

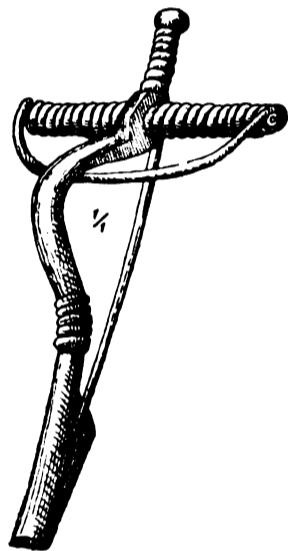
Два экземпляра такъ называемыхъ *самострѣлообразной фибулы* (Armbrustfibel, фиг. 1) видъ которой сильно распространенъ въ Прибалтійскомъ краѣ гдѣ она считается римско-провинціального происхожденія. Подобныя фибулы были находимы, между прочимъ,

¹⁾ Der schifförmige Aschenfriedhof bei Türsel in Estland von Prof. Grewingk nebst Bericht über die Aufdeckung desselben von Prof. P. Wièskowatow mit 4 lith. Tafeln. Dorpat 1887, и еще разъ въ XIII. Band der Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat.

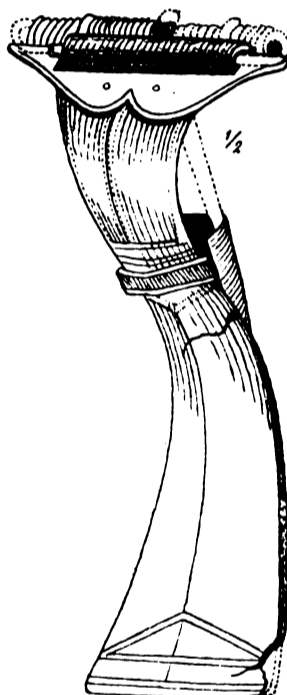
близъ Валка и Вендена съ римскими монетами I и II вѣка¹⁾; близъ городка Газенпота съ монетами II и III вѣка; въ могилахъ восточной Пруссіи, съ римскими монетами II и III вѣка; въ Польшѣ, Голштиніи, близъ Кенигсберга въ Прирейнскихъ странахъ, наконецъ въ развалинахъ города Додоны въ Эпирѣ, гдѣ во II и III вѣкѣ по Рожд. Христ. основывался новый римскій городъ²⁾. Найдены подобныя фибулы въ Швейцаріи и въ Италіи и пр.

Интересна бронзовая „T“ образная фибула съ жемъзной шлой въ 170 мм. длины и 58 мм. въ основаніи и 150 гр. вѣса (фиг. 2). Ихъ найдено два экземпляра, изъ которыхъ одинъ сильно попорченъ. Фибулы этого типа при такой-же величинѣ мнѣ неизвѣстны, хотя Гревингкъ говоритъ объ одной, найденной въ восточной Пруссіи³⁾. Вообще же фибулы подобнаго образца встрѣчаются на западѣ въ Люксембургѣ, въ прирейнскихъ странахъ и въ Италіи⁴⁾.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Фиг. 3.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ небольшая „перекладинообразная“ фибула, всего въ 33 мм. длины и 25 мм. ширины (фиг. 3). Она подверглась сильному вліянію огня, но выказываетъ весьма тщательную и аккуратную выдѣлку. Перекладинообразныя фибулы —

самыя распространенныя въ Прибалтійскомъ краѣ, но еще не встрѣчались въ столь малыхъ размѣрахъ, и тѣ изъ нихъ которыя найдены въ корабельныхъ могилахъ — больше и грубѣ нашей. Невольно склоняешься къ мысли, что тюрсельская фибула служила какъ бы образцомъ для позднѣйшихъ. Найдена она съ припаявшимся къ ней суставомъ пальца женской руки. Подобныя фибулы встрѣчаются среди культурныхъ

¹⁾ Aspelin antiq.; fig. 1788. Сиверсъ (Verhandl. der Estn. Gesellsch. B. VIII, 1876. G. Heft 3) говоритъ о найденныхъ имъ 5 экземпляровъ. Ср. Grewingk der schifförmige Aschenfriedhof bei Türsel, S. 12.

²⁾ Carapanos, Dodone et ses ruines. Paris 1878, p. 94. Сравни Grew. S. 13.

³⁾ Tischler: Ostpreuss. Gräberfelder. Königsb. 1879 г. III, стр. 210.

⁴⁾ Grewingk, Aschenfr. bei Türsel. 15.

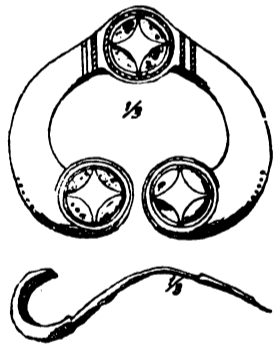
остатковъ начала желѣзнаго періода и въ Западномъ краѣ и въ Финляндіи¹⁾, близъ Бранденбурга, Данцига и въ Гессендармштадтскихъ земляхъ.

Изъ найденныхъ въ Лифляндіи былъ подвергнутъ химическому опыту только одинъ экземпляръ и въ немъ оказалось 12% цинка, 0,5 олова, 0,5 желѣза, 0,4 свинца и 86 мѣди.

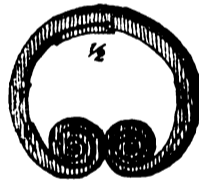
Обращаю также вниманіе на бронзовое *подковообразное украшеніе*, (фиг. 4), вѣроятно фибулу украшеную финифтью на серединѣ и на двухъ концахъ. Она имѣетъ въ діаметрѣ 83 и 91 мм. и 6 мм. толщины, вѣсу $\frac{1}{3}$ фунта. Верхняя сторона нѣсколько выпукла, обратная плоская. Она не имѣетъ ничего общаго съ подковообразными фибулами и пряжками съ шипами. Украшеній этихъ найдено 4, — одна была у меня похищена во время раскопокъ, двѣ незначительно пострадали отъ огня, отъ четвертой уцѣлѣло лишь одно изъ нижнихъ украшеній. Сильный огонь, очевидно, расплавилъ большую ея часть, финифть конечно подверглась порчи, но, кажется, была краснаго и зеленаго цвѣта, Профессоръ Гревингкъ указываетъ на то что Линденшмидтъ, въ своемъ сочиненіи: „Древности языческія“²⁾, описывая памятники двухъ римскихъ воиновъ: Марка Музія XIV легіона и Манія Целія XVIII легіона изъ которыхъ первый найденъ въ прирейнскомъ Пфальцѣ, обращаетъ вниманіе на подобныя украшенія, изображенныя на груди воиновъ и составляющія принадлежность доспѣховъ.

Я прибавлю къ этому, что подобныя украшенія найдены одна во Владимірской губерніи³⁾, но меньшихъ размѣровъ и болѣе грубой работы. Графъ Уваровъ, въ составленномъ имъ каталогѣ, называетъ этотъ предметъ брошкою съ инкрустаціей безъ всякихъ

Фиг. 4.

Фиг. 5.

дальнѣйшихъ объясненій. Дублетъ этой брошки находится въ Румянцевскомъ Музеѣ въ коллекціи Бѣлаева, но гдѣ онъ найденъ — не знаю. Наконецъ въ Истор. Моск. Музеѣ, въ залѣ 4, подъ № 301 находится такое же украшеніе, но безъ инкрустаціи и болѣе грубой работы; найденъ этотъ экземпляръ въ Моск. уѣздѣ, въ Дьяковскомъ городищѣ, близъ села Коломенскаго.

¹⁾ Въ Ковенск. губ. Aspelin. antiq.

²⁾ Lindenschmidt, Alterth. heidnischer Vorzeit. I Heft, 4. Tf. I, 6 и Heft 6, Tf. 5.

³⁾ Находится въ 4 залѣ Моск. Ист. Музея между памятниками конца бронзоваго вѣка № 18.

Небольшое подковообразное украшение со спирально закрученными концами, (фиг. 5), имѣющее въ діаметрѣ лишь 46 мм., напоминаетъ украшеніе, найденное въ Эпирѣ въ развалинахъ города Додоны. Оно имѣетъ 40 мм. въ діаметрѣ и изображена въ сочиненіи Сагаранос'а (*Dodone et ses ruines*. Paris 1878, p. 93), и называется тамъ *rouelle d'ornementation*. Къ этому же типу принадлежать и перстни. Г. Филимоновъ нашелъ подобныхъ два кольца и небольшую привѣску въ раскопкахъ своихъ въ Осетіи*) и называетъ ихъ: два перстня со спиралью змѣинообразной формы; но опять-таки кольцо, найденное въ Тюрселѣ, изобличаетъ болѣе тщательную и совершенную работу. Вообще нельзя не констатировать факта, что предметы, найденные въ западной оконечности и срединѣ Тюрсельской могилы, отличаются древностью и особой тщательностью отдѣлки, указывающихъ на то, что они не мѣстнаго производства, а предметы ввозные.

Не могу не указать еще на любопытный предметъ: бронзовый браслетъ состоящій изъ нѣсколькихъ пустыхъ, дутыхъ четырехгранныхъ обручей, скрѣпленныхъ другъ съ другомъ. Къ сожалѣнію, онъ сильно пострадалъ отъ огня и сохранилась лишь часть его, но пустота и четырехугольная форма трубочекъ видна ясно. Подобные предметы находились довольно часто на Кавказѣ.

Изъ остальныхъ предметовъ укажу на двѣ отлично сохранившіяся „Т“-образныя и самострѣлообразныя фибулы и на бронзовую серьгу съ застежкой имѣющей 45 мм. въ поперечникѣ. Подобныя серьги, но въ гораздо большихъ размѣрахъ, найдены были въ Смоленской губерніи и другихъ мѣстностяхъ западной и сѣверо-западной Россіи и служили вѣроятно височными серьгами. Найденный мною экземпляръ несомнѣнно ушная серьга.

Человѣческихъ костей мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ, подвергшихся и не подвергшихся дѣйствию огня, найдено мною множество; быть можетъ сотни индивидуумовъ нашли здѣсь свой покой. Лошадиныхъ костей не было, но нѣсколько бараньихъ косточекъ и остатки оленьяго рога, равно какъ и обломокъ рѣзной рукоятки (изъ человѣческой кости?)

Богатство найденнаго матеріала и разнообразіе типовъ, построеніе и устройство самой могилы — все приводитъ къ убѣжденію, что тюрсельская могила представляетъ чрезвычайно интересную паходку. Если я далекъ отъ сочувствія къ смѣлымъ выводамъ проф. Гревингга, утверждающаго, что могила эта *готская*, что въ Прибалтійскомъ краѣ жили во II и III вѣкѣ Готы, то все же долженъ согласиться, что между найденными предметами несомнѣнно встрѣчаются, и въ большомъ количествѣ, предметы римскаго происхожденія. Всѣ извѣстныя до сихъ поръ корабельныя могилы сравнительно очень бѣдны и многія несмотря на то, что больше тюрсельской въ два и три раза, не дали и десятой части того количества культурныхъ предметовъ и во всякомъ случаѣ не представили того разнообразія типовъ и совершенства въ исполненіи ихъ. Можетъ быть даже высказано предположеніе, что предметы (напр. фибулы), найденные, особенно въ западной части могилы, представляютъ привозные образцы, по коимъ потомъ исполнялись предметы мѣстными мастерами. Перекладинообразная фибула,

*) Они находятся въ 8-й залѣ Истор. Моск. Музея.

встрѣчаемая повсемѣстно въ могилахъ края, въ тюрсельской могилѣ миниатюрнѣе и чрезвычайно тонкаго исполненія; то же можно сказать и относительно другихъ предметовъ, напримѣръ бронзовыхъ дутыхъ браслетовъ указывающихъ на высокую степень мастерства и т. д. Что въ могилахъ находили парные предметы, напримѣръ браслеты, изъ коихъ одна являла собою тонкую работу, а другая, очевидно, являлась грубою копіею и изъ другого состава металла — это не подлежитъ сомнѣнію.

Какъ и откуда проникали на сѣверъ культурные предметы римскаго происхожденія — другой вопросъ. Римляне познакомились съ Балтійскимъ моремъ при Августѣ, а при Неронѣ была снаряжена морская экспедиція къ берегамъ Балтійскаго моря. Существовали вѣроятно сухопутные и водяные пути, а по нимъ шла и мѣновая торговля.

Тюрсельская могила, впрочемъ, представляетъ и еще особенность. Я уже замѣтилъ, что восточная часть ея другаго характера чѣмъ остальные. Бортовая кладка мало-по-малу прекращается, что и ввело меня въ прошломъ году въ заблужденіе и заставило думать, что могила оканчивалась раньше. Продолженіемъ своимъ тюрсельская могила приближается къ типу обыкновенныхъ такъ называемыхъ въ Лифляндіи *корабельныхъ могилъ*, т.-е. границы ея образуются просто большимъ булыжнымъ камнемъ, положеннымъ на землю другъ возлѣ друга. Культурные предметы рѣдки, какъ бы мѣстной работы и инаго типа, нежели предметы, найденные въ западной части. Въ этой части (восточной) кости показывали, по большей части, отсутствіе признаковъ сожженія. Кажется, что здѣсь хоронили вновь, выбрасывая старое и мало о немъ заботясь. Наконецъ, встрѣчаются и одиночныя гробницы, очевидно позднѣйшаго свойства. Кости лежали не на каменныхъ подстилкахъ изъ булыжника, а прямо на землѣ, въ такъ называемомъ саркофагѣ, т.-е. были окаймлены небольшими плитами, врытыми въ землю подъ тупымъ угломъ. Мнѣ удалось вынуть цѣлый костякъ, возстановить почти полностью одинъ изъ череповъ (принадлежащій къ костяку): черепъ этотъ принадлежалъ воину лѣтъ 25, — я говорю воину, потому что около него нашелся оконечникъ желѣзной стрѣлы, а изъ вещей кромѣ того бронзовая кольцообразная фибула, еще и теперь употребляемая мѣстными крестьянами, какъ застежка близъ ворота рубашки. Такая фибула, нынѣ встрѣчаемая изъ серебра, именуется у эстовъ *söld*. Расплачиваясь съ рабочими, я увидаль подобную фибулу у одного старика, который носилъ ее уже 50 лѣтъ и получилъ ее отъ отца, къ которому она перешла отъ дѣда на основаніи чего онъ съ трудомъ уступилъ ее мнѣ за дорогую цѣну.

Професс. Лешке и Шредеръ производили раскопки въ 25 вер. отъ деревни, близъ селенія Кольтри, лежащаго тоже у Петербургско-Ревельскаго шоссе и нашли погребеніе совершенно подобное описаному мною. Костяки лежатъ на землѣ и окружены плитнякомъ, руки согнуты на груди. Культурныхъ предметовъ сравнительно мало и соотвѣтствуютъ они мною найденнымъ. Въ нѣкоторыхъ могилахъ найдены англо-саксонскія монеты XII и XIII вѣка. Такимъ образомъ, по аналогіи, надо предположить, что въ восточной части тюрсельской могилы хоронили еще въ XII вѣкѣ и позднѣе.

Я не говорю уже о томъ, что нѣкоторыя кости, по всѣмъ вѣроятіямъ, принадлежатъ даже Петровскому времени; но эти костяки хоронились безъ всякой гробницы. Я нашель тутъ же шведскую пуговку-ремень, очевидно отъ кремневаго ружья,

и мѣдную монету 1644 г. При этихъ-то погребеніяхъ вѣроятно древнія могилы были перерыты, почему мнѣ удалось вполне цѣльнымъ добыть только одинъ костякъ. Помнится мнѣ, что на запросъ Шереметева, гдѣ хоронить павшихъ шведовъ, Петръ отвѣчаетъ, „въ подобающихъ мѣстахъ“, каковыми почитались между прочимъ и древнія кладбища.

Вблизи тюрсельской могилы, при полевыхъ работахъ, постоянно выворачиваются кости, утварь, обломки оружія. Это доказываетъ, что еще въ новѣйшее время мѣстность эта служила для погребенія павшихъ, которые частью зарывались въ древней могилѣ, частью близъ нея. Надо замѣтить, что въ окрестности происходили битвы и стычки со Шведами; въ нѣсколькихъ верстахъ показываютъ остатки редута.

Въ непосредственной близости отъ могилы искони были селенія. Такимъ образомъ тюрсельская могила представляетъ собою погребальное мѣсто, бывшее въ употребленіи въ теченіе многихъ вѣковъ, а самый способъ погребенія мѣнялся. Можетъ быть, и жили-то здѣсь, въ разные времена, разные племена и народности.

Въ заключеніе скажу, что болѣе внимательное изученіе могилъ именуемыхъ „*корабельными*“ въ Прибалтійскомъ краѣ, приводитъ меня къ убѣжденію что, вся эта теорія, получившая въ наукѣ право гражданства — ошибочная. Главными представителями этого мнѣнія или основателями ученія корабельныхъ могилъ, были графъ Сиверсъ и въ особенности почтенный знатокъ балтійской археологіи проф. Гревингъ (см. Archiv für Anthropolog. V. X. 1877 p. 73—100 и 297—300 и XII der Verhandlungen d. gelehrten Estnischen Gesellschaft). Прибалтійскія корабельныя могилы отличаются отъ скандинавскихъ видомъ своимъ. Въ то время какъ послѣднія являются по большей части настоящими кораблями (лодками) или деревяннымъ подобіемъ лодокъ, покрытыхъ слоемъ земли, съ одиночною могилою въ серединѣ судна, прибалтійскія корабельныя могилы представляютъ продолговатую площадь земли, окаймленную камнями, обрисовывающими контуръ лодки съ поперечными каменными грядами, принимаемыми за скамьи. Направленіе этихъ корабельныхъ могилъ болѣе отъ запада къ востоку. Прототипомъ служитъ открытая гр. Сиверсомъ корабельная могила близъ мѣстечка „Славѣкъ“ въ Лифляндіи. Согласно рисунку, сдѣланному графомъ (см. V. X. Archiv für Slav. Antr.) и хранящемуся въ Дерптскомъ музеѣ „Ученаго Эстонскаго Общества“, эта могила имѣетъ до 140 футовъ длины и представляетъ совершенно правильный контуръ корабля съ закругленной кормой и заостреннымъ носомъ. Камнями отмѣчены поперечныя скамьи и даже руль (!). Затѣмъ въ Лифляндіи было усмотрѣно огромное число корабельныхъ могилъ, называемыхъ тоже просто „каменными кораблями“ (Steinschiffe). Присматриваясь къ этимъ могиламъ, я сталъ сомнѣваться въ вѣрности теоріи. Уже слѣдя за работами профес. Гревингъ по поводу тюрсельскихъ находокъ, я выражалъ сомнѣнія свои и побудилъ его не называть могилу „каменнымъ кораблемъ“ (Steinschiff); онъ сдѣлалъ уступку и назвалъ ее „кораблеобразною могилою“, но въ текстѣ удержалось обычное наименованіе (см. стр. 9). Даже въ моемъ первоначальномъ рисункѣ профес. Гревингъ сдѣлалъ измѣненія, увѣренный, что я невѣрно срисовалъ могилу. По рисунку моему поперечныя скамьи были не вполне параллельны: вторая наклонялась къ первой. Гревингъ на рисункѣ, приложенномъ къ труду исправилъ этотъ уклонъ, а восточный конецъ неопредѣленнаго контура сузилъ, такъ что кладка получала форму корабля.

Скоро мнѣ представился еще случай наблюдать за невѣрностью съемковъ подобной же могилы. Я участвовалъ на раскопкахъ въ помѣстьи Мейерсгофъ, близъ Дерпта. Инженеръ Г. представилъ снимокъ внѣшняго вида могилы и каменной ея кладки до раскопокъ, и по рисунку оказалась обычная форма корабельныхъ могилъ. Когда при раскопкахъ могила была вскрыта, выяснилось, что контуры представляли далеко не форму корабля, а соотвѣтственно названнымъ припятствіямъ, двѣ ломанныя линіи камней, съ поперечными перегородками.

Было бы интересно провѣрить еще разъ на мѣстѣ сдѣланные съ могилъ снимки, въ особенности же снимки корабельной могилы близъ вышеупомянутаго мѣстечка Славѣкъ. Я не могу сказать съ достовѣрностью, чтобы всѣ „корабельныя могилы“ въ Прибалтійскомъ краѣ ошибочно носили это названіе, но увѣренъ что добрая ихъ часть представляетъ собою рядъ общественныхъ могилъ, изъ коихъ каждая служила погребальнымъ мѣстомъ для семьи, рода или общины. Одна могила отдѣлялась отъ другой поперечными оградами, которыя и принимались за скамьи корабля. Увеличеніе народонаселенія заставляло къ первоначальной оградѣ прибавлять вторую, третью, четвертую и т. д., различныхъ размѣровъ, и такъ образовывался длинный параллелограмъ съ поперечными полосами камней, или перегородками, и все вмѣстѣ при порчѣ контура, особенно крайнихъ предѣловъ, представляло подобіе лодки.

Въ 50 годахъ еще существовалъ у нѣкоторыхъ финновъ близъ Петербурга обычай общаго погребенія. Въ селѣ Мартышкинѣ, близъ Ореніенбаума, среди чухонскаго лютеранскаго кладбища, существовало, а можетъ быть и теперь существуетъ, старое продолговатое, низенькое строеніе, или вѣрнѣе крыша надъ низкими стѣнами врытаго въ песокъ строенія. Внутри оно было раздѣлено деревянными же перегородками; каждое помѣщеніе принадлежало опредѣленной деревнѣ. Сюда свозили гробы съ покойниками обыкновенно по воскресеньямъ.

Я полагаю, что могилы именуемая въ Прибалтійскомъ краѣ *корабельными*, слѣдуетъ просто назвать *общинными* или *семейными* и никакъ не придавать имъ значеніе, подобное скандинавскимъ корабельнымъ могиламъ, въ коихъ погребеніе совершалось въ родѣ описаннаго извѣстнымъ арабскимъ писателемъ Ибнъ Фадланомъ.

Древности с. Старой Рязани.

А. В. Селиванова.

Старо-Рязанское городище, находящееся при с. Старой Рязани, расположено на правомъ берегу Оки, противъ г. Спасска, въ 50 вер. отъ нынѣшней Рязани. Городище это составляетъ памятникъ прежде бывшей столицы рязанскаго княжества, носившей названіе въ настоящее время присвоенное губерньскому городу. Рязань, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, была древнѣйшимъ городомъ рязанскаго края. Первое положительное упоминаніе о ней относится къ 1096 г., но въ лѣтописи есть указаніе на существованіе ея раньше, а именно съ 1070 г., когда, по завѣщанію Ярослава Великаго, области Рязанская и Муромская составляли отчину дома черниговскихъ князей. По отдѣленіи отъ Чернигова въ 1127 г. Муромъ и Рязань образовали одно княжество, столицею котораго былъ сперва, Муромъ, но затѣмъ, съ середины XII вѣка, по изгнаніи изъ Муромъ дѣтьми Долгорукаго мурома-рязанскаго князя Ростислава Святославича, когда область муромская стала подпадать вліянію владимѣрско-суздальскихъ князей, Рязань стала пріобрѣтать значеніе первенствующаго города мурома-рязанскаго княжества. Съ такимъ значеніемъ она существовала болѣе двухъ столѣтій, послѣ чего съ XIV вѣка уступила свои права Переславлю Рязанскому, или нынѣшней Рязани, куда еще нѣсколько ранѣе была переведена епископія.

По раздѣлу рязанскихъ владѣній въ 1483 г., Старая Рязань была причислена къ „Князь-Федоровской трети“. Лѣтописи сохранили извѣстія о неоднократныхъ опустошеніяхъ и разореніяхъ, которымъ подвергалась древняя столица княжества. Такъ въ 1208 г. она была предана огню великимъ княземъ суздальскимъ Всеволодомъ III (Юрьевичемъ) за непокорность рязанцевъ сыну его Ярославу. Но въ особенности Рязань пострадала въ 1237 году отъ нашествія Татаръ. Дальнѣйшіе татарскіе погромы только довершили ея окончательное паденіе.

Какъ городище, она упоминается въ книгѣ Большаго Чертежа, но по окладнымъ книгамъ 1676 г. она значится селомъ.

Теперь существующее въ Старой Рязани городище находится на вершинѣ нагорнаго берега Оки и простирается въ длину около 400, а въ ширину до 360 саж.,

въ окружности имѣеть около $2\frac{3}{4}$ версты. Съ запада оно ограждается крутымъ берегомъ рѣки, а съ другихъ сторонъ землянымъ, хорошо сохранившимся, валомъ, длиною до 2 вер., а шириною до 5 саж., ровомъ и оврагами. Форму имѣеть неправильно многоугольную.

Село Старая Рязань не разъ возбуждала къ себѣ вниманіе археологовъ по тѣмъ находкамъ и открытіямъ, которыя дѣлались въ этой мѣстности, бывшей нѣкогда древнею резиденціею князей рязанскихъ. Первое и важнѣйшее открытіе было 6-го іюня 1822 г., когда двумъ крестьянамъ с. Старой Рязани, Устину Ефимову и Якову Петрову, посчастливилось выкопать изъ земли различныя золотыя, осыпанныя драгоценными камнями и жемчугомъ вещи, составляющія часть богатаго убранства княжескаго одѣянія. Эти вещи были описаны сперва Калайдовичемъ въ его книгѣ „Письма къ А. Ѳ. Малиновскому объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи“ (М. 1823), а затѣмъ Оленинымъ. Къ брошюрѣ послѣдняго подъ заглавіемъ „Рязанскія Русскія Древности“ (С.-П. 1831 г.), были приложены прекрасно исполненные художникомъ Солнцевымъ рисунки всѣхъ найденныхъ древностей, изъ которыхъ болѣе крупныя вещи хранятся въ настоящее время въ Московской Оружейной Палатѣ.

Второе важное открытіе сдѣлано спасскимъ купеческимъ сыномъ Д. Тихомировымъ въ 1836 г. При разрытіи одного изъ двухъ кургановъ внутри Старо-Рязанскаго городища, имъ были открыты остатки каменнаго храма съ гробницами князей и княгинь рязанскихъ, а также различныя вещи: лоскуты шелковыхъ тканей и золотой парчи, серебряныя пуговицы, кресты изъ камня въ серебряной оправѣ и тому подобныя предметы. Эта находка была описана Тихомировымъ въ брошюрѣ его „Историческія свѣдѣнія объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Старой Рязани“ (М. 1844 г.) Въ настоящее время отъ найденнаго древняго храма не осталось и слѣдовъ, несмотря на состоявшееся еще въ сороковыхъ годахъ Высочайшее повелѣніе о тщательномъ соблюденіи драгоценныхъ остатковъ древности. Что же касается до каменныхъ гробницъ съ остатками костей князей и княгинь рязанскихъ, то, какъ оказалось впоследствии, они были зарыты въ одну общую яму на ближайшемъ кладбищѣ, но гдѣ именно — неизвѣстно. Равнымъ образомъ неизвѣстно и то, гдѣ сохраняются въ настоящее время всѣ прочія найденныя Тихомировымъ древнія вещи.

Третья значительная находка была сдѣлана въ 1868 г. крестьяниномъ с. Старой Рязани Степаномъ Михайловымъ при распашкѣ земли на большой дорогѣ, прилегающей къ земляному валу. Вещи эти, состоящія изъ серебряныхъ круглыхъ образковъ, съ изображеніями Спасителя и Божіей Матери, крестовъ, перстней, привѣсокъ, цѣпочекъ и т. п., поступили въ Императорскую Археологическую Коммиссію. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что не всѣ изъ найденныхъ предметовъ были представлены по начальству, но нѣкоторыя изъ нихъ были распроданы, прежде чѣмъ состоялось распоряженіе мѣстнаго исправника объ отобраніи вещей¹⁾.

Кромѣ этихъ трехъ наиболѣе выдающихся находокъ и открытій въ Старой Рязани, и прежде и послѣ того часто тамъ попадались различныя древнія вещи, которыя въ

¹⁾ Изъ рапорта спасскаго исправника губернатору видно, что найденныя вещи отбирались волостнымъ старшиною отъ разныхъ лицъ (Рапортъ отъ 30-го августа 1868 г. № 725).

большинствѣ случаевъ пріобрѣтались посторонними лицами и обыкновенно расходились неизвѣстно куда¹⁾. Только съ основанія въ 1884 г. Рязанской Ученой Архивной Комиссіи приняты мѣры къ тому, чтобы сдѣланныя въ Старой Рязани находки не пропадали безслѣдно, а поступали въ учрежденный при Комиссіи Рязанскій Музей. Въ 1885 году Комиссіею были пріобрѣтены отъ мѣстныхъ жителей нѣсколько интересныхъ предметовъ, изъ коихъ въ особенности замѣчательны образокъ изъ чернаго камня (X—XI вѣка) съ изображеніемъ Деисуса, а также былъ выкопанъ каменный гробъ, высѣченный изъ цѣлаго бѣлаго камня съ обломкомъ таковой же плиты и съ остатками костей²⁾. Наконецъ въ нынѣшнемъ году была сдѣлана весьма важная находка, которая отчасти можетъ служить дополненіемъ находки 1822 года.

Рапортомъ на имя начальника губерніи спасскій уѣздный исправникъ донесъ, что 12-го мая сего года въ Старой Рязани, келейно живущими дѣвцами, около ихъ дома, были найдены въ земляной стѣнѣ различныя старинныя вещи: серьги, ожерелья, камни и пр., вѣсомъ серебра 71 золотникъ.

Согласно постановленію Рязанской Ученой Архивной Комиссіи, которой былъ сообщенъ рапортъ исправника, я поспѣшилъ отправиться въ Старую Рязань съ тѣмъ, чтобы произвести на мѣстѣ открытія вещей раскопки, а также для пріобрѣтенія найденныхъ предметовъ для Рязанскаго Музея. Поѣздка моя, которую я совершилъ 23-го мая, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Всѣ найденныя вещи были пріобрѣтены мною покупкою отъ ихъ владѣльцевъ и кромѣ того, по произведеннымъ раскопкамъ и тщательнымъ поискамъ въ обвалившейся землѣ, мнѣ удалось найти еще нѣсколько вещей, а именно: три каменныхъ обдѣланныхъ въ серебро креста, серебряныя и каменные бусы, остатки золотой парчи и куски повязки, обшитой серебряными бляшками.

Мѣстность, гдѣ были найдены всѣ предметы, представляетъ собою высокій бугоръ, на берегу рѣки Оки, за Благовѣщенской церковію. На вершинѣ бугра въ настоящее время находится новое кладбище, а на противоположномъ отъ церкви склонѣ бугра, близъ дороги, ведущей отъ усадьбы г. Стерлигова въ древнее Старо-Рязанское городище, имѣется нѣсколько усадебныхъ построекъ, примыкающихъ къ самому бугру, который такимъ образомъ постепенно окапывается по мѣрѣ расширенія построекъ. Въ отвѣсной земляной стѣнѣ, примыкающей къ одной изъ этихъ построекъ и отдѣленной отъ нея узкимъ коридорчикомъ, 12-го мая образовался отъ дождя обвалъ и обнаружилъ, на высотѣ отъ поверхности бугра приблизительно на три аршина, сложенный въ кучу различныя серебряныя вещи, при чемъ часть ихъ обсыпалась вмѣстѣ съ обвалившейся землей. Грунтъ земли глинистый и весьма твердый, но мѣстами, въ особенности надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ обнаружались вещи, рыхлый, что указываетъ

¹⁾ Въ 1792 или 1793 г., по словамъ Калайдовича, въ старой Рязани была найдена золотая корона, которая, не дойдя до начальства, была изломана и распродана по частямъ. Затѣмъ былъ найденъ золотой обручъ съ камнями, неизвѣстно куда дѣвавшийся. Въ концѣ прошлаго столѣтія зарайскій мѣщанинъ Перекисловъ купилъ у крестьянина с. Старой Рязани выпавшую послѣднимъ золотую вещь, подобную звѣздѣ съ колечками, украшенную камнями, которыхъ было 24, и жемчугомъ истлѣвшимъ отъ времени. Золото было продано въ Москвѣ за 360 руб., а выломанные камни попали къ одному изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. (Калайдовичъ, стр. 27).

²⁾ Къ сожалѣнію гробъ былъ найденъ и вѣролтно обслѣдованъ мѣстными крестьянами года за два до того времени, а потому никакихъ вещей, несмотря на тщательные поиски, не оказалось.

на то, что вещи эти по всей вѣроятности были спрятаны когда-нибудь, можетъ быть передъ нашествіемъ непріятели, на глубинѣ выкопанной ямы, и затѣмъ засыпаны землей. Только счастливая случайность могла привести къ открытію ихъ, такъ какъ мѣсто, гдѣ были они спрятаны, не представляло никакихъ признаковъ, которые бы могли служить указаніемъ къ производству тамъ раскопокъ. Сдѣланное мною изслѣдованіе близъ самаго мѣста находки не обнаружило никакихъ другихъ предметовъ, но зато въ обсыпавшейся землѣ я нашелъ нѣсколько вещей, которыя вѣроятно были спрятаны вмѣстѣ съ прежде найденными, будучи завернуты въ какую-нибудь ткань. Впрочемъ недалеко отъ мѣста находженія вещей, въ томъ же бугрѣ, были найдены слѣды зеренъ ржи или пшеницы, а также, ближе къ дорогѣ, остатки большого мѣднаго котла и куски небольшого мѣднаго таза, съ изображеніями женскихъ фигуръ и надписями. Кромѣ того, у одного крестьянина, пріобрѣтенъ найденный на вершинѣ бугра при копаніи могилы, за нѣсколько дней до моего пріѣзда, костяной ножъ съ вырѣзаннымъ на немъ узоромъ.

Почти всѣ найденныя 12 и 23 мая вещи представляютъ собою различнаго рода женскія украшенія, то-есть остатки головного убора, ожерелья изъ бусъ и крестовъ, серьги, или, вѣрнѣе, височные привѣски, и т. п.

Большая часть височныхъ или ушныхъ привѣсокъ принадлежатъ къ типу привѣсокъ, находимыхъ въ переяславскихъ курганахъ и изображенныхъ гр. Уваровымъ въ его изслѣдованіи о Мерянахъ. Они состоятъ изъ серебрянаго кольца, на которое продѣто три шарика, спаянныхъ изъ двухъ половинокъ тонкаго серебрянаго листа (табл. V, № 4, 5, 6 и 12). Между шариками, накрученная проволока держитъ ихъ въ равномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Шарики украшены зернистыми филигранными узорами, напоминающими на однѣхъ привѣскахъ георгіевскіе кресты, а на другихъ шести-конечную звѣзду.

Другія двѣ пары ушныхъ привѣсокъ (табл. V, № 1), большого размѣра, имѣютъ чрезвычайно своеобразную форму и принадлежатъ къ болѣе рѣдкимъ типамъ украшеній этого рода. Одна пара этихъ привѣсокъ имѣетъ видъ семиконечной звѣзды съ гладкими шариками на концахъ лучей и съ конусообразнымъ выступомъ въ центрѣ, оканчивающимся такимъ же шарикомъ. Поверхность привѣсокъ густо усѣяна множествомъ зернышекъ, расположенныхъ группами. Привѣски чрезвычайно массивны и имѣютъ въ поперечникѣ $1\frac{5}{8}$ в. Другая пара привѣсокъ имѣетъ видъ гладкихъ, чечевицеобразныхъ, съ выемкой на верху диска (табл. V, № 2), окаймленныхъ по окружности гладкими шариками, нанизанными на тонкую прикрѣпленную къ краямъ дисковъ особыми ушками проволоку. Съ обѣихъ сторонъ имѣется изображеніе чернью двухъ голубей, обращенныхъ другъ къ другу головами и соединенныхъ узорчатымъ тисненіемъ. Привѣски имѣютъ въ поперечникѣ $1\frac{3}{8}$ вершка. Въ собраніи гр. Алексѣя Сергѣевича Уварова имѣются золотыя привѣски подобнаго же типа съ финифтянымъ изображеніемъ голубей, найденныя въ Кіевѣ около Десятинной церкви. Разница между ними и привѣсками старо-рязанскими та, что въ кіевскихъ привѣскахъ не имѣется по окружности диска шариковъ, хотя есть признаки, которые указываютъ, что эти шарики отломаны: въ противномъ случаѣ трудно объяснить присутствіе по окружности нѣсколькихъ маленькихъ ушковъ, очевидно предназначенныхъ для прикрѣпленія проволоки съ шари-

ками. Что же касается до орнамента, то въ старо-рязанскихъ привѣскахъ мы видимъ въ искаженномъ видѣ повтореніе того же рисунка двухъ голубей, при чемъ на мѣстѣ райскаго цвѣтка, изображеннаго между фигурами голубей на кievскихъ привѣскахъ, появилось узорчатое шлетеніе.

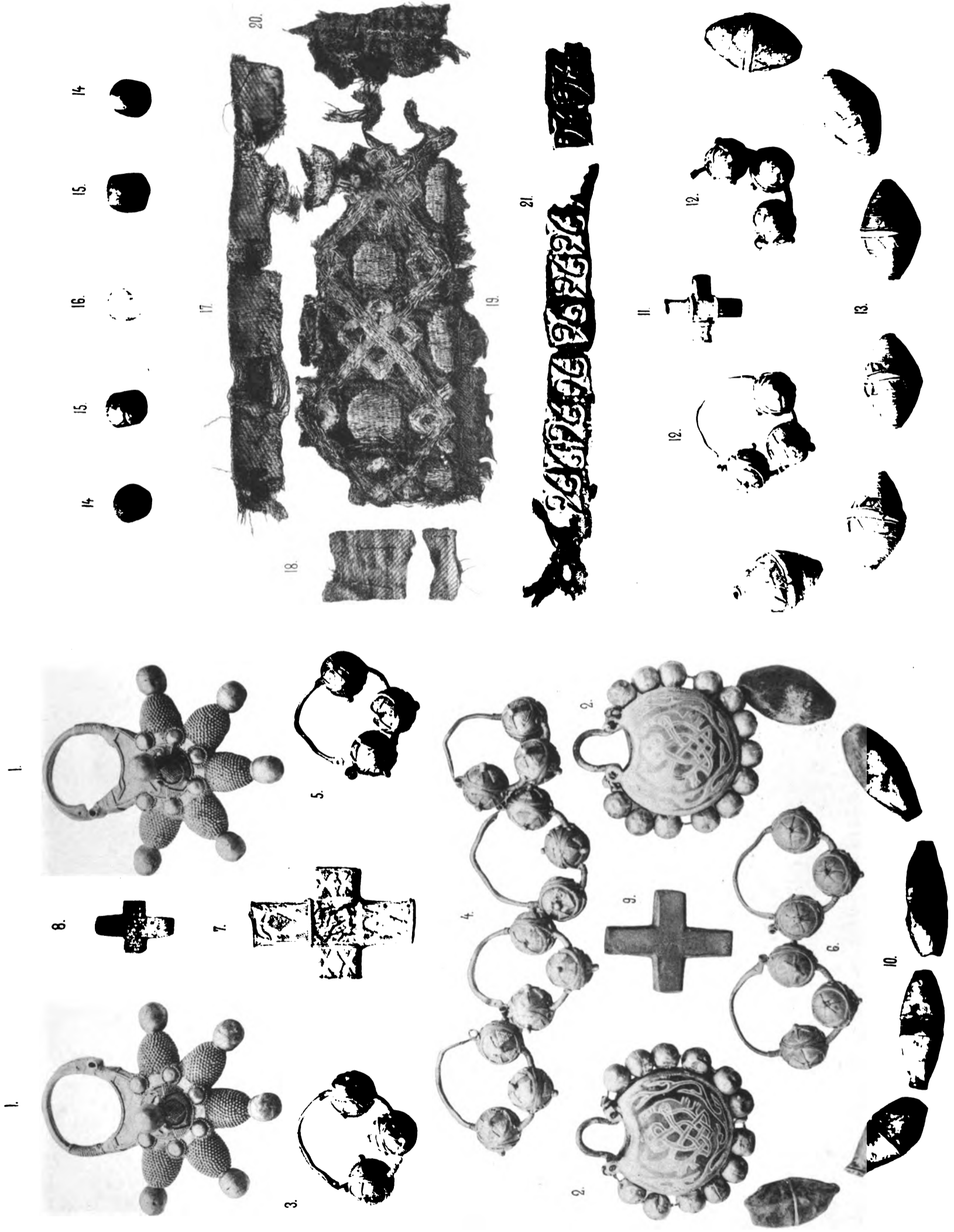
Въ числѣ найденныхъ въ Старой Рязани вещей оказалось нѣсколько сортовъ бусъ, которыя, по всей вѣроятности, были нанизаны по 6 штукъ на какіе-нибудь шнуры; шесть изъ нихъ (табл. V, № 13) сдѣланы изъ серебра съ зернисто-филигранными украшеніями; онѣ имѣютъ форму двухъ соединенныхъ основаніями конусовъ. Затѣмъ шесть большихъ поплаковидныхъ бусъ (табл. V, № 10), изъ синяго стекла, чрезвычайно похожи на тѣ, которыя попадаются въ курганахъ Коломенскаго уѣзда, съ тою разницею, что эти бусы обдѣланы съ обѣихъ концовъ гладкими серебряными пластинками. Наконецъ нѣсколько бусъ (табл. V, № 14 и 15), сдѣланныхъ изъ разноцвѣтнаго глинянаго состава, а также одна (№ 16), изъ горнаго хрусталя, еще болѣе напоминаютъ украшенія, находимыя въ курганахъ, какъ Мерянскихъ, такъ и другихъ племенъ, обитавшихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи.

Крестовъ найдено четыре. Всѣ они каменные, четвероконечные. Изъ нихъ два гладкіе (№ 8 и 9), безъ оправы; одинъ маленькій (№ 11), оправленный въ серебро и похожій на крестики, найденные въ Старой-Рязани вмѣстѣ съ золотыми бармами 1822 г., и одинъ (№ 7) довольно крупный крестъ изъ яшмы обдѣланъ серебряными пластинками, украшенными узорами изъ припаянныхъ зернушекъ.

Чрезвычайный интересъ представляютъ также найденные лоскутки золотой парчевой ткани (№ 19) и галуна съ хорошо сохранившимся узоромъ (№ 17, 18 и 20) изъ кружковъ и полосокъ, а также куски шелковой ленточки (№ 21), обшитой серебряными позолоченными 4-угольными бляшками съ вдавленнымъ узоромъ въ видѣ буквы „X“ окаймленными по краямъ мелкими бѣлыми бисеромъ.

Найденный мною въ Старой-Рязани мѣдный тазъ, къ сожалѣнію сохранившійся не въ цѣльномъ видѣ, имѣетъ круглую форму съ немного отогнутыми краями. Въ центрѣ таза, съ внутренней стороны, въ двойномъ кружкѣ изъ бусъ, изображена сидящая женщина, которая держитъ въ лѣвой рукѣ какой-то четырехугольный предметъ (книгу или ящикъ); правая рука ея поднята кверху. По сторонамъ головы имѣется надпись „sper“ (надежда, ожиданіе). Затѣмъ съ четырехъ сторонъ двойнаго кружка имѣются четыре поясныя женскія фигуры съ надписями „Caritas“ (благотворительность), „pacie...“ (вѣроятно „patientia“ — терпѣніе); остальныхъ надписей не сохранилось. Между женскими фигурами изображено нѣчто, напоминающее пламя или солнце, отъ котораго исходятъ какъ бы лучи. А затѣмъ, ближе къ краямъ таза, можно различить слѣдующія надписи: „odium“ (ненависть) „ressa...“ (вѣроятно „reccatum“ — прегрѣшеніе) и „dolus“ (хитрость, обманъ). Надо думать, что здѣсь имѣлось въ виду изобразить разныя добродѣтели, отъ которыхъ исходитъ свѣтъ или пламя, разгоняющее и пожирающее тьму грѣха и другихъ пороковъ.

Къ какому времени относятся всѣ найденныя въ Старой Рязани вещи, я рѣшить не берусь, но смѣю полагать, что по сходству ихъ съ нѣкоторыми предметами, находимыми въ курганахъ, ихъ можно приурочить къ IX или X вѣку.

Княжіи городокъ на р. Шекснѣ.

Е. В. Барсова.

Прежде чѣмъ знакомить съ рѣшеніемъ вопроса, мною поставленнаго, позволю себѣ остановить благосклонное вниманіе читателя на опытахъ моихъ изысканій, произведенныхъ мною на берегахъ Шексны, по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и Подготовительнаго Ярославскаго Комитета. Едва ли есть въ Россіи рѣка, которая бы текла такими кривизнами и изгибами, какъ Шексна или, какъ правильнѣе называютъ ее въ народѣ, *Шѣхна*; едва ли есть рѣка, которая упоромъ своего теченія такъ подрывала правый берегъ, намывая лѣвый, какъ эта рѣка, лишь подобными задержками въ своемъ теченіи дающая возможность пополняться изъ своихъ ключей Бѣлозерскому озеру, изъ котораго она вытекаетъ. На пространствѣ 400 верстъ не много у ней береговъ, на которыхъ бы безопасно могъ поселиться человѣкъ; каждую весну она заливаетъ ея почти сплошь вширь и затопляетъ оба берега часто на нѣсколько верстъ; но и тѣ высокія мѣста, гдѣ ютились древніе люди, такъ быстро размываются, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онѣ совершенно исчезаютъ. Курганные слѣды человѣческаго бытія вмѣстѣ съ землею падаютъ въ воду и тонутъ въ ней, вновь засыпаемые иломъ. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители замѣчаютъ остатки бусъ, стрѣлъ и др. подобныхъ предметовъ, но не обращаютъ на то почти никакого вниманія. О подобныхъ находкахъ напр. около села Космодемьянска вы услышите изъ устъ Л. Н. Трифонова, которому сообщилъ о нихъ свѣдѣнія, какъ и самыя находки, мѣстный этнографъ Деруновъ.

Я производилъ раскопки, *вверхъ, верстъ на 20*, по рѣкѣ Шекснѣ при впаденіи въ нее небольшой рѣчки, извѣстной подъ именемъ *Мокса*. Самое имя этой рѣчки служило для меня соблазномъ и побуждало меня остановиться на курганахъ, на ней расположенныхъ. На лѣвомъ берегу этой рѣчки, въ настоящее время, почти совсѣмъ заросшей тиной, находится цѣлый рядъ возвышеній, прямо внушающихъ мысль о могильныхъ насыпяхъ. Курганы эти давно уже заросли лѣсомъ; въ настоящее же время хотя лѣсъ вырубленъ, но большіе пни облегаютъ ихъ вершины, откосы и всю окружность. Изъ нихъ я раскопалъ три огромныхъ кургана: въ двухъ изъ нихъ оказались

слѣды органическаго пепла; въ 3-емъ же не оказалось даже и того. Всякій изъ насъ, кто занимался раскопками, конечно, понимаетъ то чувство недовольства, которыми разрѣшаются подобныя неудачи.

Разочарованный въ успѣхъ дальнѣйшаго продолженія начатаго, я обратился къ другому рода поискамъ.

Разспрашивая мѣстныхъ жителей — не было ли сдѣлано какихъ-либо находокъ въ берегахъ Шексны послѣ разливовъ, я узналъ, что вслѣдствіе прошлогодняго мелководія изъ береговъ, близъ села Ольхова, обнажились большіе дубы, у самой воды *внизу*, на нѣсколько саженой отъ поверхности земли. Дубы эти, несомнѣнно, допотопнаго происхожденія, такъ какъ около этого самого мѣста, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ рѣки была вытащена неведомъ огромная челюсть *мамонта*, представленная мною въ свое время на антропологическую выставку и нынѣ хранящаяся въ Зоологическомъ музеѣ Императорскаго Московскаго Университета.

Затѣмъ я обратился къ разысканію памятниковъ былеваго пѣснотворчества. Не въ нѣдрахъ только земли, но и въ верхахъ народнаго сознанія таятся слѣды доисторическаго быта. Мнѣ указали въ деревнѣ Ольховѣ на крестьянина *Михея Васильевича Глибина*, какъ пѣвца старинъ. На мои разспросы этотъ Глибинъ объяснилъ, что покойный отецъ его Василій Даниловъ и дѣдъ Даниль Ивановъ очень любили слушать старинное и часто приглашали къ себѣ въ домъ старика Ивана Степанова, который былъ мастеръ пѣть про старую старину: „я, говорилъ онъ, лежалъ въ это время на полатахъ и слыхалъ“. На просьбу мою, не вспомнить ли онъ хотя немножко, онъ запѣлъ:

Изъ-за лѣсу было,
Лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ было тонкучіихъ,
Изъ-за Ефимова было озера,
Изъ-за той было пустыни
Астафѣевой,
Выходили, было, братья,
Сорокъ соколовъ,
Выходили то они
На крутой бережокъ,
Чин — отъ становили
Во единой во кружокъ
Всѣ копыя булатныя привотыкали,
Всѣ сумочки сафьяны привозвысили
Какъ задумали они
Да крѣпку думушку:
«Да кому жъ изъ насъ
«Атаману быть?»
И тутъ выбрали они
Да атамана-то —
Парня удалаго —
Сына Ефимова.
У него да лицо бѣлое —
Што изъ печки изъ огненные

Какъ у него косичка правая —
Што заря горитъ да утренняя
Какъ лѣвая косиченька —
Што заря да вѣдь вечерняя;
Какъ затылокъ у добра мѳлодца —
Все равно — да луна свѣтлая.
Быть тебѣ удаду добру мѳлодцу —
Атаманомъ быть надо всѣмъ кругомъ.
Какъ задумали, ребятушки,
Крѣпку думушку:
Ужъ какъ полно вамъ, ребята,
Бушевать-баловать;
И пройдемъ да мы, ребята,
Ко славному ко городу ко Кіеву,
Къ великому князю ко Владимиру.
Не дошли они до города до Кіева —
Какъ ѳдетъ имъ на стрѣчу
Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;
ѳдетъ онъ да на бѣломъ конѣ
И самъ имъ тутъ да вопроговоритъ:
«Миръ вамъ, братья, миръ дороженька.
«Да куда жъ вы идете,
«Куды путь держите?
— А мы самые разбойники,
— Мы самые непріатели,
— Жили на рѣкахъ, да на притекахъ;
А идемъ мы ко городу ко Кіеву
Къ великому князю ко Владимиру —
Креститься да со всѣмъ міромъ проститься.

Этотъ отголосокъ былеваго творчества, — едва ли не послѣдній на берегахъ Шексны. Во всякомъ случаѣ онъ въ высшей степени драгоцененъ для исторіи народнаго пѣсно-творчества. Упомянутая здѣсь Астафѣева пустыня находится на берегу Шексны въ 8 верстахъ отъ нынѣшней границы Ярославской губерніи.

Обращаясь къ вопросу о „*Княжичъ городокъ*“, прежде всего замѣчу, что онъ стоитъ на правомъ берегу Шексны въ 30 верстахъ отъ города Мологи и въ 75-ти отъ Рыбинска. Ежегодно, проѣзжая по Шекснѣ, я каждый разъ любовался его пріятнымъ видомъ и интересовался его судьбою. Самое названіе „*Княжича городка*“ невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе.

На берегу рѣки Андоги, текущей въ Суду, впадающую въ Шексну (Череп. у., Новг. губ.), есть мѣстность съ подобнымъ же названіемъ: „*Княжее село*“. Что это село называется *княжимъ* именно потому, что оно было столицею князей Андогскихъ — это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію; какъ это село, такъ и жившіе въ немъ князья Андогскіе упоминаются въ житіи преподобнаго Филиппа Ирайскаго, монастырь коего находится въ 4 верстахъ отъ Княжича села. То же самое объясненіе вполне примѣнимо и къ объясненію „*Княжича городка*“ на рѣкѣ Шекснѣ. Болѣе, чѣмъ

вѣроятно, что онъ получилъ такое названіе именно потому, что служилъ также столицею князей Шехонскихъ. Изъ замѣтки о немъ, помѣщенной въ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей (которыя, кстати замѣтимъ, благодаря нынѣшнему ихъ редактору, отличаются замѣчательнымъ обиліемъ мѣстныхъ историческихъ матеріаловъ) мы узнаемъ, что въ 7-ми верстахъ отъ него стоитъ село Покровское, которое, какъ извѣстно, встарину называлось *песымъ*, въ 12-ти верстахъ находится село съ именемъ *пчелье*. Авторъ означенной замѣтки на нашъ взглядъ справедливо предполагаетъ, что *песье село* могло быть *псовымъ дворомъ* тѣхъ же Шехонскихъ князей, а село *Пчелье* могло имѣть значеніе *дворцоваго пчельника*. Исторія „Княжича городка“, какъ столицы удѣльныхъ князей, не извѣстна. Въ XVI вѣкѣ Княжичъ городокъ принадлежалъ уже великому князю Московскому, гдѣ былъ Государевъ *рызъ* — т.-е. рыбная ловля, откуда доставлялись Московскому двору осетры. Во время междоусобицы Княжичъ городокъ со всѣми принадлежащими къ нему деревнями отданъ былъ боярами въ помѣстье Смольянину Павлу Михайлову, сыну Уварову (по всей вѣроятности одному изъ предковъ незабвеннаго графа А. С. Уварова). До царя Михаила Ѳеодоровича Княжичъ городокъ имѣлъ значеніе простаго села, въ совокупности же съ принадлежавшими къ нему деревнями, — значеніе *волости*. Въ царствованіе же этого государя онъ былъ возведенъ въ значеніе *города*, по челобитью Пошехонскаго воеводы Михаила Дурново. Челобитная эта настолько любопытна, что позволяемъ себѣ привести ее буквально. Отъ 14 іюля 1620 года воевода писалъ, что „по Государеву указу велѣно ему быть на Государевѣ службѣ въ Пошехоньѣ — и въ Пошехоньѣ-де съѣзжая изба и воеводскій дворъ и тюрьмы стоятъ на *церковной землѣ*, а Государевъ кабакъ стоитъ на *вотчинной землѣ Исае Языкова* изъ оброку, а оброку ему дается на годъ изъ Государевыхъ кабацкихъ денегъ по 2 рублю на годъ. А въ пошехонскомъ уѣздѣ за Смольяниномъ за Павломъ Михайловымъ сыномъ Уваровымъ село *Княжичъ городокъ* на рѣкѣ на Шекснѣ, а въ немъ церковь святыхъ Апостолъ Петра и Павла, а дано ему Павлу село *Княжичъ городокъ* изъ Государевыхъ дворцовыхъ ѣзовыхъ волостей; а подъ тѣмъ городкомъ на рѣкѣ на Шекснѣ былъ *ѣзъ*, и съ того *ѣзу* на Государя шла оброшная рыба — осетры; а прежде сего въ томъ Княжичѣ городкѣ бывалъ *городъ* и *осыть* и *ровъ* и *тайникъ* въ Шексну рѣку *знать*; а въ *осыпи* была церковь, а нынѣ обвалилась и струбы церковныя *знать*, а гдѣ былъ престолъ и на томъ мѣстѣ поставленъ образъ Христовы мученицы Парасковѣи — и отъ того образа бываетъ нынѣ исцѣленіе многое; а *мимо того* Княжича городка по рѣкѣ Шекснѣ ходятъ *суды* большіе съ Бѣла озера въ Ярославль и въ Нижній и въ Казань и въ Астрахань, а по обѣ стороны той рѣки Шексны вверхъ и внизъ — *наволоки* и *луга* большіе; и пашнемъ и сѣнокосомъ на Государя быти можно, а внизъ по рѣкѣ по Шекснѣ отъ того Княжича городка дворцовая Сесвятская волость, а вверхъ Филона да Онтоня Башмаковыхъ помѣстья и вотчины — и потому воевода билъ Государю челомъ, чтобы въ томъ *Княжичъ городкѣ* быти городу и призывать въ тотъ городъ изъ разныхъ городовъ и изъ Пошехонскаго уѣзда *охочихъ* людей, *захребетниковъ* и *выходцевъ*, которые выходили на Государево имя изъ Смоленска и изъ Бѣлой и изъ Дорогобужа и призвавъ велѣть быти въ томъ Княжичѣ городкѣ на посадѣ *торговыми людьми на льготѣ*, а *охочимъ* въ стрѣльцѣхъ и пушкарѣхъ и въ *зачинщикѣхъ* — и въ томъ Княжичѣ

городкѣ Государю будетъ прибыль противъ полныхъ городовъ. Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ про тотъ Княжичъ городокъ сыскать, изстари каковъ тотъ городокъ бывалъ и что съ него было Государевыхъ доходовъ“.

Изъ справки Приказа Большаго Дворца оказалось однако, что старыя приходныя и расходныя книги сгорѣли. Изъ справки же Помѣстнаго Приказа видно, что въ 1620 году дана была Государева *возная* грамота Смольняну Павлу Михайлову сыну Уварову на Пошехонское ево помѣстье *на Княжичъ городокъ* съ деревнями.

По заслушаніи сего дѣла Государь указалъ „Княжичъ городокъ съ деревнями и со всѣми угодьями, какими владѣлъ Павелъ Уваровъ, у него Павла взяти и отписать на себя Государя и людей въ тотъ городокъ называти вольныхъ, а гдѣ нынѣ въ Пошехоньѣ съѣзжая изба и тюрьма и кабаки и воеводскій дворъ и то все свести въ Княжичъ городокъ, а Павлу Уварову вмѣсто того Княжича городка прискати помѣсть въ иныхъ мѣстахъ.“

Кто был первый русскій библиографъ?

А. Соболевскаго.

Титулъ „отца славяно-русской библиографіи“ до сихъ поръ принадлежалъ Сильвестру Медвѣдеву. Его далъ Медвѣдеву покойный В. М. Ундольскій, открывшій и издавшій въ 1846 году (въ „Чтеніяхъ Моск. Общества Ист. и Др.“) найденный имъ между рукописями Московской Синодальной Библіотеки анонимный библиографическій трудъ второй половины XVII столѣтія: „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ“ (№ 828).

„Оглавленіе“ дошло до насъ только въ одномъ экземплярѣ, по всей вѣроятности, въ оригиналѣ автора. Въ виду этого Ундольскій обратилъ вниманіе на почеркъ рукописи, и найдя въ немъ сходство съ почеркомъ черновыхъ писемъ Медвѣдева, призналъ „Оглавленіе“ за трудъ Медвѣдева. Такимъ образомъ онъ основалъ свое мнѣніе единственно на сходствѣ почерковъ. Но сходство это, по нашему мнѣнію, мнимое.

Если мы взглянемъ въ почеркъ „Оглавленія“ и въ почеркъ писемъ Медвѣдева (хотя бы на снимкѣ, приложенномъ Ундольскимъ къ его изданію „Оглавленія“), то увидимъ, что все сходство этихъ двухъ почерковъ заключается въ томъ, что они оба мелки. Во всемъ другомъ — и въ общемъ характерѣ, и въ начертаніи отдѣльныхъ буквъ — они совершенно различны.

Если мы обратимся къ тому, что описано въ „Оглавленіи“, то окажется, что изъ тѣхъ книгъ, которыя въ немъ упоминаются и которыя имѣютъ хронологическую дату, — послѣдняя по времени относится къ 1665 году. Это „Небо новое“ Іоаннікія Галатовскаго. Такъ какъ въ „Оглавленіи“ не упомянуты вышедшія въ 1666 году „Жезль правленія“ Симеона Полоцкаго и „Мечъ духовный“ Лазаря Барановича, книги, которыя (особенно первая) пользовались значительною извѣстностью и распространеніемъ въ Москвѣ, гдѣ несомнѣнно работалъ авторъ „Оглавленія“, то поэтому время составленія „Оглавленія“ должно быть относимо или къ концу 1665 года, или къ 1666 году, къ тому времени, когда Медвѣдевъ былъ еще молодымъ (подъячимъ¹⁾ и только что начиналъ свое образованіе подъ руководствомъ Симеона Полоцкаго¹⁾) и когда онъ, само собою разумѣется, не былъ въ состояніи не только исполнить, но даже предпринять такой трудъ, какъ „Оглавленіе“.

Если мы обратимъ вниманіе на современниковъ нашего перваго библиографа —

¹⁾ По даннымъ, собраннымъ И. Е. Забѣлинымъ, начало занятій Полоцкаго съ Медвѣдевымъ и другими подъячими относится къ 1665 году.

на дѣателей русской литературы второй половины XVII вѣка, то замѣтимъ, что между ихъ именами въ „Оглавленіи“ нѣтъ имени Симеона Полоцкаго. Неужели бы могъ забыть своего любимаго наставника и покровителя Медвѣдевъ, если бы онъ былъ составителемъ „Оглавленія“?

Итакъ, нѣтъ никакой возможности считать „отцомъ славяно-русской библиографіи“ Медвѣдева. Всѣ права на титулъ перваго русскаго библиографа, по нашему мнѣнію, принадлежать Епифанію Славинецкому.

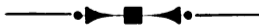
Языкъ „Оглавленія“, славянскій, заключаетъ въ себѣ нѣсколько словъ и выраженій, показывающихъ, что авторъ его былъ уроженцемъ литовской, юго-западной Руси. У него мы находимъ слова такъ называемаго „бѣлорусскаго“ языка XVI—XVII вв., т.-е. того литературнаго языка, который употреблялся въ юго-западной Руси: Давидъ *монаха* философъ (№ 55), *дружъ* московскій (№ 59), *предмова* (№ 124), *россы* (№ 26), *росскій* (№ 51) и т. п. Языкъ тѣхъ писателей, которые были уроженцами московской Руси, у него называется *московскимъ* (№ 131); московская Русь именуется *землею московскою* (№ 159). Эти особенности языка „Оглавленія“ заставляютъ видѣть въ авторѣ его юго-западно-русскаго уроженца, а обиліе словъ греческихъ въ родѣ *вѣлія* (№ 26), *анетсій* (№ 44) и выраженія въ родѣ *ромская* церковь (№ 27) = римская, папа *ромскій* (№ 50), Кассіанъ *ромлянинъ* и др., составляющія обычную принадлежность языка Епифанія, ясно свидѣтельствуютъ, что „Оглавленіе“ составлено именно имъ.

Между русскими авторами второй половины XVII столѣтія въ „Оглавленіи“ особенно обстоятельно говорится только объ одномъ — объ Епифаніи Славинецкомъ. Тутъ мы находимъ не только перечисленіе его сочиненій и переводовъ, но и свѣдѣнія о томъ, въ какомъ году и мѣсяцѣ онъ прибылъ въ Москву, когда именно начать и когда конченъ каждый большой его трудъ, съ какой книги сдѣланъ переводъ и т. п. Изъ разсмотрѣнія этихъ свѣдѣній становится несомнѣннымъ, что ихъ могъ сообщить только самъ Епифаній.

Наконецъ, почеркъ „Оглавленія“ очень близокъ почерку несомнѣнныхъ автографовъ Епифанія, хранящихся въ Московской Синодальной Библиотекѣ¹⁾. „Оглавленіе“ писано мелкимъ уставомъ, очень тщательнымъ; большая часть автографовъ Епифанія, намъ извѣстныхъ, писана мелкою скорописью, болѣе или менѣе небрежною, и потому между почеркомъ „Оглавленія“ и почеркомъ несомнѣнныхъ автографовъ нѣтъ полного сходства, за исключеніемъ нѣсколькихъ страницъ перевода Космографіи. Эти страницы (97—101) писаны также уставомъ, нѣсколько болѣе крупнымъ, чѣмъ уставъ „Оглавленія“; сличеніе отдѣльныхъ буквъ въ обоихъ уставахъ показываетъ, что начертанія ихъ тождественны и что они, хотя и относятся къ разному времени, но принадлежатъ одной и той же рукѣ.

Итакъ титулъ „отца славяно-русской библиографіи“ долженъ считаться принадлежащимъ Епифанію Славинецкому.

¹⁾ № 597 — черновые оригиналы проповѣдей Епифанія; не переплетенный Сборникъ № 4 — то же; № 779 — черновой переводъ Космографіи.

В с я м о к а ч н о .

Д. Прозоровскаго.

Русскій игумень Данилъ оставилъ описаніе своего путешествія въ Іерусалимъ, въ началѣ XII вѣка. Описаніе это дошло до насъ во многихъ спискахъ XV, XVI, XVII и частію XVIII в. (Лучшее изданіе этого памятника исполнено Археографическою Комиссіею въ 1864 году, подъ редакціею покойнаго А. С. Норова, который самъ отлично изучилъ Іерусалимъ и вообще Святую землю¹⁾.) Въ этомъ описаніи, извѣстномъ подъ названіемъ Паломника игумена Данила, есть между прочимъ: 1) „Гробъ Господень симъ образомъ, яко пещерка мала (изсѣчена въ камени, двери имуща малы, якоже можетъ человекъ влѣзти, на колѣну поклоншея), въ звыше есть малаго мужа и *всямокачна* (всями окачно, всямокачно, весь окатомъ) 4 лакоть въ долину и въ ширину“; 2) „и есть церкви та Воскресеніе Господне круга образомъ, *всямокачна* (всѣмъ окачна), въ долину и въ ширину 30 сажень“; 3) „и есть же церкви та (Святая Святыхъ) *всямокачна* (самокачна, мокачна, вся окачна и проч.), десять сажень въ прекъ и въ ширину и въ долину“; 4) (о пещерѣ гроба Пресвятыя Богородицы): „и есть бо пещера Пр. Бог. та до сего дни (мужа взвышь, а) въ ширину 4 лактій *всямокачна* (всѣмъ окачна, всямокачна)“; 5) „Іерусалимъ же градъ есть великъ вельми (и твердъ стѣнами), *всямокаченъ* (весь мокаченъ, всѣмъ окаченъ, твердъ окаченъ), на 4 углы крестнымъ образомъ създавъ“; 6) „езеро же то Генсаридское велико, 40 верстъ въ длину и въ ширину, кругло езеро то есть и *всямокачно* (все окачено, всѣмъ окачно, всямо кругло)“. Хотя выраженіе: „всямокачна“ встрѣчается и въ формѣ: „всямо окачна“, однако археологамъ понравилась первая форма (и у нихъ съ раздѣленіемъ ея на „вся мокачна“), откуда и получилось загадочное слово: „мокачно“, которое (по мнѣнію г. Прейса, имѣетъ связь съ словомъ: „Мокошь“, т.-е. съ названіемъ славянскаго языческаго божества, и можетъ значить: прекрасный, красивый: да и по мнѣнію профессора Буслаева „слово *мокачный*, вѣроятно (?) будетъ значить: хорошій“.

¹⁾ Въ послѣднее время изданіемъ путешествія Данилова занималось Православное Палестинское Общество.

Но подобное объяснение конечно не болѣе, какъ произвольная вѣроятность, вполне бездоказательная. Напротивъ того болѣе сильно, по логикѣ, мнѣніе архимандрита Леонида, который въ словѣ: „мокачный“ видитъ синонимъ слову „равномѣрный“, такъ какъ въ Паломникѣ оно всегда сопровождается указаніемъ величины мѣстности, равной въ длину и ширину и представляющей какъ бы квадратъ. Но и доказательства отца архимандрита кажутся вѣскими только для перваго взгляда: онъ забылъ главное, именно — филологическое обслѣдованіе слова „мокачно“ и не доказалъ того, что оно дѣйствительно существовало.

Лучшее толкованіе слова: „всямокочна“ принадлежитъ А. И. Тимоѣеву. Зная, что слово „всямо“ находится въ Изборникѣ Святославовомъ 1073 года („кругъ т.-е. солнечный, аки нѣкако око посылаетъ *всямо* луча“), и въ Сборникѣ Кириллова монастыря („Гаулонитское озеро *всямо* кругло“), и имѣя въ виду существованіе списковъ Паломника, въ которыхъ пишется: *всямоокачно*, *вся окачна*, *всямо кругло*, г. Тимоѣевъ пришелъ къ убѣжденію, что въ Паломникѣ нѣтъ слова „мокачно“, а есть выраженіе: „всямо окачно“, опредѣляющее очертаніе мѣстности. Къ указаніямъ г. Тимоѣева на памятники, гдѣ находится слово „всямо“, присовокуплю еще одинъ памятникъ, именно Ипатьевскую лѣтопись, въ которой, подъ 1147 годомъ, пишется: „и тако наряди Новгородци и Смолняны (аъ удержатъ Гюрга) и къ ротникомъ ся сли, и *всямо*“, т.-е. повсюду. По этому г. Тимоѣевъ правильно толкуетъ означенное слово выраженіями: во всѣ стороны, всюду, къ чему еще можно прибавить синонимъ: вездѣ, со всѣхъ сторонъ.

Что касается слова „окачно“, то г. Тимоѣевъ сопоставляетъ его словами: окатывать, окать, окатистый, окатникъ, и выводитъ, что оно означаетъ: не имѣющій угловатостей, округленный или кругловидный. Въ самомъ дѣлѣ, слово „окачный“ положительно произошло отъ слова „окать“*) = округлость; чередованіе звуковъ „т“ и „ч“ и обратно не рѣдкость въ русскомъ языкѣ: *ворочтъ* = ворочать, *золото* = золоченый, *круто* = круча, *мать* = мачиха, *мѣта* = мѣченый, *свѣтъ* = свѣча, окатить = окачивать. Такимъ образомъ ясно, что слово „окачный“ произошло отъ слова „окать“ совершенно по тому же закону, по которому слово „свѣчной“ выработалось изъ слова „свѣтъ“ (съ различіемъ только въ удареніяхъ, обусловливающихъ формы окончаній).

Къ этому не мѣшаетъ присовокупить: а) что въ одномъ спискѣ Даніилова Паломника написано: „весь *окатомъ*“, слѣдовательно, писецъ понималъ слово „окачно“ и перевелъ его въ современную себѣ форму: б) что по другому списку Паломника Іерусалимъ „*всямокаченъ* крестнымъ образомъ созданъ“; тутъ слово „окачно“ означаетъ округлость, заключающую въ себѣ равночастный крестъ; в) между тѣмъ въ иномъ спискѣ сказано, что озеро „кругло и *всямокачно*“, изъ чего можно заключить, что „круглый“ и „окачный“ не вполнѣ одно и то же: круглотѣ съ выступами можетъ быть мысленно дано очертаніе окатное.

Въ заключеніе нельзя не замѣчать, что слово „мокачно“ обязано своимъ появленіемъ

*) Отъ корня «кат», откуда слово «катить», а катится либо шарообразное тѣло, либо тѣло, хотя и не округлое, но стремящееся сверху внизъ по откосу, по склону.

ніемъ позднѣйшимъ переписчикамъ Данилова Паломника, не понимавшимъ значенія древнихъ словъ: „всямо“ и „окачно“. Не всѣ однакоже переписчики принадлежали къ этому разряду: были и понимавшіе, но — опять повторю — археологамъ нашего времени понравилась ошибка, изъ которой они и вывели нѣчто, никогда не существовавшее. Впрочемъ, нашему-то именно времени и достался жребій — изучать наши древности путемъ опрочечивости и строгой провѣрки, безъ чего русская археологія не могла бы итти впередъ столь быстро и съ такимъ успѣхомъ, какъ она идетъ впередъ въ настоящее время.

О хорографических мерянских и черемисских названіяхъ.

И. А. Износкова.

Во многихъ сообщеніяхъ, доложенныхъ уже Съѣзду, были приводимы объясненія названій различныхъ населенныхъ мѣстностей и урочищъ, но, вѣроятно, многія такія объясненія, а въ особенности тѣ, которыя основывались на одномъ только сходствѣ въ различныхъ названіяхъ, если и будутъ приняты во вниманіе при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ этомъ направленіи, то для того только, чтобы доказать всю несостоятельность такихъ объясненій.

Мѣстные изслѣдователи, занимающіеся объясненіемъ хорографическихъ названій, руководствуются большею частію въ своихъ изслѣдованіяхъ однѣми только филологическими данными, или же тѣми преданіями, какія уцѣлѣли въ народѣ объ основаніи селеній и о названіяхъ ихъ. Писцовыя книги, подробные списки селеній и урочищъ, относящіяся къ концу прошедшаго или началу настоящаго столѣтія, и спеціальныя научныя изслѣдованія о колонизаціи окраинъ рѣдко служатъ доступными источниками для такихъ изслѣдователей...

Къ числу запросовъ VII Археологическому Съѣзду, относящихся къ объясненію инородческихъ названій различныхъ мѣстностей, можетъ быть причисленъ также запросъ С. К. Кузнецова: „Возможны ли объясненія названій населенныхъ мѣстъ Ярославской губерніи изъ корней черемискаго языка“. И мы позволимъ себѣ замѣтить по поводу этого запроса, что опытъ объясненія названій какъ населенныхъ мѣстъ, такъ и урочищъ и не только одной Ярославской губерніи, но и другихъ, входившихъ когда-то въ составъ Мерянской области, уже сдѣланъ учителемъ черемисской начальной школы при Казанской учительской семинаріи, урожденцемъ Вятской губерніи, изъ природныхъ черемисъ, Т. С. Семеновымъ, предоставившимъ намъ для доклада Археологическому Съѣзду свою рукопись: „Алфавитный списокъ населенныхъ мѣстъ, рѣкъ, рѣчекъ, озеръ Мерянской стороны, названія которыхъ поддаются объясненію изъ черемискаго языка“. Этотъ списокъ состоитъ изъ четырехъ графъ. Въ первой помѣщены названія мѣстностей, во второй — географическое положеніе ихъ, въ третьей — тождественныя имъ названія мѣстностей

въ губерніяхъ, гдѣ и до настоящаго времени живутъ черемисы, и въ послѣдней — объясненія названій мѣстностей изъ черемисскаго языка. Въ составъ списка входятъ объясненія 123 хорографическихъ названій встрѣчающихся въ Ярославской губерніи, 104 — въ Костромской, 87 — Владимірской, 59 — Нижегородской, 20 — Московской и 13 — Вологодской. Сходныя же съ этими названіями тѣхъ мѣстностей, гдѣ теперь находятся черемисы, относятся къ названіямъ, встрѣчающимся въ губерніяхъ: Вятской, Казанской и Уфимской. Вотъ нѣсколько названій, изъ числа помѣщенныхъ въ спискѣ, объясненія которыхъ мы полагаемъ, сдѣланы наиболѣе удачныя: *).

Абатурово — Ярослав. губ., Мышкинскаго у. (4138), Угличск. у. (9207); Вятской губ., Яранск. у. (17758 *Абатырь*); Костромск. губ., Галичск. у. (3774), Кинешм. у. (5048). *Аба-тѹр* (чер.) = край, сторона принадлежащія матери.

Бечмерово — Ярослав. губ., Угличск. у. (9688); Вятск. губ., Яранск. у. (7759), Уржум. у. (15293—94 *Вичь-морь*, *Вичмарь*). *Вич-мари*, *беч-мари* = пять черемисъ.

Вараксино — Ярослав. губ., Романово-Борисоглѣб. у. (7979); Вятск. губ. Уржум. у. (15758), Слободск. у. (14652); Казанск. губ., Царевокок. у. (2187); Костром. губ., Буйскаго у. (1972), Ветлужск. у. (3393 *Варакша*); Московск. губ. Клинск. у. (3531), Рузск. у. (5015, 5065). *Вараксин* (чер.) = ласточка.

Вокшера сел. и рч. Ярослав. губ., Романово-Борисоглѣб. у. (5805, 5859, 6262), Рыбинск. у. (8032) *Вокшер* = прудъ.

Кугенерскій — Костром. губ., Ветлужск. у. (3067); Вятск. губ., Уржум. у. (16020—21), Яранск. у. (17703). *Кулу-энер* = большой ручей, оврагъ.

Левашино — Ярослав. губ., Данилов. уѣз. (1333—34), Ярослав. у. (838), Романово-Борисоглѣб. у. (5854), Рыбинск. у. (8013 *Левашино*); Казанской губер., Спасск. у. (1796); Костромск. губ. и уѣзда (1125). *Леваш* (чер.) = балаганъ, палатка.

Тормасово — Ярослав. губ. Рыбин. уѣзда (7200); Вятск. губ., Уржум. у. (15739—40). *Торма*, *тормы* = удаленный.

Турантаево — Ярослав. губ., Романово-Борисоглѣб. у. (5883); Вятск. губ., Елабужск. у. (3738), Яранск. у. (16939); Казанск. губ. и уѣзда (51280, *Тура*), Царевокок. у. (2488); Уфимск. губ. Бирск. у. (1365); Ярослав. губ., Мышкин. у. (4165, *Турайки*), Романово-Борисоглѣб. у. (5684 *Турачево*); Костром. губ., Ветлуж. у. (3547 *Турань*); Москов. губ., Бронниц. у. (1193 *Тураево*). *Тура* = крутой, *турантай* = кругая покатость.

Усолова — Ярослав. губ. Углич. у. (9483—84), Даниловск. у. (1568, *Усолакино*); Вятск. губ., Уржум. у. (15317); Казанск. губ. Царевокок. у. (2516, 26). *Усола* (чер.) = новая деревня, село.

Черемисино — Ярослав. губ. и уѣзда (945, 1005); Костром. губ. 7 селеній (613, 3365, 5617, 7105, 8215—16, 10930). Названія этихъ селеній прямо указываютъ, что тутъ жили черемисы, или были основателями ихъ.

*) Цифры, поставленныя въ скобкахъ, означаютъ №№ селеній по спискамъ населенныхъ мѣстъ, изданнымъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ.

Шамардино — Ярослав. губ., Романово-Борисоглѣб. у. (5683); Вятск. губ., Нолинск. у. (9497, *Шамаровская*). *Ша-мар-дэны* = близъ *Ша* черемисы, т.-е. черемисы поселившіеся близъ мѣстности, называвшейся *Ша*.

Шешурка — Ярослав. губ., Углич. у. (9137); Вятск. губ., Уржумск. уѣзда (16995). *Ши-шурка* = серебряный тюркѣ (украшеніе, носимое черемисами на головѣ).

Очень легко можетъ быть, что при болѣе подробныхъ изслѣдованіяхъ, при сличеніи названій по спискамъ, болѣе тщательно составленнымъ*), и при сопоставленіи ихъ съ мѣстными преданіями и разсказами объ основаніи селеній — многія объясненія окажутся ошибочными. Такъ нѣкоторыя названія, какъ напр. Усолова, Усолкино, могутъ быть русскаго происхожденія (усоль), другія же, напр. Варакино, Левашово, могутъ происходить отъ собственныхъ именъ и прозвищъ. Но вообще, просматривая списокъ, составленный г. Семеновымъ, нельзя не замѣтить, что многія инородческія и, можетъ быть, мерянскія названія удовлетворительно объясняются при посредствѣ черемисскаго языка. А такъ какъ возможно допустить, что въ Ярославской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ могутъ быть хорографическія названія, которыя можно объяснить и изъ корней другихъ инородческихъ языковъ: мордовскаго, зырянскаго, вогульскаго, то составленіе списка, въ которомъ находились бы такія объясненія, было бы крайне желательно. Даже и отдѣльные списки, составленные инородцами, или при содѣйствіи инородцевъ, могли бы служить для составленія полнаго, сравнительнаго списка, служащаго къ объясненію почти всѣхъ инородческихъ названій той области, въ которой находилась когда-то мера. Объясненія, имѣющіяся въ такомъ списокѣ, съ помощію другихъ научныхъ изслѣдованій, послужили бы, конечно, къ уясненію вопросовъ о томъ къ какому изъ финскихъ племенъ исчезнувшій народецъ мера подходитъ ближе, въ какихъ границахъ проживала мера и по какимъ направленіямъ она подвигалась при вытѣсненіи ея русскими и другими инородческими племенами.

Списокъ, составленный г. Семеновымъ, отвѣчая на запросъ г. Кузнецова, наводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ на ту мысль, что было бы крайне полезно составлять болѣе подробные списки по отдѣльнымъ губерніямъ, въ которыхъ (спискахъ) были бы приведены въ алфавитномъ порядкѣ всѣ хорографическія названія и объясненія этихъ названій. Какъ на слабую и не вполне законченную попытку въ этомъ направленіи, мы позволяемъ себѣ указать на составленный нами списокъ населенныхъ мѣстъ Казанскаго уѣзда**) и не можемъ не выразить желанія, чтобы подобныя, или лучше сказать болѣе совершенныя, работы были выполнены и по отношенію къ другимъ уѣздамъ...

*) Въ спискахъ Центрального Статистическаго Комитета многія названія селеній пропущены, а во многихъ изъ числа приведенныхъ встрѣчаются ошибки и искаженія.

**) Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанскаго уѣзда. Казань, 1885 г.

По поводу запросовъ.

Его же.

1) Н. К. Рамзевича „Названія рѣкъ въ Вологодской и Астраханской губерніяхъ“.

Наставникомъ Тотемской учительской семинаріи Н. К. Рамзевичемъ былъ сдѣланъ VII Археологическому Съѣзду запросъ, помѣщенный во II дополнительномъ спискѣ запросовъ и вопросовъ, „О названіяхъ рѣкъ въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ“. Въ этомъ запросѣ онъ приводитъ названія рѣкъ и рѣчекъ, имѣющихъ одинаковыя окончанія. Сначала приводится имъ рядъ названій, оканчивающихся на *енга* и *анга*: *Аренга*, *Печенга*,... *Рабанга*, *Корбанга* и пр.; при чемъ онъ замѣчаетъ, что „почти всѣ эти слова имѣютъ удареніе на первомъ слогѣ и могутъ быть, повидимому, легко раздѣлены на составныя части. Напр. *Шоренга* = Шор (зыр. — ручей) -ень-га. *Ень* (зырян. *jen* — Богъ, е́н, а́н, і́н — жена, самка) имѣетъ особое образовательное и смысловое значеніе. *Га* нужно, кажется, считать за окончаніе, прилагаемое для показанія женскаго рода“.

Рѣчекъ съ такими названіями, говоритъ г. Рамзевичъ, въ самомъ центрѣ современнаго зырянскаго края, Устьсысольскаго уѣзда, Вологодской губерніи, почти не встрѣчается; хотя нѣкоторыя изъ этихъ названій и могутъ быть объяснены изъ корней зырянскаго языка. Напр. *Аренга* (*ар*, зыр. — осень), *Ваенга* (*ва* — вода), *Векшенга* (*векша* — бѣлка), *Шеренга* (*шер* — градъ), *Шоренга* (*шор* — ручей), и проч.

Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ ручьи и рѣчки носятъ названія, оканчивающіяся на *шор* (ручей), напр. *Вичька-шоръ*, *Гач-шоръ* и проч.

Затѣмъ г. Рамзевичъ приводитъ рядъ названій рѣкъ съ окончаніемъ *юга*, встрѣчающихся въ Вологодской губерніи. *Уфтюга*, *Кондюга* и проч. Такъ какъ слово *юга*, *югра* встрѣчается также и въ другихъ хорографическихъ названіяхъ Вологодской губерніи, напр. *Югорская*, *Югра* деревни Тотемскаго уѣзда, то при этомъ, по замѣчанію г. Рамзевича, невольно вспоминается лѣтописная Югра, Угры. Если же, говорить онъ, принять, что въ составъ этого слова входитъ зырянское *Ю* — рѣка и *га*, особенное образовательное окончаніе, то названія по составу словъ могутъ быть раздѣлены такъ: *Уфт-ю-га*, *Конд-ю-га* и проч.

Окончанія *енга* и *анга* встрѣчаются въ спискѣ угорскихъ окончаній Европеуса*). Такъ подъ №-ромъ 9-мъ этого списка значится: *-енга*, *-онга*, *-анга* въ Финляндіи *-пкі* = окончаніе *-еп* = *-енг* прилагательныхъ въ остяцкомъ и вогульскомъ языкахъ.

*) Европеусъ. Объ угорскомъ народѣ. 1874, стр. 12.

Перечисляя отдѣльно названія съ окончаніями на *еня* и *ана*, какъ это и дѣлаетъ г. Рамзевичъ, можно, вѣроятно, намѣтить территоріальныя границы близкихъ между собою народностей, оставившихъ такія окончанія въ названіяхъ рѣкъ.

Въ Казанской губерніи, въ уѣздахъ Козмодемьянскомъ и Царевококшайскомъ, гдѣ въ настоящее время живутъ черемисы, встрѣчается много селеній, рѣкъ, овраговъ, названія которыхъ оканчиваются въ луговой сторонѣ Козмодемьянскаго и Царевкокшайскаго уѣздовъ на *энмер* (*инер*, *инер*), а въ горной сторонѣ Козмодемьянскаго на *амер*. Первыя, какъ напр. селенія *Кожла-энмеръ*, *Кутюк-инеръ* и пр. принадлежатъ луговымъ черемисамъ, на языкѣ которыхъ это окончаніе, сходное съ *еня*, значитъ ручей; а вторыя, какъ напр. *Кого-амеръ*, *Шу-амеръ* и пр., имѣющія окончанія, сходныя съ *ана*, принадлежатъ селеніямъ горныхъ черемисъ, у которыхъ *амер* имѣетъ то же значеніе.

Зырянское названіе *шор* — ручей напоминаетъ также черемисское *шор* — половодье. А окончаніе *юа* имѣется также подъ №-ромъ 35-мъ въ спискѣ угорскихъ окончаній Европеуса: *-юа*, *-ега* (*iega*), *-яа*, *-ога*, *-уга*, въ Финляндіи *-јаа*, *-ја*, *-іа*, *-іо* = рѣка.

2) И. Н. Суворова. Преподобный Герасимъ Вологодскій, прѣдя въ Вологду, выстроилъ себѣ келью и церковь на Кайсаровомъ ручьѣ. Что такое это Кайсаръ, или кто? Изъ какого языка взято это слово.

Слово *Кайсар* можетъ быть сокращенное изъ *кајын-сар* (тат.) = мѣстность изобильная березой, или же изъ *кайык-сар* (чув.), *киик-сер* (тат.) = мѣстность изобильная дикими звѣрями и птицами*). Если въ той мѣстности, гдѣ находился Кайсаровъ ручей, жили татары или чуваша, то можно допустить такое производство названія. Можно также сдѣлать предположенія, что слово *Кайсар*, *Кайсаровъ* составляло фамилію владѣльца этого ручья или земли, въ которой онъ протекалъ, п. ч. такая фамилія довольно распространена, и производство ея объясняется такъ же какъ и слова *Кайсар*. Вообще, на основаніи одного только запроса г. Суворова, безъ достоточныхъ свѣдѣній о той мѣстности, гдѣ находился Кайсаровъ ручей и характера этой мѣстности, въ особенности въ то время, которое можно бы считать близкимъ съ временемъ возникновенія названія, едва ли возможно по поводу одного только этого названія сказать что-либо больше.

*) Корневой чувашско-русскій словарь Золотницкаго. Казань 1877, стр. 257 и 259.

Къ вопросу о родствѣ и связи мери съ черемисами.

Т. Семенова.

Черемисы луговые и восточные сами себя называютъ *мари*, что значитъ *мужь*. Въ устахъ же горныхъ черемисъ это слово переходитъ въ *мары*, гдѣ послѣдняя буква *ы* произносится на столько бѣгло, что едва улавливается ухомъ, а буква *а* смягчается, по общему свойству нарѣчія этой части черемисъ, почти до *я*. Такимъ образомъ это слово, по выговору горныхъ черемисъ, правильнѣе было бы написать *мъръ* или даже просто *мър*, чѣмъ общепринятое *мары*. Слово *мари* по звуку очень близко къ названію древняго народа *мери*, а *мъръ* или *мър* почти вполнѣ тождественны. При такомъ близкомъ созвучіи самоназванія черемисъ съ названіемъ *мери* въ каждомъ изслѣдователѣ о черемисахъ невольно зарождается предположеніе, что черемисы и меря, если и не есть одинъ и тотъ же народъ, то между ними, во всякомъ случаѣ, должна быть очень близкая связь или родство. Къ такому предположенію еще больше наталкиваетъ то обстоятельство, что какъ меря, такъ и черемисы относятся къ одному племени — финскому*). Такъ, извѣстный финнологъ А. Кастренъ полагаетъ, что названіе *меря* есть славянское измѣненіе слова *мари*, почему и считаетъ возможнымъ „заключить по справедливости, что меря или состояла изъ черемисъ, или представляла поколѣніе близко родственное съ ними“**). Вопросъ этотъ, о возможности ближайшаго родства и связи черемисъ съ мерей, Д. А. Корсаковъ въ своей книгѣ: „Меря и Ростовское княжество“ принимаетъ за достовѣрную гипотезу (стр. 36). Кромѣ этого онъ, основываясь, главнымъ образомъ, на созвучіи названій, предполагаетъ еще родство мери съ *мордвой*, и на основаніи этихъ своихъ предположеній мерю рисуетъ по типу означенныхъ двухъ народцевъ, при чемъ полагаетъ однако, что меряне болѣе родственны съ черемисами, нежели съ мордвой (стр. 29). П. Д. Шестаковъ въ своей статьѣ „Родственна ли меря съ вогулами?“***) не соглашается съ Д. А. Корсаковымъ, считая родство и связь черемисъ и мордвы съ мерей имъ недоказанными. Самъ онъ доказываетъ родство мери съ вогулами, ссылаясь по отношенію къ мери, главнымъ образомъ, на сочиненіе графа А. С. Уварова: „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“ (Москва, 1872)****) и пользуясь тѣми данными языка, которыя остались намъ отъ меряне въ названіяхъ мѣстностей ихъ жительства и нѣсколькихъ другихъ словахъ. Конечно, никто не будетъ спорить о томъ, что если меряне разъ относятся къ группѣ финскихъ

*) Д. П. Еропеусъ. Объ Угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нивѣшнихъ ихъ жителей. Спб. 1874, стр. 2.

**) «Меря и Ростовское княжество». Д. Корсакова. Казань, 1872. Стр. 29. — Также: Н. И. Надеждинъ. Опытъ исторической географіи. Б. для Чт. 1837 г. т. 2, отд. III, стр. 27—79. — А. Риттихъ. Матеріалы для этнографіи Россіи, Казанская губернія. Ч. 2-я, стр. 121. — О. Истоминъ. Изв. Р. И. Г. О. т. XXI, 1885 г. вып., стр. 450.

***) Учен. Зап. Казан. Ун. 1873 г. № 1, стр. 151—188.

****) Сначала напечатано въ «Трудахъ перваго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ» 1869 г.

племень, то въ нихъ всегда можно отыскать какія-либо такія черты, которыя были бы въ равной степени свойственны нѣсколькимъ финскимъ народностямъ. Поэтому, опредѣлить — какой современный народъ изъ финскаго племени ближе всѣхъ къ мери или въ комъ-нибудь изъ нихъ не можемъ ли мы видѣть даже прямыхъ потомковъ мерянъ — возможно только тогда, когда меряне въ своемъ бытѣ, такъ тщательно представленномъ намъ графомъ А. С. Уваровымъ, и по остаткамъ своего языка будутъ сопоставлены или сравнены со всѣми народностями финскаго племени, и когда, такимъ образомъ, степень относительной близости мери къ каждой финской народности будетъ яснѣе. Здѣсь ниже представляется попытка указать на тѣ именно сходныя данныя изъ языка и факты изъ быта и исторіи мерянъ и черемисъ, которыя дѣйствительно допускаютъ возможность очень близкаго родства между этими народами.

Просматривая „Списки населенныхъ мѣстъ“ изд. Центрального Статистическаго Комитета, тѣхъ губерній, въ предѣлахъ которыхъ когда-то жила меря, и вникая въ тѣ не русскія, но почитаемыя мерянскими, названія, мы находимъ, что много названій изъ этой категоріи легко объясняются изъ черемискаго языка. Вотъ:

Алфавитный списокъ

населенныхъ мѣстъ, рѣкъ, озеръ мерянской стороны, названія которыхъ поддаются объясненію изъ черемискаго языка*).

№№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по „Списку населенныхъ мѣстъ“.)	Положеніе мѣстностей (при:)	Тожественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемискаго языкѣ.
1	Абатуровка рч.; Кост. С. 10095	рч. Столбовкѣ рч. Юхмѣ рч. Суткѣ рч. Молокшѣ	Абатмырь Вят. Я. 17758.	Аба—мать; тыр (горн.), тѳур (луг.) = сторона, край. Аба-тѳур = материнская сторона. Хотя такое названіе и не вполне понятно, но звучитъ оно по-черемиски.
2	Абатурово: Кост. { Г. 3774 Кн. 5048 Яр. { Мш. 4138 У. 9027			
3	Азикова, Вл. 335	—	Азикова (иначе: Нардомасъ, Нюрдомасъ черемисскій) при рч. Нюрдомасѣ. Вят. М. 7818. Жит. черем. Азякова Каз. Цк. 2170—72 (2170 иначе Шеклянуръ), жит. черемисы.	Ази или ози — языческое собственное имя; во многихъ мѣстностяхъ употребляется какъ оскорбительныя слова: оборванецъ, лоскутникъ, полоумный. Другое названіе Азикова Вят. губ. Нюрдомасъ = Нюрдыманъ, непромокание, т. е. непромачивающая рѣчка. Названіе Азякова Каз. губ. Шеклянуръ = секла (отъ рус. сѣчь, сѣчен.) + нур (поле) = отсѣченное или отмежеванное поле.
4	Аймусово, Вл. А. 978	рч. Свистушеѣ	— —	Аймус, аймус — язычск. собственное имя; ой (толкъ, понятливость), + мушы (находящій) = толковый, находчивый.
5	Акишево, Вл. А. 960	—	Окишево Вят. У. 15768, 15695 (по черемиски: Акиш + ял или Окаш + ял).	Акиш, окиш — языческое женск. собств. имя.
6	Алатырь, Ниж. Ард. 348	р. Алатырь	— —	Ала-тыр (горн.), ола-тѳур (луг.) = городская сторона, т. е. въ сторонѣ города находящееся (ола, ала — городъ; тыр, тѳур = сторона, край).

*) О значеніи сокращеній въ этомъ спискѣ см. въ концѣ его и 6-ю выноску.

№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и узловъ. (Цифры показываютъ №№ по „Списку населенныхъ мѣстъ“.)	Положеніе мѣстностей (прѣ:)	Тождественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
7	<i>Апышевка</i> , рч; Яр. Д. 1596	—	— —	<i>Апышы</i> говорятъ черемисы про людей и животныхъ обжорливыхъ, хватающихся за все, — „халуга“. Интересно бы, рѣчка Апышевка не имѣетъ ли какихъ-либо особенныхъ свойствъ, напр. бурное теченіе.
8	<i>Базыково</i> , Яр. Мш. 3753,	рч. Посвѣ	— —	<i>Базык</i> , <i>базык</i> — наклонный, покатый, скосившийся.
9	<i>Бакшево</i> или Бакшево: Вл. { А. 791 Пр. 3723 Ш. 5684 Ниж. 220	рч. Шовѣ рч. Кипѣ рч. Пичеси	— —	<i>Баки</i> — мельница. Достоинно вниманія, что три селенія находятся при рѣчкахъ, названія которыхъ напоминаютъ также черемисскія слова: <i>Шонья</i> — чер. <i>шон</i> (горн.), <i>шун</i> (дуг.) = глина; <i>Кипса</i> — чер. глаголь <i>Кипаши</i> или <i>кѣпаш</i> = <i>затхнуть</i> , <i>заплеснѣть</i> (о водѣ); <i>свалаться</i> (о шерсти); заспать, одурѣть отъ продолжительнаго сна, — отсюда <i>кѣпсы</i> (прилагат. форма) <i>затхлый</i> , <i>заплеснѣлый</i> и проч. Слово <i>Пичеса</i> напоминаетъ чер. <i>Пѣчысы</i> (отъ пучы — олень) — <i>олений</i> .
10	<i>Басалаево</i> , Яр. Рб. 8637	—	<i>Басалаевъ</i> (Кусудуль), Вят. У. 15583.	<i>Баса</i> — языческое собственное имя.
11	<i>Басалаевъ</i> , Кост. Вт. 3601			
12	<i>Бастырево</i> , Яр. Л. 2272	рч. Смудлянкѣ	— —	<i>Пасу</i> (поле) + <i>тѣр</i> (край, сторона); <i>пас(у)-тѣр</i> = на краю поля (находящійся), полевой.
13	<i>Бахтимерово</i> , Мск. Кол. 3771	пр. Москвѣ и Мезенкѣ	— —	<i>Бехтемыр</i> , <i>Пектемыр</i> — языческое собственное имя.
14	<i>Белбелка</i> , Вл. К. 2481	—	— —	<i>Пеле</i> (отъ <i>пелы</i> — половина) + <i>белкы</i> (отъ <i>бел</i> — сторона, край) = въ одну сторону, по одну сторону, одностороннее.
15	<i>Бечмерево</i> , Яр. У. 9688	—	<i>Вичморь</i> , Вят. { М. 7459 У. 15293—94 (жит. черем.).	<i>Вичмар</i> = <i>вич</i> + <i>мари</i> = пять черемисъ.
16	<i>Биберево</i> , Мск. 351	—	— —	<i>Пи</i> + <i>бер</i> = собачье мѣсто.
17	<i>Брембола</i> , Вл. Пр. 3700, 3757	—	— —	Первая половина этого названія напоминаетъ черемисское слово <i>прем</i> — завитушка, извилистость (напр. <i>когилы прем</i> — витое украшеніе на пирогахъ; <i>йындак прем</i> — края лаптя, гдѣ вокругъ веревочки перевиваются лыки). Другая половина этого названія напоминаетъ два черемисскихъ слова: <i>бел</i> (край, сторона) и <i>бал</i> — поверхность, <i>ма</i> (поверхности). <i>Прем</i> + <i>бел</i> = извилистый край, сторона; <i>прем</i> + <i>бал</i> = извилистая поверхность, съ извилистою поверхностью, на извилистой поверхности (см. дальше относительно <i>бал</i>). Рѣчка, при которой стоитъ Брембола, своимъ рус. названіемъ <i>Вертялка</i> подтверждаетъ возможность такого объясненія названія Брембола. При рч. Вертянкѣ стоитъ Брембола № 3757; Брембола № 3700 — при прудѣ; въ первой Бремболѣ по „Списку населен. мѣстъ“ значится 59 дворовъ, а во второй всего 16 дворовъ; поэтому нужно полагать, что Брембола вторая или малая, какъ она назыв. по „Списку населен. мѣстъ“, есть выселокъ изъ Бремболы первой или большой.

№№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по „Списку населенныхъ мѣстъ“.)	Положеніе мѣстностей (при.)	Тождественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
18	<i>Булдырево</i> , Яр. РБ. 6950	рч. Пахвѣ	} <i>Булдырь</i> , Вят. У. 15761.	<i>Пулдыр, пулдырчы</i> (луг.), <i>пулдыреи</i> (горн.) = 1) перепелъ; 2) вѣтъ противъ избы.
19	<i>Булдырицы</i> , Яр. У. 9551			
	<i>Вакиа</i> , Яр. г. (?)	(?)	— —	<i>Вакиъ</i> или <i>баки</i> = мельница. См. № 9.
20	<i>Вандово</i> , Мск. Руз. 5025	рч. Польнѣ	} <i>Вандышевскій</i> , Вят. О. 9937.	<i>Ванды</i> (горн.), <i>вонды</i> или <i>бонды</i> (луг.) = кустъ, кустарникъ. Любопытно, что мѣстность вокругъ деревушки <i>Вандовки</i> , Мамандышскаго у., Казанск. губ (на р. Камѣ, нѣсколько ниже села <i>Омаръ</i>) вся покрыта мелкимъ кустарникомъ, между тѣмъ какъ остальное пространство на далекое разстояніе представляетъ почти сплошной рядъ чистыхъ полей.
21	<i>Вандышевка</i> рч., Кост. Б. 1878			
22	<i>Вандышево</i> : Яр. { Л. 2617 РБ 6665 — 6865 — 6869 Кост. { Кн. 99 Н. 8814	рч. Зычихѣ		
23	<i>Вандышка</i> рч., Яр. Д. 1963			
24	<i>Вараксина</i> : Яр. РБ. 7972 Кост. Б. 1972		} <i>Вараксина</i> , Каз. Цк. 2187.	<i>Вараксин</i> (по говору черемисъ Царевок., Чебоксарск. и Казанск. уу.), <i>Варсеникъ</i> (по говору черемисъ Вятск. и Уфим. губ.) = ласточка (птица). Фамилии Вараксинныхъ свое начало получили, быть можетъ, отъ названія одного изъ этихъ мѣстъ.
25	<i>Вараксинъ</i> : Мск. { Кл. 3531 Руз. 5065 — 5015	рч. Долбицѣ рч. Волгинѣ		
26	<i>Варакиа</i> , Кост. Вт. 3393	рч. Большой Кашѣ	<i>Вараши</i> , Вят. У. 15900.	<i>Вараки</i> или <i>вараи</i> — ястребъ.
27	<i>Варашино</i> , Кост. Кн. 5107	рч. Елнати	<i>Варашовъ</i> , Вят. У. 16159.	
28	<i>Вашка</i> , Вл. Пр. 3676	рч. Вашѣ	<i>Вашкинерскій</i> , Вят. Н. 9127.	Названія селеній Вятской губ. <i>безспорно</i> черемисскія, потому что вторую половину ихъ составляетъ слово <i>инеръ</i> (въ устахъ русскихъ всегда переходящее въ <i>инерь</i>) = ручей, рѣчка. Но что означаетъ первая половина ихъ, входящая дѣлякомъ и въ приведенныя названія мѣстъ Владимірской и Нижегородской губ., — объяснить изъ современнаго черемискаго трудно, по крайней мѣрѣ слово <i>вашки</i> въ подходящемъ значеніи намъ не извѣстно.
29	<i>Вашкина</i> , Вл. Г. 2155	рч. Кельмоньѣ	<i>Вашкинеръ</i> , Вят. Н. 9136.	
30	<i>Вашкино</i> , Ниж. Б. 766	Безымен. ручѣ		
31	<i>Ветелево</i> , Ниж. Б. 1159	р. Волгѣ	— —	<i>Ветельи, вѣтэльи</i> = 1) чайка (мартышка), 2) полянна.
32	<i>Вичкинза</i> , суходоль Ниж. Ард. 291	—	— —	<i>Вичкинзы, вичкинцы</i> (горн.), <i>вичкиж</i> (луг.) = тонкій, узкій.
33	<i>Вожбалъ</i> р., Вол. Тм. 9894		} — —	<i>Вож</i> = корень; <i>вожёр</i> — коренья (собира- тельное имя); <i>вож + бал</i> = на корняхъ, надъ
34	<i>Вожерка</i> р., Яр. П. 5028			

№№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по „Списку населенныхъ мѣстъ“.)	Положеніе мѣстностей (при:)	Тожественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губервіяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
35	<i>Вожерово:</i> Кост. Кд. 6223 рч. 6198	рч. Лавровкѣ	— —	кореньями (подразумѣвается <i>находящійся</i> или <i>текущій</i> , стоящій.)
36	<i>Вожь</i> рч.: Яр. Д. 1634 Мск. Д. 2272			
37	<i>Водожъ</i> рч., Кост. Б. 2060	—	— —	<i>Вддыж</i> , <i>воддыи</i> = злой духъ.
38	<i>Водышъ</i> рч., Кост. Г. 4157			
93	<i>Вокиера:</i> Рб. 5955 — 8032 Яр. РБ. 5859 — 6269 РБ. (?) <i>Вокиера</i> рч., Яр. РБ. 5954 и др.	рч. Каменкѣ не выписаны	— —	<i>Вакиер</i> = мельничный прудъ (отъ <i>ваки</i> или <i>баки</i> = мельница и <i>ер</i> = прудъ; см. 9).
40	<i>Вочка</i> рч.: Вл. Мр. 3525 Кост. С. 9704	—	— —	<i>Вдчки</i> , <i>бочки</i> = кадка, обрубокъ отъ дуплистаго дерева. Надъ бьющими ключами черемисы любятъ ставить бездонныя кадки или обрубки отъ дуплистыхъ деревьевъ, отчего такіе ключи получаютъ названіе <i>бочканъ маман</i> (или просто <i>вочки + маман</i>) = елючъ съ кадкой. Слово <i>мамани</i> здѣсь, быть можетъ, упущено русскими.
41	<i>Демешково,</i> Яр. РБ. 6327	—	— —	См. №№ 44, 45.
42	<i>Елазь</i> р., Яр. Л. 2745	—	<i>Елазь</i> , Каз. Кд. 427 (жит. черем.).	<i>Еласи</i> = языческое собственное имя.
43	<i>Елташево,</i> Вол. Т. 9904	рч. Вожбалѣ	— —	<i>Йолтани</i> = товарищъ. Значеніе р. Вожбалѣ см. № 33.
44	<i>Емешино,</i> Кост. Г. 3899	р. Вздериножкѣ	<i>Емешев</i> , Каз. Кд. Черем. село.	<i>Емши</i> , <i>йымши</i> = плоды, рожки.
45	<i>Емшево,</i> Яр. РБ. 6638—39			
46	<i>Еморка,</i> Кост. Вт. 2859	рч. Енгаркѣ	— —	<i>Ямарка</i> — 1) дряхлый; 2) залежалый толстый валежникъ; гнилое толстое бревно или дерево.
47	<i>Ёрга</i> рч., Яр. Мш. 3925	—	— —	<i>Ёрга</i> — игривый (о лошади); кокетливый.
48	<i>Ерденево:</i> Яр. { Яр. 717 Д. 1703 Мск. Руз. 5048 Вол. 296	рч. Пахнѣ рч. Сотн прудѣ	— —	<i>Ер</i> = прудъ, озеро; <i>дэны</i> = частица, показывающая пребываніе при чемъ (комъ) либо: <i>Ер + дэны</i> = у пруда, у озера; при прудѣ,

№№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по "Списку населенныхъ мѣстъ".)	Положеніе мѣстностей (при:)	Тожественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.			
49	<i>Ердениза</i> , Вл. К. 2615	прудъ	— —	при озерѣ. Здѣсь только при одномъ мѣстѣ не показано ни рѣки ни пруда.			
50	<i>Ерлексъ</i> , Вл. Сд. 4732	р. Полѣ	} <i>Ермыково</i> , Уф. Б. (?), при рч. Уланѣ	} Всѣ эти названія начинаются словомъ <i>ер</i> = прудъ, озеро (см. №№ 48, 49) и находятся при рѣчкахъ, изъ которыхъ названіе послѣдней <i>Имер</i> = чер. <i>эмер</i> = рѣчка.			
51	<i>Ермыково</i> , Вл. Ш.(?)	р. Лимешкѣ					
52	<i>Ерово</i> , Вл. Г. 1993	р. Ингерѣ					
53	<i>Ечино</i> , Вл. Г. 2202	—	— —	<i>Ечи</i> — лыжи.			
54	<i>Жикишино</i> , Яр. РБ. 6740	рч. Максимѣ	<i>Шикшанъ-орша</i> , Вят. Я. 16913.	<i>Шики</i> = дымъ, <i>шикшан</i> = дымный.			
55	<i>Жолонка</i> , Яр. П. 5582	рч. Носѣ	<i>Желонкинъ</i> , Вят. У. 15506	<i>Шолонки</i> или <i>шалонки</i> = беркутъ.			
56	<i>Замаричье</i> , Вл. Сд. 4848	рч. Марсѣ	— —	За + <i>мари</i> + <i>чье</i> = за + <i>черемис</i> - ье. Рч. <i>Марс_a</i> = <i>мар(и)сы</i> , <i>марсы</i> = черемисская.			
57	<i>Ивачи</i> , Вл. Пк. 4201	} р. Огѣ рч. Мерской рч. Коновкѣ рч. Вьялкѣ рч. Тетеркѣ рч. Постной р. Волгѣ	} <i>Ивачева</i> , Уф. Б. 1511 (черем. деревня).	} <i>Ивачи</i> = языческое собственное имя.			
58	<i>Ивачево</i> : Вл. { Г. 1829 Ю. 6090 К. 901 Кост. { Г. 3821 — 4681 Н. 9030 Яр. { Яр. 709 Мш. 3954 У. 8810						
59	<i>Изина</i> рч., Яр. М. 3410 — 3496				рч. Санжѣ	— —	<i>Изи</i> — малый, мало, малышъ.
60	<i>Изино</i> оз., Яр. М. 3472				}	}	}
61	<i>Илема</i> рч., Вл. Мл. 3164						
62	<i>Илешево</i> , Кост. Кл. 6509				рч. Унжѣ	<i>Илешкукмарь</i> , Вят. У. 15749. <i>Илешево</i> , Уф. Бр. 1536 (черем. деревня).	<i>Илеш</i> , <i>илми</i> = жизнь, житіе.
63	<i>Ильдомка</i> рч., Кост. 988	} рч. Учѣ рч. Сотѣ	} — —	} <i>Ильдомы</i> , <i>ильдымы</i> , <i>илдымы</i> = нежилое, необитаемое, не населенное. Интересно названіе рѣчки при № 64 — <i>Уча</i> = чер. <i>учи</i> = мѣсть.			
64	<i>Ильдомское</i> , Яр. Л. 2103						
65	<i>Ильдомъ</i> , 2151 Яр. Л.						
66	<i>Ильмешъ</i> , Яр. Л. 2198	рч. Карышихѣ	<i>Илемасъ</i> , Вят. М. 8155. 8253.	<i>Илмаш</i> = житѣе, обитаніе, обиталище.			

№№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по „Списку населенныхъ мѣстъ“.)	Положеніе мѣстностей (при:)	Тождественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
67	<i>Има</i> рч., Вл. Сз. 4793	—	— —	<i>Имы</i> (отъ <i>iam</i> = плыву, плаваю) = плаваніе, переплываемый; (рѣчка), гдѣ плаваютъ, плывутъ, переплываютъ.
68	<i>Инарво</i> , Яр. Мш. 3619	рч. Песочнѣ р. Мологѣ и руч. Ина- ровскомъ	— —	
69	<i>Инарво</i> , Яр. М. 3395			
70	<i>Инеръ</i> рч., Вл. Сд. 4583			
71	<i>Итиръ</i> рч., Кост. Г. 4486			
72	<i>Инегерь</i> рч., Вл. Г. 1983	— —	— —	<i>Энер</i> , <i>эгер</i> (правильнѣе: <i>энер</i> , гдѣ буква <i>н</i> должна произноситься въ носъ) = рѣчка, ручей. Русскими это слово всегда передѣлывается въ <i>инеръ</i> , <i>итиръ</i> и т. д.
73	<i>Инеры</i> , Яр. Р. 7426			
74	<i>Ирмизи</i> рч., Вл. Сз. 5167			
75	<i>Кадрькь</i> рч., <i>Кадырино</i> , Ниж. Ср. 4315 4364	—	— —	<i>Ир</i> (дикій, степной, лѣсной, пустынный) + <i>м^узы</i> (рябчикъ) = мелкой породы рябчикъ. <i>Кадыр</i> = кривой, непрямой.
76	<i>Какиа</i> , Кост. Вт. 3393	рч. Большой Какишѣ	<i>Какиамаръ</i> , Вят. Я. 16902 <i>Кокшамаръ</i> , Каз. Цк. (?) жители че- ремисы. (Кокшаж- скіе черемисы).	<i>Кокши</i> (такъ назыв. черем. р. Кокшагу) = опухоль, нарывъ. У черемисъ существуетъ суевѣріе, что людей, которые плюютъ или спускаютъ нечистоты въ рѣку, колодець, водной духъ наказываетъ чирьями, нарывами на тѣлѣ, на языкѣ.
77	<i>Кандра</i> р., Яр. Л. 2513	—	— —	<i>Кандра</i> — веревка.
78	<i>Караишкое</i> оз., Яр. Р. 7280	—	— —	<i>Караи</i> = соты. Не состоитъ ли это озеро изъ нѣсколькихъ озерковъ и не напоминаетъ ли оно своей формой форму сотовъ?
79	<i>Каркагнеръ</i> , Кост. Вт. 2881	рч. Каркаге- нерѣ	— —	Карка + ингер; <i>корка</i> — чашка, <i>карака</i> — карась; ингер = <i>эгер</i> = рѣчка.
80	<i>Катромка</i> р., Вол. К. 5165	—	— —	<i>Котромка</i> = тяжелый, вялый, неподвижный, медленно движущійся.
81	<i>Кашкарово</i> , Ниж. Ар. 321	прудахъ	— —	<i>Кашка</i> = большое бревно, вряжь; <i>кашкар</i> или <i>кашкара</i> = буреломникъ, валежникъ. <i>Кашкендур</i> = <i>кашкан</i> + <i>дур</i> = возъ валежника, по сторонамъ буреломника (т.-е. текущая рѣка). При Кашкендурѣ подъ № 2254 стоитъ: <i>пешки</i> , что и подтверждаетъ объясненіе этихъ названій.
82	<i>Кашкендуръ</i> рч., Кост. Вр. 2254			
83	<i>Кельмонья</i> рч., Вл. Г. 2155	—	— —	<i>Келам</i> = иду бродомъ, иду по чему-либо вязкому; <i>келман</i> = бродомъ переходимая или проходимая (т.-е. рѣка).

№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ № по „Списку населенныхъ мѣстъ“.)	Положеніе мѣстностей (при:)	Тожественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
84	<i>Кемары</i> большіе (Знаменское, Кимары) Ниж. К. 3072 <i>Кемары</i> малые Ниж. К. 3073	прудахъ и ключѣхъ <i>Гремячемъ</i> . овр. Лѣскѣ	— —	<i>Кемары</i> = <i>кѣ</i> (камень) + <i>мары</i> (черемисы) = <i>каменоломы</i> , <i>черемисы</i> — <i>каменоломы</i> или черемисы, живущіе на каменной мѣстности. <i>Гремячій</i> ключъ (при <i>Кемар.</i> Больш.) свое названіе получилъ, вѣроятно, отъ того, что его воды пробиваются или выпадаютъ по камнямъ.
85	<i>Керженецъ</i> , Ниж. См. 3865	р. Керженецѣ	<i>Керженецъ</i> , Вят. Я. 16889.	<i>Керж</i> , <i>кѣрж</i> = серьга. Названіе <i>Керженецъ</i> не имѣетъ ли какого отношенія къ названію уѣздн. гор. <i>Сергачъ</i> ?
86	<i>Кибелякъ</i> руч., Ниж. М. 3314	—	— —	<i>Ки</i> + <i>белякъ</i> = <i>кѣ</i> (камень) + <i>блякъ</i> (окончаніе множественнаго числа) = <i>камни</i> (т.-е. каменный ручеекъ?)
87	<i>Кибожъ</i> рч., Яр. Мш. 3847	—	— —	<i>Ки</i> + <i>бож</i> = <i>кѣ</i> (камень) + <i>бож</i> (корень) = каменный корень, съ началомъ (истокѣмъ) каменнымъ (въ камняхъ).
88	<i>Киболь</i> , Вл. Сз. 5191	рч. Каменкѣ	— —	<i>Ки</i> + <i>бол</i> = <i>кѣ</i> + <i>бал</i> = на камняхъ (находящійся). Названія <i>Киболь</i> и <i>Каменка</i> (рч.), такимъ образомъ, совершенно однозначущи.
89	<i>Киберино</i> , Вл. Сз. 5248	рч. Нерли	— —	<i>Ки</i> + <i>бер</i> или <i>ки</i> + <i>вер</i> = <i>кѣ</i> (камень) + <i>бер</i> или <i>вер</i> (мѣсто) = <i>каменное мѣсто</i> .
90	<i>Кивернево</i> , Яр. Л. 2545	рч. Черной		
91	<i>Киверники</i> , Яр. РБ. 6343	рч. Матнѣ		
92	<i>Киверниково</i> , Вл. Вз. 1524	рч. Матнѣ	— —	—
93	<i>Кижила</i> , Вл. Ал. и Перес.	—	— —	Такъ называется вся мѣстность по верховьямъ р. Кубры (Груды перваго Археологическаго Съѣзда, стр. 667). Слово <i>кижила</i> = чер. <i>кѣшѣла</i> = <i>верхній</i> , <i>верховья</i> . Слѣд., эта мѣстность называется просто „ <i>верховьямъ</i> “.
94	<i>Кильдышъ</i> рч., Вл. Ю. 6149	—	— —	<i>Килдыш</i> , <i>кылдыш</i> = узелъ, завязка. Селеніе, при которомъ показана рч. Кильдышъ, называется „ <i>Золотуха</i> “. Шрамъ, образовавшійся послѣ золотухи, черемисы называютъ этимъ же словомъ <i>кылдыш</i> (напр. <i>кылдыш</i> — <i>шѣя</i> = съ узловатой шеѣй, т.-е. золотушной). Названіе рч. „Кильдышъ“ и селенія „Золотуха“ однозначущи.
95	<i>Кинешма</i> , Кост. г. уѣз. г.	рр. Волгѣ, Кинешемкѣ и Казогѣ	— —	<i>Ки</i> + <i>нешма</i> = <i>кѣ</i> (камень) + <i>нешма</i> (зерно, сѣмя) = каменные зерна, камешки.
96	<i>Кинтаново</i> , Яр. Л. 2757 2801	р. Рушѣ	— —	<i>Кинты</i> = хлѣбъ, <i>кинтан</i> = хлѣбный, хлѣбородный. <i>Руш</i> = русскій (человѣкъ).
97	<i>Кипса</i> , Вл. Пр. 3723	—	— —	См. № 9.

№№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по „Списку населенныхъ мѣстъ“.)	Положеніе мѣстностей (при:)	Тождественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемискомъ языкѣ.
98	Кишианово, Яр. Д. 1975	рч. Левашевкѣ	—	Киши = сѣра, смола; кишиан = сѣристый, смолистый. Леваиш = навѣсъ. См. Лебакишъ, Леваишево.
99	Кианово, Кост. Г. 4948	р. Мерѣ	—	Киан = каменистый.
100	Киучежъ, Вл. Пр. 3743	рч. Рюхмѣ	Киучерьяль, Вят. У. 15614 (черем. дер.).	Ки (камень) + чер (болѣзнь) = каменная болѣзнь. Ки + чер + ял = деревня съ каменною болѣзней. (Шестаковъ: каменный топоръ).
101	Кокшарово: Ниж. { Ниж. 102 Ср. 4331	рч. Кусаковкѣ и прудѣ	Кокшарово, Вят. г. древній черемисскій городъ, нынѣ Котельничъ.	Кокшар = сучкастая жердь.
102	Кокшары, Вол. К. 4643			
103	Колдомаръ, Кост. Кн. 5760	—	—	Колдомо, колдымы = безрыбная.
104	Колдомка рч., Кост. Н. (?)			
105	Колмово, Яр. М. 3540	р. Шексиѣ и руч. Колмовскомъ	—	Колмы — умираніе, смерть (мѣсто смерти, рѣчка смерти?).
106	Колменское, Ниж. Г. 2036	прудѣ	—	Кол + ниа = рыбный прудъ, прудъ для рыбы.
107	Коляново, Вл. Ш. 5964	—	Колянуръ, Вят. Я. 16941, 17574.	Коля = мышь; колян = мышинный, съ мышами; коля + нур = мышинное поле.
108	Компанка рч., Кост. Ю. 11002	—	—	Компы = гусь, компан = гусиный, съ гусями.
109	Конаково, Яр. Мш. 3669	рч. Пукшѣ	—	Конак = гнусливый, гнусарь.
110	Котора рч., Яр. П. 4574	—	—	Котыра = кочка, кочкарный (рѣчка съ кочкарными берегами?)
111	Копань, Вл. Г.	—	—	Купан = болотистый.
112	Корешово, Вл. А. 885	рч. Корешовкѣ	Корешъ мучакишъ. Каз. Цк. 2245	Кореш, кореш = промолва, желобокъ, трещина. Кореш мучакишъ = конецъ промолвы (оврага).
113	Кошерезо, Мск. Брон. 1083	р. Гжелкѣ	—	Кошер = ельникъ.
114	Кошкарка рч., Яр. РВ. 6717	рч. Сендегѣ	—	См. № 81.
	Кошкарово, Кост. { Б. 1456 Г. 3659			

№№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по списку населенныхъ мѣстъ.)	Положеніе мѣстностей (при:)	Тождественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
115	<i>Куба</i> , Кост. Вт. 3010 3034	рч. Кубѣ	<i>Куба-Колмажъ</i> , Вят. У. 15473 (<i>Куба-Колмаи</i> = черем. <i>смерть старухи</i> , т.-е. мѣсто смерти старухи).	<i>Куба</i> или <i>кува</i> = старуха; <i>кубабай</i> = бабушка.
116	<i>Кубабайка</i> рч., Вол. 1501			
117	<i>Кубаево</i> : Яр. П. 4693 Вл. Ю. 6426 Нож. Г. 2150 Вол. 1440	рч. Керомѣ р. Кудымѣ		
118	<i>Кубань</i> рч., Кост. 1037	р. Лопаснѣ	<i>Кубасъ</i> , Каз. Чп. 3316 <i>Кубасы</i> , большіе, малые Кд. 841, 842.	Эти названія напоминаютъ два черемисскія слова: первое вышеприведенное <i>куба</i> (старуха) и второе <i>куп</i> (болото). <i>Кубань</i> можетъ = <i>кубан</i> (старушечья), и = <i>купан</i> (болотистая, болотная); <i>Кубасово</i> = <i>кубасы</i> (старушечье, старухово). Названіе рѣки при второмъ мѣстѣ <i>Лопасна</i> м. б. = <i>лапаш</i> = низменное топкое мѣсто.
119	<i>Кубасово</i> , Мск. Сер.			
120	<i>Куваево</i> , Вол. К. 4663	р. Двиницѣ	— —	<i>Кува</i> или <i>куба</i> . См. № 115—117.
121	<i>Кувай</i> рч., Ниж. Ср. 4451			
122	<i>Кувардино</i> : Яр. Д. 1228 Кост. Ю. 11944 Ниж. М. 3543	рч. Ухтомѣ рч. Сеготи р. Волгѣ	— —	<i>Кувар</i> (мостъ) + <i>дѣм</i> (окончаніе, очень часто встрѣчающееся въ названіяхъ черемисскихъ деревень и означающее: у, при, близъ).
123	<i>Кугенерскій</i> , Кост. Вт. 3068	рч. Кугинерѣ	Вят.: У. 16020—21. Я. 17703. (черем. деревни).	<i>Кужу</i> + <i>эмер</i> = большой ключъ.
124	<i>Кудашево</i> , Ниж. Б. 1359	болотѣ	<i>Кудашъ-сола</i> при безыменн. ключахъ Каз. Цк. 2513 (чер. деревня).	<i>Кудашъ-сола</i> = <i>Кудашъ-селеніе</i> . <i>Кудаш</i> =? (<i>кудаш</i> = раздѣвайся, скни, сними, одно селеніе съ такимъ названіемъ при <i>болотѣ</i> , а другое при <i>ключахъ</i> , — не <i>раздѣвайся</i> (отъ грязи) деревня ли?)
125	<i>Кудашевка</i> , Яр. М. 3320			
126	<i>Кузенеръ</i> , Кост. Вт. 2997	рч. Кузенерѣ	<i>Куженеръ</i> , Вят. М. 8247 (черем. деревни).	<i>Кужу</i> + <i>эмер</i> = длинный ключъ, ручей.
127	<i>Кулаево</i> , Ниж. Б. 726	р. Волгѣ	<i>Кулаево</i> , Уф. Бр. 961 (черем. деревня).	<i>Кула</i> = саврасый, русый. Въ одной черемисской сказкѣ предъ окномъ черемисяна, чтобы онъ далъ овцу, <i>волкѣ</i> постъ: кулай, кулай — Пектулай.
128	<i>Купань</i> , Вл. Пр. 3826	—	— —	<i>Купан</i> — болотистый. См. № 118.
129	<i>Купенгуръ</i> , Кост. Вт. 2245	р. Купенгурѣ	— —	<i>Куп</i> + <i>эмер</i> = болотная рѣчка.
130	<i>Курнужъ</i> , Кост. Вт. 2853 3022	рч. Курнужѣ рч. Черномъ Курнужѣ	— —	Курнуж, <i>курныж</i> = коршунъ.

№№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по „Списку населенныхъ мѣстъ“.)	Положеніе мѣстностей (при:)	Тожественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
131	<i>Кутмары</i> , Ниж. См. 3622 (жит. 9 дворовъ)	—	— —	<i>Кут + мары</i> = шесть черемисъ.
132	<i>Кутуково</i> , Вл. { Вл. 452 { Пк. 4361	р. Большомъ Киржачѣ	<i>Кутюкъ-Кинеръ</i> , Каз. Цк. 2342 (черем. деревня).	Кутюкъ = <i>кѹчкык</i> = короткій. Кутюкъ-кинерь = <i>Кѹчкык + энер</i> = короткій ключъ, ручей.
133	<i>Кученерка</i> рч., Кост. Вт. 2834	—	— —	<i>Кучкык + энер</i> = короткій ключъ, ручей. См. № 132.
134	<i>Кучеры</i> , Яр. Р. 7549	—	— —	См. № 100.
135	<i>Лопшана</i> , Кост. Вт. 2452 рч. — 2451	—	— —	<i>Лопшаны</i> = репейникъ.
136	<i>Лашика</i> рч., Ниж. Л. 3259	—	— —	<i>Лашикѣ</i> = черемисское кушанье въ видѣ галушекъ.
137	<i>Лебакиль</i> рч., Яр. Р. 7723	—	— —	<i>Лебаки, лебаи, леваи</i> = навѣсъ, поднавѣсъ, шалаши.
138	<i>Левангирь</i> рч., Кост. Кол. 8167	—	— —	<i>Левы + энер</i> = теплый ключъ.
139	<i>Левашево</i> , Вл. Пк. 4385	—	— —	Мѣстностей съ такимъ названіемъ въ разныхъ губерніяхъ много; разсѣяны они, вѣроятно, фамиліей Левашевыхъ, получившихъ ее, быть можетъ, отъ черемисскаго слова <i>Леваи</i> (шалаши, поднавѣсъ). См. № 137.
140	<i>Лобашево</i> , Вл. Г. 2248	рч. Неврѣ	<i>Лопшии</i> , Вят. Я. 17460. (жит. черем.).	<i>Лопши</i> = низкое, влажное, топкое мѣсто. Нужно замѣтить, что въ черемисскомъ языкѣ чистаго звука <i>б</i> нѣтъ, а русская буква <i>б</i> всегда произносится какъ <i>в</i> или <i>н</i> .
141	<i>Локсомеръ</i> , Яр. У.	р. Локсамери	— —	<i>Лыксы + мѣр</i> (горн.), <i>лыксы + мары</i> = <i>удьланая</i> (въ смыслѣ: крайняя, дальняя) <i>меря</i> , украинскіе черемисы.
142	<i>Лопшиль</i> рч., Мск. Сер. 5687	—	— —	<i>Лопши</i> = низкое, влажное, топкое мѣсто. См. № 140.
143	<i>Лумарь</i> , Кост. Вт. 3040—41	рч. Мирянгѣ	<i>Лумарь</i> , Вят. { У. 16014. { Я. 17614.	<i>Лу + мар</i> (горн.), <i>лу + мары</i> (луг.) = десять черемисъ. Мирянга = <i>мераны, меранъ</i> = заяць.
144	<i>Лутандоръ</i> рч., Ниж. Арз. 516	—	— —	<i>Лопан + дѣр</i> (тѣр) = низменная, топкая сторона, край.
145	<i>Лушмарь</i> , Кост. Вт. 2770	ррч. Темтѣ и Губачевкѣ	<i>Лушмарь</i> , Каз. Цк. 2383.	<i>Луш</i> (?) + <i>мары</i> (черемисы).
146	<i>Маморы</i> , Вл. Г. (?)	—	— —	<i>Май</i> (?) + <i>мары</i> (черемисы)

№№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по "Списку населенныхъ мѣстъ".)	Положеніе мѣстностей (при:)	Тождественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
147	<i>Марейкино</i> , Вл. А. 587	рч. Грязовкѣ		
148	<i>Маресово</i> , Ниж. Л. 3164	рч. Руднѣ		
149	<i>Маресово</i> рч., Ниж. Арз. 585		— —	<i>Мари</i> = черемисинъ, черемисы; <i>марисы</i> = черемисскій.
150	<i>Мориши</i> : Кост. Ю. 11533 — 11534 Вл. Г. 2315, 2350	рч. Губачевкѣ рч. Добрицѣ		
151	<i>Мирияма</i> рч., Кост. Вг. 3040	—	— —	<i>Меран</i> (и носовой) = заяцъ. (Русскіе это слово коверкаютъ всегда въ <i>меряма</i> .)
152	<i>Монарево</i> , Яр. Мш. 3750			
153	<i>Монари</i> (Мунари) Ниж. М. 3477	рч. Китмерѣ	— —	<i>Монар</i> , <i>мунар</i> = точильный камень (брусокъ).
154	<i>Монарка</i> рч., Ниж. М. 3512			
155	<i>Мормужино</i> , Яр. П. 4869	р. Согожѣ		<i>Мор</i> (отъ русск. моръ, <i>моровое</i> повѣтріе) + <i>муж</i> (злой духъ, производящій моръ). Подобно: <i>йжшты</i> (холодь, -днѣй) + <i>муж</i> = злой духъ, производящій лихорадку.
156	<i>Мормужка</i> рч., Яр. Рб. 8571		— —	
157	<i>Мышкарово</i> , Яр. Д. 1981	руч. Хмелевкѣ	— —	Такъ (мышкар) называютъ черемисы свое „задѣліе“ (участокъ лѣса) въ Вятской губ. Уржумск. у. Сернурской вол. (мышкар = ?).
158	<i>Нелша</i> рч.: Вл. { 53 Сз. 5247 Кост. Кол. 6197		— —	<i>Нелшы</i> = <i>глотающій</i> , <i>втягивающій</i> . Здѣсь мнѣ припоминаются тѣ рассказы черемисъ, отъ которыхъ въ дѣтствѣ у меня волосы дыбомъ вставали. Это рассказы о <i>странѣ</i> , гдѣ есть страшная <i>рѣка</i> (Нелшы корем = глотающая рѣка), <i>втягивающая</i> въ себя за тридцать сажень отъ своихъ береговъ: если человекъ на вершокъ перешагнулъ эту границу, то ему уже не преодолѣть тяги рѣки. Въ этихъ разсказахъ не передавалось ли воспоминаше о приведенныхъ рѣчкахъ или одной изъ нихъ, украшенное преувеличеннымъ объясненіемъ ихъ названій?
159	<i>Немда</i> р. Кост.	—	— —	<i>Немды</i> = вязкій, топкій (о днѣ рѣки).
160	<i>Неры</i> оз., Яр. Р.	—	— —	<i>Неры</i> , <i>нѣры</i> = влажный, мокрый.
161	<i>Нинуръ</i> , Вл. Мл.: 3256 (Гашилово старое) 3257 (Шабаново)	рч. Ташиловкѣ (Нинурѣ) рч. Шатаркѣ и прудѣ Шабановкѣ	— —	<i>Ни</i> (дыко) + <i>нур</i> (поле) = лычное поле, т.-е. мелкій <i>литнякъ</i> . Шабановка = чер. <i>шобы</i> , <i>шобан</i> = кислый, прокисшій, заплеснѣлый.
162	<i>Ноля</i> , Кост. Г. 3806	р. Ноля	<i>Ноля</i> р., Вят. У. 15315	<i>Ноли</i> = мокнущій, слизистый, гноящійся.

№№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по „Списку населенныхъ мѣстъ“.)	Положеніе мѣстностей (при :)	Тожественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
163	<i>Нужъ</i> рч., Ниж. М. 3240	—	<i>Нуж-яль</i> , Каз. Цк. 2122, 2336.	<i>Нуж</i> = 1) щука; 2) крапива.
164	<i>Нурма</i> рч., Вол. Гр.	—	<i>Нурма</i> , Вят. У. 15556. Каз. Л. 1092, М. 1404, Цк. 2134, К. 164 и др.	<i>Нур</i> = поле. (Нурмы = полевой?).
165	<i>Нюнча</i> рч., Вл. А. 790	—	— —	<i>Нюнчы</i> = вязкій, тягучій (о грязи).
166	<i>Овиденка</i> руч., Яр. П. 5450	—	<i>Овида-сола</i> , Вят. У. (черем. деревня).	<i>Овида</i> = мненческій человекъ. <i>Овиды</i> живутъ въ лѣсахъ и горахъ; имѣютъ очень длинныя волосы; у женщинъ груди закидываются черезъ плечи на спину; во время своей свадьбы ѣздятъ по воздуху; при встрѣчѣ съ людьми любятъ ихъ щекотать. Счастье человекъ, если онъ гдѣ-нибудь наткнется на запутавшагося въ чѣмъ-либо своими волосами <i>овиду</i> : за трудъ освобожденія овиды награждаетъ, кто только чѣмъ пожелаетъ. Черемисы очень боятся проклятія овиды.
167	<i>Одошнурскій</i> , Кост. Вт. 3065 <i>Одошнуръ</i> — 3865	—	— —	<i>Одыи+нур</i> = страшное поле. <i>Одыитылаи</i> = плутать, мавить, блуждать, вертѣться на одномъ мѣстѣ (отъ нечистыхъ духовъ); видѣть страшныя привидѣнія (нечистыхъ). <i>Одышнур</i> = собственно поле, гдѣ нечистые духи живутъ и гдѣ отъ нихъ бываютъ страшныя приключенія. <i>Оны</i> = кругъ, круглый, кольцо.
168	<i>Ота</i> р., Яр. Л. 2797	—	— —	
169	<i>Оржа</i> р., Яр. Л. 2794	—	— —	<i>Оржа</i> = грива.
170	<i>Орлекъ</i> , Яр. Мш. 3755	рч. Орлекъ	— —	<i>Орлык</i> = горе, несчастье.
171	<i>Ошатнуръ</i> , Кост. Вт.	рч. Луговкѣ	<i>Ошетскій, Ошетъ</i> : Вят. { У. 15817. Я. 16695. Н. 9053.	<i>Ошет, ошат</i> (?) + <i>нур</i> = (поле).
172	<i>Ошераиъ</i> , Ниж. М. 3383	болотѣ	— —	<i>Ош+ераи</i> = бѣлый прудъ, бѣлое озеро.
173	<i>Ошма</i> рч., Кост. Вт. 2888	—	— —	<i>Ошма</i> = песокъ.
174	<i>Ошмара</i> , Яр. Р. 7183	—	— —	<i>Ош+мари</i> = бѣлый черемисинъ, бѣлые черемисы. (Черемисы носятъ бѣлую одежду. <i>Шестаковъ</i> : медвѣжій пень).
175	<i>Ошманскій</i> , Кост. Вт. 2998	рч. Ошмѣ и Шуьшумѣ	— —	Отъ <i>Ошма</i> . См. 173.
176	<i>Пандасъ</i> , Ниж. Л. 3181 (Чиргуши).	рч. Пандасѣ	<i>Пандашъ-сола</i> , Вят. У. 15594.	<i>Пундыи</i> (луг.), <i>пундыи</i> (горн.) = пень, пеньки.
177	<i>Пасма</i> , Кост. Кол. 6195 6397	рч. Пасмѣ	— —	<i>Пасма, пашма</i> = пѣшеходный мостикъ.

№№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по "Списку населенныхъ мѣст".)	Положеніе мѣстностей (при:)	Тождественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
178	<i>Пелька</i> рч., Ниж. Л. 3260	—	— —	<i>Пелькы</i> = 1) быстрый, порывистый, бойкій, 2) покатый.
179	<i>Пенчерево</i> , Яр. Рб. 6530	—	— —	<i>Пенчер</i> , <i>пѣнчер</i> = сосновый лѣсъ, сосновая роща, <i>соснякъ</i> .
180	<i>Пехтулово</i> , Кост. Кн. 6062	рч. Дятловѣ	— —	<i>Пехтул</i> , <i>пектул</i> = лзыческое собственное имя.
181	<i>Пижда</i> р., Кост. Вт.	—	— —	<i>Пижды</i> (отъ <i>нижам</i> = вязну) = вязкій.
182	<i>Пижа</i> рч., Яр. 90	—	— —	<i>Пижа</i> = рукавицы.
183	<i>Письминеръ</i> р., Кост. Вт. 3008	—	<i>Писинеръ</i> , Вят. У. 15526, 15533 (жит. черем.).	<i>Пѣсы</i> + <i>эмер</i> = быстрый ручей, рѣчка.
184	<i>Питрица</i> р., Мск. Под. 4531	—	— —	<i>Пѣтрец</i> (горн.), <i>пѣтрец</i> (луг.) = вертушка (а также и <i>мутовка</i>).
185	<i>Плашениеръ</i> рч., Кост. Вт.	—	— —	<i>Плаш</i> (?) + <i>Эмер</i> = ключъ, ручей, рѣчка.
186	<i>Пулочма</i> р., Яр. Р. 7069	—	— —	<i>Пу</i> = дерево (срубленное); <i>пулык</i> = дерево для дровъ, дрова. (<i>Шестаковъ</i> : <i>пулык</i> = хвойное дерево.)
187	<i>Пунда</i> рч.: Кост. Г. 3874 Ниж. 106	—	— —	<i>Пунда</i> = на самомъ днѣ находящійся; глубоко лежащій.
188	<i>Пунеръ</i> , Ниж. Новый 141 Старый 150	рч. Кужендейкѣ овр. Пунер- скомъ	— —	<i>Пу</i> + <i>эмер</i> = дровяная (т.-е. лѣсная) рѣчка.
189	<i>Ратмарово</i> , Вл. 356	рч. Дерянушкѣ	— —	<i>Рат</i> (?) + <i>мар</i> (черемисы).
190	<i>Роканово</i> , Яр. Рб. 7844	—	— —	<i>Рок</i> = рыхлая черная земля (почвенная); <i>рокан</i> = съ рыхлой черной почвой.
191	<i>Руй</i> рч., Ниж. М. 3373	}	<i>Руй-муцакиъ</i> , Вят. У. 15638 при рч. Руѣ (жит. черем.)	<i>Руй</i> = мутный.
192	<i>Руйка</i> рч., Ниж. Б. 1719			
193	<i>Руиъ</i> р.: Яр. Л. 2463 Кост. Ч. 10770	—	— —	<i>Руи</i> = русскій.
194	<i>Сасмануръ</i> , Кост. Вт. 2877	р. Унжѣ	— —	<i>Сѣсна</i> + <i>нур</i> = свиное поле.
195	<i>Сердама</i> рч., Ниж. Арз. 487	—	— —	<i>Сердома</i> , <i>сердымы</i> = безъ береговъ.
196	<i>Синжаны</i> , Вл. Мл. 3329	<i>Прудахъ и ко- лодцахъ</i>	— —	<i>Синжа</i> , <i>синжа</i> , <i>шинча</i> (горн.), <i>шинча</i> (луг.) = 1) глазъ; 2) <i>родникъ</i> (памаш <i>шинча</i> = колодезный глазъ; вѣт <i>шинча</i> = водяной глазъ). <i>Пруды</i> и <i>колодцы</i> должны указывать на дѣйствительное существованіе здѣсь родниковъ.

№№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по „Списку населенныхъ мѣстъ“.)	Положеніе мѣстностей (при:)	Тождественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
197	Сокорово, Кост. { Г. 4619 Ч. 10887	р. Вексѣ	— —	Сокор, сокыр = слѣпой.
198	Сокурово, Вл. Вз. 1283			
199	Сохта рч.: Ир. Р. 7136 Кост. Б. 1497	—	— —	Сохта, шохта = кишка, начиненная кашней изъ сала и крупы (родъ колбасы) — кушанье, дѣлаемое большею частью на жертвоприношеніяхъ, которыя въ честь низшихъ духовъ совершаются обыкновенно въ лѣсочкахъ близъ какой-нибудь рѣчки. Мѣста эти называются: шохта кочмаи = ѣда шокты, т.-е. мѣсто, гдѣ происходитъ ѣда шокты, а рѣчки — шохта корем (корем — рѣчка). Не такового ли происхожденія и названіе приведенной рѣчки, гдѣ слово корем (рѣчка) лишь отброшено?
200	Старокубасво, Вл. Сд. 4809	—	— —	Старо-Кубасво. См. Кубасво № 117.
201	Сулуково, Вл. 343	р. Колокшѣ	— —	Сулук, сулык = грѣхъ, преступленіе.
202	Тагасво, Ниж. Л. 3146	рч. Кетимѣ	Каз. 60, 108; Каз. Цк. 2686; Уф. М. 2185 Таганы, Вят. Яр. 16981	Тага = баранъ; таган = бараний.
203	Таганово, Ир. Д. 1429	—		
204	Таганерь рч., Кост. Вт. 2886	—	— —	Тага (или тажа) + энгер = здоровый ключъ, рѣчка.
205	Тайла рч., Ниж. Б. 1056	—	— —	Тамы, тамыж = быстрый, очень бойкій, стремительный.
206	Талезъ рч., Моск. Сер. 5639			
207	Талка рч.: Вл. Ш. 5878 Ниж. Б. 786 Кост. Кл. 7203 Вол. Н. 5738	—	— —	Талка = мелкій (неглубокій), мелководный.
208	Телепска рч., Кост. Б. 1352	—	— —	Телыт = полный наравнѣ съ краями (о сосудахъ); полный наравнѣ съ берегами (о рѣкѣ, прудѣ, озерѣ); полноводный.
209	Телепсика рч., Ир. 469			
210	Техтмерсво, Ир. 837	рч. Кумушкѣ	Пехтемеръ - суртъ (съ черем. домъ Пехтемера) Вят. У. 15348	Пехтемер, Пектемыр, Тектемыр = языческое собственное имя.
211	Тивилино, Ир. П. 5290	—	Тибиль, Уф. Б. 1155 (черем. деревня).	Тивел, тибел = по сю сторону находящійся.
212	Тимерсво, Вл. { Суд. Сузд.	—	— —	Тымер (горн.), тумер (луг.) = дубнякъ.

№№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по „Списку населенныхъ мѣстъ“.)	Положеніе мѣстностей (прѣ:)	Тожественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
213	Тоймы рч., Яр. Д. 1344	—	— —	Тоймы=похороны, похороненный; (мѣсто) гдѣ хоронять, скрываютъ.
214	Токтарскій, Кост. Вт. 3076	}	Токтартъ-сола, Вят. У. 15568 (черем. деревня).	Токтарт = языческое собственное имя.
214	Токтары, Кост. Вт. 2860			
215	Томарово, Мск. Под. 4830	р. Рожаѣ	— —	То (?) + мары (черемисы). (Тымер, тумер = дубнякъ. См. № 212.)
216	Томушка рч., Вл. Ю. 6261	}	— —	Томыш, томыш = пріятный забавный; развлеченіе, радость. Папшам ыштан — томышеш модаш огыл = дѣло дѣлать — не въ забаву играть.
217	Томша рч., Яр. П. 5209			
218	Тра р., Мск. Брон. 1015	—	— —	Тра = божья коровка (насъвое).
219	Тумша рч., Яр. П. 4538	—	— —	Тумыш = очень быстро или бѣшено скачущій (конь). (Бурно-текущая рѣка?)
220	Тума, Вл. Сз. 5216	рч. Тумкѣ	— —	Тумы, тумма = дубъ.
221	Тумаково, Яр. Р. 7641 Вл. К. 3066	р. Могзѣ	— —	Тумак = безтолковый, дурачокъ.
222	Тупгоръ рч., Вл. 312	—	— —	Тупгоръ (отъ туп = спина, кор = желобокъ, яма) = впадина надъ хребтомъ, углубленіе на спинѣ. Подъ № 312, при которомъ показана рѣка Тупгоръ, стоитъ селеніе Черкутино. Такое, хотя и приблизительное, совпаденіе значеній названій Тупгоръ и Черкутино едва ли случайное.
223	Тура рч., Кост. Ю. 10953	р. Москвѣ }	Тураево, Уф. Бр. 1365 (черем. деревня).	Тура = крутой (оврагъ, гора), крутизна, горка.
224	Тураево, Мск. Брон. 1193			
225	Туранка рч., Кост. Вт. 2341	}	Туранка рч., Каз. Цк. 2488 (при черем. деревнѣ).	Туран = круто (отвѣсно); съ горкою, съ покатостью; круто покатый. См. №№ 223—224.
226	Тураново, Мск. Дм. 2212			
227	Турантаево, Яр. Рб. 5883			
228	Туранъ, Кост. { Вр. 2343 Вт. 3547	рч. Тронцкой }		
229	Уварово, Яр. { Л. 2828 Рб. 6719 и мн. др. въ разн. губерн.	р. Обнорѣ	— —	У = новый; вѣр (горн.), вер (луг.) = мѣсто. У — вѣр или у — вер = новое мѣсто, новая чищоба, новое мѣсто поселенія. Фамилія Уваровыхъ не произошла ли отъ названія помѣстья Увѣр (новое мѣсто, новая усадьба)?

№№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по „Списку населенныхъ мѣстъ“.)	Положеніе мѣстностей (прі:)	Тождественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
230	Улошка рч., Ниж. См. 3754	—	— —	Улымъ = жадный, „хапуга“. Подъ № 3754 стоитъ селеніе <i>Захватиха</i> . Слѣдовательно, эти названія есть переводы другъ къ другу.
231	Удрасъ рч., Яр. М. 3384	—	— —	Удрасъ = языческое собственное женское имя.
232	Улангъ (Фундриково) Ниж. См. 3622	рч. Козленцѣ	— —	Ул (?) + мер = ручей, рѣчка.
233	Цыбаки, Яр. 38	рч. Лажости	Цыбакъ-муръ, Каз. Цк. 2208 (черем. село).	Цыбак+муръ. Мур = поле. Цыбак = ?
234	Цыбаково, Кост. Ч. 10381	р. Неѣ		
235	Цыберино, Яр. 969	рч. Сотымѣ	— —	Цебер (горн.), чебер (луг.) = красивый.
236	Чамерево, Яр. Д. 2049 Вл. Суд. (?)	рч. Соимѣ	— —	Че-мар, чи-мари, чимер. Частицу чи (отъ чин, чин = истинный, настоящій) прибавляютъ къ своему самоназванію мари, некрещенные черемисы, которые этимъ выражаютъ, что они настоящие, истинные черемисы, не измѣнившіе вѣрѣ и обычаямъ своихъ отцовъ.
237	Чармусъ рч., Вл. Мл. 3308	—	— —	См. дальше № 241.
238	Чемерино, Яр. 414	—	— —	Че-мер, чи-мар. См. № 236.
239	Чепасово, Яр. М. 3119	}	Чепашево, Уф. Бр. 1028 (черем. деревня).	Чепаш, чепас = языческое собственное имя.
240	Чепасъ оз. большое и малое. Ниж. К. 3069			
241	Черемисино: Яр. 945 Кост. { Кн. 5617 Ч. 10930 Вл. { Вз. 1467 Мр. 3430	рч. Масленкѣ рч. Илемнѣ	}	Слово „черемисъ“ происходитъ не изъ черемискаго языка. Названія съ этимъ словомъ въ настоящій списокъ включены какъ показатели мѣстностей, которыя когда-то были заселены черемисами.
	Черемиска: Вл. Вз. 1388 Кост. 613 — рч.: Кост. Н. 8762 Нож. М. 3296	овр. Лранихѣ		
	Черемисовка рч., Вол. Т. 8897			
	Черемиская: Кост. Кл. 7105 Ниж. { Н. 37 М. 3554	р. Межѣ рч. Еленкѣ		
	Черемискій, Ниж. В. 1874	овр. Черемискомѣ		

№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по „Списку населенныхъ мѣстъ“.)	Положеніе мѣстностей (при:)	Тожественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
	<i>Черемиссково</i> , Кост. М. 8215—6	р. Унжѣ		
	<i>Черемисское</i> , Кост. Вт. 3365		— —	
	<i>Черемсаново</i> , Яр. 1005	рч. Вонгель		
242	<i>Чертаково</i> , Яр. { 611 1092	рч. Норкѣ рч. Жагѣ	<i>Чертаково</i> , Каз. Кд. 438 (черем. деревня).	<i>Чортак</i> = калѣка.
243	<i>Чертомеръ</i> , Кост. Вт. 2843	рч. Чертомеркѣ	— —	<i>Черт + мер</i> = чортовъ (?) ключъ, ручей.
244	<i>Чечера</i> рч.: Яр. 120 Кост. Кн. 5565 Мск. К. 4055			
245	<i>Чечора</i> р., Кост. 219	—	— —	<i>Чечыра</i> = 1) гнойный, 2) <i>чуть-чуть</i> просачивающійся.
246	<i>Чечурка</i> рч., Яр. У. 9175			
247	<i>Чульчужья</i> рч., Яр. 382	—	— —	<i>Чульчужимъ</i> = сверкающій, искрящійся.
248	<i>Чучерка</i> рч., Ниж. Л. 3245			
	<i>Чучеры</i> рч., Яр. Р. 7120	—	— —	<i>Чѣчер</i> = язвы, прыщи, чирья, См. № 76. (<i>Чечыра</i> ? См. № 244—46).
249	<i>Шабаново</i> , Вл. Мл. 3257 (Нинуръ)	рч. Шатаркѣ и прудѣ Шабановкѣ	<i>Шабанка</i> , при рч. Шабанкѣ Вят. М. 8112, 8116; см также 8114, 8115. <i>Шобы</i> рч., Вят. У. 15519.	<i>Шобы, шаны</i> (горн.), <i>шобы</i> (луг.), <i>шобан, шобан</i> = кислое, вонючее, тинное. (Здѣсь черемисск. слово въ прилагательной и существительной формахъ). См. № 258.
250	<i>Шабозерское</i> оз. Вол. К. 4910			
251	<i>Шубуриха</i> , Вл. Сз. 5152	прудѣ		
252	<i>Шабурь</i> , Кост. Вт. 3021	рч. Шабуровкѣ	Много мѣстностей съ такими названіями въ Котельническомъ уѣздѣ Вятской губерніи.	<i>Шабуръ, шобуръ, шобыр</i> = бѣлый холщевый кафтанъ — національный черемисскій костюмъ.
253	<i>Шагино</i> , Вл. Ш. 5718	руч. Шоринскомъ	— —	<i>Шаны</i> = 1) мостки подъ скирдами (кроватька), 2) родъ стола, устраиваемый на жертвоприношеніяхъ и состоящій изъ древесныхъ вѣтвей, плотно разложенныхъ на жердочкахъ, 3) вообще мостки, лѣса. Что это слово черемисское, нѣсколько на это указываетъ и названіе ручья при этомъ селеніи. <i>Шора</i> въ черем. языкѣ значитъ: <i>болото</i> , надолго наводняемое весной мѣсто, <i>зажора</i> . Слѣдовательно <i>Шагино</i> = мостки (въ загорѣ).
254	<i>Шакша</i> рч., Яр. 51			
255	<i>Шакшино</i> , Яр. Рб. 6546	—	— —	<i>Шакши</i> = нечистый, мерзкій.

№№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по „Списку населенныхъ мѣстъ“.)	Положеніе мѣстностей (при:)	Тождественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
256	<i>Шалаево</i> , Вл. Г. 1974	—	— —	<i>Шала</i> = разбросанный, часть разбросаннаго (кылта шала = часть разсыпаннаго снопа), разсыпанный. Замѣчательно, что въ Вятской губерніи мѣсть съ такимъ и подобнымъ названіемъ насчитывается до 20 и, исключая трехъ мѣсть, ни одно мѣсто не имѣетъ болѣе 5—8 дворовъ, — деревушки, слѣдовательно, дѣйствительно разбросанныя, суть <i>отпрыски</i> .
257	<i>Шаманово</i> , Вл. Г. 2150	—	— —	<i>Шаман</i> = какая-то трава, употреблявшаяся встарину черемисками для окрашиванія витокъ.
258	<i>Шапша</i> рч., Вол. К. 4963	—	Каз. К. 33, 32.	<i>Шапша</i> , <i>шапшы</i> (горн.), <i>шобышы</i> (луг.) = кислый провислый, вонючий (черемисскія слова въ причастной формѣ). См. №№ 249 и 250. — <i>Шапша</i> — <i>эмеръ</i> = <i>волючая</i> , <i>тинная рѣчка</i> , — такъ называютъ горные черемисы городъ <i>Чебоксары</i> Казанск. губ. Дѣйствительно, черезъ Чебоксары протекаетъ, кажется, подобная рѣчка.
259	<i>Шаренка</i> рч., Кост. Г. 4094	}	— —	<i>Шарены</i> — плотва (рыба).
260	<i>Шаренка</i> рч., Мск. Бог. 886			
261	<i>Шаренка</i> рч., Вол. В.			
262	<i>Шарканерь</i> рч., Кост. Вт. 2846	—	<i>Шоркинерь</i> (по чер. Шорык энгер.) рч. Вят. У. 15450.	<i>Шарк</i> , <i>шорк</i> , <i>шорык</i> — овца; <i>эмеръ</i> = рѣчка, ручей, ключъ; <i>шарк</i> + <i>эмер</i> = овечья рѣчка.
263	<i>Шарнонь</i> рч., Ниж. См. 3590	—	— —	<i>Шарпан</i> = женскій головной уборъ.
264	<i>Шайка</i> рч., Яр. П. 4568	}	<i>Шайковъ</i> , Каз. Кд. 615 (черем. деревня).	<i>Шайки</i> — норка (звѣрекъ).
265	<i>Шайково</i> : Яр. { Л. 2486 Р.Б. 5674			
266	<i>Шешмара</i> , Ниж. В. 1747—48	рч. Шешмаркѣ руч. Пѣтуховомъ	<i>Шешмара</i> , Каз. Кд. 412	<i>Шеш</i> (?) + <i>мары</i> (черемисы).
267	<i>Шельша</i> рч., Яр. П. 4383	—	— —	<i>Шельшы</i> = раскалывающійся, раздваивающійся.
268	<i>Шиборская</i> , Вл. Сз. 5287	—	— —	<i>Шибор</i> , <i>шѣбыр</i> = волынка, дудка, <i>пузырь</i> .
269	<i>Шиларашъ</i> , Яр. Д. 1834	рч. Чернухѣ	— —	<i>Шилар</i> , <i>шѣлар</i> = могила; <i>шилараши</i> , <i>шѣгараши</i> = мѣсто для могилъ, могильникъ.
270	<i>Шильмашъ</i> рч., Яр. П. 5556	—	— —	<i>Шильмаш</i> = укрывательство, мѣсто укрывательства.
271	<i>Шимарово</i> , (Шимариново) Яр. 287	рч. Соловицѣ	— —	<i>Ши</i> (чи? см. № 236) + <i>мары</i> (черемисы).

№№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по „Списку населенныхъ мѣстъ“.)	Положеніе мѣстностей (при:)	Тожественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
272	<i>Шиминеръ</i> , Кост. Вл. 2880	рч. Шиминеръ	— —	<i>Шем</i> — <i>эмер</i> = черный ключъ.
273	<i>Шиморка</i> рч., Вл. А. 851	—	— —	<i>Ши</i> (<i>ши</i> — серебро? <i>чи</i> — см. № 236?) + <i>морки</i> . Съ названіемъ <i>морки</i> много черемисскихъ деревень; между тѣмъ въ черемисскомъ языкѣ слова <i>морки</i> нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ современномъ языкѣ. Не есть ли это слово <i>мар</i> (или <i>мари</i>), передѣланное русскими въ <i>марки</i> , <i>морки</i> .
274	<i>Шинжа</i> , Кост. Г. 4081	рч. Шинжовкѣ	— —	<i>Шинжа</i> , <i>шинца</i> , <i>шинча</i> = 1) глазъ; 2) родникъ.
275	<i>Шихобалово</i> , Вл. Сз. 5210	потокъ Шугѣ	— —	<i>Шихо-бал</i> = <i>шуга</i> + <i>бал</i> = на <i>Шугѣ</i> (стоящій). (<i>шуга</i> = шумящій, гремящій).
276	<i>Ширета</i> рч., Яр. г.	—	— —	<i>Ширета</i> , <i>шереты</i> = сорога (рыба).
277	<i>Шиниморово</i> : Кост. Г. 3754 Мск. Руз. 4979	рч. Норнесѣ р. Москвѣ	— —	<i>Шини-мар</i> , <i>шѣи-мар</i> = гнилые (худые, болѣзненные) черемисы.
278	<i>Шинковердѣ</i> , (Шинковерен) Ниж. В. 1910	рч. Шинковеркѣ и прудахъ	— —	<i>Шѣи-вер</i> = соловьиное мѣсто. На этой же рѣкѣ въ „Спискѣ населен. мѣстъ“ подъ № 4438 стоитъ <i>Малиновка</i> .
279	<i>Шиншолово</i> , Вл. А. 629	рч. М. Кирино- ногѣ.	— —	<i>Ши-шолы</i> , <i>шѣ-шолы</i> = витое металлическое шейное украшеніе (вмѣсто ожерелья).
280	<i>Шиншунъ</i> рч., Яр. Мш. 4342	—	— —	<i>Ши-шун</i> = серебряная глина, т.-е. глина, содержащая въ себѣ серебро; серебряная руда.
281	<i>Шокша</i> : Кост. Г. 4230	рч. Шокшѣ	— —	<i>Шокша</i> , <i>шокшы</i> = теплый (не замерзающая рѣчка, ключикъ, родникъ).
	<i>Шокша</i> рч., Вол. К. 4258			
282	<i>Шокшово</i> , Вол. г.			
283	<i>Шолешка</i> рч., Кост. Кл. 6836	—	— —	<i>Шолешки</i> или <i>шолшы</i> = 1) кипящій; 2) бьющійся (о родникахъ, ключахъ).
284	<i>Шольша</i> , Яр. РБ. 7023			
285	<i>Шондоры</i> , Яр. Р. 7263	рч. Шандорѣ	— —	<i>Шон</i> (горн.), <i>шун</i> (луг.) = глина. <i>Шонтыр</i> (горн.), <i>шундур</i> (<i>тѣр</i> луг.) = глинянная сторона, край, берегъ. См. № 9.
886	<i>Шонья</i> рч., Вл. А. 791			
287	<i>Шотша</i> рч., Яр. 915	—	— —	<i>Шотша</i> , <i>шатша</i> . См. № 258.
288	<i>Шордега</i> рч., Вл. Ю. 6347	—	— —	<i>Шордо</i> , <i>шорды</i> = лось.
289	<i>Шоринскій</i> ручей, Вл. Ш. 5716	—	<i>Шоръ-Унжа</i> , <i>Шорьялъ</i> , Каз. Цѣ. 3533 и 2364.	<i>Шор</i> , <i>шора</i> = низкое мѣсто, гдѣ долго стоитъ вода весенняго разлива или водополья; зажора. См. № 253.

№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по „Списку населенныхъ мѣстъ“.)	Положеніе мѣстностей (при:)	Тождественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
290	<i>Шубышево</i> , Кост. Г. 3730	—	— —	<i>Шубыи</i> = кожаный мѣшокъ, сума, вмѣсто непромокаемыхъ чемодановъ.
291	<i>Шула</i> потокъ, Вл. Сз. 5210	—	— —	<i>Шула</i> = гремачій, шумный. См. № 275
292	<i>Шугарово</i> , Мск. Сер. 5749	рч. Каширскѣ	— —	<i>Шугар</i> , <i>шугар</i> = могила.
293	<i>Шугоръ</i> , Яр. Р. 7566—67			
294	<i>Шуйга</i> , Я. М. 3510	рч. Шуйгѣ	<i>Шуйка</i> при <i>Шуйкѣ</i> : Вят. Я. 16534, 16825 Каз. Цк 2272. Мѣстности черемисскія.	<i>Шуй</i> говорятъ черемисы про рѣку, медленно и плавно текущую. <i>Шуйкая</i> = <i>шуй</i> (медленно, плавно) идетъ (течетъ). <i>Шуй</i> = плавно, медленно-текущая (рѣка).
295	<i>Шумарово</i> , Яр. П. 4807	—	— —	<i>Шу</i> (?) + <i>мар</i> (черемисы).
296	<i>Шумаръ</i> рч., Вл. Вз. 1140			
297	<i>Шуморово</i> , Яр. М. 3158			
298	<i>Шуново</i> , Вл. 371	прудѣ и колодцахъ	<i>Шунъ-амеръ</i> , Каз. Кд. 578	<i>Шун</i> (луг.), <i>шон</i> (горн.) = глина. <i>Шун-амер</i> = глиняная рѣчка, глинистая.
299	<i>Шура</i> рч., Вл. Мр. 3446	—	— —	<i>Шура</i> = толчетъ, толкущая; бьетъ, бьющая (о родникахъ); то же, что и <i>шолми</i> или <i>шолемки</i> . См. №№ 283, 284.
300	<i>Шураевка</i> рч., Ниж. 49			
301	<i>Шуранъ</i> , Кост. Вр. 2111	р. Шуранскѣ	<i>Шуранъ</i> по рѣчкѣ Шуранскѣ, Вят. У. 15093.	<i>Шур</i> = пометъ, навозъ; <i>шуран</i> = нечистый, грязный.
302	<i>Шурговашъ</i> : Кост. Вр. 2664 Ниж. М. 3461	рч. Шурговашѣ рч. Шурговашѣ	— —	<i>Шуръ-ваи</i> = противъ лѣса (текущая, находящаяся).
303	<i>Южа</i> , Вл. Вз. 1465	—	<i>Южъ-Саваровъ</i> и <i>Южъ-Толмеевъ</i> , Вят. Я. 16791—92.	<i>Юж</i> = струя воздуха, теченіе воздуха; вѣтерокъ прохладный. <i>Юж-толми</i> = (буквально) прохладный вѣтерокъ идетъ; продуваетъ
304	<i>Юленурка</i> , Кост. Вт. 2857	—	— —	<i>Юле-нур</i> , <i>йюле-нур</i> = горѣлое поле, „гарь“.
305	<i>Юматовка</i> рч., Ниж. К.	—	<i>Юматово</i> , Каз. Свѣж.	<i>Юмы</i> (Богъ) + <i>оты</i> (роща), въ выговорѣ <i>Юмоты</i> , <i>Юматы</i> = Божья роща, священная роща, гдѣ черемисами совершаются жертвоприношенія.
306	<i>Юта</i> рч., Ниж. Кн. 2215	—	<i>Юта</i> (большая и малая). Каз. Кд. 436, 438.	<i>Умы</i> = филинъ.
307	<i>Якайлиха</i> , Яр. 402	—	<i>Якай-сола</i> , Каз. Цк. 2279 (черем. деревня).	<i>Якай</i> = языческое собственное имя.

№№ по порядку.	Названія мѣстностей, рѣкъ, озеръ, съ показаніемъ губерній и уѣздовъ. (Цифры показываютъ №№ по „Списку населенныхъ мѣстъ“.)	Положеніе мѣстностей (при:)	Тождественныя имъ названія мѣстностей въ другихъ губерніяхъ, населенныхъ черемисами.	Что означаютъ эти названія въ черемисскомъ языкѣ.
308	<i>Яксаево:</i> Яр { Яр. 128 Мш. 4223	р. Кадкѣ	— —	<i>Яксай</i> = языческое собственное имя.
309	<i>Яксайка,</i> Яр. Д. 1617			
310	<i>Яксиенка малая,</i> Ниж. Кн. 3114	р. Пьянѣ	— —	<i>Яксиенки</i> = стройный, высокий, гладкій — эпитетъ <i>сосны</i> ; часто употребляется прямо въ смыслѣ <i>сосна</i> , вмѣсто слова <i>пунчи</i> (сосна).
311	<i>Яксиень большая,</i> Ниж. Кн. 3091	р. Яксиенкѣ и прудахъ		
	<i>Яксиень малая,</i> Ниж. Арз. 529	прудахъ		
312	<i>Янда рч.,</i> Кост. С. 9447	—	— —	<i>Янда</i> = стекло; <i>яндар</i> = чистый, стекло-видный.

Всѣ объясненныя названія по губерніямъ и уѣздамъ распре-
дѣляются такъ:

Ярославская губернія⁶⁾.

Уѣзды: Ярославскій (Яр.).....	20 назв.
Даниловскій (Д.).....	12
Любимскій (Л.).....	15
Моложскій (М.).....	9
Мышкинскій (Мш.).....	11
Пошехонскій (П.).....	13
Романово-Борисоглѣбскій (РБ.).....	19
Ростовскій (Р.).....	12
Рыбинскій (Рб.).....	6
Угличскій (У.).....	6

123

Владимірская губернія.

Уѣзды: Владимірскій (Вл.).....	10 назв.
Александровскій (А.).....	10
Вязниковскій (Вз.).....	6

⁶⁾ Возлѣ названія каждой губерніи и уѣзда въ скобкахъ ставятся сокращенія, какія употреблены въ „Спискѣ“. Тамъ употреблены еще слѣдующія сокращенія: Вятск. губ. — Вят. Уѣзды ея: Уржумск. — У. Яранск. — Я.; Мамыжск. — М. Казанск. губ. — Каз. Уѣзды: Царевококшайск. — Цк., Козмодемьянск. — Кд., Мамадышск. — М., Чебоксарскій — Ч., Уфимск. г. — Уф. Уѣзды ея: Белебеевск. — Б., Бирскій — Бр., Мензелинскій — М.

Уѣзды: Гороховскій (Г.)	10 назв.
Ковровскій (К.)	3
Меленковскій (Мл.)	6
Муромскій (Мр.)	3
Переславскій (Пр.)	8
Покровскій (Пк.)	3
Судогодскій (Сд.)	6
Суздальскій (Сз.)	11
Шуйскій (Ш.)	6
Юрьевскій (Ю.)	5
	<hr/>
	87

Нижегородская губернія.

Уѣзды: Нижегородскій (Ниж.)	7 назв.
Арзамасскій (Арз.)	4
Ардатовскій (Ард.)	3
Балахнинскій (Б.)	7
Васильскій (В.)	4
Горбатовскій (Г.)	2
Княгининскій (Кн. к.)	7
Лукояновскій (Л.)	6
Макарьевскій (М.)	10
Семеновскій (См.)	5
Сергачскій (Ср.)	4
	<hr/>
	59

Московская губернія.

Уѣзды: Московскій (Мск.)	1 назв.
Бронницкій (Брон.)	3
Дмитровскій (Дм.)	2
Клинскій (Кл.)	3
Подольскій (Под.)	2
Рузскій (Руз.)	5
Серпуховскій (Сер.)	4
	<hr/>
	20

Вологодская губернія.

Уѣзды: Вологодскій (Вол.)	3 назв.
Грязовскій (Гр.)	1
Кадниковскій (Кадк.)	5
Никольскій (Ник.)	1
Тотемскій (Тм.)	3
	<hr/>
	13

Костромская губернія.

Уѣзды: Костромской (Кост.).....	5 назв.
Буйскій (Б.).....	6
Варнавинскій (Вр.).....	4
Ветлужскій (Вт.).....	38
Галичскій (Г.).....	15
Кинешемскій (Кн.).....	10
Кологривскій (Кл.).....	8
Макарьевскій (М.).....	2
Нерехотскій (Н.).....	4
Солигаличскій (С.).....	3
Чухломскій (Ч.).....	4
Юрьевскій (Ю.).....	5

104

Такимъ образомъ видно, что самое большое количество объясненныхъ названій падаетъ на губерніи Ярославскую (123 назв.), Владимірскую (87), Нижегородскую (59) и Костромскую (104). Первые двѣ губерніи были центромъ разселенія мерянъ, а послѣднія двѣ составляютъ переходный рубежъ, отъ мерянъ къ черемисамъ — начиная съ восточныхъ уѣздовъ этихъ двухъ губерній (уу. Ветлужскій, Васильскій и Макарьевскій Ниж. г.) далѣе начинается черемисскій край (губерніи Казанская и Вятская). Всмотриваясь въ карту, легко замѣтить, что отъ центрального разселенія мерянъ большинство объясненныхъ названій распространяются по тѣмъ уѣздамъ, которые расположены по теченію болѣе или менѣе значительныхъ рѣкъ. Такъ на сѣверъ эти названія распространяется по верховьямъ Унжи до р. Сухоны, захватывая юго-западный уголъ Никольскаго уѣзда и по р. Сухонѣ части уѣздовъ: Тотемскаго, Кадниковскаго и Вологодскаго. На югѣ они доходятъ по р. Окѣ до Тепи, по которой заходятъ до Лукояновскаго уѣзда (Ниж. г.); затѣмъ идутъ по притоку Оки р. Ушнѣ къ разнымъ притокамъ р. Клязьмы и доходятъ до р. Москвы, по которой идутъ до Рузскаго уѣзда; по этой же Москвѣ рѣкѣ они опять попадаютъ на Оку и доходятъ до Серпуховскаго уѣзда. Гдѣ идетъ западный предѣлъ подобныхъ названій (т.-е. объясняющихся изъ черемисскаго языка), сказать положительнаго трудно, такъ какъ, къ сожалѣнію, „Списки населенныхъ мѣстъ Тверской губ.“ не просмотрѣны, а онъ, безъ сомнѣнія, захватываетъ Тверскую губернію. Судя же потому, что въ сѣверной части Московской губерніи этихъ названій уже мало, можно полагать, что они не должны слишкомъ далеко распространиться и по Тверской губерніи. Они здѣсь встрѣтились бы, вѣроятно, только въ западныхъ трехъ уѣздахъ: Кашинскомъ, Калязинскомъ и Корчевскомъ. На востокѣ эти названія распространяются вплоть до нынѣшней черемисской территоріи.

Многія названія населенныхъ мѣстъ, рѣкъ, озеръ разсматриваемаго края имѣютъ слѣдующія окончанія: *балъ*, *болъ*, *динъ* (*дино*), *дур* (*туръ*), *енеръ* (*инеръ*, *неръ*), *ма* и *ша*. Всѣ они суть частицы или слова черемисскаго языка. *Бал* есть частица (послѣлогъ, пословіе) черемисскаго языка, соотвѣтствующая русскому предлогу *на* (на поверхности): *Сердежъ-балъ* (Красная гора) = *на* р. Сердежѣ (чер. дер. Вят. у. 15110).

Болъ есть измѣненіе пословій *бал* или *бел*. *Бел* означаетъ сторону: *Нурбель* = полевая сторона, къ полю находящійся (выселокъ с. Сернура Вят. у. 15422). *Дин* соотвѣтствуетъ словамъ *корень*, *устье*, (*дѣмъ тѣмъ*): *Пѣнчидѣмъ* = корень сосны, т.-е. на *корню сосенъ* находящійся = *у* (*близъ*) *сосенъ* находящійся (выселокъ чер. дер. Малаго Сернура Вят. у. 15512); *Мушкыдѣмъ* = корень р. *Мушки*, т.-е. *устье* *Мушки* или *у устья Мушки* находящаяся (черем. деревня, оффициально Большая Мушка, Вят. у. 15455). *Дур* или *тур* есть черемисское слово *дѣр* или *тѣр* = край, сторона: *Юледуръ* = (по чер. *Йѣле дѣр* = горѣлый край, на горѣлой сторонѣ (черем. село Вят. у. 15405). *Инер*, *нер* = суть измѣненія черемисскаго слова *эмер* = рѣчка, ключъ, ручей: *Шоркинеръ* (по чер. *Шорык-эмер*) = *овечья рѣчка* (черем. дер. Вят. у. 1545). Частица *ма* (мы) есть окончаніе страдательныхъ причастій и отглагольныхъ существительныхъ (она имѣетъ въ черемисскомъ языкѣ еще своеобразныя употребленія), а *ша* (шы) — дѣйствительныхъ причастій: р. *Пижда* (по чер. *Пижда*) = вязкій, отъ *пиджам* — вязну; *эмышъ дѣр* = *тлѣющая* или *тлѣвшая*, *горѣвшая* сторона (такъ называется одна черемисская деревня Вятск. губ., Уржумск. у., *Кузнецовской* или *Кукнурской* волости; оффициальное названіе ея мнѣ неизвѣстно). Современныя черемисскія деревни довольно часто оканчиваются на *сола*, *ял* и *нур*. Но всѣ такія селенія позднѣйшаго происхожденія. Слово *сола* есть русское слово *селеніе*, *ял* — татарское *аул*, а *нур* — черемисское *поле*. Слѣдовательно всѣ такія черемисскія деревни возникли не ранѣе того времени, когда черемисы стали заниматься земледѣліемъ и жить въ смежныхъ деревняхъ съ русскими и татарскими селеніями. Поэтому, отсутствіе такихъ окончаній въ разобранныхъ въ „Спискѣ“ названіяхъ не должно казаться намъ большимъ препятствіемъ къ тому, чтобы въ этихъ названіяхъ видѣть черемисскія слова.

Вышеприведенный списокъ названій можно дополнить еще слѣдующими, почтаемыми мерянскими, словами. Слова суздальскаго нарѣчія: *миндра* — сестра, *элта* — жена и *шиктора* — дѣва¹⁾ также могутъ быть объяснены и изъ черемисскаго языка. *Миндра*, *мындра* (горн.), *мундра* (лугов.) въ черемисскомъ языкѣ значитъ *клубокъ*, видъ котораго въ черемисскихъ сказкахъ очень часто принимаютъ дѣвушки (по Шестакову *миндра* жена бога Тора²⁾). Названіе жены *Элта* очень напоминаетъ черемисское слово *элто* (или *ѣлты*), означающее *промежутокъ между рукою и боковою и переднею частью груди*; отъ этого имени есть глаголь *элтаам* (или *ѣлтаам*) — *обхватываю*, *обнимаю*, отсюда *элто* = мѣсто обхватыванія, *обзятія*, а *элтон* (или *ѣлтын*), какъ родительный-притяжательный падежъ = *принадлежащій обхвату, обзятію*, т.-е. *обхватываемый, обнимаемый* (по Шестакову: быть можетъ *Элтора*, въ родѣ Перуна). Названіе дѣвы *шиктора* напоминаетъ черемисскій глаголь *шектараш* (или *шѣктараш*) — *гноить*, *безчестить* (гноить имя), *осквернять*, а *шиктора* (*шѣктара*) значитъ: *гноитъ, безчеститъ, срамитъ, оскверняетъ*. Если названія въ такой формѣ неудобны, то въ словѣ *шиктора* предъ окончаніемъ *а* не было ли буквы *ш* — признака причастной формы (дѣйствительной) и именъ дѣйствующихъ лицъ? *Шикторша* — *гноящій, безчестящій, срамящій или оскверняющій*, — тогда было бы до-

¹⁾ См. Корсаковъ. Мера и Ростовское княжество. Стр. 16.

²⁾ Изъ какого именно языка — вогульскаго или венгерскаго, у него не всегда указывается.

статочно понятно, придавать ли слову *дѣва* значеніе *старой дѣвы* или вообще *дѣвицы*: въ первомъ случаѣ *шикторша* стало бы значить *гноящій* (губящій свою) жизнь или *гноящій, безчестящій имя* (своихъ родителей; вспомнимъ, что у черемисъ старыхъ дѣвъ не бываетъ): а во второмъ случаѣ *шиктарша* стало бы значить *вообще безчестящій* (оскверняющій). Чтобы убѣдиться въ возможности и послѣдняго предположенія, нужно припомнить, что женскій полъ у черемисъ, считаясь какъ бы нечистымъ, не допускается на жертвоприношенія, исключая рѣдкихъ случаевъ. (По Шестакову: шиктора — *коса-богъ*, т.-е. съ косою богъ). Такимъ образомъ, слова: „миндра, эльтона и шиктора“ не суть ли какъ бы аллегорическія названія сестры, жены и дѣвы? — Названія тайнаго языка въ Галичѣ *Елманскаго* и одного изъ особенныхъ типовъ населенія Ярославской губерніи *Сицкарей* и *Елтонское* слово *шунге* пѣсенникъ¹⁾ могутъ объясниться изъ черемисскаго языка такъ: *елман* (йылман) въ черем. языкѣ значить *съ языкомъ*, имѣющій языкъ (т.-е. острый или особый; по Шестакову: *елмень* въ венгерскомъ языкѣ значить *острякъ*). *Тискар* (сицкаръ) = упрямый, непріятный, противный, неповоротливый. Типъ сицкаря Д. А. Корсаковымъ обрисованъ слѣдующими словами: „человѣкъ неуклюжій, небольшого роста, съ выдавшимися скулами, одутловатымъ лицомъ, рѣдкой и клочковатой бороденкой, неловкій въ обращеніи, не умѣющій щеголевато одѣваться“. Хотя слово *тискар* встрѣчается и въ татарскомъ языкѣ (тискер), но это не исключаетъ возможности того, что названіе *тискар* дано черемисами, потому что это слово обще-тюрское²⁾ и оно черемисами могло быть заимствовано отъ другихъ тюрковъ еще несравненно ранѣе, чѣмъ они успѣли познакомиться съ татарами. Едва ли оно дано и самими тюрками непосредственно, такъ какъ они близъ Галича, насколько извѣстно, не жили. Значеніе слова *шунге* нѣсколько можетъ опредѣлиться изъ слѣдующихъ черемисскихъ фразъ: *шунге* вель оля = *безпрестанно* только говорить; *сѹан шунге* вель шога = свадьба (пиръ) съ шумомъ (гуломъ) только стоять, т.-е. идетъ сильная пировня. Отсюда приблизительное значеніе слова *шунге* = издаваніе шума, гула, громкое бормотаніе.

Возвращаемся еще къ названіямъ *меря* и *мары*. Выше было приведено мнѣніе ученаго финнолога А. Кастрена, что названіе *меря* есть славянское измѣненіе слова *мари*. Чѣмъ онъ подтверждаетъ это свое предположеніе — въ книгѣ Д. А. Корсакова „*Меря и Ростовское княжество*“, откуда было приведено оно, не указано. Мы же можемъ указать напр. на слѣдующее аналогичное измѣненіе русскими черемисскаго слова. Черемисское слово *эмер* или энгэр (рѣчка, ручей), гдѣ послѣднее *э* произносится совершенно твердо и очень близко къ *ä* (ея видоизмѣненіе въ письмѣ въ *e* — фонетически неправильно), русскими въ большинствѣ случаевъ обращается въ *инерь*; по крайней мѣрѣ въ Вятской губерніи отъ русскихъ слышишь всегда *инерь* (см. въ „Спискѣ“ №№ 126, 183, 188, 272). Подобно этому и слово *мър* русскими (славянами) непремѣнно должно было измѣняться въ *мерь*. Слѣдовательно вполнѣ допустимо, что употреблявшееся на ряду съ названіемъ *меря* названіе *мерь* (какъ напр. въ на-

¹⁾ Корсаковъ, стр. 18—19.

²⁾ См. въ Корневомъ чувашско-русскомъ словарѣ Н. Золотницкаго. Казань, 1875. Стр. 82, слово *Тискеръ*.

званіяхъ населенныхъ мѣстъ въ Ярославск. губ. Ючмерь, Унимерь) есть не что иное, какъ только нѣсколько измѣненное русскими (славянами) названіе *мѣр* или *мары*.

Всматриваясь въ характеръ *мерянъ* и ихъ бытъ, въ какомъ видѣ представляются они по изслѣдованію графа А. С. Уварова „*Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ*“¹⁾, мы находимъ черты, которыя въ равной степени съ мерянами отличаютъ и черемисъ.

Встрѣчающіяся во множествѣ въ мерянскихъ курганахъ и могильникахъ оружія (топоры разные, кистени, копья, большіе ножи, стрѣлы) несомнѣнно указываютъ на народъ воинственный и занимающійся охотою. Изъ финскихъ племенъ, по крайней мѣрѣ изъ приволжскихъ, ни одинъ народъ не извѣстенъ такою воинственностію, какъ черемисы. Покойный знатокъ тюркскихъ языковъ *Н. И. Золотницкій* доказываетъ, что даже самое названіе *черемисъ* съ тюркаго языка означаетъ *воинственный*²⁾. Онъ пишетъ: „въ древне-тюркскомъ языкѣ и нынѣ у черневыхъ татаръ (на Алтаѣ) слово *чермиъ* значить „*войско*, полкъ, ополченіе. А такъ какъ тюрк. звуки *к* и *г* въ концѣ слова въ другихъ нарѣчіяхъ исчезаютъ, то тюрк. *черми* передѣлалось у турокъ въ *чери*, у алтайцевъ въ *черу*, у чувашъ въ *сѣра*, а у черемисъ сократилось — у горныхъ въ *сѣр*, у луговыхъ въ *сар*, у якутъ — *сѣри*... Приставки *мыш*, *мыс*, *меш*, какъ въ турецкомъ, въ татарскомъ, такъ и въ чувашскомъ нарѣчіяхъ, есть окончаніе настоящее-прошедшаго причастія. Слѣдовательно, названіе чувашское *сармыс*, татарское *чирмеш* и оттуда русское *черемисъ* значить „*воинственный*“. Въ подтвержденіе возможности такого происхожденія названія *черемисъ* достаточно напомнить, что съ самого прихода новгородскихъ выходцевъ на Вятку, тамошніе черемисы вступають съ ними въ продолжительную и упорную борьбу за свои земли, самостоятельность и особенно за овладѣніе ихъ городомъ *Кокшировымъ* (нынѣ Котельничемъ). Здѣсь нужно кстати замѣтить, что у черемисъ существовали свои князья, городки, и укрѣпленія, какъ напр. крѣпость, построенная ими во время походовъ на Казань въ 70 верстахъ отъ нея на р. Мешѣ³⁾. Это показываетъ, что черемисы по культурѣ общественнаго устройства стояли не ниже мерянъ. Воинственность черемисъ особенно проявилась во времена покоренія Казани, когда они были самыми дѣятельными союзниками казанцевъ. Такъ, въ 1524 году они нападаютъ на сильный корпусъ князя *Палеюкаго*, шедшаго на судахъ къ Казани, запружаютъ Волгу и истребляютъ до 30.000 человекъ⁴⁾. Воспоминаніе объ этомъ жестокомъ пораженіи сохранилось въ народной пословицѣ: „съ одной стороны черемиса, а съ другой берегиса“.

Въ 1530 году черемисы захватываютъ весь русскій обозъ съ провіантомъ и артиллерійскимъ запасомъ и 70 пушекъ, убивъ много народу⁵⁾. Неизвѣстный авторъ „*Исторіи о Казанскомъ царствѣ*“, между прочимъ, пишетъ слѣдующее о черемисахъ: „Двѣ бо черемиси въ Казанской области, а языкъ ихъ три; четвертый же варварскій. Едина убо черемиса объ сію сторону рѣки Волги сидитъ, промежъ великихъ горъ, по удолиамъ, и та черемиса словеть горная, а другая же черемиса объ ону сторону Волги

¹⁾ Страницы будутъ показываться по Трудамъ перваго Археологическаго Съѣзда.

²⁾ *Н. И. Золотницкій*. Корневой чувашско-русскій словарь. Казань. 1875. Приложение XVIII.

³⁾ *П. Кеттень*. Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ европейской Россіи. стр. 492.

⁴⁾ *Рычковъ*. Казанская исторія. Стр. 102. стр. — Лѣтоп. о Каз. цар. гл. XIX.

⁵⁾ Ист. Г. Р. по изд. Эйнерлинга. VII, стр. 92.

живеть, и та речетса луговая черемиса, низоть ради и ровности земли тоя. И всѣ тѣ люди земледѣльцы и трудники и *зюлотыя ратники*. Въ той же странѣ луговой есть черемиса словеть кокшажская и ветлужская, живутъ въ пустыняхъ, ни сѣютъ, ни орютъ, но *ловомъ зѣпринымъ* и *рыбимъ* и *войною* питаются, и живутъ аки дикія“. Вообще лѣтописцы русскіе, рассказывая о походахъ на Казань, на первомъ планѣ всегда выставляютъ черемисъ, называя ихъ то „зюлотыми ратниками“, то „войнолюбивыми“, то „кровопійственными“¹⁾. Для обезопасенія Казанскаго края отъ ожесточенныхъ черемисскихъ бунтовъ при Борисѣ Годуновѣ въ землѣ черемисской были воздвигнуты крѣпости Козмодемьянская, Цивильская, Уржумская, Царевъ-городъ, Санчурская и другія²⁾.

Графъ А. С. Уваровъ говоритъ, что „всѣ предметы мерянь, служащіе для войны, не должны быть относимы къ издѣліямъ Востока. Такая предосторожность понятна со стороны болгаръ и была, быть можетъ, для нихъ необходима, какъ для народа смежнаго съ мерянами; но зато такая предосторожность вполне была излишня для западныхъ купцовъ, и эти-то послѣдніе доставляли мерянамъ оружіе всякаго рода³⁾“. Изъ дальнѣйшаго изложенія его видно, что оружія мерянами доставались главнымъ образомъ отъ скандинавовъ, которые перевязъ меча называли „*lindi*“⁴⁾. Любопытно, что черемисы *мечъ* (а также и *копье*) называютъ *унды*, хотя въ то же время для обозначенія *меча* и *копья* имѣютъ еще слово *керды* (отъ *керам* = втыкаю). Въ нарѣчіяхъ другихъ приволжскихъ финновъ, а также въ тюрскихъ языкахъ эти оружія обозначаются словами нисколько не напоминающими названія *унды* или „*lindi*“. Только въ алтайскомъ языкѣ названіе *копья* *йыда*⁵⁾ лишь можетъ развѣ вызвать представленіе о нѣкоторомъ будто бы далекомъ отношеніи его къ названію *унды*. Поэтому больше основанія предполагать, что черемисское названіе *копья* и *меча* — *унды* суть скандинавское слово *lindi*, которое черемисы стали употреблять не въ смыслѣ *перевязи* меча, и въ значенія *самаго меча*, т.-е. именемъ части или принадлежности предмета стали называть самый предметъ. Подобные случаи при заимствованіи словъ изъ чужихъ языковъ конечно не рѣдкость.

Меряне, безъ сомнѣнія, занимались *охотой*, какъ объ этомъ сказано было и выше. Стремленія черемисъ въ лѣсную глушь, и теперь встрѣчающіеся въ большомъ количествѣ среди ихъ старинныя луки и стрѣлы, ихъ сказки, въ большинствѣ которыхъ дѣйствующими лицами являются *охотники*, — все это говоритъ, что черемисы когда-то жили чуть ли не исключительно только охотою. Припомнимъ здѣсь послѣднія слова изъ вышеприведеннаго отрывка изъ „исторіи о Казанскомъ царствѣ“ относительно черемисъ: „живутъ въ пустыняхъ лѣсныхъ, ни сѣютъ, ни орютъ, но *ловомъ зѣпринымъ* и *рыбимъ* и *войною* питаются“. Отсюда ясно, что черемисы занимались и торговлей: охота тогда только можетъ служить жизненнымъ подспорьемъ для народа, когда ея добыча имѣетъ сбытъ, т.-е. служить предметомъ торговли. Слѣдовательно,

¹⁾ Сказанія Кн. Курбскаго, по изд. Устрялова 1868 г., стр. 46, 42.

²⁾ *Кеппекъ* стр. 494.

³⁾ Меряне и ихъ бытъ. Стр. 712.

⁴⁾ Тамъ же. Стр. 756.

⁵⁾ Грамматика алтайскаго языка. Казань, 1869 ч. II., стр. 44.

и черемисы, подобно мерянамъ, могли имѣть у себя какъ *восточныя*, такъ и *западныя монеты*.

Меряне снабжали своихъ покойниковъ всѣми предметами, которые необходимы въ настоящей жизни, т.-е. на загробную жизнь они смотрѣли какъ на продолженіе настоящей жизни. Такъ же смотрятъ на загробную жизнь и черемисы. Они говорятъ, что существуетъ всего семь земель и человѣкъ умирая только переходитъ изъ одной земли на другую, третью и т. д., гдѣ его ожидаетъ почти что такая же жизнь, какая и на этой землѣ; поэтому ему на томъ свѣтѣ необходимы тѣ же предметы, какіе и на этомъ свѣтѣ. Отсюда обычай снабжать покойниковъ всѣми необходимыми вещами, обычай въ послѣднее время, подѣ влияніемъ христіанства, выходящій изъ употребленія. Любимыя же вещи покойника или вещи, которыя въ его жизни играли важную роль, черемисы и теперь кладутъ почти всегда съ нимъ въ гробъ, если только они удобно вмѣщаются въ него. Такъ съ покойникомъ-портнымъ кладется аршинъ, съ охотникомъ — ружье, кто курилъ — трубки и т. п.

Изъ предметовъ, находимыхъ въ мерянскихъ курганахъ, кромѣ оружія и монетъ, особенное вниманіе обращаютъ на себя еще кости животныхъ, глиняные горшки, идола, изображенія змѣй, конскія фигуры и различныя украшенія.

Кости животныхъ всегда можно найти и въ черемисскихъ могилахъ. Во время погребенія черемисами у самой могилы совершаются поминки, для чего закалываются домашнія птицы или варится мясо домашнихъ животныхъ, кости которыхъ тутъ же зарываются въ могилахъ¹⁾. Подобнымъ же образомъ можетъ объясниться и присутствіе горшковъ въ мерянскихъ могилахъ. У черемисъ есть обычай при поминкахъ бросать въ горшокъ или другую какую-либо посудину яства (куски блиновъ, говядины, рыбы и проч.) и лить пиво и водку. Теперь все это вываливается собакамъ, а самые посудыны считаются нечистыми, оскверненными. Прежде, когда еще погребеніе совершалось безъ гробовъ, они эти горшки или посудыны, быть можетъ, зарывали въ могилахъ, т.-е. кушанья ставились рядомъ съ покойникомъ. Впрочемъ и теперь покойниковъ черемисы на тотъ свѣтъ провожаютъ не безъ запаса пищи: они ему кладутъ за пазуху блины, яйца, говядину, рыбу. Въ этихъ мерянскихъ горшкахъ иногда находились нѣкоторыя украшенія, какъ напр. браслеты, колечки, бусы²⁾. Это очень напоминаетъ обычай нѣкоторыхъ черемисъ съ покойниками, у которыхъ раньше умерли дѣти, посылать имъ гостинцы или подарки: дѣвочкамъ — предметы украшеній или даже куклы, если онѣ были очень маленькія; мальчикамъ — большею частью пузыри (музыкальный инструментъ, волынка).

Гипотезѣ о ближайшемъ родствѣ мерянъ съ черемисами нѣкоторое противорѣчіе повидимому представляютъ идола и изображенія змѣй, которые были находимы въ мерянскихъ курганахъ и которыхъ нѣтъ у черемисъ. Но это едва ли будетъ большимъ противорѣчіемъ, такъ какъ идола (человѣческія изображенія) найдены всего только въ двухъ могилахъ³⁾, а изображенія змѣй — только въ одной могилѣ⁴⁾. Слѣдова-

¹⁾ См. напр. Археолого-Этнографическіе этюды С. К. Кузнецова. Казань. 1883, стр. 18.

²⁾ Меряне и ихъ бытъ. Стр. 744.

³⁾ Тамъ же, стр. 662, 700.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 703.

тельно, существованіе идоловъ и изображеній змѣй не есть среди мерянъ обще-распространенное явленіе. Идолы не есть ли скорѣе какъ случайно попавшіе къ мерянамъ отъ другихъ какихъ-либо народовъ предметы и обратившіеся у нихъ просто въ игрушки — куклы. Змѣиныхъ изображеній у черемисъ не встрѣчается; но остатки змѣинаго культа у нихъ выражаются въ повѣрѣ, которое говоритъ, что въ каждомъ домѣ (усадебѣ) есть свой змѣй и что каждый дворъ только до тѣхъ поръ благоденствуетъ, пока этотъ змѣй живетъ во дворѣ; съ удаленіемъ же его со двора наступаютъ разныя несчастія — либо пожаръ случится, либо начинаетъ падать скоть.

Конскія фігуры существуютъ у черемисъ и въ настоящее время; встрѣтить на черемисскомъ поясу мѣдную гребенку въ видѣ коня не рѣдкость ¹⁾. Что касается до украшеній, то ихъ любятъ всѣ финскіе народы. Но и въ этомъ отношеніи у мерянъ были такіе предметы, которые въ настоящее время встрѣчаются только у черемисъ. Это суть *ремни вокругъ головы*, украшенные металлическими кольцами и *височныя кольца* ²⁾. Ремни, украшенные металлическими кольцами или пуговицами (бляхами) вокругъ головы, носятъ женщинами многихъ финскихъ народовъ, но мужчинами, какъ и у мерянъ, они носятъ только у черемисъ. Черемисы носятъ ихъ двоякимъ образомъ — или какъ просто украшенные ремни, служащіе для придерживанія длинныхъ волосъ, или же какъ украшенія на шляпахъ. Черемисскій щеголь ходитъ непременно или въ картузѣ (позднѣйшая мода) или же въ шляпѣ, перевязанной двумя ремнями или лентами, плотно унизанными оловянными кольцами.

„Височныя кольца, говоритъ А. С. Уваровъ, у мужчинъ въ величину простаго ручного кольца, но у женщинъ они достигаютъ иногда весьма обширнаго объема“ ³⁾. Подобныя кольца, въ діаметрѣ до 1½ вершка, а иногда и болѣе, носятъ *черемисками* слѣдующимъ образомъ: одна или двѣ пары колець своими *ножками*, похожими на маленькую спиральную пружинку, привязываются къ концамъ шелковой ленты или тесьмы, длиною въ аршинъ; два кольца ниткой привязываются къ уху, другія два, если есть, зацѣпляются за ожерелье или шейную повязку, а ленты, ниспускаясь, развѣваются на груди. Эти кольца носятъ только въ праздники, а въ будни черемиски ходятъ въ серьгахъ. Мужчинами — черемисами, какъ и мерянами, височныя кольца (ушныя) носятъ только маленькія.

Височныя кольца въ настоящее время инородцами изъ финскихъ племенъ носятъ только черемисками и вотячками, но преимущественно первыми, а у вторыхъ они встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

Еще одинъ интересный фактъ въ области украшеній. Меряне надѣвали на монисто *крестъ* не какъ религіозный предметъ, а какъ и иную красивую привѣску ⁴⁾. Такое отношеніе къ крестамъ изъ современныхъ финскихъ племенъ встрѣчается опять таки *только у черемисъ*. Черемиски, какъ крещенныя, такъ и язычницы, носятъ грудное украшеніе, состоящее изъ ленты, перехватывающей шею и унизанной монетами и „змѣиными головками“; на концѣ этой ленты всегда виситъ крестъ.

¹⁾ Меряне и ихъ бытъ. Стр. 734.

²⁾ Меряне стр. 743.

³⁾ Стр. 715.

⁴⁾ Меряне стр. 695.

Лѣтописецъ Несторъ, говоря о насельникахъ русской земли, между прочемъ пишетъ слѣдующее: „На Бѣлѣ озерѣ сѣдятъ Весь, а на Ростовскомъ озерѣ — Меря, на Клецинѣ озерѣ — меря же; по Оцѣ-рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу — мурома языкъ свой и черемиси свой языкъ, мордва свой языкъ“¹⁾. Такимъ образомъ преподобный Несторъ о мери и черемисахъ говоритъ какъ о двухъ обособленныхъ народностяхъ. Нужно замѣтить здѣсь, что черемисы указываются по ту сторону отъ мерянь, недалеко отъ которой обитали тюркскія племена²⁾. Не зная близко описываемые народы, подъ именемъ черемисъ (цармис) лѣтописецъ здѣсь не записалъ ли мерянь, которые для самихъ мерянь и сосѣдей — славянъ были мерей же, а тюркскими сосѣдними племенами (хозары, чуваша) могли по своему характеру прозываться цармисами (воинственными)?

Въ началѣ X-го вѣка имя *Мери* исчезаетъ. Послѣдній разъ въ лѣтописи оно упоминается въ 907 году³⁾. Въ Ростовѣ до сихъ поръ существуетъ преданіе, облеченное въ лѣтописную форму, что часть жителей Ростовской области (меряне?), когда тамъ стали распространять христіанство, ушли въ поволжскія страны⁴⁾. Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ мери исчезаютъ и черемисы по Оцѣ-рѣцѣ, которые вслѣдъ за этимъ вскорѣ появляются въ Булгарскихъ (казанскихъ) предѣлахъ. „Черемисы, зовомая отяки (?) *тое же глаголются Ростовская чернь, забышихъ тоже отъ русскаго крещенія и вселившимъ имъ въ Болгарскихъ жилищъ*“⁵⁾.

Современные черемисы отличаются весьма горячимъ и вспыльчивымъ характеромъ, что особенно у нихъ проявляется, когда они нѣсколько подвыпьютъ. Кто видалъ свадьбы черемисъ или другія ихъ пирушки, тотъ это хорошо знаетъ. Даже самый убогій царевкокшайскій черемисинъ, половину своей жизни проводящій въ лѣсахъ на тяжелой работѣ лѣсного промысла или на охотѣ, съ виду выглядящій забитымъ нуждой до полной апатии ко всему окружающему, — даже и онъ, когда подъ вліяніемъ шкалика на нѣкоторое время забываетъ свою горькую нужду, становится совершенно неузнаваемымъ: изъ робко-угрюмаго онъ дѣлается отчаянно-веселымъ и съ остервененіемъ храбрящимся до буйства.

Изъ всего вышеизложеннаго нельзя ли прійти къ тому заключенію, что черемисы (мары, мѣр) не только близко родственны съ мерянами, но они не суть-ли даже прямые потомки мерянь, прозванныхъ тюрками *сярмыс*, *цармис*, т.-е. воинственными, — воинственными конечно не въ современномъ смыслѣ, а лишь въ смыслѣ *горячности*, *буйности*.

¹⁾ П. С. Р. Л. т. I, стр. 5.

²⁾ См. А. Я. Гаркави. Нѣкоторыя данныя по исторической географіи и этнографіи Россіи. Труды IV Археологическаго съѣзда. Отд. II, стр. 249.

³⁾ Меряне. Стр. 688.

⁴⁾ Д. Корсаковъ. Меря и ростовское княжество.

⁵⁾ Исторія о казанскомъ царствѣ. Изд. 1791 г., стр. 8.

Областные музеи.

Графини Уваровой.

Между запросами, предложенными на обсужденіе Ярославскаго Археологическаго Съѣзда, находимъ подъ № 2 слѣдующій: „Открывающіеся въ провинціальныхъ городахъ музеи вызываютъ запросы объ упроченіи ихъ и о выработкѣ положенія о нихъ“. Запросъ этотъ поставленъ Ав. Каз. Жязневскимъ, основавшимъ въ г. Твери драгоцѣнную сокровищницу мѣстныхъ древностей, человѣкомъ, для котораго вопросъ объ областныхъ музеяхъ долженъ быть особенно дорогъ.

Постараюсь по мѣрѣ силъ и возможности разработать этотъ вопросъ и, на основаніи данныхъ, позволю себѣ предложить мѣры, желательныя для упроченія возникающихъ музеевъ и дальнѣйшаго ихъ существованія. Но прежде, чѣмъ поднимать вопросъ о томъ, какіе должны быть музеи, какими правилами руководствоваться и въ чьемъ вѣдѣніи находится, я укажу на существующіе уже у насъ музеи и, оставляя въ сторонѣ самыя крупныя единицы нашихъ столичныхъ городовъ, имѣющихъ типъ чисто правительственныхъ собраній и учреждений, раздѣлю изучаемые музеи на слѣдующія 10 рубрикъ: 1) коллекціи университетскія, 2) собранія Ученыхъ Обществъ, 3) коллекціи устраиваемыя при реальныхъ училищахъ, гимназіяхъ и пр. 4) древнехранилища, 5) собранія архивныхъ комиссій, 6) музеи, зависящіе отъ разныхъ Ученыхъ Обществъ, 7) губерскіе правительственные музеи, 8) музеи статистическихъ комитетовъ, 9) частныя собранія и 10) губерскіе, областные и земскіе музеи.

1. **Коллекціи университетскія**, основанныя правительствомъ вмѣстѣ съ университетами и состоящія при основаніи изъ нумизматическаго отдѣла и произведеній искусствъ и художествъ. Коллекціи эти не во всѣхъ университетахъ играли и играютъ ту же образовательно-воспитательную роль, которую слѣдовало бы отъ нихъ ожидать; зависитъ это вѣроятно отъ того, что кафедръ по археологіи у насъ не имѣется, а преподаваніе древняго греческаго и римскаго искусства не всегда поставлено настолько основательно, чтобы заинтересовать учащуюся молодежь; такое положеніе дѣла въ нашихъ университетахъ ставитъ все въ зависимость отъ личности, стоящей во главѣ коллекцій или завѣдующей преподаваніемъ. Впрочемъ, за послѣднее время коллекціи эти стали расти, обогащаться каталогами и дѣлиться на спеціальности, необходимыя

при нынѣшнемъ движеніи науки. Первоначальный толчекъ въ этомъ направленіи данъ, какъ кажется, профессорами естественнаго факультета, которые раньше другихъ взялись за дѣло и, несмотря на отсутствіе каѳедры по археологіи, стали готовить молодежь къ разработкѣ вопросовъ, касающихся до краниологіи, антропологіи и первобытныхъ древностей. Фактъ этотъ, впрочемъ, весьма понятенъ, ибо, необходимость археологическихъ знаній растетъ и распространяется въ публикѣ настолько живо, насколько мы, за послѣднее время, сознали необходимость стать Русскими и возстановить основы нашего самопознанія на изученіи русскаго слова, русскаго искусства и слѣдовательно русской археологіи.

2. Собранія Ученыхъ Обществъ какъ археологическихъ, такъ и естествоиспытателей. Собранія эти существуютъ почти при всѣхъ Обществахъ, часто весьма богаты, доступны публикѣ и, во всякомъ случаѣ, составляя нѣчто общее, весьма близкое и дорогое всѣмъ членамъ, средствамъ, трудамъ и изслѣдованіямъ которыхъ обязаны своимъ существованіемъ, часто посѣщаются профессорами и членами Общества, для занятій которыхъ необходимы. Собранія эти служатъ, вмѣстѣ съ университетскими коллекціями, единственнымъ подспорьемъ для демонстрацій при объясненіяхъ и лекціяхъ профессоровъ, желающихъ, по собственной инициативѣ, пополнить тотъ крупный недостатокъ, который замѣчается въ образованіи нашей университетской молодежи. Что коллекціи эти въ самомъ дѣлѣ необходимы профессорамъ и молодежи — доказывается тѣмъ, что большая часть изъ нихъ существуетъ при университетахъ и составляютъ нѣчто общее съ коллекціями сихъ послѣднихъ. Фактъ этотъ въ особенности замѣтенъ въ нашемъ Московскомъ Антропологическомъ Обществѣ, въ Обществѣ Нестора лѣтописца въ Кіевѣ, въ Ученыхъ Обществахъ при Казанскомъ университетѣ и въ Эстонскомъ Обществѣ при Дерптскомъ университетѣ.

Кромѣ вышеуказанныхъ Обществъ собранія древностей имѣются:

а) При *Томскомъ университетѣ*, который успѣлъ въ весьма скорое время собрать значительныя коллекціи изъ могильниковъ Сибири. Собраніе имѣетъ печатный каталогъ но, къ несчастію, оно недоступно не только публикѣ, но даже и тѣмъ, которые желали бы заняться разработкой мѣстныхъ древностей.

б) При *Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ*, коллекція котораго составляется изъ предметовъ, добываемыхъ послѣдовательно предпринимаемыми научными изслѣдованіями и раскопками и древностями доставляемыми въ Общество членами-корреспондентами изъ различныхъ частей нашего обширнаго отечества. Несмотря на то, что въ домѣ Общества на Берсеневкѣ двѣ залы постоянно заняты витринами, переполненными древностями, коллекція Общества слѣдуетъ считать переходящими, такъ какъ они остаются въ его введеніи только до описанія и изданія ихъ, послѣ чего передаются Императорскому Историческому Музею въ Москвѣ и входятъ въ составъ его коллекцій. Такимъ образомъ поступило Общество въ годъ (1883) первоначальнаго устройства Историческаго Музея, когда основателю онаго гр. А. С. Уварову необходимы были коллекціи для первыхъ десяти залъ Музея; такой порядокъ продолжаетъ существовать и нынѣ, что подтверждается тѣмъ, что со дня кончины графа Музею передано Обществомъ болѣе тысячи предметовъ.

в) При *Императорскомъ Одесскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей*. Это древнѣйшее археологическое русское Общество, расположенное въ мѣстности, богатой классическими древностями, имѣетъ Музей, который по преимуществу богатъ надписями и памятниками древностей греческихъ, византійскихъ, генуэзскихъ, армянскихъ, восточныхъ (изъ Крыма) и еврейскихъ. Музей доступенъ публикѣ и имѣетъ печатный указатель.

г) *Русское Императорское Археологическое Общество* въ Петербургѣ имѣетъ значительныя коллекціи, добытыя при раскопкахъ членами Общества, но за неизмѣнимъ помѣщенія коллекціи эти хранятся въ ящикахъ и недоступны публикѣ. Состоялось нынѣ предположеніе сдать ихъ Археолог. Комиссіи для распредѣленія по Музеямъ.

д) *Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края*, основанное за послѣдніе годы въ Астрахани, имѣетъ Музей, въ которомъ старается собрать все то, что касается до исторіи, этнографіи и археологіи края.

е) *Общество естествоиспытателей и археологіи* въ Ригѣ (на Гильдейской ул., д. Податнаго Управленія) имѣетъ драгоцѣнныя геологическія и археологическія коллекціи, открытыя для публики ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней, отъ 12 до 2 ч. дня.

ж) *Общество изслѣдователей о. Эзеля* имѣетъ собраніе древностей въ Аренсбургѣ, доступное для публики. (См. „Древности“. Т. XIII, вып. 2).

з) *Общество изученія Амурскаго края* въ Владивостокѣ имѣетъ Музей, основанный и содержимый на средства Общества.

и) *Императорское Общество древней письменности въ П.-Б.* (Фонтанка, д. гр. Шереметева) имѣетъ значительный Музей древнихъ рукописей, иконъ и церк. утвари.

к) *Общество распространенія грузинской грамотности* въ Тифлисѣ, успѣло въ весьма короткое время собрать весьма цѣнныя экземпляры древнихъ грузинскихъ рукописей, въ число которыхъ поступили рукописи, пожертвованныя кн. Мингрельскимъ.

л) *Уральское Общество любителей естествознанія* въ Екатеринбургѣ имѣетъ коллекцію древностей, добытыхъ изъ мѣстныхъ городищъ и могильниковъ, (между прочимъ на Верхъ-Исетскихъ заводахъ), состоящую изъ бронзовыхъ кельтовъ костяныхъ шиль, копій и гарпуновъ, каменныхъ орудій, веселъ и глиняныхъ сосудовъ съ мелкимъ надавленнымъ рисункомъ и круглымъ дномъ (рис. I), подобныхъ сосуду, добытому Кн. П. А. Путятинимъ на берегу Бологовскаго озера и представленнаго имъ на выставку Ярославскаго Археологическаго Съѣзда.

Рис. 1.

3. Коллекціи, устраиваемыя при гимназіяхъ, реальныхъ училищъ и пр., болѣею частью съ чисто педагогическими цѣлями, обязаны обыкновенно своимъ возникновеніемъ инициативѣ директора, учителя или какого-либо мѣстнаго любителя и призваны

играть въ маленькихъ центрахъ ту же образовательную роль, какъ и университетскія коллекціи въ университетскихъ городахъ. Изъ подобныхъ коллекцій мнѣ извѣстны:

а) *Собраніе при Бронницкомъ уѣздномъ училищѣ* (Моск. губ.), можетъ быть, древнѣйшее въ своемъ родѣ. Основано оно въ 1866 г., почти безъ всякихъ средствъ, стараніемъ помощника исправника Н. А. Рождественскаго и состоитъ изъ окаменѣлостей, костей допотопныхъ животныхъ, предметовъ древняго вооруженія, монетъ, рукописей и кустарнаго отдѣла. Собраніе это пользовалось когда-то вниманіемъ публики и начальства, но за послѣднее время, за выѣздомъ изъ Бронницъ основателя, не имѣетъ приличнаго помѣщенія и потому недоступно публикѣ.

б) *Историко-географическій музей Елизаветградскаго земскаго реальнаго училища*, состоящій изъ 741 предмета, частью пожертвованныхъ, частью добытыхъ стараніемъ и неуспѣшными трудами учит. Ястребова. Музей этотъ настолько интересенъ и важенъ для науки, что обратилъ на себя вниманіе Одесскаго Съѣзда, издавшаго между прочимъ въ своихъ трудахъ великолѣпную бронзовую ручку, добытую въ скиѣскомъ курганѣ, близъ с. Марганоши. Большая часть предметовъ этой коллекціи добыта изъ кургановъ Херсонской и Екатеринославской губ. Прилагаемая таблица (табл. VI) знакомитъ съ тою частью коллекціи, которая можетъ быть полезна изслѣдователю для сравненія и научныхъ выводовъ. Такъ №№ 8, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20 и 21 представляютъ коллекцію бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ скиѣскихъ; добыты они въ курганахъ Елизаветградскаго, Черкаскаго и Александрійскаго уѣздовъ, при чемъ №№ 18 и 19 въ томъ же курганѣ с. Марганоши, изъ котораго извлечена вышеупомянутая бронзовая скиѣская ручка. № 17 — бронзовое кольцо съ правильно расположенными наплывами по сторонамъ напоминаетъ часто находимыя кольца въ могильникѣ Комунты, въ горахъ Осетіи. № 23 — бронзовыя удила, украшенныя головами грифовъ, изъ кургана близъ Станишина, Александрійскаго уѣзда, скиѣскаго типа, общаго съ могильникомъ, разработаннымъ Мазараки въ Полтавской губ. №№ 24 и 27 — костяныя пластинки, изъ Екатеринославскаго и Елизаветградскаго уѣздовъ, служащія для отдѣлки кинжалныхъ ноженъ, ножевыхъ черенковъ, колчановъ и пр. и общія всѣмъ кочевникамъ, прошедшимъ по степямъ Сибири (см. каталогъ собранія гр. А. С. Уварова), Оренбургской губ., Тургайской области (см. Матеріалы для археологіи восточныхъ губерній изд. Имп. Моск. Археол. Общества), прикавказской низменности и нашимъ южнымъ губерніямъ. №№ 1—7 и 11 — жел. наконечники стрѣлъ и дротиковъ, происходящихъ изъ кургановъ Елизаветградскаго и Ананьинскаго уѣздовъ, типъ также общій для нашихъ черноморскихъ степей и ближнихъ съ ними губерній.

в) *Коллекція при Ирбитскомъ училищѣ* — весьма бѣдная, состоящая по послѣднимъ свѣдѣніямъ преимущественно изъ костей допотопныхъ животныхъ.

д) *Собраніе при Самарскомъ реальномъ училищѣ* — основано въ 1880 г. и состоитъ преимущественно изъ предметовъ, касающихся до палеонтологіи, геодезіи и геологіи. Предметы археологіи имѣются въ маломъ количествѣ.

е) *Историко-географическій музей при Симферопольской мужской гимназіи* съ отдѣленіемъ древностей, касающихся преимущественно до исторіи, жизни и быта Таври-

ческаго полуострова. Музей этотъ открытъ 22 октября 1886 г., не имѣеть особыхъ средствъ, но пополняется благодаря энергіи и постоянной заботливости какъ директора гимназіи, Тимашевскаго, такъ и остальнаго учебнаго персонала. Археологическая часть Музея состоитъ изъ 2292 нумеровъ между которыми находимъ интересные предметы изъ древняго Неаполиса и его могильниковъ, костяныя стрѣлы и кремневые оружія, найденныя въ чертѣ самаго Симферополя и въ пещерѣ Біюкъ-Сюрени, грузило съ изображеніемъ женщины съ рыбой, глиняные сосуды, стекляныя украшенія, греческія надписи съ Кастеля (близъ Алушты) и изъ имѣнья Форось (близъ станціи Байдарской), ручки отъ греческихъ амфоръ, древнія рукописи, монеты и пр.

ж) *Собраніе древностей при Тобольской женской прогимназіи* — богатое въ особенности костями допотопныхъ животныхъ.

з) *Собраніе древностей при реальномъ училищѣ въ г. Тюмени*, основанное въ 1872 г. Ив. Як. Слобцевымъ, человѣкомъ, заслужившимъ имя въ ученомъ мірѣ. Въ настоящее время имѣется хорошее собраніе минераловъ и горныхъ породъ вост. Урала, весьма порядочныя коллекціи по палеонтологіи, ботаникѣ и мѣстной фаунѣ. Коллекція предметовъ по археологіи весьма богата; назовемъ: серебр. сосуды съ арабскими надписями изъ Березовскаго края, 2 мѣдныхъ идола изъ Тюмени и Варваринской юрты на Тоболѣ, мѣдные и бронзовые топоры оттуда же, бронзовыя стрѣлы, табакерка кн. Меншикова и пр.

4. Древнехранилища, устраиваемыя за послѣднее время при духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, православныхъ братствахъ и вообще епархіяхъ съ цѣлью сохраненія церковныхъ древностей, выходящихъ изъ употребленія. Желательно было бы, чтобы эти древнехранилища сослужили Россіи службу, которой мы вправѣ ожидать отъ нихъ: знакомя наше духовенство и молодежь, призванную пополнять его ряды, съ русскими церковными древностями, съ иконописью, символикой и иконографіей, они могли бы наконецъ распространить эти необходимыя знанія между служителями алтаря и такимъ образомъ подвинуть разработку этихъ важныхъ отраслей русскаго искусства. Изъ подобныхъ собраній извѣстны:

а) *Древнехранилище*, устроенное въ 1891 г. въ Архангельскѣ при Михайло-Архангельскомъ монастырѣ стараніемъ мѣстнаго епископа Александра и законоучителя гимназіи, Ев. Смирнова. Правила, которыя выработаны для руководства древнехранилищу, доказываютъ, что оно задалось идеей не только спасти отъ уничтоженія всѣ тѣ предметы древности, которые обыкновенно исчезаютъ безслѣдно изъ нашихъ церквей, но и собрать свѣдѣнія о древностяхъ, имѣющихся у частныхъ людей. Желая всякаго успѣха новому учрежденію можно, только высказать надежду, что въ средѣ членовъ древнехранилища найдутся люди, которые будутъ способны не только собирать и сохранять предметы, но и изучать ихъ, издавать и знакомить съ ними занимающуюся публику. Полный списокъ предметовъ, имѣющихся нынѣ въ собраніи прилагается въ видѣ прибавленія къ нашему изслѣдованію подъ № 1.

б) *Собраніе Православнаго Свято-Владимірскаго Братства* въ г. Владимірѣ Волинскомъ. Оно основано въ 1887 г., помѣщается въ ризницѣ собора, древнѣйшаго русскаго храма на Волыни, построеннаго въ XII в. кн. Мстиславомъ Изя-

славичемъ, и не можетъ не принести пользу въ дѣлѣ поддержанія православія въ этой искони русской окраинѣ нашего отечества. Братство, состоящее большею частью изъ лицъ свѣтскаго званія, имѣетъ уставъ, издаетъ ежегодно отчеты о своей дѣятельности и новыхъ приобрѣтеніяхъ, поддерживаетъ общеніе съ Учеными Обществами, обмѣнивается изданіями и фотографіями и издало подробное описаніе мѣстныхъ памятниковъ древности. Собраніе его состоитъ изъ случайныхъ находокъ, пожертвованій частныхъ лицъ и приобрѣтеній на средства Братства. Опись Собранія прилагается въ прибавленіи № 2.

в) *Древнехранилище при Московской духовной академіи*, учрежденное въ 1880 г. по предложенію бывшаго ректора академіи, протоіерея С. Я. Смирнова, при академической библіотекѣ и подъ веденіемъ ея библіотекаря. Въ составъ его коллекцій вошли рукописи академіи, ея минералогическій кабинетъ и тѣ монеты, которыя дарятся академіи разными частными лицами. Древнехранилище надѣется пополнять свою коллекцію древними иконами и церковной утварью, жертвуемыхъ церквами и монастырями, при выходѣ ихъ изъ употребленія. На пополненіе музея не асигновано никакихъ средствъ; нѣтъ при немъ ни устава, ни правилъ, обязывающихъ начальство открывать его и знакомить съ нимъ публику.

г) *Музей церковныхъ древностей при Киевской духовной академіи*, основанный трудами Н. Я. Лашкарева и Н. И. Петрова, весьма богатый, имѣющій каталогъ и поставленный совершенно на научную почву. При Музеѣ имѣется и Археологическое Общество.

д) *Древнехранилище при Нижегородской Духовной семинаріи* основанное преосвященнымъ Модестомъ въ 1886 г., состоитъ изъ древнихъ рукописей, иконъ и церковной утвари; имѣетъ нынѣ 236 номеровъ и печатаетъ подробный каталогъ, въ Нижегородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, составленный преподавателемъ семинаріи и хранителемъ Музея Богословскимъ.

е) *Музей церковныхъ древностей при Петербургской духовной академіи*, основанъ въ 1879 г. по инициативѣ профессора академіи Н. И. Покровскаго. Состоитъ онъ изъ предметовъ музея, упраздненнаго новгородскимъ земствомъ, изъ иконъ, поднесенныхъ академіи архимандритомъ Амфилохіемъ, и другихъ частныхъ пожертвованій. Музей помѣщается въ удобномъ и довольно обширномъ помѣщеніи и содержитъ на остатки академическихъ суммъ. Подробный каталогъ изготавливается Н. В. Покровскимъ при чемъ коллекція дѣлится на слѣдующія группы:

1) Старинныя русскія иконы (около 400) въ числѣ которыхъ находятся образцы пожертвованные графомъ С. Г. Строгановымъ, важнѣйшихъ иконописныхъ пошибовъ: новгородскаго, московскаго, строгановскаго и суздальскаго.

2) Металлическіе образки и складни разныхъ формъ и эпохъ.

3) Кресты напрестольные, наперстные и тѣльники.

4) Церковные сосуды, употреблявшіеся при евхаристіи.

5) Паникадила, въ числѣ которыхъ замѣчательный „хорось“ 1536 года.

6) Деревянные подсвѣчники, брачные вѣнцы.

7) Антиминсы, старинныя церковныя одежды.

- 8) Старинныя рукописи, старопечатныя изданія и гравюры.
- 9) Фотографическіе снимки и рисунки.
- 10) Монеты: греческія, римскія, византійскія, арабскія, западно-европейскія и русскія.
- 11) Коллекція буддійскихъ изображеній изъ японскихъ храмовъ.

е) *Ростовскій музей*, помѣщающійся въ древнемъ Ростовскомъ Кремлѣ, подъ сводами Бѣлой палаты, возстановленной въ 1885 г. на средства мѣстныхъ любителей древностей при непосредственномъ руководствѣ Импер. Моск. Археологическаго Общества. Музей растетъ весьма быстро, благодаря неуспыннымъ трудамъ И. А. Шлякова и А. А. Титова, доступенъ публикѣ и снабженъ каталогами, составленными А. А. Титовымъ и Ѳ. А. Бычковымъ.

ж) *Древнехранилище при Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисъ*, на Кавказѣ. Открытое въ 1886 г. въ зданіи расположенномъ въ оградѣ тифлискаго Сіонскаго кафедральнаго собора. Зданіе это каменное, 2-этажное, весьма помѣстительное и свѣтлое. По уставу учрежденія, оно назначено „сберечь, какъ достояніе науки, предметы древности церковно-археологическаго характера, имѣющіеся въ экзархатѣ, но, вслѣдствіе непониманія ихъ значенія или по небрежности, постепенно утрачиваемые“. Постоянное наблюдение за сохранностью предметовъ древности въ древнехранилищѣ, по 4 § устава, лежитъ на обязанности особаго лица, назначаемаго экзархомъ Грузіи и именующагося хранителемъ церковнаго древлехранилища при экзархатѣ. Кромѣ того, оно находится въ вѣдѣніи особаго комитета, состоящаго изъ лицъ, назначенныхъ экзархомъ Грузіи. Древлехранилище будетъ доступно и постороннимъ лицамъ: для осмотра его и изученія предметовъ, въ немъ находящихся, будутъ назначены особые дни и часы. Церковно-археологическіе предметы, находящіеся въ древнехранилищѣ, постороннимъ лицамъ не будутъ отпускаться. Исключеніе можетъ быть допущено только для ученыхъ учрежденій, которымъ тотъ или другой церковно-археологическій предметъ будетъ высылаться по офіціальному сношенію и притомъ на опредѣленный срокъ.

з) *Древнехранилище при Тульскомъ Архіерейскомъ домѣ*, описано Н. И. Троицкимъ въ „Древностяхъ“, издаваемыхъ Моск. Археол. Обществомъ.

5. Собранія, образуемая за послѣднее время Архивными Комиссіями. Комиссіи основались въ Костромѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Орлѣ, Рязани, Саратовѣ, Симферополѣ, Тамбовѣ и Твери и, занимаясь разработкой мѣстныхъ древностей, невольно увлеклись раскопками и, забывая свое первоначальное назначеніе собирать, сохранять и описывать архивы и памятники древней письменности, стали составлять коллекціи изъ предметовъ, извлекаемыхъ изъ городищъ и древнихъ могильниковъ, присоединяя къ нимъ монетные клады, иконы, церковную утварь и пр. Коллекціи имѣются въ Комиссіяхъ Нижегородской, Орловской, Рязанской, Саратовской, Таврической и Тамбовской. Прилагая въ приложеніяхъ (№ 3, 4 и 5) каталоги *собраній Орловской, Рязанской и Таврической комиссій*, прибавлю, что:

а) *Собраніе Саратовской Комиссіи* состоитъ изъ небольшого количества предметовъ полученныхъ отъ Губернскаго Статистическаго комитета безъ всякихъ указаній и документовъ, что отнимаетъ значеніе у предметовъ и лишаетъ ихъ того интереса, который они могли бы имѣть для изслѣдователя.

б) *Собрание Нижегородской Комиссии* не имѣетъ пока каталога, весьма бѣдно древностями доисторическими и состоятъ по преимуществу изъ бытовыхъ предметовъ, принадлежащихъ концу XVI столѣтія и позднѣйшему времени. Между ними имѣются: по *церковному быту*: паникадилы, ковчеги, дароносицы, потиры, вѣнцы (деревянные и металлическіе), подсвѣчники, ковши, лампы, фонари, напрестольные кресты, покровы, ризы, воздухи, стихари, собраніе иконъ, складней, крестовъ и т. п., по *домашнему быту*: кубки, стаканы, кувшины, чаши, братины, горшки, чайники, фляги, ковши, тарелки, солонки, подсвѣчники, курильницы, свѣтцы, сундуки, шкапулки, укладки, коробки, вальки, замки, ключи, ножи, вилки, трубки, табакерки, игольники, подчасники, безмѣны, топоры, кирки, коловороты, аршины, и т. п.; изъ предметовъ *одежды, обуви и украшеній* имѣются: кокошники, косынки, платки, шали, пояса, онучи, лапти, женскія душегрѣйки, лакомники, кафтаны, кошельки, бусы, серьги, браслеты, пряжки и т. п.; собраніе *оружія* состоитъ изъ сабель, кинжаловъ, шпагъ, мечей, пикъ, сѣкиръ, латъ, кольчугъ, топоровъ, бердышей, мушкетовъ, пистолетовъ, пороховницъ и т. п.; имѣются и *орудія истязанія и казни*: шейная цѣпь, клейма, плеть.

6. Музеи, зависящіе отъ разныхъ Ученыхъ Обществъ и учреждений, но вдали отъ нихъ, и потому имѣющихъ видъ самостоятельныхъ учреждений.

а) *Керченскій музей*, зависящій отъ Императорской Археологической Комиссии.

б) *Музей въ Херсонисѣ*, зависящій отъ той же Комиссии.

в) *Теодосійскій музей*, зависящій отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и древностей.

г) *Мелекъ-Чесменскій музей*, зависящій отъ того-же Одесскаго Общества.

Музеи эти должны бы играть видную роль въ исторіи русскаго искусства и могли бы двинуть изученіе нашего Черноморскаго побережья и тѣхъ греческихъ колоній, которыя первыя внесли свѣточъ науки, искусства и даже православія въ наше отечество; но, къ несчастію, не то видимъ мы на самомъ дѣлѣ. Музеи эти пусты и нѣмы и не могутъ послужить примѣромъ для другихъ подобныхъ древне-хранилищъ. Для нихъ, и по сіе время, не выработано устава, и Правленіе ихъ не считаетъ своею обязанностью изучать мѣстность, въ которой находится, составлять планы, наносить на нихъ имѣющіяся о мѣстности свѣдѣнія, слѣдить за правильностію и систематичностію производимыхъ въ мѣстности раскопокъ, не въ состояніи возстановить и сохранить найденное на пользу науки, подрастающаго поколѣнія и тѣхъ путешественниковъ, которыхъ невольно привлекло бы южное побережье, если бы Россія умѣла не только расхищать свои древности, но сохранять и разрабатывать ихъ. Мнѣ замѣтять, вѣроятно, что всѣ предметы, добываемые въ Теодосіи, Керчи и Херсонисѣ обязательно препровождаются въ Музей Эрмитажа; но Эрмитажъ принимаетъ въ число своихъ коллекцій только выдающіеся изъ находимыхъ предметовъ; мѣстные же Музеи должны были-бы образоваться изъ дублетовъ Эрмитажа, изъ тѣхъ предметовъ, которые по громадности не могутъ быть перевозимы, а главное, должны были-бы сохранять въ цѣлости отрываемыя зданія, усыпальницы, вести планы и журналы раскопокъ, руководить, изучать мѣстность и охранять ее отъ кладояскателей и продавцевъ, которыхъ завелось не мало

въ описываемыхъ нами мѣстностяхъ и которыя, увѣровавъ за послѣднее время въ безнаказанность своей дѣятельности, открыто вывозятъ цѣлыя коллекціи за границу и торгуютъ ими въ Москвѣ и Петербургѣ.

Если небогатое Одесское Общество Исторіи и Древностей ничего не можетъ для Θεодосійскаго Музея, то этого слѣдовало бы ожидать отъ Императорской Археологической Коммисіи, которая получаетъ отъ Правительства значительныя денежныя субсидіи и на обязанности которой, по ея Положенію, лежитъ въ особенности забота о Керченскомъ Музеѣ.

7. Губернскіе музеи, зависящіе отъ Правительства.

а) *Виленскій музей* — основанный въ 1865 г., состоитъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, получаетъ ежегодно 1,000 р., Устава не имѣетъ и пополняется частными пожертвованіями, которыя, впрочемъ, совершенно прекратились съ 1865 г., т.-е. со времени передачи Музея изъ частнаго владѣнія гр. Тышкевича въ руки Министерства.

б) *Ташкентскій Музей*, обязанный своимъ существованіемъ ген. Кауфману, устройтелю нашихъ Закаспійскихъ владѣній, сильно пострадалъ послѣ его кончины и только теперь снова начинаетъ возникать, устраиваться и пополняться. Къ несчастію, послѣ разгрома, произведеннаго при ген. Черняевѣ, много предметовъ пропало, а другія, хотя и сохранились, но остались безъ указаній мѣстъ ихъ находенія. Музей помѣщается въ отдѣльномъ зданіи, подъ одной крышей съ Публичной Библіотекой, имѣетъ въ отдѣлѣ древностей 164, въ нумизматическомъ — 2018 нумеровъ и открытъ для публики безплатно по воскреснымъ днямъ. Каталогъ и нѣкоторые снимки помѣщаются въ Прибавленіи № 6.

в) *Севастопольскій музей* имени графа Тотлебена.

г) *Тифлисскій музей*, устроенный на Кавказѣ энергіей директора Радде и сочувственно щедрымъ отношеніемъ къ дѣлу Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича. Музей этотъ призванъ играть огромную роль въ исторіи просвѣщенія Кавказа и сохраненія тѣхъ памятниковъ глубокой древности, которыми богатъ этотъ, еще мало изслѣдованный, край; къ сожалѣнію, Радде не археологъ и не антропологъ и потому, не имѣя до сихъ поръ помощниковъ въ этихъ двухъ интереснѣйшихъ отрасляхъ науки, не можетъ принести Кавказу той существенной пользы, которую слѣдовало бы ожидать отъ столь серьезнаго учрежденія какъ Тифлисскій Музей. Археологическій отдѣлъ Музея образовался главнымъ образомъ изъ предметовъ добытыхъ при раскопкахъ покойнымъ Байерномъ и переданныхъ Музею Обществомъ Любителей Кавказской Исторіи и Археологіи, равно какъ и изъ собранія составленнаго путемъ раскопокъ Предварительнымъ Комитетомъ Археологическаго Съѣзда въ Тифлисѣ предметовъ, разставленныхъ въ Музеѣ и приведенныхъ въ порядокъ графомъ А. С. Уваровымъ. Музей открытъ ежедневно для публики и имѣетъ печатанный каталогъ.

8. Музеи, образуемые Статистическими Комитетами и обязанные обыкновенно своимъ возникновеніемъ и существованіемъ секретарямъ этихъ Комитетовъ.

Въ Россіи Статистическихъ Комитетовъ приблизительно 80. Сорокъ два изъ нихъ

(Амурскій, Бакинскій, Вологодскій, Волинскій, Витебскій, Елизаветградскій, Екатеринославскій, Енисейскій, Иркутскій, Казанскій, Калужскій, Карскій, Кіевскій, Костромской, Курляндскій, Курскій, Лифляндскій, Оренбургскій, Орловскій, Пермскій, Подольскій, Полтавскій, Рязанскій, Самарскій, Саратовскій, Симбирскій, Смоленскій, Ставропольскій, Тавричскій, Терскій, Томскій, Тульскій, Тургайскій, Уральскій, Финляндскій, Харьковскій, Херсонскій, Черниговскій, Эриванскій, Эстляндскій, Якутскій и Ярославскій) не имѣютъ коллекцій; изъ остальныхъ — двадцать одинъ доставили намъ обязательно слѣдующія о своихъ коллекціяхъ свѣдѣнія.

Публичный Музей Аргамельскаго Статистическаго Комитета составился въ равное время изъ случайныхъ пожертвованій, между которыми находимъ: кресло Филарета Никитича Романова, разныя вещи принадлежащія Антону Ульриху, Принцу Брауншвейгскому, нѣсколько каменныхъ орудій изъ Кемскаго уѣзда и проч. Помѣщается Музей въ казенномъ зданіи и открытъ публикѣ бесплатно ежедневно отъ 12 до 3 ч.

Коллекціи Астраханскаго Статистическаго Комитета составились изъ разныхъ предметовъ, оставшихся послѣ Промышленно-торговой выставки, устроенной въ г. Астрахани въ 1871 г.; кости же допотопныхъ животныхъ, разныя древности и собраніе монетъ происходятъ отъ случайныхъ находокъ и пожертвованій. Комитетъ не дорожитъ своими коллекціями, и нынѣ поднять вопросъ о передачѣ ихъ городу или Петровскому Обществу изслѣдователей Астраханскаго края.

Собраніе древностей при Владимірскомъ Статистическомъ Комитетѣ существуетъ съ 1869 г., основанъ единственно трудами покойнаго К. Н. Тихонравова, помѣщается въ зданіи Вл. Губ. Правленія и доступно публикѣ. Завѣдуетъ имъ секретарь Комитета, но дѣло, видимо, ведется безъ любви и охоты, такъ какъ съ 1870 г. новыхъ предметовъ въ Собраніе не поступало. Состоятъ оно изъ иконъ, крестовъ и разныхъ предметовъ домашняго обихода, числомъ до 100, нумизматическаго отдѣла, лубочныхъ картинъ, фотографій и образцевъ фабричныхъ и кустарныхъ издѣлій.

Воронежскій Статистическій Комитетъ, по инициативѣ секретаря Вейнберга, сталъ собирать коллекціи древностей, которыя пока помѣщаются въ помѣщеніи Комитета и пополняются жертвователями. При немъ рѣшено открыть Сельско-хозяйственное, фабрично-заводское и кустарное отдѣленіе.

При Гродненскомъ Статистическомъ Комитетѣ существуетъ Сельско-хозяйственный Музей и при немъ незначительный отдѣлъ древностей, въ которомъ находятся одно долото и топоръ каменнаго вѣка изъ Бѣльскаго уѣзда, желѣзный шлемъ и кольчуга оттуда же и 53 разныхъ монетъ неизвѣстнаго происхожденія.

Статистическій Комитетъ Области Войска Донскаго имѣетъ незначительную коллекцію древнихъ предметовъ и монетъ, помѣщающихся въ канцеляріи Комитета. Собраніе это составлено лѣтъ двадцать тому назадъ, не приведено въ порядокъ и, въ виду своей бѣдности, недоступно публикѣ. Коллекція эта уже потому не имѣетъ особаго значенія, что всѣ вещи поступали въ Комитетъ случайно и безъ указаній мѣста ихъ найденія.

Статистическій Комитетъ Калужской губ. имѣетъ только нѣсколько старинныхъ монетъ.

ныхъ плитъ, памятниковъ и надписей, происходящихъ изъ раскопокъ, произведенныхъ на берегу Босфора Киммерійскаго и на Кавказѣ, древняго мраморнаго льва, нѣсколькихъ каменныхъ бабъ и пр. Коллекція помѣщается въ дополнительномъ зданіи при квартирѣ начальника области, доступна публикѣ, но посѣщается, благодаря неудобству помѣщенія, крайне рѣдко. Особыхъ суммъ на содержаніе Музея Комитетъ не имѣетъ и онъ пополняется только случайными пожертвованіями.

При Кутаисскомъ Статистическомъ Комитетѣ началъ собирать древности съ 1865 г., по собственному почину и на собственные средства, секретарь Комитета Бочкаревъ, выражающій намѣреніе передать все собраніе въ мѣстный Музей, если бы основаніе такового когда либо состоялось.

Минскій Статистическій Комитетъ создалъ въ одной изъ комнатъ, занимаемыхъ Комитетомъ маленькое собраніе бытовыхъ предметовъ, къ которымъ за послѣднее время присоединены предметы добытые изъ кургановъ мѣстными любителями и изслѣдователями Минской старины.

Могилевскій Статистическій Комитетъ задумалъ еще въ 1879 г. образовать изъ предметовъ и коллекцій, случайно попадающихъ въ Комитетъ, болѣе или менѣе систематически расположенный Музей, могущій служить къ изученію не только этнографіи губерніи, но и его истории и археологіи. Починъ устройства Музея былъ положенъ начальникомъ губерніи А. С. Дембовецкимъ при дѣятельной помощи секретаря Комитета А. А. Симановскаго; составилъ же онъ изъ частныхъ приношеній, кладовъ, находимыхъ въ предѣлахъ губерніи и предметовъ, вышедшихъ изъ употребленія и сохраняемыхъ на церковныхъ чердакахъ и подвалахъ. Каталогъ Музея (Могилевскій музей, 1891 г. in 8° стр. 82) составленъ М. В. Фурсовымъ, который раздѣлилъ коллекцію на слѣдующіе отдѣлы: историческій (22 нум.), архаическій (20 нум.), грамоты и рукописи (18); книги, атласы, медаліоны, рисунки (23); монеты (118) и отдѣлъ промышленный. Особенно выдающихся предметовъ въ Музеѣ нѣтъ; интересны однакожь тронное кресло Императрицы Екатерины II, принадлежащее въ былое время Могилевскому путевому дворцу, построенному по случаю свиданья Императрицы съ Іосифомъ II и сани Наполеона, служившіе ему во время отступленія и брошенные имъ по причинѣ сильной оттепели въ имѣнныя княгини Любомірской, селѣ Дубровнѣ.

Нижегородскій Статистическій Комитетъ собирается, по заявленію секретаря, А. С. Гацисскаго, слиться во единое съ ново-открытою ученою Архивною Комиссіей и составить при обоюдномъ стараніи кабинетъ мѣстныхъ древностей.

Новгородскій Статистическій Комитетъ имѣетъ большое собраніе древностей, которымъ обязано личной предприимчивости и энергіи бывшаго секретаря Комитета, священнику Николаю Гавриловичу Богословскому (нынѣ протоіерею). Озабочиваясь устройствомъ Музея, Стат. Комитетъ еще въ 1863 г. поручилъ Богословскому, командированному для обозрѣнія губерніи въ статистическомъ отношеніи, собирать по пути все то, что касается до исторіи, этнографіи и производительности края. Такимъ образомъ было приобрѣтено множество разныхъ предметовъ и по преимуществу памятниковъ христіанской древности и церковной утвари, которые и послужили основаніемъ музея. Музей, переданный Новгородскому Земству, росъ и увеличивался

и могъ въ свое время считаться богатѣйшимъ собраніемъ между нашими провинціальными учрежденіями подобнаго рода. Къ несчастію Богословскій оставилъ въ 1878 г. службу свою при Статистическомъ Комитетѣ и весьма скоро послѣ того тоже Земство признало Музей безцѣльною затѣей, отказалось отъ дальнѣйшаго его содержанія и порѣшило возвратить коллекціи по принадлежности. Пока же Статистическій Комитетъ, за неимѣніемъ средствъ и помѣщенія, входилъ въ переговоры съ Городской Управой, Музей былъ сваленъ въ сарай при домѣ, въ которомъ помѣщался при чемъ многіе предметы погибли или пропали, а частью перешли во владѣніе Музея Петербургской Духовной Академіи.

Спасителями Музея явились Ихъ Императорскія Высочества, Великіе Князья Сергій и Павелъ Александровичи, Константинъ и Дмитрій Константиновичи. Денежныя средства пожертвованныя Ихъ Высочествами и примѣръ ими данный не остались безплодными: частныя лица и администрація принялись также за дѣло, и съ 1887 г. Музей имѣетъ свое собственное помѣщеніе въ одной изъ башенъ Кремля, гдѣ разнородныя коллекціи его распределены по отдѣламъ и могутъ съ удобствами быть посѣщаемы публикой. Музей продолжаетъ содержаться на средства Великихъ Князей и частныхъ пожертвованій, имѣетъ печатный подробный каталогъ (Изд. Новг. Стат. Комитета, 1889 г., in. 12, стр. 121) и дѣлится на слѣдующіе 28 отдѣловъ:

Отдѣлъ I. — *Предметы доисторической древности* — 110 нумеровъ, между которыми находятся образцы каменныхъ орудій и гончарства съ береговъ Бологовскаго озера, урочищъ „Воротъ въ узахъ“ и Новинской волости, Тихвинскаго уѣзда. Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщаются бронзовыя издѣлья, къ несчастію безъ указанія мѣстъ

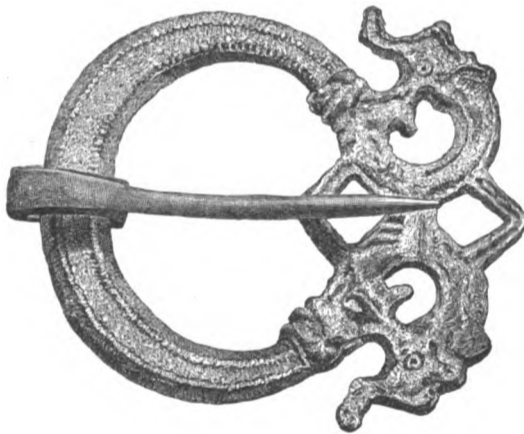

Рис. 70.

Рис. 79.

нахожденія, состоящія главнымъ образомъ изъ мелкихъ бронзовыхъ браслетовъ и черепахо-образныхъ выпуклыхъ фибулъ Мерянскаго типа, воспроизведенныхъ гр. А. С. Уваровымъ въ его извѣстномъ изслѣдованіи этого племени. Помѣщаяю при семъ два предмета изъ этой коллекціи: бронзовую *фибулу* № 70 (по печатному каталогу) интересную по оригинальности своего скандинавскаго типа и *бронз. привѣску* № 79 напоминающую Кавказскіе типы.

Отдѣль II—XIII и отдѣль XV—интересные по своей разнообразности и посвященные церковнымъ древностямъ въ числѣ 296 нумеровъ, между которыми есть много интересныхъ крестовъ, тѣльниковъ, литыхъ и рѣзныхъ иконъ съ именемъ вкладчиковъ, церковная утварь и два фресковыхъ изображенія св. Николая и Григорія въ крестчатыхъ ризахъ произведенія XV в. (Отд. III, № 21 и 22). Помѣщая здѣсь изъ Отд. XI три подсвѣчника интересныхъ по формѣ и рисунку: № 12 — рѣзанный изъ дерева; № 17 желѣзный въ видѣ сердца, украшенный завитками, на которыхъ сидятъ птицы, Устюжской работы XVI ст., вышиной 8 $\frac{1}{4}$ верш.; № 18 — мѣдный литой подсвѣчникъ, съ 3-я рожками, выш. 9 верш.

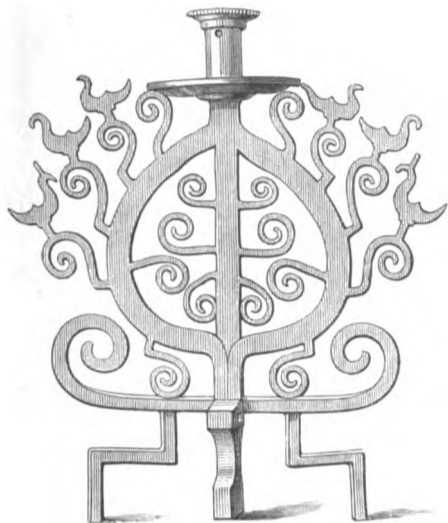

Рис. 17.

Рис. 12.

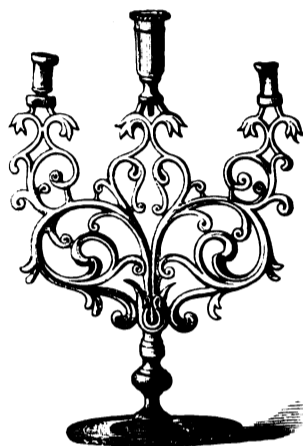

Рис. 18.

Отдѣль XIV — Могильные памятники.

Отдѣль XVI — Вооруженіе, между которымъ есть знамена изъ Софійскаго собора и Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

Отдѣлы XVII и XVIII — Монеты и медали.

Отдѣль XIX — Рукописи, старопечатныя книги и печати.

Отдѣль XXI — Гончарныя издѣлія.

Отдѣлы XXII—XXIV — Портреты, рисунки и домашняя утварь.

Послѣднія четыре отдѣла посвящены естественнымъ богатствамъ и производительности края.

Олонецкій Статистическій Комитетъ имѣетъ съ 1873 г., благодаря старанью и хлопотамъ губернатора Григорьева и секретаря Иванова, правильно организованный естественно-промышленный и историко-этнографическій Музей, съ выработанною програмою, съ раздѣленіемъ на 14 отдѣловъ и печатаннымъ весьма подробнымъ и толковымъ каталогомъ, составленнымъ Шелюковымъ, (Петрозаводскъ, 1889 г. гт. in 8°, стр. 167). Оставляя въ сторонѣ естественно-промышленные отдѣлы, скажу, что въ отдѣлѣ рукописей и книгъ имѣется 83 нумера, въ историко-археологическомъ 353 и между ними много интересныхъ орудій каменнаго вѣка и разныхъ предметов домашняго обихода въ видѣ чашъ, чарокъ, подсвѣчниковъ, крестовъ, иконъ и картинъ,

описанныхъ со знаніемъ иконографіи. Каменные орудія Музея, которыми столь богата Олонецкая губ. имѣютъ огромное сходство съ подобными же предметами, составляющихъ коллекціи Московскаго Румянцевскаго Музея, Академіи Наукъ и Императорскаго Географическаго Общества.

Пензенскій Статистическій Комитетъ только весьма недавно сталъ собирать мѣстныя древности, часть которыхъ была выставлена на Московской Археологической Выставкѣ 1890 г.

Псковскій Статистическій Комитетъ имѣлъ собраніе древностей, которое передано имъ въ 1880 г. основанному Псковскому Археологическому Обществу. Впрочемъ, собраніе продолжаетъ и теперь находиться въ помѣщеніи Комитета, не приведено въ порядокъ, не имѣетъ каталога и не пользуется особымъ сочувствіемъ мѣстнаго населенія.

Саратовскій Статистическій Комитетъ имѣлъ до февраля истекшаго 1887 г. Музей, состоящій изъ 20 экз. костей, зубовъ и череповъ, 19 номеровъ различныхъ предметовъ древностей и нѣсколькихъ монетъ разнаго времени и народностей, который переданъ имъ нынѣ Ученой Архивной Комиссіи.

Семипалатинскій Статистическій Комитетъ открылъ съ 1883 г. Общественную Библіотеку и Областный Музей, правильно поставленный, раздѣленный на 5 отдѣловъ (этнологіи—съ археологическимъ и нумизматическимъ подраздѣленіями, палеонтологіи, флоры и фауны), съ каталогомъ и правилами, составленными М. И. Суворцевымъ. Предметовъ, касающихся до археологіи въ Музеѣ 56; нумизматическая же коллекція состоитъ изъ 119 номеровъ.

Тверской Статистическій Комитетъ основалъ въ 1866 г. Промышленный Музей, который съ 1872 г. стараніями А. К. Жизневскаго, преобразовался въ извѣстный всѣмъ намъ Тверской Музей, о которомъ рѣчь будетъ дальше.

При Тобольскомъ Статистическомъ Комитетѣ состоитъ съ 1871 г. Музей, который временно помѣщается въ особомъ деревянномъ зданіи, принадлежащемъ Губернской Гимназіи и находится въ вѣдѣніи члена Комитета Лыткина. Въ виду увеличивающихся въ послѣднее время разнаго рода пожертвованій въ пользу Музея и для ознаменованія трехсотлѣтняго юбилея города Тобольска, отпразднованнаго 4 іюля 1887 г., заложено на горѣ, у памятника Ермака, особенное каменное зданіе, на которое было собрано по подпискѣ около десяти тысячъ рублей. Впрочемъ, средствъ этихъ не хватило, и для окончанія зданія потребуется еще около четырехъ тысячъ, которыя Правительство найдетъ, вѣроятно, возможнымъ отпустить на столь полезное дѣло. Археологическая коллекція Музея пока не многочисленна, но имѣетъ интересные бронзовые предметы и котлы изъ кургановъ близъ Тобольска.

Уфимскій Статистическій Комитетъ имѣетъ довольно богатое собраніе древностей и проектируетъ Уставъ Губернскаго Музея. Собраніе образовалось за послѣдніе двадцать лѣтъ, помѣщается въ залахъ, занимаемыхъ Статистическимъ Комитетомъ, открыто публикѣ два раза въ недѣлю, не имѣетъ особыхъ средствъ и пополняется вкладами частныхъ жертвователей.

Прилагаемыя таблицы (табл. IX и X) знакомятъ насъ съ болѣе типичными

Лит. В.

Лит. А.

12.

Лит. А.

Лит. Б.

48

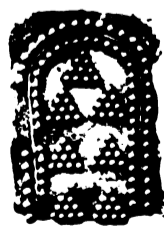
44

Фотограв. Шерш. Натолаская К. в. Москва.

Лит. 3.

Фотогипсы Шереръ Павловъ и К' въ Москвѣ.

предметами этого Собранія: № 48 — Бронз. серпъ изъ кургана при р. Лазаревой въ Миловской дачѣ, Уфимскаго уѣзда, по формѣ напоминаетъ серпъ Лихачева (см. статью Лихачева, стр. 125). Лит. Б. — Бронз. серпъ болѣе тяжеловѣсной формы, найденный въ числѣ пяти въ лѣсу, при расчисткѣ пашни, на глубинѣ полъ аршина, при дер. Дербедень, Мензелинскаго уѣзда. Лит. А. — Бронз. кельтъ найденный въ той же мѣстности числомъ шесть штукъ. № 12 — Бронз. кельтъ формы кайла, найденный при р. Атыкѣ. Лит. Д. — Бронз. долото изъ той же мѣстности какъ лит. А. и Б. № 44 — Бронз. копье безъ точнаго опредѣленія мѣста нахождения. № 50 — 2 позолоченныя серьги, найденныя съ мѣднымъ перстнемъ и янтарной бусой въ древней могилѣ за городомъ Уфой, на каменоломнѣ купца Ларионова. № 10 — Глиняный сосудъ найденный съ другимъ въ курганѣ близъ р. Стерли при скелетѣ въ сидячемъ положеніи и напоминающій по формѣ сосуды изъ Мерянскихъ могилъ (см. изслѣдованіе гр. Уварова). № 43 — Жел. топоръ найденный на берегу р. Камы, близъ д. Сикловой, Бирскаго уѣзда, совершенно Мерянскаго типа. № 1 — Чугунная плита съ изображеніемъ человѣческаго лица (въ натур. велич.) изъ кургана при горѣ Коскинской, Троицкаго уѣз., Міасскаго округа. № 17 — Обломокъ сер. серги съ прямымъ отвѣснымъ стержнемъ и двумя выпуклостями, (подобная Кавказскимъ позднѣйшей эпохи), добытый вмѣстѣ съ другими вещами жепскаго убранства въ курганѣ близъ р. Убаль, близъ Мулдакаевскаго рудника. Лит. З — Золотыя пластинки Пермскаго типа изъ случайной находки въ дачѣ Новикова, близъ Уфы.

9. Музеи и коллекціи частныхъ лицъ, къ которымъ причтемъ и тѣ собранія древностей, часто весьма богатыя, и интересныя, но весьма мало извѣстныя, имѣющіяся при горныхъ заводахъ на Уралѣ, въ Екатеринбургскомъ краѣ и пр. По собраннымъ за послѣднее время свѣдѣніямъ частныхъ коллекцій въ Россіи гораздо болѣе, чѣмъ ихъ можно было бы ожидать; коллекціи эти собираются и уничтожаются, покупаются и продаются, добываются изъ нѣдръ земли русской и ея многочисленныхъ храмовъ и монастырей и вывозятся за границу безпрепятственнѣе и безконтрольнѣе чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ. Въ виду трудности или скорѣй полнѣйшей невозможности организовать эту часть въ обширной странѣ какъ Россія, весьма желательно, чтобы мѣстныя Археологическія Общества занялись серьезнымъ ознакомленіемъ съ этими коллекціями и по возможности изданіемъ ихъ, дабы онѣ при переходѣ изъ рукъ въ руки или вывозѣ за границу не навсегда терялись для отечественной науки. (См. Приб. 7).

Единственный изъ частныхъ владѣльцевъ, который, на сколько мнѣ извѣстно, отнесся серьезно къ своей коллекціи, это Θεодоръ Александровичъ Теплоуховъ, главный лѣстничій Пермскихъ имѣній гр. Строгонова. Унаслѣдовавъ отъ отца Алек. Ефим. богатую коллекцію мѣстныхъ древностей, Θεодоръ Александровичъ подписалъ съ братомъ своимъ условія, которыя указываютъ на такое серьезное отношеніе къ дѣлу, на такую любовь къ отечественному просвѣщенію, что я не могу не познакомить съ ними читателя.

а) Частное собраніе это носитъ названіе: Собранія Пермскимъ Древностей наследниковъ Алек. Ефим. Теплоухова.

б) Собраніе увеличивается приобрѣтеніемъ новыхъ предметовъ и вещей, соби-

раніємъ, мѣной и покупкой ихъ, при чемъ, если покупка новыхъ предметовъ состоится по обоюдному соглашенію обоихъ наслѣдниковъ, то послѣдніе участвуютъ въ уплатѣ требуемой суммы въ равной части.

в) Старшій изъ прямыхъ наслѣдниковъ покойнаго, **Θ. А. Теплоуховъ**, принимаетъ собраніе пожизненно для храненія и пользованія — въ смыслѣ разработки его — и оставляетъ за собой право промѣнивать или отчуждать отдѣльные предметы, но не иначе, какъ оказавшіеся дубликатами и для достиженія черезъ то научныхъ цѣлей.

г) Второй сынъ покойнаго, равно какъ и всякій взрослый членъ семейства Теплоуховыхъ, можетъ получить во всякое время какъ отдѣльные предметы собранія, такъ и принадлежащія къ нему книги, но не иначе, какъ для научной разработки ихъ и на опредѣленный срокъ, по истеченіи котораго предметы и книги должны быть возвращены полностью принявшему собраніе на храненіе.

д) Послѣ смерти **Θ. А. Теплоухова**, или когда онъ того пожелаетъ, собраніе поступаетъ на тѣхъ же основаніяхъ къ **Алекс. Алекс. Теплоухову**, а затѣмъ къ старшему въ родѣ или, если послѣдній откажется хранить, увеличивать и разрабатывать его, то къ тому изъ членовъ семейства, который будетъ имѣть на то желаніе и необходимыя познанія. Если же такого въ семействѣ не окажется, то собраніе можетъ быть продано или пожертвовано, но не иначе, какъ съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій:

1) Собраніе имѣетъ быть продано, а если не найдется покупателей, то и пожертвовано, подъ названіемъ Собранія **Алекс. Ефим. Теплоухова**, но только въ одинъ изъ русскихъ Музеевъ; 2) оно не должно быть раздроблено, и 3) на отчужденіе собранія должны изъявить письменное согласіе всѣ совершеннолѣтніе члены семейства Теплоуховыхъ, а за несовершеннолѣтнихъ ихъ отцы и опекуны.

10. Губернскіе, областные и земскіе Музеи, составляющіе по существу общественное достояніе, но вызванные къ жизни и обязанные своимъ ростомъ единственно энергіи тѣхъ же частныхъ лицъ, большею частью совершенно неизвѣстныхъ, скромныхъ, мѣстныхъ тружениковъ. Коллекціи эти, часто весьма богатыя, призваны, мнѣ кажется, играть первенствующую роль въ изученіи нашего обширнаго отечества и въ особенности нашихъ далекихъ окраинъ; если сами коллекціи эти не такъ богаты предметами, какъ столичныя Музеи, то взаимнѣ этого онѣ представляютъ обыкновенно посѣтителю возможность изучить мѣстную культуру со всѣми вліяніями, которымъ подвергались насельники края съ древнѣйшихъ временъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ люди, стоящіе во главѣ этихъ собраній, такъ богаты и сильны преданностью къ дѣлу, любовью къ труду, наукѣ и просвѣщенію массъ, что Музеи эти не могутъ не повліять на развитіе мѣстнаго народонаселенія и должны въ особенности цѣниться въ Россіи, которая при своей громадности и обширности пространствъ не можетъ пользоваться тѣми способами къ просвѣщенію, которые до сихъ поръ имѣли обыкновеніе сосредоточивать единственно въ столичныхъ городахъ. Музеи, о которыхъ идетъ рѣчь, начинаются и собираются обыкновенно на частныя средства; никто не говоритъ спасибо тому труженнику, который возымѣлъ первую мысль его основанія и собранія. Большею частію Музеи эти растутъ и устраиваются, обращая на себя вниманіе только рѣдкихъ любителей и цѣнителей старины и просвѣщенія. Со временемъ, когда сокровищницы эти

достигаютъ большаго развитія, основатели ихъ, какъ бы испуганные собственною своею дѣятельностью, какъ бы уstraшенные будущностью любимаго ихъ дѣтища, стараются заинтересовать имъ мѣстное управленіе, стараются приурочить ихъ къ какому нибудь министерству или городскому управленію, обращая его, безъ всякаго для себя вознагражденія, въ общественное достояніе, тѣмъ цѣннѣе и необходимѣе, чѣмъ мѣстность, въ которой Музей находится, расположена въ болѣе дальнемъ разстояніи отъ нашихъ столицъ и университетскихъ городовъ. Переходы эти, изъ частнаго владѣнія въ общественное достояніе, оканчиваются не всегда благополучно для коллекцій; много грустныхъ, иногда весьма тяжелыхъ, испытаній приходится перенести этимъ коллекціямъ и ихъ основателямъ; бывали случаи гибели многолѣтнихъ трудовъ и стараній, но, большею частью, дѣло доводится до благополучнаго окончанія, и города наши обогащаются драгоценными собраніями мѣстныхъ древностей, спасенныхъ отъ рукъ разныхъ аферистовъ и призванныхъ болѣе другихъ коллекцій къ разработкѣ частныхъ вопросовъ по русской археологіи и исторіи.

Вполнѣ преклоняясь предъ трудами основателей подобныхъ Музеевъ и коллекцій, я старалась собрать о нихъ по возможности больше данныхъ, но не достигнувъ желаемой полноты, я переименовую ихъ, придерживаясь алфавитнаго порядка, называя нѣкоторые весьма кратко, сообщая о другихъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія.

а) *Барнаульскій Музей* въ Сибири.

б) *Музей мѣстныхъ древностей въ г. Вологодѣ*, основанный стараніемъ вологодскаго губернскаго предводителя дворянства, Д. В. Володкаго, и по преимуществу посвященный вещамъ, относящимся ко времени Петра Великаго. Описаніе этого Музея и подробный его каталогъ былъ отпечатанъ ко времени Ярославскаго Археологическаго Съѣзда.

в) *Вятскій публичный музей*, устроенный въ 1838 г. на основаніи циркуляра Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, гр. Блудова, изъ вещей, оставшихся отъ выставки, устроенной въ Вяткѣ для пріѣзда Государя Наслѣдника Цесаревича, Александра Николаевича, но съ самаго начала зачахшій и заглохшій потому, что попалъ подъ опеку Палаты Государственныхъ Имуществъ. Не смотря на хлопоты мѣстныхъ жителей, желавшихъ слить Музей въ одно цѣлое съ мѣстною Публичною Библиотеккой, не смотря на длиннѣйшую переписку съ Палатой Государственныхъ Имуществъ, задержавшей вещи и не желающей съ ними разстаться, не смотря на частыя отношенія къ губернатору и даже жалобъ въ Министерствѣ, Музей не удалось вызвать къ жизни раньше 1866 г., когда за вопросъ этотъ взялся энергичный и дѣятельный П. В. Алабинъ, которому удалось въ два года устроить то, что не давалось другимъ въ продолженіе цѣлыхъ 28 л. Выручивъ изъ Министерства давно обѣщанныя вещи съ выставки 1838 г., онъ двинулъ также и всю мѣстную администрацію, заставивъ ее хлопотать и работать для дѣла, до тѣхъ поръ совершенно ей чуждаго. Были составлены и разсланы по всей губерніи программы для собранія коллекцій, которыя и стекались со всѣхъ сторонъ, были выхлопотаны пожертвованія изъ разныхъ Министерствъ, былъ купленъ домъ, заказана нужная мебель, составленъ каталогъ, историческая записка и Музей окончательно открытъ при библиотекѣ. Музей Алабина долженъ былъ, по его мнѣнію, выска-

ванномъ въ день открытія, „сдѣлаться учрежденіемъ, прежде всего образовательнымъ, служащимъ для нагляднаго ознакомленія съ тремя царствами природы и съ дѣлами рукъ человѣческихъ въ наивысшемъ развитіи культуры, въ наиболѣе типичныхъ представителяхъ ума и знанія. Онъ долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ послужить лучшимъ вспомогательнымъ средствомъ для изученія исторіи, и стать хранилищемъ остатковъ старины обитавшихъ въ краѣ народностей; онъ же долженъ послужить надежнѣйшимъ средствомъ образованія народнаго вкуса, дать толчекъ умственной дѣятельности, развить любовь къ наукѣ имѣющей столь важное значеніе въ жизни cadaго народа“. Музей этотъ, можетъ быть, первый въ этомъ родѣ, состоялъ изъ богатѣйшаго собранія минераловъ, изъ отлично составленнаго гербарія, изъ сельско-хозяйственнаго, историко-этнографическаго и художественнаго отдѣловъ. Кромѣ вещей, моделей, древностей и картинъ, Алабинъ приобрѣлъ для Музея множество драгоценныхъ изданій иностранныхъ и русскихъ съ чертежами мебели, техническими рисунками и пр. и пр. Мало того, Алабинъ мечталъ открыть при Музеѣ классы рисованія, публичныхъ бесѣдъ для народа и, въ самомъ дѣлѣ, успѣлъ привлечь въ его стѣны массу посѣтителей изъ мѣстныхъ кустарей, которымъ, по желанію, выдавали на выборъ образцы и нужные имъ рисунки за ничтожную плату—5 к. за неопредѣленный срокъ. Однакожъ съ отъѣздомъ Алабина изъ Вятки дѣятельность Музея стала мало по малу терять свое значеніе. Попечительный Совѣтъ библіотеки, не находя въ своей средѣ ни довольно энергіи, ни знанія, для веденія дѣла, рѣшился продать Музей въ 1874 г. Вятскому Земству, который приобрѣлъ его за 3,000 р. для своей образцовой Учительской Семинаріи. Продажа эта была гибелью для Музея: его перетасовали, перевели изъ роскошнаго Алабинскаго помѣщенія въ тѣсныя комнатки семинаріи, гдѣ 10,671 предметовъ Музея нашли себѣ слишкомъ скудное и тѣсное помѣщеніе; публика мало по малу отвыкла отъ его посѣщенія, и отъ грандіознаго замысла Алабина осталось въ Вяткѣ одно воспоминаніе. Въ 1886 г., снова вспомнили о Музеѣ, перенесли его въ помѣщеніе реальнаго училища, директоръ котораго Виноградскій обѣщаль возвратитъ ему и жизнь и прежнее научное значеніе; къ несчастію, г. Виноградскій получилъ другое назначеніе и переведенъ изъ Вятки.

г) *Публичная библіотека въ Житомирѣ* (Волинской губ.) съ небольшимъ (горныхъ породъ и минераловъ) Музеемъ, образовавшимся въ 1866 г. изъ вещей, переданныхъ мѣстнымъ Статистическимъ Комитетомъ и пожертвованій частныхъ лицъ, между которыми главную роль играетъ геологическая коллекція, принесенная въ даръ Музею мѣстнымъ любителемъ и знатокомъ, А. С. Стасенко. Музей расположенъ въ залахъ библіотеки, имѣетъ каталогъ и доступенъ во всякое время публикѣ.

д) *Енисейскій общественный мѣстный Музей* и при немъ Публичная Библіотека. Музей, основанный въ 1883 г., имѣетъ цѣлью, какъ говоритъ печатный отчетъ „собрать всѣ произведенія природы и человѣка Енисейскаго и Туруханскаго округовъ и служить хранилищемъ собранныхъ коллекцій, нагляднымъ пособіемъ для знакомства съ мѣстной природой и жизнью мѣстнаго жителя, проводникомъ разныхъ полезныхъ свѣдѣній по части производствъ и промысловъ“. Музей этотъ составилъ, какъ и всѣ ему подобныя, изъ частныхъ пожертвованій, по инициативѣ гласныхъ Енисейской Думы, изъ единовременныхъ пособій отъ города, помѣщается въ каменномъ домѣ Гостиннаго

двора, на берегу Енисея и ежедневно доступен публикѣ, которая платитъ только за чтение книгъ и журналовъ. Всѣхъ предметовъ въ Музеѣ, къ 15 мая 1887 г., состояло 5,447, при чемъ, разумѣется, отдѣлъ древностей слабѣ другихъ. Музей управляется избранными распорядителями, составившими правила для посѣтителей, раздѣленъ на три отдѣла: естественно-историческій, антропологическій и отдѣлъ производствъ, промысловъ и сельскаго хозяйства и печатаетъ краткіе отчеты о своей ежегодной дѣятельности. Краткій каталогъ Музея составленъ А. И. Кытмановымъ. (Енисейскъ, 1886 г., in 16, стр. 64).

е) *Красноярскій Музей съ Библіотекой*, (Енисейской губ.), основанъ въ 1888 г по инициативѣ частныхъ лицъ. По подпискѣ собрано г. Матвѣевымъ 7.000 руб., и кромѣ того на зданіе Музея пожертвовано г-жею Матвѣевой 16.000 р. Задачи Музея ставятся довольно широко: учредители не желаютъ, чтобы Музей сталъ только складомъ или выставкой образцовъ мѣстныхъ произведеній, но желаютъ знакомить мѣстную публику съ европейской культурой и такимъ образомъ вліять на развитіе и улучшение земледѣлія и ремеслъ. Поэтому наибольшее вниманіе обращено на земледѣльческія орудія, которыхъ уже имѣется на 2.500 рублей. При выборѣ этихъ орудій преимущественно имѣлось въ виду мелкое крестьянское сельское хозяйство. Въ числѣ предметовъ приготовленныхъ кромѣ того для Музея есть лучшія произведенія русской кустарной промышленности, какъ, напримѣръ, изящно вырѣзанныя деревянные тарелки и др. Такимъ образомъ, машины, образцы производствъ, техническіе и ремесленные альбомы, вмѣстѣ съ популярными техническими руководствами въ библіотекахъ, по видимому, будутъ предметомъ особенной заботливости учрежденія. Въ отдѣлѣ образцовъ естественныхъ богатствъ Красноярскаго округа видное мѣсто займетъ коллекція 220 видовъ птицъ, собранная извѣстнымъ знатокомъ сибирской орнитологіи и составителемъ многихъ коллекцій Кибортомъ. Коллекція минераловъ и археологическая, а также ботаническій гербарій составлены Проскуряковымъ.

ж) *Курляндскій Музей* въ Митавѣ основывается, какъ гласитъ оффиціальное объявленіе, изъ отдѣловъ естественно-историческаго, экономическаго, этнографическаго и историческаго.

з) *Лихачевскій Музей* въ Казани, основывающійся за послѣднее время по инициативѣ И. О. Лихачева, купившаго послѣ кончины брата, Андрея Θεодоровича, его извѣстное собраніе древностей и отдавшее его г. Казани съ тѣмъ, чтобы собраніе это составило городской Музей, доступный публикѣ. Музей будетъ управляться Попечительствомъ состоящимъ изъ Учредителя Музея, Городскаго Головы и двухъ членовъ.

и) *Минусинскій мѣстный публичный Музей* и при немъ публичная библіотека, образовавшіеся въ 1877 г. изъ коллекцій, собранныхъ на частныя средства Ник. Мартьяновымъ, нынѣ однимъ изъ членовъ Комитета Музея, и усиленныхъ вполнѣдствіи пожертвованіями Кузнецова и другихъ любителей старины. Музей этотъ, „находясь среди мѣстности, богатой археологическихъ памятниковъ, надѣется по словамъ отчета, оказать немалую услугу будущимъ изслѣдователямъ Сѣверо-Азіатской старины, такъ какъ представляетъ громадную выгоду въ возможности изучить и обработать матеріаль на мѣстѣ, имѣя подъ руками всевозможныя справки и свѣдѣнія“. Минусинскій Музей

помѣщается пока въ домѣ училища, но въ маѣ мѣсяцѣ 1887 года произошла закладка зданія, назначеннаго спеціально для Музея и библіотеки, на лучшей площади города, напротивъ самаго собора; нужныя деньги на постройку зданія собраны также по частной подпискѣ. Музей состоитъ изъ 6 отдѣловъ (естественно-историческаго — 8003 предмета; антропологическаго — 593; археологическаго — 4611; промышленнаго — 2029; сельско-хозяйственнаго — 1023 и отдѣла учебныхъ пособій — 7600 предметовъ); открытъ для публики ежедневно (въ 1886 г. было 7000 посѣтителей) и будетъ пользоваться съ нынѣшняго года спеціальными средствами (300 рублей въ годъ), пожертвованныхъ членомъ Комитета И. М. Сибиряковымъ для научныхъ экскурсій сотрудниковъ Музея. Разработкой и опредѣленіемъ научнаго матеріала Музея занимается Д. А. Клеменць — по археологiи, Б. Г. Сѣдовъ — по нумизматикѣ, Г. П. Андреевъ — по ботаникѣ; кромѣ этихъ мѣстныхъ тружениковъ, принимаютъ участіе въ трудахъ музея докторъ Протерусъ въ Гельсинфорсѣ и Дувенъ въ Упсалѣ; первый занимается опредѣленіемъ листовыхъ мховъ, второй — травянныхъ. Въ 1887 году Музеемъ посланъ съ геологическими цѣлями (также на частныя средства) Клеменць въ Саянскія горы; изслѣдователю удалось пересѣчь хребетъ съ сѣвера на югъ до границъ Монголіи, вывести нѣсколько интересныхъ коллекцій, произвести барометрическія измѣренія, открыть доселѣ неизвѣстную марену на Кантегирскомъ хребтѣ и найти отпечатки раковинъ и коралловъ въ известнякахъ среди древнѣйшихъ метаморфическихъ породъ на южномъ склонѣ Саянскихъ горъ. Музей не имѣетъ почти никакихъ постоянныхъ денежныхъ средствъ, но дѣло ведется съ такою любовью и энергіею, скажу даже самопожертвованіемъ, со стороны членовъ Комитета, что ему удается сдѣлать болѣе, чѣмъ какому либо-иному болѣе богатому и самостоятельному учрежденію: собирая коллекціи, свѣдѣнія и извѣстія о мѣстныхъ древностяхъ и ихъ мѣстонахожденіяхъ, озабочиваясь постройкой зданія для Музея и его постояннымъ научнымъ обогащеніемъ, члены Комитета находятъ время, возможность и средства на изданіе столь обстоятельнаго труда, какъ „Древности Минусинскаго Музея“, то есть описаніе находящихся въ немъ „памятниковъ металлическихъ эпохъ“, составленное Д. А. Клеменцомъ; издавъ описаніе это въ 1886 г., они уже озабочены продолженіемъ труда и надѣются въ скоромъ будущемъ издать предметы каменнаго вѣка и прочихъ отдѣловъ Музея.

к) *Нерчинскій публичный Музей* и при немъ библіотека основаны въ 1887 г., особыхъ денежныхъ средствъ не имѣютъ и пополняются частными приношеніями, что не мѣшаетъ имъ однакожь пополняться и расти весьма скоро. Музей состоитъ: изъ естественно-историческаго отдѣла имѣющаго 4210 нумеровъ, антропологическаго — относительно бѣднаго, этнографическаго — который быстро пополняется — и археологическаго въ которомъ имѣется до 340 нумеровъ и кромѣ того много интересныхъ орудій каменнаго періода. Имѣются также отдѣлы: промышленный, сельско-хозяйственный и образовательный. Музей управляется Комитетомъ, представляетъ ежегодные отчеты, работаетъ надъ подробнымъ каталогомъ, надъ изслѣдованіемъ мѣстныхъ древностей и готовитъ карту археологическихъ находокъ въ Забайкальѣ.

л) *Естественно-историческій Музей Нижегородскаго земства*, составившійся,

главнымъ образомъ, изъ матеріала, собраннаго участниками геолого-почвенныхъ и ботаническихъ изслѣдованій, производившихся въ 1882—84 г. на средства Нижегородскаго губернскаго земства, подъ руководствомъ проф. Докучаева. За послѣдніе года геологическія коллекціи значительно пополнились; трудъ же по составленію зоологической коллекціи принялъ на себя консерваторъ зоолог. кабинета въ Казани Пельцамъ; археологическій отдѣлъ состоитъ пока изъ 8 нумеровъ, добытыхъ частью пожертвованіями, частью изъ раскопокъ. Коллекціи Музея весьма обстоятельно и интересно описаны въ каталогѣ, (выпускъ I), составленнымъ завѣдующимъ Музеемъ Н. Сибирцевымъ и изданнымъ въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1886 г.

м) *Археологическій Музей* въ Радомѣ, основаніе котораго положено мѣстнымъ любителемъ докторомъ Роволинскимъ, отдавшій музею свои археологическія и нумизматическія коллекціи.

н) *Радищевскій Музей въ Саратовъ*, устроенный изъ коллекцій, пожертвованныхъ городу профессоромъ и академикомъ Боголюбовымъ. Музей помѣщается на лучшей площади города, въ роскошномъ домѣ, построенномъ жертвователемъ, имѣетъ богатую бібліотеку и не нуждается въ денежныхъ средствахъ.

о) *Городской Музей* въ Смоленскѣ помѣщается въ зданіи Городской Думы и состоитъ изъ интереснаго собранія древностей, относящихся преимущественно до г. Смоленска. Открытъ для публики по воскресеньямъ.

п) *Музей при Главномъ Управленіи Сысертскихъ Горныхъ заводовъ* основанъ въ 1877 г. стараніемъ бывшаго управляющаго заводами Горнымъ Инженеромъ П. М. Карпинскимъ. Музей состоитъ изъ различныхъ предметовъ: могильныхъ древностей, минераловъ, череповъ и костей, добываемыхъ случайно при разработкѣ рудниковъ, возведеніи построекъ и пр.; впрочемъ, всѣмъ этимъ находкамъ ведется каталогъ съ обозначеніемъ мѣстъ ихъ происхожденія.

р) *Тамбовскій губернский Музей* существуетъ съ 1879 г. и основался также по почину нѣкоторыхъ мѣстныхъ любителей старины, которые и были первыми вкладчиками вещами и деньгами. Музей предполагается теперь тѣсно связать съ основанной Архивной Коммиссіей, помѣстивъ его въ одно и то же зданіе съ Коммиссіей и публичной бібліотеккой. Находится онъ въ вѣдѣніи особаго Комитета, составившагося изъ немногихъ частныхъ любителей старины, подъ предсѣдательствомъ Е. Д. Нарышкина. Музей имѣетъ подробный каталогъ, составленный П. Дьяконовымъ (Тамбовъ, 1889 г. in 8°, стр.) 53 и распадается на 7 отдѣловъ. Отдѣлъ I: каменные и желѣзные орудія, мѣдныя украшенія, окаменѣлости и кости ископаемыхъ животныхъ, 80 нумеровъ; отдѣлъ 2-й: естествознаніе — 92; отдѣлъ 3-й: кресты, образки и складни, иконы, церковные предметы и снимки — 164; отдѣлъ 4-й: произведеніе художествъ — 164; отдѣлъ 5-й: грамоты и автографы — 73; отдѣлъ 6-й: старинныя вещи или скорѣй домашняя утварь и предметы домашняго обихода — 81 и отдѣлъ 7-й: модели — 37 нумеровъ

с) *Тверской губернский общественный Музей*, археологическій отдѣлъ котораго основанъ въ 1872 г. и до сихъ поръ содержится и обогащается благодаря стараніямъ и энергіи А. К. Жизневскаго, который отдаетъ ему всѣ свои досуги, средства и по-

мышленія. Первое основаніе Музея положено въ 1866 г.; помѣщается онъ въ отдѣльно отведенныхъ подъ него залахъ губернской гимназіи; особыхъ денежныхъ средствъ Музей также не имѣетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ основатель его такъ поставилъ дѣло, что всѣ памятники древности, находящіеся въ предѣлахъ Тверской губерніи, ему извѣстны и не могутъ избѣгнуть его коммисіонеровъ, объѣзжающихъ постоянно губернію съ цѣлю пріобрѣтеній для Музея. Подробный и научный каталогъ коллекцій напечатанъ въ Трудахъ Моск. Арх. Общества.

с) *Эстляндскій провинціальный Музей*, существующій при Эст. Литер. Обществѣ въ Ревелѣ. Образовался онъ въ 1842 г., находится въ помѣщеніи и завѣдываніи вышеупомянутаго Общества, устава не имѣетъ, но доступенъ публикѣ и пользуется пособіемъ эстл. дворянства, Ревельской думы и Большой гильдіи — что составляетъ въ годъ болѣе тысячи руб. Описаніе Музея издано на нѣмецкомъ языкѣ Гаузеномъ.

Собравъ въ первомъ отдѣленіи моего доклада свѣдѣнія объ имѣющихся на Руси Музеехъ, сдѣлавъ характеристику каждой изъ отдѣльныхъ десяти рубрикъ, на которыя пришлось, для большой ясности раздѣлить Музеи, я не льщу себя надеждой, что собрала свѣдѣнія о всѣхъ существующихъ учрежденіяхъ подобнаго рода въ Россіи и буду очень благодарна всѣмъ тѣмъ, которымъ угодно будетъ пополнить имѣющіяся у меня свѣдѣнія.

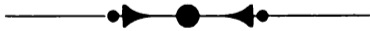
Докладъ мой имѣетъ цѣлю не только обратить вниманіе Правительства и публики на то, что сдѣлано для археологіи Россіи и для изученія нашей старины частными лицами, частной инициативой, которой обязаны мы основаніемъ почти всѣхъ тѣхъ Музеевъ и коллекцій, о которыхъ говорилось выше, но и возбудить вопросъ о томъ, какимъ образомъ закрѣпить за обществомъ и страной тѣ сокровища, которыя эта частная инициатива приноситъ въ даръ отечеству совершенно добровольно и безъ всякаго съ его стороны требованія или заявленія, закрѣпить такъ, чтобы, переводя эти коллекціи изъ частнаго достоянія въ правительственное, придать имъ твердое основаніе и будущность правительственнаго учрежденія, не отчуждая его отъ общества, не отрывая его отъ перваго его основателя, не придавая ему той мертвящей официальности, которая такъ часто убиваетъ у насъ всякое доброе дѣло, всякую частную инициативу. Желательно, чтобы вопросъ, поднятый мною, не возбуждалъ сомнѣній, не оставлялъ по себѣ недомолвокъ. Если, въ вопросѣ областныхъ Музеевъ мощность частной инициативы не можетъ быть оспариваема, то та же частная инициатива должна считать себя побужденной, какъ только рѣчь зайдетъ о сохраненіи и упроченіи тѣхъ же областныхъ Музеевъ. Правительство же съ своей стороны, не можетъ не согласиться съ тѣмъ, что маленькіе мѣстные Музеи должны быть вызваны къ жизни именно частной инициативой, такъ какъ для этого дѣла необходимы, въ особенности, знакомство съ мѣстностью и мѣстнымъ населеніемъ, особенная любовь и преданность къ дѣлу, энергія въ трудѣ и неутомимость, которыя не даются и не навязываются человѣку по наказу. Если частная инициатива имѣетъ за собой такія крупныя проявленія своей мощи, какъ Минусинскій Музей на крайнемъ востокѣ, Тифлискій Музей — на югѣ и наши два богатыря великана въ Москвѣ — Политехническій и Историческій Музеи, то

съ другой стороны мы не можемъ не вспомнить о тѣхъ прискорбныхъ случаяхъ разоренія и совершеннаго почти уничтоженія, которымъ подверглись подобныя Музеи въ Вяткѣ, Новгородѣ и Владимірѣ, два послѣднихъ по случаю кончины ихъ основателей, первый — только по случаю перевода Алабина на другое мѣсто служенія. Итакъ, въ этомъ всѣмъ намъ дорогомъ дѣлѣ мѣстныхъ областныхъ Музеевъ, необходимы самое тѣсное единеніе, самая тѣсная связь между частнымъ труженникомъ и Правительствомъ, которое не можетъ отказать въ помощи дѣлу, направленному ко благу его народа. Пусть за частнымъ лицомъ останется его энергія, его сила воли, его созидающее и вызывающее къ жизни начало; — пусть Правительство съ своей стороны явится ангеломъ хранителемъ этого частнаго лица, его достоянія, сокровищницы, собранной имъ на пользу русскаго дѣла, русскаго просвѣщенія; пусть Правительство будетъ для этого частнаго лица и его дѣла тѣмъ лучезарнымъ столбомъ, который велъ Іудеевъ среди невѣдомой, окружающей ихъ пустыни.

Такимъ образомъ каждый останется при дѣлѣ ему посильномъ, и дѣло областныхъ Музеевъ будетъ поставлено на ту твердую почву, которую они имѣютъ уже давно на западѣ, гдѣ польза ихъ признана давно всѣми, гдѣ Правительство относится къ нимъ поощрительно и гдѣ сами Музеи, получивъ право гражданства, составляютъ нѣчто цѣлое, необходимое въ государствѣ, образовательнымъ цѣлямъ котораго служатъ съ такимъ успѣхомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что только учрежденію подобныхъ Музеевъ западъ обязанъ распространеніемъ просвѣщенія среди массъ, воспитаніемъ вкуса публики, развитіемъ искусствъ и промышленности, равно какъ и большею любовью къ исторіи и археологіи страны.

Настало, думается, время, когда этотъ вопросъ можетъ быть поднятъ и у насъ и рѣшенъ въ тѣсной связи съ педагогическими цѣлями, преслѣдуемыми Правительствомъ, ибо необходимо для страны, скажу болѣе — для счастья, здороваго и правильнаго развитія подрастающаго поколѣнія, чтобы оно росло въ уваженіи къ дѣламъ своихъ праотцевъ, чтобы оно знакомилось, изучало и дорожило произведеніями русскаго искусства, проявленіемъ духа и мощи роднаго края и его насельниковъ.

Итакъ, подводя итоги подъ всемъ вышесказанномъ и дѣлая на основаніи данныхъ необходимые выводы, предлагаю войти въ соглашеніе съ заинтересованными въ вопросѣ лицами и обсудить при ихъ посредствѣ и при содѣйствіи Правительства слѣдующія правила для нашихъ губернскихъ и областныхъ Музеевъ.

Проектъ Положенія для Губернскихъ и Областныхъ Музеевъ.

§ 1. Всѣ Музеи и коллекціи въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ признаются общественнымъ достояніемъ того города, губерніи или области, которой пожертвованы своими основателями и тѣмъ самымъ признаются правительственнымъ или государственнымъ достояніемъ, принадлежащимъ всей Россіи, составляющимъ гордость всей страны, ученой необходимостью для всѣхъ ея гражданъ.

Примѣчаніе. Къ числу подобныхъ Музеевъ могли бы быть причислены: коллекціи, устраиваемыя при училищахъ и гимназіяхъ, церковно и древнехранилища, собранія Статистическихъ Комитетовъ, собраніе Ученыхъ Обществъ и учреждений, устраиваемыхъ въ отдаленныхъ отъ обществъ пунктахъ, губернскіе правительственные и губернскіе земскіе музеи.

§ 2. Задача Музея должна состоять въ наглядномъ ознакомленіи публики съ исторіей страны и развитіемъ въ ней культуры во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ. На этомъ основаніи Музей принимаетъ, смотря по мѣстнымъ требованіямъ и направленію лицъ, стоящихъ въ его главѣ, характеръ или болѣе церковный, или историко-археологическій, или естество-промышленный и этнографическій.

Примѣчаніе. Тѣ-же причины, т.-е. направленіе лицъ стоящихъ во главѣ управленія Музея и частью средства, которыми располагаетъ Музей, могутъ обратить его въ хранилище древностей и предметовъ, касающихся только одной извѣстной мѣстности или придать ему характеръ болѣе обще-образовательный.

§ 3. Музей въ губернскомъ городѣ по возможности долженъ быть одинъ и конкуренція въ собираніи коллекцій не должна быть допускаема, ибо подобная конкуренція только губитъ дѣло, раздѣляя силы и разобщая интересы.

Примѣчаніе. На этомъ основаніи въ городахъ, подобныхъ Саратову, съ его Радищевскимъ Музеемъ, или Нижнему городѣ, съ его Естественно-Историческимъ Земскимъ Музеемъ, слѣдовало бы указать ново открываемымъ Архивнымъ Комиссіямъ, Статистическимъ Комитетамъ, и церковно-хранилищамъ на необходимость для нихъ сліянія съ существующими заведеніями.

§ 4. Коллекціи, вошедшія въ составъ Музея, не могутъ ни подъ какимъ видомъ быть отчуждаемы, проданы или переданы изъ одного вѣдомства въ другое.

§ 5. Всѣ старанія Музея должны быть направлены къ привлеченію довѣрія мѣстнаго общества. Достиженіе этой цѣли привлекло бы въ стѣны Музея частныя коллекціи, которыя такъ же легко собираются, какъ легко и гибнутъ и которыя, принесенныя въ даръ Музею или помѣщенныя въ его стѣнахъ на время, могли бы внести при ихъ описаніи и изданіи немаловажный вкладъ въ исторію нашего искусства и археологіи.

§ 6. Управление Музея возлагается на особое учрежденіе, которое именуется „Совѣтомъ Музея“.

§ 7. Совѣтъ Музея составляется изъ представителей ученыхъ и учебныхъ заведеній города, равно какъ и отъ выборныхъ лицъ тѣхъ учреждений, которыя заинтересованы въ его существованіи или отпускаютъ средства на его содержаніе и постепенное пополненіе, при чемъ основатель Музея обязательно долженъ войти въ составъ членовъ Совѣта и можетъ по желанію передавать право голоса и своему дальнѣйшему потомству.

§ 8. Совѣтъ Музея по собственному выбору обращается къ одному изъ существующихъ Археологическихъ Обществъ въ Россіи съ просьбою принять его подъ свое покровительство и руководство.

§ 9. Археологическое Общество, принявшее Музей въ свое вѣдѣніе, обязано время отъ времени посѣщать Музей, производить повѣрку его вещамъ, имѣть у себя опись коллекцій и стараться знакомить общество съ хранящимися въ немъ драгоценностями подъ видомъ каталоговъ и описанія предметовъ.

§ 10. Представитель Археологическаго Общества, принявшаго Музей подъ свое покровительство, имѣетъ право голоса на засѣданіяхъ Совѣта Музея.

§ 11. Совѣтъ Музея обязанъ представлять ежегодно къ годовому засѣданію Археологическаго Общества отчетъ о своей годовой дѣятельности, который и печатается въ годовыхъ отчетахъ Общества.

§ 12. Музей долженъ сдѣлаться ученымъ центромъ для окружающей его мѣстности и долженъ быть признанъ таковымъ мѣстною администраціею. Съ этою цѣлью онъ обязательно долженъ составить археологическую карту завѣдываемой имъ мѣстности, съ нанесеніемъ на нее всѣхъ произведенныхъ въ ней систематическихъ или случайныхъ раскопокъ; долженъ также стараться имѣть бібліотеку касающейся до завѣдываемой имъ мѣстности.

§ 13. Лица и учрежденія, желающія произвести новыя изысканія въ мѣстности, завѣдываемой Музеемъ, должны заявить свои права на раскопки Совѣту Музея и подробно указать изслѣдованную ими мѣстность, съ представленіемъ ея плана и описаніемъ сдѣланныхъ на ней находокъ.

§ 14. Мѣстныя власти обязаны содѣйствовать ученымъ цѣлямъ Музея и не отказывать ему въ своемъ покровительствѣ въ случаяхъ, когда пришлось бы принимать какія либо репрессивныя мѣры противъ непрошенныхъ кладовскателей, или искаженія и уничтоженія памятниковъ старины.

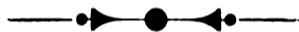
§ 15. Музеи могли бы обязаться въ случаѣ находокъ древностей, признанныхъ за особенно рѣдкія, передавать ихъ въ болѣе значительныя Собранія, какъ, напр.: Эрмитажъ въ Петербургѣ и Историческій Музей въ Москвѣ; но подобныя передачи

должны состояться не иначе, какъ съ обоюднаго согласія всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ и за уплатою цѣнности предметовъ.

§ 16. Музеи, правильно поставленные и просуществовавшіе три года, могли бы рассчитывать на нѣкоторое денежное вспомоцествованіе со стороны Правительства, которое могло бы выдавать оное за отвѣтственностью того Ученаго Общества къ вѣдѣнію котораго Музей приписанъ.

§ 17. Въ случаѣ если бы мѣстный Музей пересталъ интересоваться мѣстныхъ гражданъ и не нашлось бы человѣка, способнаго и желающаго продолжать ученую разработку, собранныхъ сокровищъ, Музей переходитъ въ полное завѣдываніе того Археологическаго Общества, въ вѣдѣніи котораго находился. Общество въ такомъ случаѣ обязано приискать средства и возможность къ дальнѣйшему существованію Музея или войти въ сношеніе съ высшимъ начальствомъ, испрашивая у него указаній насчетъ дальнѣйшаго существованія или перемѣщенія Музея въ другой городъ.

Предлагаемыя мѣры не исчерпываютъ, разумѣется, всѣхъ тѣхъ правилъ, установленіе которыхъ желательно для музеевъ, но болѣе частныя правила вырабатываются обыкновенно временемъ, и тѣми людьми, которые стоятъ у самаго дѣла. (См. Приб. 8 и 9 — статьи И. О. Лихачева).

С П И С О К Ъ

предметовъ древле-хранилища въ г. Архангельскѣ.

1. *Потиръ* деревянный, средней величины, со слѣдами окраски; на немъ изображены: крестъ съ надписями: ІС. ХС, НИКА, Спаситель (дов. тускло) съ надписью ІС, ХС, Іоанна Предтеча — СѢа и Божія Матерь МР, ФУ.
2. *Звѣзднца* желѣзная съ вырѣзанными на верхней части ея семиконечнымъ крестомъ.
3. Желѣзное *копѣ* съ крестомъ на рукояти (кузнечной работы).
4. *Дарохранительница* деревянная крестообразная, весьма древняя, квадратная въ 6 вершк., съ 5 большими помѣщеніями и тремя маленькими.
5. *Дарохранительница* деревянная въ видѣ храма, имѣющаго форму квадратнаго ящика (3 × 3 вершка), съ изображеніями на лицевой сторонѣ Господа Вседержителя, съ правой Іоанна Предтечи (во власницѣ) съ книгою въ рукахъ („се агнецъ Божій“), съ лѣвой Божіей Матери и съ задней креста. На верху ящика по срединѣ куполь, завершающійся деревяннымъ позолоченнымъ крестомъ и по угламъ такихъ же четыре креста.
6. *Дарохранительница* оловянная въ видѣ продолговатаго ящика съ постепенно суживающеюся при двухъ уступахъ крышею на 4 ската, завершающеюся крестомъ съ выпуклымъ распятіемъ; въ нижнюю часть ея вложенъ выдвижной продолговатый ящикъ съ выпуклыми на лицевой сторонѣ изображеніями распятія и 4 предстоящихъ: Маріи (Магдалины) и Божіей Матери съ одной стороны, Іоанна Бог. и Логгина (съ другой); въ ящикъ вложенъ мѣдный гробикъ въ видѣ плащаницы съ литымъ изъ мѣди изображеніемъ Спасителя, лежащаго во гробѣ.
7. *Дароносица* оловянная въ видѣ складня съ выпуклыми на лицевой сторонѣ изображеніями распятія и предстоящихъ; при ней принадлежности: ковчежець, два маленькихъ потира — оловянный и мѣдный и двѣ мѣдныхъ лжицы.
- 8 и 9. Два деревянныхъ *креста* плотничной работы, не имѣющихъ археологическаго значенія.
10. Брачные *вѣнцы* изъ древесной коры (отосланы по распоряженію преосв. Наѳанаила отъ 10 марта 1889 г. за № 1064 г. оберъ-прокурору св.

Синода для передачи въ древнехристіанскій Музей при Императорской Академіи Худож.).

11. Брачныя *вѣнцы* деревянныя, верхъ которыхъ имѣеть видъ двухъ дугъ, взаимно пересѣкающихся другъ друга подъ прямыми углами; концы дугъ прикрѣплены къ кругамъ съ рѣзными украшеніями и изображеніями на вѣнцѣ жениха Господа Вседержителя, Авраама, св. Боготца Іоакима и креста, на вѣнцѣ невѣсты — Божіей Матери (Знаменія), св. Сарры, св. Богоматери Анны и креста-же.
12. Брачныя *вѣнцы* изъ древесной коры съ изображеніями на жениховомъ: Господа Вседержителя, св. царицы Елены, св. царя Константина и св. праотца Адама, на невѣстиномъ: Божіей Матери, св. Богоотца Іоакима, св. праведной Анны и св. праматери Евы. Живопись очень хорошо сохранилась.
13. Брачныя *вѣнцы* желѣзные, изъ нихъ одинъ не цѣльный. Значенія въ археологическомъ отношеніи не имѣють.
14. *Кіотъ-складень* (10 × 7 вершк.) съ открывающимися на двѣ стороны дверцами, на наружной сторонѣ которыхъ изображенія солнца и луны, а на внутренней — двенадцатыхъ праздниковъ: Благовѣщенія, Богоявленія, Преображенія, Входа въ Іерусалимъ и Срѣтенія. Внутри складня — доска съ иконою Воскресенія Господня по срединѣ и нѣкоторыхъ двенадцатыхъ праздниковъ по сторонамъ. На лицевой сторонѣ кіота (дверцевъ) надпись: „сіе моленіе попа Прокопья Ѳедорова и сына его попа Леонтья“. Живопись древняя и хорошо сохранившаяся.
- 15 и 16. *Царскія двери* (отосланы г. оберъ-прокурору св. Синода).
17. *Царскія двери* рѣзныя съ двумя рѣзными-же и внутри пустыми колонками.
18. *Царскія двери* съ наложенною на нихъ рѣзьбою изъ позлащеннаго олова съ такою-же коронкою. Обычныя на дверяхъ изображенія, по характеру живописи, кажутся древними. Кромѣ обычныхъ изображеній, на нихъ 14 маленькихъ образковъ (два не сохранились): Царя Давида, Царя Соломона, Захаріи, Моисея, Аврона, Гедеона, Іоны и др. На коронкѣ изображенія на верху ея въ срединѣ арки Пресвятой Троицы (трехъ странниковъ у Авраама), тайной вечери по частямъ, тайной вечери въ цѣломъ видѣ и омовенія ногъ. На аркѣ у коронки маленькіе образки св. митрополитовъ: Петра, Алексія и Іоны. Изображенія на дверяхъ и аркахъ (крупныя) помѣщены въ нишахъ, обрамляемыхъ рѣзными изъ позлащеннаго олова колонками и завершающихся каждая 5 куполами безъ крестовъ.
19. *Царскія двери* гладкія, росписныя съ такими же коронкою и двумя колонками. Изображенія на дверяхъ обычныя и, повидимому, древнія; надписи греческія. На коронкѣ изображенія тайной вечери по частямъ; на верху коронки — нерукотворенный образъ Спасителя съ парящими вокругъ него херувимами. На колонкахъ изображенія восточныхъ святителей и древнихъ архидіаконовъ.

20. *Царскія дѣри* съ двумя коронками (одна, вѣроятно, отъ другихъ дверей) и колонками, гладкія, росписныя; на дверяхъ, кромѣ обычныхъ изображеній съ надписями *αγιος*, подъ образомъ Благовѣщенія изображенъ по частямъ соборъ св. апостоловъ. На колонкахъ: Василій Великій и архид. Стефанъ, *Иванъ* Златоустъ и діак. Филиппъ. На одной коронкѣ, относящейся къ дверямъ: въ срединѣ св. Троица (явленіе Аврааму трехъ странниковъ) и тайная вечеря по частямъ, при чемъ Спаситель преподаетъ вино апостоламъ не изъ чаши, а изъ сосуда, похожаго на колбу. На другой: въ срединѣ крестъ съ летающими херувимами и серафимами, тайная вечеря по частямъ и Зосима и Саватій Соловецкіе.
21. *Царскія дѣри* гладкія, росписныя съ обычными изображеніями и *αγιος* вм. „святый“.
22. *Фелонъ* изъ полушолковой свѣтлой матеріи на синей холщевой подкладкѣ, безъ вырѣза напередѣ, съ бархатнымъ оплечьемъ.
- 23—28. Шестъ деревянныхъ долбленныхъ росписныхъ *свѣщей*.
- 29—30. Двѣ такихъ же *свѣщи* (отосланы г. оберъ-прокур. Св. Синода).
- 31—69. } *Лампады* желѣзныя, выносныя *подсвѣчники* желѣзные и деревянные,
71—86. } *обломки* выносныхъ фонарей и др. предметовъ изъ церковной утвари, плохо сохранившіеся и потому не имѣющихъ большаго археологическаго значенія.
70. *Подсвѣчникъ* массивный, выточенный изъ цѣлаго дерева (ясени), окрашенъ желтой краской съ мѣднымъ овальнымъ полукругомъ, на скатахъ котораго сдѣланы гнѣзда для свѣчей.
- 87—90. Четыре разныхъ *хоругви*.
- 91—93. Три *колонки* отъ иконостаса.
94. *Минея* мѣсячная, рукописная, неполная (Ноябрь и часть Декабря), не позже нач. XVII в.
95. *Минея* праздничная, нотная (крюки), не позже полов. XVII в.
96. *Потребникъ* рукописный XVI—XVII вв.
97. Мѣсяцесловъ или святцы въ 64^о л. начала XVII в.
98. *Антиминсъ* холщевый, священнодѣйствованъ Аѳанасіемъ, архіеп. Холмогорскимъ и Важескимъ конца XVII в., безъ архіерейской подписи; мощи вынуты.
99. *Антиминсъ* такой-же, освѣщенъ Варсонофіемъ, архіепископ. Архангельскимъ и Холмогорскимъ, въ 1753 г. 10 янв.; безъ подписи; мощи вынуты.
100. *Антиминсъ* такой же, освящ. Амвросіемъ Новгородскимъ и Велжколуцкимъ въ 1744 г.; безъ подписи; мощи вынуты.
101. *Потиръ* оловянный, маленькій съ обычными изображеніями и надписями.
102. *Дискосъ* къ нему оловянный же безъ подставки—одна тарелка съ изображеніемъ младенца Іисуса и надписью: „Се агнецъ Божій вземляй грѣхи всего мира жретца закаляетца“.

103. *Дароносица* оловянная, въ видѣ креста, съ принадлежностями.
104. *Потиръ* деревянный съ изображеніями Іисуса Христа и креста и обычными надписями. Древній и хорошо сохранившійся.
105. *Потиръ* деревянный съ обычными изображеніями и надписями. Ножка поломана.
106. *Потиръ* деревянный — отосланъ г. оберъ-прокурору Св. Синода.
107. *Потиръ* оловянный; на немъ, кромѣ обычныхъ, находятся изображенія двухъ херувимовъ.
108. *Потиръ* оловянный, подобный выше описанному, только безъ херувимовъ.
109. Оловянный *дискосъ* обычный.
110. Оловянный *дискосъ* обычный съ поврежденной подставкой.
111. Оловянная поломанная *звѣздца*.
112. *Синодикъ* съ изображеніями по листамъ, печатный XVIII вѣка.
113. *Грамота* рукописная преосвящ. Аванасія, архіеп. Холмогорскаго и Ваджескаго, 1683 г. на постройку церкви въ Варзугской волости.
114. *Потиръ* оловянный обычный.
115. *Дискосъ* къ нему такой-же.
116. *Звѣздца* къ нему такая-же.
117. *Лжица* къ нему такая-же.
118. *Потиръ* оловянный маленькій (1¹/₂ вершка).
119. *Икона* Господа Саваога рѣзная на деревѣ.
- 120—122. Три небольшія *лампады*.
123. *Потиръ* оловянный обычный.
124. *Потиръ* оловянный-же, но меньшихъ размѣровъ.
- 125—126. Два оловянныхъ *проскамидныхъ блюда*.
- 127—128. Два деревянныхъ *проскамидныхъ блюда*.
129. *Лжица* оловянная.
- 130—131. Два деревянныхъ точеныхъ *подсвѣчника*.
132. *Икона* препод. Антонія Сійскаго въ ростъ, шитая на полотнѣ шелками и серебромъ; по краямъ вышитъ серебромъ тропарь преподобному.
133. *Подсвѣчникъ* изъ колокольной бѣлой мѣди литой, ажурный, весьма красивый и вполне сохранившійся, о семи свѣчахъ, расположенныхъ на верхней тарелкѣ одна по срединѣ, другія 6 по краямъ. Ножка расположена на четырехъ львахъ. По ребру верхней тарелки сдѣлана надпись, изъ которой видно, что подсвѣчникъ временъ Алексѣя Михайловича и митроп. Новгород. Никона и пожертвованъ въ Сійскій монастырь старцемъ Лаврентіемъ.
134. *Подсвѣчникъ* выносной серебр., 1601 г., жертва боярина Дмитрія Годунова.
135. *Фонарь* изъ слюды очень большой на желѣзныхъ подставкахъ, о пяти свѣчахъ. — Плохо сохранился.
136. *Потиръ* оловянный съ однимъ крестомъ.

137. *Дискосъ* къ нему такой-же на высокой подставкѣ.
138. *Звѣздица* такая-же и поломанная.
139. *Потиръ* оловянный обычный.
140. *Дискосъ* къ нему такой-же.
141. *Звѣздица* желѣзная къ нему.
142. *Лжица* оловянная.
143. Деревянная выкрашенная *дарохранительница* въ видѣ четырехугольнаго ящика съ тремя отдѣленіями внутри; на верху ящика шатровый куполь, завершающійся деревяннымъ позлащеннымъ крестомъ.
144. Пара *брачныхъ стѣнцовъ* изъ древесной коры, расписанной узорами, съ изображеніями Іисуса Христа, Божіей Матери и Предтечи на одномъ и Богоматери на другомъ.
145. *Икона* Спасителя, Божіей Матери и св. апостоловъ (тусклая).
146. *Киотъ* складень маленькій (1 × 1 вершк.) мѣдный съ изображеніемъ въ срединѣ Параскевы Пятницы и 12 святыхъ на внутреннихъ стѣнкахъ открывающихся дверцевъ.
- 147—150. Фотографическіе *снимки* съ современныхъ видовъ Пертоминскаго монастыря.
151. *Риза* крашенная безъ вырѣза напередѣ.
152. *Риза* изъ печатки на крашенной подкладкѣ въ оплечьяхъ съ вырѣзомъ.
153. *Риза* изъ портна съ полупелковымъ оплечьемъ и войлочатою подкладкой въ плечахъ.
154. *Подризникъ* изъ печатки.
155. *Епитрахиль* такой-же.
156. *Замшевый поясъ* съ кистями.
157. *Орарь* изъ печатки
158. *Покровъ* крашенный.
159. *Платокъ* (м. б. воздухъ) изъ печатки.
160. Деревянный *подсвѣчникъ*.
161. *Подсвѣчникъ* деревянный точенный подъ краской.
162. *Гравюра* подъ заглавіемъ: „Изображеніе книги родства Іисуса Христа, сына Давыдова“.
163. *Святцы* за августъ 1714 г.
164. *Потиръ* оловянный.
165. *Дискосъ* къ нему такой-же.
166. *Лжица* къ нему такая-же.
167. *Звѣздица* мѣдная.
168. *Копіе* желѣзное съ крестомъ на рукояти.
169. *Потиръ* оловянный, низкій, безъ изображеній.
170. *Потиръ* оловянный.
171. *Дискосъ* такой-же.
172. *Звѣздица* желѣзная.

173. *Евангеліе* на престольное, печатанное при патр. Іосифѣ, въ 4° съ изображеніями распятія и евангелистовъ на лицевой сторонѣ доски.
174. *Грамата* преосвящ. Аѳанасія на постройку Кимженской Одигитріевской церкви.
175. Слюдяная *рама*.
176. *Крестъ* деревянный (1¹/₄ арш.) семиконечный съ надписью по дереву: „Лѣта 7172 отъ сотворенія міра мѣсяца маія въ 29 день построень сей крестъ по благословенію митрополита новгородскаго Макарія“.
177. *Образъ* Воскресенія Христова.
178. *Образъ* Казанской Божіей Мат. съ надписью на лѣвой сторонѣ: „сему образу молися Марѳа Иванова да сынъ Прокофѣй“.
179. *Потиръ* деревянный съ крестомъ и съ надписью. Древній.
180. *Аналой* въ видѣ четырехъугольнаго квадратнаго ящика на четырехъ ножкахъ съ внутреннимъ помѣщеніемъ для книгъ и рѣзными надписями (вязью); одна изъ нихъ такая: „при Царѣ и Великомъ Князѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ всея Руси“...
181. *Потиръ* оловянный.
182. *Потиръ* оловянный маленькій отъ дароносицы.
183. *Звѣздица* оловянная.
184. *Грамата* Макарія, митроп. Московскаго. 1542.
185. *Договоръ* на перестройку Предтеченской церкви Хаврогорскаго прихода отъ 1559 г.
186. *Порядная* на церковную землю 1571 г.
187. *Договоръ* на владѣніе церковною землею 1571 г.
188. *Грамата* о построеніи Михаило-Архан. церкви 1581 г.
189. *Ростиска* чернаго попа Никандра 1590.
190. *Грамата* Іовы о построеніи 2-й Предтеченской церкви 1614 г.
191. *Грамата* о вырубкѣ лѣса для 2-й Михаило-Архангельской церкви 1670 г.
192. *Договоръ* на постройку ея 1670 г.
193. *Грамата* митр. Іоасафа на постройку ея 1670 г.
194. *Договоръ* на ковку гвоздей 1671 г.
195. *Договоръ* о покрытіи тесомъ папертей 1672 г.
196. *Грамата* Питирима 1673 г.
197. *Договоръ* о написаніи иконъ 1678 г.
198. *Договоръ* о написаніи иконъ.
199. *Списокъ* съ памяти Преосвященнаго Корнилія, митр. Новгородскаго... 1679 г.
200. *Договоръ* на возобновеніе иконъ Предтеченской церкви 1683 г.
201. *Грамата* архіеп. Аѳанасія о поправленіи Предтеченской церкви 1693 г.
202. *Грамата* архіеп. Аѳанасія Холмогорскаго собора священнику Аѳанасію объ освященіи Предтеченской церкви 1695 г.*)

*) Во всѣхъ граматахъ и договорахъ №№ 184—202 говорится о церквахъ и земляхъ нынѣшняго Хаврогорскаго прих. Холмогорскаго уѣзда.

203. *Евангеліе* напрестольное, напечатанное при патр. Іоакимъ въ Москвѣ въ лѣто отъ сотворенія міра 7186, отъ Рожд. Хр, 1677. На лицевой сторонѣ доски въ срединѣ рельефное распятіе съ предстоящими (Матерь Божія и Марія Магдалина, Іоаннъ Богосл. и Логгінъ), а по угламъ рельефныя же изображенія евангелистовъ.
204. *Списокъ* съ раздѣльной грамоты Никона, митроп. Новгородскаго, 7160 г.
205. *Порядная* на Нефедьевскую землю отъ 10 марта 7173 г.
206. *Порядная* на Нефедьевскую деревню отъ 30 іюня 7160 г.
207. *Копія челобитной* къ митрополиту Новгородскому верхнекойдокурцевъ о раздѣлѣ церковнаго имущества и денегъ съ нижнекойдокурцами отъ общихъ храмовъ.
208. *Порядная* на Прокопьевскую землю отъ 1 марта 7176 г.
209. Подтвердительная *грамота* о церковныхъ земляхъ верхняго и нижняго конца 7167 г.
210. *Фелонь* холщевая (очень малая — $1\frac{1}{4}$ арш.).
211. *Епитрахиль* такая же — $\frac{3}{2}$ арш.
212. Планъ и фасадъ (разобранной) Срѣтенской ц. Чекуевского прихода.
213. *Потиръ* оловянный (съ крестомъ и безъ изображеній).
214. *Дискозъ* къ нему такой же.
215. *Звѣзднца* мѣдная.
216. *Евангеліе* напрестольное рукописное въ $\frac{1}{2}$ л., съ надписью на первомъ листѣ: „лѣта 7109 іюня въ 29 день положилъ сію книгу евангеліе — тетро кустѣнію пречистыя и Николе чудотворцу наустье онѣжскомъ Иванъ Ивановъ сынъ Харомина, а подписалъ пречистенскій попъ Аео-насыще Ивановъ“.
217. Оловянная *чаша*.
218. *Звѣзднца* мѣдная.
219. *Звѣзднца* мѣдная.
220. *Кубокъ* оловянный восьмигранный росписной.
221. *Прописи* изд. 1823 г.
222. *Рукопись*, очень древняя, содержащая въ себѣ службу препод. Михаилу Малену.
223. *Крестъ* напрестольный деревянный.
224. *Дарохранительница* оловянная, подобная № 6.
225. *Дароносица* такая же, подобная № 7.
- 22 $\frac{6}{7}$. Два оловянныхъ *кубка*.
228. *Вѣнецъ* брачный изъ желѣза безъ изображеній.
229. Планъ и фасадъ древней церкви Чакольскаго прихода.

Краткая опись

предметовъ, поступившихъ въ древнехранилище св.-Владимірскаго Братства по 1-е января 1889 года.

- 1) Бронзовый крестъ — энколпіонъ, найденный въ 1886 г. при раскопкахъ подземныхъ частей Мстиславова храма въ г. Владимірѣ-Вол. Крестъ состоитъ изъ двухъ половинокъ. На одной сторонѣ его изображеніе распятія Спасителя и буквы Іс. Хр̄., на другой — Богоматери съ воздѣтыми руками и буквы Мѣ. Θ̄.
- 2) Бронзовый крестъ — энколпіонъ, найденный въ могильникѣ возлѣ с. Цегова, Владимірѣ-Волин. уѣзда; на одной сторонѣ изображено распятіе съ предстоящими на другой 3 изображенія Святыхъ — одно по срединѣ во всю высоту креста, 2 по концамъ. Стороны креста къ срединѣ сужены.
- 3) Найденный тамъ же бронзовый крестъ — энколпіонъ. Концы его округлены въ видѣ медальоновъ, въ которыхъ помѣщены изображенія. Средину креста занимаетъ съ одной стороны распятіе, съ другой Господь-Вседержитель.
- 4) Уніатскій протоіерейскій наперстный крестъ.
- 5) Древняя фелонь поступившая изъ ризницы соборной церкви, въ которой хранятся уцѣлѣвшія облаченія и церковные предметы упраздненныхъ церквей. Фелонь малиноваго бархата, шитая золотомъ, серебромъ и шелками. На оплечьи изображеніе 12 апостоловъ, посреди ихъ Господь Вседержитель на престолѣ, позади ангелы, по правую сторону Богоматерь. Надписи славянскими буквами, вязью.
- 6) Плотняной стихарь, половины XVIII ст., внизу вышита шелкомъ надпись, изъ которой узнаемъ, что этотъ „дѣчій стихарь“ сдѣланъ при уніатскомъ епископѣ Ф. Володкевичѣ для церкви св. Параскевы.
- 7) Покровецъ на дары, малиноваго атласа, шитый золотомъ, серебромъ и шелками. По срединѣ большая звѣзда, въ ней изображеніе Спасителя, Богородицы и ап. Іоанна, по концамъ эмблематическія изображенія 4-хъ евангелистовъ.
- 8) Уніатскій антиминосъ, 2-й полов. XVIII в., холщевый, съ гравированнымъ изображеніемъ снятія съ креста.
- 9) Царскія врата, 2 боковыя двери и 2 образа — Спасителя и Богоматери, изъ иконостаса домовой церкви Владимірѣ-Вол. епископовъ, упраздненной въ первой поло-

винъ настоящаго столѣтія. Врата и двери деревянныя рѣзныя, вызолоченныя, съ рельефными изображеніями: на царскихъ вратахъ Благовѣщенія, на боковыхъ — архангеловъ. Образа Спасителя и Богоматери писаны на золотомъ чеканномъ фонѣ.

10) Образъ св. Дмитрія, писанный на доскѣ 1 ар. 9 в. вышины и 1 арш. 3 в. шир. Если вѣрить описанію церковныхъ древностей г. Владиміра-В., составленному б. протоіереемъ Коссовичемъ, священствовавшимъ въ г. Владимірѣ болѣе 60 лѣтъ, образъ этотъ принадлежалъ древней св. Дмитріевской церкви, существовавшей въ XIII в. Изображеніе прекраснаго древняго письма, окруженное золотымъ чеканнымъ полемъ; самый ликъ святаго хорошо сохранился, остальныя части изображенія сильно испорчены.

11) Образъ св. Николая, писанный на доскѣ 3 ар. 2 в. вышины и 1 ар. 7 в. шир. сильно попорченный. Первоначальное изображеніе покрыто позднѣйшими исправленіями очень плохой кисти. Образъ этотъ, надо полагать, принадлежалъ древней Николаевской церкви, упоминаемой лѣтописцемъ еще въ XIII в. и упраздненной въ концѣ XVIII в.

12) Поступившее изъ церкви с. Подгородно, Владиміро-Вол. у., писанное на холстѣ, изображеніе Богоматери съ Младенцемъ. По сторонамъ надписи $\mu\rho\ \phi\lambda$, $\tau\sigma\ \chi\sigma$; сіяніе, вѣнцы и украшенія на ризахъ писаны золотомъ. Когда писанъ этотъ образъ, трудно опредѣлить, такъ какъ онъ не разъ, какъ видно, обновлялся, но по мѣстному преданію, онъ одинъ изъ древнихъ, и возможно предположеніе, что это одинъ изъ тѣхъ образовъ, которые были увезены изъ Москвы во время междоусобія Александромъ Подгороденскимъ и пожертвованы въ 1612 г. въ Подгороденскую церковь (см. № 78).

13) Изображеніе Никейскаго собора, принадлежитъ церкви с. Хорова, Владимір-Вол. у.

14) Изображеніе страшнаго суда, писаное около начала настоящаго столѣтія на большомъ холстѣ, произведеніе несомнѣнно мѣстнаго и притомъ очень скромнаго художника. Въ адъ попадаютъ за колдовство, за „крутку“, „кто въ церкви дримае“ и др.; ближе всѣхъ къ чертямъ жида и самое видное мѣсто между грѣшниками занимаютъ жида съ невѣрными мѣрами — „за кварту не правдыву“. Всѣ грѣшники идутъ въ адъ пѣшкомъ, исключая „судьи неправеднаго“, котораго черти очень торжественно везутъ въ каретѣ и онъ, повидимому, хорошо себя чувствуетъ въ этой обстановкѣ.

15) Желѣзный крестъ съ купола церкви, построенной въ половинѣ XVII в. въ с. Будатычахъ Владимір-Вол. у.

16) Снимокъ съ надписи, находящейся на сѣверной стѣнѣ братской св. Васильевской церкви, до настоящаго времени не разобранной, кромѣ начальныхъ словъ — „помози Боже раб.. княж.“...

17) Каменная глыба съ орнаментомъ, найденная на погостѣ Св.-Васильевской церкви.

18) Кирпичи, найденные въ разное время при раскопкахъ на погостѣ Св.-Васильевской церкви и бывшаго Михайловскаго монастыря.

19) Большая коллекція кирпичей, цѣмянки, цѣнины, гвоздей и разнаго строительнаго матеріала, собранная при раскопкахъ 1886 г. въ урочищѣ „Старая Каедрa“, гдѣ открыты нивы древней церкви.

- 20) Коллекція цѣнныя Мстиславова храма, въ г. Владимірѣ-В.
 - 21) Цѣнина, найденная на мѣстѣ церкви Св. Параскевы въ г. Луцкѣ.
 - 22) Коллекція камней и цемьянки изъ Бѣлавенской и Столпьевской башенъ возлѣ г. Холма.
 - 23) Рисунокъ герба Волынскаго княжества 1-й половины XIV в.
 - 24) Планъ Успенскаго, бывшаго каедральнаго, собора (Мстиславова храма) въ г. Владимірѣ-В.
- Фотографическіе снимки:
- 25) Главный алтарь Успенскаго храма.
 - 26) Образъ Богоматери Успенскаго храма.
 - 27) Тотъ же образъ въ ризѣ.
 - 28) Видъ на двѣ ниши (arcasolia) съ великокняжескими гробницами, въ сѣверной стѣнѣ подъ хорами (Усп. хр.).
 - 29) Видъ на третью велико-княжескую гробницу (Усп. хр.).
 - 30) Видъ на горы. (Усп. хр.).
 - 31) Развалины храма въ ур. „Старая Каедра“: сѣверная стѣна, часть восточной стѣны и остатокъ пилона съ восточной стороны.
 - 32) Видъ Почаевской лавры съ южной стороны.
 - 33) Чудотворный образъ Божіей Матери Почаевской.
 - 34) Изображеніе Богоматери „надъ стошой“ (въ Почаевѣ).
 - 35) Надгробная мраморная плита князя Д. Козѣки, въ церкви с. Зимно. Въ верху русская надпись: „зде лежитъ тѣло князя Дмитра Козѣки, который ув ѣмѣнюю своемъ Замлидохъ далъ духа своего до хвалы Божеи в року 1583, мѣсаца сентебрия 19 дня, в понедѣлокъ, в обѣдную годину; вѣкъ живота его 45 лѣтъ“. Посреди плиты гербъ, ниже латинская надпись, которая гласитъ, что этотъ памятникъ положенъ вдовою покойнаго, урожденною Фальчевской.
 - 36) Внутренность церкви Загоровскаго монастыря.
 - 37) Чудотворная икона Богоматери той же церкви, на горнемъ мѣстѣ.
 - 38) Привѣска къ образу съ изображеніемъ двухъ кокѣнопреклоненныхъ лицъ.
- Автографъ П. Загоровскаго.
- 39) Напрестольный крестъ и сердца въ ларцахъ (Загор. мон.).
 - 40) 2-й напрестольный крестъ и старинные подсвѣчники.
 - 41 и 42) Двѣ группы портретовъ семейства Загоровскихъ. Фрески на стѣнахъ Загоровской церкви у входа въ алтарь. Надъ одной изъ нихъ латинскими буквами надпись: „подъ твою милость прибѣгаемъ Богородице Диво.“
 - 43) Видъ церкви въ с. Низкиничяхъ, Владимір-Вол. у., построенной въ первой половинѣ XVII в. Адамомъ Киселемъ, воеводой Кіевскимъ.
 - 44) Алтарная часть той же церкви.
 - 45) Амвонъ (XVIII в.) той же церкви.
 - 46) Мраморный памятникъ — бюстъ Адама Киселя (+ 1653 г.) тамъ же.
 - 47) Тотъ же памятникъ, снятый въ профиль.
 - 48) Металлическій съ украшениями гробъ А. Киселя въ склепѣ Низкиничской

церкви. Гробъ двойной; въ немъ положенъ былъ вмѣстѣ съ Адамомъ Киселемъ его братъ Николай.

49) Образъ Божіей Матери Будатычской церкви Владиміръ-Вол. у.

50) Видъ Дубенскаго монастыря, построеннаго кн. Острожскими.

51) Образъ Божіей Матери изъ домовой церкви князей Острожскихъ; хранится въ Дубенской соборной церкви.

52) Той же церкви образъ св. Николая, пожертвованіе Константина Константиновича Острожскаго.

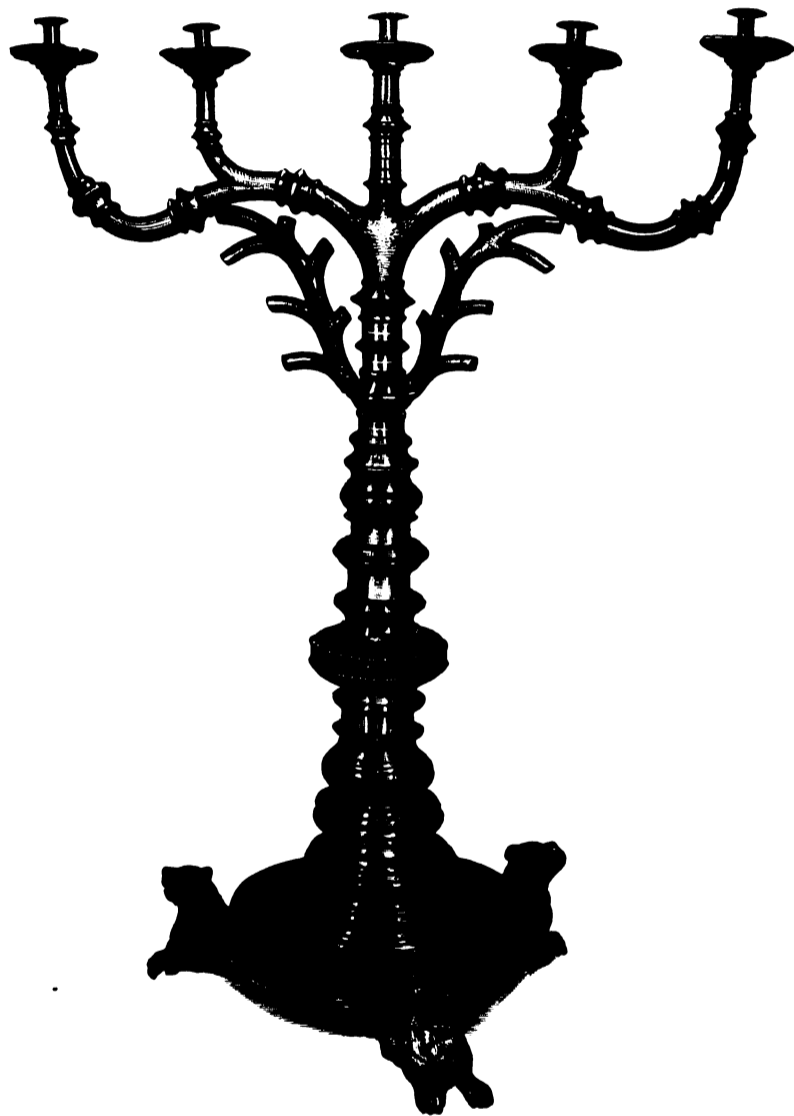

Рис. 11.

53) Мѣдный пятисвѣчникъ кн. К. К. Острожскаго (см. рис. 11), литой какъ видно изъ надписи, въ 1575 г. Такихъ 2 пятисвѣчника хранятся нынѣ въ соборной церкви г. Дубно.

54) Видъ колокольни Дерманскаго монастыря, основаннаго въ XVI в. кн. К. И. Острожскимъ.

55) Старинное блюдо изъ ризницы Дерманскаго монастыря.

56) Изображеніе Божіей Матери главной церкви Супрасльскаго монастыря.

57) Видъ церкви с. Будятычъ, построенной въ 1668 году.

58—62) 5 листовъ снимковъ крестовъ, металлическихъ образковъ и разныхъ предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ въ 1887 г., въ м. Дорогичинѣ, Гродненской губ., Н. П. Авенаріусомъ.

63) Найденные тамъ же пряслицы и свинцовыя пластинки съ славянскими (?) буквами.

64) Видъ башни Луцкаго замка съ наружнымъ ходомъ.

65) Случайныя находки священника о. Даніила Левицкаго въ разное время въ г. Владиміръ-В.: желѣзное обручальное кольцо и кусокъ стекляннаго браслета найденные на мѣстѣ Св. Георгіевской церкви, и желѣзный крестъ добытый близъ церкви Іоакима и Анны.

К н и г и:

66) Рукописное евангеліе, пожертвованное 13 января 1563 г. Загоровскому монастырю Петромъ Богдановичемъ Загоровскимъ, маршалкомъ короля польскаго и великаго князя Литовскаго, и его женою Ѳеодорою Ѳеодоровною Сангушковною.

67) Принадлежащій тому же монастырю рукописный апостолъ XVI в., писанный уставомъ и украшенный превосходными заставками и заглавными буквами.

68) Рукописное евангеліе XVI ст., найденное на колокольнѣ Будятычской церкви, безъ начала и конца, сильно изорванное. На одномъ изъ листовъ надпись, почеркомъ 1-й половины текущаго столѣтія: „сію книгу надобно подереть, ибо она уніятска, а теперь надобно російскихъ“. Эта резолюція, несомнѣнно, положена усерднымъ не по разуму исполнителемъ правительственнаго распоряженія, которымъ предписывалось уніятскія богослужебныя книги замѣнить книгами синодальной печати.

69) Рукописный ірмолой, украшенный изображеніемъ царя Давида и хорошими заставками. „Писася рабомъ Божіимъ Андреемъ Скабовичемъ въ Межирѣчьи“, но когда именно, не извѣстно; по почерку слѣдуетъ отнести къ XVI—XVII в.

70—71) Два рукописныхъ ірмолая, судя по почерку, XVII—XVIII в.

72) Помянникъ XVIII в. церкви с. Будятычъ, Владиміръ-Волын. у.

73—74) 2 метрическія книги той же церкви XVIII в.

75) Старопечатное евангеліе, принадлежащее той же церкви, безъ начала. Годъ и мѣсто печатанія его неизвѣстны. Пожертвовано въ Будятычскую церковь 25 марта 1564 года.

76) Принадлежащій той же церкви „Анеологіонъ, сирѣчь цвѣтословникъ“, изданъ Львовскимъ братствомъ въ 1638 г.

77) Той же церкви ірмолой, изданный во Львовѣ въ 1700 г.

78) Евангеліе печатанное въ г. Москвѣ Волынцемъ въ 1605 г. На евангеліи сохранилась надпись на польскомъ языкѣ, несомнѣнно сдѣланная самими жертвовате-

лями. Изъ нея узнаемъ, что это евангеліе пожертвовано въ церковь с. Подгородно, Владиміръ-Волинскаго у., 1611 г., вмѣстѣ съ позолоченнымъ и украшеннымъ камнями крестомъ, Флоріаномъ Подгороденскимъ; Александръ же Подгороденскій пожертвовалъ той же церкви въ 1612 г. ризу, покровецъ на дары, разными узорами и камнями украшенный, и 4 образа: 3 въ серебряныхъ ризахъ, 4-й писанный золотомъ (см. № 12). Эти предметы, какъ сознаются сами жертвователи, „взяты“ ими „въ столицѣ а землѣ Московскій“.

С п и с о к ъ

вещей, рукописей и документовъ, хранящихся въ Орловской Ученой Архивной Коммисіи.

В е щ и:

- 1—3) Монеты.
- 4) Конское украшеніе, найденное въ пещерѣ, въ Елецкомъ уѣздѣ, около села Ворскла.
- 5) Часть черепа, ребра и позвонка мамонта, найденные въ Орловскомъ уѣздѣ.
- 6) Два клыка мамонта по $3\frac{1}{2}$ аршина каждый, найденные въ Карачевскомъ уѣздѣ.
- 7) Монетный слитокъ, найденный, въ маѣ мѣсяцѣ 1882 года, близъ дер. Ташкирмень, Лаишевскаго уѣзда Казанской губерніи.

Рукописи и документы.

- 1) Выпись, данная въ 1702 г. изъ Приказа Артиллеріи генераль-фельдцейхмейстеромъ Имеретинскимъ царевичемъ Александромъ Арциловымъ съ товарищи выборнымъ орловскимъ посадскимъ людямъ.
- 2) Копія, выданная изъ Вотчинной Коллегіи съ производившагося въ ней въ 1741 — 1743 г. дѣла по спору о землѣ между орловскими пушкарями и купечествомъ.
- 3) Мнѣніе на выполненіе главнѣйшихъ статей жалованной дворянству грамоты о сборѣ и составленіи собственной дворянской казны и объ употребленіи ея Орловской губерніи губернскаго предводителя полковника Давыдова 1786 г.
- 4) Сборникъ стиховъ, писанныхъ воспитанниками Сѣвской семинаріи во время управленія епархіею преосвященнымъ Домаскиномъ.
- 5) Копія съ грамоты коломенскаго архіепископа Никиты на построеніе въ г. Орлѣ Дѣвичьяго Монастыря 1686 г.
- 6) Копія съ грамоты его же на построеніе въ томъ монастырѣ каменной церкви во имя Введенія Пресвятой Богородицы 1703 г.
- 7) Жалованная грамота архіепископа Сарскаго и Подонскаго Леонида на поставленіе іеродіакона Болховскаго монастыря Никодима въ архимандриты и настоятели 1734 г.

- 8) О просвѣщеніи г. Мценска христіанскою вѣрою.
- 9) Грамота Іосифа патріарха Московскаго на построеніе храма въ г. Сѣвскѣ во имя обновленія Господа нашего Іисуса Христа.
- 10) Стихотвореніе подъ названіемъ: „Описаніе благороднаго собранія 1818 г.“
- 11) Шифрованное письмо Петра Великаго.
- 12) Письмо Алексѣя Петровича Ермолова графинѣ Мокроновской, урожденной принцессѣ Сангушко.
- 13) Шесть писемъ его же, изъ нихъ четыре — Александру Дмитріевичу Боборыкину и два — родителямъ.
- 14) Два письма Мордвинова генераль-адъютанту Львову.
- 15) Два ордера данные Потемкинымъ-Таврическимъ генераль-адъютанту Львову.
- 16) Письмо князя Петра Михайловича Волконскаго Дмитрію Михайловичу Львову.
- 17) Письмо де'Прерадовича Дмитрію Михайловичу Львову.
- 18) Сборникъ XVIII ст., въ коемъ помѣщены вирши Сумеона Полоцкаго, церемоніалы коронаціи Петра I-го, Петра II-го и пр.
- 19) Копія съ лѣтописи Площанской Богородице-Казанской пустыни.
- 20—40) Выписи съ отказныхъ книгъ и грамотъ на помѣстныя земли, выписи съ переписныхъ книгъ, поступныя и кабальныя записи въ количествѣ 21.
- 41) Наказъ, данный Галичскому воеводѣ князю Борису Сонцову-Засѣкину, при назначеніи его воеводою.
- 42) Автографъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, принадлежавшій Николаю Федорову Смирному.
- 43) Автографъ графа Александра Васильевича Суворова-Римникскаго.
- 44) Память елецкому подъячому Мартину Алтынникову о сборѣ даточныхъ въ Елецкомъ уѣздѣ въ Засосенскомъ стану 1699 г.
- 45) Переписная книга гор. Карачева, жителей онаго, съ объясненіемъ капиталовъ 1724 г.
- 46) Тетрадь заговоровъ и ложныхъ молитвъ.
- 47) Служебникъ XVII ст.
- 48—49) Двѣ памяти изъ разряднаго приказа объ окладахъ дѣтямъ боярскимъ 7196 г.
- 50) Память сытнаго дворца страпчему Арцибышеву на управленіе дворцовымъ селомъ Дѣдиновымъ 1692 года.

Каталогъ Рязанскаго Музея.

I. Отдѣлъ Археологическій.

Вещи, найденныя при раскопкѣ курганнаго кладбища, близъ дер. Смедовки Каширскаго уѣзда, Тульской губ., на берегу рѣки Оки (1884—1885 г.). №№ 1—173.

ТАБЛИЦА I.

- 1—4. Четыре поломанныхъ височныхъ привѣсокъ.
5. Витой бронзовый браслетъ.
6. Бронзовое кольцо.
- 7—8. Двѣ каменныхъ круглыхъ бусъ.
- 9—10. Двѣ каменныхъ цилиндрическихъ бусъ.
- 11—12. Двѣ стеклянныхъ синихъ поплаво-образныхъ бусъ.
- 13—18. Шесть бѣлыхъ круглыхъ стеклянныхъ бусъ.
19. Бронзовый бубенчикъ.
20. Колечко.
- 21—22. Двѣ бронзовыхъ привѣсокъ.

ТАБЛИЦА II.

- 23—25. Три бронзовыхъ привѣски.
26. Витое бронзовое кольцо.
27. Витой бронзовый браслетъ.
- 28—29. Двѣ каменныхъ желтыхъ бусинки.
- 30—31. Два желѣзныхъ обломка.
32. Бѣлая круглая стеклянная бусинка.
33. Желтая каменная бусинка.
- 34—35. Двѣ бронзовыхъ привѣски.
36. Плоская бронзовая гривна.
37. Обломокъ отъ гривны.
38. Витой бронзовый браслетъ.

ТАБЛИЦА III.

- 39. Обломок желѣзнаго ножа или кинжала.
- 40. Бронзовый наконечникъ.
- 41. Точильный брусокъ.
- 42—43. Два бронзовыхъ браслета.
- 44—47. Четыре бронзовыхъ привѣски.

ТАБЛИЦА IV.

- 48. Витое бронзовое кольцо.
- 49—50. Два гладкихъ бронзовыхъ браслета.
- 51—54. Четыре круглыхъ привѣски съ ушками (двѣ изъ нихъ сломаны).
- 55—56. Двѣ бронзовыхъ привѣски.
- 57—73. Разноцвѣтныя стеклянныя и каменныя бусы.

ТАБЛИЦА V.

- 74. Витая бронзовая гривна.
- 75—76. Двѣ бронзовыхъ привѣски.
- 77. Витой бронзовый браслетъ.
- 78. Маленькая бронзовая привѣска.
- 79. Клочекъ темныхъ волосъ съ черепа.

ТАБЛИЦА VI.

- 80. Гладкая бронзовая гривна.
- 81—86. Шесть бронзовыхъ привѣсокъ.
- 87—89. Три бронзовыхъ кольца.
- 90. Бронзовый ажурный перстень.
- 91—92. Двѣ бѣлыхъ круглыхъ стеклянныхъ бусы.
- 93—94. Два бронзовыхъ бубенчика (одинъ сломанный).
- 95. Бронзовый гладкй браслетъ.

ТАБЛИЦА VII.

- 96—102. Семь бронзовыхъ привѣсокъ, изъ коихъ четыре продѣты черезъ кусокъ кожи (остатокъ отъ головной повязки?).
- 103. Желѣзныя ножницы для стрижки овецъ.
- 104. Бронзовая привѣска.
- 105—106. Двѣ бронзовыхъ привѣски.
- 107. Плоская бронзовая гривна.

ТАБЛИЦА VIII.

- 108—128. Бусы разной формы, 8 стеклянныхъ и 13 каменныхъ.
- 129. Витая бронзовая гривна.
- 130. Бронзовый браслетъ.

ТАБЛИЦА IX.

- 131—132. Двѣ бронзовыхъ привѣски.
- 133. Бронзовая привѣска.
- 134—135. Три половинки бусъ.
- 136. Плоскій бронзовый браслетъ.
- 137. Бронзовая гривна.
- 138—140. Три бронзовыхъ привѣски.
- 141—142. Два бронзовыхъ позолоченныхъ браслета.

ТАБЛИЦА X.

- 143—144. Двѣ бронзовыхъ привѣски.
- 145. Ажурная круглая привѣска съ ушкомъ.
- 146. Бронзовая круглая привѣска съ ушкомъ.
- 147—151. Пять бронзовыхъ привѣсокъ.
- 152—154. Три бронзовыхъ кольца.
- 155. Суставъ пальца (изъ-подъ кольца).
- 156—157. Двѣ каменныхъ бусы.
- 158. Бронзовая привѣска.

ТАБЛИЦА XI.

- 159—160. Два бронзовыхъ браслета.
- 161—163. Три бронзовыхъ посеребр. привѣски.
- 164. Ажурный бронзовый перстень.
- 165. Бронзовое кольцо.
- 166. Желтая каменная бусина.
- 167. Дѣтскій бронзовый браслетъ.
- 168. Огниво желѣзное.
- 169—173. Глиняные сосуды.

ТАБЛИЦА XII.

- 174—175. Два серебряныхъ креста — тѣльника.
- 176. Янтарная привѣска къ образу въ серебряномъ филигранномъ ободкѣ, изъ г. Зарайска.
- 177. Серебряный крестъ — тѣльникъ.
- 178—179. Два серебр. тѣльника.
- 180. Серебр. образокъ Божіей Матери въ серебряномъ филигранномъ ободкѣ, изъ г. Зарайска.
- 181. Серебр. образокъ св. Анастасіи Римлянки въ серебр. филигран. ободкѣ, изъ г. Зарайска.
- 182. Серебряный образокъ Знаменія Пресв. Богородицы въ серебр. филигран. ободкѣ, изъ г. Зарайска.

- 183. Серебряный тѣльникъ.
- 184. Каменный крестикъ въ серебр. оправѣ, изъ г. Зарайска.
- 185. Серебряный тѣльникъ.
- 186. Образокъ Арх. Михаила, въ серебряной оправѣ съ эмалью и камнями, изъ гор. Зарайска.
- 187. Серебряный тѣльникъ.
- 188—193. Шесть каменныхъ въ серебр. оправѣ крестовъ, изъ гор. Зарайска.

ТАБЛИЦА XIII.

- 194. Перстень съ печатью изъ спруды.
- 195—197. Три мягкихъ эластичныхъ красныхъ пуговицы съ серебр. отдѣлкой.
- 188. Серебряный перстень съ сердоликов. гербовой печатью.
- 199—200. Пара серебр. съ жемчугомъ и камнями серегъ.
- 201—202. Двѣ серебр. съ камнями пугови.
- 203. Большая серебряная пуговица.
- 204—205. Двѣ серебр. пуговицы.
- 206—207. Пара серебр. серегъ.
- 208—209. Пара серебр. серегъ съ жемчугомъ и камнями.
- 110—213. Двѣ пары серебряныхъ серегъ.
- 214. Мѣдный перстень, найденный въ г. Рязани.
- 215. Серебряный перстень съ камнемъ.
- 216. Сердоликовый амулетъ въ золотой оправѣ съ неразобранной татарской надписью.
- 217. Серебряный перстень съ камнемъ и жемчугомъ.
- 218. Перстень, выкопанный въ могильникѣ близъ с. Полонскаго, Спасскаго уѣзда. (Раскопка А. П. Галахова).
- 219—224. Шесть серебряныхъ пуговицъ.
- 225. Медалька изъ спруды съ изображеніемъ птицы и съ надписью: „пня—умнов—якрепо—сте до—бря“. Найдена бл. д. Алексѣвки, Пронскаго уѣзда.
- 226. Серебряная медалька.
- 227. Медалька изъ спруды.
- 228—235. Восемь эмальированныхъ пуговицъ.

ТАБЛИЦА XIV.

- 236. Серебряная привѣска.
- 237—238. Пара серебряныхъ серегъ.
- 239. Серебряная привѣска.
- 240. Серебряная цѣпь.

ТАБЛИЦА XV.

- 241—250. Десять мѣдныхъ образковъ — складней.
- 251. Мѣдный крестъ.
- 252. Половинка мѣднаго образка — складня.

ТАБЛИЦА XVI.

253. Мѣдный крестъ.
254. Мѣдный крестъ въ деревянномъ футлярѣ.
255. Мѣдный крестъ.
256. Половинка мѣднаго креста — складня.
257. Мѣдный эмальированный крестъ.
258. Половинка мѣднаго креста — складня.
259. Половинка мѣднаго креста — складня.
260. Мѣдный крестъ.
261. Змѣвникъ мѣдный съ изображеніемъ св. Никиты. Найденъ въ Семинарскомъ саду въ г. Рязани.
262. Мѣдный крестъ — тѣльникъ. Найденъ въ г. Михайловѣ, въ усадьбѣ г. Парембскаго.
263. Мѣдный крестъ.

ТАБЛИЦА XVII.

264. 12 черепковъ отъ горшковъ, найденныхъ въ Татарскомъ городкѣ, въ с. Половскомъ, Спасскаго уѣзда.

Вещи, найденныя при раскопкахъ въ Кириловскомъ городкѣ, близъ с. Половскаго, Спасскаго уѣзда. № 265—269.

ТАБЛИЦА XVIII.

265. Кусокъ глиняной ручки отъ горшка.
266. Зубъ животнаго.
267. Осколокъ стекляннаго сосуда.
268. Желѣзный ножъ.
269. 17 черепковъ отъ горшковъ.
270. Старинная каменная чарка въ серебр. оправѣ, съ надписью: „Чаша Евдокии Васильевой дочери Цывина, пити изъ нея на здравіе и на веселіе, моляся Богу“.
- 271—273. Три мѣдныхъ образка — складня.
- 274—275. Два крестьянскихъ бисерныхъ ожерелья съ мѣдными крестиками, изъ Зарайскаго уѣзда.
276. Бронзовая бляха съ камнями отъ сбруи.
277. Желѣзный замокъ.
278. Деревянный живописный складень въ мѣдной оправѣ.
279. Живописный складень въ мѣдной оправѣ.
280. Мѣдная старинная чернильница.
281. Мѣдный замочекъ въ видѣ единорога.

282. Камея, найденная въ Ростиславскомъ городищѣ, Зарайск. уѣзда.
283. Кремневая стрѣлка.
284. Наконечникъ желѣзнаго копья, найденнаго въ с.-цѣ Любавѣ, Зарайскаго уѣзда.
285. Наконечникъ желѣзной стрѣлки, найден. въ Зарайскомъ у.
286. Каменная стрѣлка, найденная въ Касимов. у.

ТАБЛИЦА XXI.

- 325—330. Шесть сломанныхъ серебр. серегъ.
331. Костяной ножъ, найденный въ Старой Рязани.
332. Бронзовая привѣска, найден. въ Старой Рязани.
333. Черный каменный образецъ съ рѣзнымъ изображ. Спасителя и Божіей Матери, найденный въ Старой Рязани.
335. Свинцовая Византійская пломба съ изобр. креста, найден. въ Старой Рязани.
335. Мѣдный крестъ, купленный въ Старой Рязани.
336. Крестъ изъ чернаго сплава, купл. въ Старой Рязани.
337. Часть бронзоваго таза съ рѣзн. изображеніемъ женскихъ фигуръ и надписями: „spes“, „caritas“, „pacie“ (patientia?), „odium“, „pessa“ (peccatum), „dolus“. Найдена въ Старой Рязани.
338. Гладкая бронзовая гривна, купленная въ Старой Рязани.
339. Пять кусковъ желѣзнаго котла, найденнаго въ Старой Рязани.
340—366. Желѣзные орудія найденныя въ Старой Рязани.
367—369. Коса, топоръ, долото.
370—372. Желѣзный косарь и изразцы, купленные въ Старой Рязани.
373. Оловянный фонарь восточной работы.
374. Шитая эпитрахиль съ изображеніями святыхъ, изъ г. Зарайска.
375. Деревянный потиръ.
376. Мѣдный напрестольный крестъ, изъ церкви с. Нармушади, Касимов. у.
377. Живописная икона Казанской Божіей Матери, изъ церкви с. Шостыя, Касимов. у.
378. Оловянная дарохранительца.
379. Мѣдная дарохранительница, изъ церкви села Нармушади, Касимов. у.
380—382. Оловянный дискосъ, лжица и звѣздица, изъ церкви с. Нармушади, Касимовскаго уѣзда.
383. Деревянный брачный вѣнецъ, изъ церкви с. Мышцѣ, Касимов. уѣзда.
384. Антиминсъ печатный съ надписью: „Повелѣніемъ Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Гдря нашего Императора Іоанна Антоновича всея Россіи“ и пр.
385. Антиминсъ печатный временъ Имп. Анны Іоанновны.
386. Антиминсъ съ писанной чернилами надписью: „Остися олтарь Га Бга і спаса ншго Іса Ха в цркви іже во стыхъ отца ншго Николы чудотворца. Осцена бысть првъ сия индикта третіяго 7158 году Октебря въ 16 день на память стыя мчцы Евѣиміи всехвальныя при благовѣрномъ црѣ и великомъ кнзѣ Алексѣеи Михайловичи всея Рсіи і при блговѣрномъ црвчѣ кнзѣ Димитріѣ Алексѣе-

- вичѣ і при патріархѣ Іосифѣ Московскомъ всея Русси і при архіепіске Моисеѣ Резанскомъ і Муромскомъ і при ігуменѣ Онтоніи“.
387. Антиминсъ печатный временъ Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей.
388. Мушкетонъ 1784 г. тульской работы.
389. Мечъ, найденный въ Михайл. у., бл. с. Токарева.
- 390—391. Изразцы съ наружной стѣны текіи Авганъ — Мухамедъ — Султана, въ гор. Касимовѣ.
392. Каменный крестъ, находившійся въ полѣ близъ с. Ильцина, Зарайскаго уѣзда, съ надписью: „лѣта 7140? (1632), мѣсяць Іюнь 19 день. Убіенъ рабъ Божій Иванъ Павловъ сынъ“.
393. Каменный крестъ изъ того же мѣста безъ надписи.
- 394—395. Два желѣзныхъ вѣнца изъ церкви с. Ивановскаго, Зарайскаго у.
- 396—397. Два мѣдныхъ посеребренныхъ вѣнца изъ церкви погоста Старынина, Зарайскаго уѣзда.
- 398—399. Два оловянныхъ потира изъ церкви с. Салаура и с. Шостыи, Касимов. у.
- 400—401. Два мѣдныхъ церковныхъ сосуда.
402. Желѣзная шейная рогатка, употребляемая, какъ орудіе пытки при крѣпостномъ правѣ, на одной изъ фабрикъ Егорьевскаго уѣзда.
- 403—404. Двѣ старинныя пряничныя формы, изъ г. Зарайска.
405. Раскрашенный глиняный кувшинъ, изъ Зарайскаго у.
406. Рабочій ящичекъ съ принадлежностями, подаренный Гр. Аракчеевымъ Г-жѣ Никоновой.
- 407—409. Три рѣзныя изъ кости шкатулки русской работы.
410. Старинныя мѣдн. солнечн. часы нѣмецкой работы.
411. Желѣзный замокъ съ крѣпостныхъ воротъ изъ Зарайска.
412. Фаянсовая ваза.
413. Стекланный стаканъ съ двухглавымъ орломъ.
414. Старинный фаянсовый кувшинъ съ двумя горлышками.
415. Икона муч. Флора и Лавра въ серебр. ризѣ.
416. Желѣзная рогатина.
417. Глиняный горшокъ, найденный въ Старомъ Пластиковѣ, Сапожк. у., съ монетами временъ Царя Ивана Вас. IV.
- 418—453. Образцы крестьянской старинной одежды.
- 454—457. Священ. одѣянія.
458. Висячая витрина для иконъ, сдѣланная изъ остатковъ древняго иконостаса.
459. Живописная икона Благовѣщенія.
- 460—466. Древнія иконы.
- 467—468. Царскія двери съ живописнымъ изображ. Благовѣщенія и Евангелистовъ, изъ погоста Старынина, Зарайск. у.
469. Деревянный росписной подсвѣчникъ, изъ погоста Старынина, Зарайск. у.
- 470—471. Царскія двери, плетенныя изъ кожаныхъ ремешковъ, изъ с. Мышцъ, Касимовскаго уѣзда.

- 472—480. Древнія иконы.
481. Чугунный крестъ, изъ г. Касимова.
482. Живописная икона праздниковъ, изъ Преображенской цер., бл. д. Фатьяновки.
483. Рѣзная икона Николая Чудотворца Можайскаго въ кіотѣ, изъ церкви с. Ивановскаго, Зарайск. у.
484. Рѣзная икона Архангела Михаила, изъ Покровской цер., въ с. Путятинѣ, Сапожковскаго уѣзда.
485. Рѣзная икона Николая Чудотворца, изъ Покровской цер. въ с. Путятинѣ.
486. Шитая икона Божіей Матери.
- 487—489. Печатные антиминсы временъ Императора Петра I, Царя Алексѣя Михайловича, Императрицы Екатерины II.
- 490—496. Оловянные потиры и дароносицы.
496. Мѣдный церковный кувшинъ.
497. Желѣзное паникадило, изъ Старой Рязани.
498. Оловянная лампада.
499. Чугунная рельефная икона, изъ г. Касимова.
500. Каменная модель церкви.
501. Мѣдное паникадило изъ Солотчинскаго монастыря.
502. Стержень отъ паникадила, изъ погоста Старынина, Зарайск. уѣзда.
503. Каменный гробъ съ частью надгробной плиты, изъ Старой Рязани.
504. Живописная икона, изъ г. Зарайска, съ надписью: „1726 г. декабря 28 д. написася сей святой образъ тцаніемъ своимъ таможенный бурмистръ Иванъ Бахрушинъ съ товарищи; писалъ Иванъ Ширяевъ“.
505. Рѣзной деревянный кіотъ, изъ церкви въ с. Старой Рязани.
- 506—508. Три каменныхъ кронштейна съ рѣзнымъ орнаментомъ, изъ древняго храма въ Старой Рязани.
- 509—510. Два камня съ рѣзнымъ орнаментомъ, изъ церкви Николо-Высоковской, въ г. Рязани.
511. Живописная икона Николая Чудотворца, изъ Преображенской церкви, близъ д. Фатьяновки.
512. Образцы кирпичей и плить изъ древняго соборнаго храма, открытаго въ Старой Рязани.
513. Образцы кирпичей и плить изъ древняго храма въ с. Шатрищахъ.
514. Образцы кирпичей, найденныхъ въ городкѣ близъ Климентовскаго погоста, Спасскаго уѣзда.
515. Образцы кирпичей изъ Николо-Высоковской церкви, въ г. Рязани.

ТАБЛИЦА XXII.

- 516—524. Девять серебряныхъ тельныхъ крестовъ.
525. Панагія съ рѣзнымъ на кости изображеніемъ Благовѣщенія въ серебр. филигранномъ ободкѣ.
- 526—527. Мѣдный крестъ — складень.

528. Половинка мѣднаго креста — складня.
529. Мѣдный образокъ Успенія Богородицы.
530. Мѣдный образокъ съ изображ. св. Никиты.
531. Рѣзной изъ черной кости образокъ св. Антонія и Θεодосія Печерскихъ.
532. Старинный штемпель для переплета съ изображеніемъ Царя Давида.

ТАБЛИЦА XXIII.

- 533—485. 16 перстней и колець (изъ нихъ пять обломковъ) изъ Старой Рязани.

ТАБЛИЦА XXVI.

- 593—598. Шесть серебр. тѣльныхъ крестовъ.
599—614. Шестнадцать мѣдныхъ тѣльныхъ крестовъ.
632—674. Привѣски и мелкіе образа.

ТАБЛИЦА XXXVI.

- 713—728. 16 мѣдныхъ обломковъ отъ оконныхъ рѣшетокъ, найденныхъ въ бутѣ на мѣстѣ строящейся часовни въ с. Старой Рязани.

ТАБЛИЦЫ XXXVII, XXXVIII, XXXIX.

- 729—770. 37 черенковъ, двѣ глиняныхъ ручки и три грузила, найденные въ Старой Рязани на мѣстѣ древняго соборнаго храма.

ТАБЛИЦА XL.

- 771—780. Бронзовыя гривны и привѣски, найденныя въ Курманскомъ могильникѣ, Касимовскаго уѣзда.

ТАБЛИЦА XLI.

- 781—802. Кресты и образа.
803. Старинное ружье.
804. Наконечникъ копья, найден. въ д. Дмитріевкѣ, Парыкин. в., Егорьев. уѣзда.
805. Глиняный горшокъ, найденный съ монетами Петра I въ с. Шелемишевѣ, Скопинскаго уѣзда.
806—846. Образцы старинной одежды и кружевъ.
847—856. Пять паръ серегъ, изъ Михайловскаго уѣзда.
872. Мѣдная печатка, изъ Старой Рязани.
873—874. Двѣ кремневныя стрѣлки.
875. Желѣзное копье изъ Курманскаго могильника.
876—879. Кресты и образа, изъ Старой Рязани.
880. Мѣдная крышка съ изображен. льва, изъ Старой Рязани.
881. Метал. изображеніе человѣч. лица, изъ Старой Рязани.
882—883. Два мѣдныхъ замка, изъ Старой Рязани.
884—887. Четыре изразца, изъ Михайловскаго у.

888. Кусокъ каменной плитки, изъ Старой Рязани.
889—898. Восемь черепковъ изъ оз. Святаго, Егорьев. у.
899. Осколки каменныхъ орудій, изъ Касимовскаго у.
901. Большой глиняный горшекъ изъ могилы въ Старой Рязани.
905—909. Черепки, донышко и двѣ ручки отъ глиняной посуды, изъ Старой Рязани.
910. Желѣзное ядро, изъ Старой Рязани.
911. Каменное ядро, изъ Старой Рязани.
912. Рогъ въ видѣ шила, изъ Старой Рязани.
913. Кусокъ изразца, изъ Старой Рязани.
914—915. Два желѣзныхъ вѣнца, изъ церкви с. Мазолева, Пронскаго уѣзда.
916. Мѣдный крестъ — тѣльникъ.
917. Мѣдная круглая дароносица.
918. Мѣдный эмальиров. крестъ.
919. Золотой обломокъ съ эмальиров. изображеніемъ головы Спасителя древн. визант. работы, изъ Старой Рязани.
920—973. Старинное шитье и одежда изъ собранія Бахрушина въ г. Зарайскѣ.
974. Живописный складень въ мѣдной оправѣ съ изображеніемъ знаменія Божіей Матери и четырехъ святыхъ.
975. Деревянная трубка въ видѣ льва.

Вещи изъ клада, найденнаго въ Старой Рязани 12—23 Мая 1887 года.

ТАБЛИЦА I.

- 1—2. Пара серебряныхъ массивныхъ звѣздчатыхъ ушныхъ привѣсокъ съ гладкими шариками на концахъ лучей и съ конусообразнымъ, оканчивающимся такимъ же шарикомъ, въ центрѣ.

Подобнаго же рода привѣски (см. табл. №№ 27—28) найдены въ Старой Рязани. въ 1888 году. — Въ Старо-Каневскомъ городищѣ Киевской губ. найдена звѣздчатая привѣска, серьга относящаяся къ тому же типу. (Лубенскій музей Скаржинской).

- 3—4. Пара серебряныхъ диско-образныхъ ушныхъ привѣсокъ съ выемкой на верху диска, окаймленныхъ по окружности гладкими шариками, нанизанными на тонкую, прикрѣпленную къ ребрамъ дисковъ особыми ушками, проволоку. Съ обѣихъ сторонъ привѣсокъ изображеніе чернью двухъ голубей, обращенныхъ другъ къ другу головами и соединенныхъ узорчатымъ сплетеніемъ.

Къ тому же типу привѣсокъ относятся слѣдующіе предметы, найденные въ различныхъ мѣстностяхъ и относящіеся къ велико-княжеской эпохѣ XI—XIII вѣка: 1) Двѣ золотыя бляхи, съ эмалью и драгоценными камнями, найденныя въ Старой Рязани въ 1822 г. (Хранятся въ Московской Оружейной Палатѣ; Рязан. Русск. Древности, А. Оленина, рис. 3, С. и Д.). 2) Золотыя привѣски, съ изображеніемъ эмалью двухъ голубей, найденныя близъ Десятинной церкви въ Киевѣ. (Хранятся въ собраніи Гр. А. С. Уварова). 3) Двѣ золотыя запоны, украшенные эмалью, найденныя въ 1865 г. во Владимірѣ. (Древн. Русск. Ист. Погодина, т. III, отд. I, стр. 60, рис. на л. 164). 4) Пара золотыхъ серегъ изъ Старо-Каневскаго городища

(Лубенской музей Скаржинской). Всѣ означенныя украшенія имѣютъ жолобо-образное вдавленіе вдоль реберъ съ ушками, такъ что слѣдуетъ думать, что въ цѣльномъ видѣ эти привѣски по окружности должны быть окаймлены шариками, какъ въ настоящемъ экземплярѣ.

- 5—12. Четыре пары серебряныхъ ушныхъ привѣсокъ или серегъ, состоящихъ изъ кольца съ наизванными на него тремя шариками, украшенными зернистыми филигранными узорами въ видѣ георгіевскихъ крестовъ или шестиконечныхъ звѣздъ.

Привѣски подобнаго же рода были находимы въ Переяславскихъ курганахъ и описаны Гр. Уваровымъ въ его изслѣдованіи о Мерянахъ. Типъ этотъ былъ весьма распространенъ. Нѣсколько серегъ того же типа найдены въ Старо-Каневскомъ городищѣ. (Лубен. музей).

13. Мраморный четыре-конечный крестъ, съ серебряными наконечниками, украшенными орнаментомъ изъ припаянныхъ зернышекъ.

- 14—15. Два каменныхъ четыре-конечныхъ крестика.

Подобнаго рода крестики найдены также во Владимірѣ. (Др. русск. ист. Погодяна, т. III, отд. I, стр. 60) и въ Дрогичинскомъ городищѣ. (Древн. сѣверо-запад. края, т. I, вып. I, стр. 12, рис. 10, 11).

- 16—21. Шесть поплавоквидныхъ бусъ изъ синяго стекла, обдѣланныхъ съ концовъ серебряными пластинками.

Такія же бусы, но безъ серебра, найдены въ курганномъ кладбищѣ при дер. Смедовкѣ, Каширск. уѣзда, на бер. р. Оки, въ 1884 г. (Рязанск. музей, табл. I, №№ 11—12).

ТАБЛИЦА II.

22. Каменный четыре-конечный крестикъ, оправленный въ серебро.

Подобнаго типа крестики находимы были и прежде въ Старой Рязани (въ 1822 и 1836 г.г.) Такой же крестикъ, но въ золотой оправѣ, изъ Старо-Каневского городища наход. въ Лубенскомъ музеѣ.

- 23—24. Пара серегъ, подобныхъ описаннымъ подъ №№ 5—12.

- 25—30. Шесть репьевидныхъ серебряныхъ бусъ, обмотанныхъ тонкою проволокою и покрытыхъ зернистымъ орнаментомъ.

Подобн. бусы были найдены во Владимірскомъ кладѣ. (См. Погодина, стр. 59, реставриров. рис. на л. 164).

- 31—35. Пять каменныхъ и глиняныхъ круглыхъ бусъ.

Такого рода бусы попадались въ курганахъ различн. мѣстностей.

- 36—39. Лоскутки золотой парчевой ткани и галуна съ узоромъ изъ кружковъ и полосокъ, по всей вѣроятности, отъ головного убора.

40. Куски шелковой ленточки, обшитой серебряными позолоченными четырехугольными бляшками съ вдавленнымъ узоромъ, въ видѣ буквы X, окаймленными по краямъ мелкимъ жемчугомъ.

Вещи, найденныя при раскопкахъ Старо-Рязанскаго городища въ 1888 году.

ТАБЛИЦА III.

41. Рыбья кость съ отверстіемъ, служившая иглой или шиломъ.
42. Обломокъ бронзовой вещицы.
43. Бронзовая женская фигура въ видѣ бюста, найденная у верхняго конца небольшого вертикально стоящаго обрубка сгнившаго дерева въ глинистой насыпи надъ ямой, у стѣны древняго Борисо-Глѣбскаго храма.
44. Жгутобразное каменное колечко, найденное съ бронзовымъ крестикомъ (№ 45) на глубинѣ упомянутой въ предыдущемъ № ямы.
45. Четыре-конечный бронзовый крестикъ найденный тамъ же.

Подобныя крестики были находимы въ Мерянскихъ курганахъ.

46. Косточка, найденная въ томъ же мѣстѣ.
47. Костяная ручка отъ ножа.
48. Бронзовый перстень курганнаго типа.
49. Стеклянная бусина.
50. Бронзовое колечко.
51. Каменное пряслицо.
52. Костяной черенокъ отъ ножа.
- 53—64. Обломки стеклянныхъ гладкихъ и витыхъ браслетъ.

Такіе же осколки браслетъ попадались въ Мерянскихъ курганахъ. (См. Тр. перв. Археолог. Съѣзда, т. II, стр. 741, таб. XXXV. 1, 2). а также въ Дрогичинскомъ городищѣ. (Древн. сѣв.-запад. кр., стр. 9, таб. II, рис. 28).

ТАБЛИЦА IV.

65. Костяная рукоятка.
66. Серебряная чаша въ видѣ цвѣтка о 4-хъ лепесткахъ; въ срединѣ на днѣ грубое изображеніе оленя.

Напоминаетъ серебряную чашку, найденную въ Пермской губ. (Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. Гр. И Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. 3, стр. 84, рис. 89).

- 67—68. Пара серебряныхъ ушныхъ привѣсокъ, подобныхъ описаннымъ подъ № 1—2.

Найдены вмѣстѣ съ чашкой (№ 66) въ центрѣ холма подъ древнимъ Борисо-Глѣбскимъ храмомъ.

- 69—70. Два бронзовыхъ кольца.
71. Обломокъ бронзоваго украшенія.
- 72—73. Два обломка стеклянныхъ браслетъ, подобно описаннымъ подъ №№ 53—64.
74. Часть серебряной оправы отъ каменнаго креста.
- 75—76. Двѣ круглыхъ бусинки.
77. Костяной черенокъ отъ ножа.

ТАБЛИЦА V.

78. Костяная ручка.
79. Обломок отъ какого-то желѣзнаго орудія съ остатками рукоятки.
80. Стекланная круглая буса.
81—82. Два желѣзныхъ висячихъ замка.
 Подобнаго типа замки были находимы въ Мерянскихъ курганахъ.
83—85. Три желѣзныхъ ключа отъ замковъ.
86. Желѣзный наконечникъ стрѣлы.
 Подобнаго типа стрѣлы попадались въ Мерянскихъ курганахъ, и также были найдены въ Дрогичинскомъ городищѣ. (Древ. Сѣв. Зап. Россіи, стр. 11, таб. 21, 23, 24).
87. Желѣзное орудіе.
88—89. Два желѣзныхъ наконечника стрѣлъ.
90—91. Два каменныхъ пряслица.
92—92. Костяные обломки отъ вещей.

ТАБЛИЦА VI.

- 94—98. Пять костяныхъ гребней.
 Такіе же гребни были найдены Гр. Уваровымъ въ Мерянскихъ курганахъ. (Тр. пер. Арх. Сѣзда, т. II, стр. 743, таб. XXVII, 8—13).
99. Обломокъ большаго желѣзнаго ножа.
100—115. Желѣзные ножи.
 Ножи подобнаго типа встрѣчались въ Мерянскихъ курганахъ, а также въ Дрогичинскомъ Городищѣ.

ТАБЛИЦА VII.

116. Желѣзное колечко.
117. Каменное пряслицо.
118—152. Ожерелье изъ стекляннхъ и каменныхъ бусъ.
153. Мѣдное кольцо
154. Образокъ Михаила Архангела изъ спруды.
155. Бронзовая привѣска въ видѣ полумѣсяца, найденная вмѣстѣ съ ожерельемъ и образкомъ.
156. Каменный четыре-конечный крестикъ.
157. Костяной черенокъ отъ ножа, украшенный орнаментомъ изъ кружочковъ съ точками.
158. Желѣзное орудіе.
159. Стекланная буса.
160. Желѣзное кольцо.
161. Витая бронзовая браслета грубой работы.
162. Обломокъ костяной рукоятки.
163—164. Два обломка стекляннхъ витыхъ браслетъ.

ТАБЛИЦА VIII.

- 165—166. Обломки желѣзнаго ключа, двѣ бусинки и мѣдный бубенчикъ съ остатками холщевой ткани съ остова ребенка.
167. Бронзовый браслетъ съ того же остова.
168. Ожерелье изъ стеклянныхъ бусъ и бисера и просверленная раковинка.
169. Колечко отъ серьги
170. Осколокъ отъ стекляннаго сосуда.
171. Бронзовое кольцо.
172. Бронзовый четыре-конечный крестъ съ эмалью.
- Такіе же кресты найдены въ курганномъ кладбищѣ въ дер. Палашкиной, Рузскаго уѣзда, и въ г. Венденѣ, въ Лифляндской губ. (См. коллекц. Историческаго Музея).
173. Серебряная ажурная пуговка.
- Сходна съ найденными пуговками, въ Владимірскомъ кладѣ.
174. Осколокъ стекляннаго браслета.
175. Каменная бусинка.
- 176—178. Три стеклянныхъ бусинки.
179. Серебряная ажурная бусинка.
180. Стеклянная серьга.
- 181—182. Два бронзовыхъ обломка отъ рѣшетокъ.

ТАБЛИЦА IX.

- 183—184. Двѣ каменные бусинки.
185. Окаменѣлая просверленная раковина.
186. Обломокъ мѣдной ручки.
187. Кусокъ стекла.
188. Серебряная серьга.
189. Каменный крестикъ.
190. Бронзовая серьга.
191. Бронзовая пластинка.
- 192—193. Двѣ бронзовыхъ серьги.
194. Серебряная вызолоченная бляшка.
195. Бронзовая привѣсочка.
- Такая же привѣска найдена въ Старо-Каневскомъ городищѣ (Лубенскій музей).
196. Мѣдное кольцо.
197. Кусокъ янтаря.
- 198—199. Два мѣдныхъ кольца.
200. Бронзовый перстень.
- 201—202. Двѣ бронзовыхъ серьги.
203. Бронзовый бубенчикъ.
- 204—208. Пять стеклянныхъ позолоченныхъ изнутри бусинокъ.
- 209—218. Осколки стекляннаго браслета.

ТАБЛИЦА X.

219—236. Куски различныхъ мѣдныхъ предметовъ.

ТАБЛИЦА XI.

237. Кожанный плетеный крестъ (монашескій парамантъ), найденный на остовѣ.

Подобнаго же рода параманты были найдены недавно въ Киевскихъ пещерахъ.

238. Шесть кусковъ отъ кожаной обуви съ остова.

239. Мѣдный обломокъ.

240. Бронзовый бубенчикъ.

241—242. Два каменныхъ пряслица.

ТАБЛИЦА XII.

244—244. Два желѣзныхъ обломка.

245. Желѣзный топорикъ.

Подобнаго типа топоры съ выемкой въ нижней части лезвія найдены въ Дрогоичинскомъ городищѣ. (Древн. Сѣв.-Западнаго края, стр. 8, рис. № 1).

246—261. Обломки желѣзныхъ вещей.

ТАБЛИЦА XIII.

262—278. Обломки желѣзныхъ вещей и желѣзные гвозди.

ТАБЛИЦА XIV.

279. Серебряная эмалиров. бляшка, служившая украшеніемъ въ древней одеждѣ.

280—289. Серебряныя вызолоченныя бляшки, для украшенія одежды.

Подобныя бляшки, но другой формы, найдены вмѣстѣ съ золотыми бармами въ 1822 г. (Рязан. Русск. древн., рис. № 7, лит. O, P, Q, R, U, V, W, Y, Z).

290—291. Пара серебряныхъ серегъ.

292—293. Двѣ серебряныхъ пуговицы.

294. Бронзовый крестикъ.

Подобнаго же типа крестикъ найденъ въ курганахъ Молошскаго уѣзда, Ярославской губерніи. (Колл. Историч. Музея).

295. Металлическое украшеніе отъ пояса.

296—308. Обломки серебряныхъ бляшекъ и стеклянныхъ браслетъ.

309—310. Двѣ мѣдныхъ привѣски.

311. Кусокъ стекла.

ТАБЛИЦА XV.

312—322. Мѣдные кресты.

323. Серебряный крестъ, украшенный камнями.

324—325. Два каменныхъ тѣльныхъ крестика.

326—237. Два металлическихъ крестика.

328. Мѣдный крестъ съ обломанной лопастью.

329—334. Шесть тѣльныхъ крестовъ изъ спруды и мѣди.

ТАБЛИЦА XVI и XVII.

335—351. Мѣдные кресты.

ТАБЛИЦА XVIII.

352—372. Серьги различныхъ типовъ, составляющихъ постепенные переходы отъ формъ древнихъ къ болѣе новымъ.

ТАБЛИЦА XIX.

373. Бронзовый крестъ.

374—375. Двѣ бронзовыхъ пряжки.

Подобнаго типа встрѣчаются въ курганахъ Игуменскаго уѣзда.

376. Луновидная бронзовая привѣска курганнаго типа.

377. Два звена бронзовой цѣпочки.

378—379. Два золотыхъ аграфа отъ одежды, найденные на мѣстѣ древняго Борисо-Глѣбскаго храма.

Подобные серебряные аграфы найдены во Владимірскомъ кладѣ (Древн. русск. ист. т. III. рис. на листѣ 164).

380—381. Двѣ серебряныя ячейки, одна изъ нихъ съ камнемъ.

382—383. Двѣ серебряныя бляшки для украшенія одежды.

384. Каменный крестикъ.

385—386. Двѣ каменныя бусинки.

387—394. Восемь осколковъ отъ стеклянныхъ браслетъ.

395. Поплавковидная буса изъ синяго стекла.

Такого рода бусы попадались въ курганахъ Каширскаго уѣзда.

396. Каменная мозаичная буса.

397. Обломокъ бронзовой вещи.

ТАБЛИЦА XX.

398—409. Одиннадцать бронзовыхъ византійскихъ монетъ временъ Іоанна Комнена (половина XII вѣка), одна большая мѣдная монета Іоанна Цимисхія (965—976) и одинъ нѣмецкій динаръ XI вѣка. Всѣ эти монеты были найдены на мѣстѣ древняго Борисо-Глѣбскаго собора.

410. Золотая пластинка съ превосходно исполненнымъ, посредствомъ перегородчатой эмали, изображеніемъ Іисуса Христа. Волосы и борода черные.

ТАБЛИЦЫ XXI, XXII и XXIII.

411—450. Черепки и осколки различныхъ гончарныхъ издѣлій, найденные въ Старо-Рязанскомъ городищѣ.

Вещи, найденныя въ древнемъ могильникѣ въ разное время.

ТАБЛИЦА. XXIV.

- 451—452. Бронзовая плоская гривна и бляха съ крышечкой посрединѣ.
Подобныя бляхи найдены въ Курманскомъ могильникѣ, Касимовскаго уѣзда (Древности Мос. Арх. Об., томъ XIV, табл. VI).
453. Ожерелье изъ красныхъ каменныхъ бусъ.
- 454—455. Два бронзовыхъ браслета.
- 456—457. Два витыхъ бронзовыхъ кольца.
458. Бронзовая бусинка.

ТАБЛИЦА XXV.

- 459—460. Два бронзовыхъ обломка.
461. Бронзовая привѣска.
Подобныя привѣски найдены въ Курманскомъ могильникѣ (Древности, томъ XIV, табл. IX), а также въ слободѣ Недвиговкѣ, близъ устья Дона, въ Области Войска Донскаго (Коллекціи Истор. Музея).
- 462—466. Обломки отъ бронзовыхъ привѣсокъ.

ТАБЛИЦА XXVI.

- 467—468. Бронзовая гривна съ круглой коробочкой и бронзовая привѣска.
Такого же типа привѣски найдены въ Курманскомъ могильникѣ гр. Уваровыхъ (Древн. томъ XIV, табл. X).
469. Кусокъ спирально завитой бронзовой проволоки.
- 470—473. Двѣ бронзовыя пряжки и обломки бронзовой гривны.

ТАБЛИЦА XXVII.

474. Бронзовая привѣска.
- 475—476. Два каменныхъ пряслица.
- 477—482. Шесть красныхъ каменныхъ бусинъ.

ТАБЛИЦА XXVIII.

483. Бронзовая гривна.
484. Бронзовый браслетъ.
485. Бубенчикъ отъ привѣска.
486. Бронзовый кистень.
487. Бронзовая кругла привѣска
Подобныя привѣски встрѣчаются въ курганахъ Припетскаго Полѣся, Минской губ. (Раскопки Завитневича).

ТАБЛИЦА XXIX.

488. Желѣзный мечъ.
489. Желѣзный наконечникъ остроги.
490. Желѣзный наконечникъ копья.
Подобные наконечники копій найдены и въ Курманскомъ могильникѣ.
491—498. Восемь осколковъ отъ круглой гривны изъ особаго сплава.

ТАБЛИЦА XXX.

- 499—508. Бронзовые браслеты и девять обломковъ отъ таковыхъ же.
509—520. Двѣнадцать бронзовыхъ колець.
521. Часть ожерелья изъ красныхъ бусъ и бронзовыхъ привѣсокъ.
522—523. Двѣ нитки бусъ изъ красной пасты.

ТАБЛИЦА XXXI.

524. Бронзовая гривна съ круглой бляхой.
525. Круглая грудная бляха.
526—545. Бронзовыя привѣски отъ различныхъ украшеній.
546—548. Три бронзовыхъ кольца.
549. Ожерелье изъ бронзовыхъ витыхъ палочекъ.
550—551. Двѣ нитки изъ мелкихъ красныхъ бусъ.
552—553. Два бронзовыхъ обломка отъ украшеній.

ТАБЛИЦА XXXII.

554. Кусокъ витой изъ тонкой проволоки браслета.
555—568. Привѣски.
569. Ожерелье изъ бронзовыхъ привѣсокъ.
570—571. Двѣ пряжки.
572. Бронзовая четырехугольная пряжка отъ пояса.
573—575. Три бронзовыхъ привѣски.

ТАБЛИЦА XXXIII.

576. Крестообразная бронзовая фибула.
Подобная серебряная фибула найдена въ Курманскомъ могильникѣ.
577—580. Четыре обломка отъ привѣсокъ.
581—588. Восемь обломковъ отъ плоской шейной гривны.
589. Круглая бляха съ крестообразнымъ украшеніемъ.

ТАБЛИЦА XXXIV.

Видъ Старо-Рязанскаго городища.

Каталогъ Музея Таврической Архивной Коммисіи.

I. Древности, найденныя въ *Неаполисъ* (подъ Петровской слободкой г. Симферополя).

1) *Бусы* — въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, разной формы и равной величины, изъ халцедона, сердолика, горнаго хрустала, янтаря, кости, мѣла, лишиита, стекла (синяго, зеленаго, желтаго, дымчатаго и др. цвѣтовъ), и стеклянной массы. Последнія имѣютъ на себѣ разноцвѣтныя черточки, точки, шпички и кажутся мозаичными на подобіе тѣхъ, которыя производятся и до сихъ поръ въ Венеціи. Другія изъ египетской пасты — цвѣтовъ: голубаго, зеленаго, чернаго и синяго. Считается до ста образцовъ формъ бусъ: шаровидныя, цилиндрическія, ромбовидныя, иногда соединеныя по нѣсколько въ рядъ и образующія цѣлыя трубочки и т. д. Кромѣ того, между бусами попадаютъ просверленныя раковины, зубы и мелкія косточки. Наконецъ, въ Музеѣ имѣются: а) *пять* изображеній лежащихъ *львовъ*, б) *семь скарабеевъ* и нѣсколько привѣсокъ въ видѣ кулака изъ египетской пасты.

2) Изъ **золота**: овальная подвѣска съ гранатомъ и одно цилиндрическое украшеніе съ ушкомъ.

3) Изъ **бронзы**: 1) *39 браслетовъ* ножныхъ и ручныхъ — изъ проволоки, пластинки въ видѣ змѣйки, зубчатые и т. д. Въ числѣ ихъ — одинъ большойшейный, спиральный; 2) *20 колецъ* — изъ круглой проволоки и широкой пластинки; одни — съ камнями, другія — награвированныя, третьи — съ вырѣзанными на стеклѣ фигурами, большинство — гладкія, круглыя; 3) *76 фибулъ* — разнообразной величины и формы: тонкія, широкія, плоскія, съ насѣчкою, мозаикой и эмалью; 4) *Украшенія* — въ видѣ идольчиковъ съ ушкомъ, въ количествѣ *восьми* экз., въ видѣ шариковъ (20 штукъ), въ видѣ вазочекъ, ажурныхъ шариковъ (8 штукъ) топориковъ, висящаго замка, ягодъ съ ушкомъ и одинъ экз. всадника съ колчаномъ, служившимъ пряжкой для пояса; 5) *15 колокольчиковъ*: — круглыхъ и четырехугольныхъ; 6) *14—зеркалецъ*, съ ушкомъ или ручкой, разной величины, покрытыхъ композиціей изъ серебра; 7) *четыре* хорошо сдѣланныя *пряжки*; *два* маленькихъ ключа; 9) нѣсколько *наконечниковъ* стрѣлъ и 10) *восемь* серегъ изъ проволоки.

4) Изъ желѣза: 16 ножей, 4 наконечника копій, кольца, пряжки, 5 ключей, мечъ, пластинки отъ замка и задвижки.

5) Изъ серебра: фибула съ рельефными украшеніями.

6) Изъ глины: а) 35 плоскихъ блюдцевъ; одни изъ красной глины, другіе — изъ черной глины, грубой работы; б) 25 чашечекъ изъ красной и черной глины, съ узкими днами, весьма тонкой работы; в) 40 кувшиновъ разнообразной формы и величины, изъ красной, желтой и черной глины, съ однимъ или двумя ушками, съ узкимъ или широкимъ горлышкомъ; г) 8 горшковъ разной величины и формы; д) амфорныя ручки; е) каменная гиря съ дырою и ж) 20 верхушекъ отъ вертелей, разной формы.

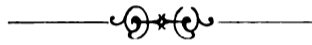
7) Изъ стекла: одинъ стаканъ и двѣ слезницы.

Изъ той же мѣстности имѣется въ Музеѣ: одна коробочка изъ кости, 4 оселка, одинъ кремневый наконечникъ стрѣлы, одна костяная игла и нѣсколько кусковъ краски (кармина, цинабра и охры), найденныхъ въ могилахъ; 21 черепъ, останки людей, кости и зубы животныхъ.

- II. Древности изъ Керчи: а) 14 бронзовыхъ вещей (зеркало, колокольчикъ, браслеты, медальоны, пряжки, перстни, стригиль, 5 наконечниковъ стрѣлъ, фибулы, ключъ и игла); б) 8 желѣзныхъ вещей (два ножа, мечъ, копье, фибула, кусокъ кольчуги, кусокъ панцырнаго нагрудника, обломки перстней съ стекломъ и сердоликами); в) 35 глиняныхъ вещей (амфоры, большія и малыя, кувшины, вазы съ рисунками, лекины, солонки, сосуды красной поливы, чашечки, флаконы, слезницы, алавастриды, грузила и лампочки); г) 7 стеклянныхъ вещей (4 флакона, 5 слезницъ, стаканъ и д); 15 номеровъ разныхъ вещей (точильные бруски, маски, фрукты, фигуры изъ алебаstra, кружки отъ веретень, обломки отъ саркофага, амфорныя ручки съ клеймами, алебастровыя украшенія).
- III. Изъ Камышизъ-Буруна: 4 бронзовыхъ наконечника стрѣлъ; 2—бусы, два маленькихъ мѣдныхъ полушарика, барельефъ съ изображеніемъ Медузы, 5 золотыхъ бусъ, 2 золотыя бляхи и 4 серьги.
- IV. Изъ Обиточнаго (Бердян. уѣзда): золотая пластинка съ изображеніемъ ногъ лошади, золотая проволока; костяная алавастрида, 130 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, три бронзовыхъ трубочки и обломки меча.
- V. Изъ Херсониса: обуглившаяся пшеница, куски мозаики, блюде, бляха, золотая пуговица и восковые слепки съ терракотовыхъ масокъ.
- VI. Изъ Старога Крыма: кусокъ кожи, которой былъ обшитъ покойникъ, шелковая матерія, куски доски отъ гроба, кости, плита съ крестомъ, мраморная плита съ арабскою надписью, и каменная ваза.
- VII. Изъ Каменки (Мелит. уѣзда): обломки амфоры, древняя амфора, замокъ и бронзовый наконечникъ стрѣлы.
- VIII. Изъ Мазанки (Симф. уѣзда) каменный молотокъ.
- IX. Изъ Матуша: 6 амфоръ отъ 25-ведерной до 5-ведерной величины, плита съ изображеніемъ ангела, часть плитки съ греческою надписью, буса, желѣзный топоръ, желѣзный крестъ, обуглившаяся пшеница и кувшинъ.

- X. Изъ *Теодосіи*: генуезская плита 1474 г. и двѣ мраморныя плитки съ армянскою надписью.
- XI. Изъ *Каралеа* (подъ Матуномъ, Симф. уѣзда), два мѣдныхъ кружка и два каменныхъ ядра.
- XII. Изъ *Киркла* (подъ *Бахчисараемъ*): кусокъ кожи, которой былъ обшить покойникъ и желѣзная скоба.

Въ Музеѣ имѣются также много монетъ, найденныхъ въ предѣлахъ Таврической губерніи.

Туркестанскій Музей въ Ташкентѣ.

Гр. Уваровой.

Бронзовый сосудъ, въ видѣ широко-вздутаго котла съ ручками, изъ подъ озера Иссикуля, общей скиѣской формы, переходящей въ сосуды, встрѣчаемые такъ часто въ Дагестанѣ.

Браслетъ золотой, изъ древняго г. Аксы, изъ витой гладкой проволоки съ утолщеніемъ къ центру.

Примѣчаніе: Г. Аксы (Ахсикетъ у арабскихъ писателей) расположенъ въ Ферганской области, на берегу Сыръ-Дарьи, въ Наманганскомъ уѣздѣ, въ 14 вер. отъ г. Намангана. Городъ разрушенъ и совершенно заброшенъ, но существовалъ при Илекахъ; впрочемъ сохранились цѣлыя улицы. Мѣстные кладовскатели находятъ подъ развалинами множество золотыхъ предметовъ, которые исчезаютъ безслѣдственно между народонаселеніемъ. Нѣсколько сосудовъ изъ той-же мѣстности и весьма изящныя привѣски изъ амандина имѣются въ частной коллекціи Таджика Акрамъ Аскарора.

Браслетъ изъ золотой пластинки, изъ той-же мѣстности (рис. 1), полный, значительнаго діаметра, передняя часть украшена чеканной работой скиѣскаго (?) дѣла;

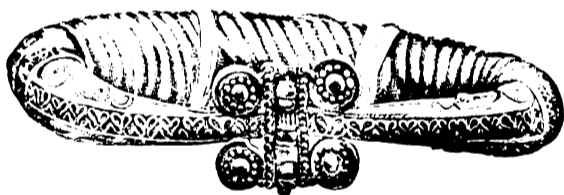

Рис. 1.

одна передняя часть откидная, на шарнерѣ, вѣроятно для большаго удобства при надѣваніи на руку.

4 Серьги золотыя, изъ той-же мѣстности, состоящія изъ листообразнаго завитка съ однимъ поворотомъ, подобныя тѣмъ, которыя имѣются на Кавказѣ и встрѣчаются на изображеніяхъ Коптскихъ женщинъ. Серьги эти имѣютъ значительный вѣсъ, потому что литы изъ мѣди и только обложены золотымъ листомъ.

Нѣсколько незначительныхъ перстней, золотыхъ, серебряныхъ и онисовыхъ, изъ той-же мѣстности, частью съ арабскими надписями.

Бусы, оттуда-же, большія, сердоликовыя, изъ фетштейна и топаза съ грубыми изображеніями скорпионовъ, жуковъ и проч.; подобныя тѣмъ, которыя встрѣчаются такъ часто на Кавказѣ.

7 *Надгробныхъ камней*, изъ подъ Ташкента, темнаго цвѣта, неправильной формы и незначительныхъ размѣровъ, съ историческими надписями; напоминаютъ видомъ и размѣромъ Семирѣченскіе. Три изъ нихъ болѣе древніе, принадлежатъ могиламъ шейхъ-имамовъ и поставлены въ 123, 154 и 230 г. геджиръ.

5 *Браслетъ бронзовыхъ*, изъ неизвѣстной мѣстности, съ витыми прямыми рогами на концахъ; типъ новый и неизвѣстный. — См. табл. VII, № 21. (по каталогу).

Обломки стеклянной посуды, съ древняго Самаркандскаго городища, извѣстнаго подъ названіемъ „Афросіаба“. Оттуда-же: глиняные сосуды, лампочки, статуэтки, маскаронны изъ обожженной глины, греческаго типа. Оттуда-же *обломки поливной посуды* восточнаго рисунка и типа, напоминающихъ раскопки Сизова въ Сухумѣ.

Сосудъ глиняный, отсюда-же, поливной синій, въ формѣ широкой бутылки съ узкимъ горломъ. Вся окружность сосуда покрыта выпуклыми человѣческими фигурами въ ростъ, весьма разнообразными по формамъ и движенію; дно сосуда также съ рельефными изображеніями драконовъ, пожирающихъ оленей. Характеръ сосуда скиескій (?), въ высшей степени оригиналенъ и изященъ. — См. табл. VII, № 105. (по каталогу).

Саркофагъ глиняный, маленькихъ размѣровъ (напоминающій этрусскіе), найденный въ гробницѣ въ Нязбашъ, въ 20 вер. по дорогѣ въ Самаркандъ. Саркофагъ весьма грубой работы, сдѣланъ отъ руки и представляетъ, если позволено будетъ такъ выразиться, форму киргизской кибитки съ голубемъ на самой верхушкѣ. Незатѣйливыя украшенія фаса произведены острымъ инструментомъ по свѣжей глинѣ; вѣроятно тѣмъ-же способомъ, и весьма неправильно, отдѣлена крыша саркофага. Въ крышѣ и внизу главной части продѣлано пять маленькихъ отверстій, составляющихъ одно цѣлое съ орнаментомъ передней части саркофага. — См. табл. VIII, № 1.

Примѣчаніе: Подобные саркофаги были находимы Директоромъ Гимназій, Н. П. Остроумовымъ, около Ташкента въ пещерныхъ могилахъ, вырытыхъ въ лесѣ. Пещеры эти представляли, по его отзывамъ, видъ погребальныхъ камеръ или катакомбъ, съ полками по сторонамъ, на которыхъ и располагались саркофаги. Интересный фактъ, прослѣженный Остроумовымъ, что въ нихъ складывали не человѣческій пепель, какъ въ Этруріи, но кости очищенныя, или отдѣленныя отъ мяса, причеи иногда замѣчалось, что большія кости, не помѣщающіеся свободно въ столь маломъ помѣщеніи, предварительно ломались. Вѣроятно мы имѣемъ здѣсь новый примѣръ погребенія съ разчлененіемъ, на который было обращено вниманіе Гр. А. С. Уварова въ его статьѣ «О курганахъ близъ Дербента» (Труды V Археолог. Съѣзда въ Тифлисѣ). Вещей въ такихъ саркофагахъ не находятъ; череповъ пока не сохраняли и потому трудно опредѣлить народность или время этихъ могилъ.

Сосудъ, большой изъ свѣтлой глины (рис. 2), найденъ близъ Никольскаго поселка, около Ташкента, на землѣ Никифорова. Назначался онъ, вѣроятно, для перевозки на лошади, или ношенія на спинѣ, что и заставило сгладить, для большаго удобства, одну изъ его сторонъ.

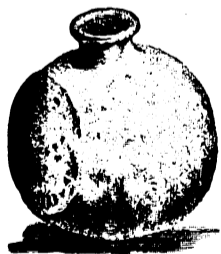

Рис. 2.

Рис. 3.

Сосудецъ, отсюда-же, изъ красной глины (рис. 3), въ видѣ удлиненной кружки съ звѣриной (бараньей) скиеской ручкою, напоминающей золотые сосуды имѣющіеся въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ Петербургѣ и въ Собраніи Гр. А. С. Уварова.

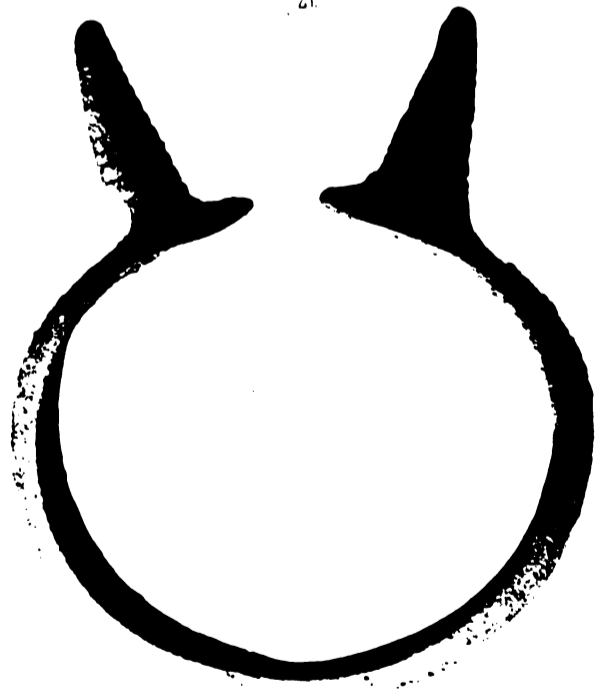
105.

105.

21.

Изъ музея Ярославскаго Археологическаго Съѣзда.

2.

3.

Фотогипсы Шерера, Набокова и Козьмова.

Обломок глиняной стѣнки большаго сосуда или саркофага, украшеннаго грубымъ изображеніемъ человѣка, напоминающаго своей манерой лепку и технику ребенка. Изображеніе это слыветъ въ Ташкентѣ подъ названіемъ „скинскаго“, но ничто въ немъ не оправдываетъ этаго названія. Обломокъ этотъ найденъ также на землѣ Никифорова. — См. табл. VIII, № 3.

Бронзовая литая нога верблюда, въ настоящую величину, найденная, по преданію, въ Самаркандѣ.

Гранитовый молотъ, неизвѣстно изъ какой мѣстности, но по формѣ близкій къ Кулпинскимъ, на Кавказѣ.

Примѣчаніе: Подобный же молотъ имѣется у Остроумова и найденъ въ 16-ти верстахъ отъ Ташкента, при вспашкѣ поля, въ направленіи къ Чинганскимъ горамъ; очень можетъ быть, что они подобно Кавказскимъ служили и здѣсь на соляныхъ ломкахъ.

Шестъ гранитовый, большихъ размѣровъ.

Кирка бронзовая, весьма грубой отливки.

Сосудъ бронзовый, изъ Аксы, съ птичьимъ клювомъ, одного рисунка и металла съ подобнымъ же сосудомъ изъ коллекціи Аскарова.

Множество *лампадъ*, между которыми особенно изящны двѣ бронзовыя, найденныя въ Ташкентѣ.

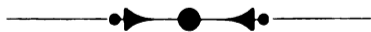
Каменная баба, вывезенная изъ Мерке, Ауліетинскаго уѣзда. — См. табл. VIII, № 2.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Первые листы статьи были уже отпечатаны когда получены новые два Каталога Собраній, которые не слѣдуетъ оставить безъ вниманія:

1. Первый изъ нихъ подъ названіемъ „*Историческій Очеркъ Уфимскаго Губернскаго Музея* съ подробнымъ описаніемъ его коллекцій“ (Уфа, 1891 г. 8-ая доля, 42 стр.) составленъ Членомъ Комитета Музея А. А. Пекеръ и составляетъ дополненіе къ выше сообщеннымъ свѣдѣніямъ о томъ же Музеѣ на стр. 272 и 273 статьи объ Областныхъ Музеяхъ.

2. Каталогъ *Самарскаго Публичнаго Музея* является совершенно неожиданнымъ пополненіемъ Отдѣла 10-го той-же статьи и подъ названіемъ Отчета Александровской Публичной Библіотеки въ Самарѣ, Залы Императора Александра II и Самарскаго Публичнаго Музея за 1890 г. (Самара, 1891 г., 8-ая д., стр. 46) даетъ намъ возможность ознакомиться съ предположеніемъ организаціоннаго Комитета, желающаго раздѣлить ново-открываемый Музей на отдѣлы: историко-археологическій, нумизматическій, минералогическій, геологическій, нумизматическій, зоологическій, ботанический, техническій, этнографическій, и кустарный.

Списокъ лицъ,

имѣющимъ коллекціи, составленный по свѣдѣніямъ полученнымъ отъ
Статистическихъ Комитетовъ.

Астраханская губ.

1. **Артемовъ**, Николай Ивановичъ, гор. Астрахань, собственный домъ.
2. **Игнатьевъ**, Александръ Флавіановичъ, гор. Астрахань, Александровская площадь, домъ Кузнецова.
3. **Сапожниковъ**, Алексѣй Александровичъ, гор. Астрахань, у Сапожникова моста, собств. домъ.

Бессарабія.

4. **Суручанъ**, Иванъ Кассіановичъ, гор. Кишиневъ.

Владимірская губ.

5. **Голышевъ**, Иванъ Александровичъ, Вязниковскій уѣздъ, мѣстечко Голышевка, чрезъ Мстерское почтовое отдѣленіе.
6. **Стромиловъ**, Николай Семеновичъ, гор. Владимиръ.
7. **Добрынкинъ**, Николай Гавриловичъ, гор. Муромъ.
8. Свящ. **Веселовскій**, Константинъ Гавриловичъ, гор. Вязники.

Вологодская губ.

9. **Волоцкий**, Дмитрій Владиміровичъ, губерн. предводит. дворян., гор. Вологодскъ.
10. **Суворовъ**, Николай Ивановичъ, профессоръ, гор. Вологодскъ. Духовная семинарія.

Волынская губ.

11. **Баронъ де-Шодуаръ**, Янъ Максимилиановичъ, Житомирскій уѣздъ, мѣст. Ивницы.
12. Князь **Сангушко**, Романъ Станиславовичъ, Житомирскій уѣздъ, мѣст. Славута.
13. **Волошинскій**, Яковъ Яковлевичъ, гор. Ровно.
14. **Копровский**, Самуилъ - Юліушъ Осиповъ - Казимировъ, Ровенскій уѣздъ, въ с. Дяткевичахъ.
15. **Валевскій-Панинскій**, Брониславъ Юліановичъ, Ровенскій уѣздъ, с. Моквинъ.
16. Княгиня **Любомирская**, Ядвига, Кременецкій уѣздъ, с. Дермань.
17. **Люба-Радзимиинскій**, Сигизмундъ Владиміровичъ, чрезъ м. Ямполь, Кременецкаго уѣзда, с. Сивки.

Область Войска-Донского.

18. **Себряковъ**, Василій Михайловичъ, станція „Себряково“, Грязе-Царицынской ж. д.
19. **Поповъ**, Харитонъ Ивановичъ, гор. Новочеркасскъ.
20. **Черниковъ**, Степанъ Ивановичъ, гор. Новочеркасскъ, Александровская ул., соб. домъ.

Енисейская губ.

21. **Савенковъ**, Иванъ Тимоѳеевичъ, гор. Красноярскъ, Большая ул., д. Кудрявцевой.
22. **Еленевъ**, Алексѣй Сергѣевичъ, учитель, гор. Красноярскъ, Узенькая ул., домъ Осташевской.
23. **Мартьяновъ**, Николай Михайловичъ, гор. Минусинскъ.

Калужская губ.

24. **Симсонъ**, Павелъ Ѳеодоровичъ, директоръ гимназіи. Калужская гимназія.
25. **Чистоклетовъ**, Григорій Григорьевичъ, гор. Калуга, Никитская ул., собств. домъ.
26. **Булычевъ**, Николай Ивановичъ, гор. Мосальскъ, сельцо Пройдево, Жуковской вол.
27. **Комаровъ**, Сергѣй Алексѣевичъ, учитель Тарусскаго приходскаго училища.
28. **Благово**, Владиміръ Степановичъ, предвод. дворянства, гор. Мещевскъ.
29. **Бѣляевъ**, Ѳеодоръ, гор. Боровскъ.
30. **Меренковъ**, Василій, гор. Боровскъ.

Кіевская губ.

31. **Ильчицкій**, Лемель, гор. Кіевъ, Александровская ул., домъ Романчука.
32. Князь **Трубецкой**, Петръ Александровичъ, гор. Кіевъ, Десятинская ул., собств. д.
33. **Яценко**, Александръ Степановичъ, профессоръ, гор. Кіевъ, Трехъ-Святительская улица, собств. домъ.
34. **Терещенко**, Иванъ Николаевичъ, гор. Кіевъ, Бульварная ул., собств. домъ.
35. **Терещенко**, Александръ Николаевичъ, гор. Кіевъ, Бибиковский бульв., собств. домъ.
36. **Шахновецкій**, Моисей Нухимовичъ, г. Кіевъ, Бибиковский бульв., д. Горскаго, № 4.
37. **Хайновскій**, Іосифъ Ивановичъ, гор. Кіевъ, Крещатикская ул., домъ Барскаго.
38. **Богдановъ**, Иванъ Андреевичъ, гор. Кіевъ, Фундуклеевская ул., д. Косовскаго.
39. **Корчакъ-Савицкій**, Владиміръ Ивановичъ, гор. Радомысль, с. Яновка.
40. **Антоновичъ**, Владиміръ Бонифантьевичъ, профессоръ. Кіевскій университетъ.
41. **Праховъ**, Андріанъ Викторовичъ. Кіевскій университетъ.
42. **Лазаревскій**, Александръ Матвѣевичъ, членъ Кіевской Судебной Палаты.
43. **Кибальдичъ**, Турвонтъ Венедиктовичъ, гласный Кіевской городской Думы.
44. **Тарновскій**, Василій Васильевичъ, Нѣжинскій уѣздъ, мѣст. Качановка.

Ковенская губ.

45. **Довгирда**, Фаддѣй Михайловичъ, Россіенскаго уѣзда, имѣніе Племборгъ.
46. Графъ **Тышкевичъ**, чрезъ Ковно, Червонный Дворъ.
47. Графъ **Тышкевичъ**, Иванъ Михайловичъ, Поневѣжскій уѣздъ, стан. Биржи.
48. **Порозинскій**, Фаддѣй Доминиковичъ, Шавельскій уѣздъ.
49. Баронъ **Будбергъ**, Александръ Андреевичъ, Курляндская губ., станція Шелебергъ.
50. **Маркевичъ**, Петръ Ивановичъ, Ковенское Крѣпостное Интендантство.
51. Князь **Огинскій**, Богданъ Иринеевичъ, станція и имѣніе Ретово.

Костромская губ.

52. **Чалъевъ**, Иванъ Николаевичъ, гор. Кострома.
53. **Андронниковъ**, Павелъ Ивановичъ (редакторъ Костромск. Листка), гор. Кострома.
54. **Сафаровъ**, Имамъ, Костром. Подгородн. Татарской слободы, гор. Кострома.
55. Свящ. **Орловъ**, Геннадій, протоіерей Солигаличскаго собора, гор. Солигаличъ.

Курляндская губ.

56. **Крюгеръ**, Эдмундъ, учитель Реального училища, гор. Митава, Писарская улица, домъ Зальмансона, № 41.
57. **Бой**, Карлъ, учитель губернской гимназіи, г. Митава, Озерная ул., д. Крона, № 15.
58. Графъ **Кейзерлингъ**, Феодоръ, гор. Митава, Писарская ул., домъ № 5.
59. Графъ **Медемъ**, Фридрихъ, Туккумскій уѣздъ, имѣніе Альтауць.
60. Графъ **Медемъ**, Конрадъ, Туккумскій уѣздъ, имѣніе Ремтенъ.
61. Баронъ **Фонъ-деръ Роппъ**, Туккумскій уѣздъ, имѣніе Нейауць.
62. Баронъ **Фонъ-Фирксъ**, Павелъ, Туккумскій уѣздъ, имѣніе Лестенъ.
63. Баронъ **Фонъ-Функъ**, Феодоръ, Туккумскій уѣздъ, имѣніе Кайвенъ.
64. Баронъ **Фонъ-Функъ**, Газенпотскій уѣздъ, мыза Алмаленъ.
65. Баронъ **Шепингъ**, Баусскій уѣздъ, имѣніе Борнсмюнде.
66. **Линденбергъ**, Я., Тальсенскій уѣздъ, усадьба Уде.
67. Пасторъ **Биленштейнъ**, Митавскій уѣздъ, мѣст. Доблино.

Ломженская губ.

68. **Глегеръ**, Сигизмундъ Яновичъ, чрезъ гор. Бѣлостокъ, Гродненской губ., въ мѣст. Ежово, Ломженской ч.

Минская губ.

69. **Татуръ**, Геврихъ Христофоровичъ, гор. Игумень, чрезъ Игуменское уѣздное Полицейское Управление.
70. Графъ **Радзивиль**, въ мѣст. Нѣсвижъ.

Могилевская губ.

71. **Хмызовскій**, Северинъ Александровичъ, Рогачевскій уѣздъ, станц. Лѣсовая-Буда.

Нижегородская губ.

72. **Карелинъ**, Андрей Осиповичъ, Малая Покровка, домъ Башкирова.
73. Свящ. **Кармазинскій**, Александръ Васильевичъ, Большая Перекрестная ул., домъ Тарасовой, на Ярилъ.
74. **Зененко**, Семенъ Николаевичъ, Большая Печерка, соб. домъ.
75. **Брызгаловъ**, Иванъ Васильевичъ, Большая Ямская, домъ Молніева.
76. **Гардеръ**, Егоръ Егоровичъ, Большая Покровка, домъ Макѣва.

Пермская губ.

77. **Теплоуховъ**, О. А., Пермскій уѣздъ, село Ильинское.
78. **Шоринъ**, Дмитрій Петровичъ, Нижній Тагиль.
79. **Дмитріевъ**, Александръ Алексѣевичъ, учитель, г. Пермь.
80. Свящ. **Задоринъ**, Михаилъ, гор. Пермь.
81. **Голубцовъ**, Владиміръ Владиміровичъ, Красноуфимскаго уѣзда, с. Александровское.

Полтавская губ.

82. **Мазараки**, Сергѣй Аркадьевичъ, Роменскій уѣздъ, хуторъ Поповка.
83. **Скаржинскій**, Николай Егоровичъ, Лубенскій уѣздъ, деревня Круглики.
84. **Фонъ-деръ Лауницъ**, Александръ Васильевичъ, Константиноградскій уѣздъ, село Медвѣдовка.
85. **Кн. Кантакузенъ-графъ Сперанскій**, Михаилъ Родіоновичъ, Директоръ Деп. Дух. Дѣлъ Иност. Исп.; Золотоношскаго уѣзда, мѣст. Великая-Буромка.
86. **Айгустова**, Марія Григорьевна, Прилукскій уѣздъ, хуторъ Заимка.
87. **Дроздовскій**, Илларионъ Ивановичъ, Прилукскій уѣздъ, хуторъ Иценковой.
88. **Раковичъ**, Андрей Егоровичъ, Прилукскій уѣздъ, село Радьковка.

Псковская губ.

89. **Сутговъ**, Эдуардъ Романовичъ, город. голова, гор. Псковъ.
90. **Богушевскій**, Николай Казиміровичъ, Псковскій уѣздъ, село Заполье, Славковской волости.
91. **Львовъ**, Леонидъ Алексѣевичъ, Новоржевскій уѣздъ, село Алтунъ.
92. **Бороздинъ**, Корнилій Матвѣевичъ, Новоржевскій уѣздъ, село Ладино.
93. **Чеченская**, Любовь Александровна, Новоржевскій уѣздъ, село Савкино.
94. **Фонъ-Мейеръ**, Иванъ Карловичъ, Новоржевскій уѣздъ, село Бордово.
95. **Обольяниновъ**, Петръ Александровичъ, Новоржевскій уѣздъ, село Крутцы.
96. **Любимовъ**, Николай Александровичъ, Новоржевскій уѣздъ, село Кошкино.
97. **Машневъ**, Василій Никитинъ, гор. Новоржевъ.
98. **Чихачевъ**, Николай Матвѣевичъ, генераль-адмиралъ, Новоржевскій уѣздъ, село Добрывичи.
99. **Графъ Строгоновъ**, Сергѣй Александровичъ, Порховскій уѣздъ, село Воышево.

Самарская губ.

100. **Алабинъ**, Петръ Владиміровичъ, гор. Самара.
101. **Путиловъ**, Александръ Аристарховичъ, гор. Самара.
102. **Князь Хованскій**, Юрій Сергѣевичъ, гор. Самара.

Смоленская губ.

103. **Князь Дондуковъ-Корсаковъ**, Алексѣй Михайловичъ, гор. Смоленскъ.
104. **Юзефовичъ**, Александръ Алоизіевичъ, гор. Смоленскъ.
105. **Ланинъ**, Петръ Ѳедоровичъ, гор. Смоленскъ.
106. **Писаревъ**, Семень Петровичъ, учитель, гор. Смоленскъ.
107. **Почтаревъ**, Павелъ Ѳедоровичъ, врачъ, гор. Смоленскъ.
108. **Свящ. Спиридоновъ**, Андрей, гор. Бѣлый.
109. **Смирягинъ**, Александръ Ивановичъ, землевладѣлецъ, Бѣльскій уѣздъ.
110. **Римско-Корсаковъ**, Сергѣй Михайловичъ, Приставъ 2 стана, Бѣльскій уѣздъ.
111. **Грековъ**, Иванъ, Бѣльскій уѣздъ, Егорьевская вол., село Жадрино.

Тамбовская губ.

112. **Вышеславцевъ**, Левъ Владиміровичъ, предс. Земск. Управы, гор. Тамбовъ.
113. **Тулушевъ**, Николай Григорьевичъ, врачъ, гор. Тамбовъ.

Тифлисская губ.

114. Князь **Андрониковъ**, Захарій Евсеѣвичъ, село Мелаани, Сигнахскаго уѣзда, чрезъ гор. Сигнахъ.
115. Князь **Андрониковъ**, Зоза Дониковичъ, село Кочрети, Сигнахскаго уѣзда.
116. Князь **Эристовъ**, Георгій Ростомовичъ, гор. Тифлисъ, собст. домъ.
117. Князь **Эристовъ**, Давыдъ Георгіевичъ, гор. Тифлисъ, собст. домъ.

Тобольская губ.

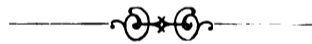
118. **Знаменскій**, Николай Степановичъ, гор. Тобольскъ.
119. **Мамѣвъ**, Степанъ Николаевичъ, штабсъ-капитанъ Тобольскаго кадр. резерви. баталіона, гор. Тобольскъ.

Эриванская губ.

120. **Гасіевъ**, Аѳанасій Абрамовичъ, гор. Александрополь.

Эстляндская губ.

121. Баронъ **Врангель**, Фридрихъ, гор. Ревель, Малая Перновская ул., соб. домъ.
122. **Глой**, Георгій, бургомистръ, гор. Ревель, собств. домъ.
123. Баронъ **Толь**, Гарольдъ, секретарь дворянства гор. Ревель.

Замѣчанія, вызванныя докладомъ гр. Уваровой.

И. Э. Лихачева.

Нужно ли говорить, что *музеи* имѣютъ весьма разнообразное назначеніе и могутъ преслѣдовать совершенно различныя цѣли, — это одно должно бы было исключить вовсе идею объ *общихъ* музеяхъ, всеобъемлющаго содержанія, точно такъ, какъ исключаетъ мысль объ единствѣ управленія. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго между музеями *образовательными*, какіе, наприм., необходимы при учебныхъ заведеніяхъ, — музеями *сельско-хозяйственными* и *торгово-промышленными*, музеями *техническими* и *прикладнаго искусства*, — наконецъ, музеями *чистаго искусства*, и музеями *историческими*, *археологическими* и проч.? По существу вещей, каждый родъ музеевъ приурочивается къ той или другой отрасли государственной или мѣстной администраціи; они принадлежатъ и несомнѣнно должны принадлежать разнымъ вѣдомствамъ и министерствамъ, — и о всеобщемъ единствѣ направленія, здѣсь, очевидно, не можетъ быть и рѣчи.

Съ другой стороны, по своему характеру, они могутъ быть или *замкнутые*, съ весьма ограниченою по существу дѣла сферою, какъ напр., музеи учебныхъ заведеній, или напротивъ того, *открытые* для всѣхъ, для всей массы публики и народа. Первые подчиняются и должны подчиняться вѣдомству, которому принадлежатъ учрежденія. Но графиня въ своемъ докладѣ, вѣроятно, имѣла въ виду, и хотѣла говорить только о послѣднихъ, т.-е. объ *открытыхъ* и собственно *публичныхъ* музеяхъ, ибо на частные, — принадлежатъ ли они вѣдомству Народнаго Просвѣщенія или какому другому, какъ, наприм., Дворцовому, подобно музеямъ, составляющимъ собственность Императорской Фамиліи, или наконецъ, на музеи частныхъ лицъ, вліяніе наше не можетъ простираться. Мы будемъ слѣдовательно, говорить только о *публичныхъ* музеяхъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и только о музеяхъ *историческихъ* и *археологическихъ*, конечно, ближе другихъ, интересующихъ насъ въ данномъ вопросѣ.

Но есть, однако, общія условія, которымъ долженъ удовлетворять всякій *публичный музей*, чтобы отвѣчать своему имени и своему назначенію. Первое изъ этихъ условій составляетъ *общедоступность* для всѣхъ и cadaго, безъ всякихъ исключеній

и стѣсненій. Довольно странно называть публичнымъ или общедоступнымъ такое мѣсто, куда не впускаютъ безъ *билетовъ*, и для входа въ которое надобно предварительно обращаться за разрѣшеніемъ или полученіемъ *билета*, въ какую-нибудь канцелярію или другую административную инстанцію и, слѣдовательно, какъ бы подвергаться нѣ-которому искусу и испытанію. Зачѣмъ это? и не противорѣчатъ ли эти стѣсненія, не идутъ ли въ разрѣзъ самой основной идеѣ, которая состоитъ въ томъ, что сокровища музеевъ собираются и хранятся для *пользы всѣхъ и каждого?* — и потому надобно и желательно, чтобы двери въ нихъ были широко раскрыты для всѣхъ и каждого. Но этого недостаточно; надобно еще и столь же желательно, чтобы посѣтители музеевъ могли пользоваться ими со всѣмъ возможнымъ удобствомъ и комфортомъ и допускать только такія стѣсненія, которыя необходимы для сохранности предметовъ и для того, чтобы посѣтители не мѣшали одни другимъ.

Въ томъ же духѣ, надобно желать, чтобы музеи были открыты сколь возможно болѣе времени. Закрытіе музеевъ по праздникамъ, наприм., не только не желательно при нашихъ нравахъ, но напротивъ того, противоположная мѣра могла бы имѣть высокое, нравственно-образовательное вліяніе. Въ теченіе же cadaго дня, надобно чтобы музеи были открыты *наибольшее* число часовъ. Это, при нашихъ короткихъ и часто темныхъ дняхъ, предполагаетъ необходимость допустить, чтобы они освѣщались. Опасность, при употребленіи *электрическаго* освѣщенія, какое введено во всѣхъ европейскихкихъ музеяхъ, которые освѣщаются по вечерамъ, уменьшена до *минимума* и во всякомъ случаѣ несравненно менѣе, чѣмъ опасность отъ печей и отопленія, безъ котораго, однако, въ нашемъ климатѣ обойтись невозможно. Освѣщеніемъ, какъ натуральнымъ, такъ и искусственнымъ, не надо скупиться, когда есть возможность и средства. Въ музеѣ главное стремленіе должно быть направлено къ тому, чтобы дать средство вполне и хорошо видѣть всѣ предметы, и потому слабое вечернее освѣщеніе въ музеѣ также не соотвѣтствуетъ и не выполняетъ цѣли, какъ маленькія и узкія — готическія или древне-русскія окна не годятся для дневнаго.

Надобно также, чтобы посѣтители находили необходимыя, хотя незатѣйливыя удобства для того, чтобы они могли оставаться въ музеѣ по-долго, сколько имъ захочется, безъ необходимости бѣжать вонъ, можетъ быть, для удовлетворенія только самой простой животной потребности. Во многихъ музеяхъ, въ Англии и въ Германіи есть простые, незатѣйливыя буфеты и рестораны, гдѣ можно удовлетворить голодъ и жажду, и могу прибавить, что много лѣтъ посѣщая эти заведенія, я не видѣлъ ни одного случая злоупотребленія или неудобства отъ этого. Надобно такъ же, чтобы въ залахъ были стулья или скамейки для отдыха, хотя бы въ ограниченномъ числѣ, чтобы пользованію духовной пищею не мѣшала физическая усталость.

Это все касается только внѣшней стороны устройства и многимъ можетъ казаться мелочью, но я думаю, что мелочи здѣсь очень важны и только очень большое къ нимъ вниманіе можетъ обезпечить успѣхъ дѣла. Прибавлю къ этому еще, что настаивая на общедоступности музеевъ, я не партизанъ однако, совершенно *безплатнаго* входа. Я думаю, что въ этомъ вопросѣ балансъ всѣхъ аргументовъ *pro* и *contra* находится на сторонѣ нѣкоторой (конечно, весьма *умѣренной*) платы. (Въ нашихъ

условіяхъ, не нужно бы, чтобы она была болѣе 15 или 20 коп., но *какая-нидубъ* плата за входъ, представляется со всѣхъ точекъ зрѣнія безспорно полезною).

Обращаюсь теперь къ внутреннему устройству. *Музей* тѣмъ и отличается отъ простаго собранія или коллекціи, что послѣдняя есть только хранилище, складъ и можетъ помѣщаться хотя бы въ хорошей кладовой, — лишь бы всѣ предметы были цѣлы и сохранны; *музей* же имѣетъ *образовательную* цѣль, и эту-то цѣль надобно во всемъ преслѣдовать при его устройствѣ. Въ *музее* надобно, чтобы желающіе осматривать и *изучать* выставленные предметы могли заниматься серьезно, покойно и не спѣша. Первое и главное условіе состоитъ, конечно, въ томъ, чтобы всѣ предметы были хорошо выставлены и освѣщены. Затѣмъ, надобно, конечно также, чтобы они были выставлены систематически, въ извѣстномъ порядкѣ и послѣдовательности, согласованныхъ съ *каталогами*.

И это приводитъ меня къ тому, что составляетъ собственно *душу* музея, что вноситъ жизнь и смыслъ въ вещи, которыя безъ того мертвы и ничего не говорятъ ни уму, ни сердцу зрителей. *Каталогъ* помогаетъ не только *видѣть*, но и *понимать* надлежащимъ образомъ предметы. Много условій требуется отъ хорошаго каталога. Я даже не встрѣчалъ еще ни одного, который казался бы мнѣ вполнѣ безупречнымъ, и который я могъ бы указать, какъ образецъ. Я расположенъ сдѣлать одно только исключеніе, въ пользу каталога архіерейской ризницы въ Ярославлѣ, сославленнаго гр. Уваровой. Въ этой маленькой книжкѣ, такъ много интересныхъ замѣтокъ, что я позволяю себѣ считать его въ этомъ отношеніи образцовымъ, но нашимъ музеямъ долго придется ждать чего-нибудь подобнаго: для такого труда нужно имѣть цѣлыя рудники разнообразныхъ, твердыхъ и положительныхъ знаній. Ограничиваясь въ этомъ изложеніи вообще болѣе внѣшнею стороною дѣла, замѣчу только, что каталогъ не можетъ представлять пространныхъ объясненій и то, что онъ даетъ, должно быть кратко, но ясно, точно и вѣрно и касаться всѣхъ главныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ каждый предметъ можетъ интересоваться.

Сверхъ того, каталогъ долженъ еще быть по возможности всегда *современенъ* и потому долженъ постоянно исправляться и дополняться, такъ чтобы всегда соответствовать и во всякую минуту представлять вѣрную опись дѣйствительнаго состоянія хранилища. *Какъ* это сдѣлать, я не могу входить здѣсь въ подробности, и согласенъ, что это довольно трудно, — но однако не невозможно, и я думаю, что есть система, которая можетъ удовлетворять этому условію.

Каталогъ долженъ быть спутникомъ cadaго посѣтителя, потому что *безъ* каталога, посѣщеніе музея или выставки не достигаетъ цѣли, но таскать съ собою и безпрестанно перелистовать иногда толстую книгу, неудобно — и потому весьма полезно имѣть въ каждой изъ залъ музея для употребленія публики по одному, или болѣе экземпляровъ соответствующей части каталога. Кромѣ того, по возможности при каждомъ предметѣ, — или (въ случаѣ небольшихъ однородныхъ вещей), по крайней мѣрѣ при каждой группѣ предметовъ, должна находиться тутъ же, въ шкафу или витринѣ, краткая объяснительная записка. Если каталогъ составленъ хорошо и рационально, то ничего болѣе не требуется какъ вырѣзать соответствующій § изъ ката-

лога; надобно только, чтобы шрифтъ былъ такой, чтобы его можно было разбирать безъ труда.

Но это еще не все: какъ бы хорошъ и полонъ ни былъ каталогъ, но онъ можетъ, даже въ самомъ благопріятномъ случаѣ, дать только одно общее, и потому всегда болѣе или менѣе неопредѣленное и неполное понятіе. *Музей* долженъ по этому дополняться соотвѣтствующею спеціальному его характеру, *спеціальною бібліотекою для справокъ*, что весьма различно отъ *бібліотеки для чтенія*. Надо понять, что это два совершенно разнохарактерныя учрежденія и сколько бы ни были скромны средства, которыми располагаетъ какой-нибудь городъ, какія бы кажущіяся выгоды соединеніе этихъ двухъ учрежденій ни представляло, — но на дѣлѣ, одно изъ нихъ всегда дѣйствуетъ въ ущербъ и губительно на другое, а весьма нерѣдко и то и другое чахнетъ и гибнетъ отъ ненатуральнаго союза. Но при каждомъ музеѣ, спеціальная справочная бібліотека, легко и безъ лишннихъ формальностей доступная для всѣхъ посѣтителей въ часы, когда музей для нихъ открытъ, — есть желательное и необходимое его дополненіе.

Точно также, — будь это въ самомъ помѣщеніи бібліотеки, или въ отдѣльной, смежной комнатѣ, — но необходимо для посѣтителей имѣть покойное мѣсто, гдѣ они могли бы заниматься во время своихъ посѣщеній: записывать ли свои замѣтки, или дѣлать выписки и справки, и т. п.

Изъ вышесказаннаго можно видѣть, что существуетъ, и я дѣлаю весьма большое различіе между собраніями или *коллекціями* и *музеями*. Можно также видѣть, что для того, чтобы организовать *музей*, нужно:

- 1) чтобы существовали прежде *коллекціи*;
- 2) чтобы имѣлось довольно просторное *помѣщеніе* (и предпочтительно совершенно отдѣльное, а не удѣленное только для музея въ какомъ-нибудь другомъ зданіи, ибо въ первомъ случаѣ лучше обеспечивается какъ соотвѣтственность внутреннего размѣщенія и устройства, такъ и самая прочность существованія музея);
- 3) чтобы были достаточныя средства на *содержаніе* и *ремонтъ*, освѣщеніе, отопленіе, и проч.;
- 4) такія же средства на содержаніе и жалованье *персонала*. (Въ составѣ персонала долженъ быть хотя одинъ человѣкъ, образованный, развитый и знающій, — и на жалованье этому лицу никакъ не слѣдуетъ скупиться и экономничать, а паче всего не рассчитывать на то, чтобы обязанности консерватора музея можно было кумулировать съ какими-нибудь другими обязанностями или службою, государственною или частною: надо, чтобы онъ посвятилъ себя всецѣло своей роли, — но одинъ компетентный человѣкъ можетъ замѣнить многихъ и сформировать вокругъ себя весь желаемый персонал);
- 5) Надо имѣть средства на приобрѣтеніе и выписку *книгъ*, — не такихъ, которыя можно случайно найти на мѣстѣ, а тѣхъ, которыя нужны по характеру музея, какъ дополненіе и объясненіе хранимаго въ немъ.

Изъ всего этого видно также, что даже и для небольшого и незначительнаго *музея* нужны средства довольно обширныя. Но иначе, — это будетъ только продол-

женіемъ того, что практикуется теперь: „младенческое играніе“, по выраженію Петра Великаго, и мы будемъ видѣть то тамъ, то тутъ, возникновеніе музеевъ, эфемерное существованіе которыхъ ничѣмъ не обезпечивается, завися часто отъ энергіи или пассіи одного случайнаго любителя и оканчивающагося обыкновенно съ переводомъ этого любителя на службу въ другую губернію.

Спрашивается, кто же будетъ давать средства на заведеніе и содержаніе музеевъ и кто можетъ давать ихъ? и я не нахожу другого отвѣта, какъ: *города*. Если музеями нѣкоторыхъ другихъ категорій, наприм. *сельско-хозяйственными, техническими* или *промышленными* могутъ интересоваться цѣлыя области и земства, — то музеи *историческіе* и *археологическіе*, также какъ музеи *чистаго искусства* служатъ удовлетвореніемъ гораздо высшихъ, духовныхъ потребностей, потребностей которыя могутъ имѣть мѣсто преимущественно въ населеніи городскомъ, которое, говоря вообще, стоитъ на высшей степени развитія и въ которомъ скорѣе можно допустить аппетитъ къ духовной пищѣ, чѣмъ въ сельскомъ народонаселеніи, у котораго нѣтъ на это обыкновенно ни потребности, ни времени.

Итакъ надо предоставить инициативу городамъ и городскимъ управленіямъ. Это ихъ дѣло и ихъ право. Если я не хочу, чтобы и самага бѣднаго впускали въ музей *безъ денегъ*, то тѣмъ менѣе я склоненъ допустить, чтобы правительство напримѣръ, взялось облагодѣтельствовать города и *даромъ* навязывать имъ музеи. Но дѣло другое, если понадобится только *помочь*, поддержать здоровую въ самой себѣ и полезную для страны и для народа инициативу. Это несомнѣнно принадлежитъ къ сферѣ правительственной дѣятельности. Если правительство оказываетъ дѣятельную поддержку и покровительство матеріальнымъ интересамъ промышленности когда они по важности своей того заслуживаютъ, то не можетъ оно оставаться безучастнымъ къ духовнымъ интересамъ народа, къ развитію въ немъ болѣе живаго чувства патріотизма и привязанности къ отчизнѣ и ея дорогому прошедшему, т.-е. къ тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдуются и музеями, о коихъ идетъ рѣчь. Посмотримъ же, что и какъ оно можетъ сдѣлать. Я долженъ сознаться, что прямое официальное вмѣшательство правительства въ это дѣло, при преобладающей въ нашей администраціи формалистикѣ, мнѣ кажется не желательнымъ и можетъ быть даже вреднымъ*). *Форма* мертвитъ, а *духъ* живитъ и спасаетъ; *духъ* живой и горячей любви къ предмету, соединенный съ *знаніемъ* (я какъ будто говорю о графѣ А. С. Уваровѣ), вотъ что намъ нужно, и оглядываясь вокругъ, я нигдѣ не вижу и не нахожу болѣе счастливаго соединенія этихъ условій какъ въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, и такъ какъ отъ его предсѣдателя исходитъ инициатива, то ему прилично предоставить и дѣйствіе. Но въ чемъ же оно должно заключаться?

Мы знаемъ, что самъ Государь благосклонно смотритъ на вопросъ о провинці-

*) Я могу по этому поводу прибавить, что я знаю, что есть частные собиратели, которые это скрываютъ и неохотно въ томъ сознаются, стараясь оставаться неизвестными, — какъ будто бы собирателемъ было чѣмъ-нибудь предосудительнымъ и неблаговиднымъ, — потому что они боятся даже и тѣни какой-нибудь регламентаціи и вмѣшательства правительства въ ихъ мирныя занятія. Какъ ни мало основательны такіа опасенія, но мы не можемъ закрывать на нихъ глаза.

альныхъ музеяхъ, и слѣдовательно, въ разработкѣ этого вопроса можно надѣяться встрѣтить симпатическую поддержку въ самыхъ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Но надо прежде всего въ *городахъ* и ихъ муниципалитетахъ пробудить сознание потребности и вкусъ къ подобнымъ учрежденіямъ. Вѣдь существуетъ же у нихъ наприм. убѣжденіе, что большимъ городамъ надо имѣть *театры* и потому строятъ большія и красивыя зданія, которыя большую часть времени стоятъ пустыми. (Я думалъ объ этомъ въ Ярославлѣ, глядя двѣ недѣли на Ярославскій театръ, который приходился какъ разъ передъ моими окнами). Разъ что потребность будетъ сознаваема и города начнутъ сами серьезно что нибудь дѣлать и затрачивать свои капиталы на ученые коллекціи и музеи, тогда и высшее правительство можетъ прийти къ нимъ на помощь, на томъ совершенно практическомъ принципѣ, qu'on ne grève qu'aux riches. Такъ дѣлается и относительно промышленныхъ предпріятій, только когда предпріятіе достигло уже значительнаго развитія и дало доказательства своей собственной силы, — тогда и правительство и частныя лица являются ему на подмогу. Никому же въ голову не придетъ давать бѣдному и безсильному. — Но кто будетъ судить объ этомъ и распредѣлять помощь и пособія правительства? Кто будетъ компетентнымъ судьей относительно мѣры и своевременности этихъ пособій? Можно ли положиться въ этомъ на какое-нибудь существующее вѣдомство, — на Минист. Народн. Просв. что ли? Но по весьма знаменательному замѣчанію гр. Уваровой (замѣчанію, которое я сто разъ повторялъ самому себѣ), — *ни въ одномъ изъ университетовъ нашихъ нѣтъ еще и каведры археологич.**) Это даетъ мѣру авторитета, который археологія заслуживаетъ или которымъ она пользуется въ министерствѣ. Тѣмъ не менѣе археологія въ послѣднее время дѣлается все болѣе и болѣе популярною и приобрѣла уже такое значеніе въ общемъ мнѣніи, въ обществѣ, что и Минист. Народн. Просв. не рѣшится вѣроятно, положительно отвергать ея образовательное вліяніе. Въ этомъ положеніи, оно не отказало бы вѣроятно, да и не могло бы благопрістойно отказать въ нѣкоторой матеріальной поддержкѣ частнымъ усиліямъ на благо отечественной исторіи и археологич. и ея мѣстнымъ или провинціальнымъ музеямъ. Оно могло бы можетъ быть (безъ всякихъ для себя хлопотъ) отпускать извѣстную сумму одному изъ главныхъ и Высочайше утвержденныхъ Археологич. Обществъ, предоставивъ этому послѣднему распредѣленіе субсидій между второстепенными провинціальными обществами и музеями. Но справедливо ли будетъ вѣрить одному частному обществу судьбы и интересы всей отечественной археологич. И не можетъ ли такая мѣра быть причиной нѣкоторой односторонности направленія и поводомъ къ нѣкоторой ревности и розни — тамъ гдѣ все должно быть согласіе и единодушіе?

*) Это даетъ мнѣ поводъ замѣтить, какъ было бы полезно, если бы Археологич. Общества взяли по мѣрѣ своихъ силъ восполнить этотъ пробѣлъ въ научномъ нашемъ образованіи. При этихъ Обществахъ читаются отъ времени до времени случайные рефераты по разнымъ специальнымъ предметамъ. Но не было бы полезно устроить, независимо отъ этихъ рефератовъ, — и конечно это возможно сдѣлать не требуя очень большихъ средствъ и расходовъ, — публичныя лекціи (или курсы) о нѣкоторыхъ общихъ предметахъ, входящихъ въ составъ археологич. или тѣхъ или другихъ отраслей археологич. науки? Всѣ наши археологи сдѣлались археологами болѣе или менѣе *самоучкой* и ничто вѣроятно, не способствовало бы болѣе къ упроченію и развитію отечественной археологич., какъ нѣкоторая правильная, классическая подготовка.

Московское Археологическое Общество сдѣлало на поприщѣ отечественной археологіи многое чѣмъ оно можетъ гордиться. Ему обязаны существованіемъ Археологич. Съѣзды, создавшіеся по инициативѣ покойнаго гр. Уварова. Призваніе къ жизни двухъ мѣстныхъ Археологич. Обществъ есть также заслуга, которая никогда не забудется, — и если младшее изъ нихъ, еще только въ зародышѣ, а первое не поставлено, можетъ быть еще на надлежащую ногу, то это происходитъ отъ обстоятельствъ, съ которыми вездѣ и еще долго придется бороться, и доказываетъ еще разъ, что молодыя общества и учрежденія, нуждаются, и долго еще вѣроятно будутъ нуждаться въ содѣйствіи и подпорѣ извнѣ. Но какъ и откуда, и въ какой формѣ должна исходить и проявляться эта подпора? и тутъ мы опять прикасаемся къ самой щекотливой сторонѣ вопроса. Но мнѣ представляется слѣдующій исходъ.

Археологическіе съѣзды сдѣлались нынѣ уже твердымъ институтомъ. Они существуютъ уже болѣе 20 лѣтъ, и соединяютъ въ себѣ всѣ лучшія наличныя силы нашей археологической науки, и потому представляютъ всѣ удобства и гарантіи къ правильному и разумному контролированію и направленію мѣропріятій и расходовъ, дѣлаемыхъ на пользу отечественной археологіи. Слѣдовательно, программа начертывается, такъ сказать сама собою. Пусть правительство ассигнуетъ ежегодно, хотя вначалѣ можетъ быть и не очень большую сумму въ распоряженіе *Съѣздовъ* археологовъ. Въ этихъ собраніяхъ, къ участію въ которыхъ призываются всѣ силы отечественной археологіи, должно контролироваться и дѣлаться общее распределеніе ассигнуемыхъ средствъ, а затѣмъ ближайшее расходование и исполненіе предназначеній *Съѣздовъ*, пусть будетъ предоставлено по праву Московскому Археологическому Обществу и пусть будутъ ему же, какъ центральному органу *Съѣздовъ*, поручены всѣ сношенія съ правительственными мѣстами и учрежденіями, представленіе отчетовъ, и проч. Предлагаемое разрѣшеніе вопроса, представляетъ еще ту выгоду, что оно избавитъ отъ опасности (чего Боже упаси) учрежденія какого-нибудь новаго управленія или министерскаго департамента и отъ сочиненія какихъ-либо уставовъ и законоположеній, которыхъ надо еще болѣе бояться, какъ намъ было показано на Ярославскомъ Съѣздѣ убѣдительнымъ примѣромъ закона, который *монеты* съ XIII вѣка предписываетъ считать *новѣйшими* (!), — закона, дѣйствующаго уже полстолѣтія!

Остается можетъ быть поговорить еще о томъ, какъ расходовать деньги, или какими принципами слѣдуетъ руководствоваться при распределеніи расходовъ. Повторю еще разъ, что деньги можно давать производительно только богатымъ и сильнымъ, и потому, говоря только совершенно общимъ образомъ (на практикѣ могутъ и должны встрѣчаться почти постоянныя отступленія отъ общаго правила), — я считалъ бы справедливымъ распредѣлять пособія и субсидіи примѣрно *пропорціонально* тому, сколько сами различныя общества и учрежденія могутъ или расположены тратить на дѣло науки. Богатымъ и щедрымъ — большія пособія; бѣднымъ и скупымъ — малыя. Но для того и нужно существованіе посредствующей инстанціи (какою я предполагаю Археолог. Съѣзды и Москов. Археолог. Общ.), чтобы распределеніе суммъ дѣлалось не машинально, а было довѣрено людямъ, стоящимъ близко къ археологіи и знакомымъ со всѣми ея отраслями и всѣми надобностями, которые не должны

быть стѣснены какою-нибудь произвольно-принятою и мертвою нормою, а давать тамъ, гдѣ нужно и въ тѣ моменты, когда можетъ быть именно нужно, чтобы помощь приходила своевременно, а не какъ горчица послѣ ужина.

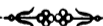
1) Но прежде чѣмъ заботиться о музеяхъ, необходимо подумать о *коллекціяхъ* и *собраніяхъ*, ставя „содержимое“ впереди „содержащаго“. Конечно, въ обязанности Археологическихъ Обществъ слѣдить за новыми открытіями и находками, какъ дѣлаютъ частные коллекціонеры, которые имѣютъ своихъ агентовъ и развѣдчиковъ вездѣ, — спасать наприм., частныя коллекціи отъ разсѣянія, послѣ смерти ихъ собирателей и т. п., пользуясь всякимъ случаемъ, — и вотъ тутъ могутъ быть кстати и умѣстны быстрая помощь и содѣйствіе, на которыя невозможно рассчитывать, если средства и субсидіи исходятъ непосредственно отъ правительства. Итакъ, прежде всего заботиться объ обогащеніи и сохраненіи существующихъ *мѣстныхъ коллекцій и собраній*. (Въ этомъ духѣ можетъ быть нужно допустить, чтобы нѣкоторая часть суммъ тратилась прямо на *раскопки*, въ особенности когда таковыя представляются особенно интересными или желательными, — но я могу здѣсь только упомянуть объ этомъ. Вопросъ о нѣкоторомъ регулированіи и регламентаціи *раскопокъ* такъ обширенъ и сложенъ, что конечно, его надобно разбирать отдѣльно).

2) Посредствомъ нравственнаго вліянія возбуждать въ городскихъ управленіяхъ инициативу къ обращенію мѣстныхъ коллекцій и собраній въ *публичныя музеи*.

3) Являются въ этихъ случаяхъ съ своею, во-первыхъ, *моральною помощію*, со-вѣтомъ и указаніями для лучшаго устройства музея, распределенія предметовъ, выбора книгъ для составленія необходимыхъ библиотекъ при музеяхъ; рекомендовать лицъ, способныхъ заняться устройствомъ такихъ учрежденій и ихъ управленіемъ, и пр. — и наконецъ,

4) Когда городскія общества и управленія примутся сами за дѣло серьезно, когда они дадутъ какіе-нибудь залогомъ и доказательства, что предпріятіе ихъ представитъ достаточныя задатки прочности, а не есть только нѣчто спазмодическое и эфемерное, — тогда приложить и *матеріальное содѣйствіе*, въ видѣ ли единовременныхъ пособій, или постоянной государственной субсидіи.

По этой программѣ, въ кругъ занятій Археолог. Съѣздовъ войдетъ обязательное попеченіе о преуспѣяніи всей отечественной археологіи и общее направленіе ея дѣятельности, а Москов. Археолог. Общество будетъ исполнителемъ общихъ предначертаній Съѣздовъ. Оба эти учрежденія совмѣстно сдѣлаются не начальствомъ, а патрономъ, покровителемъ мѣстныхъ археологическихъ учрежденій и музеевъ и посредникомъ между ихъ нуждами и правительственною властію, до которой, какъ извѣстно, высоко и далеко малымъ и начинающимъ свое поприще.

Объ устройствѣ провинціальныхъ Музеевъ и основаніи Общества охраны національныхъ памятниковъ.

И. Э. Лихачева.

„...Необходимо для страны, скажу болѣе — для счастья, здороваго и правильного развитія подрастающаго поколѣнія, чтобы оно росло въ уваженіи къ дѣламъ „своихъ праотцевъ, чтобы оно знакомилось, изучало и дорожило произведеніями русскаго искусства, проявленіемъ духа и мощи роднаго края и его насельниковъ!)“.

Горячая и неограниченная любовь къ родинѣ, со всѣмъ ея настоящимъ и прошедшимъ, есть первая и главная изъ гражданскихъ добродѣтелей и гражданскихъ обязанностей. Но самая искренняя любовь, если она не просвѣщена наукой и короткимъ знакомствомъ съ своимъ краемъ, и его исторіей и пониманіемъ его истинныхъ интересовъ, можетъ нерѣдко въ своихъ проявленіяхъ оказываться слѣпою и стольже неудобною — „медвѣжьею“, — какъ любовь медвѣдя къ пустынноку въ баснѣ Крылова. Наша собственная, какъ прошедшая, такъ и современная исторія обильна примѣрами, которые можно было бы припомнить въ подтвержденіе, если бы это было нужно. За наши ошибки и разочарованія въ внѣшней политикѣ нашего отечества, чему иному обязаны мы большею частію, если не невѣжеству ея руководителей, ихъ незнанію и непониманію прошедшаго историческаго развитія, этническихъ задачъ народа и духовныхъ вѣковыхъ стремленій его къ издавна намѣченнымъ историческимъ цѣлямъ? Отвергая а priori всякое подозрѣніе въ недостаткѣ патріотизма, только неспособностію или незнаніемъ и можно объяснять ихъ промахи, — промахи иногда губительные, которые выражаясь тысячами безплодныхъ жертвъ и потоками бесполезно пролитой крови, задерживаютъ историческое, законное развитіе и призваніе народа на долгое время и нерѣдко совсѣмъ его нарушаютъ. И на полѣ битвы не всѣ побѣды ведутъ къ выгодамъ одержавшаго ихъ, а въ рукахъ неумѣлыхъ дипломатовъ, самыя блестящія побѣды дѣлаются для націи горше пораженія. Обратясь къ внутреннимъ дѣламъ государства, не натываемся ли мы съ перваго шага, на подобныя же ошибки и заблужденія, и губи-

1) Графиня Уварова. Областные Музеи.

тельные колебанія государственной политики отъ одной стороны къ другой, — происходящія чаще всего такъ же не отъ чего иного, какъ отъ неполнаго или недостаточнаго знанія и пониманія прошедшаго страны, духа народа и отечественныхъ учрежденій, ихъ происхожденія и историческаго возрастанія и развитія? Можно, конечно, во всякой ошибкѣ и во всякой неудачѣ винить лица и во всемъ открыть такъ называемаго „козла отпущенія“, но лучше и полезнѣе подняться выше личныхъ соображеній, — и, если мы дадимъ себѣ трудъ только немного вникнуть въ сущность дѣла и обобщить нашъ взглядъ, то принуждены будемъ остановиться на одномъ общемъ фактѣ: частомъ повтореніи промаховъ, свидѣтельствующемъ о некомпетентности или неподготовкѣ дѣятелей, ихъ недостаточномъ или слишкомъ поверхностномъ знаніи страны и историческаго хода, и развитія политическихъ ея задачъ. Это научить насъ быть снисходительнѣе къ личностямъ. Онѣ виноваты можетъ быть болѣе всего только своимъ легкомысліемъ, позволяющимъ имъ хвататься за все, что имъ поручаютъ, — легкомысліемъ, объясняемымъ гѣмъ же ихъ незнаніемъ. Не отрицая ни въ комъ ни способностей, ни даровитости, надобно допустить, что тѣ же самые дѣятели могли бы при другихъ условіяхъ быть полезными слугами и благодѣтелями отечества, если бы они были просвѣщены короткимъ знаніемъ страны и народа, его потребностей и стремленій, и отечественной исторіи въ особенности. Ибо, допустивъ даже близкое знакомство съ настоящимъ (въ извѣстную минуту) положеніемъ какого нибудь вопроса, — это еще не будетъ достаточнымъ ручательствомъ, что не будетъ сдѣлано ошибки въ томъ, куда, въ какую сторону, слѣдуетъ его далѣе направлять. Настоящее положеніе всякаго вопроса внѣшней или внутренней политики есть, во всякомъ случаѣ, только кратковременный моментъ въ вѣковомъ историческомъ развитіи его. Безъ знакомства съ ходомъ этого послѣдняго, никто не въ состояніи догадаться ex-ргоптро въ чемъ можетъ заключаться слѣдующій историческій моментъ и въ которую сторону поэтому надобно отворять выходъ изъ настоящаго. Въ соціальныхъ задачахъ, — какъ въ физическихъ, — надо прежде всего заботиться о томъ чтобы уяснить себѣ, куда ведетъ природный законъ, и не стремиться бесполезно и неблагоприятно идти противъ теченія, а, напротивъ того, пользоваться природною силою теченія, направляя ее на нашу выгоду: въ политическомъ смыслѣ, помогать правильному, непрерывному развитію историческихъ задачъ внутреннаго благосостоянія и внѣшнихъ этническихъ стремленій народа. Какова бы ни была надобность во всякаго другаго рода знаніяхъ, но основательное и глубокое изученіе исторіи отечества, развитія внутренней его жизни и роста его учрежденій, можетъ одно только служить твердымъ и надежнымъ фундаментомъ для подготовленія надежныхъ и вѣрныхъ общественныхъ дѣятелей. Тамъ, гдѣ этого не достаетъ, надо въ своихъ неудачахъ и разочарованіяхъ винить не этихъ дѣятелей, а самихъ себя, если мы благовременно не заботились и не заботимся объ ихъ подготовкѣ. Если, на примѣръ, извѣстный лозунгъ: „православіе, единодержавіе и народность“ заключаетъ въ себѣ основные принципы высшаго правительства нашего и всей нашей гражданственности, то граждане, не вскормленные въ этихъ принципахъ съ самого дѣтства, не проникнутые ихъ духомъ въ исключеніе всякаго другаго, будутъ плохими исполнителями державной власти и невѣрными слугами въ государствѣ, сила и мощь котораго стоитъ и

утверждается на этих началах. Но историческое призвание великаго народа и многообразіе его духовныхъ стремленій трудно заключить въ сжатой формѣ, напоминающей рѣзкую краткость военной команды, и не въ столь короткихъ словахъ можетъ быть выражено все, что содержитъ въ себѣ духъ народа и особенности его самообразовательныхъ стремленій. Только положивъ основательное и разумное изученіе отечественной исторіи, ея постепеннаго развитія и переходныхъ фазисовъ въ основаніи всякаго гражданскаго воспитанія, можно надѣяться что будущія поколѣнія и будущіе дѣятели проникнутся любовью и уваженіемъ къ прошлому, пониманіемъ и чувствомъ своей солидарности съ дѣлами отцевъ и предковъ и наконецъ тѣмъ истинно-народнымъ духомъ, въ которомъ еще болѣе, чѣмъ въ многочисленности и матеріальной силѣ народа, заключается его духовная историческая мощь и призваніе въ развитіи общеміровой культуры.

Если ничто не ведетъ столь непосредственно и вѣрно къ образованію настоящаго гражданина, горячаго и сознательно-полезнаго слуги отечества и его интересовъ, какъ изученіе собственной отечественной исторіи, то надо вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что *археологія* есть единоутробная и старшая по возрасту сестра исторіи; изученіе и знаніе исторіи только по книгамъ, безъ изученія археологическихъ памятниковъ можетъ быть только смутнымъ и безжизненнымъ. Наконецъ, тамъ гдѣ собственно исторія съ ея письменными памятниками останавливается и куда не проникаетъ болѣе ея свѣтильникъ, тамъ археологія является на помощь: она дополняетъ и продолжаетъ исторію и расширяетъ ея границы.

Parlan le tombe ove la storia e muta.

Археологическіе памятники составляютъ поэтому драгоцѣнное національное достояніе, которое нравственно должно быть для насъ выше и дороже всего, ибо ставитъ насъ въ непосредственное соприкосновеніе съ жизнію нашихъ отцевъ и предковъ: это наше собственное прошедшее и единственное духовное наслѣдство наше отъ исчезнувшихъ поколѣній; заботиться и пецись о сохраненіи этихъ остатковъ не только для настоящаго, но и для грядущихъ поколѣній, представляется долгомъ для всякаго просвѣщеннаго, размышляющаго и чувствующаго сына своей родины.

Но для того, чтобы понимать важность значенія археологическихъ памятниковъ, заботиться и пецись о ихъ сохраненіи, не нужно быть самому ученымъ археологомъ. Всякій въ кругу своей жизненной дѣятельности, какъ бы скромнѣе ни былъ его удѣлъ, найдетъ не одинъ случай быть въ этомъ отношеніи полезнымъ. Но кругъ дѣятельности всякаго отдѣльнаго лица можетъ быть только крайне ограниченный и отъ частныхъ, личныхъ усилій нельзя ожидать многого, или чего нибудь соответствующаго размѣрамъ и обширности цѣли, если они не будутъ сплочены тѣснымъ союзомъ между собою и подчинены одному общему направленію и одной общей организаціи; безъ этого, отдѣльныя, разрозненныя усилія частныхъ лицъ не достигнутъ цѣли, пропадаая въ омутъ общаго равнодушія. Пробудить общественное мнѣніе отъ этого равнодушія, дать ему понять и прочувствовать важность значенія археологической науки и археологическихъ памятниковъ, не только какъ предметовъ просвѣщеннаго любопытства нѣкоторыхъ, — а какъ предметовъ имѣющихъ національный и государственный смыслъ и глубокое образовательное значеніе, — вотъ, слѣдовательно, высокая цѣль, къ которой надо идти.

Съ этой точки зрѣнія, прежде всего надо озаботиться о сохраненіи существующаго, — оградить археологическіе памятники страны и произведенія національнаго искусства отъ расхищенія и уничтоженія или отчужденія. Предметы эти могутъ находиться или въ казенныхъ или въ частныхъ рукахъ и быть государственною или частною собственностію, хотя право владѣнія въ послѣднемъ случаѣ не можетъ быть неограниченнымъ, какъ всякое частное право, пользование которымъ можетъ быть несогласно съ общими государственными или національными видами, и интересъ ихъ сохраненія для страны и для будущихъ ея поколѣній можетъ быть такъ великъ, что народъ, нація, не можетъ отъ него отказаться и оставаться индифферентною и равнодушною къ ихъ уничтоженію или разсѣянію. Кому же должно быть поручено это попеченіе объ охраненіи археологическихъ памятниковъ народнаго быта и исторіи, и произведеній національнаго искусства? На комъ должна лежать эта обязанность?

Очень естественно, что въ подобномъ случаѣ, когда дѣло идетъ о вопросахъ, имѣющихъ національное значеніе, мысль обращается а ргіогі къ правительству, какъ такому учрежденію, которое кумулируетъ и сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всѣ силы и средства страны. Итакъ, должно ли отдать все дѣло въ руки правительства, положиться, какъ во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ общественной жизни и дѣятельности, исключительно на его попечительную бдительность и только всеподданнѣйше ходатайствовать о его симпатическомъ участіи къ дѣлу, или объ изданіи недостающихъ для огражденія нашихъ древностей и музеевъ законоположеній и дѣятельномъ наблюденіи за ихъ исполненіемъ?

Нѣкоторое короткое размышленіе приведетъ, вѣроятно, къ заключенію о непрактичности такого способа разрѣшенія задачи. Правительство едвали пожелаетъ и едвали можетъ принять на себя роль непосредственнаго охранителя или кустада всѣхъ памятниковъ національнаго и локальнаго интереса. Такая роль правительства, если провести ее послѣдовательно, потребовала бы для исполненія многихъ сотенъ или тысячъ новыхъ служащихъ лицъ, что одно уже дѣлаетъ такое разрѣшеніе задачи, по моему мнѣнію, немислимымъ, не говоря уже ничего о внесеніи „мертвящаго духа“ канцелярской бюрократіи въ такое дѣло, которое прежде всего требуетъ оживленной и осмысленной дѣятельности личной инициативы. Археологическіе остатки и памятники національнаго искусства разсѣяны по всему широкому пространству нашего обширнаго отечества. Нѣтъ, можетъ быть, самого удаленнаго уголка его, который не заключалъ бы въ себѣ предметовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе важное научное и археологическое значеніе. Единственное средство наблюденія за ихъ цѣлостію и охраненіемъ заключалось бы для правительства въ организаціи новой и многосложной отрасли администраціи и цѣлой арміи новыхъ чиновниковъ, консерваторовъ, инспекторовъ и контролеровъ; безъ этого условія всѣ его мѣропріятія и законоположенія могли бы оказаться не дѣйствительными. Можно спросить себя, будутъ ли они болѣе дѣйствительны и цѣлесообразны даже и въ томъ случаѣ, если бы созданіе этой арміи новыхъ чиновниковъ не представляло затрудненій и сдѣлалось бы осуществившемся фактомъ? Не было ли бы это источникомъ возможныхъ злоупотребленій въ такомъ дѣлѣ, которое въ особенности открыто для злоупотребленій? Съ другой стороны, представляется конечно и

финансовая сторона дѣла. Во что обошлось бы содержаніе этихъ новыхъ тучъ чиновническаго сословія? Уже по этому только соображенію, прямое и непосредственное завѣдываніе казны или правительства археологическими памятниками оказывается неосуществимымъ даже и въ такихъ странахъ, которыя несравненно богаче насъ средствами и несравненно меньше пространствомъ.

Остается, слѣдовательно, обратиться къ свободной общественной дѣятельности и въ ней искать средствъ исполненія. Пусть всѣ, кому дороги памятники нашей исторіи и народнаго духа, сплотятся въ одно большое національное Общество, которое окинетъ своею заботливостію всю ширь нашей страны и возьметъ на себя отвѣтственность передъ лицомъ народа и правительства и передъ судомъ исторіи, о сбереженіи нашихъ памятниковъ и сохраненіи ихъ для будущихъ поколѣній. Роль и задача правительства въ этомъ случаѣ будетъ проста и ясна; какъ относительно всякаго полезнаго начинанія, оно должно его поддерживать и быть покровителемъ, но не организаторомъ и не распорядителемъ предпріятія.

Привлеченіе свободной общественной инициативы къ участию въ разрѣшеніи задачи обширнаго государственнаго и національнаго значенія не должно бы было и не можетъ, кажется, никому внушать недоверія. Мы имѣемъ передъ собою примѣры, убѣдительно доказывающіе, что такое вмѣшательство не только ни чему не вредитъ, а напротивъ того, приноситъ неисчислимо благодѣтельные результаты, и что свободная общественная дѣятельность можетъ слѣдовательно, благотворно и съ блестящимъ успѣхомъ развиваться параллельно съ дѣятельностію самого правительства, подъ его покровительственною эгидою. Достаточно указать на учрежденія: „Краснаго креста“ или „Общества спасанія погибающихъ на водѣ“ и т. п. Мы желаемъ учрежденія Общества „спасанія“ и охраны отъ уничтоженія нашихъ народныхъ памятниковъ и произведеній народнаго духа и искусства, и въ сущности, въ главныхъ по крайней мѣрѣ чертахъ, организованнаго по тѣмъ же образцамъ и на тѣхъ же самыхъ началахъ. Въ мысли учрежденія „Общества охраны національныхъ памятниковъ“ не заключается поэтому ничего необычнаго или существенно новаго. Указавъ на образецъ организаціи одного изъ упомянутыхъ учреждений, можно не входить здѣсь въ слишкомъ большія подробности относительно внутренней организаціи новаго Общества. Главною задачею этой послѣдней надобно съ самого начала поставить заботу о возможно широкомъ развитіи Общества, отъ чего будутъ зависѣть и его средства. При малочисленности и ограниченности средствъ оно ничего не сдѣлаетъ, но чѣмъ шире и многочисленнѣе будетъ составъ его, чѣмъ болѣе будетъ привлечено къ нему участіе провинціи, тѣмъ болѣе обеспеченъ дальнѣйшій успѣхъ. Поэтому, доступъ въ него не только долженъ быть, на сколько возможно, облегченъ и открытъ для всѣхъ, безъ различія сословія и общественнаго положенія, но должны быть приняты всѣ мѣры для привлеченія въ Общество наибольшаго числа участниковъ. Для поступленія въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества должно быть достаточнымъ представленіе двухъ изъ его членовъ, съ балотировкою въ открытомъ засѣданіи Общества или одного изъ провинціальныхъ его отдѣловъ и обязательство со стороны новаго члена платить исправно установленный взносъ и стараться, сверхъ того, по мѣрѣ силъ работать лично въ пользу цѣлей Обще-

ства, какъ-то заботиться о привлеченіи новыхъ членовъ; это одна изъ главныхъ обязанностей, отъ которой ни одинъ изъ членовъ Общества не долженъ имѣть предлога уклоняться. Было бы желательно членскій взносъ ограничить весьма незначительною суммою, какъ напр. 10 руб. въ годъ, — пожалуй даже менѣе, — но исправный взносъ этой суммы надобно сдѣлать (и не на бумагѣ только) непремѣннымъ и строго соблюдаемымъ условіемъ.

Существующія ученія Археологическія Общества вошли бы сами собою въ составъ „Общества Охраны“, и дѣйствительные (т.-е. платящіе) члены всѣхъ этихъ Обществъ могли бы считаться *de jure*, безъ дальнѣйшихъ формальностей, т.-е. безъ представленія и баллотировки, дѣйствительными членами „Общества Охраны“. (Это не предполагаетъ, конечно обратнаго права для членовъ „Охраны“ считаться членами Археологическихъ Обществъ). Эти послѣднія имѣютъ характеръ замкнутыхъ ученыхъ собраній, слѣдовательно, уже по этому самому, ограниченныхъ, какъ численностію, такъ и средствами. Дѣятельность ихъ имѣетъ по преимуществу академическое или кабинетное направленіе, между тѣмъ какъ дѣятельность проектируемаго „Общества Охраны“, должна по существу своему быть исключительно внѣшнею и практическою. Но какъ бы то ни было, преслѣдуемая ими цѣль — тѣ же самыя; спеціальныя же ученія познанія настоящихъ археологовъ дѣлаютъ ихъ участіе желательнымъ и драгоцѣннымъ для новаго Общества, а платежемъ членскаго взноса въ кассу Общества, къ которому они принадлежатъ, — они должны считаться уже исполнившими всѣ условія, которыя требуются для того, чтобы быть членомъ „Общества Охраны“. Такимъ образомъ логично допустить, что званіе члена одного изъ существующихъ Археологическихъ Обществъ даетъ несомнѣнное право принадлежать къ Обществу „Охраны“ и считаться его дѣйствительнымъ членомъ. За этимъ единственнымъ исключеніемъ, всѣ остальные члены Общества должны быть принимаемы въ него какъ сказано выше. Повторимъ еще, что доступъ въ члены этого Общества долженъ быть широко открытъ и только очень многочисленное (и потому сильное средствами) Общество можетъ рассчитывать на успѣхъ. Прибавимъ еще, что свободный доступъ въ Общество долженъ быть открытъ не только для соотечественниковъ, но и для иностранцевъ, интересующихся нашею археологіею и памятниками нашего искусства¹⁾).

Общество можетъ состоять изъ:

Членовъ-покровителей,
Почетныхъ членовъ,

¹⁾ Это также не есть какое-нибудь необычайное нововведеніе. Подобныя Общества, существующія съ тою же цѣлю въ другихъ странахъ, принимаютъ свободно иностранцевъ въ число своихъ членовъ, какъ я знаю изъ собственнаго опыта, и находясь самъ въ подобномъ положеніи, я уже по этому личному поводу не могу желать закрыть доступъ въ наше Общество иностранцамъ. Но независимо отъ этого соображенія, есть болѣе вѣскія причины не возбранять доступъ иностранцамъ въ «Общество Охраны» нашихъ памятниковъ. Не требуется никакого усилія чтобы допустить, что наши ближайшіе сосѣди и сродичи, какъ напр., австрійскіе Славяне могутъ чувствовать законный и искренній интересъ, котораго мы не можемъ не уважать, въ своихъ родовыхъ памятникахъ, находящихся въ юго-западномъ краѣ или Малороссіи, — или Финляндцы горячо интересоваться памятниками финскихъ племенъ, жившихъ и теперь еще живущихъ внѣ границъ великаго княжества финляндскаго. Неужели мы можемъ отвергать ихъ участіе въ охраненіи нашихъ сѣверныхъ памятниковъ, для изученія которыхъ они сдѣлали и дѣлаютъ конечно не менѣе, чѣмъ мы сами?

Дѣйствительныхъ (платящихъ), и
Членовъ-сотрудниковъ.

Въ высокой средѣ Высочайшихъ Особъ, членовъ Императорскаго Дома, нѣкоторые изъ этихъ Высокостоящихъ лицъ показали на самомъ дѣлѣ, что Ихъ интересуетъ археологія и родственные съ нею предметы. Они не откажутся быть *Покровителями* Общества. Открытое сочувствіе и могущественное заступничество передъ правительствомъ этихъ лицъ будутъ драгоцѣнны рождающемуся Обществу, какъ при самомъ его образованіи, такъ и впослѣдствіи, для дальнѣйшаго непрерывнаго его процвѣтанія.

Званіе *Почетныхъ* членовъ могло бы быть присвоваемо только тѣмъ лицамъ, которыя дѣйствительно оказали особенныя выдающіяся услуги для цѣлей Общества, или особенно значительными денежными пожертвованіями, или другими своими дѣлами.

Дѣйствительными членами будутъ считаться всѣ лица обоого пола, правильно избранныя и регулярно платяція ежегодный взносъ, или представившія въ замѣнъ его единовременно сумму, которая, — говоря примѣрно — не должна быть менѣе 10 годовыхъ платежей, что, избавляя ихъ отъ ежегодныхъ взносовъ, давало бы имъ право быть пожизненными членами Общества.

Наконецъ званіе членовъ-*Сотрудниковъ* можетъ быть присвоено такимъ лицамъ, средства которыхъ не позволяютъ имъ платить даже и того весьма низкаго ценза, который будетъ установленъ для дѣйствительныхъ членовъ, но труды коихъ могутъ однако дѣйствительно принести большую пользу для цѣлей Общества, и потому не слѣдуетъ отвергать содѣйствія и такихъ тружениковъ, хотя въ интересахъ Общества и желательно имѣть какъ можно болѣе платящихъ членовъ.

Цель Общества, кажется, достаточно ясно выражается и опредѣляется самымъ его названіемъ. Его не надо смѣшивать съ учеными Археологическими Обществами, которыхъ Общество „Охраны“ не призвано ни поглощать въ себѣ, ни заслонять собою, — а скорѣе помогать имъ и служить ихъ цѣлямъ. Не къ тому должно быть оно направлено, чтобы замѣнить какія-либо изъ существующихъ уже обществъ или учреждений, преслѣдующихъ родственныя цѣли, или мѣшать возникновенію новыхъ; напротивъ того, одно изъ главныхъ его стремленій должно состоять въ содѣйствіи и покровительствѣ свободному развитію всякой инициативы, не только общественной, но и частной, въ особенности въ провинціи, и можно думать, что общественныя и частныя усилія и попытки на этомъ поприщѣ только выиграли бы, если бы они получили увѣренность, что работа ихъ замѣчается и цѣнится во всей странѣ, какъ представляющая общій, національный интересъ, что они имѣютъ сочувственную поддержку въ высшихъ сферахъ и въ самомъ правительствѣ, и могутъ съ довѣріемъ опираться на большое національное Общество, которое своею широкою организаціею и своими мѣстными органами и отдѣлами, должно какъ сѣтью окинуть всю страну.

Подобныя ассоціаціи для охраненія національныхъ памятниковъ существуютъ въ другихъ государствахъ, и если дѣятельность ихъ не вездѣ получила полное развитіе, то тѣмъ не менѣе онѣ работаютъ въ своемъ направленіи съ очевидною пользою и осязательными результатами, и потому нѣтъ причины, почему такое же общество не могло бы существовать и у насъ. Но мы желали бы видѣть у насъ, если не теперь,

то въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, учрежденіе шире и сильнѣе организованное, соотвѣтственно государственному и историческому величію нашего отечества, какъ свидѣтельство могучей духовной потребности великой націи, высокоцѣнящей все свое родное и благоговѣйно почитающей свое прошедшее.

Чтобы дать энергическое движеніе началу образованія Общества, надобно было, конечно, прежде всего заручиться сочувствіемъ и опорой въ высшихъ сферахъ и эта первоначальная заручка должна предшествовать и быть исходною точкою всѣхъ послѣдующихъ начинаній. Получивъ увѣренность въ могущественной поддержкѣ и предварительное согласіе правительства на нѣкоторыя мѣропріятія, которыя потребуются и необходимы будутъ съ его стороны, Общество можетъ приступить къ своей внутренней организаціи, т.-е. образованію главнаго или центрального управленія и провинціальныхъ или мѣстныхъ своихъ отдѣловъ или комитетовъ. Скорѣйшее образование наибольшаго числа этихъ послѣднихъ во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ центрахъ и городахъ особенно желательно, ибо безъ мѣстныхъ отдѣловъ, Общество не можетъ правильно развить своей дѣятельности. Тогда только, т.-е. когда Общество будетъ болѣе или менѣе организовано, можно будетъ приступить и къ практической работѣ.

I) Кажется логичнымъ, чтобы практическая дѣятельность Общества началась съ приведенія въ точную извѣстность всѣхъ сохранившихся остатковъ историческихъ памятниковъ прежнихъ эпохъ и произведеній искусства, во всѣхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, — къ составленію „инвентаря“ археологическаго и эстетическаго имущества страны, заключается ли оно въ архитектурныхъ памятникахъ и развалинахъ, погребальныхъ сооруженіяхъ, курганахъ и могильникахъ, находящихся *in situ*, или въ коллекціяхъ и собраніяхъ, принадлежащихъ публичнымъ учрежденіямъ, провинціальнымъ музеямъ и частнымъ лицамъ. Конечно, работа подобнаго рода не можетъ въ началѣ имѣть даже претензіи на какую нибудь полноту, но мало по малу, съ неустанною настойчивостію, дружными усиліями мѣстныхъ дѣятелей, поддерживаемыхъ мѣстными комитетамъ и главнымъ правленіемъ общества, она приведетъ со временемъ къ желаемому и болѣе или менѣе полному результату, если, какъ надо надѣяться, ревность дѣятелей неостановится передъ обширностію труда и разбросанностію матеріала, а работа будетъ терпѣливо и безостановочно продолжаема, пополняема и исправляема.

II) Вмѣстѣ съ тѣмъ, и какъ часть той же работы, къ обязанности мѣстныхъ отдѣловъ должно быть отнесено составленіе мѣстныхъ или областныхъ археологическихъ картъ съ назначеніемъ на нихъ всѣхъ архитектурныхъ остатковъ и слѣдовъ, развалинъ городовъ и зданій, погребальныхъ сооруженій, кургановъ и могилъ, и произведенныхъ раскопокъ. Точное или приблизительное распредѣленіе эпохъ и составленіе историческихъ картъ по эпохамъ, послужить къ составленію общихъ археологическихъ картъ всей Россіи, а равно вошедшихъ въ ея составъ странъ и существовавшихъ въ предѣлахъ ея нынѣшняго пространства политическихъ и этническихъ особенностей.

III) На нравственной обязанности мѣстныхъ отдѣловъ должно затѣмъ лежать изысканіе мѣръ къ наилучшему сохраненію и сбереженію на будущее время мѣстнаго археологическаго матеріала, хотя для этой цѣли надобно безъ сомнѣнія имѣть также

возможность рассчитывать на симпатическое содѣйствіе мѣстныхъ властей и центрального правительства, и потому

IV) Одною изъ первыхъ заботъ главнаго правленія Общества должно быть выясненіе характера и степени участія и содѣйствія, на которое оно можетъ опираться со стороны правительственной власти и опредѣленію тѣхъ законодательныхъ мѣропріятій, которыя оно можетъ надѣяться исходатайствовать отъ этой послѣдней. Къ такимъ мѣрамъ могутъ относиться:

1) Ограниченіе права вывоза изъ страны памятниковъ національной археологіи и искусства.

2) Установленіе нѣкотораго контроля и ограниченія права частнаго владѣнія и передачи или перехода изъ рукъ въ руки памятниковъ и произведеній искусствъ, хотя и находящихся въ частномъ владѣніи, но представляющихъ національный интерес¹⁾.

III) Постановленія, ограждающія неприкосновенность архитектурическихъ памятниковъ, развалинъ, кургановъ и могилъ²⁾. Право производить въ нихъ раскопки, должно быть ограничено и регламентировано, — но конечно не такъ, чтобы мѣшать частной инициативѣ и ее парализовать, а только чтобы обезпечить нѣкоторый контроль и наблюдение надъ ея плодотворною производительностію. Такой контроль можетъ, съ успѣхомъ и безъ нежелаемаго стѣсненія, выполняться „Обществомъ Охраны“ и мѣстными его отдѣлами, когда учрежденіе достигнетъ надлежащаго развитія.

¹⁾ Съ государственной точки зрѣнія, безограниченное право частнаго владѣнія ни въ чемъ не можетъ быть безусловно допущено. При всемъ желаніи дать самое либеральное толкованіе и самую полную свободу частному праву, нельзя однако опустить изъ виду необходимаго условія, чтобы оно было поставлено въ невозможность практиковаться во вредъ общихъ, государственныхъ или национальныхъ интересовъ. Разъ, что будетъ признано, что археологическіе памятники и произведенія національнаго искусства представляютъ такой государственный или национальный интересъ, — а этого отрицать нельзя, — то изъ этого слѣдуетъ, что должны быть приняты мѣры къ ихъ сбереженію и сохраненію для націи и что они должны быть ограждены отъ частнаго произвола. Пояснимъ это включеніе однимъ только примѣромъ. Храмы (какъ православные и христіанскіе, такъ и всякой религіи) составляютъ конечно достояніе церкви, которой они принадлежатъ, но многіе изъ нихъ представляютъ и большой археологическій и эстетическій интересъ. Допустимъ ли, чтобы церковь — или ея мѣстные администраторы — имѣли право, не говоря уже отчуждать, передавать въ другія руки, принадлежащія имъ зданія или другіе предметы, а только безпрепятственно измѣнять и передѣлывать по своему усмотрѣнію, хотя бы основанному на разумныхъ соображеніяхъ и очень основательныхъ поводахъ, — археологическіе и архитектурическіе памятники, имѣющіе высокой національный и историческій интересъ? Что много весьма интересныхъ историческихъ памятниковъ погребло подобнымъ путемъ, — или испорчено и продолжаетъ портиться безвозвратно пеловкимъ и неумѣлымъ реставрированіемъ, — слишкомъ всѣмъ извѣстно. И чтобы подчеркнуть основательность этихъ опасеній, позволю себѣ рассказать только одинъ случай изъ своего личнаго опыта. Въ одно изъ недавнихъ еще посѣщеній Софійскаго собора въ Кіевѣ, я слышалъ своими ушами, какъ одна почтенная особа изъ числа духовенства собора, указывая на извѣстныя фрески свѣтскаго содержанія, изображающія сцены охоты, и т. п. и уцѣлѣвшія еще на стѣнахъ восточной лѣстницы на хорахъ, говорило: «Это конечно все языческія изображенія, которыя имѣть здѣсь непристойно и давно слѣдовало бы уничтожить; да мы впрочемъ надѣемся, что скоро такъ и будетъ... Я выслушала съ подобающимъ почтеніемъ это замѣчаніе, ничего на него не возражая, но сохраняя въ душѣ надежду, что желаніе это, можетъ быть, и исполнится...

²⁾ Если неприкосновенность нашихъ современныхъ, христіанскихъ кладбищъ и праха отцовъ и дѣдовъ нашихъ обезпечена и строго охраняется, — то кажется вполне логичнымъ, чтобы могли и болѣе отдаленныхъ предковъ нашихъ, хотя бы они были и не христіане, а только язычники, пользовались бы также нѣкоторымъ уваженіемъ и были такимъ же образомъ оборонены нѣкоторыми охранительными мѣрами, — и если интересъ научнаго характера заставляетъ насъ стать выше суевѣрнаго благоговѣнія передъ «прахомъ», — («земля» есть и въ «землю» обращается) — то именно въ этомъ научномъ интересѣ, законно желать, чтобы эти изслѣдованія не были дѣломъ правднаго любопытства или хищническаго корыстолюбія, а были бы дозволенными только на пользу народнаго просвѣщенія и археологическаго изученія старинныя нашего отечества.

4) Къ этимъ же задачамъ Общества, или главнаго его правленія, можетъ относиться разработка общаго „Положенія для Провинціальныхъ Музеевъ“, и ходатайство объ его утвержденіи правительствомъ, хотя въ настоящую минуту (имѣя въ особенности въ виду образованіе Общества), можетъ быть нѣтъ еще особенной надобности объ этомъ хлопотать, и полезнѣе можетъ быть ограничиться пока только поддержкою существующаго и стараться о томъ, чтобы насколько и гдѣ возможно, обезпечить ихъ самостоятельность и автономное развитіе, прежде чѣмъ стѣснять ихъ желаніемъ подвести подъ одинъ общій уровень и подвергнуть гнету „мертвящей официальности, которая такъ часто убиваетъ у насъ всякое доброе дѣло, всякую частную инициативу“. Если „Обществу Охраны“ суждено осуществиться, то конечно лучше ему предоставить это дѣло и подождать его осуществленія.

Вотъ и всѣ законодательныя мѣры, о которыхъ можно думать и справедливо ожидать отъ предусмотрительной попечительности правительства, но надо быть очень осторожнымъ въ формулированіи этихъ законовъ и горячо принимать къ сердцу стремленія и права частной инициативы, чтобы не стѣснить ея и не наложить искусственныхъ оковъ на этотъ плодотворный источникъ всякаго благаго начинанія.

Все, о чемъ мы до сихъ поръ говорили, относится только къ консервативной сторонѣ дѣятельности Общества. Если мы охранимъ на будущее время наши древнія церкви и палаты отъ слишкомъ усердныхъ реставрацій, если всѣ немногіе, еще уцѣлѣвшіе остатки древнихъ городовъ и городищъ и всѣ наши курганы и могильники были бы окружены каменными стѣнами или живымъ кордономъ, болѣе дѣйствительнымъ и строгимъ чѣмъ кордонъ пограничной стражи, если не только цѣлыя коллекціи, но и ни одна русская вышивка не будетъ уходить за границу незамѣченнымъ образомъ, если, наконецъ, всѣ свободныя помѣщенія въ общественныхъ зданіяхъ нашихъ губернскихъ и другихъ городовъ переполнятся разными коллекціями, — все это будетъ очень утѣшительно; береженіе нашихъ національныхъ памятниковъ и произведеній искусства будетъ болѣе или менѣе достигнуто, но это, однако, еще не все: сохраненныя и собранныя сокровища будутъ мертвымъ капиталомъ, если не будетъ обращено такое же вниманіе на извлеченіе изъ нихъ возможной пользы. Надо еще, чтобы сохраненіе ихъ имѣло смыслъ и цѣль. Цѣль эта — народное просвѣщеніе, и потому надо чтобы памятники, коллекціи и музеи дѣйствительно служили цѣли народнаго просвѣщенія. Съ одной стороны надобно, чтобы они были легкодоступны, не только для спеціальныхъ работъ ученыхъ, но и для удовлетворенія патріотическаго любознанія публики вообще, массы всего народа; надобно съ другой стороны, наконецъ, чтобы въ массы проникла потребность въ духовномъ общеніи съ своимъ прошедшимъ, съ произведеніями и духомъ національнаго искусства, если вѣрить, что... „необходимо для страны, для счастья, здороваго и правильнаго развитія подрастающаго поколѣнія, чтобы оно росло въ уваженіи къ дѣламъ своихъ праотцевъ, чтобы оно знакомилось, изучало и дорожило произведеніями русскаго искусства, проявленіемъ „духа и мощи роднаго края и его насельниковъ“.

Это составитъ другой фазисъ дѣятельности общества. Только такимъ его направленіемъ, практическимъ стремленіемъ къ цѣлямъ общепольности и популяризаціи,

может оправдываться, съ правительственной точки зрѣнія, и самое учрежденіе обширнаго національнаго Общества, и тѣ покровительственныя мѣры и новое законодательство, которыя могутъ быть для него собственно вызваны. Съ другой стороны только утилитарнымъ характеромъ своей дѣятельности Общество можетъ пробудить симпатіи и довѣріе къ себѣ и сдѣлаться въ глазахъ общаго мнѣнія необходимымъ факторомъ народной жизни. Когда публика, народъ, увидятъ осязательно, на дѣлѣ, полезныя для нихъ результаты этой дѣятельности, когда общее мнѣніе сознаетъ, что для духовной жизни народа, для духовнаго воспитанія возрастающихъ поколѣній, необходима такая духовная пища, тогда только общество охраненія національныхъ памятниковъ будетъ стоять на твердыхъ ногахъ и можетъ не тревожиться о своемъ собственномъ будущемъ. Главное дѣло будетъ сдѣлано. Провинціальныя музеи сдѣлаются жизненною потребностію всѣхъ сколько нибудь значительныхъ центровъ населенія и не погибнутъ, какъ они погибаютъ иногда теперь. Самые города будутъ также заботиться о нихъ, какъ они заботятся о школахъ и госпиталяхъ, или о предметахъ матеріальнаго благоустройства, мощеніи и освѣщеніи улицъ, проводкѣ воды, и пр.

Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, что одинъ хорошій наглядный и осязательный примѣръ можетъ дѣйствовать рѣшительнѣе на пробужденіе общаго мнѣнія, чѣмъ всѣ голословныя убѣжденія, сколь-бы горячи и краснорѣчивы они ни были.

Объ образовательномъ значеніи и образовательной роли Музеевъ говорится много и часто, но едвали большинство изъ самыхъ ревнителей устройства Музеевъ себѣ ясно представляетъ какъ эта роль имѣетъ практически исполняться¹⁾. Возьмемъ для примѣра одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ музеевъ, справедливо славящихся своимъ внутреннимъ богатствомъ, и посмотримъ что тамъ дѣлается. Открыты двери большаго и часто роскошнаго зданія. Праздность и любопытство привлекаютъ къ нему большее или меньшее число посѣтителей. Что ожидаетъ ихъ внутри? — Болѣе или менѣе обширныя залы, обыкновенно переполненныя массою самыхъ разнообразныхъ предметовъ, недостаточно видимыхъ, потому что одни заставлены другими, — недостаточно освѣщенныхъ въ прямомъ смыслѣ слова и нисколько не освѣщенныхъ, въ переносномъ смыслѣ. Предметы не имѣютъ объяснительныхъ надписей; каталогъ — иногда вовсе не существуетъ, а если и существуетъ, то обыкновенно уже устарѣль и отсталъ, и потому мало соотвѣтствуетъ своему назначенію; къ тому же, таскать съ собою иногда довольно толстую книгу и безпрестанно въ ней рыться, отвлекаетъ отъ прямаго наблюденія и утомляетъ большую часть посѣтителей, для которыхъ посѣщеніе музеевъ только развлеченіе, а не работа. Продолжительное стояніе на ногахъ — одно изъ самыхъ утомительныхъ положеній для тѣла, а при сколько нибудь сосредоточенномъ вниманіи,

¹⁾ Все, что говорится по этому поводу составляетъ болѣею частію повтореніе однихъ и тѣхъ же звучныхъ, но пустыхъ фразъ. Какъ образчикъ, позволю себѣ привести что читалъ я на этихъ дняхъ въ одной газетѣ, проповѣдывающей объ устройствѣ «музеевъ» въ одномъ изъ большихъ военныхъ городовъ нашихъ: «говорить о важности и пользѣ для учащейся молодежи и населенія... было бы совершенно излишне, (?) — это и безъ того каждому понятно, (?) но музей имѣлъ бы громадное воспитательное значеніе для нѣсколькихъ десятковъ тысячъ нижнихъ чиновъ, которые теперь досужее и праздное время проводятъ только въ питейныхъ заведеніяхъ (!)». Какъ будто такъ они всѣ и пойдутъ изъ питейныхъ заведеній въ «музей»... Мнѣ кажется что такая безразсудная болтовня не только не приноситъ пользы дѣлу, а вредитъ и компрометируетъ его.

глаза и мозгъ столь же быстро утомляются пестротой и разнообразіемъ предметовъ и впечатлѣній, — и результатомъ является весьма скоро утомленіе и усталость, при которыхъ дальнѣйшее напряженіе вниманія дѣлается не только бесполезнымъ, но вреднымъ усиленіемъ мозга. Не находя возможнаго отдыха внутри Музея, — ибо въ большей части этихъ заведеній не на чѣмъ и присѣсть, — посѣтитель, если онъ благоразуменъ, спѣшитъ вонъ, вздохнуть на чистомъ воздухѣ. И что же остается для него отъ такого посѣщенія? Приобрѣлъ ли онъ что нибудь для себя, или потерялъ? — Боюсь, что въ большей части случаевъ, результатъ бываетъ отрицательный; поверхностный осмотръ множества предметовъ не оставляетъ другаго впечатлѣнія кромѣ большаго утомленія тѣла и головы и ничто не потянетъ посѣтителя, на долгое по крайней мѣрѣ время, возобновить свою попытку. И такой результатъ добывается почти всегда. Исключеніе составляютъ можетъ быть тѣ немногіе Музеи, которые привлекаютъ въ особенности роскошью внѣшней обстановки или богатыя содержаніемъ картинныя галереи, доставляющія непосредственное удовлетвореніе присущей всѣмъ людямъ простой потребности къ эстетическому или чувственному наслажденію изящнымъ.

Такимъ образомъ, можно сказать что образовательная сила, заключающаяся въ Музеяхъ, чувствуется инстинктивно ихъ соперниками, но остается болѣе или менѣе мертвою потенциальною энергіею, которою надо еще умѣть воспользоваться и примѣнить къ дѣлу, — и въ этомъ направленіи не у насъ только, но, говоря вообще, и вездѣ сдѣлано пока очень мало, или почти ничего, — и потому образовательная, общепользная цѣль не достигается, и Музеи наши остаются дорогими, но сравнительно безплодными затѣями.

„Museums of themselves alone are powerless to educate“¹⁾.

Неудивительно потому, что и большинство общества, не усматривая практическаго ихъ значенія, остается къ нимъ холоднымъ и равнодушнымъ. Въ этомъ направленіи идеи, было бы послѣдовательнѣе и практически гораздо полезнѣе можетъ быть стараться пока не о размноженіи только числа музеевъ, а приложить усилія къ тому, чтобы усовершенствовать устройство имѣющихся, или привести по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, хотя бы одинъ только, въ такое нормальное состояніе благоустройства, чтобы онъ могъ служить образцомъ и примѣромъ, и возбудить охоту къ подражанію.

Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, можетъ служить „Музей“ и достигаетъ ли онъ какой-нибудь цѣли, если само общество, которому онъ принадлежитъ, должно признаться, что „... неудовлетворительность занимаемаго имъ помѣщенія не даетъ возможности сдѣлать его доступнымъ не только для публики, но даже и для членовъ общества“ (!)..., если „вновь поступившіе предметы не заносятся въ инвентарь“... и лежатъ „въ пакетахъ и связкахъ, не развернутыхъ со дня поступленія ихъ въ музей“ (по 15—20 лѣтъ!).

Въ моихъ глазахъ, держась первоначальнаго смысла и значенія названія „Музей“ (*μουσείον*) есть и остается прежде всего „храмомъ“ „музъ“, мѣстомъ служенія „мирнымъ богинямъ“, — мирныхъ занятій наукой или искусствомъ. Мѣсто, гдѣ этого „мир-

¹⁾ E. Forbes, On the educational uses of Museums.

наго служенія музамъ“ не производится и не можетъ производиться, по недостаточности обстановки и средствъ, приличнѣ называть просто складомъ, кладовой или хранилищемъ, — ибо, если оно ничего кромѣ хранилища болѣе или менѣ цѣнныхъ и интересныхъ вещей не представляетъ, то такъ ему слѣдуетъ и называться, уступивъ болѣе громкое названіе „Музеевъ“ тѣмъ только заведеніямъ, которые имѣютъ средства проявлять духовно-культурную дѣятельность и вліяніе, и могутъ такимъ образомъ имѣть болѣе основательную претензію на титулъ „храма музъ“. Собственно коллекціи составляютъ только матеріальный фондъ и матеріальное пособіе, основно необходимое при музейныхъ занятіяхъ, но сами собою не составляютъ еще и не исчерпываютъ всего, что необходимо для того, чтобы сдѣлать такіа занятія возможными и общедоступными. Каждое лицо, интересующееся и занимающееся наукой или искусствомъ, не можетъ имѣть въ своихъ рукахъ такихъ пособій, собраніе которыхъ достижимо соединенными усиліями общества и возможно только въ общественныхъ хранилищахъ: въ нихъ оно должно и искать этихъ пособій, и въ правѣ рассчитывать на это, а общество, (государство или правительство) повинно приготовить пособія и средства работы, недоступныя и немислимыя для частныхъ лицъ. Такимъ образомъ для духовной жизни народа, музеи имѣютъ такое же значеніе, какъ публичныя библіотеки. Какъ послѣднія представляютъ сокровищницы библиографическаго характера и такую массу литературныхъ пособій, какая недоступна каждому изъ гражданъ въ отдѣльности, точно также назначеніе музеевъ представлять средства и пособія наглядныя, не менѣ первыхъ необходимыя для умственнаго труда въ извѣстныхъ отрасляхъ знанія. Эти духовныя потребности становятся тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ выше культурное развитіе народа и конечно, столь же законны и основательны, какъ потребности матеріальныя. Общество въ коллективной своей формѣ (какъ бы она ни выражалась: высшее ли центральное правительство, или земскія и городскія управленія, и пр.) одинаково обязано заботиться какъ о матеріальныхъ потребностяхъ, объ улучшеніи устройства матеріальнаго быта и тѣлесномъ пропитаніи гражданъ, такъ и объ удовлетвореніи духовныхъ ихъ потребностей и приготовленіи здоровой духовной пищи для своихъ сыновъ. Оно строитъ по этому церкви для религіозныхъ потребностей гражданъ, школы для своихъ дѣтей, но для взрослыхъ — такую же потребность и духовную пищу составляютъ библіотеки и музеи. По этому, недовольно ограничиться простою „охраною“ своихъ національныхъ памятниковъ и собираніемъ археологическихъ коллекцій, какъ не довольно бы было ограничиться собираніемъ большаго числа книгъ и сложить ихъ болѣе или менѣ правильными кучами въ приготовленныхъ помѣщеніяхъ: надобно еще сдѣлать такъ, чтобы каждый могъ легко и удобно пользоваться ими и извлекать изъ нихъ для себя нужное; тогда только цѣль будетъ достигнута и библіотека получитъ смыслъ. То же справедливо относительно музеевъ, — но многое требуется еще сдѣлать для того, чтобы они достигали своей цѣли и исполняли ожидаемую отъ нихъ роль въ духовной жизни народа. Весьма немногіе изъ столь многочисленныхъ нынѣ въ образованномъ мірѣ музеевъ поставлены на высоту своего призванія.

Первое условіе, которому они должны бы были удовлетворять, составляетъ полная и наибольшая *общедоступность* ихъ для всѣхъ и каждого. Мы имѣемъ здѣсь

въ виду все время только *публичные* музеи и интересы всего народа. Если бы дѣло шло только объ удобствѣ и облегченіи занятій для нѣсколькихъ классныхъ или профессиональныхъ ученыхъ и художниковъ, то не стоило бы вѣроятно затѣвать столь обширной національной организаціи. Но наши цѣли простираются шире и выше. Мы хотимъ заботиться объ общемъ просвѣщеніи всего народа, и слѣдовательно, должны имѣть въ виду — всю публику, а не одинъ только какой-нибудь исключительный или привилегированный классъ ея. По этому, надо во-первыхъ, оградить отъ всякаго затрудненія и стѣсненія свободный доступъ въ эти заведенія для всѣхъ и каждаго, такъ наприм. надобно воспретить и отвергнуть впускъ по извѣстнымъ только билетамъ, хотя бы и не именнымъ, и вообще всякія формальности, какъ бы ничтожны онѣ не казались. Двери „храма музъ“ должны быть широко отверсты для всѣхъ. Но я полагаю однако полезнымъ условіемъ установленіе какой-нибудь обязательной платы за входъ (сколь бы ограничена она ни была), — и это не ради собственно экономического расчета. Другаго рода соображенія приводятъ насъ къ этому заключенію. Надо чтобы на посѣщеніи музея народъ приучился смотрѣть какъ на нѣчто серьезное: чтобы онъ чувствовалъ что идетъ туда не для прогулки только, не для того только чтобы погрѣться, — а за какимъ-то дѣломъ, за чѣмъ-то, что для него болѣе или менѣе нужно, за что справедливо слѣдовательно заплатить, и входная плата служить ему въ этомъ напоминаніемъ. Я хочу, чтобы плата эта была самая умѣренная, сравнительно ничтожная даже — такъ чтобы она никому не мѣшала идти въ музей, но чтобы она вездѣ существовала. Я знаю, что иду въ этомъ случаѣ противъ повсемѣстно принятаго принципа бесплатности, но остаюсь съ твердымъ убѣжденіемъ при своемъ мнѣніи.

Съ такимъ условіемъ, двери музеевъ должны быть открыты всегда, или по крайней мѣрѣ, на сколько по мѣстнымъ обстоятельствамъ возможно, наибольшее число дней въ году и наибольшее число часовъ каждый день, не исключая и вечеровъ. Одно ограниченіе, которое необходимо имѣть въ виду, это чтобы постоянное открытіе музея для общей массы публики, не препятствовало и не мѣшало болѣе специальнымъ занятіямъ и ученымъ работамъ, а въ музеяхъ изящныхъ искусствъ копированію и срисовыванію. Это условіе конечно нельзя упускать изъ виду и интересы серьезныхъ работниковъ должны быть ограждены вполне и достаточно, — но едва ли это можетъ быть подведено подъ какую-нибудь общую регламентацію, или общее правило. Въ каждомъ частномъ случаѣ, рѣшеніе должно подчиняться мѣстнымъ требованіемъ и дѣйствительной надобности.

Опытъ показываетъ, что вездѣ, гдѣ допущено вечернее открытіе музеевъ, это ведетъ къ значительному увеличенію числа посѣтителей, привлекая многихъ, которымъ дѣла и занятія не позволяютъ посѣщать ихъ днемъ. Въ особенности, при нашихъ короткихъ зимнихъ дняхъ, это еще нужнѣе допустить чѣмъ гдѣ-либо. Нѣтъ сомнѣнія также, что для публичныхъ библиотекъ и музеевъ электрическое освѣщеніе указываетъ самымъ существомъ дѣла и становится почти непремѣннымъ условіемъ, не потому только что оно удобнѣе и дѣйствительнѣе другихъ системъ, а потому также, что относительно пожара представляетъ *minimum* опасности, — во всякомъ случаѣ менѣе, чѣмъ какое бы ни было отопленіе, — безъ котораго однако при нашихъ климатическихъ условіяхъ обойтись никакъ нельзя.

Освѣщеніемъ, какъ искусственнымъ, такъ и дневнымъ, не слѣдуетъ скупиться. Всѣ предметы, выставленные въ музеѣ, должны быть такъ размѣщены и освѣщены, чтобы они были всегда и для всѣхъ хорошо и ясно видимы со всѣхъ сторонъ. Какъ экономія въ освѣщеніи, такъ и экономія мѣста должны быть одинаково порицаемы. Предметы, недостаточно освѣщенные или заслоняющіе одинъ другого, размѣщенные въ разныхъ темныхъ углахъ или такъ высоко, что ихъ никто не можетъ рассмотреть, ни для кого не полезны, и если это не можетъ быть измѣнено, то гораздо основательнѣе оставить ихъ въ складахъ и кладовыхъ, чѣмъ заграждать ими бесполезно залы музея. Необходимость достаточнаго и полнаго свѣта надо постоянно имѣть въ виду не только при устройствѣ освѣщенія, но и въ самомъ началѣ, при постройкѣ или выборѣ зданій для музеевъ.

Надобно также, чтобы посѣтители музея могли рассчитывать на нѣкоторый законный комфортъ, который долженъ прежде всего заключаться въ соответственномъ числѣ хотя незатѣйливой, но удобной и покойной мебели. Не надо забывать, что изъ всѣхъ положеній человѣческаго тѣла, продолжительное стояніе на ногахъ одно изъ самыхъ утомительныхъ, и надо заботиться о томъ, чтобы посѣтитель, заплативъ однажды входную плату, не подвергался бы въ музеѣ не нужному стѣсненію и физической мукѣ, а чтобы напротивъ того, вся обстановка располагала его не спѣшить скорѣе вонъ, а оставаться въ музеѣ какъ можно болѣе времени. Если мы хотимъ чтобы публика не ограничивалась празднымъ „глазѣньемъ“ на выставленные вещи, а уносила съ собою что-нибудь болѣе быстро-преходящихъ поверхностныхъ и смутныхъ впечатлѣній, — то надо дать посѣтителю возможность оставаться долго и неспѣша осматривать видимое, дѣлать на мѣстѣ замѣтки, справляться съ книгою, которую онъ можетъ принести съ собою, и проч. т. п., — а какъ же это дѣлать, если можно только „торчать“ на ногахъ, и „не къ чему даже приткнуться“? Въ нѣкоторыхъ музеяхъ за границею заведены также простые и недорогіе буфеты или рестораны, что безъ сомнѣнія весьма хорошая мѣра. Посѣщая много лѣтъ эти музеи, я не замѣтилъ ни одного случая злоупотребленія или неудобства отъ этого. Напротивъ того, практическая полезность подобныхъ ресторановъ доказывается тѣмъ, что публика ими охотно пользуется, и на примѣръ, въ Лондонѣ, въ Британскомъ или Кенсингтонскомъ музеѣ, приходится иногда, въ нѣкоторые часы, искать или ждать свободнаго мѣста. Все это служитъ къ тому, чтобы посѣтители не вынуждены были сокращать свои посѣщенія, а чтобы напротивъ того все располагало ихъ оставаться въ музеѣ какъ можно долѣе. Для конечнаго результата не такъ важно чтобы музей имѣлъ наибольшее число посѣтителей, какъ то, чтобы посѣтители проводили въ немъ болѣе времени, чтобы впечатлѣнія и поученіе, которыя они могутъ находить въ музеѣ, глубже въ нихъ запечатлѣвались и чтобы посѣтители уносили ихъ съ собою, а не оставляли, какъ часто дѣлается, тутъ же, въ передней, надѣвая свои галоши и пальто.

Подобно тому, какъ для археологіи страны дѣломъ первостепенной важности надо считать составленіе археологическаго инвентаря, такъ и въ устройствѣ музеевъ первую роль играетъ составленіе хорошихъ, толковыхъ и удобныхъ *каталоговъ*. Объ этомъ и не нужно бы было говорить, если не для того чтобы только замѣтить, какъ рѣдко

можно встрѣтить каталогъ, удовлетворяющій своему назначенію и цѣли, — потому вѣроятно, что дѣло это весьма нелегкое. Здѣсь не мѣсто входить въ большія подробности, но безъ помощи хорошаго каталога, все содержаніе музея для большей части посѣтителей остается мертвымъ и тайнымъ и потому предметъ этотъ такъ важенъ, что заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться. Прежде всего, не надо терять изъ вида, что каталогъ составляется для публики, т.-е. для непосвященныхъ, слѣдовательно онъ не долженъ ограничиваться простымъ перечисленіемъ предметовъ какъ инвентарь, назначенный только для контроля и провѣрки имѣющихся вещей. Нужно, чтобы о каждомъ предметѣ въ каталогѣ находились нѣкоторыя, хотя краткія и сжатые указанія относительно его происхожденія и значенія. Нужно также, чтобы каталогъ соотвѣтствовалъ размѣщенію вещей по мѣстамъ въ залахъ или помѣщеніяхъ музея, что при неизбежныхъ перемѣщеніяхъ или перестановкѣ предметовъ, вызываемой если не постоянно, то отъ времени до времени, поступленіемъ новыхъ предметовъ и другими неизбежными потребностями, исполнить довольно трудно. Каталогъ, который устарѣлъ или не соотвѣтствуетъ во всѣхъ пунктахъ установкѣ вещей, теряетъ довѣріе тѣхъ, кому приходится его употреблять и отвращаетъ ихъ отъ совѣщанія съ нимъ даже и въ томъ, въ чемъ онъ можетъ быть ничего еще не утратилъ изъ своей цѣны. Весьма желательно также, чтобы каждому каталогу была предпослана въ видѣ введенія или прибавлена въ формѣ заключенія, объяснительная записка объ общемъ характерѣ собранія и его научномъ значеніи, его особенностяхъ или недостаткахъ, и проч. Такія объяснительныя статьи, составленныя съ знаніемъ и талантомъ или самими кустодами и консерваторами, или другими, столь же компетентными лицами, приносятъ великую практическую пользу. Совмѣстить все это съ другими требованіями, напримѣръ, чтобы каталоги имѣли не слишкомъ громоздную и удобную для употребленія наружную форму, четкую печать и т. п., — не только не легко, а даже очень трудно.

Самою лучшею системою была бы такая, которая упразднила бы совсѣмъ необходимость каталога, или по крайней мѣрѣ сдѣлала бы справки съ нимъ на мѣстѣ и безпрестанное перелистываніе болѣе или менѣе толстой книги, — какими иногда бываютъ каталоги, — для посѣтителя не нужнымъ. Если бы каждая вещь или каждый предметъ имѣлъ при себѣ *объяснительный билетъ* или *надпись*, — хотя это и не исключаетъ вполне надобности въ каталогѣ въ формѣ книги, — но все же это было бы самою практичною и наиболѣе удовлетворительнымъ методомъ. Если же это практически вполне невозможно, въ особенности когда дѣло касается вещей очень малыхъ размѣровъ, то по крайней мѣрѣ надобно стремиться къ тому чтобы, если не каждая вещь, то хотя каждая группа вещей, расположенныхъ вмѣстѣ въ одной общей витринѣ, имѣла бы соотвѣтствующій билетъ или надпись, которыя не оставляли бы не разъясненною для посѣтителя никакой загадки относительно ихъ значенія и происхожденія. Весьма полезнымъ дополненіемъ для той же цѣли можетъ служить если въ распоряженіе публики въ каждой комнатѣ или залѣ будетъ предоставлено нѣсколько *ручныхъ каталоговъ* содержамаго въ этой комнатѣ или залѣ, напечатанныхъ въ удобной формѣ, наприм., въ видѣ отдѣльныхъ таблицъ или дощечекъ. Всѣ эти подробности здѣсь могутъ показаться несовсѣмъ умѣстными, и не для того чтобы обсуждать и искать разрѣшенія затрудненій,

которыя они могут представлять, позволяю я себѣ упоминать о нихъ, а только въ виду важнаго значенія мелкихъ подробностей, для того, чтобы помочь раскрыть непосвященной публикѣ часто недоступныя для нея содержаніе и поучительный смыслъ музея, — сблизить и породнить публику съ музеемъ. Имѣя постоянно эту цѣль въ виду, не забывая никогда что музей существуетъ и устраивается для этой публики, — при непрестанномъ вниманіи къ упомянутымъ и другимъ мелочамъ, — если при этомъ будетъ также имѣться достаточное число знающей и предупредительной *прислуги*, готовой хотя до нѣкоторой степени отвѣчать на вопросы и удовлетворять любознательности проходящихъ, — можно надѣяться, что музей будетъ до нѣкоторой степени поставленъ въ тѣ условія, которыя требуются для того чтобы онъ былъ практически полезенъ для публики и исполнялъ свое образовательное назначеніе не на словахъ только. Необходимо также чтобы надъ всѣмъ этимъ былъ установленъ близкій, бдительный и регулярный *надзоръ* (къ чему у насъ менѣе всего привыкли), чтобы напримѣръ, одинъ изъ хранителей или помощниковъ хранителя музея находился безотлучно на мѣстѣ во время открытыхъ часовъ и былъ бы доступенъ и готовъ отвѣчать на вопросы и содѣйствовать своими личными указаніями и объясненіями тѣмъ изъ посѣтителей, для которыхъ краткія по необходимости указанія каталоговъ или отвѣты малоученыхъ сторожей могутъ быть недостаточными.

Я льщу себя надеждой что никто, ни изъ публики, посѣщающей музей, ни изъ ихъ ревнителей, не найдетъ этихъ мѣръ безразсудными или слишкомъ требовательными. Но я позволяю себѣ итти нѣсколько далѣе и прибавить, что всѣми этими мѣрами не исчерпывается еще все, что музеи могутъ и должны бы были давать въ образовательномъ или дидактическомъ направленіи, а старанія объ учрежденіи музеевъ и не малыя труды и денежныя затраты, съ которыми сопряжено ихъ составленіе, устройство и содержаніе, не будутъ оправданы, если изъ музеевъ не будетъ извлекаться вся практическая польза, какая можетъ быть изъ нихъ извлечена. Скоплять богатства, хлопотать о ихъ сохраненіи и приращеніи — очень хорошо, но оставлять эти богатства не производительными какъ мертвый капиталъ въ сундукахъ или складахъ, не дѣлая изъ нихъ употребленія, или не извлекая изъ нихъ всего что можно извлечь, — „зарывать талантъ въ землю“, — этого уже никто и ни съ какой точки зрѣнія не можетъ одобрить. Вотъ почему мнѣ не кажется безразсуднымъ требовать чего-нибудь болѣе чѣмъ только широкаго открытія дверей музеевъ для публики. Конечная цѣль наша не можетъ быть одно тщеславное желаніе хвастать тѣмъ что мы имѣемъ музей, хорошо, и положимъ даже лучше чѣмъ у другихъ устроенные. Конечная цѣль музеевъ вліять на образованіе массъ, и если мы убѣждены въ возможной благотворности этого вліянія „для *счастія*, здороваго и правильнаго развитія подрастающаго поколѣнія“, — то мы обязаны сдѣлать нѣчто болѣе, сдѣлать шагъ впередъ на встрѣчу публикѣ, стараться привлечь ее къ музею. Въ этомъ отношеніи, слѣдовало бы поощрить учрежденіе и организованіе *ученыхъ прогулокъ* въ каждомъ музеѣ. Въ извѣстные часы каждый день, или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторые дни недѣли, тотъ или другой изъ хранителей музея, ихъ помощниковъ, или постороннихъ лицъ, компетентность которыхъ рекомендуетъ ихъ для такой дидактической роли, долженъ бы былъ обходить залы музея, толкуя и объясняя

выставленные предметы и обращая вниманіе слушателей на то, что особенно того заслуживаетъ.

„... Museums are the *best text books*; but in order that they should be effectively studied, they require to be *explained by competent teachers*“ (E. Forbes, Op. cit.).

Не менѣ важнымъ и необходимымъ дополненіемъ къ каждому музею, если онъ не осужденъ быть только какою-то „кунсткамарою“, неосмысленнымъ и мертвымъ „собраніемъ рѣдкостей“,— должна быть хорошая специальная или справочная *библиотека*, тѣсно связанная съ содержаніемъ музея и областію той науки, къ которой онъ относится. Не нужно, и было бы большою ошибкой давать слишкомъ общее, энциклопедическое направленіе и слишкомъ обширныя размѣры этой библиотекѣ. Тѣсно-спеціальный и справочный характеръ долженъ составлять ея особенность; она никакъ не должна забираться въ область публичныхъ библиотекъ, а должна служить единственно вспомогательнымъ средствомъ для цѣлей музея, какъ для облегченія занятій самыхъ консерваторовъ, такъ и для занятій болѣе серьезной части публики, или тѣхъ лицъ изъ ея числа, которыхъ любознательность не удовлетворяетъ поверхностный обзоръ выставленныхъ предметовъ и указанія, которыя они могутъ заимствовать въ каталогахъ или слышать во время упомянутыхъ дидактическихъ прогулокъ, или которыя чувствуютъ желаніе и надобность болѣе глубокаго изученія и самостоятельнаго труда. Библиотека должна быть снабжена удобствами для серьезныхъ занятій, причемъ конечно должна быть также принята какая-нибудь мѣра чтобы оградить серьезныхъ работниковъ отъ излишняго наплыва праздныхъ любопытныхъ. Для этой цѣли, по опыту въ другихъ мѣстахъ, кажется достаточнымъ установить требованіе особыхъ билетовъ, которые должны впрочемъ выдаваться самымъ либеральнымъ образомъ, безъ различія лицъ и сословій, но за особую, хотя весьма умѣренную и незначительную плату. Кто видѣлъ, съ какимъ рвеніемъ и усердіемъ посѣщаются подобныя библиотеки при музеяхъ, гдѣ онѣ устроены и открыты для публики, тотъ не можетъ сомнѣваться въ цѣлесообразности и практической ихъ полезности.

Все вышесказанное представляется какъ необходимыя условія для всякаго разумно и благо-устроеннаго музея, и только при соблюденіи этихъ условій, музеи могутъ исполнять свою образовательную роль и имѣть то благотворное вліяніе на развитіе и просвѣщеніе массъ, которое имъ приписываютъ. Можно конечно къ этому прибавить еще нѣкоторыя дополнительныя требованія или желанія, какъ наприм., устройство при музеяхъ *аудиторій*, въ которыхъ читались бы *лекціи*, популярнаго или болѣе научнаго, классическаго характера, по отраслямъ наукъ близко сродныхъ съ характеромъ и содержаніемъ самого музея, такъ чтобы это классическое преподаваніе шло рядомъ съ преподаваніемъ практическимъ, нагляднымъ и они взаимно пополняли бы и подкрѣпляли одно другое. Можно допустить конечно для нѣкоторыхъ, очень роскошно, на широкую ногу, устроенныхъ и не слишкомъ еще переполненныхъ музеевъ, чтобы чтеніе лекцій происходило въ самыхъ залахъ музея (и въ этомъ иногда могла бы быть своего рода выгода), но это представится возможнымъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ; по большей же части физически невозможно, ибо всѣ, даже самыя большіе музеи страдаютъ переполненіемъ и тѣсною. Съ другой стороны, при *отсутствіи преподава-*

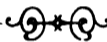
нія археологическихъ наукъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которое участие или содѣйствіе къ распространенію вкуса къ изученію археологіи дѣлается до нѣкоторой степени нравственно обязательнымъ для самого общества „охраны“, — какъ нѣчто очень близкое къ его интересамъ и сродное цѣли его учрежденія. Помимо матеріальнаго охраненія памятниковъ, лучшимъ залогомъ имъ цѣлости будетъ, — если этого можно достигнуть, — духовная охрана самого народа, если интересъ къ нимъ проникнетъ во всѣ слои общества, и если къ святынямъ народной и исторической, общество научиться относиться съ такимъ же благоговѣйнымъ уваженіемъ, какимъ окружена религіозная святыня народной церкви. И гдѣ же изученіе и преподаваніе археологіи можетъ быть болѣе умѣстнымъ, какъ при археологическихъ музеяхъ? — Съ этой точки зрѣнія, забота о распространеніи общихъ археологическихъ познаній и организаціи публичныхъ лекцій или чтеній при музеяхъ, составляетъ, на нашъ по крайней мѣрѣ взглядъ, одну изъ нравственныхъ обязанностей „общества“, отъ которой оно не можетъ уклониться, — а устройство удобныхъ помѣщеній для этой цѣли или аудиторій дѣлается необходимою принадлежностію вполне организованнаго музея.

Я позволилъ себѣ распространиться болѣе подробно объ устройствѣ музеевъ, чтобы показать что это устройство, даже въ самыхъ богатыхъ и лучшихъ изъ нихъ, оставляетъ еще очень многого желать¹⁾. Само собою разумѣется, что все это предполагаетъ значительныя издержки и денежные средства. На счетъ этого я не дѣлаю себѣ иллюзій. Но я думаю, что если хотя бы одинъ изъ главныхъ нашихъ музеевъ будетъ приведенъ въ такой порядокъ и устройство, которые могли бы считаться образцовыми, если образовательное его вліяніе и просвѣтительная дѣятельность, которая должны быть его конечною цѣлію, получать возможное развитіе, — то этимъ будетъ болѣе сдѣлано для пробужденія въ общественномъ мнѣніи симпатіи къ такого рода учрежденіямъ и желанія подражать, чѣмъ можетъ быть достигнуто заботами объ искусственномъ навязываніи музеевъ городамъ и обществамъ, которые сами объ этомъ не заботятся. Пусть лучше имѣющіеся въ такихъ городахъ и провинціяхъ историческіе памятники и артистическіе предметы будутъ только спасены отъ уничтоженія и исчезновенія; пусть они будутъ собраны въ сохранныхъ мѣстахъ, и коллекціи эти бережены какъ основной, неприкосновенный фондъ будущихъ музеевъ, которые не замедлятъ сами собою открываться во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ центрахъ

¹⁾ Да не будетъ это принято за крѣпкую и порицаніе существующихъ учреждений. Ничто не можетъ быть болѣе далеко и чуждо моего намѣренія. Я знакомъ и питаю глубочайшее уваженіе къ дѣятельности ихъ учреждителей и ревнителей, какъ самыхъ скромныхъ, такъ и тѣхъ, энергіи которыхъ мы обязаны созданіемъ нашихъ «богатырей-великановъ». Но я принадлежу къ «меньшой братіи» и знакомъ съ состояніемъ музеевъ какъ одинъ изъ обыкновенной толпы; мнѣ видны и осязательны тѣ стороны дѣла, которыя для высокопоставленныхъ лицъ и администраторовъ не существуютъ, нечувствительны и незамѣтны: по этому только мои замѣчанія и заслуживаютъ можетъ быть нѣкотораго вниманія, какъ голосъ изъ толпы, изъ того мелкаго, но многочисленнаго міра, для котораго трудятся великіе и знатные и для котораго устриваются пышные «музеи-богатыри». Желаніе мое состоитъ въ томъ, чтобы этотъ голосъ былъ услышанъ свыше, чтобы хотя одинъ изъ «богатырей» показалъ всю свою «богатырскую мощь» и пробудился — не скажу отъ «богатырскаго сна», ибо ничто не даетъ мнѣ права такъ выражаться, — но отъ игнорированія и забвенія мелочныхъ подробностей, которыя имѣютъ столь важное значеніе и препятствій, которыя было бы нетрудно устранить, обладая средствами. Какъ ни много сдѣлано, въ царствованіе покойнаго Императора, сооруженіемъ этихъ «музеевъ-богатырей», но все же позволительно думать что на этомъ не должно бы было становиться, и позволительно желать чтобы было сдѣлано еще не много болѣе.

населенія, какъ скоро интересъ къ нимъ и потребность въ нихъ проникнетъ въ убѣжденія большинства гражданъ.

Такова возвышенная цѣль, которая призываетъ къ осуществленію мысли объ образованіи большаго патріотическаго Общества, къ участию въ которомъ былъ бы призванъ всякій, въ комъ только бьется сердце любовью къ отчизнѣ, ко всему ея настоящему и прошедшему, не всегда можетъ быть свѣтлому и блестящему и безукоризненно привлекательному, но намъ дорогому, потому что оно *наше*, и часть этого прошедшаго, можетъ быть незнаемо и неосвязаемо, — живетъ въ насъ, и потому всѣ прошедшія проявленія народнаго духа, должны быть свято сохраняемы и ревностно изучаемы для нашего просвѣщенія и усвоенія себѣ этого духа, чтобы мы сами и потомки наши, въ земной своей дѣятельности, рождались безошибочно тѣмъ же народнымъ духомъ, которымъ крѣпко отечество наше и которымъ дышали дѣла нашихъ предковъ.

30340/c

f
DK 30 f
.A7 DK 30 Arkheologichesk-
v.7, pt. ii s"ezd
2
1887 2
1887

8057 B DEC 14 '71

f
DK 30 Arkheologichesk-
.A7 ii s"ezd
v.7, pt.
2
1887

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

UNIVERSITY OF CHICAGO

102 555 002